

А. И. Акрам

РЫЦАРЬ ПУСТЫНИ

Хāлид ибн ал-Валīд

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИЙ

А. И. Акрам

РЫЦАРЬ ПУСТЫНИ

Халид ибн ал-Валид

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИЙ

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
ЭПОХИ РАННЕГО ХАЛИФАТА**

Москва — Санкт-Петербург
«ДИЛЯ»

ББК 86.38
А 38

Lt. General A.I. Akram
THE SWORD OF ALLAH
Khalid bin Al-Waleed
His Life and Campaigns

Генеральный директор
издательства «ДИЛЯ» *И. С. Раимов*

Акрам А. И.

А 38 Рыцарь пустыни. Халид ибн ал-Валид. Крушение империй / Пер. с англ. — СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2009.

ISBN 978-5-88503-833-1

В книге в увлекательной форме рассказывается о событиях из истории военного искусства эпохи Раннего Халифата. В центре этих событий знаменитый воин, мусульманский полководец, ни разу не потерпевший поражения, — Халид ибн ал-Валид.

ISBN 978-5-88503-833-1

© «ДИЛЯ», 2009
© Оформление «Издательство «ДИЛЯ», 2009
© Перевод «Издательство «ДИЛЯ», 2009

Предисловие к русскому изданию

На начальных этапах жизненного пути многих исторических личностей жизнь не предвещает им ничего необычного. Однако в какой-то момент наступает необъяснимый с рациональной точки зрения поворот — вплоть до полного изменения их жизненной философии и взглядов. Это не только приводит к перелому в жизни одного человека, но имеет и более широкое историческое значение. Такие примеры особенно характерны в истории религии.

В истории христианства можно вспомнить в первую очередь Савла и блаженного Августина. Савл, римский солдат, участвовавший в избиении христиан, после явления ему Христа на пути в Дамаск стал апостолом Павлом — одной из наиболее значимых фигур христианства. Августин, сын богатых родителей, жизнь которого проходила в роскоши и довольстве, ушел от мира, соприкоснувшись с новым учением, которое заставило его переосмыслить свое место в мире, весь смысл его жизни.

Халид ибн ал-Валид является такой фигурой в исламе. Современник Мухаммада, происходивший из его же родного города — Мекки, Халид ибн ал-Валид был вначале ярым противником Пророка. Он принадлежал к курайшитам, с которыми Мухаммад находился в традиционном противостоянии, и был одним из наиболее успешных военачальников, выступивших против только что зародившейся религии. Он участвовал в битве при Ухуде, где войско, поддерживавшее Пророка, потерпело поражение. Но его обращение в новую религию было предопределено. Согласно Сунне, Мухаммад сказал как-то о нем: «Такой человек, как Халид, не сможет долго оставаться вне ислама». И однажды истина ислама предстала перед Халидом ибн ал-Валидом во всем своем неоспоримом величии и первозданной чистоте. Он стал одним из великих воинов ислама, несшим победное знамя новой религии как в Аравии, так и за ее пределами.

Личность Ибн ал-Валида многозначна и противоречива. О ее детальном и всеобъемлющем понимании нельзя было говорить до появления работы пакистанского исследователя генерал-лейтенанта Акрама. Его книга интересна с нескольких точек зрения. Во-первых, являясь военным по профессии, Акрам смог интерпретировать военную тактику походов, в которых участвовал Халид ибн ал-Валид, как профессионал, через призму истории войн и военного искусства. Во-вторых, в отличие от академических исследователей, которые в

основном опираются на материалы исторических хроник, Акрам дополнил данные письменных памятников результатами своих «полевых» исследований. Он лично посетил находящиеся в разных странах Ближнего Востока места боевых действий, в которых Халид ибн ал-Валид сыграл решающую роль. Таким образом, исследование Акрама — это не просто теоретическая работа: она подвергнута критическому анализу практики. Также немаловажно, что Акрам сам происходит с Востока и его взгляд — это взгляд изнутри мусульманской культуры. Кроме того, Акрам выходит за пределы собственно повествования о жизни Ибн ал-Валида и затрагивает более общие аспекты средневековой истории.

Работу Акрама можно рекомендовать не только тем, кто хочет понять саму личность Халида ибн ал-Валида в ее противоречивости и исторической значимости, но и тем, кого интересует весь спектр вопросов, относящихся к зарождению и первым векам ислама.

Т. А. Шумовский, доктор исторических наук, востоковед-арабист, автор 70 научных трудов Санкт-Петербург, декабрь 2008 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ Индж

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Мусульманская история полна великих военных достижений и славных воинских подвигов. В историю военного искусства огромный вклад внесли битвы за Ислам благодаря своему блеску и победоносности. Широко известны мужество и умение одаренных мусульманских полководцев. Меч всегда занимал почетное место в культуре мусульман. И тем не менее в мире известно очень мало о военной истории Ислама. Ни один военный специалист не написал подробной истории знаменитых сражений с участием мусульман, потрудившись исследовать и тщательно восстановить факты. На самом деле не было даже серьезных попыток осуществить подобное исследование. Эта тема никем до сих пор не раскрыта.

Я осознал факт существования данного пробела в начале 1964 г., когда служил старшим инструктором в Штабном колледже (Кветта). Я всегда интересовался военной историей, преподавание которой входило в круг моих обязанностей в Штабном колледже, и чувствовал, что я, вероятно, был подготовлен к тому, чтобы попытаться восполнить этот пробел, лучше, чем многие военные-мусульмане. Для создания полной военной истории мусульман потребовалось бы написать несколько сотен томов, но можно было хотя бы положить ей начало; и я решил взяться за это трудное дело. Я решил начать с самого начала и описать военные походы Халида ибн ал-Валида (да будет Аллах им доволен).

Я обнаружил, что есть много материалов с информацией о битвах, в которых участвовали мусульмане на заре Ислама, но все они были на арабском языке. Далеко не все труды мусульманских историков были переведены на английский, а если переводы и существовали, то они не

всегда были точными, а порой и вовсе искали содержание оригиналов. Для проведения подобного исследования необходимо было овладеть языком, на котором были написаны исходные тексты. Поэтому я выучил арабский. Затем я собрал библиографию, состоявшую из трудов всех ранних историков, но не включил в нее книги авторов, живших позднее X века, как мусульманских, так христианских. Поскольку последние черпали информацию из трудов первых, я решил сосредоточиться исключительно на древних источниках и тем самым избежать влияния суждений и умозаключений более поздних авторов. Составить библиографию оказалось сравнительно легко, по-настоящему трудно было добывать нужные книги, потому что в Пакистане их не было, а в арабских странах они стоили весьма дорого. Однако решить данную проблему мне помогли друзья, которые проявили щедрость, приобретя необходимые для моих исследований книги и тем самым внеся свой вклад в реализацию проекта. Этими друзьями были мои студенты из Кветты: бригадир Маджид Хаджи Хасан из Иордании, бригадир Х. Ю. Бабар из Пакистана, майоры Наиф Аон Шараф и Абд ал-Азиз аш-Шайх из Саудовской Аравии. Таким образом в моем распоряжении оказалась великолепная библиотека, состоявшая из трудов ранних мусульманских историков. После приобретения этих документов стало возможным начать мое исследование.

Одной из самых серьезных проблем, возникающих перед каждым исследователем, приступающим к подобного рода работе, является отсутствие географических привязок. География — это физическая основа военной стратегии, и невозможно написать достоверную военную историю без достаточно точного знания географических условий соответствующего времени. Мне посчастливилось приобрести два великолепных географических труда раннемусульманского периода: «ал-А'лак ан-нафиса» Ибн Русты и «ал-Булдан» Ахмада ибн Йа'куба, которые достаточно подробно характеризуют физическую и политическую географию того периода. Эти работы позволили мне реконструировать особенности рельефа местности и точно установить положение многих пунктов, которые не существуют в настоящее время. Мне потребовалось затратить несколько недель на напряженное исследование, чтобы разрешить имевшуюся проблему и подготовить карты, которые вошли в эту книгу.

В создании карт мне помогли бригадир Маджид Хаджи Хасан из Иордании и бригадир Х. Ю. Бабар из Пакистана. И, кроме того, мою задачу значительно облегчил атлас Ирака, составленный д-ром

Ахмадом Сусой из Багдада, — великолепный результат кропотливой работы; в атласе приведены данные не только по Ираку, но и по сопредельным территориям.

Хотя столпами исторической литературы в первые несколько веков мусульманской эры были почти исключительно мусульмане (как и мастера практически всех литературных жанров), мне хотелось изучить и труды некоторых ранних западных историографов, чтобы узнать и их версии событий, особенно связанных с приходом Ислама в Сирию. Мне удалось установить имена двух византийских историков, а именно Никифора и Феофана, живших в конце VIII — начале IX веков, но, к сожалению, я не смог найти переводов их трудов на известные мне языки. Поэтому я решил взять за основу западной концепции точку зрения знаменитого Эдварда Гиббона, работа которого «История упадка и разрушения Римской империи», вне всякого сомнения, является фундаментальным вкладом в историческую науку, несмотря на свойственные автору анти-мусульманские предрассудки. Указанная работа дает лишь самое общее представление о вопросе, но в условиях отсутствия других надежных, обстоятельных западных источников мне пришлось удовлетвориться и этим.

Избегая по вышеупомянутым причинам рассмотрения всех книг, написанных после X столетия, я, тем не менее, проштудировал труды некоторых более поздних авторов, чтобы получить дополнительные сведения географического характера, поскольку иначе я не мог собрать данные, которые обеспечили бы достоверный характер этой книги. Я часто пользовался знаменитой «Му'джам ал-булдан» Йакута, ученого, жившего в XII-XIII вв. А из публикаций XX столетия величайшую помощь мне оказал «Средний Евфрат» Алоиса Музиля, чешского исследователя, который много путешествовал по Ираку и Сирии в 1910-е гг. и провел тщательное исследование географии региона, по которому протекает Евфрат.

Завершив изучение вышеуказанных книг и работу над черновиком текста, я подал прошение об отпуске, и в начале августа 1968 г. покинул Пакистан. Сначала я провел некоторое время в Европе, в основном в Лондоне, разыскивая материалы о военных походах мусульман против Византийской империи. Я не смог разыскать ни одного английского перевода ранних западных авторов, но все же обрел кое-какую полезную информацию в библиотеке Британского музея.

В конце августа я прилетел в Бейрут и отправился в поездку по местам боевых сражений Халида ибн ал-Валида. Мне предстояло увидеть земли, по которым проходил Халид, места, где он давал

сражения. В Ливане у меня не было другой задачи, кроме как обнаружить местоположение Абу-л-Кудса — места, где Халид спас попавшую в окружение колонну мусульманской армии. После нахождения этого места я наземным транспортом добрался до Сирии.

В Сирии я побывал во всех городах, которые были связаны с Халидом, — в Дамаске, Эмессе, Тадморе, Алеппо. Я увидел все те места, в которых воевал Халид, и установил истинное положение всех остальных пунктов, упоминаемых в части IV этой книги. В Дамаске я видел стены крепости, следы которых всё еще видны, за исключением западной части, где от них ничего не сохранилось. Я также видел шесть ворот, которые сохранили те названия, которые носили при Халиде; однако внутренняя часть крепости изменилась до неузнаваемости. Во время пребывания в Дамаске я воспользовался возможностью посетить весьма впечатляющий Национальный музей и ознакомиться с весьма полезными материалами, которых не было в моей личной библиотеке.

В Эмессе я выполнил свой священный долг, посетив (это было почти паломничество) Мечеть Халида ибн Валида. Мне на всю жизнь запомнилось, как я стоял перед могилой великого воина, человека, о котором думал, читал и писал в течение четырех лет. Погруженный в размышления, я около часа просидел в мечети рядом с могилой Халида. Затем я поднялся, сотворил два молитвенных рак'ата и попросил Господа даровать нынешним мусульманам победы, достойные тех, которые Он даровал Халиду, пусть они и не заслуживают этого так, как он.

Одним из самых интересных дней в период моего пребывания в Сирии оказался тот, когда я отправился на поиски завоеванного Халидом Кинасарйна (древнего Халциса), где завершилась его военная карьера. В Алеппо многие слышали о Кинасарине и знали, что он находится неподалеку от этого города. Он также был отмечен на археологических картах как место, где находятся древние развалины. Однако никто не знал, где именно он располагается и как в него попасть, ибо никто не помнил, чтобы хоть кто-то приезжал, чтобы посмотреть Кинасарайн. Я договорился с таксистом, и мне повезло найти в городе бедуина (человека, которого я принял за обычного крестьянина), который жил в паре миль¹ от Кинасарйна и приехал погостить в Алеппо. Я решил подбросить его до родной деревни, а там он показал мне, как добраться до Кинасарйна. Мы ехали по хорошей дороге на Зарбу, что в 14 милях к юго-западу от Алеппо, а потом, следуя указаниям бедуина,

¹ 1 миля = 1,609 м.

свернули с дороги на узкий проселок, который вскоре стал таким разбитым, что машина с трудом пробиралась по нему. Преодолев таким образом миль пять, мы добрались до деревни бедуина, где он попросил высадить его из машины и велел нам «продолжать ехать вокруг холма», чтобы попасть в Кинасарин. Мы с водителем обогнули на машине холм и не только нашли Кинасарин, но и выехали на ту самую дорогу в нескольких милях от деревни! Кинасарин (точнее, то место, где он находился, потому что от Кинасарина ничего не осталось) на самом деле расположен на этой дороге, и мы могли бы подъехать прямо к нему, но были вынуждены сделать огромный крюк, чтобы завезти бедуина в деревню. Хитрый бедуин! Однако он был симпатичным человеком и оказал мне услугу, благодаря которой я оказался в двух милях от Кинасарина; ведь если в окрестных деревнях всем было известно, где находится Кинасарин, в Алеппо об этом не знали.

Самой важной из моих поездок по местам боевых сражений в Сирии была поездка в Йармук. Это запретная зона, расположенная рядом с линией прекращения огня, и иностранцам запрещено там появляться. Однако благодаря помощи нашего посла, г-на А. А. Шайха, правительство Сирии разрешило мне побывать в любом месте этого района, которое я пожелаю увидеть. И не только. Сирийская армия предоставила мне транспорт для поездки по пересеченной местности и сопровождающего офицера, который хорошо знал этот район и оказался замечательным гидом. Поэтому, вооружившись компасом и картой, я смог потратить много часов на тщательное обследование места знаменитого сражения. Я проехал по всей длине тогдашней линии фронта, обследовал наиболее выгодные точки и полюбовался Йармукским ущельем с северного берега. Я не смог увидеть Вади ар-Раккад, потому что по нему проходила линия прекращения огня, но из деревни Шаджара, расположенной в трех милях от ущелья, я смог хорошо осмотреть местность, на которой развернулась заключительная кровавая фаза этой битвы.

Из Йармука я вместе с моим сопровождающим отправился в Басру, осмотрел знаменитую крепость, изучил местность, прилегавшую к Басре, а затем вернулся в Дамаск.

В Сирии, этой прекрасной стране с богатейшей историей, я провел почти две недели. Благодаря поддержке нашего посла и первого секретаря посольства, г-на Фазала Рахима, мои поездки по Сирии были легкими и приятными, 13 сентября я уехал на такси в 'Амман.

По прибытии в Иорданию я обнаружил, что человек из Пакистана не является там полным чужаком. В самом деле, ни в одной стране мира

кроме Иордании отправившийся за границу пакистанец не чувствует себя так, как дома. Местные жители проявляют исключительное, небывалое гостеприимство по отношению к пакистанцам. Я находился в Иордании в качестве гостя иорданской армии, и мне были предоставлены все возможности для того, чтобы увидеть то, что я хотел посмотреть, за что я искренне признателен начальнику Главного штаба, генералу 'Амйру Хаммашу. И я также в большом долгу перед моим бывшим студентом, бригадиром Маджидом Хаджи Хасаном, который взял на себя все хлопоты по организации программы моего визита и проследил за тем, чтобы он был как можно более результативным.

Я провел целый день, исследуя поле битвы при Йармуке, начиная с южного берега реки Йармук. Это было дополнением к той разведке на местности, которую я провел ранее с сирийской стороны. Я побывал в Фахле и увидел долину реки Иордан, где разыгралась битва при Фахле. Я проехал до Му'ты и прошел там, где, как считается, состоялось сражение, а сейчас в центре этого места строится новая красивая мечеть. Как ни странно, несколько человек в этой области утверждают, что им были видения о битве при Му'те, — они видели, как передвигались войска, слышали звуки боя, — и я лично встречался с двоими из тех, кто говорил, что у них были подобные видения. В Мазаре, расположенном в двух милях от этого места, находятся могилы трех мусульманских военачальников, принявших мученическую смерть в этой битве, и я побывал на их могилах и помолился у каждой из них.

Моя поездка в Иорданию завершилась 21 сентября 1968 г., когда я улетел в Багдад с пересадкой в Бейруте, увозя с собой воспоминания об интересном и приятном пребывании в маленькой стране с великой душой.

В Багдаде я выяснил, что все было готово к моей поездке по Ираку благодаря заботам военного атташе, полковника Х. М. И. Амина. Правительство Ирака с одобрением и братскими чувствами откликнулось на мой проект написать книгу о завоеваниях Ислама, и министр культуры и образования, г-н 'Абдаллах ас-Салум, уже дал распоряжения о том, чтобы мне были созданы все условия для того, чтобы я увидел в Ираке все, что захочу. Эта официальная поддержка оказалась неоценимой. Мне были предоставлены транспорт и сопровождающий офицер, д-р Мухаммад Бакир ал-Хусайн, оказавшийся превосходным гидом и спутником.

Сначала я провел неделю в Багдаде, работая в библиотеке Багдадского музея и беседуя с группой выдающихся иракских

специалистов — д-ром Салихом Ахмадом ал-'Али, д-ром Ахмадом Су сой (я уже упоминал составленный им атлас) и г-ном Фу'адом СаФаРом. Эти беседы, посвященные вопросам истории и географии, оказались весьма полезными для меня. Однако моя задача — определить места сражений в Ираке — оказалась значительно сложнее, чем в Сирии и Иордании, поскольку в тех странах Халид давал сражения близ больших городов и на хорошо изученных равнинах, которые может осмотреть любой желающий, а в Ираке его битвы происходили в основном у мелких городков, которые давно исчезли с лица земли. Более того, реки Тигр и Евфрат, ведущие себя наподобие непредсказуемых женщин, много раз самопроизвольно меняли свои русла, тем самым меняя географию областей, по которым они протекают. Это создает значительные трудности при решении задачи, связанной с точным определением местоположения населенных пунктов, находившихся на их берегах.

И все же, по милости Божьей, мне удалось добиться значительных успехов. Я отправился в многодневную экспедицию, обследовав сначала окрестности Багдада, а затем — окрестности Куфы, и проехал сотни миль по пустыне и полям. Я определил места всех боев Халида и побывал на них, за исключением тех мест, где он сражался после взятия 'Айн ат-Тамра, поскольку эти населенные пункты сейчас не существуют и невозможно точно сказать, где именно они находились. Затем я отправился в Басру и посетил Мазар (ныне ал-Азайр) и места, где находились 'Убалла и Хуфайр, от которых теперь не осталось и следа.

Так завершилось мое длившееся две с половиной недели пребывание в Ираке — пребывание, которое стало таким интересным и приятным благодаря гостеприимству полковника Амина. 8 октября 1968 г. я выехал в Кувейт.

В Кувейте у меня было мало дел. Я определил местоположение Казими, где разыгралось первое сражение Халида с персами, и посетил этот пункт (на самом деле от Казими осталось не так уж много). Через два дня после приезда из Ирака я вылетел в Пакистан. За шесть с небольшим недель, проведенных на Ближнем Востоке, я проехал около 4000 миль.

В течение четырех последующих месяцев я нес свою службу, в свете информации, полученной мной во время поездки, переписывая материалы о кампаниях Халида на территориях Ирака и Сирии. Затем, в начале февраля 1969 г., я вновь отправился в пустыню, чтобы завершить то, что еще оставалось сделать; 4 февраля я вылетел в Джидду, где в аэропорту меня встретили наш военный атташе,

полковник Нур ал-Хакк, и представители армии Саудовской Аравии. Полковник Нур ал-Хакк проинформировал саудовское правительство о моем приезде и его целях, и с присущим арабам гостеприимством правительство Саудовской Аравии пригласило меня быть его гостем. Я с радостью воспользовался этим предложением, и это принесло огромную пользу, так как без официальной поддержки мои разъезды по обширным территориям Саудовской Аравии оказались бы попросту невозможными. Действительно, во время поездок по песчаным дорогам и бесплодным пустыням я все больше и больше проникался чувством признательности к властям Саудовской Аравии, в особенности к военным властям, потому что без их поддержки мне никогда не удалось бы осуществить тщательное обследование этих мест боевых действий.

Все мои поездки были обеспечены армией, и мне придали сопровождавшего меня офицера, капитана 'Абд ар-Рахмана ал-Хаммада, интеллигентного молодого человека, который оставался моим помощником и спутником в течение всех пяти недель пребывания в Саудовской Аравии.

Вскоре после приезда я совершил 'умру в Мекку, а затем вылетел в Эр-Рияд. Я решил сначала посетить северную часть Аравийского полуострова, поскольку там мне предстояло обследовать значительно большую территорию, и я чувствовал, что лучше поскорее справиться с этим делом, чтобы оставить напоследок более легкую задачу обследования сравнительно более известных мест боевых действий в районах Мекки и Медины. Поэтому сначала мне предстояло увидеть те места, где Халид сражался с вероотступниками, места тех сражений, о которых рассказывается в части II этой книги.

Я пробыл три дня в Эр-Рияде, в течение которых каждое утро посвящал обследованию места сражения при Йамаме, а затем двинулся по дороге на Бурайду. Затем я выехал в Ниббадж (современная Набкийя) и Бутах. 12 февраля я вылетел в Хайл, удивляясь тому, что все случившееся здесь в прошлом могло произойти. Там я провел три дня, в основном разъезжая по пустыне, и посетил несколько мест боев Халида с вероотступниками. О сложностях этих поездок можно судить хотя бы по тому, что для того чтобы, выехав из Хайла, посетить Самиру и Гамру, расположенные по соседству, мне пришлось сделать 200-мильный крюк по пустыне и пересеченной местности, который занял 10 утомительных часов и заставил нас наглотаться пыли. А сложность определения мест заключалась еще и в том, что я должен был ориентироваться по карте с масштабом 1:1 000 000.

Обратно в Эр-Рияд я вылетел 15 февраля, а на следующий день вернулся в Джидду. Так начался второй этап моего путешествия, во время которого мне предстояло обследовать район Мекки.

Затем, 17 февраля, я на сутки заехал в Та'иф и посетил мечеть, построенную на том месте, где во время осады Та'ифа находился мусульманский лагерь. Я не нашел никаких признаков развалин, которые могли бы указать на местоположение крепости Та'иф, но воспользовался возможностью посетить ряд мест, связанных с маршрутом, по которому двигался в Та'иф Святой Пророк. Затем я вернулся в Джидду, с сожалением расставшись с Та'ифом, так как это очень приятное место, в котором царила замечательная прохлада.

Целый день я посвятил битве при Хунайне, и этот день показался нескончаемо долгим. На картах указывается дорога, ведущая к долине Хунайна и через нее. Когда-то, до того как было построено современное шоссе, это была главная дорога из Мекки в Та'иф, но сейчас она не используется, а недавно прошедшие дожди ее не пощадили. Поэтому мне частенько приходилось ехать по песчаным и каменистым руслам долины, и если бы не внедорожник, то я не смог бы пересечь эту долину. К счастью, мне это удалось, и я смог тщательно обследовать долину, в которой состоялось сражение.

Затем я посвятил день знакомству с самой Меккой, чтобы осуществить привязку к местности плана вхождения мусульман в Мекку. С тех пор как зародился Ислам, Мекка разрослась, превратившись в огромный город, и невозможно определить, где именно проходили ее границы во времена Пророка. И все же до нашего времени сохранились места, которые существовали и в те времена, и я увидел их все собственными глазами. Я также поднялся на холм абу Кубайс, находящийся примерно в двух милях к югу от Каабы, откуда открывался отличный вид на южные подступы к городу. Я даже попытался зарисовать эту панораму, но местность там настолько холмистая, что эта задача оказалась мне не по силам ввиду ограниченности моих художественных способностей, и мне пришлось довольствоваться составлением карты без учета холмов. Я не нашел крупномасштабных топографических карт, которые могли бы помочь мне в решении этой задачи, и я признаюсь, что из всех карт, приводимых в этой книге, я менее всего удовлетворен этой (карта 5). Возможно, другой автор, обладающий большими картографическими талантами, чем я, сумеет улучшить это достижение пехотинца.

Так закончился второй этап, завершилось изучение области Мекки. Настало время хаджжа, поэтому в конце февраля я в качестве гостя правительства Саудовской Аравии совершил паломничество,

исполнив сокровенное желание каждого верующего человека. Выполнив этот долг, 4 марта я выехал в Медину для завершения последнего этапа обследования полей сражений мусульман.

В Медине я критически обследовал места битвы при Ухуде и битвы у Рва, которые описаны столь подробно и столь известны, что было довольно просто привязать описания к местности. Я зарисовал панорамы различных холмистых рельефов, отраженных на картах в этой книге. Я также посетил Абрак, расположенный примерно в 70 милях от Медины, где халиф Абу Бакр разгромил вероотступников в малоизвестной битве при Абраке. Эта часть моего путешествия была организована майором Мухаммадом 'Абд ал-Хамидом Асадом, и у меня был самый лучший гид, которого только можно представить, — шайх Ибрахим ибн 'Али ал-Айаши, известный ученый и историк, познания которого в области ранней мусульманской истории и географии ошеломили меня.

После пятидневного пребывания в Медине я вернулся в Джидду, а затем, 11 марта 1969 года, вылетел обратно в Пакистан. Я покинул Саудовскую Аравию с чувством глубокой признательности за сотрудничество и помощь, оказанную мне правительством и вооруженными силами этого Королевства бескрайних пустынь, а также за гостеприимство всех тех жителей страны, с которыми мне довелось познакомиться. Я испытываю особенную признательность к его королевскому высочеству принцу Султану ибн 'Абд ал-'Азизу, министру обороны, любезно отнесшемуся ко мне как к гостю государства и тем самым сделавшему возможным то, что иначе оказалось бы практически невыполнимой задачей.

Вернувшись в Пакистан и передохнув после утомительных путешествий по Аравии, я глубоко погрузился в анализ многочисленных данных о сражениях Халида, которые мне удалось собрать. Я был бы весьма удивлен, если бы сумел посетить все эти места без посторонней поддержки, поскольку задача была весьма амбициозной, и я глубоко благодарен Всемогущему Господу за Его помощь, позволившую успешно осуществить этот проект. Мне пришлось дорого заплатить за это, потратив много сил, времени и денег; однако, оглядываясь назад, я радуюсь, что совершил это за свой счет, а не за счет доброго жертвователя (на самом деле подобные предложения были!). Это было моей данью Исламу, моим вкладом в мусульманскую литературу, моим скромным актом поклонения как одного из правоверных.

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы переписать рукопись набело, и в октябре 1969 г. отредактированный текст был отправлен в печать. Для осуществления всего проекта мне потребовалось более

пяти лет, считая от начала сбора материалов до подготовки публикации этой книги.

Данная книга посвящена вопросам истории, точнее, мусульманской военной истории. Она посвящена жизни и военным кампаниям одного из наиболее выдающихся воинов, каких только видел мир, — Халида ибн ал-Валида, героя-победителя, который никогда не ведал, что такое военное поражение. Адресуя книгу как неспециалистам, так и профессиональным военным, я избегал специальной терминологии и пытался писать просто.

Многое из того, о чем говорится в этой книге, неизвестно широкой публике; но каждое событие, каждая деталь соответствуют исторической правде. Каждый шаг, каждая схватка, каждый удар, каждая цитируемая фраза заимствованы из свидетельств ранних историков. При истолковании фактов мне иногда приходилось полагаться на собственные суждения, особенно в том, что касалось описаний сражений, однако я старался быть максимально объективным. В моих рассказах о сражениях и описаниях событий, происходивших в эти ранние, судьбоносные годы Ислама, я отдавал дань врагам Ислама, когда они этого заслуживали (а так бывало часто); и я указал ошибки, допущенные мусульманами (а их было немного).

Хотя все факты воспроизводятся по древним источникам, они не свободны от противоречий, поскольку существуют разные, расходящиеся одна с другой версии одних и тех же событий. Ранние историки точно записывали все версии конкретного события, даже если они прямо противоречили друг другу, предоставляя читателю выбрать то, что он считает правильным, замечая при этом: «И Аллаху ведомо о том лучше, чем кому бы то ни было!» Эти противоречия наиболее серьезно влияют на оценку Сирийского похода, в результате чего у читателя остаются сомнения по поводу того, как же именно проходила эта кампания и какова была хронологическая последовательность событий.

Я попытался снять эти противоречия, приводя одну понятную версию, которая кажется мне наиболее правдоподобной и логичной. Я не стал перегружать книгу подстрочными примечаниями, поясняя расхождения во мнениях между ранними хронистами, но привел в подстрочных примечаниях ссылки на исторические источники, из которых были позаимствованы диалоги или цитаты. Эти ссылки предназначены исследователям, а не широкому кругу читателей, которые вполне могут игнорировать их, если они не хотят углубить свои познания по данному предмету. Кроме того, в случаях существования серьезных и важных разнотечений я оговорил это в

приложении, помещенном в конце книги, чтобы удовлетворить запросы более требовательных читателей.

Некоторые описания сражений, особенно во второй половине книги, являются реконструкциями, но данные мной описания основываются на эпизодах и четких указаниях, приводимых ранними историками. Разница заключается в том, что ранние историки не стремились проанализировать стратегию и тактику, тогда как я ставил перед собой такую задачу, будучи не только историком, но и военным. Философия маневров и их анализ являются моим вкладом в описание каждого сражения. Все приводимые мною факты являются историческими. Это яркие цветы истории. Но я связал их собственной нитью, и получившаяся цветочная композиция является моим детищем.

Часть I этой книги, посвященная битвам во времена Пророка, может показаться читателю в большей степени военной биографией Пророка Мухаммада, чем Халида. Это неизбежно. В религиозных, политических, экономических, культурных и военных событиях, которые происходили на Аравийском полуострове во времена Пророка, определяющая роль всегда принадлежала Посланнику Аллаха, и ни один автор не может описать эти события, не отразив в своем труде колossalное влияние личности Мухаммада (да пребудет на нем благословение Аллаха) и того нового, что он принес как последний Посланник Господа. Кроме того, изучение военных кампаний Пророка важно для тех, кто желает проследить становление военного искусства на заре Ислама, от его первых ростков в Медине до сложных маневров Халида в Йармуке.

На страницах предисловия я упомянул многих, кто помогал мне в реализации этого проекта. Я хотел бы поблагодарить и множество других людей, однако размеры публикации не позволяют мне перечислить их всех поименно. Однако мне хотелось бы выразить признательность моей жене, рисовавшей и выверявшей карты и вычитывавшей рукопись, и моему секретарю 'Абд ал-Саттару Шаду, напечатавшему этот труд на пишущей машинке.

В заключение подчеркну, что задача книги — запечатлеть и поведать миру историю жизни и военных достижений Халида ибн ал-Валида. Хвала Аллаху, если книга выполнила свою задачу! Хвала Аллаху, даже если этого не свершилось!

А. И. Акрам Октябрь 1969 г., Равалпинди,
Западный Пакистан

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

После выхода в свет данной книги в начале 1970 г. я занялся дальнейшим изучением военной истории мусульман. Я отдавал этому занятию все свое свободное время. Моя вторая книга, «Мусульманское открытие Персии», вышла в начале 1976 г., а третья, «Мусульманское открытие Египта и Северной Африки», в настоящее время готовится к печати. Таким образом, у меня не было времени отслеживать успех издания, и, поскольку меня в течение трех с половиной лет не было в Пакистане, я не знал, что его тираж уже был раскуплен.

Многие друзья, пакистанцы и иностранцы, просили прислать им экземпляры этой книги, многие требовали издания ее дополнительного тиража. Переведенная на арабский и урду, она стала весьма популярной в мусульманском мире. Данный труд был моей первой книгой и, вероятно, останется моей любимой книгой, несмотря на наличие у меня амбициозных планов создания новых томов, посвященных мусульманской военной истории. Поэтому я решил осуществить второе издание.

В результате исследований, проведенных в связи с подготовкой моей второй книги, я раскопал много материалов, касающихся самого раннего этапа мусульманской истории, которые имели, хотя и незначительное, отношение к Халиду ибн ал-Валиду. Учитывая это обстоятельство, я не отправил виздательство изначальный текст книги, но дополнил его. Я тщательным образом отредактировал книгу. Таким образом, данное издание не представляет собой перепечатку первого, это дополненное и исправленное издание, и оно выходит в свет, сопровождаемое надеждой автора на то, что оно получит такой же теплый прием читателей, как и первое издание.

ПРИМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ АРАБСКИХ ИМЕН

Краткое пояснение относительно системы арабских имен поможет читателю разобраться в родственных отношениях, указываемых, именем. Это также поможет читателю понять, почему одного и того же человека называют по-разному.

У араба (и в некоторых арабских сообществах этот обычай по-прежнему доминирует) было три имени: первое было его собственным, личным именем, например Талха. Вторым было имя его отца, например 'Абдаллах, и в этом случае его называли Ибн 'Абдаллах, то есть «сын 'Абдаллаха». Третьим шло имя его сына, например Зайд, и в этом случае человека называли Абу Зайд, то есть отец Зайда. Таким образом, его могли называть Талхой, Ибн 'Абдаллахом или Абу Зайдом, причем последний вариант считался наиболее уважительным обращением к данному человеку. Поскольку отца также именовали в честь сына, то иногда сын мог носить имя типа Талха ибн Абу 'Усман, то есть Талха, сын отца 'Усмана (при этом 'Усман был братом Талхи). Человека могли называть даже Талха ибн Абу Талха, что в буквальном переводе означает Талха, сын отца Талхи. По-английски это может прозвучать странно, но по-арабски это звучит привычно и на самом деле весьма мило.

То же правило распространялось и на женщин. Девушку по имени Асма называли Асма бинт 'Абдаллах, то есть дочь 'Абдаллаха. А когда она становилась матерью, ее называли матерью ее сына или дочери, например, Умм Зайд, или мать Зайда.

Часть I

ВО ВРЕМЕНА ПРОРОКА

Глава 1

ДЕТСТВО

Халид и высокий мальчишка смотрели друг на друга пылающими очами. Они медленно двигались по кругу, не спуская глаз друг с друга, выбирая подходящий момент, чтобы наброситься на другого и стремясь предвосхитить любые уловки противника. В их глазах не было ненависти — в них читался дух непримиримого соперничества и непоколебимое желание победить. И Халид считал, что ему следует быть осторожным, потому что верзила был левшой и поэтому обладал преимуществом, которое имеют над противниками все левши.

Борьба была распространенной забавой среди аравийских мальчишек, и они часто дрались друг с другом. В этих драках не было ничего дурного. Это было развлечение, и мальчики обучались борьбе как одному из навыков, обязательных для мужчины-араба. Однако эти двое были самыми сильными и верховодили ребятами своего возраста. Это был, так сказать, поединок за звание чемпиона среди тяжеловесов. Мальчишки не уступали друг другу. Они были почти сверстниками, им было лет по тринадцать-четырнадцать. Оба были высокие и поджарые, их плечи и руки играли недавно оформившимися мышцами, а тела поблескивали на солнце капельками пота. Высокий парень был примерно на дюйм² выше Халида. А лицами они были до того похожи, что одного часто принимали за другого.

Халид швырнул высокого мальчишку на землю. Однако результат броска оказался не таким, как обычно. При падении паренька раздался отчетливо слышный хруст, и мгновение спустя его нога странно изогнулась, свидетельствуя о том, что произошел перелом кости. Поверженный недвижно лежал на земле, а Халид с ужасом смотрел на сломанную ногу приятеля и племянника. (Мать верзилы, Хантама бинт Хишам ибн ал-Мугира, приходилась Халиду двоюродной сестрой).

² 1 дюйм = 2,54 см.

Со временем перелом сросся, и нога высокого мальчишки вновь стала здоровой и сильной. Он вновь боролся с друзьями и вновь оказывался в числе лучших борцов. И наши двое мальчишек остались друзьями. Однако, несмотря на то что от природы оба они были разумными, сильными и волевыми, им обоим не хватало терпения и такта. Они продолжали соперничать друг с другом практически во всем, чем только ни занимались.

Читателю следует обратить внимание на этого верзилу, потому что ему предстояло сыграть важную роль в жизни Халида. Он был сыном ал-Хаттаба, и звали его 'Умар.

* * *

Вскоре после рождения Халида отлучили от матери в соответствии с обычаем, бытовавшим среди наиболее знатных курайшитских родов, и отправили в пустыню к бедуинам. Ему была подыскана кормилица, которая должна была выкормить и вырастить его. В ясном, сухом и чистом воздухе пустыни сформировались основы колоссальной физической силы и отменного здоровья, которое сохранилось у Халида на протяжении всей жизни. Пустыня, казалось, подходила для Халида, и он полюбил ее и чувствовал себя в ней, как дома. Его младенчество и раннее детство прошло среди арабов пустыни, а когда ему исполнилось пять или шесть лет, он вернулся в родительский дом в Мекке.

В детстве Халид переболел оспой, но болезнь прошла в слабой форме и не причинила ему особого вреда, если не считать несколько оставшихся на лице осин. Впрочем, эти отметины ничуть не портили его красивое особой суровой красотой лица, которое было причиной страданий многих арабских красавиц, а иногда и его собственных.

Ребенок превратился в отрока, а когда он достиг отрочества, то с гордостью осознал, что является сыном вождя. Его отец, ал-Валид, был вождем бану махзум, одного из знатнейших курайшитских кланов, и был известен в Мекке как обладатель титула ал-Вахид — Единственный.³

Теперь воспитанием Халида занялся его отец, который постарался (и замечательно преуспел в этом) привить Халиду все добродетели, свойственные арабскому мужчине, — мужество, умение сражаться, стойкость

³ Исфахани: т. 15, с. 11.

и великодушие. Ал-Валид очень гордился своей семьей и предками и рассказывал Халиду, кто он такой:

Халид
сын ал-Валида
сын ал-Мугиры
сын 'Абдаллаха сын 'Умара
сын Махзума (в честь которого именовался род)
сын Йакзы
сын Мурры
сын Ка'ба
сын Лу'айя
сын Талиба
сын Фихра
сын Малика
сын ан-Надра
сын Кинаны
сын Хузаймы
сын Мудрики
сын Ильяса
сын Мудара
сын Низара
сын Ма'да
сын 'Аднана
сын Удда (которого называли также Угад)
сын Мукаввима
сын Нахура
сын Тайраха
сын Иа'руба
сын Йашджуба
сын Набита
сын Исма'ила (которого называют Отцом арабов)
сын Ибрахима (Пророка)
сын Азара
сын Нахура
сын Саруга
сын Ра'у
сын Фалаха
сын 'Айбара
сын Шалаха
сын Арфахшада

сын Сама
сын Нуха (Пророка)
сын Ламка
сын Маттушалаха
сын Идриса (Пророка)
сын Йарда
сын Махлаила
сын Кайнана
сын Ианиша
сын Шиса
сын Адама (Отца человечества).

В великом племени курайш, жившем в Мекке, сложилось четкое распределение привилегий и главных обязанностей между основными кланами. Тремя ведущими кланами курайшитов были бану хашим, бану 'абд ад-дар (к нему принадлежал и бану умайя) и бану махзум. Бану махзум отвечали за военные вопросы. Этот клан разводил и обезжал лошадей, на которых курайшиты отправлялись на войну; он отвечал за подготовку и снабжение воинов; также часто из его рядов выдвигались военачальники, которые вели за собой в бой курайшитов. Подобная роль бану махзум определяла атмосферу, в которой суждено было вырасти Халиду.

Еще ребенком он научился ездить верхом. Как представитель клана махзум, он должен был быть идеальным наездником, и вскоре овладел искусством верховой езды. Однако мало было управлять обезжеными скакунами, он должен был уметь ездить на любом коне. Ему давали молодых, необъезженных жеребят, и он должен был сломить их сопротивление и обездить их, превратив в абсолютно послушных и вышколенных боевых коней. Бану махзум были одними из лучших наездников на Аравийском полуострове, но Халид стал одним из лучших наездников среди бану махзум. Более того, ни один араб не мог похвастаться тем, что он хороший наездник, если он ездил только на лошадях; он должен был так же умело управляться с верблюдами, ибо и те и другие животные были необходимы арабам для ведения военных действий. Лошадей использовали в бою, а верблюдов — на длинных маршах, во время которых лошади шли на поводу, без всадников.

Наряду с верховой ездой Халид научился боевым приемам. Он умел пользоваться любым оружием — копьем, пикой, луком и мечом. Он научился сражаться верхом на коне и в пешем строю. И хотя Халид научился искусно владеть всеми видами оружия, у него был особый

врожденный дар действовать пикой во время конных атак и биться мечом как конным, так и пешим. Арабы относились к мечу как к рыцарскому оружию, ибо при сражении на мечах человек оказывался ближе всего к своему противнику; жизнь сражавшихся на мечах зависела от того, насколько они сильны и умелы, а не от соблюдения безопасной дистанции между противниками. Меч считался самым верным оружием.

Взрослея, Халид стал очень высоким, его рост был выше шести футов⁴. Плечи у него стали широкими, грудь выгнулась колесом, а на стройном и атлетически сложенном теле налились тугие мышцы. Лицо его поросло длинной и густой бородой. Обладая прекрасными физическими данными, властным характером, будучи искусным наездником и мастерски владея оружием, он вскоре стал популярной личностью и любимцем жителей Мекки. Халид добился успехов как боец, сочетая в себе отточенность навыков и огромную физическую силу.

У арабов были большие семьи, причем у отца часто бывало по нескольку жен, чтобы обеспечить ему большее потомство, ал-Валид был одним из шестерых братьев. (Возможно, их было больше, но летописи сохранили лишь имена шестерых.) А из известных нам детей у ал-Валида было пятеро сыновей и две дочери. Сыновей звали Халид, Валид (он был назван в честь отца), Хишам, 'Уммара и 'Абд Шамс. Дочерей звали Фахта и Фатима.

Ал-Валид был состоятельным человеком, поэтому Халиду не пришлось трудиться, чтобы зарабатывать себе на хлеб, и он имел возможность полностью посвятить себя овладению приемами верховой езды и обращения с оружием. Благодаря своему происхождению из обеспеченной семьи Халид вырос, не зная, что такое экономия, и прославился большими расходами и щедростью по отношению ко всем, кто обращался к нему за помощью. Эта щедрость со временем обернулась для него большими трудностями.

Ал-Валид был богат. Однако курайшиты были демократичным народом, и от каждого из них требовалось выполнять ту или иную работу — либо для того, чтобы заработать, либо просто для того, чтобы быть полезным членом сообщества. И ал-Валид, который нанимал людей на работу и оплачивал труд большого количества работников, не чурался работать сам. В свободное время он работал кузнецом⁵ и мясником⁶,

⁴ 1 фут = 30,48 см.

⁵ Ибн Кутайба: с. 575.

⁶ Ибн Руста: с. 215.

резал животных для всего клана. Он также торговал и совместно с другими кланами участвовал в организации и отправке караванов в соседние страны. Халид не единожды сопровождал торговые караваны в Сирию и побывал в великих торговых городах этой прекрасной римской провинции. Там он познакомился с арабами-христианами из гассанидов, персами из Ктесифона (ал-Мада'ин), коптами из Египта и римлянами⁷ из Византийской империи.

У Халида было много друзей, с которыми он ездил верхом и охотился. Когда молодые люди не занимались забавами на свежем воздухе, они читали стихи, пересказывали родословные и веселились. Некоторые из этих друзей впоследствии сыграли важную роль в жизни Халида и этой истории, и среди них следует особо отметить, помимо 'Умара, 'Амра ибн ал-'Аса и Абу-л-Хакама. Последнего звали личным именем 'Амр ибн хишам ибн ал-Мугйра, хотя позднее ему предстояло получить еще одно имя — Абу Джахл. Он был одним из старших кузенов Халида. А еще был сын Абу-л-Хакама, 'Икрима, любимый племянник Халида и его ближайший друг.

Ал-Валид был не только отцом и наставником своим сыновьям, он также был их наставником в военном искусстве, и от него Халид получил свой первый урок ведения боевых действий. Он научился быстро передвигаться по пустыне, подходить к вражескому поселению, нападать на него. Он узнал, как важно застать врага врасплох, напасть на него в неожиданный момент и преследовать его, когда он сломлен и обратился в бегство. Эти боевые действия имели исключительно межплеменной характер, но арабы хорошо понимали важность скорости, мобильности и неожиданности, и межплеменные войны велись в основном с использованием наступательной тактики.

Став взрослым, Халид сконцентрировал свои интересы исключительно на военном искусстве, и это увлечение вскоре поглотило его без остатка. Халид только и думал, что о сражениях, а его амбиции были связаны с одержанием побед. Он был горячим и воинственным по своему психологическому складу. Он мечтал о великих сражениях и великих победах, всегда видя себя победителем, которым все восхищаются и которого все прославляют. Халид пообещал себе, что будет сражаться до последней капли крови, но станет победителем. И хотя он об этом не подозревал, судьба имела почти такие же виды на Халида, сына ал-Валида.

⁷ Здесь и далее этим словом называются византийцы, граждане Восточной Римской империи.

Глава 2

НОВАЯ РЕЛИГИЯ

Вечером по улицам Мекки шел некий араб, глубоко погруженный в свои думы. Он был из благородного клана бану хашим, но уже не мог похвастать богатством. Это был поразительно красивый мужчина среднего роста, с широкими, могучими плечами, с волосами, образовывавшими завитки чуть ниже линии ушей. Его большие темные глаза, опущенные длинными ресницами, казались задумчивыми и печальными.

Многое в образе жизни арабов заставляло его мучительно страдать. Повсюду вокруг он видел признаки упадка — в несправедливостях, творимых по отношению к бедным и беспомощным, в бессмысленных кровопролитиях, в отношении к женщинам, которые рассматривались наравне с домашним скотом. Он глубоко страдал, когда ему рассказывали о погребенных заживо младенцах женского пола.

В некоторых арабских кланах бытовал ужасный обычай убивать малолетних дочерей. Обычно отец позволял девочке дорасти до пяти-шести лет. Затем он говорил ей, что берет ее с собой на прогулку, и наряжал ее, как на праздник. Он выводил ее за пределы города или поселения и вел к заранее вырытой для нее могиле. Он заставлял ребенка встать на край могилы, и девочка, совершенно не подозревая об уготованной ей части и думая, что отец взял ее на пикник, радостно смотрела на него, ожидая, когда же начнется веселье. Затем отец сталкивал ее в могилу и, несмотря на отчаянные крики ребенка, забрасывал ее крупными валунами, которые сокрушали ее нежное тельце, лишая ее жизни. Когда избитое и истерзанное тело несчастной жертвы переставало подавать малейшие признаки жизни, мужчина засыпал могилу землей и возвращался домой. Иногда он похвалялся содеянным.

Разумеется, подобный обычай был не слишком широко распространен на Аравийском полуострове. В истории знаменитых мекканских кланов — бану хашим, бану умайя и бану махзум — не зафиксировано практически ни единого случая убийства ребенка женского пола. Такое случалось только в некоторых племенах, живших в пустыне, и то исключительно в некоторых кланах. Однако даже отдельных случаев практикования возмутительного обычая было достаточно, чтобы привести в ужас и возмутить более цивилизованных и добродетельных арабов, живших в те времена.

В то время в Мекке поклонялись идолам. Кааба была возведена Пророком Ибрахимом (Авраамом) как Дом Господа, но ее осквернили

изображениями богов, сделанными из дерева и камня. Арабы поклонялись этим богам, принося им жертвы и веря в то, что они причинят человеку зло, если разгневаются, и будут щедры к нему, если их ублажить. В Каабе и рядом с ней находилось 360 идолов, среди которых наиболее почитаемыми были Хубал, ал-'Узза и ал-Лат. Хубал, глава арабского пантеона, был самым крупным из этих идолов, вырезанным из красного агата. Когда жители Мекки привезли этого идола из Сирии, у него не было правой руки, поэтому они изготовили ему новую руку из золота и прикрепили ее к предплечью.

В религии арабов присутствовала любопытная смесь многобожия и веры в Аллаха — истинного Бога. Они верили в то, что Аллах был Господом и Творцом, но вместе с тем они верили и в идолах, относясь к ним как к сыновьям и дочерям Аллаха. В представлении арабов божества образовывали подобие божественного совета, в который при председательстве Господа на правах членов входили боги и богини. Все они были наделены сверхъестественной силой, но подчинялись своему председателю. Арабы клялись именем Хубала или другого бога или богини. Они клялись и именем Аллаха. Они называли своих сыновей 'Абд ал- 'Узза, то есть «раб 'Уззы». В то же время они называли своих сыновей 'Абдаллах, то есть «раб Аллаха».

Было бы неверно предположить, что в те времена с культурой арабов все обстояло скверно. В их образе жизни было место и достойному, и благородному. Арабы обладали такими чертами, которым можно было бы позавидовать и в наши дни, — мужеством, гостеприимством, чувством личного и племенного достоинства. В кровных междоусобицах, переходивших из поколения в поколение, отражалась их мстительность, но это было понятно и даже необходимо в условиях родового общества, где не существовало центральной власти, которая насаждала бы закон и порядок. Единственным способом сохранения мира и недопущения беззакония было суровое возмездие со стороны рода или отдельной личности.

Недостатки арабской культуры лежали в области этики и религии, и в этих областях жизнь арабов была весьма примитивна. Этот период получил в истории название джахилийя или «эпоха невежества». В доисламскую эпоху арабы не ведали, что творили; верования арабов были следствием их невежества. Таким образом, невежество было не просто историческим периодом, но образом всей жизни.

Араб, упомянутый в начале этой главы, взял обыкновение ежегодно в течение месяца уединяться в пещере на склоне холма неподалеку от Мекки. В этой пещере он проводил время в раздумьях и размышлениях и ждал, сам не зная, чего именно. Однажды, когда араб размышлял в

пещере, он почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Он никого не видел, не было слышно ни шороха, но он явно чувствовал чье-то присутствие. Затем голос произнес: «Читай!»

Встревоженный звуком бесплотного голоса, араб воскликнул: «Что мне читать?» Голос еще громче повторил: «Читай!» И вновь араб спросил: «Что мне читать?» Голос казался ужасным, когда он в третий раз сурово произнес: «Читай!» Затем голос зазвучал более мягко:

*Возвещай [Откровение] во имя Господа твоего,
Который сотворил [все сущее],
сотворил человека из сгустка [крови].
Возвещай, ведь Господь твой — Наищедрейший самый,
Который научил [человека письму] посредством калама,
научил человека тому, чего не ведал он [ранее].⁸*

Это произошло в понедельник, в августе 610 г. н. э. С этого момента мир изменился, ибо Мухаммад получил свое первое откровение. Родилась новая вера.

Когда Мухаммад (мир ему) получил это откровение, Халиду было 24 года.

* * *

Три года Пророк безмолвствовал, получая наставления через ангела Джибрила. Затем ему было велено распространять религию Аллаха, и он начал со своей собственной семьи и рода. Впрочем, большинство его родственников с презрением относились к тому, чему он учил, и насмеялись над новой верой.

Однажды Пророк решил собрать своих ближайших родственников и как следует накормить их в его доме. Это дало ему возможность собрать их вместе и поставить в положение, в котором они будут вынуждены выслушать его. Угощение было приготовлено на славу, и гости с удовольствием насытились. Тогда Пророк обратился к собравшимся гостям и сказал: «О бану 'абд ал-мутталиб! Именем Аллаха, из всех арабов я не знаю никого, кто приходил бы к вам с лучшим, чем то, что несу вам я. Я несу вам лучшее этого мира и следующего. Аллах повелел мне привести вас к Нему. Кто поможет мне в этом деле и станет моим братом и помощником?»

Собравшиеся ответили ему всеобщим молчанием. Никто не произносил ни слова, все следили друг за другом, чтобы знать, поднимется

⁸ Коран: 96:1-5.

ли кто-нибудь, чтобы поддержать этого человека. А потом поднялся худой, низкого роста мальчик с тощими ногами, совсем отрок, и звонким голосом, который еще не начал ломаться, вскричал: «Я, о Пророк Аллаха, буду твоим помощником!»

Гости громко рассмеялись, грубо и презрительно, над тем, что тогда показалось смешным, встали и начали расходиться. Но мальчик не успел отреагировать на их грубость, так как Пророк заключил его в нежные объятия. Пророк заявил: «Вот мой брат и помощник!»⁹ Этот мальчик, 'Али, сын Абу Талиба, был двоюродным братом Пророка. Он стал первым мужчиной, принявшим Ислам из рук Пророка.¹⁰

Постепенно истина начала распространяться, и несколько человек, в основном юные или слабые, беспомощные люди, приняли новую религию. Их число было мало, но мужество было великим. И сфера деятельности Пророка расширялась. Несмотря на насмешки и оскорблении, сыпавшиеся на него со стороны курайшитов, он продолжал обращаться к людям на рыночной площади и перекрестках улиц и предупреждать их об огне ада, который поглотит тех, кто творит зло. Он высмеивал их деревянных и каменных идолов и призывал поклоняться истинному Господу. По мере того как его деятельность ширилась, противостояние курайшитов становилось более жестким и жестоким. Эту оппозицию направляли в основном четыре человека: Абу Суфьян (его личное имя было Сахр ибн Харб, он был предводителем бану умаййа), ал-Валид (отец Халида), Абу Лахаб (дядя Пророка) и Абу-л-Хакам. О первом и последнем из них будет еще немало сказано в этом повествовании.

Абу Суфьян и ал-Валид были людьми, исполненными собственного достоинства и самоуважения. Возглавляя оппозицию Пророку, они не унижали себя насилием или оскорблением. Первой реакцией ал-Валида было чувство ущемленного достоинства. «Неужели миссия пророчества возложена на Мухаммада, — взорвался он, — тогда как мне, величайшему из курайшитов и их старейшине, не досталось ничего? А еще есть Абу Мас'уд, вождь племени сакиф. Воистину, мы с ним — величайшие люди двух поселений!»¹¹ Этот величавый старик жил в своем собственном мире, где все определялось знатностью происхождения и положением в обществе. Разумеется, он был несправедлив к Пророку, ибо линия Мухаммада соединилась с его собственной шесть поколений назад и семья Мухаммада не уступала в знатности его собственной. В самом деле, в истории последнего

⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 63; Ибн Са'д: т. 1, с. 171.

¹⁰ Ибн Хишам: т. 1, с. 245; ат-Табари: т. 2, с. 56. Мас'уди: Мурудж; т. 2, с. 283.

¹¹ Ибн Хишам: т. 1, с. 361.

времени семья Пророка приобрела большее значение, чем любая другая семья из Мекки. Дед Пророка, 'Абд ал-Мутталиб, был предводителем всех курайшитов в Мекке.

По словам Ибн Хишама, следующий аят Корана был ниспослан по поводу именно этого высказывания ал-Валида:

И еще сказали они: «Почему не был ниспослан этот Коран какому-либо знатному мужу из двух городов [больших]?» (43:31).

Под этими двумя поселениями подразумевались Мекка и Та'иф. Считается, что еще одно место в ниспосланном Коране имеет отношение к ал-Валиду, который, как мы отметили в предыдущей главе, был известен как обладатель титула ал-Вахид (Единственный):

Предоставь Мне [, о Мухаммад,] тех, кого Я сотворил в чем мать родила (т.е. без богатства и детей), кому даровал со-стояние несметное и сыновей, не разлученных [с ним], и кому даровал [земные] блага. Однако жаждет он, чтобы добавил Я ему. Так нет же! Ведь упрямо отрицает он айаты Наши. Ско-ро подвергну Я его наказанию тяжкому. <...> Потом огляделся он, затем нахмурился и посмотрел сердито, потом отвернулся надменно и сказал: «Не что иное это (т.е. Коран), как колдов-ство пересказанное. Всего-навсего это речи людские». Скоро сожгу Я его пламенем адским! (74:11-17 и 21-26).

Наиболее кровожадным и мстительным среди этих вождей был Абу-л-Хакам — двоюродный брат и друг Халида. Из-за неистового противостояния этого человека Исламу мусульмане прозвали его Абу Джахл, Отец Глупости, и под этим именем он стал известен потомкам. Маленький, коренастый, жилистый, косоглазый, он был описан одним из современников так: «человек с железным лицом, железным взглядом и железным языком».¹² И Абу Джахл не мог забыть, что однажды, когда они были молоды, Мухаммад во время отчаянного поединка сильно швырнул его на землю, ободрав до крови его колено, о чём до самой смерти ему будет напоминать оставшийся на ноге шрам.¹³

Эти видные представители племени курайшитов и некоторые другие, не видя способов остановить Пророка ни угрозами, ни послами,

¹² Вакиди: Магази, с. 20; Ибн Руста с. 223.

¹³ Ат-Табари: т. 2, с. 155.

решили обратиться к старому и почтенному Абу Талибу, дяде Пророка и предводителю бану хашим. Они убили бы Пророка, если бы не прочное чувство семейного и племенного единства, которое защищало Пророка. Его убийство привело бы к жестокой кровной вражде с бану хашим, которые, без сомнения, отомстили бы за его смерть расправой с убийцей или одним из членов его семьи.

Делегация курайшитов пришла к Абу Талибу и сказала: «О Абу Талиб! Ты — наш предводитель и лучший среди нас. Ты видишь, что делает с нашей верой сын твоего брата. Он оскорбляет наших богов. Он кощунствует над нашей верой и верой наших отцов. Ты веришь в то же, что и мы. Либо заставь Мухаммада остановиться, либо разреши нам поступить с ним так, как мы пожелаем».¹⁴

Абу Талиб принял их любезно, сказав, что разберется в этом деле, и проводил их с почетом. Но кроме того, что он передал Пророку слова курайшитов, он ничего не сделал для того, чтобы помешать ему распространять новую религию. Абу Талиб был поэтом. Когда случались подобные вещи, он сочинял длинные стихи и изливал в них свои огорчения.

В доме ал-Валида деяния Пророка стали самой популярной темой для обсуждения. Вечерами ал-Валид садился с сыновьями и другими родственниками, и они начинали обмениваться рассказами о том, как прошел день, о том, что все курайшиты пытались сделать, чтобы помешать распространению движения, основанного Мухаммадом. Халид и его братья узнали от отца все подробности о первой делегации, посетившей Абу Талиба. Несколько недель спустя они выслушали рассказ отца о второй делегации, которая оказалась не более успешной, чем первая. Пророк продолжал осуществлять свою миссию.

Тогда ал-Валид отважился на смелый шаг: он решил предложить обменять своего собственного сына, 'Уммара, на Мухаммада. 'Уммара был славным, крепким юношем, в нем мужчины и женщины замечали все достоинства и привлекательность, которые только может иметь молодой человек. Делегация явилась к Абу Талибу вместе с 'Уммарой. «О Абу Талиб! — сказали посланцы. — Вот 'Уммара, сын ал-Валида. Он — лучший из молодых курайшитов, самый красивый и благородный из всех. Прими его как сына. Он будет помогать тебе и будет твоим, как подобает сыну. Взамен же отдай нам сына твоего брата — того, кто восстал против твоей веры и веры твоего отца и

¹⁴ Ибн Хишам: т. 1, с. 265; Ибн Са'д: с. 186.

вызвал раскол в нашем племени. Мы убьем его. Разве это не справедливо — обменять одного человека на другого?»

Абу Талиб был потрясен этим предложением. «Я вовсе не считаю, что это справедливо, — ответил он. — Вы даете мне вашего сына, чтобы я его кормил и растил, и хотите забрать и убить моего. Именем Аллаха, не бывать этому». ¹⁵ План провалился. Мы не знаем, как прореагировал на это 'Уммара — расстроился или почувствовал облегчение!

Утратив всякую надежду убедить Абу Талиба остановить Пророка и сами отчаявшись убедить его, курайшиты решили сделать жизнь Мухаммада и его последователей столь невыносимой, чтобы они были вынуждены покориться воле курайшитов. Они натравили на них меккан-ских бродяг. Эти подонки кричали на Пророка и улюлюкали ему вслед, когда он шел по улицам, швыряли ему в лицо пригоршни пыли и раскидывали колючки на его пути. Они забрасывали нечистоты внутрь его жилища, и в этом деле им помогали Абу Лахаб и Абу Джахл. Вскоре эти враждебные выходки стали носить более опасный характер.

По мере усиления гонений на мусульман они также становились все более изощренными. Одному человеку пришла в голову мысль, что он сможет повредить делу Мухаммада, если вызовет его на рукопашный поединок и получит возможность прилюдно унизить его. Это был неверующий дядя Пророка, которого звали Руккана ибн 'Абд Йазид, лучший борец, который гордился своей силой и ловкостью. Никто в Мекке не мог одержать верх над ним. «О сын моего брата! — обратился он к Пророку. — Полагаю, ты мужчина. И я считаю, что ты не обманщик. Выходи на поединок со мной. Если ты победишь, я признаю, что ты — настоящий пророк». Этот человек был очень доволен собой, полагая, что нашел верный способ нанести удар по престижу Мухаммада на глазах всех жителей Мекки. Мухаммад или откажется от поединка, тем самым выказав свое ничтожество, или примет вызов и будет уничтожен на веки вечные. Однако это были только его мысли. Его вызов был принят, и в последовавшем за этим поединке Пророк трижды швырнул противника на землю! Однако этот «борец» не сдержал своего слова.¹⁶

¹⁵ Ибн Хишам: т. 1, с. 267; Ибн Са'д: с. 186.

¹⁶ Согласно Ибн Хишаму (т. 1, с. 390), Пророк сам бросил вызов Руккане, но я изложил версию, приводимую Ибн ал-Асиром (т. 2, с. 27-28), так как, скорее всего, дело обстояло именно таким образом. Руккана принял Ислам после освобождения Мекки.

Курайшиты истязали многих мужчин и женщин. Самым знаменитым из этих мучеников, имя которого сияющими буквами вписано в историю, был Билал ибн Хамама — высокий суровый раб родом из Абиссинии, которого подвергал пыткам его собственный хозяин, Умайя ибн Халаф. Днем, в самый разгар жары аравийского лета, когда солнце высушивало и сжигало все, на что только падали его лучи, Билала заставляли ложиться на раскаленный песок, наваливали ему на грудь тяжелый валун и оставляли на палящем солнце. Время от времени хозяин приближался к нему, смотрел на его исказенное мукой, страдальческое лицо, запекшиеся губы и опухший язык и говорил: «Отрекись от Мухаммада, вернись к почитанию ал-Лат и ал-'Уззы». Однако вера Билала оставалась непоколебимой. Истязая Билала, не знал Умайя ибн Халаф, что однажды ему и его сыну придется столкнуться лицом к лицу с этим бывшим рабом в битве при Бадре и что и он, и его сын погибнут от руки Билала.

Абу Bakr, будучи человеком зажиточным, выкупил Билала и нескольких других рабов, которых подвергали истязаниям. Всякий раз, когда Абу Bakr узнавал, что раб-мусульманин подвергается истязаниям, он выкупал его и отпускал на свободу.

Несмотря на все преследования, Пророк оставался кротким и милосердным по отношению к своим врагам. Он молился: «О Господь! Укрепи меня 'Умаром и Абу-л-Хакамом». Его молитва была услышана в том, что касалось 'Умара, который стал сороковым человеком, принявшим Ислам; однако Абу Джахл остался неверующим и умер в неверии.

В 619 г., десять лет спустя после первого откровения, Абу Талиб умер.¹⁷ К этому времени положение Пророка стало более уязвимым. Враждебность курайшитов усилилась, а вместе с ней возросла и опасность, грозившая жизням мусульман. Пророк жил, окруженный несколькими верными сподвижниками, которым он продолжал проповедовать, и среди этих сподвижников были 10 человек, особенно близких ему. Эти люди стали известны как Благословенная Десятка, и на протяжении всей своей жизни они пользовались особым почетом и любовью среди мусульман.¹⁸

Пророк оставался в Мекке, вынося то, что становилось все более невыносимым. Затем с Пророком познакомились несколько жителей Медины (тогда она называлась Йасриб), и они приняли Ислам. Узнав об опасности, которой подвергался Пророк, они предложили ему переехать в их поселение и поселиться с ними. С этим приглашением

¹⁷ Десять лет по лунному календарю, который в среднем на 11 дней короче солнечного года.

¹⁸ Имена этих 10 человек приводятся в примечании 1, в приложении Б.

было дано разрешение Аллаха на переселение мусульман, и Пророк отправил большинство из них в Медину.

В сентябре 622 г. курайшиты все-таки приняли решение убить Мухаммада. Накануне запланированного убийства под покровом ночи Пророк покинул свой дом и, сопровождаемый Абу Бакром, рабом и проводником, направился в Йасриб. Когда он благополучно достиг Йасриба, Медина (так с тех пор стало называться это место) стала оплотом и центром мусульманской веры и столицей нового мусульманского государства. Эра преследований осталась позади.

* * *

Через три месяца после того как Мухаммад покинул Мекку, ал-Валид призвал сыновей к своему смертному одру. Он знал, что умирает. «О сыны мои! — сказал он. — Я завещаю вам исполнить три вещи. Смотрите, выполните их хорошенъко. Первое — это кровная месть хуза'а. Обязательно отомстите им. Именем Аллаха, я знаю, что они невиновны, но я боюсь, что вас будут осуждать, если вы этого не сделаете. Второе касается моих денег, которые нужно получить с процентами от племени сакиф. Обязательно верните их. Третье связано с тем, что Абу 'Узайхар должен заплатить мне деньгами или кровью». ¹⁹ Этот человек женился на дочери ал-Валида, а затем расстался с ней, не вернув ее в дом отца.

Отдав последние распоряжения, ал-Валид скончался. Он был погребен со всеми почестями, подобавшими великому вождю, уважаемому старейшине и благородному сыну племени курайшитов.

Первое приказание было выполнено без особого труда: хуза'иты выплатили кровные деньги, и дело завершилось без насилия. Второе дело тянулось много лет, и его решение было отложено до лучших времен. Что касается третьей проблемы, то есть междуусобной войны с зятем ал-Валида, Хишам, брат Халида' решил, что не удовольствуется ничем иным, кроме крови Абу 'Узайхара. Он выжидал год, прежде чем ему представился шанс свести с ним счеты, и тогда убил одного из его людей. Дело приобрело скверный оборот, возникла опасность новых кровопролитий в двух враждующих семьях, однако вмешательство Абу Суфайана привело к примирению. Больше кровопролитий не было.

В годы, последовавшие за смертью отца, Халид мирно жил в Мекке, наслаждаясь жизнью так, как это позволяло ему его богатство. Он даже совершил путешествие с торговым караваном в Сирию, в большой

¹⁹ Ибн Хишам: т. 1, с. 310-411.

город, называвшийся Бусрой, которому много лет спустя суждено было стать объектом его военных походов.

Мы не знаем, сколько в это время у него было жен и детей, но есть сведения о двух сыновьях: старшего звали Сулайман, а младшего — 'Абд ар-Рахман. Последний родился лет через шесть после смерти ал-Валида и впоследствии прославился как военачальник в Сирии. Однако, согласно арабскому обычаю, Халида стали называть по имени Сулаймана. Таким образом, его называли по-разному: Халид (это было его личное имя), Ибн ал-Валид (то есть сын ал-Валида) и Абу Сулайман (то есть отец Сулаймана). Большинство людей обращалось к нему как к Абу Сулайману.

Глава 3

БИТВА ПРИ УХУДЕ

Вся Мекка ликовала по поводу прибытия каравана из Палестины.

Когда караван в течение нескольких дней шел по прибрежной дороге в окрестностях Медины, он чуть было не попал в руки мусульман. Только опыт и указания Абу Суфйана, возглавлявшего этот караван, спасли его от захвата. Караван состоял из тысячи верблюдов и вез товары стоимостью 50 000 динаров, каждый из которых принес Абу Суфйану двойную прибыль. Поскольку каждая сколько-нибудь значительная мекканская семья вложила средства в этот караван, егоозвращение с такой выгодой стало причиной ликования всей Мекки. А в Аравии была весна, шел март 624 г.

В то самое время, когда Мекка пела и плясала, а торговцы потирали руки в ожидании своей части дохода, разбитое и разгромленное войско курайшитов с трудом приближалось к Мекке. Эта армия выступила в ответ на призыв Абу Суфйана о помощи, когда он понял, какая опасность грозит ему со стороны мусульман. Однако еще до того как войско курайшитов могло потребоваться, Абу Суфьян вывел караван из-под угрозы и отправил к курайшитам гонца, веля им возвращаться в Мекку, поскольку опасность миновала. Однако Абу Джахл, стоявший во главе войска, не подчинился. Последние пятнадцать лет он с ожесточением противостоял Пророку, и он не хотел упустить подвернувшейся ему возможности. Вместо того чтобы вернуться домой, он задумал дать мусульманам бой.

Теперь же это надменное воинство возвращалось домой потрясенным и униженным.

Пока войско курайшитов добиралось до Мекки, туда был отправлен гонец на быстром верблюде. Въехав на окраину города, он разорвал на себе рубаху и громко завыл, возвещая о случившейся трагедии. Жители Мекки поспешили окружить его, чтобы узнать новости о битве. Они спрашивали о своих родных, и он рассказывал им о постигшей их участи. Среди собравшихся были и Абу Суфьян с женой, которую звали Хинд.

От гонца Хинд услышала о смерти своих дорогих родных: о гибели ее отца, 'Утбы, павшего от рук 'Али и Хамзы, дяди Пророка; о гибели ее дяди, Шайбы, павшего от руки Хамзы; о смерти ее брата, Валида, павшего от руки 'Али; о смерти ее сына, Ханзала, сраженного 'Али. Она прокляла Хамзу и 'Али и поклялась отомстить им.

Битва при Бадре стала первым крупным военным столкновением мусульман с их врагами. Маленький отряд из 313 мусульман не отступил ни на пядь перед 1000 атакующих неверных. В результате длившегося час или два яростного сражения мусульмане разбили войско курайшитов, и курайшиты обратились в беспорядочное бегство с поля боя. Лучшие из курайшитов пали в этом бою или были захвачены в плен.

Всего погибло 70 неверных, и еще 70 было захвачено мусульманами в плен, при этом потери мусульман составили 14 человек. Среди убитых оказались 17 человек избану махзум, причем большинство из них были двоюродными братьями или племянниками Халида. Погиб Абу Джахл. Брат Халида, Валид, попал в плен.

Когда гонец объявлял имена погибших и тех, от чьих рук они пали, курайшиты обратили внимание на то, как часто назывались имена 'Али и Хамзы. 'Али лично сразил 18 человек и помог сразить еще четырех. Хамза лично сразил четверых и еще четырех совместно с 'Али. Таким образом, имя 'Али чаще всего упоминалось на этом печальном собрании.

* * *

Два дня спустя Абу Суфьян созвал на совет всех курайшитских вождей. Среди них не было ни одного, кто не потерял бы родных в битве при Бадре. У одних погибли отцы, у других — сыновья, у третьих — братья. Громче всех на совете звучали голоса Сафвана ибн Умайи и 'Икримы, сына Абу Джахла.

Труднее всего было сдерживаться 'Икриме. Его отцу была оказана честь вести курайшитское войско в сражении при Бадре, и он погиб в

бою. Сын пытался утешиться тем, что при Бадре его отец убил одного мусульманина и что сам он убил еще одного. Более того, он набросился на того мусульманина, который смертельно ранил его отца и отсек ему руку; но этого было недостаточно, чтобы утолить его жажду мести. Он настаивал на том, что честь курайшитов обязывает их к отмщению.

«А я потерял своего сына Ханзала, — сказал Абу Суфьян. — Я не меньше твоего жажду мести. Я буду первым, кто снарядит и выставит могучее войско против Мухаммада».²⁰

На совете все поклялись отомстить, на сей раз никто не пожелал оставаться в долгу Мекка готовила невиданное доселе войско и приглашала другие местные племена присоединяться к нему, чтобы уничтожить мусульман. Весь доход от товаров, которые вез караван, составлявший 50 000 динаров, было решено потратить на финансирование этого военного похода. Абу Суфьян был единогласно избран командующим курайшитским войском.

Затем Абу Суфьян обнародовал два своих распоряжения, первое из которых было принято практически всеми. Смысл его заключался в том, что никто не станет оплакивать или горевать по тем, кто погиб при Бадре. Суть этого приказа заключалась в том, что слезы могут вымыть ожесточение из сердец, а это ожесточение следовало поддерживать до тех пор, пока они не отомстят мусульманам. Впрочем, те, чье горе было слишком велико, плакали тайком.

Второе распоряжение касалось военнопленных, оказавшихся в руках мусульман. Абу Суфьян запретил любые попытки освободить их, опасаясь, что если такие попытки последуют немедленно, мусульмане поднимут цену выкупов. Однако не все подчинились этому распоряжению. Через два дня один человек под покровом ночи покинул Мекку, чтобы выкупить своего отца, а когда об этом узнали остальные, они взяли дело в свои руки и добились освобождения своих близких. Абу Суфьяну ничего не оставалось, как отменить свой приказ.

Размер выкупа колебался. Самый большой составлял 4 000 дирхамов, а тем, кто не мог заплатить такие деньги, могли постепенно сбросить цену до 1000 дирхамов. Несколько пленников, которые были слишком бедны, чтобы заплатить за свое освобождение, но были грамотными, заработали себе свободу, обучив определенное количество мусульманских детишек чтению и письму. Некоторых

²⁰ Вакиди: Магази, с. 156-157.

бедняков Пророк отпустил без выкупа при условии, что впредь они никогда не станут сражаться против мусульман.

Среди тех, кто отправился на переговоры относительно освобождения пленных, были 'Икрима, Халид (он не участвовал в битве при Бадре, так как в это время его не было в Хиджазе), брат Халида, Хишам. Халид и Хишам договорились об освобождении их брата Валида. Когда Хишам услышал, что выкуп составит 4000 дирхамов, он начал было торговаться, чтобы уменьшить сумму, но Халид остановил его. За освобождение Валида была заплачена требуемая сумма, после чего трое братьев покинули Медину и встали лагерем на ночлег в местечке Зу-л-Халифа, расположенному в нескольких милях от города. Оттуда Валид тайно бежал обратно в Медину, явился к Пророку и стал мусульманином. С тех пор он проявил себя как человек, глубоко преданный Исламу, и стал очень дорог Пророку. Несмотря на новую веру, его отношения с Халидом остались такими же теплыми и дружескими, как прежде.

* * *

На совете курайшитов главной темой было обсуждение мести, но был еще один фактор, который подталкивал курайшитов к войне с мусульманами,— экономическое выживание. Главный караванный маршрут курайшитов в Сирию и Палестину проходил по дороге вдоль побережья, которая теперь, после битвы при Бадре, оказалась для них закрытой. В ноябре Сафван ибн Умайя почувствовал, что необходимо расширить торговлю, и отправил в Сирию караван по другому маршруту, который, по его мнению, мог оказаться безопасным. Этот караван вышел из Мекки по дороге на Ирак и, пройдя некоторое расстояние, повернул на северо-запад, по направлению к Сирии, обойдя Медину на безопасном, по мнению Сафвана, расстоянии. Однако Святой Пророк узнал об этом караване и направил Зайда ибн Харису с сотней воинов, чтобы перехватить его, что Зайд и сделал.

Тогда Сафван направился к Абу Суфьяну, и оба предводителя согласились с тем, что экономическое благосостояние и процветание курайшитов зависит от доходной торговли с Сирией, и чем быстрее будут сокрушены мусульмане, тем лучше. 'Икрима также проявлял нетерпение и настаивал на неотложных действиях. Однако Абу Суфьян, будучи мудрым старым вождем, понимал, что потребуется время для того, чтобы снарядить военную экспедицию, купить верблюдов, лошадей и оружие. Он пообещал, что постарается сделать это в как можно более сжатые сроки.

Начались серьезные приготовления к походу. В их разгар к Абу Суфяну обратился с предложением склонный к сомнениям неверный. Его звали Абу 'Амир, и был он из Медины. Он не приветствовал переселения Святого Пророка в Медину и представлял собой исключение из своего собственного рода 'аус, представители которого поспешно начали принимать Ислам. Поэтому он уехал из Медины и поклялся не возвращаться туда до тех пор, пока власть будет оставаться у Мухаммада. В Мекке он принял наставливать курайшитов против мусульман. В прежние времена Абу Амира знали как Монаха, но Святой Пророк дал ему прозвище Мерзавец.

«Со мной 50 моих родственников, — сказал он Абу Суфяну. — Я пользуюсь значительным влиянием среди моих родичей 'ауситов. Предлагаю до начала сражения разрешить нам обратиться к 'ауситам из числа мусульман, и я не сомневаюсь, что все они покинут Мухаммада и перейдут на мою сторону».²¹ Абу Суфян с радостью принял это предложение. 'Ауситы были одним из двух наиболее многочисленных мединских племен и составили бы больше трети мусульманского войска.

Начались переговоры с соседними племенами, и племена кинана и сакийф прислали мощное подкрепление. В начале марта 625 г. в Мекке начало собираться войско. Тем временем дядя Пророка, 'Аббас, написал ему из Мекки, предупреждая о том, что замышляется против него.

Во вторую неделю марта войско курайшитов численностью 3000 человек, из которых 700 были в доспехах, выступило из Мекки. В их распоряжении было 3000 верблюдов и 200 лошадей. С армией в паланкинах ехали 15 курайшитских женщин, в задачи которых входило напоминать курайшитам об их товарищах, павших при Бадре, и укреплять их дух. Среди женщин находилась и Хинд, выступавшая в роли их начальницы, и эта роль досталась ей по естественным причинам. Здесь также были жена 'Икримы, жена 'Амра ибн ал-'Аса и сестра Халида. Среди них была и 'Амра бинт ал-Кама, о которой мы услышим позднее, а также несколько певиц, которые везли с собой тамбурины и барабаны.

По мере того как войско продвигалось в сторону Медины, один из предводителей курайшитов, Джубайр ибн Мут'им, сказал своему рабу Вахши ибн Харбу, известному по прозвищу Свирепый: «Если ты убьешь Хамзу, дядю Мухаммада, отомстив за убийство моего дяди при Бадре, я дам тебе свободу». Вахши понравилась подобная перспектива.

²¹ Вакиди: Магази, с. 161.

Это был огромный черный раб родом из Абиссинии, он всегда сражался метательным копьем, оружием его родной Африки. Вахши мастерски владел этим оружием, и не было случая, чтобы он промахнулся.

Проехав немного дальше, Вахши увидел, что с ним поравнялся один из верблюдов с паланкином. Из паланкина выглянула Хинд и заговорила с Вахши. «О Отец Черноты! — так она обратилась к нему. — Воспрянь духом и обрети свою награду». Она пообещала, что если он отомстит за ее отца, убив Хамзу, она отдаст ему все драгоценности, которые были на ней.

Свирепый жадно осмотрел ее украшения — ожерелье, браслеты и перстни, украшавшие ее пальцы. Все они казались очень дорогими, и его глаза засияли от жадности при мысли, что все это может достаться ему.

* * *

Святой Пророк был предупрежден 'Аббасом о намерениях курайшитов еще до того, как они выступили из Мекки. Пока курайшиты были на марше, Мухаммад продолжал получать информацию об их продвижении от дружественных племен, и 20 марта курайшиты вышли к Медине и встали лагерем в нескольких милях от города, расположившись в лесистой местности западнее горы Ухуд.

Пророк выступил из Медины 21 марта с 1000 воинов, из которых 100 человек были в доспехах. У мусульман было две лошади, на одной из которых ехал Пророк. Они разбили лагерь для ночлега рядом с небольшим черным холмиком, называвшемся Шайхайн и располагавшемся на расстоянии чуть более мили от Медины.

На следующее утро, прежде чем войско двинулось дальше, лицемеры, которых было 300 человек и которыми руководил 'Абдаллах ибн Убай, покинули Пророка под тем предлогом, что сражение с курайшитами за пределами Медины не могло завершиться победой, а им не хотелось принимать участие в битве, заранее обретенной на проигрыш. Лицемеры вернулись в Медину. После этого у Пророка осталось 700 воинов, и с таким войском он выступил из лагеря. На самом деле Пророк вовсе не намеревался давать бой за пределами Медины. Он хотел, чтобы мусульмане дождались подхода курайшитов к городу и дали им бой в Медине, однако большинство мусульман настояли на том, чтобы выйти навстречу курайшам, и Пророку пришлось подчиниться их требованию и выйти из Медины, чтобы дать бой курайшитам за пределами города. Однако притом что он вышел, чтобы сразиться с врагом на открытой местности, он все же

намеревался дать бой в месте, которое выберет он сам. Он прошел к подножию горы Ухуд и приготовился к бою.

Ухуд — крупный географический объект, расположенный в четырех милях к северу от Медины (если вести отсчет от Мечети Пророка в Медине) и поднимающийся на высоту около 1000 футов над уровнем долины. Его длина составляет 5 миль. В западной части Ухуда большой отрог круто обрывается к долине, а справа от этого отрога, если смотреть со стороны Медины, долина плавно поднимается и переходит в ущелье, начинающееся примерно в 1000 ярдах от подножия отрога. Ущелье заканчивается тупиком, упираясь в главную стену хребта. В устье этой долины, у подножия этого отрога, Пророк и расположил свою армию. За ним долина начинала подниматься.

Мухаммад компактно расставил мусульман вдоль линии длиной 1000 ярдов. Правый фланг он разместил у подножия отрога, а левый фланг — у подножия невысокого, около 40 футов в высоту и 500 футов в длину, холма 'Айнайн. Правый фланг мусульман был надежно защищен, а на левом существовала опасность его атаки в обход 'Айнайна, поэтому для того чтобы избежать этой угрозы, Пророк расположил на 'Айнайне 50 лучников, откуда они могли блокировать все попытки курайши-тов прорваться в тыл мусульман. Этим лучникам, которыми командовал 'Абдаллах ибн Джубайр, Пророк отдал следующий приказ: «Стреляйте по вражеской коннице. Не давайте коннице прорваться в наш тыл. Пока вы удерживаете позицию, наш тыл в безопасности. Ни при каких обстоятельствах не покидайте вашу позицию. Если увидите, что мы побеждаем, не присоединяйтесь к нам, если увидите, что мы проигрываем бой, не идите нам на подмогу». ²² Приказы отряду лучников были очень конкретными. Поскольку 'Айнайн был очень важен с точки зрения тактики и господствовал над непосредственно примыкавшей к нему территорией, было необходимо сделать так, чтобы он не перешел в руки курайшитов.

За мусульманами расположились 14 женщин, в задачи которых входило поить жаждущих, выносить с поля боя раненых и перевязывать им раны. Среди этих женщин находилась и Фатима, дочь Пророка и жена 'Али. Сам Пророк занял позицию на левом фланге своего войска.

Диспозиция мусульман была предназначена для ведения позиционного сражения вдоль всего фронта, и она отличалась глубокой продуманностью. Она давала мусульманам возможность полностью использовать источники их силы — мужество и боевые

²² Там же: т. 2, с. 65-66; Вакиди: Магази, с. 175.

навыки. Она также защищала их от угроз, связанных с численным преимуществом курайшитов и наличием у них конницы, мобильной боевой силы, которой были лишены мусульмане. Абу Суфайана устроило бы сражение на открытой местности, в котором он мог бы обрушиться на мусульманские фланги и обойти их с помощью конницы, чтобы нанести максимально чувствительный удар. Однако Пророк нейтрализовал преимущества Абу Суфайана и вынудил его сражаться на ограниченном участке фронта, где его численное превосходство и конница не давали ему столь явного преимущества. Следует также отметить, что мусульмане фактически стояли лицом к Медине и спиной к горе Ухуд: курайшитам была открыта дорога на Медину.

И вот подошло войско курайшитов. Они разбили военный лагерь в миле к югу от отрога, и от этого места Абу Суфайан повел свое войско вперед и выстроил его в боевом порядке для встречи мусульман. Он разделил войско на главный корпус пехоты, стоявший в середине, и на два мобильных фланга. На правом находился Халид, на левом — Икрима, и у каждого в подчинении было по сотне конных бойцов. 'Амр ибн ал-'Ас был назначен командовать всей конницей, но его задача сводилась преимущественно к координации ее действий. Перед началом боя вдоль передней линии войска Абу Суфайан выставил 100 лучников. Знамя курайшитов нес Талха ибн Абу Талха, один из уцелевших в битве при Бадре. Таким образом, курайшиты стояли спиной к Медине и лицом к мусульманам и горе Ухуд. Фактически они находились между войском мусульман и его базой в Медине. (Расположение двух армий показано на карте 1.)

Непосредственно за главным корпусом войска курайшитов стояли их женщины. Перед началом сражения эти женщины, руководимые Хинд, расхаживали взад-вперед перед курайшитами, напоминая им о тех, кто погиб при Бадре. Затем, прежде чем женщины отошли на свое место в тылу армии, Хинд чистым и громким голосом пропела:

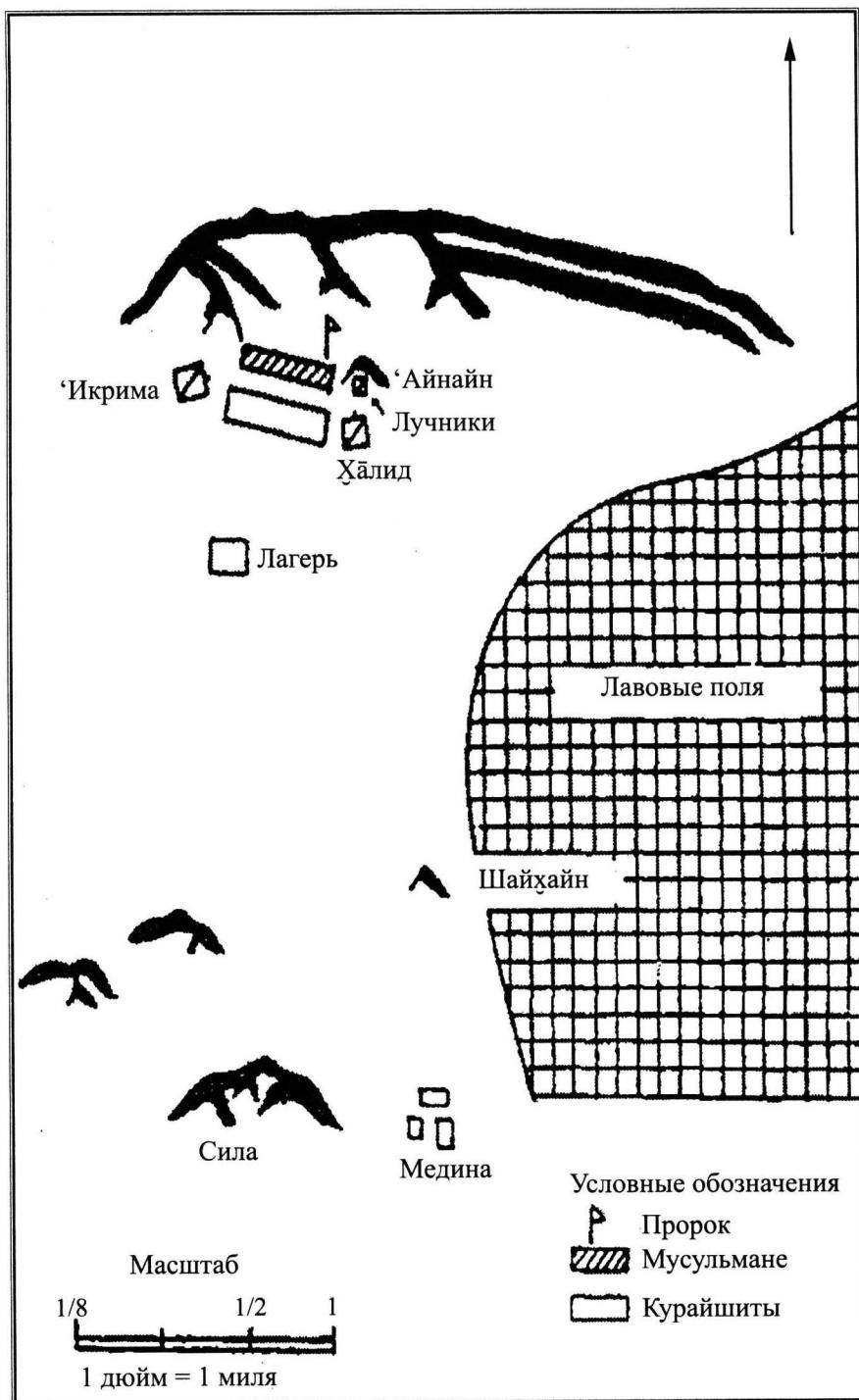
*О вы, сыны 'Абд ад-Дара!
Защитники наших домов!
Мы — дочери ночи,
Мы движемся меж подушек.
Если вы продвинетесь вперед, мы примем вас в наши объятия.
Если вы отступите, мы покинем вас,
Лишив любви.²³*

²³ Ибн Хишам: т. 2, с. 68. Вакиди: Магази, с. 176.

Было субботнее утро 22 марта 625 г. (7 число месяца шаввал 3 г. хиджры) — прошел ровно год и неделя после битвы при Бадре.² Войска стояли друг против друга стройными рядами, 700 мусульман против 3000 неверных. Это был первый случай, когда Абу Суфьян командовал сражением против Пророка, но у него были толковые помощники, и он был уверен в своей победе. Мусульмане повторяли про себя слова Корана: «Довольно нам Аллаха, Наилучший Он покровитель!»²⁴ И они ждали воли Аллаха.

Первым событием после расстановки двух армий стала попытка Мерзавца отвлечь Пророка 'ауситов. Этот человек выступил из рядов войска курайшитов вместе со своими 50 последователями и большим количеством рабов курайшитов. Он обратился к 'ауситам и возвзвал к ним: «О народ 'аус! Я — Абу Амир. Вы меня знаете!» 'Ауситы хором ответили:

²⁴ Коран (3:173).

Карта 1. Битва при Ухуде

«Знать тебя не желаем, о Мерзавец!» За этим на Мерзавца и его приспешников обрушился град камней, которые с наслаждением швыряли в них 'ауситы, и эта компания поспешно спряталась в рядах курайшитского войска. Видя насмешливое выражение лиц курайшитов, Мерзавец напустил на себя пророческий вид и заявил: «Через меня пострадает мой народ». Однако на курайшитов это не произвело никакого впечатления!

После того как Мерзавец получил отпор, с обеих сторон полетели стрелы. Это была своеобразная артиллерийская дуэль между сотней лучников курайшитов и мусульманскими лучниками, которые либо стояли в группе на 'Айнайне, либо были расставлены в первом ряду мусульман. Было произведено множество залповых выстрелов. Под прикрытием курайшитских лучников Халид со своим эскадроном начал атаку левого фланга мусульман, но был вынужден отступить под прицельным огнем мусульманских лучников. После обстрела на поле боя вновь раздалась песня курайшитских женщин: «Мы — дочери ночи...»

Следующим этапом сражения стали единоборства лучших воинов обоих войск. Талха, знаменосец курайшитов, выступил вперед из рядов и крикнул: «Я — Талха, сын Абу Талхи. Кто померяется со мной силой?»²⁵ Али принял его вызов и рванулся вперед. Не успел Талха замахнуться, как Али нанес ему страшный рубящий удар мечом. Талха был лишь ранен, и когда Али вновь занес свой меч, Талха взмолился о пощаде. Али тотчас же отошел от него. Однако позднее, в разгар общего боя, Талха принял смерть от рук мусульман. После поражения Талхи другой неверный вышел вперед и поднял знамя курайшитов. Этот человек был убит Хамзой. В этот момент Хамзу заметил Вахшай, стоявший позади рядов курайшитов. Вахшай начал украдкой пробираться вправо, чтобы приблизиться к Хамзе сбоку. Хамзу было легко узнать по крупному страусиному перу, украшавшему его тюрбан.

Затем поединки приняли массовый характер. Один за другим родичи Талхи поднимали знамя, и один за другим они погибали от рук мусульманских воинов, и наибольшее их число погибло от меча Али. Абу Суфьян также выехал на поединок, и против него вышел Ханзала ибн Абу Умайр, который пошел в бой пешим. Прежде чем Абу Суфьян успел воспользоваться копьем или обнажить меч, Ханзала нанес удар по передним ногам коня и повалил его на землю. Абу Суфьян закричал, призывая на помощь, и ему на выручку пришел один из его

²⁵ Вакиди: Магази: с. 176.

сотоварищей, вступивший в бой и убивший Ханзалу. Абу Суфян поспешил укрыться в рядах курайшитского войска.

Среди пожелавших сразиться оказался и другой курайшитский воин, 'Абд ар-Рахман, сын Абу Бакра. Он выступил из передних рядов и произнес обычный вызов, услышав который его отец, Абу Бакр, обнажил меч и приготовился выйти из мусульманских рядов, чтобы сразиться с ним. Однако Святой Пророк удержал Абу Бакра, сказав ему: «Вложи меч в ножны». ²⁶ В будущем этому самому 'Абд ар-Рахману предстояло стать одним из самых отважных воинов Ислама и покрыть себя славой во время военных походов мусульман в Сирию.

Вскоре после поединков сражение стало массовым, и обе армии сошлись в жестоком рукопашном бою. Мусульмане превосходили врагов в мужестве и искусстве владения мечами, но эти преимущества сводились на нет численным превосходством курайшитов. Пока продолжалось общее сражение, Халид сделал попытку еще раз атаковать левый фланг мусульман, где находился Пророк, но мусульманские лучники, стоявшие на 'Айнайне, вновь вынудили его отступить.

Пророк лично участвовал в этой операции, посыпая стрелы в общую массу курайшитов. Рядом с ним находился Са'д ибн Абу Ваккас, стрелодел по профессии и один из лучших лучников своего времени. Пророк указывал Са'ду цели, а Са'д с неизменной точностью поражал их.

Хамза сражался на самом левом краю мусульманского войска. К этому времени он уже убил двоих и увидел, что к нему приближается третий — человек по имени Саба' ибн 'Абд ал-'Узза, которого Хамза хорошо знал. «На меня! — проревел Хамза, — Ты, сын кожерезки!»²⁷ (Мать Саба' в Мекке совершила процедуры обрезания!) Краска залила лицо Саба', он выхватил меч и бросился на Хамзу.

Когда они сшиблись на мечах, Вахшай, прячась за камнями и кустарником, приблизился к Хамзе. Наконец-то он оказался на расстоянии броска копья и опытным взором прикидывал расстояние между собой и своей жертвой. Хамза нанес смертельный удар по голове Саба', и Саба' грузно осел к ногам Хамзы. Именно в этот миг Вахшай метнул свое копье. Ужасное оружие, посланное бестрепетной рукой, поразило Хамзу в живот и прошло насеквоздь. Хамза повернулся в сторону Вахшай и, ревя от бешенства, сделал несколько шагов по направлению к нему.

²⁶

²⁷

Там же: с. 200.
Иbn Хишам: т. 2, с. 70.

Вахшй затрепетал, замерев за большим валуном, но Хамза сумел сделать всего лишь несколько шагов и рухнул на землю.

Вахшй дождался, пока тело Хамзы стало неподвижным, а затем подошел к трупу и вытащил из него копье. Затем он осторожно покинул поле боя. Он сделал свое дело. Вахшй еще предстояло поучаствовать в других сражениях, но для Хамзы, «Льва Аллаха и Его Пророка»²⁸, этот бой стал последним.

Вскоре после этого войско курайшитов дрогнуло, а атаки мусульман начали становиться все более и более решительными. Когда несколько знаменосцев курайшитов были убиты или ранены, знамя подхватил раб, который также был убит, и знамя вновь упало на землю. Стоило ему упасть, как курайшиты прекратили сопротивление и обратились в беспорядочное бегство.

Теперь в рядах курайшитов воцарилась полное смятение. Мусульмане преследовали их, но курайшиты бежали быстрее своих преследователей. Курайшитские женщины выли, видя, какая участь постигла их мужчин. Они также обратились в бегство и, задрав подолы одежды повыше, чтобы бежать быстрее, развлекали мусульман видом своих быстро сверкающих пяток. Бежали все женщины, кроме 'Амры, которая осталась на своем месте, там, где перед сражением стояли курайшиты.

Мусульмане ворвались в лагерь курайшитов и начали грабить его. В лагере царило полное смятение. Повсюду метались женщины и рабы, надеявшиеся избежать смерти, а мусульмане захватывали все подряд и кричали от радости. Весь порядок, вся дисциплина, все управление войском рухнули, ибо мусульмане чувствовали, что битва была выиграна. Действительно, первый этап сражения завершился. Потери были небольшими, но поражение курайшитов было очевидным. Этим бы и должна была завершиться битва при Ухуде, но случилось иначе.

* * *

Когда курайшиты обратились в бегство, а мусульмане, преследуя их по пятам, ворвались в лагерь курайшитов, два подвижных крыла курайшитов не дрогнули. И Халид, и 'Икрима немного отступили назад со своей первоначальной позиции, но удерживали своих людей в полном повиновении, не позволяя никому из всадников обратиться в бегство. И теперь Халид наблюдал за этим хаосом, смотря то на бегущих курайшитов, то на грабящих лагерь мусульман, то на лучников, стоявших на 'Айнайне. Он не вполне понимал, что ему

²⁸ Вакиди: Магази, с. 225.

делать, но он обладал огромным терпением и ждал, когда подвернется шанс перейти к действиям. Вскоре его терпение было вознаграждено.

Когда лучники на 'Айнайне увидели, что курайшиты потерпели поражение и что мусульмане вошли в курайшитский лагерь, им также захотелось принять участие в его разграблении. Лагерь курайшитов выглядел очень заманчиво. Они обратились к своему начальнику, 'Абдаллаху ибн Джубайру, прося у него разрешения присоединиться к своим товарищам, но 'Абдаллах с твердостью отказал им в этом. «Вам прекрасно известен приказ Посланника Аллаха, — сказал он. — Мы должны оставаться на этом холме до тех пор, пока нам не будет отдан приказ покинуть его». — «Да, но Посланник Аллаха не имел в виду нынешнюю ситуацию, — возразили лучники. — Мы должны были удерживать холм во время сражения. Теперь же битва закончилась и нет никакого смысла оставаться здесь». И, невзирая на возражения своего командира, большинство лучников сошли с холма и бросились к лагерю курайшитов с криками: «Военная добыча! Военная добыча!»²⁹ 'Абдаллах остался на холме только с девятью лучниками. Это событие не осталось незамеченным Халидом, который дождался, пока лучники добрались до лагеря.

Тогда Халид нанес удар. Он повел конницу в атаку на горстку оставшихся на холме лучников, намереваясь захватить позицию и создать себе пространство для маневра. 'Икрима увидел передвижение Халида и галопом помчался через долину на соединение с отрядом Халида. Когда отряд Халида достиг вершины холма, отряд 'Икримы нагнал его, а сам 'Икрима вырвался вперед, чтобы принять участие в нападении на мусульманских лучников.

Верные приказу лучники, оставшиеся на холме, оказали героическое сопротивление. Некоторые из них были убиты, а те, кто уцелел, все до единого раненые, были вынуждены сойти с холма под напором Халида. 'Абдаллах бин Джубайр, до последнего защищавший доверенную ему Пророком позицию, получил много ран, а затем был убит 'Икримой. Затем отряд Халида, а за ним и отряд 'Икримы рванулись вперед и оказались за линией, которую час назад удерживали мусульмане. Оба отряда развернулись влево и атаковали мусульман с тыла. 'Икрима с частью своего отряда атаковал отряд, остававшийся с Пророком, а отряд Халида и другая часть отряда 'Икримы напали на мусульман, находившихся в лагере курайшитов.

Халид атаковал с тыла ничего не подозревавших мусульман, уверенный в том, что неожиданное нападение позволит ему быстро

²⁹ Там же: с. 178-179, Ибн Са'д: с. 545, 551.

разнести их в клочья. Однако мусульмане не пожелали, чтобы их разнесли в клочья. Когда курайшитская конница ворвалась в лагерь, в рядах мусульман воцарилось смятение, кое-кто из них потерял голову, а кто-то бежал. Однако большинство осталось на местах и приняло бой. Пока был жив Пророк, эти люди не собирались признавать свое поражение. Однако когда мусульмане начали бой с конницей курайшитов, 'Амра бросилась к валявшемуся на земле знамени курайшитов. Она подняла его и принялась размахивать им над головой, надеясь, что это заметят основные силы курайшитов.

К этому времени Абу Суфьян восстановил контроль над большей частью своей пехоты. Он видел маневр конницы. Он видел знамя, которое развевалось в руках 'Амры, и он направил своих людей снова в бой. Зная, что конница атаковала мусульман с тыла, курайшиты вновь кинулись в бой со своим боевым кличем: «За 'Уззу! За Хубала!»¹

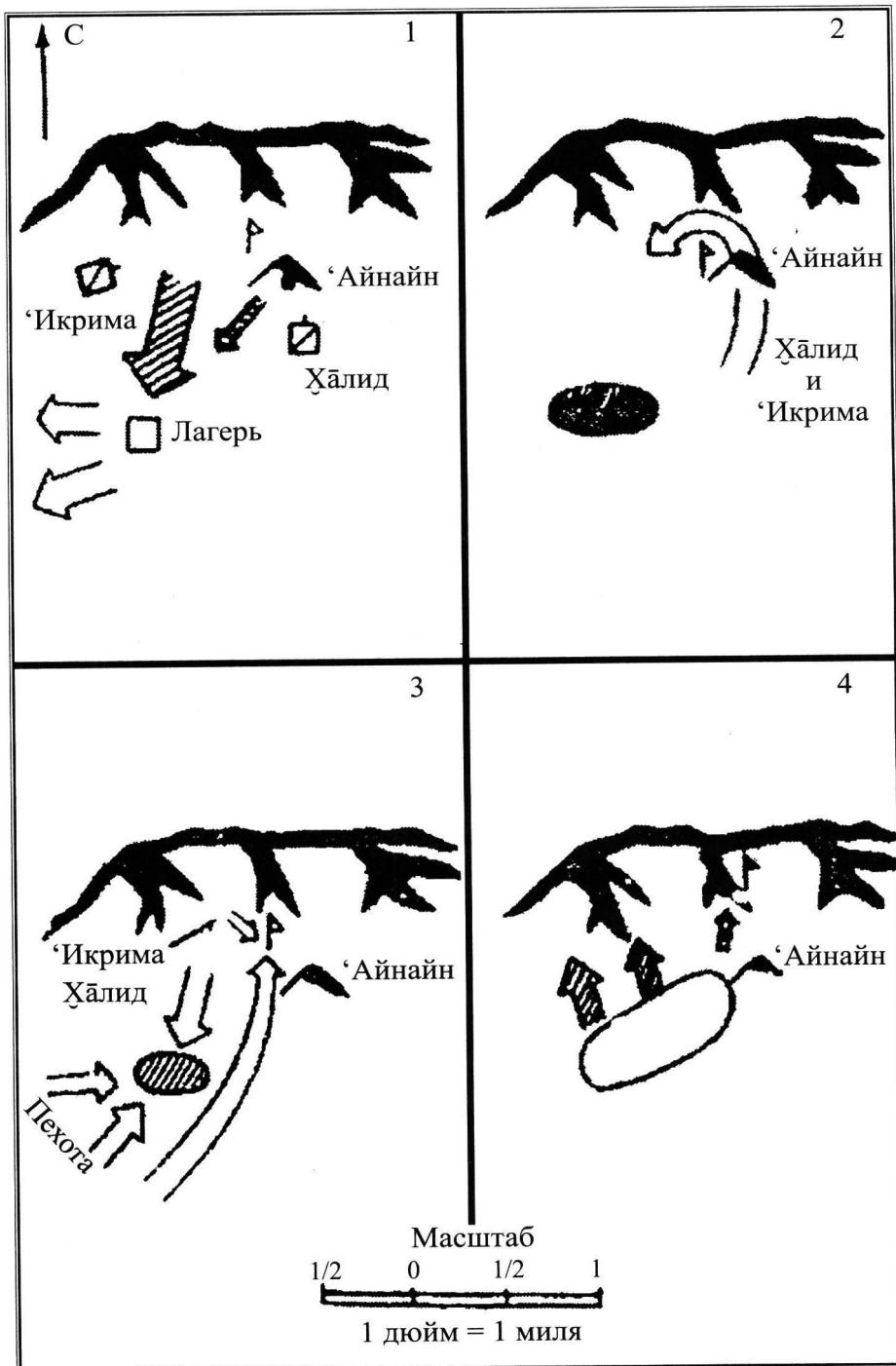
Теперь мусульмане оказались между двух огней: сзади на них насыдала конница курайшитов, а основная масса курайшитской армии давила на них спереди. Абу Суфьян лично пошел в атаку и сразил одного мусульманина. Вскоре положение мусульман сделалось отчаянным. Они оказались разделенными на несколько групп, которые сражались сами по себе, отражая атаки конницы и пехоты. Смятение нарастало, и в клубах пыли некоторые мусульмане даже начали биться друг с другом. Их охватила тревога, но паники не было. Среди мусульман начали нарастать потери, но они держались, исполненные решимости сражаться до последнего. Примерно в это время Халид сразил копьем своего первого врага, Абу 'Асйру, и ранил второго мусульманина. Полагая, что тот мертв, Халид двинулся дальше; однако его противник был лишь ранен и поднялся с земли, чтобы продолжить сражаться.

Теперь сражавшиеся распались на две самостоятельные группировки. Главные силы мусульман действовали против основной части войска курайшитов, а возглавляемая Святым Пророком группа сдерживала натиск отряда 'Икримы и той части пехоты курайшитов, которая вернулась, чтобы пойти в наступление на них.

Когда мусульмане оставили свои позиции, преследуя курайшитов, Святой Пророк остался на поле боя. При нем остались 30 его сподвижников, собравшихся вокруг него и отказавшихся поддаться искушению и принять участие в разграблении лагеря. Среди этих 30 человек были его ближайшие последователи, в том числе 'Алй, Абу Бакр, Са'д ибн Абу Ваккас, Талха ибн 'Убайдаллах, Абу 'Убайда, 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф, Абу Дуджана и Мус'аб ибн 'Умайр. С ними также

находились две женщины, которые до этого подносили мусульманам воду, а теперь присоединились к Пророку.

Когда Халид захватил позиции лучников и курайшитская конница начала обход мусульман, чтобы атаковать их с тыла, Пророк осознал серьезность положения, в котором оказались мусульмане. Он не мог ничего поделать, чтобы обуздить и направить действия основных сил,

Карта 2. Битва при Ухуде (2)

потому что они были слишком далеко, и он понимал, что его отряд вот-вот подвергнется нападению. Нынешняя позиция Мухаммада была крайне уязвимой, поэтому он принял решение перейти к подножию отрога, находившегося прямо за ним (не того отрога, у подножия которого стоял правый фланг мусульман), и с этой целью он начал движение назад. Однако он и 30 его сподвижников не успели пройти и четверти мили, как выдвинувшийся вперед 'Икрима со своими всадниками перекрыл им дорогу. Пророк принял решение остаться там, где они были, и принять бой, а вскоре подошел и отряд курайшитской пехоты, готовый наброситься на Пророка.

Отряд Пророка подвергся атаке и с фронта, и с тыла. Мусульмане образовали оборонительный рубеж вокруг Пророка, чтобы защитить его, интенсивность боя постоянно нарастала. Сам Пророк метко стрелял из лука до тех пор, пока он не переломился. Тогда Мухаммад передал свой запас стрел Са'ду, чьи меткие выстрелы доставляли курайшитам немало неприятностей. Каждый мусульманин сражался против трех-четырех врагов одновременно и либо погибал, либо отбрасывал противника назад.

'Икрима первым из курайшитов достиг позиции Пророка. Когда 'Икрима повел свой отряд в атаку, Пророк повернулся к 'Али и, указывая на этот отряд, сказал: «Атакуй их». 'Али атаковал их и заставил отступить, убив одного из нападавших. Затем на позицию двинулся второй отряд всадников. И снова Пророк сказал 'Али: «Атакуй этих людей».³⁰ И вновь 'Али заставил их отступить, убив еще одного неверного.

Битва становилась все более ожесточенной, курайшиты начали обстреливать отряд Пророка стрелами и камнями. Они использовали свои орудия обстрела, держась на расстоянии, а затем наступали с мечами наголо, как в конном, так и в пешем строю. Для того чтобы защитить Пророка от стрел, Абу Дуджана закрыл его собой, повернувшись спиной к курайшитской пехоте, из рядов которой летело большинство стрел. Через некоторое время спина Абу Дуджаны была так утыкана стрелами, что он стал похож на дикобраза, но он продолжал передавать свои собственные стрелы Са'ду. Талха также находился рядом с Пророком. Однажды, когда показалось, что стрела вонзится в лицо Пророка, Талха вытянул руку и принял стрелу на себя. В результате Талха лишился пальца, но спас Пророка.

Халид со своим отрядом вел атаку за атакой на основные силы мусульман и наносил им жестокий урон. К этому времени он сразил

³⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 197.

копьем свою вторую жертву — Сабита ибн Дахдаху. В этом сражении Халид в основном полагался на свое копье, с которым он набрасывался на противника и поражал его. Всякий раз, когда Халид поражал противника, он восклицал: «Получай! Я — отец Сулаймана!»³¹

* * *

Первый пыл контрнаступления угас, а за ним в секторе, занимаемом Пророком, последовало временное затишье, поскольку курайшиты отошли на небольшое расстояние, чтобы передохнуть, перед тем как вновь возобновить свои атаки. Во время этой передышки один из мусульман заметил, что Пророк повернул голову и внимательно вглядывается вдаль. Этот человек спросил Мухаммада, что он высматривает, и Пророк просто ответил: «Я жду Убайя ибн Халафа. Он может подобраться ко мне с тыла. Если увидишь его, дай ему приблизиться ко мне». Не успел он произнести эти слова, как из рядов отряда 'Икримы выехал всадник на могучем коне и медленно направился в сторону Пророка. Этот человек вскричал: «О Мухаммад! Я пришел! Либо ты, либо я!» Услышав это, один из сподвижников попросил у Пророка разрешения разобраться с этим человеком, но Пророк сказал: «Не мешайте ему!»³² Сподвижники расступились и дали всаднику возможность приблизиться.

В битве при Бадре мусульмане захватили в плен молодого человека по имени 'Абдаллах ибн Убай (не путать с 'Абдаллахом ибн Убайем, который был предводителем лицемеров). Его отец, Убай ибн Халаф, приехал вызволять своего сына и заплатил выкуп в размере 4000 дирхамов. После того как выкуп был заплачен, а молодой человек отпущен на свободу, Убай, еще не покинувший Медину, дерзко повел себя по отношению к Пророку. Он сказал: «О Мухаммад! У меня есть конь, которого я откармливаю, потому что я поеду на нем на следующую битву и убью тебя». Тогда Пророк ответил ему: «Нет, ты меня не убьешь. Это я убью тебя, когда ты будешь сидеть на этом коне, если на то будет воля Аллаха».³³ Тот издевательски рассмеялся и уехал со своим сыном.

А теперь Убай ибн Халаф приближался на своем коне к Пророку. Он видел, как сподвижники расступились, чтобы пропустить его. Он видел, что Пророк ожидает его, и против собственной воли восхитился человеком, которого намеревался убить. На Пророке было две кольчуги. На нем был кольчужный шлем, боковые стороны которого

³¹ Вакиди: Магази, с. 198.

³² Там же: с. 195-196; Ибн Хишам: т. 2, с. 84.

³³ Ибн Са'д: с. 549; Ибн Хишам: т. 2, с. 84.

защищали его щеки. Его меч покоился в ножнах, заткнутых за кожаный пояс, а в правой руке он держал копье. Убайй отметил, какие у Мухаммада могучие, широкие плечи; какие у него крупные, сильные руки — настолько сильные, что он мог бы переломить копье пополам. Пророк являл собой великолепное зрелище.

Сегодня мало кто знает, что Пророк Мухаммад был одним из самых сильных мусульман своего времени. Добавьте к его колосальной личной силе тот факт, что он был богоизбранным, и станет понятно, что он был бы серьезным противником для всякого человека. Однако Убайй не знал, что такое страх. Он только что убил мусульманина, и настроение у него было боевое.

Пророк спокойно мог отдать мусульманам приказ убить Убайя. Они бы набросились на него и разорвали в клочья. Или же он мог просто приказать 'Али: «Убей этого человека», и этот человек был бы уже покойником, потому что если 'Али решал кого-то убить, то ничто не могло спасти его жертву. Однако Пророк приказал своим сподвижникам расступиться. На этот раз он не хотел, чтобы ему помогали. Это было дело личной чести. Мухаммад хотел вступить в поединок, как подобало мужественному арабу. Он желал сразиться с тем, кто бросил ему вызов.

Подъехав к Пророку, 'Убайй придержал коня. Он не торопился. Ни мгновения не сомневаясь в том, что Мухаммад дождется, когда он пойдет в атаку, он замешкался, извлекая свой меч. И тут вдруг оказалось слишком поздно, потому что Пророк поднял копье и нанес удар в верхнюю часть груди Убайя. Убайй попытался было отклониться, но не смог сделать этого достаточно быстро. Копье ударило его в правое плечо, у основания шеи. Рана была небольшой, но Убайй упал с лошади и при падении сломал ребро. Прежде чем Пророк смог нанести еще один удар, Убайй поднялся на ноги и обратился в бегство, с воплями устремившись к своим товарищам. Те остановили его и спросили, что с ним, на что Убайй дрожащим голосом ответил: «Клянусь Аллахом, Мухаммад убил меня».

Курайшиты осмотрели его рану и сказали ему, чтобы он не глупил, потому что рана у него была поверхностной и должна была скоро зажить. Однако Убайй повысил голос и сказал: «Я непременно умру!» Когда курайшиты принялись успокаивать его, Убайй совсем вышел из себя и диким голосом возопил: «Говорю вам, что я умру! Мухаммад сказал, что убьет меня. Я захлебнулся бы, если бы Мухаммад только плонул на меня!»³⁴ Убайй оставался безутешным.

³⁴ Ибн Хишам: т. 2, с. 84.

Когда курайшиты вернулись в Мекку, Убайй поехал с ними. Когда они разбили лагерь в местечке под названием Сараф, что недалеко от Мекки, несчастный умер. Разумеется, причиной его смерти была не физическая рана. Аллаху лучше это ведомо!

* * *

Постепенно положение становилось все более отчаянным, поскольку мусульмане держались с суровой решимостью и не выказывали ни малейших признаков готовности признать свое поражение. И Абу Суфьян, и Халид хотели поскорее закончить дело, ибо сражение уже продолжалось слишком долго. Поэтому курайшиты решили усилить натиск и, по возможности, сосредоточиться на Пророке, потому что его смерть могла бы повлечь за собой прекращение сопротивления.

Поэтому на Пророка двинулся мощный отряд курайшитской пехоты. Оборонявшиеся мусульмане продолжали сражаться, и многие из них сложили головы. Трое курайшитов сумели прорвать оборонительный рубеж и приблизиться к Пророку на расстояние, с которого можно было бросить в него камнем. Это были 'Утба ибн Абу Ваккас, 'Абдаллах ибн Шихаб и Ибн Камй'а. Все трое начали метать камни в Пророка.

Первый (один из братьев Са'да) бросил четыре камня в лицо Пророку, выбил ему два нижних зуба и рассек губу. 'Абдаллах сумел попасть в цель одним камнем, разбив Пророку лоб, а один камень, брошенный Ибн Камй'а, ранил Пророка в щеку, вогнав в скулу два звена кольчужного шлема.

В результате полученных ударов Пророк упал на землю, Талха бросился ему на помощь. В этот момент горстка оставшихся с Пророком мусульман перешла в свирепую контратаку и заставила курайшитов перейти в отступление. Са'д отбросил свой лук, выхватил меч и накинулся на своего брата, однако последний оказался проворнее его и скрылся в рядах курайшитов. Впоследствии Са'д говорил, что он никогда не жаждал убить кого-то так, как он жаждал убить своего брата, 'Утбу, за то, что тот ранил Пророка.

Вновь выдалась короткая передышка, во время которой Пророк стер с лица кровь. При этом он сказал: «Как может благоденствовать народ, который окрашивает кровью лицо Пророка, призывающего людей к их Господу!»³⁵ Абу 'Убайда, имевший некоторый хирургический опыт,

³⁵ Там же: т. 2, с. 80; Вакиди: Магази, с. 191.

попытался извлечь из скулы Пророка впившиеся в нее звенья кольчуги. В конце концов ему пришлось вытаскивать их зубами, и это стоило ему двух зубов. Впоследствии он стал известен среди арабов как ал-Асрам, то есть человек без резцов.

Во время передышки Пророк восстановил свои силы и оправился от физической боли, причиняемой ранами. Негритянка по имени Умм Айман, нянчившая Пророка в детстве, находилась рядом с ним. Из рядов курайшитов медленно вышел человек по имени Хаббан ибн ал-'Арка, подошел на расстояние полета стрелы и, прицелившись в эту женщину, стоявшую к нему спиной, выстрелил из лука. Стрела вонзилась в спину Умм Айман. Хаббану показалось это очень смешным, и он с громким смехом повернулся и направился обратно к курайшитам. Пророк увидел, что произошло, и страшно разгневался. Он вынул стрелу из своего колчана и передал ее Са'ду. «Застрели его»³⁶, — приказал он. Са'д приладил стрелу Пророка к своему луку и, тщательно прицелившись, попал тому в шею. На этот раз засмеялся Пророк!

* * *

Затем курайшиты пошли в последнее яростное наступление, бешено атакуя Пророка со всех сторон. Рубеж, образованный сподвижниками, мог держать оборону практически во всех направлениях, однако в одном месте он был прорван, и Ибн Камй'a вновь прорвался через него и бросился к Пророку. Это был один из тех, что забросали Пророка камнями во время предыдущей фазы сражения. Рядом с Пророком, немного правее него, стояли Мус'аб ибн 'Умайр и женщина по имени Умм 'Аммара. Эта женщина поила раненых воинов, но, отложив свои заботы и взяв у одного из погибших меч и лук, фактически приняла участие в недавней схватке. Она завалила одного коня и ранила одного неверного.

Ибн Камй'a ошибся, приняв Мус'аба за Пророка, и накинулся на него. Мус'аб ожидал его с обнаженным мечом, и они вступили в единоборство. После нескольких выпадов Ибн Камй'a сразил Мус'аба смертельным ударом.

Когда Мус'аб был убит, Умм 'Аммара налетела на Ибн Камй'a и мечом нанесла ему удар по плечу. На Ибн Камй'a была кольчуга, а поскольку мышца под ней была сильнее удара, меч не причинил вреда. В ответ Ибн Камй'a рубанул женщину по плечу, но удар был поспешный, и она осталась жива. У нее образовалась на плече

³⁶ Вакиди: Магази, с. 189.

глубокая рана, из-за которой женщина рухнула на землю и некоторое время не могла пошевелиться.

После того как была повержена Умм 'Аммара, неверный увидел стоявшего в одиночестве Пророка и бросился к нему. Он занес меч и нанес ужасный удар по голове Пророка. Меч разрубил несколько звеньев кольчужного шлема Пророка, но не смог разорвать его. Отраженный шлемом, меч соскользнул и ударили Пророка по правому плечу. Сила удара была такова, что Святой Пророк рухнул в небольшой ров, находившийся прямо за ним. Оттуда позднее его извлекли 'Али и Талха.

Видя, что Пророк упал, Ибн Камй'а развернулся и побежал назад к курайшам, крича изо всех сил: «Я убил Мухаммада! Я убил Мухаммада!» Эта весть облетела все поле брани, подхваченная и курайшитами, и мусульманами. Она сломила боевой дух мусульман, и большинство из них обратились в бегство по направлению к горе У худ. Однако несколько мусульман решили, что если Пророк мертв, то и им незачем больше жить. Они обрушились на конницу курайшитов, решив как можно дороже продать свою жизнь, но Халид и 'Икрима быстро порубили их. При этом Халид убил своего третьего воина, Рафа'у ибн Вакша.

Когда основной отряд мусульман побежал к холмам, большинство курайшитов принялись грабить мертвых, и защищавшие Святого Пророка мусульмане увидели, что рядом с ними не осталось ни одного курайшита. Искушение добычей оказалось для курайшитов столь же непреодолимым, как ранее для мусульман. Увидев, что путь свободен, Пророк, окруженный оставшимися в живых бойцами отряда, отступил к ущелью в долине. При этом отходе несколько курайшитов погнались за Пророком, но их атаку отбили, и сподвижники убили одного или двоих из нападавших. Халид заметил продвижение отряда Пророка к горному проходу, но не попытался помешать этому, ибо он был поглощен преследованием основной части мусульманской пехоты. Таким образом Пророк беспрепятственно добрался до ущелья, и его отряд поднялся вверх по крутым склонам отрога в том месте, где он образовывал почти вертикальный каменистый обрыв на восточной стороне ущелья высотой около 400 футов. Там Пророк остановился в расселине между камнями, чтобы обозреть трагическую панораму, открывавшуюся перед ним. (Эта последняя фаза сражения показана на карте 2.)

Из отряда численностью 30 человек, сражавшегося вместе с Пророком в течение нескольких предыдущих схваток, остались только 14

человек, большинство из которых были ранены. Шестнадцать человек были убиты, защищая Пророка и путь Аллаха.

Так мусульмане покинули поле боя. Некоторые в страхе бежали как можно дальше, другие вернулись в Медину, некоторые присоединились к Пророку лишь два дня спустя. Однако те, кто намеревался спастись в холмах, передвигались мелкими группами, расчищая себе дорогу в схватках с курайшитской конницей, и добирались до подножия горы

Ухуд. Там они расходились в разные стороны, одни прятались на нижних склонах, другие забирались повыше, третьи скрывались в углублениях в скалах. Никто из них не знал, что делать дальше. Курайшиты полностью завладели полем битвы.

Добравшись до ущелья, Пророк получил время, чтобы осмотреть свою рану. Здесь к нему присоединилась его дочь Фатима. 'Али принес в своем щите воды из соседнего озерца, и Фатима тихонько плакала, смывая кровь с отцовского лица и перевязывая его раны. Укрытый склонами труднопроходимого ущелья, в котором курайшиты не могли напасть на мусульман большим числом, Пророк дал отдых своему усталому телу.

Из мусульман, укрывшихся на горе Ухуд, некоторые бродили практически бесцельно, не зная, куда им идти и что делать. Один из них, человек по имени Ка'б ибн Малик, подойдя к ущелью, увидел Пророка и узнал его. У этого человека был громкий голос. Он вскарабкался на высокую скалу и, повернувшись в том направлении, где, как ему было известно, пряталось большинство мусульман, прокричал: «Возрадуйтесь, о мусульмане! Посланник Аллаха здесь!»³⁷ При этом он указывал на то место, где находился Пророк. В результате этого оглашения, которое не услышали курайшиты, множество групп мусульман прошли по горам и присоединились к Пророку. Среди них был 'Умар, бесконечно обрадованный тем, что он вновь видит Пророка.

Тем временем Абу Суфьян был занят поиском тела Пророка. Он бродил по полю боя и заглядывал в лица всем погибшим, надеясь увидеть лицо своего врага. То и дело Абу Суфьян спрашивал своих людей: «Где Мухаммад?» Во время этих поисков он пересекся с Халидом и задал ему этот вопрос. Халид сказал ему, что он видел Мухаммада, который в окружении сподвижников шел в сторону ущелья. Халид указал Абу Суфьяну на скалистый обрыв, и последний приказал ему собрать всадников и атаковать эту позицию.

³⁷ Ибн Хишам: т. 2, с. 78.

Халид посмотрел на усеянную валунами долину, которая вела к отрогу, а затем и на крутой склон самого отрога. У него были дурные предчувствия относительно этого маневра, ибо он знал, что такая местность будет серьезным препятствием для конницы. Однако он надеялся, что ему подвернется какой-нибудь случай, как это произошло вскоре после того, как в начале сражения курайшиты потерпели поражение. Халид был неисправимым оптимистом. Он повел свой отряд в сторону отрога.

Пророк увидел это движение и взмолился: «О Господь, не дай этим людям прийти сюда».³⁸ Затем 'Умар собрал отряд мусульман и немного спустился по склону, чтобы встретить конницу курайшитов. Когда Халид подъехал со своим отрядом, он увидел, что 'Умар и другие мусульмане ожидают его на склоне. Халид понял, что ситуация безнадежна, что не только его враг занял более выгодную позицию, но и его собственная конница не сможет действовать на такой сложной местности. Он отступил. И это был последний тактический маневр в битве при Ухуде.

* * *

Абу Суфьян, Халид и многие другие увидели перед собой зрелище, которое навсегда запечатлелось в их памяти и которое им не понравилось. Поле боя, где лежали тела мусульманских мучеников, заполонили Хинд и другие курайшитские женщины. Хинд нашла тело Хамзы и накинулась на него с кинжалом в руке.

Хинд была рослой, крупной женщиной, и ей ничего не стоило изувечить труп. Она выпустила кишки и вырезала печень Хамзы. Отрезав от нее кусок, она положила его в рот и попыталась проглотить! Затем она отрезала уши и нос Хамзы и заставила остальных женщин поступить так же со многими другими телами.

Тут к Хинд подошел Вахшй. Она повернулась к нему, сняла с себя все свои украшения и передала ему. «А когда мы вернемся в Мекку, — сказала она, — я дам тебе 10 динаров».³⁹ Расставшись со своими украшениями, она сделала себе ожерелье и ножные браслеты из отрубленных ушей и носов мучеников и надела эти мрачные украшения! Потом эта необычная женщина запела:

*Мы отплатили вам за день Бадра —
Одним кровавым днем за другой.
Я не могла пережить гибель "Утбы,
Моего дяди, моего брата, моего сына.*

³⁸

Ибн Хишам: т. 2, с. 86.

³⁹

Вакиди: Магази, с. 222.

*Теперь мое сердце остыло, теперь моя клятва исполнена;
И Свирепый изгнал боль из моего сердца.
Я буду благодарна Вахий всю мою жизнь,
До тех пор, пока мои кости не истлеют в могиле}*

Вскоре по окончании этой отвратительной драмы Абу Суфьян начал подниматься по долине. Он по-прежнему надеялся на то, что Мухаммад может быть убит и что Халид ошибся. Абу Суфьян вскарабкался на высокий утес на некотором расстоянии от того места, где находился Пророк, и вскричал: «Среди вас ли Мухаммад?» Пророк сделал знак своим сподвижникам, чтобы они не отвечали. Абу Суфьян дважды повторил свой вопрос, но ответа не последовало.

Затем Абу Суфьян трижды спросил: «Среди вас ли Абу Бакр?» И трижды он спросил: «Среди вас ли 'Умар?» Со стороны отрога не доносилось ни единого звука.

Тогда Абу Суфьян обратился к курайшитам, стоявшим неподалеку от него, и вскричал: «Эти трое мертвые. Они больше не причинят вам беспокойства». Тут 'Умар не сумел сдержаться и рявкнул в ответ Абу Суфьяну: «Ты лжешь, о враг Аллаха! Те, кого ты назвал, живы, и нас осталось в живых достаточно, чтобы сурово покарать тебя!»

Абу Суфьян ответил громким презрительным смехом. Он знал, что в данный момент мусульмане никак не могли исполнить эту угрозу. Но он крикнул 'Умару: «Да защитит тебя Аллах, о Сын ал-Хаттаба! Неужто Мухаммад действительно жив?»

«Да, клянусь Аллахом. И даже сейчас он слышит все, что ты говоришь».

«Ты более правдив, чем Ибн Ками'а», — ответил Абу Суфьян.

Затем состоялся последний диалог между Абу Суфьяном и Пророком. Пророк не обращался лично к своему врагу, но говорил 'Умару, что сказать, и 'Умар выкрикивал его ответы Абу Суфьяну.

— Абу Суфьян: Слава Хубалу! Слава 'Уззе!⁴⁰

— Пророк: Слава Аллаху, Величайшему и Могущеннейшему!

— Абу Суфьян: У нас есть 'Узза и Хубал. У тебя нет 'Уззы и Хубала.

— Пророк: Аллах — наш Господь. У вас нет Господа.

— Абу Суфьян: Дело сделано. Эта победа — ответ на вашу победу при Бадре. На войне судьба непостоянна. Через год мы вновь встретимся при Бадре.

— Пророк: Мы встретимся при Бадре. Клянемся тебе в этом.

— Абу Суфьян: Среди ваших убитых вы найдете обезображеных. Это сделано не по моему приказу, и я не одобряю подобных действий.⁴¹ Не суди меня за это.

После своего последнего заявления Абу Суфьян повернулся и пошел к своему войску.

Курайшиты покинули поле боя и собрались в своем прежнем лагере, разбитом сутки назад. Когда они ушли, Святой Пророк послал 'Али в разведку, чтобы узнать, каких животных седлали курайшиты — коней или верблюдов. 'Али сходил в разведку и вернулся к Пророку, сообщив, что курайшиты седлали верблюдов и вели на поводу своих коней. Пророк заметил: «Это означает, что они намереваются вернуться в Мекку и не станут нападать на Медину. Если бы они хотели напасть на Медину, они седлали бы коней, готовясь к сражению. В этом случае, клянусь моим Господом, я немедленно пошел бы на новый бой с ними».⁴²

Курайшиты провели ночь в Хамра' ал-Асад, в 10 милях от Медины.⁴³ Мусульмане вернулись в Медину, за исключением нескольких отбившихся от своих групп, которые вернулись на следующий день или два дня спустя.

* * *

На следующее утро Святой Пророк поднялся и надел на себя свои доспехи. На его лице были видны следы ранений, которые он получил во время битвы. Его сильно рассеченные щека, лоб и губа все еще оставались опухшими. Утрата двух зубов причиняла ему боль, правое плечо сильно болело там, где на него обрушился меч Ибн Камй'а. Плечо это продолжало беспокоить его в течение целого месяца.

Пророк послал за Билалом, его муэдзином⁴⁴, и приказал ему призвать правоверных на битву. В это утро к участию в военном походе были допущены только те, кто принимал участие во вчерашнем сражении. Громоподобный голос Билала разносился по улицами Медины и был слышен во всех домах правоверных.

Мусульмане поднимались со своих циновок, слыша приказ Пророка собираться на битву. Большинство из них были ранены, у некоторых раны были тяжелее, чем у других. Они провели бессонную ночь, исполненную боли и страданий. Всю ночь женщины хлопотали,

⁴¹ Ибн Хишам: т. 2, с. 91.

⁴² Ибн Хишам: т. 2, с. 94.

⁴³ Это место находилось рядом с современным Би'р 'Алай, на главной дороге в Мекку.

⁴⁴ Тем, кто возвещает азан — мусульманский призыв на молитву.

ухаживая за воинами, обмывая и перебинтовывая им раны. Немногие из мусульман были в состоянии сражаться, но они поднялись со своих циновок. Не было слышно ни стонов, ни вскриков от боли. Одни хромали, другие опирались на импровизированные костыли, третые при ходьбе опирались на плечи товарищей. Хромая и спотыкаясь, они шли к Пророку. Они видели Пророка и восклицали: «Лаббайка» («Мы здесь!»). И эти измученные, израненные мусульмане во главе с измученным, израненным Пророком вышли на бой с неверными. Их было около 500 человек.

В то время как мусульмане собирались на бой, в стане курайшитов возник жаркий спор. 'Икрима, настроенный не менее агрессивно, чем накануне, настаивал на возобновлении сражения по той причине, что после битвы мусульмане находились в плачевном состоянии и теперь было самое время вновь напасть на них и полностью уничтожить их, прежде чем они оправятся от поражения.

«Хорошего понемногу, — отвечал Сафван ибн Умайя. — Мы выиграли сражение, и мы должны удовольствоваться этой победой. Если мусульмане в плачевном состоянии, то и наше состояние оставляет желать лучшего. Большинство наших лошадей и многие из наших бойцов ранены. Если мы вступим в бой в нашем нынешнем состоянии, то нам может повезти меньше, чем вчера».⁴⁵

К этому времени курайшитской верхушке также стало известно о дезертирстве 300 лицемеров. Их пугало то, что эти 300 человек могут, раскаявшись, вернуться к Пророку, ибо это серьезно укрепило бы силы мусульман свежим пополнением. Пока длился спор, курайшитские воины заметили и схватили двух мусульманских разведчиков, посланных Пророком для сбора информации о курайшитах. Эти разведчики были немедленно убиты, но их появление подтвердило опасения Сафвана и Абу Суфайана относительно боевого настроя мусульман и их желания продолжить сражение. Абу Суфайан немедленно отдал приказ уходить в Мекку, и армия курайшитов двинулась в путь.

Днем мусульмане вышли к Хамрат ал-Асаду и обнаружили, что враги ушли. Они разбили лагерь. Проведя четыре ночи в Хамрат ал-Асаде, мусульмане вернулись в Медину.

Военная операция при Ухуде завершилась. В сражении в общей сложности полегло 70 мусульман. Абу Суфайан убил одного. Сафван ибн Умайя, Халид и 'Икрима убили по три мусульманина. Со стороны курайшитов были убиты 22 неверных, из которых 6 пали от рук 'Али, а

⁴⁵ Ибн Хишам: т. 2, с. 104; Вакиди: Магази, с. 231-232, 263.

3 — от рук Хамзы. Мусульмане потерпели поражение, но оно не было сокрушительным.

* * *

Битва при Ухуде была второй по значению битвой в истории Ислама. Это была первая битва, в которой войском, действовавшим против мусульман, командовал Абу Суфьян, и первая битва в жизни Халида. Святой Пророк проиграл это сражение, и ответственность за это несут исключительно те ненадежные лучники, которые ослушались приказов Пророка и своего непосредственного командира. В самом деле, покинув свои позиции, эти лучники тотчас же перестали быть мусульманами и превратились в племенных арабов, склонных к грабежам.

Ряд авторов высказывали мнение, что арабы в те времена ничего не знали о регулярных боевых действиях, что в военном отношении они действовали методами налетчиков и понятия не имели о правилах ведения боя. Многие из этих авторов высказывали предположение о том, что арабы научились военному искусству у византийцев и персов, с которыми у них начались военные столкновения после смерти Пророка.

Это не совсем так. Мы уже упоминали диспозицию, указанную Пророком, и основательные военные соображения, на которых она основывалась. Также следует отметить, что при выборе поля боя Пророк оставил Медину открытой для атаки курайшитов. Медина была базой мусульман, но путь к этой базе, проходивший южнее позиции мусульман, был открыт Абу Суфьяну. Мусульмане не преградили бы путь Абу Суфяну, если бы он вознамерился пойти на Медину. Принимая такое решение, Пророк правильно угадал, что Абу Суфьян не посмеет двинуться на Медину, потому что при этом он подставил бы свой фланг и тыл для атаки мусульман. Так оно и произошло. Абу Суфьян не пошел на Медину, опасаясь мусульман, фланг которых располагался вдоль дороги. Это был классический пример защиты своей базы не организацией ее защиты от лобовой атаки, а путем создания фланговой угрозы врагу при любой его попытке подойти к базе. Применение данной тактики многократно повторялось в военной истории.

Если Абу Суфьян и был вынужден вести бой в неблагоприятных для него условиях, то диспозиция его войска была надежная, соответствующая образцовой схеме, бывшей в ходу у римлян и персов. В соответствии с данной схемой основная часть кавалерии располагалась в центре и образовывала мобильные фланги, способные действовать

против вражеских флангов и тыла. Если говорить о выборе поля для сражения и диспозиций, то едва ли какой-нибудь римский или персидский военачальник, командуя ими этими войсками, поступил бы иначе и расположил свои войска не так, как это сделали Пророк и Абу Суфьян. Воистину, ни один критик не предложил нам лучшего варианта!

Другим важным обстоятельством, выявившимся в этом сражении, является военная сметка и искусство, которыми обладал Халид. Когда основная часть курайшитского войска бежала, его меньшие части — кавалерийские отряды — не покинули поля боя. Обычно в случаях, когда основная часть войска обращается в бегство, его отдельные отряды не остаются на поле боя. В этом мы видим проявление исключительного мужества Халида (и 'Икримы), которые продолжали командовать своими отрядами на поле боя вопреки логике, которая подсказывала им, что, возможно, в этом нет никакого смысла. Мы видим терпение Халида и его нежелание признавать поражение. Только острый глаз Халида заметил брешь, созданную лучниками, покинувшими свою позицию. Он заметил это слабое место и тут же принял решение попытаться использовать этот шанс, предприняв стремительное ответное действие, которое позволило ему атаковать незащищенные тылы мусульман. Именно этот блестательный маневр Халида превратил почти полную победу мусульман в их почти полное поражение.

Мы также видим решительность и настойчивость Халида, проявившиеся в том, как он безжалостно теснил упорных мусульман до тех пор, пока они не дрогнули. То, что он лично убил троих, свидетельствует о его личном мужестве и искусстве ведения боя. Обладая присущими юности отвагой и пылкостью и в то же время терпением и рассудительностью, свойственными зрелому возрасту, Халид проявил себя многообещающим полководцем.

Это было первое в истории Ислама сражение, в ходе которого был осуществлен замечательный маневр. С этого времени маневрам и стратегическим уловкам предстояло играть более заметную роль в сражениях мусульман. Некоторым из людей, упомянутых в этой истории, в ближайшие два десятилетия предстояло покрыть себя неувядаемой славой... Халид, 'Амр ибн ал-'Ас, Абу 'Убайда, Са'д ибн Абу Вакк'ас.

Глава 4

БИТВА У РВА

В течение нескольких дней по возвращении в Мекку Халид только и думал, что о битве при Ухуде. Вновь и вновь его мысль возвращалась к тому, как лучники оставили свои позиции и как быстро и точно он воспользовался возможностью для совершения маневра. За свою военную карьеру Халиду еще не раз предстояло повторить такие контрудары. Однако его омрачала мысль о проявленном мусульманами мужестве и их стойкости, которым он никак не мог найти объяснения. Казалось невероятным, чтобы маленький отряд, атакуемый со всех сторон противником, имеющим столь явное численное преимущество, держался с такой непоколебимой решимостью и был готов до конца сражаться за свою веру. В конце концов мусульмане были сделаны из того же теста, что и курайшиты и остальные арабы. Возможно, новая вера дала своим последователям то, чего не могли дать другие религии. Возможно, было что-то в Мухаммаде такое, чего не было у других людей. Такие мысли занимали Халида, но пока что он никак не проявлял намерения перейти в новую веру. На самом деле он предвкушал новое столкновение с мусульманами, но думал об этом без горечи или затаенной злобы. Он думал о следующем сражении так, как спортсмен думает о следующем матче.

И Халид со всей присущей ему энергией и энтузиазмом продолжал наслаждаться счастливой жизнью.

* * *

В течение двух последующих лет прямых военных столкновений мусульман с курайшитами не последовало. Впрочем, произошло одно событие, вошедшее в историю как инцидент при Раджи', — жестокое и ужасное событие, которое ухудшило отношения между Меккой и Мединой.

Указанное событие случилось в июле 625 г. Несколько арабов пришли к Пророку в качестве посланцев своего племени, выразили желание принять Ислам и попросили его прислать им нескольких человек, хорошо знающих Коран и обычаи Ислама, чтобы эти люди разъяснили им суть веры и обязанности, которые она накладывала на их племя. Пророк назначил для выполнения этого задания шестерых сподвижников, и эти люди, гордые тем, что им предстоит распространить истинную веру, пустились в путь с посольством,

совершенно не подозревая об уготованной им западне. Когда эти люди, ведомые своими проводниками, дошли до местечка, называемого Раджи', расположенного поблизости от 'Асфана, на них напали 100 воинов из пригласившего их племени. Мусульмане выхватили мечи, но у них не было ни малейшего шанса. Трое из них погибли, а остальные трое попали в плен. Пленников увезли в Мекку, и в дороге один из них сумел освободиться от пут и напал на своих поработителей, но тоже был убит. В итоге до Мекки дошли только двое, Хубайб ибн 'Адй и Зайд ибн ал-Дасинна. Оба они сражались с неверными в боях, и теперь захватчики привели их в Мекку и продали за большие деньги родственникам убитых неверных, которые с радостью заплатили за них, намереваясь предать их казни, чтобы отомстить за тех, кого они потеряли.

На несколько дней пленников оставили в покое, так как шел священный месяц сафар. Как только месяц окончился, двоих пленников вывели в Тан'им, место на северо-западной окраине Мекки, где собралось все городское население, включая рабов, женщин и детей. В землю были вкопаны два деревянных шеста, к которым и подвели пленников. Они попросили, чтобы им разрешили произнести последнюю молитву, и им предоставили эту возможность. Когда молитва завершилась, пленных привязали к шестам.

Теперь каждому из них был предоставлен выбор: вернуться к поклонению курайшитским идолам или умереть. Оба мусульманина предпочли смерть. Затем Абу Суфьян подошел к каждому из пленников и сказал: «Разве вам не хочется, чтобы вы спокойно сидели у себя дома, а на вашем месте оказался Мухаммад?» Каждый из них страстно отверг это предположение и сказал, что никакие страдания не могли бы заставить их помыслить о подобном. Раздосадованный и сердитый, Абу Суфьян отошел от них и сказал своим друзьям: «Никогда не видел, чтобы люди любили своего предводителя так, как люди Мухаммада любят Мухаммада!»

Зайду было суждено умереть первым, и его смерть была быстрой и легкой. К нему подошел раб и пронзил ему грудь копьем. Затем наступила очередь Хубайба, и его смерть должна была превратиться в зрелище. Вот на что собирались посмотреть жители Мекки, вот что они с радостью предвкушали.

По сигналу к шесту, к которому был привязан Хубайб, ринулись 40 мальчиков с копьями и начали колоть его. Иногда они отходили в сторону, а затем вновь налетали на него, словно собираясь убить его, но в последний момент сдерживали удар, чтобы только слегка уколоть — поцарапать и проколоть кожу, но не убить. Некоторые мальчики были

неловкими и наносили более глубокие раны, чем остальные, и вскоре тело Хубайба было покрыто кровью из сотен неглубоких ран. Он вздрагивал при каждом уколе копьем, но ни звука не сорвалось с его уст. А зрители развлекались видом его страданий.

Так продолжалось некоторое время, а затем к Хубайбу подошел мужчина с копьем и разогнал мальчиков. Возможно, мальчики уже успели утомиться от этой потехи. Возможно, публика пресытилась созерцанием этой забавы. Этот человек занес копье и пронзил им сердце Хубайба, положив конец его мучениям. Два трупа были оставлены гнить привязанными к шестам.

Человек, организовавший эту потеху и подготовивший мальчишек для участия в ней, был не кто иной, как 'Икрима, сын Абу Джахла. Затевая это жуткое кровавое зрелище, 'Икрима не задумывался о том, что ему могут проститься его жестокое сопротивление Исламу и мусульманская кровь, пролитая им при Бадре и Ухуде, но не простится то, что он сотворил на этот раз. В тот день 'Икрима стал военным преступником.

* * *

Напомним, что перед тем как оставить поле битвы при Ухуде, Абу Суфьян пообещал мусульманам вновь встретиться с ними при Бадре через год, и Пророк принял его вызов. Это означало, что встреча должна была состояться в марте 626 г., но по мере приближения указанного срока Абу Суфьяну расхотелось сталкиваться с мусульманами. В ту зиму дожди оказались еще более скучными, чем обычно, а поскольку зима прошла, то резко усилилась жара. Погода стояла жаркая и сухая, и год сулил выдаться крайне неудачным. Абу Суфьян решил отложить операцию и послал в Медину лазутчика, чтобы пустить слух, будто курайшиты собираются в великом множестве и намереваются прийти с гораздо большей силой, чем та, которой они располагали при Ухуде. Он рассчитывал запугать мусульман, вынудив их остаться в Медине, но когда эти слухи достигли Пророка, он провозгласил: «Я приду на назначенную встречу с неверными, даже если мне придется пойти на нее одному».⁴⁶

В конце марта мусульмане выступили из Медины. Их войско насчитывало 1500 человек, из которых 50 располагали лошадьми. Войско вышло к Бадру 4 апреля 626 г. (1 зу-л-ка'да, 4 г. хиджры), но там не было никаких признаков курайшитов.

Когда Абу Суфьян получил известие о выходе мусульман из Медины, он собрал вместе курайшитов и выехал из Мекки. В его

⁴⁶ Ибн Са'д: с. 563.

войске было 2000 пеших воинов и около сотни лошадей, и вновь с ним были такие выдающиеся бойцы, как Халид, 'Икрима и Сафван. Впрочем, когда курайшиты добрались до 'Асфана, Абу Суфьян решил, что ни при каких обстоятельствах не станет вступать в бой. Он обратился к своим подчиненным с такими словами: «Год — самый неблагоприятный для ведения боевых действий. В стране засуха, редко когда бывала такая жара. Условия не подходят для сражения. Мы вновь дадим им бой в урожайный год».⁴⁷ Изложив причины, по которым не следовало продолжать движение вперед, Абу Суфьян приказал возвращаться в Мекку. Сафван и 'Икрима яростно сопротивлялись такому решению, но их возражения были бесполезными. Мекканцы вернулись в Мекку.

Мусульмане стояли при Бадре в течение 8 дней. Затем, услышав, что Абу Суфьян вернулся в Мекку, они свернули лагерь и вернулись домой, в Медину.

* * *

После того как курайшиты вернулись в Мекку, между мусульманами и курайшитами мог бы воцариться мир, если бы не происки некоторых иудеев. Чтобы разобраться в причинах их действий, нам придется вернуться назад к тем дням, когда Пророк прибыл в Медину, бежав из Мекки.

Когда Пророк прибыл в Медину в год, который позднее будет назван первым годом хиджры, мусульмане образовали две группы, а именно, переехавших (мухаджиров), тех, кто переселился из Мекки, и помощников (ансаров), новообращенных мусульман-жителей Медины, которые пригласили Пророка переселиться к ним. Третью малочисленную группу, которую мусульмане впоследствии назвали лицемерами (мунафиками), составляли те жители Медины, которые признали Пророка и его веру, чтобы не выделяться среди остальных, но в душе не были мусульманами. Главным среди них был 'Абдаллах ибн Убайй, человек, занимавший почетное положение в Медине и чувствовавший, что прибытие Пророка так или иначе уменьшило его влияние и авторитет. Эти лицемеры были теми, кто покинул мусульманскую армию накануне битвы при Ухуде. Они собирались продолжать создавать помехи на пути Пророка и, не выступая открыто против него и его религии, делать все, чтобы ослаблять решимость мусульман всякий раз, когда им предстояло идти на битву.

Важной частью населения Медины были иудеи, принадлежавшие к трем племенам — 'бану кайнука', 'бану надир' и 'бану курайза'. Когда

⁴⁷ Там же.

Пророк прибыл в Медину, эти иудеи безоговорочно признали его и не видели для себя никакой потенциальной угрозы со стороны новой веры. Каждое из племен заключило с Пророком договор, который можно было бы охарактеризовать как договор о дружбе или о ненападении. Договор включал статью, согласно которой одна сторона по договору категорически обязывалась не помогать врагам другой стороны в случае, если против другой стороны будут предприняты враждебные действия.

Пока Пророк находился в Мекке, ниспослания Корана касались преимущественно вопросов духовной и религиозной жизни. Таким образом, в те времена Ислам носил исключительно духовный и религиозный характер, рассматривая отношения человека с Богом. Когда Пророк эмигрировал в Медину, Ислам стал играть более динамичную и существенную роль в жизни людей, охватив области общественной жизни, политики и экономики. Он начал рассматривать человека как члена общества и общество как инструмент для обеспечения человечеству более добродетельного, прогрессивного и счастливого образа жизни. Этот новый динамизм, который приобрел Ислам, неизбежно вел его к столкновению с более старыми религиями. Рано или поздно столкновение стало бы неминуемым, и ближайшей религией, которая вступила в конфликт с Исламом, оказался иудаизм. Иудеи впервые осознали угрозу своему положению тогда, когда мусульмане одержали громкую победу при Бадре. Затем бану кайнука' нарушили соглашение и перешли в открытую оппозицию мусульманам. Пророк осадил это племя в его оплотах и вынудил его покориться. В наказание за нарушение ими клятвы бану кайнука' были изгнаны из Медины и переселились в Сирию.

Следующим нарушителем клятвы стали бану надир, и произошло это вскоре после битвы при Ухуде. Это племя постигло то же наказание со стороны мусульман. Некоторые его представители переселились в Сирию, а другие обосновались в окрестностях Хайбара, к северу от Медины. В операциях против обоих племен 'Абдаллах ибн Убайй, вождь лицемеров, сначала выступал на стороне иудеев, тайно подстрекая их к вооруженному выступлению против Пророка и обещая им активное содействие своих последователей. Позднее, когда он видел, что военный успех оказывался на стороне мусульман, он предоставлял иудеев их участии.

Третье племя иудеев, бану курайза, продолжало мирно жить в Медине. Его отношения с мусульманами были нормальными и исключительно мирными, причем каждая из сторон уважала и соблюдала статьи договора. Однако иудеи из бану надир, обосновавшиеся в

Хайбаре, не простили мусульманам своего изгнания. После Ухуда они узнали о том, что мусульмане и курайшиты будут еще раз сражаться, и терпеливо выжидали, надеясь, что эта битва станет для мусульман последней. Однако когда по прошествии года они узнали, что нового сражения не будет, они решили предпринять прямые действия для того, чтобы вызвать нападение на мусульман.

В конце лета 626 г. в Мекку отправилась делегация хайбарских иудеев. Ее возглавлял Хуйайй ибн Ахтаб, бывший в Медине предводителем бану надир. По прибытии в Мекку делегация переговорила с Абу Суфьяном и приступила к организации похода против Пророка. Ибн Ахтабу пришлось сыграть на страхах и чувствах курайшитов, и он начал рассказывать о том, какая опасность угрожала курайшитам из-за распространения Ислама. Если бы мусульмане достигли Йамамы, то ведущие в Ирак и Бахрейн торговые пути курайшитов оказались бы перекрытыми.

«Скажи мне, о Сын Ахтаба, — спросил Абу Суфьян, — ты из людей Писания? Считаешь ли ты, что религия Мухаммада лучше, чем наша?» Глазом не моргнув, Ибн Ахтаб ответил: «Как человек, знающий Писание, могу заверить тебя, что ваша религия лучше, чем религия Мухаммада. Правда на твоей стороне». Это страшно понравилось курайшитам, и они согласились дать бой Мухаммаду, если к ним присоединятся другие арабские племена.

Иудейская делегация направилась к племенам гатафан и бану асад, с которыми состоялись аналогичные переговоры, увенчавшиеся такими же результатами. Эти и многие другие племена дружно согласились принять участие в крупном походе с целью дать бой Мухаммаду и разгромить мусульман.

После Ухуда курайшиты смирились с потерей торговли с Сирией как с неизбежностью. Поскольку мусульмане сохраняли власть в Медине, жители Мекки не могли пользоваться прибрежной дорогой в Сирию. Поэтому мекканцы увеличили торговлю с Ираком, Бахрейном и Йеменом, тем самым более или менее компенсировав потери, которые они понесли за счет прекращения торговли с Сирией. Между тем, в результате переговоров с иудейской делегацией Абу Суфьян стал лучше осознавать ту опасность, которую представляло для мекканской торговли дальнейшее распространение Ислама. Если бы Мухаммад достиг Йамамы, курайши- там пришлось бы ограничиться торговлей с одним только Йеменом, так как в этом случае торговые пути в Ирак и Бахрейн оказались бы в руках мусульман. А это новое ограничение в торговле стало бы для курайшитов экономическим ударом, который они не смогли бы вынести. Кроме того, Сафван ибн

Умайя постоянно подначивал Абу Суфьяна из-за того, что у того не хватило мужества во время последнего военного похода. Оба эти фактора сошлись, чтобы вынудить Абу Суфьяна решиться и загореться желанием предпринять еще один военный поход на Медину.

Начались приготовления к походу. Племена начали присыпать свои отряды в начале февраля 627 г. Самый крупный отряд был снаряжен ку-райшитами. В нем было 4000 человек, 300 лошадей и 1500 верблюдов. Далее следовал двухтысячный отряд гатафанитов под командованием 'Уйайны ибн Хисна, а бану сулайм выставили 700 воинов. Прислали свой отряд и бану асад; его численность не установлена, но командовал им Тулайха ибн Хувайлид. Пока курайшиты и некоторые более мелкие племена собирались в Мекке, бану гатафан, бану асад и бану сулайм сосредоточивались в их родовых поселениях к северу, северо-востоку и востоку от Медины, соответственно, откуда они могли выступить непосредственно на Медину. Общая численность войска, включая более мелкие племена, не упомянутые выше, составляла 10 000 человек, и общее командование походом возложил на себя Абу Суфьян. Это событие вошло в историю как сбор племен. Не имея в распоряжении лучшего слова, назовем воинов «союзниками».

В понедельник 24 февраля 627 г. (1 шаввала, 5 г. хиджры) союзники, стекавшиеся из отдельных племенных вотчин, собрались и разбили лагеря под Мединой. Курайшиты разбили лагерь у слияния ручьев к югу от леса, западнее горы Ухуд, где находился их лагерь во время одноименной битвы. Гатафаниты и другие племена встали лагерем в Занаб Накме, примерно в 2 милях к востоку от горы Ухуд. Разбив лагеря, союзники двинулись на Медину.

* * *

Как только началась концентрация сил союзников, лазутчики передали сведения об этом в Медину. Чем больше собиралось вооруженных отрядов из разных племен, тем тревожнее становились донесения. Наконец Пророк получил информацию о том, что на Медину идут 10 000 воинов, намеренных уничтожить мусульман. Мусульмане были встревожены и подавлены этими неприятными разведанными. Разумеется, мусульмане и прежде всегда находились в меньшинстве по отношению к своим врагам. Соотношение сил при Бадре и Ухуде составляло один к трем и один к четырем, соответственно, и хотя к этому времени число мусульман в Медине возросло до 3000 дееспособных мужчин, многие сотни из них были

лицемерами, на которых нельзя было положиться. Но 10 000казалось чудовищной цифрой. Никогда прежде история Хиджаза не знала случая, когда бы на битву шло столь огромное войско.

Затем пришло озарение, которому способствовало предложение Салмана ал-Фарисий. Он объяснил, что когда персидской армии приходилось вести оборонительные бои с врагом, обладающим значительным численным перевесом, она выкапывала на пути врага ров, достаточно широкий и глубокий, чтобы его можно было преодолеть. Для арабов этот способ ведения военных действий был незнакомым, но они осознали его достоинство, и предложение было принято.

Пророк приказал копать ров. Многие арабы, которые не могли постигнуть подобную тактику, явно не были в восторге от того, что им придется заниматься тяжелыми земляными работами, и лицемеры, по своему обыкновению, начали разубеждать людей, уговаривая их не обременять себя лишними трудами. Однако Пророк лично приступил к выкапыванию рва, и после этого ни один из уважающих себя мусульман не смог уклониться от этого дела. Были намечены границы рва, и по длине он был поделен между мусульманами из расчета по 40 локтей на группу из 10 человек. Пока мусульмане, обливаясь потом, выполняли эту тяжелейшую задачу, Хассан ибн Сабит расхаживал между ними, декламируя свои стихи и вселяя в мусульман новые силы. Хассан был поэтом, возможно, величайшим поэтом своего времени. Он мог импровизировать на любую тему и по любому поводу, и стихи выходили такими прекрасными, что его слушатели едва могли поверить, что они являются экспромтами. Хассан умел пробуждать в людях бурю эмоций. Однако если Хассан и был величайшим из поэтов своего времени, то этим его таланты ограничивались. Хассан вовсе не любил таких мужественных занятий, как битвы, и в дальнейшем мы убедимся в этом.

Ров тянулся от Шайхайна к холму Дубаб, а оттуда — к горе Бану 'Убайд. Все эти возвышенности находились на территории, защищенной рвом, который на западе поворачивал к югу. Восточнее Шайхайна и юго-западнее горы Бану 'Убайд простирались обширные лавовые поля — участки неровной поверхности, которая во времена своего образования была усеяна большими черными валунами, по которым невозможно было передвигаться крупными военными отрядами. Немного южнее центральной части рва находился высокий холм Сул' высотой около 400 футов, имевший милю в длину и примерно столько же в ширину и тянувшийся в основном с севера на юг, но образовавший отроги во всех направлениях. На самом деле

маленький холмик Дубаб находился как раз у северо-восточного отрога Сул'а, хотя на нашей карте это не указано. (См. карту 3.)⁴⁸

Когда ров был выкопан, мусульмане разбили лагерь перед самым холмом Сул'. Общая численность их войска составляла 3000 человек, учитывая лицемеров, боевые качества и надежность которых вызывали сомнение. План Пророка состоял в том, чтобы держать основную часть войска в резерве и наносить удары в тех местах, где враг сумеет перебраться через ров. Для того чтобы избежать неожиданностей, ров по всей длине прикрывали 200 человек, большинство которых были расставлены в пикеты на холмах, возвышавшихся надо рвом. Мобильному отряду из 500 человек было поручено патрулировать различные мединские поселки и разбираться с сумевшими незаметно просочиться туда лазутчиками, а также служить защитой тем участкам, которые не были защищены рвом. (В те времена Медина не была таким городом, как сейчас, но представляла собой группу поселков и укреплений. Физическим и духовным центром Медины была Мечеть Пророка.) Женщин и детей разместили в укреплениях и домах, находившихся подальше от передней линии, обращенной к северу и северо-западу.

Подходившая к концу зима выдалась суровой. Она также оказалась затяжной.

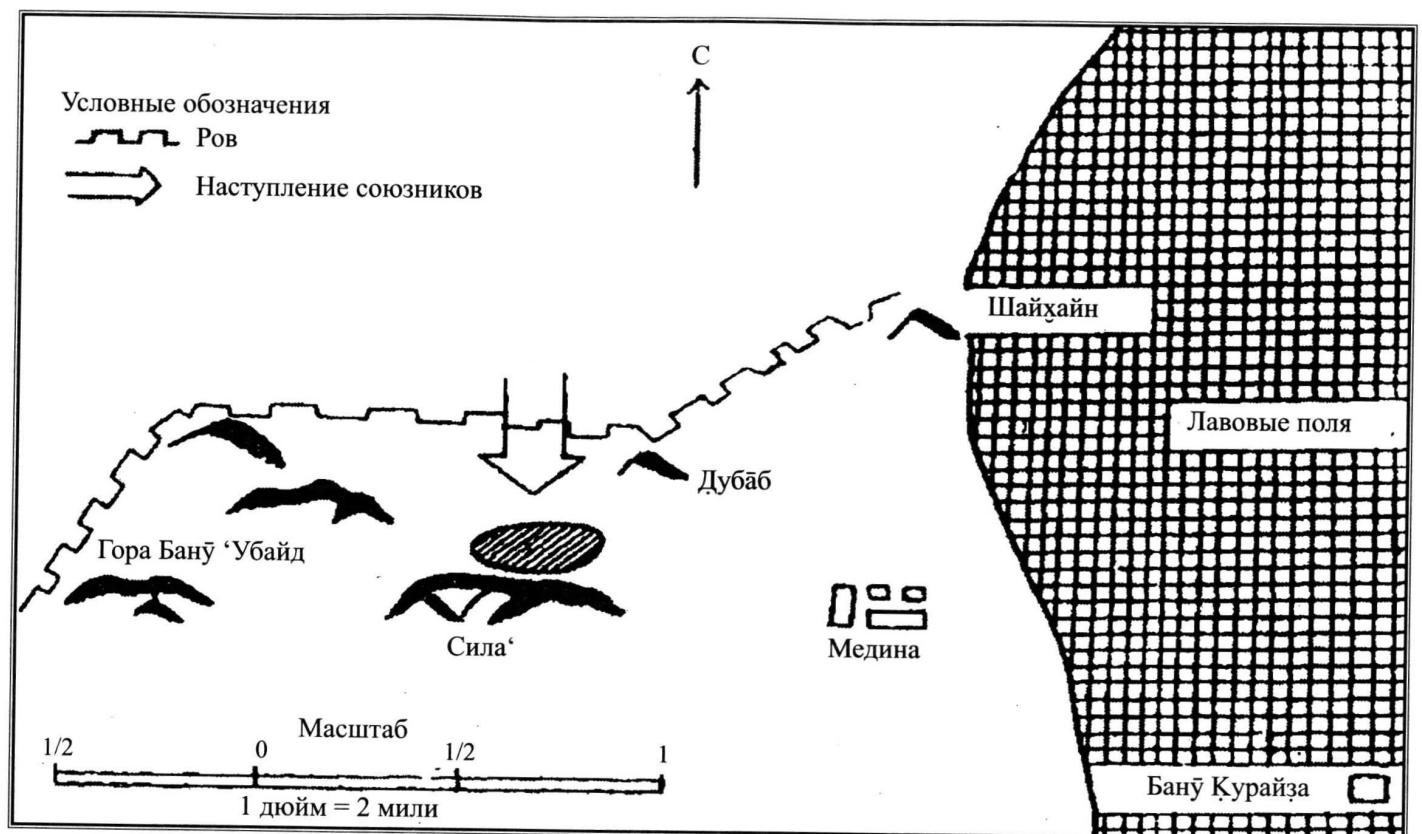
* * *

Когда курайшиты увидели ров, они сначала огорчились, а потом вознегодовали. Они пришли с таким войском, что победа казалась им делом предопределенным. Абу Суфьян радостно предвкушал победоносное сражение; а теперь путь им преградил этот благословенный ров!

«Именем Аллаха! — взревел Абу Суфьян. — Такие новшества — это не по-арабски!»⁴⁹ В простодушии своем обычный араб не мог додуматься до такой тактической уловки. Такое нарушение правил игры было не в арабских традициях.

Тем не менее союзники вышли из лагеря, развернулись севернее и северо-западнее рва и приступили к осаде, которой суждено было продолжаться в течение 23 дней. В дневное время союзники приближались

⁴⁹ Ибн Хишам: т. 2, с. 224.

Карта 3. Битва у Рва

ко рву, слегка прикрывавшемуся мусульманами со своей стороны. В течение большей части дня лучники обменивались залпами, а в ночное время союзники возвращались в свой лагерь. В основном в дневное время, а иногда и по ночам небольшие разведывательные отряды союзников передвигались вдоль рва, пытаясь найти место, где можно было попытаться перебраться через него. В конце концов им удалось найти такое место, но об этом мы расскажем позднее.

Осада продолжалась в течение 10 дней, и ни одна сторона не переходила к решительным действиям и в то же время не собиралась уступать другой. Обстоятельства испытывали боевой дух каждой стороны, но скорее подогревали его, нежели угнетали. Мусульмане начинали страдать от голода. В Медине не было больших запасов продовольствия, и теперь мусульманам пришлось сократить свой паек наполовину. Лицемеры начали громче и более открыто критиковать Пророка. Когда шло строительство рва, Пророк обещал мусульманам, что за несколько лет они уничтожат могущество Рима и Персии и сами завладеют богатствами этих империй. Теперь же лицемеры начали говорить: «Мухаммад обещает нам сокровища Кайсара (Кесаря) и Хусрау (Хосрова), но не может вывести нас из обыкновенного затруднительного положения!» Однако истинно верующие держались стойко и твердо, и их вера в своего вождя оставалась непоколебимой.

Положение союзников также постепенно ухудшалось, и в их рядах стали возникать проявления недовольства. Арабы не привыкли к длительным осадам и предпочитали этой форме ведения войны стремительные, жаркие сражения. Погода по-прежнему стояла неприятная и начинала вызывать сильное разочарование в рядах союзников. Еда также была на исходе, поскольку Абу Суфьян не запасся продовольствием на столь длительный период времени. Однако поскольку сами арабы не находились в осадном положении, были предприняты срочные меры по сбору продовольствия на окружающих территориях. Люди начинали ворчать, и Абу Суфьяну пришлось поломать голову над тем, как выпутаться из создавшегося положения. Наконец, он посоветовался с Ибн Ахтабом-иудеем, и они разработали новый план, который, казалось, был обречен на успех.

В ночь на пятницу 7 марта Ибн Ахтаб и пробрался в поселение бану курайза. Он постучал в дверь их вождя, Ка'ба ибн Асада, однако последний, догадавшись, что Ибн Ахтаб и пришел как иудей и, возможно, хотел натравить своих собратьев-иудеев на Пророка, отказался встретиться с ним. Впрочем, после некоторых препирательств ему было разрешено войти, и он осторожно и вкрадчиво начал обрабатывать Ка'ба, склоняя его встать на сторону

союзников в войне против Мухаммада. Сначала Ка'б отказывался. «Мухаммад выполнял заключенный с нами договор, и у нас нет причин жаловаться, — сказал он. — Как бы то ни было, вы не уверены в победе. Если мы присоединимся к вам, а кампания завершится поражением, ваши идолопоклонники спокойно уйдут домой, а нам придется испытать на себе гнев Мухаммада».⁵⁰ Однако посетитель продолжал давить на него, то искушая, то упрашивая, и в конце концов добился согласия Ка'ба заключить договор с союзниками. По условиям этого договора союзники и бану курайза должны были одновременно напасть на мусульман. У этих иудеев поселения и укрепления находились в двух милях к юго-востоку от Медины, и они могли напасть с этого направления и отвлечь часть мусульман от рва, тогда как союзникам предстояло нанести лобовой удар. Если бы атака не удалась, союзники оставили бы в иудейских укреплениях сильный гарнизон, чтобы защищать иудеев от мусульман, которые непременно пожелали бы отомстить им. Бану курайза попросили 10 дней на подготовку к нападению, а союзники в течение этого времени могли продолжать мелкие боевые действия с севера.

Так последние мединские иудеи, пойдя по стопам своих единоверцев, нарушили свой договор с мусульманами. Не догадывались они, как дорого им придется заплатить за свое предательство!

Вскоре известие об этом договоре дошло до Пророка. Он провел разведку, однажды ночью направив одного из лазутчиков в лагерь союзников, и тот, оставаясь незамеченным, подслушал кое-какие разговоры. Затем пошли слухи о заключенном договоре, и известие окончательно подтвердилось слuchаем, произошедшим с Сафийей и иудеем.

Сафийя была тетушкой Пророка, вместе с другими женщинами и детьми она перебралась в маленькое укрепление в юго-восточной части Медины. В крепости находился и поэт Хассан, и он был там единственным мужчиной! Однажды Сафийя увидела с крепостной стены, что вдоль нее крадется полностью вооруженный иудей, как будто ищущий, как обойти укрепление. Сафийя тотчас же догадалась, что это лазутчик из бану курайза, посланный разведать дорогу, которой иудеи могли пройти, чтобы атаковать мусульман. Этот иудей должен выступить в качестве проводника, выведя свое племя в незащищенный тыл.

⁵⁰ Ибн Хишам: с. 221; Вакиди: Магази с. 292.

Сафийа пошла к поэту и сказала: «О Хассан! Там иудей, вынюхивающий дорогу, чтобы провести бану курайза и атаковать наши поселения с тыла. Ты знаешь, что Посланник Аллаха и все мужчины находятся на передовой и не могут выделить людей для нашей защиты. Этого человека нужно убить. Ступай и немедленно убей его!» — «Да благословит тебя Аллах, о дочь 'Абд ал-Мутталиба, — ответил Хассан, — ты знаешь, что это дело не по мне». Окинув поэта взглядом, исполненным презрения, Сафийа взяла дубинку, подпоясалась и сошла вниз, навстречу иудею. Отважная женщина убила иудея. Оставив его лежать с расколотым черепом в луже крови, она вернулась в укрепление и сказала Хассану: «Я убила его, о Хассан! А теперь ступай и сними с тела его добро, ибо не подобает женщине раздевать мужчину» — «Да благословит тебя Аллах, о дочь 'Абд ал-Мутталиба, — ответил Хассан, — не нужно мне это добро!»⁵¹

Когда известие о случившемся дошло до мусульман, у них не осталось сомнений в предательстве бану курайза. Теперь положение стало более напряженным, и лицемеры заговорили громче. С половины пайка мусульмане перешли на четверть. (Позднее сокращать оказалось нечего!) Их решимость по-прежнему оставалась непоколебимой, однако если бы осада затянулась надолго, жестокий голод принудил бы мусульман сдаться. А мусульмане не могли найти прямого военного решения этой проблемы.

* * *

Затем Пророк решил прибегнуть к дипломатии в том, что невозможно было решить силой оружия. Он вступил в тайные переговоры с 'Уйайной, начальником отряда гатафанитов. ('Уйайна был отважным и простодушным человеком. Он был одноглазым, а мускулы у него были гораздо сильнее ума. Впоследствии Пророк назовет его «исполнительным простаком»).⁵² Задача переговоров заключалась в том, чтобы вызвать раскол между двумя основными силами союзников — гатафанитами и курайшитами, уговорив гатафанитов снять осаду. Если бы это было достигнуто, от курайшитов могли бы отколоться другие племена, но даже если бы этого не произошло, уход двухтысячного контингента гатафа-нитских воинов уменьшил бы силу союзников до такой степени, чтобы с ними можно было бы

⁵¹ Ибн Хишам: т. 2, с. 228.
⁵² Ибн Кутайба: с. 303.

сразиться, после чего можно было бы перейти к военным действиям и изгнать союзников из Медины.

«Если гатафаниты выйдут из союза и вернутся домой, они получат треть урожая фиников, собранных в Медине», — таковы были условия, предложенные Пророком. 'Уайна, утративший к этому времени всякую надежду на победу, принял эти условия. Договор был составлен, но прежде чем подписать его и скрепить печатью (без чего он не был бы обязательным к исполнению), Пророк решил рассказать об этом деле кое-кому из мусульманских вождей. Эти мусульмане начали горячо возражать. «Финики! — восклицали они. — Неверные не получат от нас ничего кроме ударов мечей!»⁵³ Несогласие с Пророком было до такой степени общим и сильным, что он согласился подчиниться желаниям мусульман, и переговоры были остановлены.

Эти твердые духом верующие не осознавали серьезности военной ситуации и не разбирались в тонкостях дипломатии так, как Пророк. Он знал, что единственным решением проблемы является прорыв осады посредством дипломатических маневров, и теперь он начал искать новую возможность. Вскоре она представилась.

Среди гатафанитов был человек по имени Ну'айм ибн Мас'уд, который стал мусульманином, но держал свое обращение в тайне. Выдающаяся личность в своих родных местах, он был хорошо известен всем трем основным участникам союза — курайшитам, гатафанитам и иудеям из бану курайза. Это был, кроме того, очень способный человек.

Однажды под покровом ночи Ну'айм покинул лагерь гатафанитов и проскользнул в Медину. Он явился к Пророку, объяснил свое положение и выразил желание помочь мусульманам. «Пошли меня, куда пожелаешь», — сказал он.⁵⁴ Это была та самая возможность, о которой молился Пророк. В беседе с Ну'аймом Пророк обрисовал ситуацию и наметил план действий, которые должен был выполнить Ну'айм.

Той же ночью Ну'айм пробрался в поселение бану курайза и посетил Ка'ба. Он обрисовал ему опасности, которые в данном положении угрожали иудеям. «Ваше положение иное, чем положение курайшитов и гатафанитов, — объяснял он. — У вас здесь семьи и дома, а их семьи и дома находятся на безопасном расстоянии от Медины. Их шансы на победу невелики. Если им не удастся одолеть Мухаммада, они вернутся домой, а на вас обрушится гнев мусульман. Вы должны воздержаться от каких-либо совместных с ними действий, если только

⁵³ Ибн Хишам: т. 2, с. 223.

⁵⁴ Там же: т. 2, с. 229.

они не предоставляют вам заложников из числа своих наиболее знатных семейств. Тем самым вы получите гарантию их верности».

Затем Ну'айм направился к курайшитам и переговорил с Абу Суфьяном, который хорошо знал его и прислушивался к его мнению. «Ты заключил соглашение с людьми, которые склонны к предательству и которым нельзя доверять, — сказал он. — Я узнал через друзей из Медины, что бану курайза раскаялись и вступили в новое соглашение с Мухаммадом. Чтобы доказать Мухаммаду свою верность, они собираются попросить у тебя заложников из ваших знатнейших семейств, которых они тотчас же передадут Мухаммаду, а тот их убьет. Тогда иудеи открыто выступят на стороне мусульман, и объединенными силами они нападут на нас. Ни при каких обстоятельствах ты не должен посыпать заложников к этим иудеям!»

Затем Ну'айм направился к гатафанитам, где нарисовал ту же картину. Когда Ну'айм закончил свое дело, в умах союзников прочно укоренились семена посеванных им сомнений и раздора.

Неуверенность начала угнетающе действовать на Абу Суфьяна, который прежде безоговорочно полагался на союз с иудеями. Он решил ускорить начало сражения и проверить намерения иудеев. В ночь на пятницу 14 марта, после визита Ну'айма, он направил к бану курайза посольство во главе с 'Икримой. «Положение ужасное, — объяснил им 'Икрима. — Нельзя допустить, чтобы оно сохранялось без изменений. Завтра мы идем в наступление. Вы заключили с нами союз против Мухаммада. Вы должны присоединиться к нашей атаке со стороны вашего поселения».

Иудеи зашумели и начали совещаться, а затем выставили свои условия. «Наше положение более уязвимо, чем ваше. Если вас постигнет неудача, вы можете покинуть нас, и тогда нам придется в одиночестве испытать на себе гнев Мухаммада. Чтобы мы могли быть уверенными в том, что этого не случится, вы должны прислать к нам заложников из ваших знатнейших семейств, которые останутся с нами до тех пор, пока сражение не завершится благополучно для нашей стороны. В любом случае завтра суббота, а иудеям запрещено сражаться в этот день. Тех, кто не соблюдает данный запрет, Бог превращает в свиней и обезьян». 'Икрима вернулся ни с чем. Тогда Абу Суфьян решил сделать еще одну попытку убедить иудеев принять участие в завтрашней битве и послал еще одну делегацию к Ка'бу, однако позиции обеих сторон остались неизменными:

— Курайшиты: Никаких заложников, сражение завтра!

— Иудеи: Никакого сражения в субботу, в любом случае прежде пришлите заложников!

Теперь все три группы говорили: «Прав был Ну'айм. Какой мудрый совет он нам дал!»¹ Ну'айм хорошо выполнил свою задачу. Бану курайза были аккуратно отрезаны от союзных сил.

* * *

На следующее утро, 15 марта, Халид и 'Икрима, уставшие от отсрочек и не надеявшиеся на совместные действия союзников, решили взять дело в свои руки и попытаться так или иначе добиться какого-то исхода. Они выдвинулись вперед со своими конными отрядами к месту, расположенному немного западнее Дубаба, где ров был не таким широким, как на остальных участках, и где можно было преодолеть его верхом или перебраться через него пешком. Это место находилось как раз напротив мусульманского лагеря, приютившегося у подножия Сал'a.

Отряд 'Икримы приблизился ко рву первым, небольшая группа всадников погнала коней через ров, и они точно приземлились на стороне мусульман. Группа состояла из семи всадников, среди которых были 'Икрима и крупный мужчина, который скакал на своем огромном коне впереди отряда, а теперь принял разглядывать мусульман, пораженных неожиданным появлением курайшитов. Сцена была готова для одного из самых примечательных поединков в истории, который будет описан здесь в мельчайших подробностях ввиду его необычности.

Крупный мужчина был огромного роста и плотного телосложения, и когда он стоял, то возвышался над всеми прочими соратниками. Верхом на своем огромном коне он и вовсе казался невероятным великаном. Крупный, сильный и бесстрашный, он имел свирепый вид, который радовал его товарищей и вселял ужас в его врагов.

Звали его 'Амр ибн 'Абд Вудд. (Мы будем называть его Великаном!) Лошадь и всадник стояли недвижно, пока он с презрением оглядывал мусульманские ряды.

Вдруг Великан закинул голову вверх и проревел: «Я — 'Амр ибн 'Абд Вудд. Я — величайший воин Аравии. Я непобедим. Я... Я...» Он и в самом деле был высокого мнения о своей персоне. «Есть ли среди вас тот, у кого хватит мужества сразиться со мной один на один?»

Мусульмане встретили этот вызов на бой молчанием. Они переглядывались и смотрели на Святого Пророка. Но никто не пошевелился, ибо Великан славился своей силой и умением и, хотя несколько раз был ранен, ни разу не проиграл поединка и ни разу не пощадил своего соперника. Говорили, что он стоит 500 всадников, что он может

поднять лошадь и швырнуть ее на землю, что он может одной левой схватить теленка и использовать его в качестве щита во время боя, что он может... Подобным историям не было конца. Живое воображение арабов окружило этого могучего воина легендами о его непобедимости.

Поэтому мусульмане хранили молчание. Великан презрительно рассмеялся, и к его смеху присоединились курайшиты, ибо они стояли вплотную ко рву и могли все видеть и слышать.

«Итак, среди вас нет ни одного настоящего мужчины? А как же ваш Ислам? А ваш Пророк?» При этом богохульстве из первого ряда мусульман вышел 'Али, он подошел к Пророку и попросил у него разрешения принять вызов и раз и навсегда заткнуть его мерзкую глотку. Пророк ответил: «Сядь. Это же 'Амр!» Али вернулся на свое место.

Последовали новые взрывы издевательского смеха, новые подначки, новый вызов на бой. И снова Али подошел к Пророку. И снова Пророк не дал ему своего разрешения. Вновь смех, вновь издевательства. Новый вызов на бой со стороны 'Амра, прозвучавший на этот раз еще более оскорбительно. «Где же ваш рай, — кричал он, — в который, как вы говорите, попадет всякий, кто проиграет сражение? Неужто среди вас не найдется человека, чтобы сразиться со мной?»

Когда 'Али в третий раз подошел к Пророку, последний увидел в его глазах хорошо знакомое ему выражение, и он понял, что Али больше не удержать. Он ласково посмотрел на 'Али, потому что 'Али был ему дороже всех остальных. Он снял с себя чалму и обмотал ею голову Али. Затем он снял с себя меч и перепоясал им талию 'Али. И он вознес молитву: «О Господь! Помоги ему!»⁵⁵

Меч, который Пророк передал 'Али, когда-то принадлежал неверному по имени Мунабба ибн Хаджжадж. Этот человек был убит в битве при Бадре, а меч перешел к мусульманам в качестве военного трофея. Пророк взял этот меч себе. Теперь в руках 'Али ему предстояло стать самым знаменитым мусульманским мечом, которым в честном бою было сражено больше людей, чем каким-либо другим мечом в истории человечества. Это был Зу-л-факар.

'Али поспешил собрать небольшой отряд мусульман и выступил на встречу неверным. Отряд остановился на некотором расстоянии от Великана, и 'Али выступил вперед, подойдя к противнику на расстояние вытянутого меча. Великан хорошо знал 'Али. Раньше он

⁵⁵

Ибн Са'д: с. 572.

был другом отца 'Али, Абу Талиба. И теперь он снисходительно улыбался 'Али так, как взрослый мужчина улыбается мальчику.

«О 'Амр! — обратился к нему 'Али. — Говорят, что если кто-либо из курайшитов обратится к тебе с двумя предложениями, ты принимаешь хотя бы одно из них».

— Верно.

— Тогда вот мои два предложения, Первое: признай Аллаха, Его Посланника и Ислам.

— Мне они не нужны.

— Тогда сходи с коня и сражайся со мной.

— Зачем, о сын моего брата? Я не хочу убивать тебя.

— А я, — ответил 'Али, — горю желанием сразить тебя.⁵⁶

Лицо Великана покраснело от гнева. С яростным воплем он соскочил с коня, проявив при этом ловкость, поразительную для столь крупного чудовища. Он стреножил своего коня, выхватил меч и бросился на 'Али. Битва началась.

'Амр обрушил на 'Али множество ударов, но 'Али оставался невредимым. Он парировал удары мечом или щитом или же проворно отскакивал в сторону, и тогда меч Великана со свистом проскачивал мимо, не причиняя ему вреда. Наконец Великан отступил. Он дышал неровно и прерывисто и был расстроен. Никогда еще ни один человек не держался так долго в единоборстве с ним. А теперь этот мальчишка смотрел на него так, словно для него это была игра!

Затем события стали развиваться столь стремительно, что никто толком не мог уследить за ними — ни мусульмане, ни курайшиты, ни сам Великан. 'Али отшвырнул от себя меч и щит, его тело стрелой промелькнуло в воздухе, и его руки вцепились в горло Великана, сделав подсечку, он заставил Великана потерять равновесие, и Великан с шумом повалился на землю, — и на все это ушли какие-то секунды. Теперь Великан лежал на спине, а на его груди верхом сидел 'Али. Оба войска ахнули, по ним прокатилась волна ропота, и тут же все затаили дыхание.

Замешательство на лице Великана сменилось яростью. В конце концов он оказался поверженным, да еще этим молодым высокочкой, который был более чем в два раза меньше него! Однако, несмотря на то что Великана сбили с ног, он не собирался сдаваться. Он все равно выиграет бой и восстановит свою репутацию величайшего воина Аравии. Он заставит сопляка трепетать в воздухе, как ветер заставляет трепетать листок.

⁵⁶ Ибн Хишам: т. 2, с. 225.

Лицо Великана побагровело, на шее набухли вены, а его огромные мускулистые руки дрожали от напряжения, когда он пытался освободиться от хватки 'Али. Однако он не мог ослабить ее ни на дюйм. Мускулы 'Али были стальными.

«Знай же, о 'Амр, — тихо сказал 'Али, — что победа или поражение зависит от воли Господа. Прими Ислам! Так ты не только спасешь себе жизнь, но и насладишься благословением Аллаха и в этой жизни, и в следующей». 'Али вынул из-за пояса острый кинжал и поднес его к горлу 'Амра.

Но этого Великан уже не мог вынести. Неужели ему, кого в Аравии считали величайшим из воинов, суждено прожить остаток своих дней побежденным и опозоренным? Неужто про него будут говорить, что он спас свою жизнь в единоборстве, приняв условия победителя? Нет! Он, 'Амр ибн 'Абд Вудд, всю жизнь не расставался с мечом. Лучше он умрет от меча. Жизнь, проведенная в насилии, должна завершиться насилием. И он смачно плонул в лицо 'Али!

Он знал, что должно случиться. Последует резкий вдох, правая рука 'Али взметнется в воздух, а затем кинжал воньется ему в горло. 'Амр был отважным человеком и мог бесстрашно встретить смерть. Он выгнулся спину и поднял вверх подбородок, подставляя свое горло 'Али, ибо понимал, что сейчас произойдет. По крайней мере, ему так казалось!

Но то, что за этим последовало, смутило его еще сильнее. 'Али спокойно поднялся с его груди, отер лицо и встал в нескольких шагах от него, торжественно глядя на своего противника. «Знай, о 'Амр, что я убиваю лишь на пути Аллаха, а не по личным мотивам. Поскольку ты плонул мне в лицо, я теперь мог бы убить тебя из желания личной мести. Поэтому я сохраню тебе жизнь. Вставай и возвращайся к своим!»

Великан встал. Однако он не мог вернуться к своим побежденным. Он хотел жить как победитель или вовсе не жить. Намереваясь сделать последнюю попытку завоевать победу, он поднял свой меч и бросился на 'Али. Возможно, ему удастся напасть на него неожиданно.

У 'Али как раз хватило времени на то, чтобы поднять свои меч и щит и подготовиться к новой атаке. Нанесенный обезумевшим от гнева Великаном удар был самым мощным за весь поединок. Его меч расколол щит 'Али, но при этом потерял и силу, и скорость удара, лишь слегка поцарапав 'Али висок. Рана была слишком незначительной, чтобы причинять беспокойство 'Али. Не успел Великан вновь занести свой меч, как Зу-л-факар сверкнул в лучах солнца и его острие вонзилось прямо в горло Великана. Из раны фонтаном брызнула кровь.

Мгновение Великан стоял неподвижно. Затем его тело закачалось так, словно он был пьян. А потом он шумно рухнул лицом вниз и застыл недвижимо.

Земля не содрогнулась от падения этого огромного тела. Земля слишком велика. Но холм Сал' содрогнулся от крика Аллаху Акбар, вырвавшегося из глоток 2000 мусульман. Эхо разнесло этот торжествующий крик по долине, а затем он смолк в тишине пустыни.

* * *

Потом отряд мусульман напал на шестерых оставшихся курайшитов. В последовавшей битве на мечах был убит еще один курайши и пострадал один из мусульман. Через несколько минут курайшитский отряд развернулся и поспешил убраться за ров. Перепрыгивая через ров, 'Икрима выронил копье, на котором поэт Хассан написал уничижительное стихотворение. Человек по имени Науфал ибн 'Абдаллах, двоюродный брат Халида, не сумел преодолеть ров и упал в него. Он еще не успел подняться, когда к границе рва подбежали мусульмане и закидали его камнями. Науфал стенал: «О арабы! Воистину, лучше смерть, чем это!»⁵⁷ И тогда Али смилиостивился над ним и, спустившись в ров, отрубил ему голову.

Затем отряд мусульман вернулся в лагерь, а на том месте, где враги перешли через ров, была выставлена усиленная стража.

На следующий день после полудня ко рву подъехал со своим отрядом Халид, намеревавшийся преуспеть в том, что не сумел сделать 'Икрима. Он попытался пересечь ров, но на сей раз мусульманская стража вовремя заметила его и успела как следует подготовиться, чтобы не дать ему осуществить свое намерение. Лучники обменялись градом стрел, и при обстреле были убиты один мусульманин и один курайши, но Халид не смог преодолеть ров.

Поскольку на данный момент противник оказался слишком силен, Халид решил прибегнуть к военной хитрости. Он отвел свой отряд назад, словно раздумал перебираться через ров, и поставил его на некотором расстоянии от рва. Мусульмане попались на удочку и, подумав, что Халид отказался от намерения перебраться через ров, отошли назад и предались отдыху, ожидая наступления ночной тишины и покоя. Внезапно Халид и его отряд галопом поскакали ко рву, и, прежде чем мусульманская стража сумела вернуться на свои позиции, нескольким курайшитам во главе с Халидом удалось преодолеть ров. Но они не успели отъехать от рва, когда мусульмане вновь сомкнули свои ряды

⁵⁷ Ибн Хишам: т. 2, с. 229; Вакиди: Магази, с. 295.

и удержали Халида на том маленьком пятаке у рва, который он захватил. (См. карту 3.) Халид делал все, чтобы прорвать оборону, но сопротивление мусульман было слишком сильным, и его действия не увенчались успехом. Между курайшитами и мусульманами из сторожевого отряда завязался рукопашный бой, в ходе которого Халид убил одного мусульманина. Здесь был и Свирепый, тем самым копьем, которым он сразил Хамзу при Ухуде, и в этой заварушке у рва он убил еще одного мусульманина. Вскоре, впрочем, увидев всю безнадежность положения, Халид вышел из боя и отошел за ров. Это было последнее крупное боевое действие в битве у Рва.

В течение двух последующих дней не было иных действий, кроме периодических обстрелов из луков, которые не причинили урона ни одной из сторон. К этому времени у мусульман кончилось продовольствие, однако их мужество подкреплялось отчаянием, и они были преисполнены решимости умереть от голода, но не сдаться ненавистным неверным. В лагере союзников разгорались страсти, а боевой дух падал. Все понимали, что поход, который, как все верили, должен был завершиться блестящей победой, окончился поражением. Повсюду был слышен ропот, а еще хуже было то, что никто не мог указать выход из сложившегося положения.

Затем в ночь на вторник 18 марта в окрестностях Медины началась буря. Холодные ветры обрушились на лагерь союзников и неистовствовали по всей долине. Температура резко понизилась. Лагерь союзников больше подвергся воздействию стихии, чем лагерь мусульман, и казалось, что буря мстит союзникам. Она загасила костры, расшивыряла котлы для варки пищи, унесла шатры. Союзники сидели, завернувшись в одеяла и накидки, ожидая, когда ненастье закончится, но буря продолжала свирепствовать над ними.

Абу Суфьян не выдержал. Он с трудом поднялся на ноги и, пытаясь перекрыть рев бури, крикнул своим людям: «Это неподходящее для нас место. Люди и животные сильно пострадали от стихии. Бану курайза оказались свиньями и обезьянами и предали нас в трудный час. Буря уничтожила наш лагерь, загасила наши костры, снесла наши шатры. Давайте возвращаться в Мекку. Знайте, я — возвращаюсь!»

Произнеся речь, Абу Суфьян вскочил на верблюда и тронулся в путь, сопровождаемый своим людьми, надеясь на то, что им удастся уехать от бури. Но демонам бури было суждено преследовать его на протяжении всей ночи. К этому времени гатафаниты узнали о поступке курайшитов, стало известно об этом и другим племенам. Без дальнейших отсрочек они оседлали своих верблюдов и направились к своим поселениям и пастбищам. Позади курайшитского войска ехали

Халид и 'Амр ибн ал-'Ас со своими отрядами всадников, выступая в роли арьергарда на случай, если мусульмане выйдут из Медины и попробуют помешать движению курайшитов. На обратном пути в Мекку во главе войска ехал раздосадованный и разочарованный Абу Суфьян. Неудача тяжким бременем лежала на его сердце.

На следующее утро мусульмане обнаружили, что союзники ушли и вернулись домой. Это была последняя предпринятая курайшитами попытка уничтожить мусульман, с этого времени им пришлось перейти к обороне.

Битва у Рва завершилась. Потери с каждой стороны составили по четыре человека. Мусульмане одержали победу в том смысле, что достигли своей цели, защитив себя и свои дома от союзников, в то время как союзники не смогли осуществить свое намерение уничтожить мусульман. На самом деле, союзникам не удалось нанести им сколько-нибудь существенного урона. Осада продолжалась 23 дня и дорого обошлась обеим сторонам. Конец ей положила буря, но не буря была причиной снятия осады. Стихия стала последней каплей. Строго говоря, эта операция представляла собой осаду и противостояние, а не битву, ибо два войска так и не сошлись в бою.

Это был первый в мусульманской истории случай применения политики и дипломатии при ведении войны, и он демонстрирует взаимосвязь политики и оружия в достижении национальных интересов. Использование вооруженных сил — это одна сторона войны, насилиственная и разрушительная, — и прибегать к этому следует только тогда, когда исчерпаны политические возможности достижения целей государства. Когда военные действия становятся неизбежными, политика и дипломатия как ее главные инструменты готовят почву для использования вооруженных сил. Она определяет театр военных действий, ослабляет врага и уменьшает его силы, чтобы против него можно было применить оружие в наиболее благоприятных условиях для достижения успеха.

Именно это и было сделано Пророком. Он использовал возможности дипломатии, чтобы разобщить и ослабить врага, не только в численном, но и в моральном отношении. Большинство мусульман не понимали этого, но они учились у своего вождя. Слова Пророка: «Война — это военная хитрость»⁵⁸ запомнились навсегда и часто повторялись во время последующих военных кампаний мусульман.

⁵⁸ Ибн Хишам: т. 2, с. 229; Вакиди: Магази, с. 295.

Глава 5

ОБРАЩЕНИЕ ХАЛИДА

Худайбийское перемирие было подписано в начале апреля 628 г. (в конце месяца зу-л-ка'да 6 г. хиджры). Подписание подобного мирного договора не входило в намерения Пророка, когда в середине марта он отправился Мекку. Он собирался совершить паломничество — малое паломничество, именуемое 'умрой, — и его сопровождали 1400 полностью вооруженных мусульман и большое количество жертвенных животных.

Между тем курайшиты боялись, что Мухаммад идет на них войной, чтобы победить курайшитов в их родном городе, ибо теперь инициатива перешла в руки мусульман. Поэтому курайшиты выехали из Мекки и сосредоточились в лагере неподалеку от города, откуда Халид с 300 всадниками был отправлен по дороге на Медину, чтобы перехватить войско мусульман. Халид не понимал, как он сможет остановить такую силу, когда в его распоряжении находится всего 300 человек, но он решил сделать все возможное, чтобы задержать продвижение мусульман. Он прибыл в Кура' ал-Гамйм, что в 15 милях от 'Асфана, и преградил дорогу в том месте, где в этой холмистой местности она проходила через перевал.⁵⁹ (См. карту 4.)

Когда мусульмане прибыли в 'Асфан, впереди них ехал отряд из 20 всадников, высланный вперед в качестве разведчиков. В Кура' ал-Гамйм этот отряд наткнулся на Халида и сообщил находившемуся в 'Усфанд Пророку о местонахождении и численности отряда Халида.

Пророк решил, что не станет терять время, завязывая бой в этом месте. Он всячески старался избежать кровопролития, так как его целью было паломничество, а не сражение. Он приказал своему передовому отряду не спускать глаз с Халида и отвлечь его внимание на себя, а тем временем Пророк провел свое войско правее, по малоиспользуемым тропам, проходившим по сложному гористому рельефу этой местности, которую он пересек неподалеку от побережья по проходу Санийят ал-Маар.⁶⁰ Марш оказался утомительным, но завершился успешно, и обход позиции Халида удался. Когда мусульмане уже совершали фланговый обход, Халид заметил вдали облако пыли, поднятое мусульманской колонной, и, осознав, что

⁵⁹ Та Кура' ал-Гамйм, о которой идет речь, не является Кура', обозначенной на современных картах. Последняя расположена на берегу узкого залива Красного моря, тогда как первая находилась в холмистой местности, откуда холмы тянулись к западу, в сторону побережья. Она находилась юго-восточнее 'Асфана.

⁶⁰ Этот проход также называли Зат ал-ханзал (Абу Иусуп: с. 209).

случилось, поспешно отступил к Мекке. Мусульмане продолжали свой марш, пока не дошли до Худайбии, что в 13 милях к западу от Мекки, и разбили там лагерь.

Несмотря на желание Пророка избежать кровопролития, складывалось впечатление, что в Худайбии не удастся избежать сражения. Произошло несколько мелких стычек, после которых, однако, курайшиты осознали, что мусульмане и в самом деле пришли как паломники, а не для того, чтобы воевать. После этого между двумя войсками засновали гонцы, и в итоге было достигнуто соглашение о мире, которое вошло в историю как Худайбийское перемирие. От имени мусульман его подписал Пророк, от имени курайшитов — Сухдил ибн 'Амр. Условия перемирия были таковы:

а) В течение 10 лет не должно быть войн, нападений, каких бы то ни было военных действий между мусульманами и курайшитами.

б) На следующий год мусульманам будет разрешено совершить паломничество. Им позволят пробыть в Мекке три дня.

в) Любой человек из курайшитов, дезертировавший к мусульманам, будет возвращен; любой из мусульман, дезертировавший к курайшитам, не будет возвращен.

г) К мирному договору могут присоединиться другие племена, поддерживающие какую-либо сторону, и на них будут распространяться те же условия.

Некоторые мусульмане бурно восприняли третий пункт договора, касающийся дезертиров, особенно горячий 'Умар, который яростно возражал против него, но Пророк отмел все возражения. На деле мирный договор давал мусульманам некоторые явные долговременные и основательные преимущества, хотя и не все это понимали. Мусульманам было выгодно проявить великодушие при выдвижении своих условий, поскольку это производило благоприятное психологическое воздействие на арабские племена и демонстрировало уверенность мусульман в своих отношениях с неверными. Более того, те из мусульман, которым теперь было запрещено покидать Мекку, стали глазами и ушами мусульман во вражеском стане и могли определенным образом влиять на жителей Мекки. Их присутствие в стане курайшитов на самом деле придало бы мусульманам силы. «Как бы то ни было, — сказал Пророк, — если человек захочет присоединиться к нам, Аллах найдет способ помочь ему сделать это».

Благодаря последнему пункту договора к его главным участникам присоединились два племени, жившие в Мекке и в ее окрестностях: бану хуз'a, как союзники мусульман, и бану бакр, как союзники

курайшитов. Эти племена питали взаимную вражду и вели междуусобицу со временем джахилийи.

После двухнедельного пребывания в Худайбийе мусульмане вернулись в Медину. На следующий год, в марте 629 г. (зу-л-ка'да, 7 г. хиджры) мусульмане во главе с Пророком совершили паломничество. Курайшиты освободили Мекку и в течение трех дней жили в ее окрестностях, вернувшись домой только после того, как мусульмане уехали в Медину.

* * *

В течение некоторого времени в сознании Халида происходили перемены. Сначала он думал только о военном деле и военных задачах. Сознавая свои способности и военные таланты, он чувствовал, что понастоящему заслуживает быть победителем, но победа каким-то образом ускользала от него. В битве при Ухуде мусульмане, невзирая на его блестящий маневр, сумели избежать крупного поражения. Он восхищался придуманным Пророком расположением войск, а также тем, как он навязал курайшитам свои условия боя, обеспечив себе преимущество. В битве у Рва победа снова ускользнула от курайшитов. Они отправились на битву после таких тщательных приготовлений и с такими силами, что победа казалась неминуемой, однако нехитрая уловка со рвом увела у них победу из-под самого носа. Войско курайшитов шло на битву как лев, а вернулось с нее как мышь. В походе на Худайбийу, когда Халид попытался преградить путь мусульманам, Пророк виртуозно провел его, пока внимание Халида было приковано к маленькому отряду мусульман, появившемуся перед ним. Халид хотел понять этого человека и не мог не восхищаться Мухаммадом — его полководческими талантами, его характером, его личностью — теми качествами, которых он не видел ни в ком другом.

Кроме того, Халида влекли шум сражений и слава побед. Его воинственный дух жаждал военных приключений, а с курайшитами он познал одни лишь неприятности. Он не верил, что сможет добиться побед, воюя на стороне курайшитов. Возможно, ему следует присоединиться к Пророку, с которым ему открылись бы неограниченные перспективы для побед и славы.

В Медине хватало военной активности. То и дело снаряжались походы против племен неверных с целью разогнать сосредоточенные силы врагов, прежде чем они станут слишком сильными. В период между битвой при Ухуде и паломничеством мусульмане снарядили 28 военных экспедиций, часть которых возглавлял лично Пророк, а

другой частью командовал назначенный им полководец. За очень редкими исключениями эти походы завершались безоговорочными успехами мусульман. Величайшим из них была Хайбарская кампания, в ходе которой было сломлено последнее сопротивление иудеев. Эти походы не только увеличивали политические границы Ислама, но и способствовали аккумуляции богатств. Всякий раз, когда в Мекку приходили сообщения об успехах мусульманского войска, Халид с грустью задумывался об «удовольствии», которое получали мусульмане. То и дело у него возникало желание оказаться в Медине, потому что «там не сидели без дела»!

После совершенного Пророком паломничества в душе Халида поселились серьезные сомнения в правильности собственных религиозных убеждений. Он никогда не был глубоко религиозным человеком, и его не слишком тянуло к богам Каабы. Он всегда был готов к восприятию нового. Теперь Халид начал глубоко размышлять на религиозные темы, но держал свои мысли при себе. А затем вдруг его осенило, что истинной религией является Ислам. Это случилось месяца через два после паломничества Пророка.

Приняв решение относительно Ислама, Халид встретился с 'Икримой и некоторыми другими и сказал: «Разумному человеку ясно, что Мухаммад не поэт и не чародей, как утверждают курайшиты. Его слова действительно от Бога. Каждый здравомыслящий человек должен последовать за ним».

'Икрима был потрясен словами Халида.

— Ты отрекаешься от нашей веры? — недоверчиво переспросил он.

— Я уверовал в истинного Бога.

— Странно, что из всех курайшитов это говоришь именно ты.

— Почему?

— Потому что во время сражений мусульмане поубивали столько близких тебе людей. Уж я-то никогда не признаю Мухаммада и не стану больше разговаривать с тобой, если ты не отбросишь эту дурацкую идею. Разве ты не понимаешь, что курайшиты жаждут крови Мухаммада?

— Это результат невежества, — ответил Халид.

— Когда Абу Суфьян услышал от 'Икримы о перемене настроений Халида, он послал за обоими смельчаками.

— Верно ли то, что я слышал? — спросил он Халида.

— А что же ты слышал?

— Что ты хочешь перейти к Мухаммаду.

— Да. А почему бы нет? В конце концов, Мухаммад — один из нас.

Он — наш родич.

Абу Суфьян пришел в ярость и пригрозил Халиду тяжелыми последствиями, но его остановил 'Икрима. «Спокойно, о Абу Суфьян! — сказал 'Икрима. — Твой гнев вполне может заставить перейти к Мухаммаду и меня. Халид свободен выбирать ту веру, которая ему нравится».⁶¹ 'Икрима, племянник и закадычный друг, заступился за Халида, несмотря на возникшие между ними религиозные разногласия.

Ночью Халид взял свои доспехи, оружие, коня и отправился в Медину. По дороге он встретил еще двоих, двигавшихся в том же направлении, 'Амра ибн ал-'Аса и 'Усмана ибн Талху (сына курайшитского знаменосца при Ухуде), и каждый был страшно удивлен, когда понял, что все они направляются в Медину с одной и той же целью, ибо каждый из них считал двух других злейшими врагами Ислама! Трои искателей истины прибыли в Медину 31 мая 629 г. (1 сафара, 8 г. хиджры) и отправились к дому Пророка. Халид вошел первым и заявил о своем переходе в Ислам. За ним последовал 'Амр, а за ним — 'Усман. Пророк тепло приветствовал всех троих; им простили их прошлую враждебность, и теперь они могли начинать жизнь с чистого листа. Халид и 'Амр ибн ал-'Ас были лучшими военными умами своего времени, и их принятие Ислама должно было обеспечить победы мусульманской армии в течение грядущих десятилетий.

Халид, которому было 43 года и который находился в расцвете лет, был рад оказаться в Медине. Он встретился со старыми друзьями и почувствовал, что все рады ему. Старые распри были забыты. В Медине царил новый дух, дух пионерства. Там кипела жизнь, жили надежды на будущее, энтузиазм, оптимизм, и эта атмосфера захватила сердце Халида. Он дышал чистым воздухом новой веры и был счастлив.

Он также встретил 'Умара, и они вновь стали друзьями. Между ними сохранилась доля прежнего соперничества, но она жила скорее на уровне подсознания, чем в осознанных чувствах или побуждениях. Теперь Халид понял, что в соперничестве с 'Умаром уступал ему, поскольку он был новообращенным, а 'Умар — переселенцем, покинувшим свой дом в Мекке. 'Умар был сороковым человеком, принявшим Ислам. Пока мусульмане находились в Мекке, он не мог особо гордиться этим положением, потому что тогда мусульман было мало, но теперь Ислам приняли тысячи, и быть сороковым по счету означало занимать очень влиятельное положение. Теперь соперником

⁶¹ Этот малоизвестный эпизод позаимствован у Ибн Са'да: с. 381.

Халида был не только человек, обладавший такими же силой, волей и способностями, но и мусульманин № 40!

Халид взял за обыкновение часто навещать Пророка. Он часами прислушивался к речам Пророка. Он черпал из того кладезя мудрости и добродетели, каким являлся Мухаммад, Посланник Аллаха. Однажды Халид и Фадл ибн 'Аббас (родственник Пророка) навестили Мухаммада в доме его жены, Маймуны, приходившейся тетушкой Халиду. Как раз в это время один друг-бедуин прислал Пророку в дар приготовленное блюдо и Пророк пригласил своих гостей оставаться и разделить с ним трапезу. На земле была расстелена скатерть, и все расселились вокруг нее и поели — Пророк, его жена и оба гостя.

Когда Пророк протянул руку, чтобы взять еду, Маймуна спросила:

— О Посланник Аллаха, знаешь ли ты, что это?

— Нет.

— Это жареная ящерица!

Пророк отдернул руку: — Такого мяса я есть не стану, — сказал он.

— О Посланник Аллаха, — спросил Халид, — это запрещено?

— Нет.

— Можно ли нам поесть его?

— Да, пожалуйста.

Маймуна также воздержалась от пищи, но Халид и Фадл наелись вволю. Среди арабов пустыни жареная ящерица была любимым лакомством. Очевидно, и у Халида тоже, потому что он поел от души!

Глава 6

МУ'ТА И МЕЧ АЛЛАХА

Через три месяца после приезда в Мекку у Халида появилась возможность продемонстрировать, что он способен сделать во имя своей новой веры как воин и полководец.

Пророк отправил с письмом вестника к вождю гассанитов Басры, предлагая ему принять Ислам. При переезде через Му'ту этот гонец был схвачен и убит местным гассанитским вождем по имени Шурахбиль ибн Амр. Среди арабов это считалось подлым преступлением, ибо посланные с дипломатической миссией обладали традиционным иммунитетом, защищавшим их от нападений, какую бы враждебную силу они ни представляли. Известие об этом вызвало гнев мединцев.

Немедленно была подготовлена военная карательная экспедиция против гассанитов, и Пророк назначил Зайда ибн Харису командовать войском. Если бы его убили, командование перешло бы к Дж'фару ибн Абу Талибу. Если бы и Дж'фара убили, командование принял бы на себя 'Абдаллах ибн Раваха. Назначив командиров в такой последовательности, Пророк сказал: «Если будут убиты все трое, путь люди выберут командира из своих рядов».⁶²

Выступившее в поход войско насчитывало 3000 человек, среди которых был и Халид, один из многих бойцов. Пророк поставил перед Зайдом

задачу разыскать и убить человека, повинного в убийстве мусульманского гонца, и предложить жителям Му'ты принять Ислам. Если они примут Ислам, им не причинят вреда. В то время когда войско двинулось в путь, мусульмане понятия не имели о том, каковы силы врага, с которым им предстояло столкнуться.

Высоким был боевой настрой выходившего из Медины войска. Когда армия достигла Ма'ана, впервые поступило сообщение о том, что в Иордании находился Ираклий, император Восточной Римской империи, а с ним 100 000 византийцев и 100 000 примкнувших к ним арабов-христиан, в основном из гассанитов. Мусульмане задержались в Ма'ане на два дня, обсуждая, как им поступить дальше. Некоторые заколебались и занервничали. Были такие, кто настаивал на сообщении Пророку о больших силах врага, чтобы он мог отдать новые распоряжения относительно военных действий, но 'Абдаллах ибн Раваха (третий по старшинству командир) не согласился на это предложение, так как его принятие повлекло бы за собой задержку, а она могла быть воспринята как проявление страха мусульманами. Он процитировал несколько аятов и произнес пламенную речь, чтобы поднять дух своих бойцов. В заключение 'Абдаллах сказал: «Люди сражаются не числом или оружием, но верой. Идя на битву, мы имеем перед собой две славные альтернативы: победа или мученичество».⁶³ Эта речь рассеяла все сомнения в умах мусульман, и вскоре они уже были на марше в Сирию.

Выйдя на границу Балка', области на востоке нынешней Иордании, мусульмане натолкнулись на крупный отряд арабов-христиан. Считая, что данное место не подходит для боя, мусульманский полководец отвел свою армию в Му'ту. Арабы-христиане последовали за мусульманами, и в Му'те оба войска снова встретились. Теперь обе

⁶² Ибн Са'д: с. 636.

⁶³ Ибн Хишам: т. 2, с. 375.

стороны были намерены сражаться. Шла третья неделя джумада-л-ула 8 г. хиджры).

Зайд расставил свое войско по обычной схеме, центр и два крыла. Правым крылом командовал Кутба ибн Катада, левым крылом — 'Абайа ибн Малик. Сам Зайд командовал центром, и в центре также находился Халид. Поле боя находилось примерно в миле восточнее нынешней деревни Му'та. Поверхность земли здесь была ровная, но слегка волнистая, и за спиной мусульман, обращенных лицом к находившимся на севере арабам-христианам, поднимался пологий склон невысокой гряды холмов.⁶⁴

Гассаниты под командованием Малика ибн Зафилы плотными рядами стояли перед мусульманами. Некоторые историки указывают, что их было 100 000, а другие удваивают эту цифру. Очевидно, что подобные оценки ошибочны. Вероятно, вражеское войско насчитывало от 10 000 до 15 000 человек. В этом сражении мусульмане не смогли одержать победу. Если бы врагов было хотя бы в два раза больше, чем мусульман, последние, без сомнения, одолели бы противника, но враг имел многократное численное превосходство, и поражение мусульман было предрешено. Вышеприведенная оценка численности вражеского войска основывается на этом соображении.

Началась битва, армии стремительно сшиблись в схватке. В этом бою все решала интуиция и выносливость, а не военное искусство. Сам полководец сражался во главе своих людей со знаменем в руке, и вскоре Зайд был убит. Когда знамя выпало из его рук, его подхватил второй полководец, Джадар, который продолжил сражаться во главе своего войска. Его тело оказалось покрытым множеством ран, и Джадар также погиб; вторично знамя перешло к новому полководцу. Это огорчило мусульман, потому что Джадара высоко ценили и любили как родственника Пророка. В мусульманских рядах появились признаки смятения, но вскоре третий полководец, 'Абдаллах ибн Раваха, подхватил знамя и восстановил порядок. Он продолжал сражаться до тех пор, пока не был убит.

Тогда ряды мусульман охватило настоящее смятение. Некоторые бежали с поля боя, но остановились неподалеку от него. Другие в растерянности продолжали сопротивляться, разбившись на группы по два-три и более человека. К счастью, враг не воспользовался своим преимуществом и не закрепил свой успех, потому что в противном случае он легко разгромил бы оставшихся без командира мусульман. Возможно, отвага мусульманских полководцев и героизм, с которым

⁶⁴ На месте этого сражения правительство Иордании возводит новую мечеть.

бились мусульмане, заставили врагов проявить чрезмерную осторожность и не позволили им предпринять решительные действия.

После гибели Абдаллаха его знамя поднял Сабит ибн Аркам, который громким голосом вскричал: «О мусульмане, решите между собой, кто из вас будет полководцем». Тут он увидел стоявшего рядом с ним Халида и предложил знамя ему. Халид понимал, что, будучи новообращенным, он не пользовался большим авторитетом среди мусульман, а Сабит ибн Аркам уже давно стал мусульманином. Это было важно. Он отклонил предложение Сабита: «Ты больше заслуживаешь его, чем я». — «Не я его заслуживаю, — ответил Сабит, — но ты, и никто другой!» Это поистине была большая удача для мусульман, потому что они знали, каковы личное мужество и военные таланты Халида. Все они согласились с его назначением, и Халид принял знамя и взял командование на себя.

Положение к этому времени стало серьезным и грозило стать еще хуже, обернувшись скорым поражением мусульман. В ходе этого сражения полководцы, командовавшие до Халида, проявили больше мужества, чем рассудительности. Халид восстановил управление своей маленькой армией и организовал ее в продуманно развернутую боевую силу. Ему были открыты три возможности. Первая заключалась в том, чтобы отойти и спасти мусульман от разгрома, но это могло быть воспринято как поражение, и тогда на него возложили бы вину за то, что он посрамил мусульманское оружие. Вторая возможность заключалась в переходе к обороне и продолжении боя, в этом случае в итоге с неизбежностью сказалось бы численное превосходство врага и битва была бы проиграна; третья возможность состояла в том, чтобы перейти в наступление и выбить врага из равновесия, выиграв время для того, чтобы оценить ситуацию и составить план наиболее эффективных действий. Последний вариант больше всего соответствовал характеру Халида, и именно его он избрал.

Мусульмане яростно атаковали по всей линии фронта. Во главе с Халидом они рвались вперед. Пример Халида вселял в мусульман мужество, и битва постепенно становилась более ожесточенной. В течение некоторого времени продолжался яростный рукопашный бой, затем Кутба, командовавший правым флангом мусульманского войска, рванулся вперед и в единоборстве сразил христианского полководца Малика. Это заставило врага отступить и вызвало определенное смятение. Арабы-христиане попятились назад, продолжая сражаться и стремясь выиграть время для реорганизации своих сил. В это время Халид взял в руки десятый меч, так как в яростном бою он уже успел поломать девять мечей.

Когда арабы-христиане отступили, Халид остановил мусульман и прекратил бой, отведя своих людей на небольшое расстояние. Теперь два войска разделяла дистанция, равная полету стрелы, и обоим требовалось время для отдыха и реорганизации. Этот последний раунд сражения завершился в пользу мусульман, которые потеряли убитыми пока только 12 человек. Данные о потерях, понесенных врагом, отсутствуют, но, вероятно, они были значительными, поскольку каждый из мусульманских полководцев—предшественников Халида — был мужественным и опытным воином, а сам Халид ударами, наносимыми по телам арабов-христиан, испортил девять мечей. Впрочем, положение не сулило новых успехов. Халид не допустил постыдного и кровавого поражения и спас мусульман от позора и разгрома, не в его силах было сделать большее. Ночью Халид вывел свое войско из Му'ты и отправился в обратный путь в Медину.

В Медину известие о возвращении войска пришло с опережением. Пророк и те из мусульман, которые оставались в Медине, выехали встречать возвращавшихся воинов. Мусульмане были в отвратительном настроении, потому что еще никогда со временем битвы при Ухуде мусульманское войско не прекращало боя и не оставляло поле боя за противником. С приходом армии мусульмане начали швырять пыль в лицо воинам. «О вы, кто бежал! — кричали они. — Вы бежали с пути Аллаха!» Пророк остановил их и сказал: «Они не бежали. Они отошли и вернутся на битву, если такова будет воля Аллаха». Затем Пророк повысил голос и провозгласил: «Халид — Меч Аллаха».⁶⁵

Впоследствии негодование по поводу действий Халида прошло и мусульмане оценили мудрость, рассудительность и мужество, проявленные им в битве при Му'те. И за Халидом закрепилось прозвище, он стал зваться Сайфаллахом, то есть Мечом Аллаха. Когда Пророк даровал Халиду этот титул, он фактически предопределил его успехи в грядущих битвах.

Некоторые историки описывают битву при Му'те как завершившуюся победой мусульман, другие оценивают ее исход как их поражение. На самом деле она не завершилась ни тем, ни другим. Ни одна сторона не добилась в ней решающего успеха, но при этом перевес оказался на стороне христиан, потому что мусульмане покинули поле боя, оставив его за своими противниками. Это сражение не было крупным, его даже нельзя назвать особенно важным. Однако оно предоставило Халиду возможность продемонстрировать свое

⁶⁵Вакиди: Магази, с. 322.

искусство как самостоятельному полководцу, и оно принесло ему звание Меч Аллаха.

Глава 7

ОТКРЫТИЕ МЕККИ

Как было отмечено ранее, к Худайбийскому мирному договору присоединились два мекканских племени, хуза'a со стороны мусульман и бану бакр со стороны курайшитов. Эти два племени разделяла старая междуусобная вражда, зародившаяся еще в доисламские времена и затихшая в течение нескольких лет. И теперь, когда они присоединились к мирному договору, можно было надеяться, что между ними воцарится мир. Однако случилось иначе. Бану бакр вновь разожгли пламя старой вражды. Они организовали ночной набег на хуза'a, в котором им тайно помогали курайшиты, не только снабдившие их оружием, но и придавшие им нескольких воинов, среди которых были 'Икрима и Сафван ибн Умайя. Во время этого набега погибло двадцать хуза'итов.

В Медину немедленно прибыло посольство от хуза'a, чтобы сообщить Пророку об этом вопиющем нарушении мирного договора. Послы указывали на существование союза между их племенем и мусульманами и просили о помощи.

Абу Суфьян не имел прямого отношения к помощи, оказанной курайшитами в осуществлении этого набега. Теперь он был не на шутку встревожен, потому что не хотел нарушать мирного договора, и, боясь, что мусульмане захотят отомстить, он отправился в Медину, чтобы вступить в переговоры о новом мире. По приезде в Медину Абу Суфьян прежде всего отправился навестить свою дочь, Умм Хабибу, жену Пророка, но она приняла отца очень холодно. Затем он пошел к Пророку и поговорил с ним, предлагая заключить новое мирное соглашение, но Пророк хранил молчание, и это еще больше испугало Абу Суфьяна и обеспокоило его сильнее, чем любая угроза.

Не зная, чего ему удалось добиться в общении с Пророком, Абу Суфьян решил прибегнуть к помощи влиятельных сподвижников. Он пришел к Абу Бакру, прося его поговорить с Пророком и добиться заключения нового мирного договора, но Абу Бакр отказал ему. Затем он направился к 'Умару, который, будучи, как всегда, воинственным, ответил ему: «Именем Аллаха, если бы в моем распоряжении была лишь

армия муравьев, я бы пошел на вас войной». Абу Суфьян отправился в дом 'Али, а там сначала поговорил с Фатимой, а затем с 'Али. «Если Посланник Аллаха принял решение, — сказал ему 'Али, — ничто не может разубедить его».

— Так что же ты мне посоветуешь? — спросил Абу Суфьян.

— Ты — предводитель курайшитов, о Абу Суфьян! Поддерживай мир среди людей.¹

Этот совет можно было истолковать по-разному, но почему-то он удовлетворил Абу Суфьяна больше, чем все услышанное от других. Не зная, что еще ему предпринять, он вернулся в Мекку с пустыми руками.

* * *

Вскоре после отбытия Абу Суфьана Пророк распорядился немедленно готовиться к широкомасштабной операции. Он намеревался собрать силы и двигаться с большой скоростью и втайне, чтобы никто из курайшитов не узнал о приближении мусульман до тех пор, пока мусульмане сами не постучатся в их ворота. Это лишило бы курайшитов времени на заключение нового союза с соседними племенами для того, чтобы дать отпор мусульманам. Пока шел сбор войска, Пророк узнал, что в Мекку направилась женщина с письмом, предупреждающим мекканцев о затевающихся против них приготовлениях. Он срочно послал вслед за ней 'Али и Зубайра. Эти два смельчака нагнали женщину, обнаружили письмо и вернули его и посыльную в Медину.

Мусульманская армия выступила из Медины в поход 1 января 630 г. (в 10-й день рамадана 8 г. хиджры). В Медине к войску Пророка присоединились многочисленные отряды мусульманских племен, другие присоединялись к нему по пути. Таким образом, мусульманская армия вскоре достигла беспрецедентно высокой численности, 10 000 человек. С этим войском Пророк прибыл в Марр аз-Захран, что в 10 милях северо-западнее от Мекки, причем курайшиты и понятия не имели о его передвижении. Это был самый стремительный из переходов, совершенных мусульманским войском.

Как раз в это время 'Аббас, дядя Пророка, решил присоединиться к мусульманам и принять истинную веру. Когда мусульманское войско находилось в Джухфе, оно повстречалось с 'Аббасом, который со своим семейством направлялся в Медину. Обращение 'Аббаса обрадовало Пророка, которого всегда связывали с дядей сердечные отношения.

Когда мусульмане достигли Марр аз-Захрана, 'Аббас забеспокоился о том, что в случае если мусульмане возьмут Мекку силой, кампания завершится истреблением курайшитов. Поэтому, с разрешения Пророка, он выехал вперед на его муле, чтобы предупредить курайшитов о серьезных последствиях их сопротивления и убедить их выслать своих представителей для переговоров о мире с мусульманами. Примерно в это же время Абу Суфьян выехал из Мекки, чтобы лично провести разведку и узнать, не видно ли где мусульман. 'Аббас и Абу Суфьян встретились, когда первый из них находился на полпути к Мекке.

— Какие новости ты везешь, о отец Фадла? — спросил Абу Суфьян.

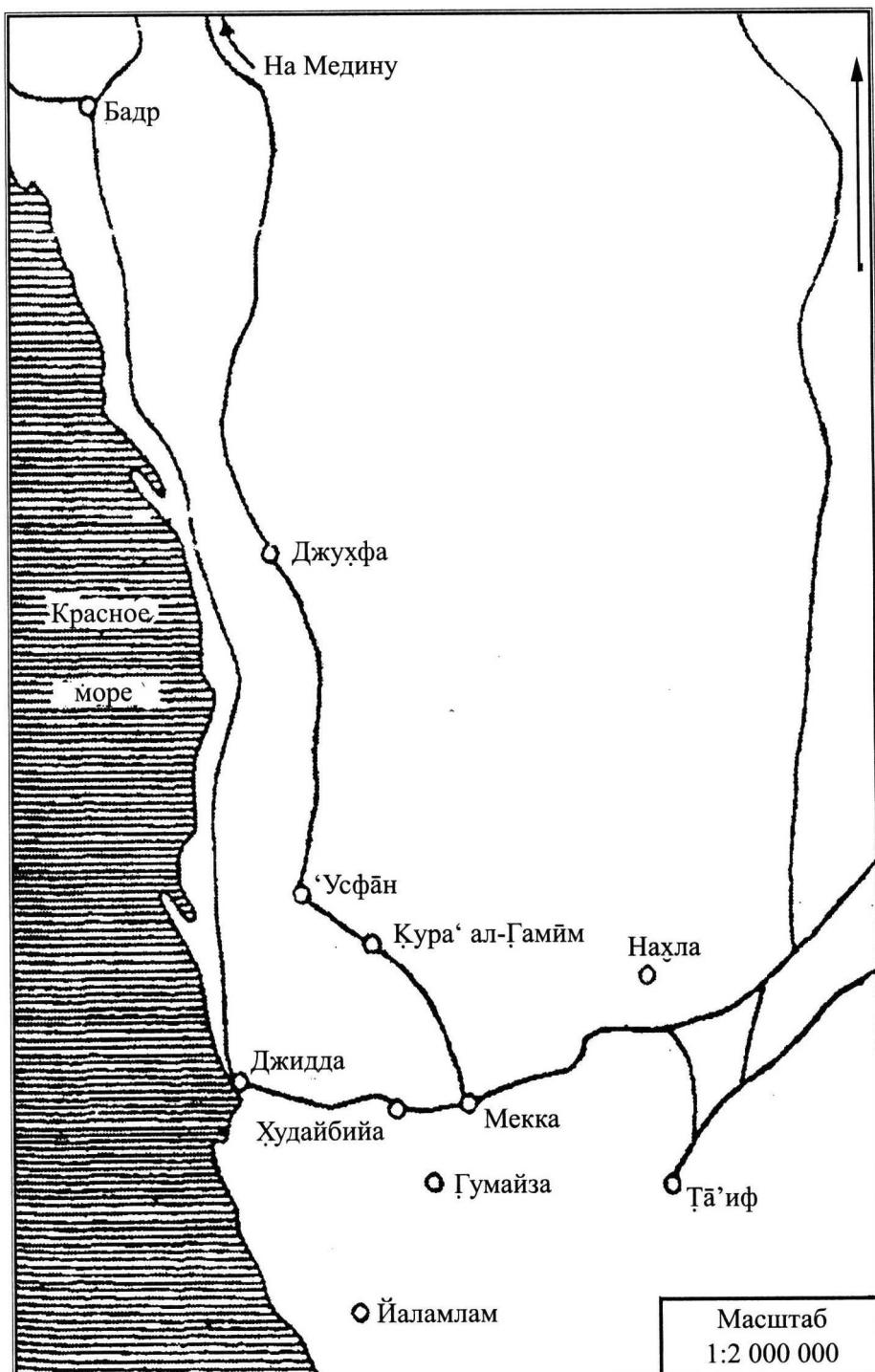
— Посланник Аллаха, — отвечал 'Аббас, — идет сюда с 10-тысячным войском.

— Так что же ты нам посоветуешь?

— Если мусульмане возьмут Мекку боем, преодолев сопротивление ее защитников, они наверняка отрубят тебе голову. Поедем со мной к Пророку, и я попрошу, чтобы он сохранил тебе жизнь.

Абу Суфьян сел на мула позади 'Аббаса, и таким образом они поехали в лагерь мусульман, достигнув его к вечеру. Случилось так, что в ту ночь командиром стражи был 'Умар, и он совершал обход лагеря, чтобы убедиться, что стражники не спят. Он первым заметил и опознал двух гостей и вскричал: «О! Абу Суфьян, враг Аллаха! Хвала Аллаху, что ты прибыл в наш лагерь без надежной охраны». Затем 'Умар бросился к шатру Пророка, а 'Аббас, догадавшись о замысле 'Умара, погнал мула вперед. Трое одновременно достигли шатра Пророка, и между 'Умаром и 'Аббасом разгорелся жаркий спор. 'Умар просил разрешения отрубить голову врага номер один, а 'Аббас настаивал на том, что, поскольку он обещал Абу Суфьяну свою защиту, тому нельзя причинять вреда, прежде чем его не выслушают. Пророк велел всем троим уйти и явиться к нему утром. 'Аббас увел Абу Суфьяна в свой шатер, где тот провел бессонную ночь, гадая об ожидающей его участи.

На следующее утро, когда 'Аббас и Абу Суфьян направлялись к шатру Пророка, последний заметил их приближение и сказал: «Идет тот, кто намеревается стать мусульманином, но не является мусульманином в душе». Когда они подошли к шатру, Пророк спросил:

Карта 4. Открытие Мекки (1)

— О Абу Суфьян! Разве ты не знаешь, что нет Бога, кроме Аллаха?

— Теперь я это осознал. Если бы существовали другие боги, в которых я верил, то они обязательно пришли бы мне на помощь.

— А разве тебе неизвестно, что я — Посланник Аллаха?

Это был ужасный миг для Абу Суфьяна. Он был гордым вождем курайшитов, одним из знатнейших людей в племени, потомком Умайи. Он всегда оценивал себя как наипервейшего, и в этом он был прав. Он действительно был повелителем Мекки — человеком, которого уважали и почитали все жители города. Теперь же он стоял в качестве смиренного просителя перед тем самым человеком, которого он преследовал и с которым боролся на протяжении долгих лет, уничтожение которого было его сокровенным желанием.

— По этому поводу, — ответил Абу Суфьян, — у меня есть некоторые сомнения.

При этих словах 'Аббас свирепо взглянул на Абу Суфьяна.

— Горе тебе, о Абу 'Аббас! — прошипел он. — Покорись или лишись головы!

— Свидетельствую, — торопливо проговорил Абу Суфьян, — что Мухаммад — Посланник Аллаха!

Тем временем 'Аббас незаметно для Абу Суфьяна шепнул Пророку:

— О Посланник Аллаха! Абу Суфьян — гордый человек. У него есть чувство собственного достоинства и самоуважения. Не будешь ли ты милостив к нему и не дашь ли ему знак, что особо отличаешь его?

На это Пророк сказал:

— Тот, кто войдет в дом Абу Суфьяна, будет спасен. Лицо Абу Суфьяна посветлело. Мухаммад удостоил его особой чести. Пророк продолжал:

— Тот, кто запрет дверь на замок, будет спасен. Тот, кто останется в мечети, будет спасен.

Затем Абу Суфьян вернулся в Мекку, где люди собирались в ожидании новостей, касающихся их участия. Абу Суфьян обратился к толпе: «О курайшиты! Мухаммад пришел с войском, с которым вы не можете сравниться. Подчинитесь ему, и будете спасены. Тот, кто войдет в мой дом, будет спасен». При этих словах толпа загудела. «И сколько же человек, по твоему мнению, войдет в твой дом? —sarcastically спрашивали люди. Тогда Абу Суфьян добавил: «Тот, кто останется дома и запрет дверь на замок, будет спасен. Тот, кто останется в мечети, будет спасен».

Слова Абу Суфьяна успокоили толпу, но не успокоили его жену, Хинд. Она набросилась на него как дикая кошка, дала ему пощечину и вцепилась ему в усы. «Убейте этого старого жирного болвана! —

кричала она толпе. — Он нас предал!» Поскольку Хинд не была пушинкой, Абу Суфьяну, наверное, пришлось несладко. Впрочем, ему удалось стряхнуть ее с себя, и он ушел к себе домой.⁶⁶

* * *

Мусульмане предполагали, что их попытки войти в Мекку будут встречены сопротивлением. Они и подумать не могли о том, что все произойдет исключительно мирным путем, хотя Пророк и надеялся, что обойдется без кровопролития. Про таких заклятых врагов мусульман, как 'Икрима и Сафван, ничего нельзя было сказать наверняка. Поэтому Пророк спланировал открытие Мекки как военную операцию.

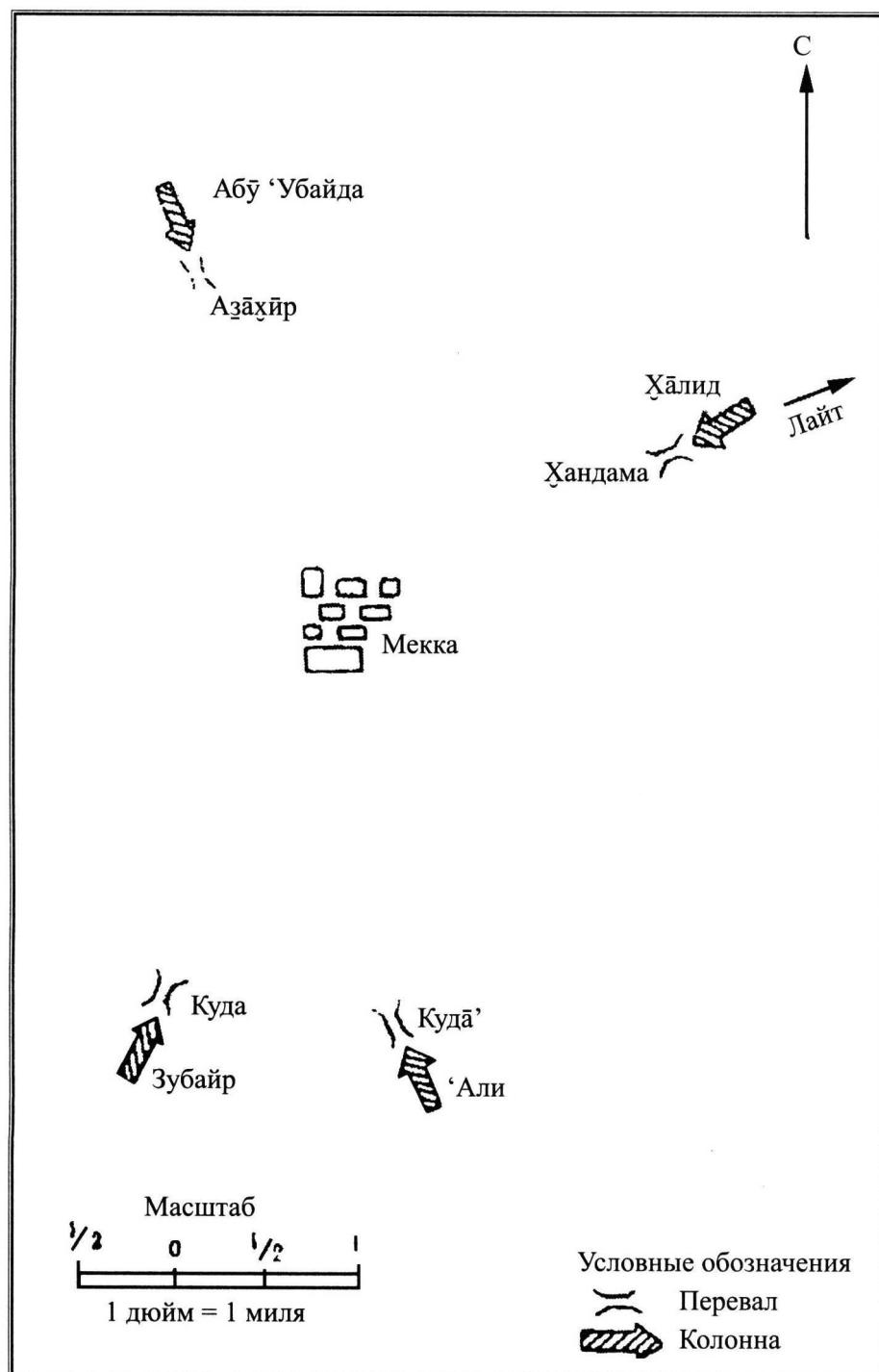
Мекка находится в долине Авраама и окружена возвышающимися над ней черными зубчатыми горами, местами поднимающимися над долиной на высоту до 1000 футов. В те времена к городу вели четыре дороги, причем каждая проходила через перевал в этих горах. Эти пути вели к городу с северо-запада (почти с севера), юго-запада, юга и юго-востока. Пророк разделил свое войско на четыре колонны, чтобы они наступали по всем дорогам одновременно. Основная колонна (под командованием Абу 'Убайды), с которой двигался сам Пророк, должна была войти в Мекку по главной дороге, ведущей в Медину, с северо-запада, через Азахир. Вторая колонна, под командованием Зубайра, должна была войти с юго-запада, через перевал западнее холма Кудай. Третья колонна, под командованием 'Али, должна была войти с юга, через Куда', а четвертая, которой командовал Халид, должна была войти с северо-востока, через Лайт и Хандаму. (См. карту 5.)⁶⁷

Наступление предполагало одновременные удары, направленные на единую главную цель, что могло бы позволить расколоть врага на маленькие группы и заставить его рассредоточиться, чтобы он не смог сконцентрироваться для боя в любом из направлений, по которым велось бы наступление. Более того, если бы врагу удалось сдержать наступление в одном направлении, то нападавшие могли прорвать его оборону с других направлений и тем самым обеспечить себе максимальный успех. Этой тактической задаче было подчинено все. Она также не позволила бы курайшитам обратиться в бегство; однако

⁶⁶ Ибн Хишам: т. 2, с. 402-405, Ибн Са'д: с. 644; Вакиди; Магази: с. 327-331.

⁶⁷ Вся изображенная на карте 5 территория покрыта холмами, однако поскольку холмы невозможно точно изобразить без помощи крупномасштабных топографических карт, на этой карте холмы не отражены — просто указаны места и направления, с которых наступали колонны.

позднее, когда бдительность немного притупилась, отдельным личностям все же удалось выбраться из города.

Карта 5. Открытие Мекки (2)

Пророк подчеркнул, что в бой следует вступать только в том случае, если курайшиты окажут вооруженное сопротивление. Он также запретил добивать раненых, преследовать беглецов и убивать пленников.

Вступление в Мекку состоялось 11 января 630 г. (20-го рамадана, 8 г. хиджры). Операция всюду прошла мирно и бескровно кроме сектора, в котором находился Халид. 'Икрима и Сафван собрали отряд несогласных из числа курайшитов и других племен и решили принудить мусульман сражаться за победу. Они встретили колонну Халида в Хандаме, и для Халида это оказалось новым и незнакомым опытом. Два вражеских вождя, 'Икрима и Сафван, воевавшие теперь против него, были его лучшими друзьями. А последний, к тому же, был женат на Фахите, сестре Халида. Впрочем, Ислам положил конец всем родственным и дружеским узам периода джахилийи, и те, кто не был мусульманином, не могли рассчитывать на мусульманина во имя былых отношений.

Курайшиты начали с обстрела из луков и выхватили свои мечи, Халид только и ждал этого. Он атаковал позицию курайшитов, и после краткой и жестокой стычки курайшиты были вынуждены отступить. Было убито двенадцать курайшитов, а мусульмане потеряли всего двоих. 'Икрима и Сафван бежали с поля боя.

Когда Пророк узнал о происшествии и количестве убитых неверных, он остался недоволен Халидом. Он хотел избежать кровопролития. Зная буйный нрав Халида, Мухаммад подозревал, что Халид сам стал виновником этого инцидента. За Халидом тотчас же послали и попросили рассказать, как все произошло. Впрочем, Пророка удовлетворило данное им объяснение, и он согласился с тем, что Халид поступил правильно. В конце концов, он просто отбил нападение. Таков уж был характер Халида: если он наносил удар, то этот удар был очень сильным. Нрав этого человека был безудержным.

* * *

Как только Мекка была занята мусульманами, Пророк направился к Каабе и семь раз обошел по кругу Дом Господа. Это был великий миг в жизни Мухаммада. Прошло более семи лет с тех пор, как он бежал из Мекки, преследуемый курайшитами, жаждавшими его крови. Теперь Мухаммад больше не был беглецом. Его слова больше не были гласом вопиющего в пустыне. Мухаммад вернулся, и вернулся он как победитель, к ногам которого склонилась Мекка. Ожидая в мечети,

курайшиты трепетали, ибо они знали, какой жестокой бывает месть у арабов.

Пророк повернулся и посмотрел на курайшитов. Собравшиеся глядели на него в испуганном молчании, гадая о той участи, которая им уготована.

— О курайшиты! — обратился к ним Пророк — Как мне поступить с вами?

— Милостиво, о благородный брат и сын благородного брата! — ответила толпа.

— Тогда ступайте! Вы прощены.⁶⁸

Затем Пророк вошел в Каабу и увидел, что вдоль ее стен расставлены идолы всех форм и размеров. Внутри и рядом с Каабой находилось 360 идов, вырезанных из дерева или высеченных из камня, в том числе изваяние Авраама, держащего стрелы для предсказания судьбы. В руке у Пророка была большая палка, и он принялся крошить этих идов. Когда Мухаммад покончил с ними, ему показалось, будто с его плеч спало тяжкое бремя. Кааба была очищена от ложных богов; теперь в Доме Господа будут поклоняться только истинному Богу. Над Каабой разнесся торжествующий глас Пророка (аят Корана): «Пришла истина, и исчезла ложь!»⁶⁹

Следующие несколько дней были посвящены укреплению позиций и реорганизации. Большинство населения Мекки приняли Ислам и принесли присягу Посланнику Аллаха.

Перед въездом в Мекку Пророк объявил имена 10 человек — шести мужчин и четырех женщин, — которых следовало убить, как только их заметят, даже если они попробуют спрятаться в Каабе. Эти 10 человек были, как бы мы сказали сейчас, «военными преступниками». Это были либо изменники, либо те, кто прямо или косвенно был повинен в пытках и предательстве мусульман. Во главе списка значился 'Икрима, была в нем упомянута и Хинд.

Бежав после столкновения с Халидом, 'Икрима спрятался в городе, а когда бдительность мусульман притупилась, он выскользнул из города и бежал в Йемен, намереваясь уплыть в Абиссинию. Между тем жена 'Икримы стала мусульманкой и заступилась за мужа перед Пророком, который согласился даровать ему жизнь. Эта женщина поспешила отправиться в Йемен, где разыскала мужа и привезла его домой. По возвращении в Мекку 'Икрима направился прямо к Пророку и сказал: «Я — тот, кто ошибался, а теперь раскаялся. Прости меня!»⁷⁰ Пророк

⁶⁸ Ибн Хишам: т. 2, с. 412.

⁶⁹ Там же: т. 2, с. 417; Коран: 17:81.

⁷⁰ Вакиди: Магази, с. 332.

принял его покаяние, и 'Икрима присоединился к мусульманскому братству.

Сафван ибн Умайя, хотя и не попал в перечень военных преступников, опасался за свою жизнь и бежал в Джидду, намереваясь переправиться через Красное море и найти приют в Абиссинии. Однако один из его друзей попросил Пророка даровать ему жизнь и принять его заявление о покорности. У Пророка не было ни малейшего намерения убивать Сафвана, и он объявил, что с радостью воспримет возвращение Сафвана. Тогда этот друг поехал в Джидду и вернулся назад с Сафваном. Он присягнул на верность Пророку, но это была присяга человеку и политику. Что касается Ислама, то Сафван попросил Пророка дать ему два месяца, чтобы принять решение. Пророк дал ему четыре месяца.

Из военных преступников на деле были казнены только трое мужчин и две женщины. Остальных простили, в том числе Хинд, которая стала мусульманкой.

* * *

Сокрушив идолов в Каабе, Пророк направил небольшие отряды в соседние поселения, где, как было известно, в местных храмах находились другие идолы. Халид был послан в Нахлу, чтобы уничтожить идола 'Уззы — самой важной из богинь. Он пустился в путь с отрядом из 30 всадников.⁷¹

Оказывается, было два идола 'Уззы — настоящий и фальшивый. Халид сначала обнаружил фальшивый и уничтожил его, а затем вернулся к Пророку, чтобы сообщить о выполнении возложенной на него задачи. «Не заметил ли ты чего-либо необычного? — спросил Пророк. «Нет». — «В таком случае, ты не уничтожил 'Уззу, — сказал Пророк. — Поезжай снова».

Злясь на свою ошибку, Халид вновь отправился в Нахлу и на этот раз отыскал настоящую 'Уззу. Сторож храма 'Уззы бежал, спасая свою жизнь, но прежде чем покинуть свою богиню, он повесил ей на шею меч, надеясь, что она сможет защитить себя. Когда Халид вошел в храм, путь ему преградила рыдающая нагая чернокожая женщина. Халид не стал размышлять над тем, хотела ли она соблазнить его или пыталась защитить идола, но выхватил меч и одним ударом разрубил

⁷¹Долина, которая сейчас известна как Вади ал-Иаманийя, ранее называлась Нахла, через нее пролегал главный путь из Мекки в Та'иф; а еще была Нахла, где находился идол богини 'Уззы, и это место располагалось к северу от Вади ал-Иаманийя. Она располагалась примерно в 4-5 милях от нынешнего Би'р ал-Байсы.

женщину пополам. Затем он разбил идола и, вернувшись в Мекку, рассказал Пророку о том, что видел и что сделал. «Да, — сказал Пророк, — это была 'Узза; в твой стране никогда больше не будут поклоняться ей».⁷²

* * *

Примерно 20 января 630 г., после сокрушения идолов, произошло неприятное происшествие с бану джузай. Пророк разослал отряды к племенам, живущим в окрестностях Мекки, чтобы призвать их принять Ислам, и дал командирам указание не сражаться с теми, кто примет это предложение. В этом вновь проявилось стремление Пророка избежать кровопролития.

Экспедицию в землю Тихама, что к югу от Мекки, возглавлял Халид. Отряд состоял из 350 всадников из разных племен, причем наиболее крупной была группировка бану сулайм, также в отряд входили несколько ансаров и переселенцев. Этот отряд шел на Йаламлам, расположенный примерно в 50 милях от Мекки. (См. карту 4.)

Когда Халид достиг ал-Гумайзы, что в 15 милях от Мекки по дороге на Йаламлам, он встретился с племенем бану джазима. Люди племени увидели мусульман и схватились за оружие, одновременно воскликнав:

— Мы покорились. Мы отправляем молитвы и построили мечеть.
— Тогда при чем здесь оружие? — спросил Халид.
— Мы враждует с некоторыми арабскими племенами и должны защищаться от них.
— Сложите оружие! — приказал Халид. — Все народы стали мусульманами, и вам нет нужды иметь при себе оружие.

Тогда один из бану джазима крикнул своим товарищам: «Это Халид, сын ал-Валида. Остерегайтесь его! Мы сложим оружие, а потом нам свяжут руки, а после того как нам свяжут руки, слетят наши головы!»⁷³

Род Халида и бану джазима разделяла старая распря. В доисламские времена маленький курайшитский караван возвращался из Йемена, на него напали бану джазима, разграбившие караван и убившие двух важных персон — 'Ауфа, отца 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа, и Факиха, сына ал-Мугиры и дядю Халида. Впоследствии 'Абд ар-Рахман убил убийцу своего отца и тем самым совершил кровную месть, но смерть Факиха так и осталась неотомщенной. Впрочем, все это случилось во дни невежества.

⁷² Ибн Са'д: с. 657.

⁷³ Ибн Са'д с. 659-660; Ибн Хишам: т. 2, с. 429.

Тогда люди из бану джазима принялись спорить с человеком, который предупреждал их относительно Халида. «Ты хочешь, чтобы нас зарезали? — спросили они его. — Все племена сложили оружие и стали мусульманами. Война закончилась!»⁷⁴ После короткой перепалки племя сложило оружие.

Причина того, что последовало, неясна. Возможно, в Халиде на мгновение вспыхнула племенная мстительность времен джахилийи. (Он был мусульманином всего несколько месяцев.) С другой стороны, возможно, в сердце Халида взыграло излишнее мусульманское рвение и он усомнился в искренности слов о принятии племенем Ислама. Когда племя сложило оружие, Халид приказал своим воинам связать им руки за спиной. Затем он приказал отрубить головы всем пленникам. К счастью, только бану сулайм подчинились его приказу и убили пленников, находившихся в их руках, число которых неизвестно. Представители отрядов других родов отказались выполнять этот приказ. 'Абдаллах, сын 'Умара, и Абу Катада категорически возражали против распоряжения, но Халид отклонил их возражения. Абу Катада немедленно выехал в Мекку и сообщил Пророку о том, что натворил Халид.

Пророк пришел в ужас. Он воздел руки к небу и воскликнул: «О Господь! Я не повинен в том, что совершил Халид!»⁷⁵ Затем он отправил Али с большой денежной суммой, чтобы смягчить чувства бану джазима и возместить ущерб за пролитую кровь. 'Али с лихвой исполнил данное ему поручение и вернулся только после того, как племя было полностью удовлетворено.

Затем Пророк послал за Халидом и потребовал от него объяснений относительно того, что произошло. Халид заявил, что не поверил, будто они действительно были мусульманами, у него сложилось впечатление, что они обманывали его, он считал, что убивает на пути Аллаха.

У Пророка находился 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф. Услышав объяснения Халида, он сказал: «Во дни Ислама ты совершил поступок, как во дни невежества».

Тогда Халиду показалось, что он нашел выход из этого щекотливого положения, и он ответил: «Но я же отомстил за убийство твоего отца». — «Ты лжешь! — гневно оборвал его 'Абд ар-Рахман. — Я давно расправился с убийцей моего отца и отомстил за честь моей семьи. Ты приказал убить джузаймитов в отместку за гибель твоего дяди, Факиха».

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Ибн Са'д; Ибн Хишам: т. 2.

После этого они принялись ожесточенно спорить. И это была ошибка со стороны Халида, ибо 'Абд ар-Рахман был одним из Благословенной Десятки и поэтому занимал положение, в котором находились очень немногие. Однако Пророк не дал спорщикам зайти слишком далеко, вмешавшись и сурово сказав: «Не трогай моих сподвижников, о Халид! Если бы у тебя была гора золота и ты потратил бы его на пути Аллаха, ты все равно не сравнялся бы по положению с моими сподвижниками».⁷⁶ Разумеется, Мухаммад имел в виду первых сподвижников, потому что теперь и Халид тоже был его сподвижником.

Так Халида поставили на место. Его простили, но он вынес важный урок и понял, что он, как позднее обратившийся в Ислам, имел иной статус, чем первые сподвижники, особенно Благословенная Десятка. В дальнейшем ему не раз приходилось припоминать этот урок.

Глава 8

БИТВА ПРИ ХУНАЙНЕ

Не успели жители Мекки присягнуть на верность Пророку, не успела жизнь в городе вернуться в обычное русло, как с востока повеяли враждебные ветры. Могущественные племена хавазин и сакиф встали на тропу войны.

Хавазиниты жили в регионе на северо-востоке от Мекки, а сакифы — в окрестностях Та'ифа. Это были соседние племена, которые теперь опасались, что, завоевав Мекку, мусульмане нападут на них и захватят их, пока они рассредоточены по своим племенным поселениям. Для того чтобы не быть захваченными врасплох, они решили сами перейти в наступление, надеясь выиграть за счет проявленной инициативы. Оба племени собрались в Автасе под Хунайном, где к ним присоединились вооруженные отряды некоторых других племен. Вновь сложилась коалиция, подобная той, которая сформировалась перед битвой у Рва. Общая численность сборного войска составила 12 000 человек, а во главе его встал пылкий 30-летний Малик ибн 'Ауф. Этот молодой полководец решил заставить своих людей сражаться в ситуации такой серьезной опасности, чтобы они сражались с мужеством отчаяния. Он приказал, чтобы к мужчинам присоединились их семьи и стада.

⁷⁶ Ибн Са'д: т. 2, с. 431.

Другим вождем этой коалиции был достопочтенный Дурайд ибн ас-Симма. Убеленный сединами, этот человек уже ослеп и утратил силу и энергию, необходимые для того, чтобы командовать сражением, но это был мудрец с ясным умом, и он сопровождал сородичей повсюду, куда бы они ни направлялись, а поскольку Дурайд ибн ас-Симма был опытным воином, все с уважением относились к его советам по вопросам ведения боевых действий.

В Автасе престарелый Дурайд услышал шум, который обычно поднимается тогда, когда вместе собираются семьи и животные. Он послал за молодым Маликом и спросил: «Почему я слышу крики верблюдов, рев ослов, блеяние коз, женские крики и детский плач?» Малик ответил: «Я приказал, чтобы семьи и стада присоединились к войску. Каждый мужчина будет сражаться, защищая находящиеся за его спиной семью и имущество, и это придаст ему большее мужество».

«Мужчины сражаются мечами и копьями, а не женщинами и детьми, — сказал Дурайд. — Отведи семьи и стада на безопасное расстояние от поля боя. Если мы одержим победу, они присоединятся к нам. Если мы проиграем, то уцелеют хотя бы они».

Малик воспринял это как сомнение в его здравомыслии и способности командовать войском. «Я не стану отсылать их, — ощетинился он. — Ты стал стар, и твои мозги размякли». После этих слов Дурайд прекратил спор и решил предоставить Малику возможность поступать по-своему. Затем Малик вернулся к своим командирам и сказал: «Когда пойдете в атаку, атакуйте как один. Когда пойдем в атаку, пусть все сломают ножны». Обычай ломать ножны являлся у арабов знаком решимости яростно сражаться до смерти.

Однако семьи и стада привели в лагерь только хавазиниты. Другие племена этого не сделали.

* * *

Пророк не желал больше никаких кровопролитий, но у него не было иного выбора, кроме как выступить навстречу этому новому врагу. У него не было ни малейшего желания ждать, пока против него образуется новая коалиция и нападет на него, как это случилось три года назад во времена битвы у Рва. Более того, если бы он ждал, готовясь к обороне, в Мекке, а враг продолжал бы укрепляться в Автасе, ситуация зашла бы в тупик и могла бы оставаться таковой на протяжении месяцев. Пророк не мог позволить себе потратить столько времени понапрасну. Ему нужно было заниматься организационными вопросами и приступить к обращению аравийских племен, пока не

забылся психологический эффект, произведенный на арабов падением Мекки. Притом что в Автасе находились крупные вражеские силы, Мухаммад не мог приступить к выполнению поставленных задач. В любом случае вызов, брошенный его авторитету сильным врагом, ослаблял эффект воздействия победы мусульман в Мекке на умы арабов. Нужно было ответить на этот вызов. Надо было сокрушить противника. Решение Пророка выступить из Мекки создало необычную ситуацию, в которой обе стороны двигались навстречу друг другу для ведения наступательного сражения.

Мусульмане выступили из Мекки 27 января 630 г. (6 шаввала, 8 г. хиджры). Войско состояло из тех изначальных 10 000 человек, которые вошли в Мекку, и в него влилось еще 2000 новообращенных жителей Мекки. Ценность этих новых мусульман была сомнительной, так как Ислам еще не вошел по-настоящему в их сердца; они пошли в поход, полагая, что так нужно. Среди них были Абу Суфьян и Сафван ибн Умайя. Последнему было отпущено четыре месяца на то, чтобы решиться на переход в новую веру, но теперь он был благосклонно настроен по отношению к Пророку и дошел до того, что одолжил мусульманам 100 кольчуг для грядущего сражения.

Во главе мусульманского войска, выступившего из Мекки, находился отряд из 700 человек из племени бану сулайм, действовавший под командованием Халида. Вечером 31 января мусульмане вышли в долину Хунайн и разбили в ней лагерь.

Хунайн — долина, простирающаяся от Шара'и'-ал-Муджахида (нынешнего), расположенного в 11 милях к востоку — северо-востоку от Мекки, до Шара'и' ан-Нахла (старого), находившегося еще на 7 миль восточнее. Долина тянется еще на 7 миль к востоку, а затем загибается на север, к Займе. (Тогда ни одного из этих населенных пунктов не существовало.) Между обоими Шара'и' долина достаточно широкая, около 2 миль в большинстве мест, но за старым Шара'и' она сужается до полумили или даже до четверти мили, а у Займы становится еще уже. Эта вторая половина долины Хунайн представляет собой узкое ущелье, и к Займе это ущелье сужается. За Займой извилистая дорога на Та'иф проходит по Вади Нахлат ал-Иаманийя. (См. карту 6.)

Пока мусульмане шли к Хунайну, каждая из сторон высыпала разведчиков для сбора информации о противнике. Обе стороны были хорошо осведомлены о силах противника, его местонахождении и направлении движения. Посланный Пророком лазутчик проник к хавазинитам в Автасе, установил точное количество воинов коалиции и незаметно ускользнул, чтобы передать эти сведения Пророку. Во время его доклада у Пророка находился 'Умар, который по каким-то

причинам не поверил сообщению лазутчика. Он обозвал лазутчика лжецом, на что лазутчик ответил: «Если ты называешь меня лжецом, то ты называешь правду ложью. А ты называл лжецом того, кто лучше меня». Этот человек намекал на те времена, когда 'Умар, до обращения, был заклятым врагом Пророка.

Внезапно 'Умар обратился Пророку и сказал: «Ты это слышал?» — «Успокойся, о 'Умар! — ответил Пророк. — Когда-то ты сбился с пути и Аллах, указал тебе путь истинный». 'Умар умолк.

Когда мусульмане прибыли в свой новый лагерь в долине Хунайн, лазутчики донесли об их появлении Малику ибн 'Ауфу. Он догадался, что мусульманам известно о нахождении его войска в Автасе и что они намерены дать ему бой в Автасе или в его окрестностях. И Малик ибн 'Ауф придумал план, как перехитрить Мухаммада.

До рассвета 1 февраля 630 г. (11-го шаввала 8 г. хиджры) мусульмане выстроились для движения походным порядком на Автас, где они собирались дать бой врагу. Они намеревались пройти через узкую часть Хунайна до того, как враг узнает об их приближении. В авангарде вновь находились бану сулайм под командованием Халида, а в арьергарде шли разнообразные мусульманские отряды, в том числе 2000 мекканцев. Лагерь не был свернут, чтобы служить базой для проведения операции.

При первых проблесках зари на востоке авангард вошел в узкую часть долины (до Займы оставалось примерно 2 мили). С нетерпением предвкушая жаркий бой с захваченным врасплох врагом в Автасе, Халид ускорил шаг. И тут грянула буря!

Халид первым встретил удар, нанесенный из засады. Тишину рассвета взорвала тысяча пронзительных криков, и стрелы полетели не десятками, а сотнями. Они обрушились на мусульман как камнепад, со свистом поражая и людей, и лошадей. Бану сулайм не замедлили оказать врагу сопротивление. Они не стали останавливаться и раздумывать, не стали прятаться. Они как один развернулись и принялись вести обстрел из луков. Голос Халида, приказывавший воинам держаться, потонул в шуме и хаосе. Сам он получил тяжелое ранение, и конь понес его прочь, увлеченный бегущими людьми и животными; однако, отскакав на небольшое расстояние, Халид упал с лошади и лежал недвижимо, потому что раны не позволяли ему пошелохнуться.

Когда бану сулайм в страхе обратились в бегство, они налетели на другие подразделения, заполонившие узкий проход, и остальные начали понимать, что случилось нечто ужасное. Не слишком отважные мекканцы обратились в бегство, за ними последовало еще несколько

мусульманских отрядов. Часть мусульман бежала в лагерь, но большинство из них просто разбежалось в разные стороны и спряталось по обеим сторонам дороги на некотором расстоянии от места вражеской засады. Никто толком не знал, что произошло. Сумятица возрастала по мере того, как при попытке убраться прочь верблюд сталкивался с верблюдом, а кони топтали людей.

Малик ибн 'Ауф застал врасплох тех, кто намеревался застать врасплох его самого. Ночью он отвел свое войско в узкую часть долины Хунайна, где не было места для маневра. Его люди заняли позиции по обеим сторонам дороги, спрятавшись за валунами и в трещинах в земле, оказавшихся превосходным укрытием. Впереди находились хавазиниты и несколько групп сакифитов. Далее стояли сакифиты, а за ними — отряды других племен. Малик составил превосходный план. Он откладывал свой маневр до наступления темноты, чтобы мусульмане продолжали считать, что его войско стоит в Автасе, а затем поставил его в засаду в узкой части Хунайна, намереваясь уничтожить мусульман или заставить их в страхе бежать в Мекку и далее. За местом, избранным для засады, начался узкий проход⁷⁷, по которому Малик мог отойти в случае, если сражение будет развиваться не в соответствии с его планом. Пока этот проход был защищен, мусульманам невозможно было пройти к Автасу, опорному пункту Малика.

Большинство новообращенных мекканцев были обрадованы отпором, полученным мусульманами. Абу Суфьян заметил: «Это отступление закончится только тогда, когда они выйдут к морю!» Рядом с Сафваном ибн Умайей находился его сводный брат, который сказал: «Теперь колдовство Мухаммада будет изобличено!» — «Замолчи! — рявкнул на него Сафван. — Да порвет Аллах твою глотку! Пусть уж лучше нами правит один из курайшитов, чем один из хавазинитов!»²

Пророк остался стоять на дороге с девятью сподвижниками, среди которых были 'Али, Абу Бакр, 'Умар и 'Аббас. Когда мусульмане пробегали мимо него, он кричал им: «О мусульмане! Я здесь! Я, Посланник Аллаха! Я, Мухаммад, — сын 'Абдаллаха!»⁷⁸ Но его криков никто не слышал. Передовые отряды хавазинитов приблизились к тому месту, где стоял Пророк, и там 'Али сразил первого павшего при Хунайне неверного — человека, ехавшего на рыжем верблюде и державшего в руке длинное копье, к концу которого было привязано черное знамя. Этот человек преследовал обратившихся в бегство

⁷⁷ Я не сумел определить, где именно он находился. Вероятно, он был у Займы или где-то рядом.

⁷⁸ Там же.

мусульман. 'Али погнался за ним вместе с другим мусульманином и, поравнявшись с ним, разрубил мечом сухожилия на задних ногах верблюда. Неверный свалился с верблюда, и другой мусульманин отрубил ему голову.

Затем Пророк и его группа переместились вправо и укрылись на скалистом отроге. Несколько человек из отряда сакифитов приблизились к отряду Пророка, но сподвижники вынудили их отступить.

Малик ибн 'Ауф совершил с мусульманами то, что прежде не удавалось никому. Для мусульман это был первый горький опыт попадания в засаду, и многие из них лишились головы или бежали с поля боя. Впрочем, и в подобной ситуации самые отважные не поддаются панике.

Малик нанес блестящий удар, но, к несчастью для него, его люди оказались менее опытными, чем он надеялся. Они не дождались момента, когда все мусульманское войско окажется в ловушке, но обнаружили себя сразу, как только в зоне их обстрела оказался мусульманский авангард. А затем Малик допустил ошибку, удовлетворившись тем, чего ему удалось достигнуть: пройдя вперед несколько сотен ярдов, он не стал продолжать преследование мусульман. Если бы он поступил иначе, сражение сложилось бы по-другому. Кроме того, хавазиниты были скверными лучниками. При нападении из засады никто из мусульман не был убит, хотя некоторые люди и ездовые животные получили ранения.

* * *

Святой Пророк оценил разворачивающуюся на его глазах сцену, и сцена эта не сулила ничего хорошего. Он решил, что не даст Малику уйти со столь легкой победой. Мухаммад обратился к 'Аббасу и попросил его созвать к нему мусульман. 'Аббас был крупным мужчиной с громовым голосом, который, по некоторым свидетельствам, можно было услышать за несколько миль. И он изо всех сил прогремел: «О мусульмане! Идите к Посланнику Аллаха! О ансары... О сподвижники... О...» — он перечислил по очереди все племена, призывая их вернуться к Пророку.

Большинство мусульман услышали этот призыв и сразу же начали продвигаться в том направлении, где стоял Пророк. Как только перед Пророком собралась первая сотня воинов, он приказал им контратаковать противника. Эти воины атаковали тех хавазинитов, которые ближе всего подошли к Пророку, и отогнали их прочь. Вскоре число мусульман, пришедших на сбор, увеличилось, и в конце концов к

Пророку примкнули тысячи мусульман. Когда Пророк почувствовал, что вокруг него собралась достаточная сила, он приказал перейти в общее наступление на хавазинитов.

На этот раз врасплох был захвачен Малик. Уверенный в собственной победе, он вдруг обнаружил, что его армия подвергается атаке. Рукопашный бой становился все более и более ожесточенным, и именно этого хотели мусульмане, потому что в таком жарком сражении они имели преимущество за счет виртуозного умения сражаться на мечах. В ближнем бою не было равных мусульманам. Постепенно хавазиниты были оттеснены назад, а когда Пророк увидел, что их воины не выдерживают наступления мусульман, он заявил:

Воистину, я — Пророк,
Я, сын 'Абд ал-Мутталиба.

Затем он обернулся к стоявшим позади него и заметил: «Вот теперь огонь разгорается!»

Малик решил, что для него дело приняло скверный оборот, и начал осуществлять свой план отступления. Сакифиты уже находились на небольшом расстоянии позади хавазинитов. Он оставил сакифитов в качестве арьергарда и начал отводить хавазинитов в безопасное место. Мусульмане продвинулись вперед, вступили в бой с сакифитами, на которых верующие обрушили жестокую кару. В результате вскоре сакифиты обратились в бегство, а за ними последовали отряды других племен, часть которых не принимала никакого участия в сражении. Тем временем Малик благополучно довел хавазинитов до прохода и расставил их для ведения оборонительного боя в ожидании подхода отставших. До тех пор пока он удерживал проход, семьи и стада хавазинитов находились в безопасности.

Мусульмане не только оправились от потрясения, вызванного неожиданным нападением, но и перешли в контратаку, вернули себе прежние позиции и заставили врага покинуть поле боя. Это была тактическая победа, но этим дело не ограничилось.

Пока мусульмане снимали с убитых сакифитов оружие и одежду, произошел любопытный случай с двумя мусульманами. Один из них был ансаром из Медины, а другой человек, которого звали Мугйор ибн Шу'ба, принадлежал к племени сакифитов. Среди погибших сакифитов был раб-христианин, умерший подле своего хозяина. Раздевая этого раба, ансар заметил, что мертвый не был обрезан. Пораженный этим открытием, поскольку обрезание было в обычай у всех арабов, он громко крикнул тем, кто находился рядом с ним: «О арабы! Знали ли

вы, что сакифиты необрезанные?» Мугира, стоявший рядом с этим ансаром, ужаснулся этим словам, потому что они означали бесчестье для сакифитов. Он узнал мертвого раба и понял, из-за чего возникла путаница. «Не говори так! — прошипел он ансару. — Этот человек был рабом-христианином». — «Нет, — упорствовал ансар. — Я уверен, что он из сакифитов». И он стоял на своем до тех пор, пока Мугира не обнажил несколько тел сакифитов и не указал ему на знакомые признаки!⁷⁹

Когда мусульманская армия вновь сомкнула свои ряды, не считая небольшого количества бежавших с поля боя. Пророк решил увеличить свои преимущества. Он сформировал могучий кавалерийский отряд и направил его очистить долину, прежде чем хавазиниты успеют прийти в себя и перегруппироваться. Этот отряд состоял из нескольких подразделений, в том числе в него входила группа бану сулайм, над которыми восстановил свое командование Халид. Мусульманскую контратаку Халид пропустил. Он пролежал на том месте, куда упал при бегстве бану сулайм, до тех пор пока контрнаступление не завершилось. Затем Святой Пророк подошел к нему и подул на его раны, после чего Халид встал на ноги, чувствуя приток сил и готовый вновь идти в бой.⁸⁰ Он быстро собрал вместе бану сулайм.

Командовать всем отрядом было поручено Зубайру ибн ал-Авшаму, который начал наступление на долину и вступил в бой с Маликом у прохода. Теперь вся долина оказалась в руках мусульман. Пророк оставил конный отряд Зубайра у прохода, чтобы надежно удерживать это место и охранять его на случай возможного возвращения хавазинитов, а другой отряд под командованием Абу Амйра направил в Автас. Там находился лагерь хавазинитов, которые были изгнаны из прохода и заняли позиции вокруг лагеря, чтобы защитить свои семьи и стада. По прибытии мусульман в Автасе началась жаркая битва. Абу Амир в единоборстве убил девятерых, но пал от руки своего десятого противника. Затем командование мусульманским отрядом перешло к его двоюродному брату Абу Мусе, который продолжал наступление на Автас до тех пор, пока хавазиниты не дрогнули и не обратились в бегство. Лагерь хавазинитов достался мусульманам, и там к этому мусульманскому отряду присоединился отряд всадников Зубайра во главе с Халидом.

Теперь вражеская коалиция окончательно распалась. Хавазиниты и прочие племена рассредоточились, направившись к своим

⁷⁹ Ибн Хишам: т. 2, с. 450.

⁸⁰ Исфахани: т. 5, с. 11.

многочисленным поселениям, а сакифиты во главе с Маликом поспешили в Та'иф, где решили сопротивляться до последнего. Битва при Хунайне завершилась.

Потери, понесенные в этом сражении мусульманами, были на удивление малы благодаря неточности хавазинитских лучников. Многие мусульмане получили ранения, но убиты были только 4 человека. Причина этого заключалась в превосходстве мусульман в боевом искусстве и мужестве, что позволило их лучшим бойцам одновременно сражаться с тремя-четырьмя врагами, уничтожая их одного за другим. В долине, в проходе и при Автасе погибли 70 неверных, в том числе мудрый Дурайд, давший такой здравый совет, которым не воспользовались. Во вражеском лагере в Автасе мусульмане захватили в плен 6000 женщин, детей, рабов, а также тысячи верблюдов, коз и овец.⁸¹

В первый раз мусульмане были атакованы из засады крупными силами врага. Это был второй случай в истории нападения из засады целой армии на целую армию (первый случай имел место в 217 г. до н. э., когда римляне были атакованы Ганнибалом близ Тразименского озера). Малик составил блестящий, безукоризненный план уничтожения мусульман, но его воины действовали плохо и не смогли выполнить задачу, которую он поставил перед ними. Впрочем, несмотря на неэффективность воинов, Малик добился бы громкой победы над противником, если бы речь шла не о мусульманах. Решимость Пророка не мириться с поражением и вера мусульман в своего вождя превратили их поражение в победу. В отличие от Малика, Пророк не довольствовался ограниченным успехом и воспользовался своим преимуществом, чтобы наголову разгромить врага и захватить весь вражеский лагерь со всем находившимся в нем добром.

Это был первый случай, когда Халид подвергся неожиданному нападению. Он всегда понимал важность внезапности, но на этот раз она оказалась направленной против него. Халид видел, как его всегда отважные бойцы растерялись при внезапном появлении врага в неожиданном месте и в неожиданное время. Он решил, что никогда больше не даст застать себя врасплох. Так оно и вышло.

⁸¹ Сейчас никто не знает, где именно находился Автас, но возможно, что он находился в самой долине, так как нельзя было разбить лагерь на 6000 человек (не считая воинов) и тысячи верблюдов, коз и овец на склоне холма или в какой-нибудь маленькой долине. *Я поместил Автас немного дальше Займы, но он мог находиться в любом другом месте.*

Глава 9

ОСАДА ТА'ИФА

Пророк разбил врага при Хунайне и изгнал его из Автаса. Затем он решил не давать Малику ибн 'Ауфу времени, чтобы перевести дух и организовать дальнейшее сопротивление. Поэтому Мухаммад отправил под конвоем захваченных в Автасе пленных и стада в Джирану, где их следовало содержать под стражей до возвращения войска, а на следующий день он выступил на Та'иф, где его ждал главный очаг сопротивления. Однако Пророк двигался с осторожностью, ибо после неприятного опыта попадания в засаду при Хунайне у него не было ни малейшего желания допустить, чтобы его войско вновь попало в западню. Теперь местность стала холмистой, гряды холмов с крутыми склонами поднимались к плато, на котором располагался Та'иф. В таких условиях хитрый военачальник вроде Малика мог устроить засаду практически в любом месте.

Выйдя из Автаса, Пророк прошел через долину Нахла, а затем свернул на юг, в Вади ал-Карн, и вышел по этой долине на плато в 7 милях северо-западнее Та'ифа. До этого времени мусульмане не встретили никакого сопротивления, а разведчики доносили, что не заметили никаких признаков сакифитов за пределами Та'ифа; однако, надеясь застать Малика врасплох, Пророк изменил направление движения. Преодолев сложный рельеф севернее Та'ифа, он вышел на менее холмистый участок, расположенный восточнее города, между Нихбом и Садирой.⁸² Оттуда Мухаммад двинулся на Та'иф, выйдя к нему с тыла. На протяжении этого марша Халид вновь возглавлял войско с бану сулайм в качестве арьергарда. (См. карту 6.)

Однако Малик ибн 'Ауф, несмотря на молодость, был человеком предусмотрительным. Понеся тяжелые потери в результате сражений с мусульманами при Хунайне и в Автасе, он принял решение больше не вступать в открытый бой с мусульманами, он намеревался воевать с ними на своих условиях. Поэтому Малик разместил свое войско в обнесенном стеной городе Та'ифе и поспешно ввез в него продовольствие, достаточное для того, чтобы выдержать длительную

⁸² Вади Мулайх проходит между аэропортом современного Та'ифа и Сайл ал-Кабиром. Вади ал-Карн в верхней своей части пересекает современное шоссе Та'иф-Мекка в 7 милях от Та'ифа. Садира находится в 25 милях к востоку от Та'ифа на пути в Турабу, а Нихб расположен всего в 3 милях к востоку-юго-востоку от Та'ифа. Согласно местным преданиям, в древности Вади ал-Нихб называлась Вади ан-Намл, Долиной Муравьев, и по ней проезжал Соломон, направляясь в Йемен на встречу с царицей Савской. История Соломона содержится в Коране (27:16-44).

⁸² Согласно некоторым источникам, Абу Суфьян лишился глаза под Йармуком, а не под Та'ифом.

осаду. Там сакифиты во главе со своим отважным молодым полководцем ожидали подхода мусульман.

Мусульмане подошли к Та'ифу 5 февраля 630 г. (15-го шаввала, 8 г. хиджры) и начали его осаду, которая продолжалась в течение 18 дней. По прибытии к Та'ифу они разбили лагерь слишком близко от городской стены и поплатились за эту ошибку, так как сакифитские лучники осыпали лагерь стрелами. До того как лагерь был перенесен подальше и разбит там, где сейчас находится Мечеть Ибн 'Аббаса, несколько человек было убито. Затем отряды мусульман были расставлены вокруг укрепления, чтобы никто не мог ни войти в город, ни выйти из него; ответственность за проведение осадных мероприятий была возложена на Абу Бакра.

В основном, боевые действия между двумя армиями носили характер взаимных обстрелов. Мусульмане могли подойти к стенам города и попытаться сбросить с них сакифитских лучников, но у сакифитов было преимущество, поскольку у них были укрытия, а мусульмане находились на открытой местности. Поэтому во время подобных попыток мусульманам досталось в полной мере и многие из них получили ранения. В их числе оказался и 'Абдаллах, сын Абу Бакра, позднее скончавшийся от полученных ран.

Так прошло несколько дней. После падения Мекки Пророк отправил двоих мусульман в Джураш, что в Йемене, чтобы узнать все возможное о ведении осады. Однако эти двое вернулись лишь после окончания осады Та'ифа и поэтому не могли сыграть никакой роли в этой осаде. Но на помощь мусульманам, как это было и во время битвы у Рва, вновь пришел Салман Фариси. Будучи персом, он был осведомлен о более сложных способах ведения военных действий. Следуя его указаниям, мусульмане построили катапульту и с ее помощью бомбардировали город камнями; однако мусульмане были новичками в этом деле и применение ими катапульты не увенчалось сколько-нибудь заметными результатами.

Затем Салман придумал использовать тестудо. (Тестудо — большой щит, обычно делавшийся из дерева или кожи, под покровом которого группа атакующих могла подходить к воротам крепости, оставаясь неуязвимой для вражеских метательных орудий, и либо разбивать ворота с помощью тарана, либо поджигать их.) Следуя указаниям Салмана, мусульмане соорудили тестудо из бычьей шкуры, и, укрывшись под ним, группа мусульман отправилась поджигать деревянные городские ворота Та'ифа. Однако тогда, когда они подошли к воротам, Малик и его люди начали швырять в тестудо раскаленные куски железа. Эти куски прожгли шкуру и до такой

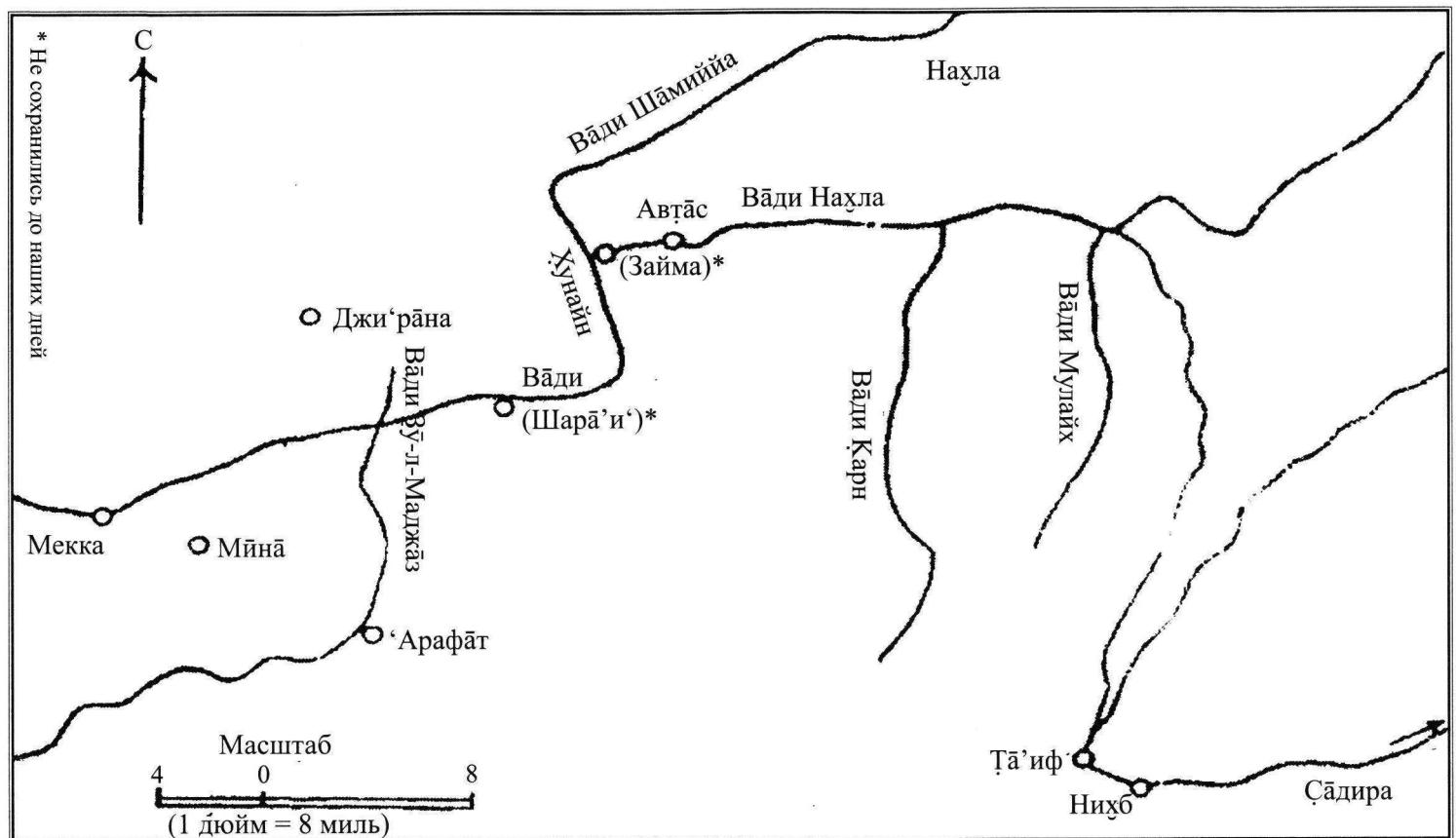
степени напугали тех, кто под ней укрывался, что они поспешили бросили непривычную вещь и побежали назад. Сакифиты послали вслед убегающим град стрел, и один из них был убит.

Прошло две недели, а конца не было видно. Сакифиты не желали выходить на бой, мусульмане не могли войти в город, чтобы навязать им сражение. Каждый раз, когда они приближались к городу, им приходилось отступать под градом стрел. Однажды Абу Суфьян также принял участие в вылазке к городу, и стрела попала ему в глаз. Он остался одноглазым на всю жизнь.¹

В районе Та'ифа февраль может быть очень холодным, и во время осады погода была неприятной. Мусульмане пытались принудить сакифитов выйти на битву с ними, уничтожив часть виноградников под Та'ифом; однако сакифиты не пожелали выходить из своего укрепления. Малик был слишком умным полководцем, чтобы рискнуть ввязаться в сражение на условиях, выгодных его противнику. Наконец Святой Пророк созвал военный совет и попросил высказать мнение своих командиров. Один из них сказал: «Если загнать лису в угол в ее норе, то ее можно поймать, если подождать. Однако если оставить лису в норе, она не причинит тебе никакого вреда».⁸³ Абу Бакр советовал вернуться в Мекку, а 'Умар соглашался с ним.

Пророк не мог до бесконечности дожидаться падения Та'ифа, так как ему необходимо было заниматься более важными делами. Он предложил

⁸³ Ибн Са'д: с. 675.

Карта 6. Ḫунайн и Tā'иф

снять осаду и вернуть войско в Мекку, но некоторые горячие головы из числа мусульман возражали против такого решения и настаивали на том, чтобы сражаться до тех пор, пока не будет достигнута победа. «Тогда можете наступать завтра»,⁸⁴ — сказал Пророк.

На следующий день отряд этих воинственных мусульман вновь приблизился к крепости, намереваясь овладеть ею, но подвергся жестокому обстрелу сакифитских лучников. Они вернулись в философском настроении и согласились с Пророком в том, что, вероятно, будет лучше всего оставить лису в ее норе.

Осада была снята 23 февраля 630 г. (4-го зу-л-ка'да 8 г. хиджры). Мусульмане потеряли убитыми 12 человек, большое количество людей были ранены. Сакифиты остались непокоренными. Однако 10 месяцев спустя этому племени суждено было принять Ислам и утвердиться в этой вере.

Мусульмане прибыли в Джирану 26 февраля, и там Пророк распределил трофеи, захваченные в Автасе. Для того чтобы показать новообращенным мекканцам, что их не подвергают дискриминации за то, что они поздно приняли новую веру, Пророк также отдал им их долю трофеев. Однако как только женщины, дети и животные были распределены между мусульманами, к Пророку прибыла депутация хавазинитов и заявила, что их племя принимает Ислам. «Не вернете ли вы нам то, что забрали у нас во время сражения?» — просили они. На самом деле у них не было никакого права просить, чтобы им вернули то, что они потеряли, потому что они лишились этого, будучи неверными, а не мусульманами, однако Пророк был великодушен. «Что вам дороже: ваши женщины и дети или ваша собственность?» — спросил он их. «Верни нам наших женщин и детей и оставь себе все остальное», — ответили они.⁸⁵

Тогда Пророк обратился к своему войску, прося вернуть женщин и детей хавазинитам. Все воины откликнулись на призыв Пророка и вернули им своих пленников, за исключением Сафвана ибн Умайи, который отказался расставаться с девушкой, доставшейся ему в качестве причитающейся ему доли добычи. Должно быть, она была очень красивой!

Через несколько дней Малик тайно покинул Та'иф и явился в мусульманский лагерь. Он стал мусульманином и был щедро вознагражден Пророком. Жаль, что этому блестательному молодому воину не было поручено играть важную роль в последующих

⁸⁴

Ибн Са'д: с. 675.

⁸⁵

Ибн Хишам: т. 2, с. 489.

мусульманских кампаниях, ибо у него были задатки выдающегося полководца.

Затем Святой Пророк и воинство Ислама вернулись в Медину. Это произошло во второй половине марта 630 г. Так завершился восьмой год хиджры. Следующий год вошел в историю как год Делегаций, ибо в течение этого года большинство аравийских племен направили в Медину свои делегации и покорились Пророку. Как мы увидим позднее, не все делегаты и не все племенные вожди, их пославшие, руководствовались желанием исповедовать истинную религию. Если некоторые искренне стремились обрести истину, то другие руководствовались политическими соображениями. Некоторые приходили из чистого любопытства, но отдельные новообращенные был отпетыми негодяями.

Глава 10

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ДАУМАТ АЛ-ДЖАНДАЛЕ

В девятый год хиджры мусульмане осуществили только одну крупную военную операцию — поход на Табук, который возглавил лично Святой Пророк. Операция оказалась мирной, однако независимо от того, до какой степени мирно другие выполняли свои задачи, Халид всегда умудрялся найти приключения.

В течение долгого знойного лета 630 г. в Медину пришли сообщения о том, что в Сирии римляне собрали крупные силы и выдвинули свои передовые части в Иорданию. Сам византийский император Ираклий находился в Эмессе.

В середине сентября 630 г. Пророк приказал мусульманам готовиться к сражению с римлянами, хотя это можно было бы сделать и тогда, когда погода улучшится. Пророк также желал подвергнуть испытанию веру мусульман, заставив их выступить в поход в разгар жаркого летнего зноя. В таких условиях должны были откликнуться только истинно верующие.

И истинно верующие откликнулись. Подавляющее большинство мусульман радостно откликнулись на призыв и начали готовиться к походу, однако некоторые все же восприняли призыв взяться за оружие с недовольством. Октябрь в тот год выдался необыкновенно жарким, и прохладная тень плантаций финиковых пальм оказалась слишком большим искущением для этих мусульман. Люди хотели только одного: пересидеть в тени до тех пор, пока не спадет жара.

Лицемеры, как всегда, принялись убеждать мусульман не участвовать в походе и сильно мутнили воду; но на этот раз остались и некоторые из проверенных мусульман.

В конце октября 630 г. (в середине раджаба, 9 г. хиджры) мусульмане выступили на Табук. На сей раз под знаменем Пророка собралось самое большое войско. В него входили воины из Медины, Мекки и большинства племен, принявших Ислам. Один источник оценивает размеры этого войска в 30 ООО воинов, из которых 10 ООО были всадниками, но, возможно, подобные оценки являются преувеличенными.

По прибытии в Табук мусульмане узнали, что римские части вернулись из Иордании в Дамаск. Не было нужды идти дальше. Однако Пророк решил распространить свое влияние на племена, жившие в этом регионе, и взять их под политический контроль Ислама. Важными пунктами в этом регионе были Айла (рядом с современной 'Акабой), Джарба, Азру' и Макна, расположенные вдоль Аравийского залива. С этими племенами были заключены договоры, и все они согласились выплачивать джизью.⁸⁶

Одна важная область, которую хотел подчинить себе Пророк, находилась чуть дальше от Табука. Это была Даумат ал-Джандал (нынешний ал-Джауф), которой правил Укайдир ибн 'Абд ал-Малик, христианский правитель из племени кинда, знаменитый своей любовью к охоте. Для покорения этой области Пророк направил Халида с 400 всадниками и приказом захватить Укайдира. «Возможно, ты застанешь его во время охоты на дикого быка», — сказал Пророк.⁸⁷

Халид прибыл к обнесенному стеной городу Даумат ал-Джандал ясной лунной ночью в конце ноября 630 г. (в середине ша'бана, 9 г. хиджры). Не успел он разместить свой отряд в окрестностях города, как городские ворота распахнулись и из них выехал Укайдир в сопровождении нескольких друзей. Они ехали на лошадях, и при них были орудия для охоты. Возможно, из-за того что днем было очень жарко, Укайдир решил поохотиться в ночной прохладе, а яркая луна обещала удачную охоту.

Халид отобрал нескольких всадников и с ними налетел на охотников. Халид лично атаковал Укайдира и выбил его из седла, а его люди налетели на свиту. Хассан, брат Укайдира, оказывал сопротивление, не желая сдаваться в плен, и был убит, но остальные поскакали назад, к крепости, и, ворвавшись внутрь, заперли ворота.

⁸⁷ Ибн Хишам: т. 2, с. 526.

Затем Халид вернулся в Табук вместе со своим высокопоставленным пленником. Укайдир заключил с Пророком договор, заплатил крупный выкуп за самого себя и согласился выплачивать джизью.

Вскоре после указанного события мусульманская армия оставила Табук и вернулась в Медину. Она вернулась домой в середине декабря 630 г., и к этому времени погода значительно улучшилась.

После Табука при жизни Пророка крупных военных операций не было. От всех аравийских племен к нему прибывали посольства, принесившие клятву на верность, принимавшие Ислам и соглашавшиеся выплачивать определенные налоги. Каждому племени Пророк назначил вождя из числа обращенных представителей племени. Таким образом, Пророк был погружен в государственные дела, упрочивая достижения Ислама и выстраивая здание нового государства. Он снарядил несколько небольших экспедиций в различные точки Аравийского полуострова. В их задачу входило призвать племена принять Ислам, но если племена оказывали вооруженное сопротивление, с ними надлежало вступить в бой и покорить их.

В июле 631 г. (раби' ал-ахир 10-го г. хиджры) Пророк направил военную экспедицию под командованием Халида к племени бану хариса ибн ка'б в Наджране, расположенном севернее Йемена. Халиду были даны следующие указания: «Трижды предложи племени принять Ислам. Если они примут предложение, не причиняй им вреда. Если откажутся, сражайся с ними».⁸⁸ С Халидом в поход выступили 400 вооруженных всадников.

Халид прибыл в Наджран и вступил в переговоры с бану хариса ибн ка'б. Он призвал их принять Ислам, и они откликнулись на его призыв. Обошлось без кровопролития. Халид в течение нескольких месяцев жил в этом племени, обучая людей мусульманским обычаям; а когда Халид счел, что они стали добрыми мусульманами, он написал Пророку, сообщая ему об удачном выполнении возложенного на него поручения. Пророк направил Халиду благодарственное письмо и велел ему возвращаться в Медину и привезти с собой делегацию бану хариса ибн ка'б. Халид вернулся с послами в январе 632 г. (шаввал, 10 г. хиджры). Пророк принял послов с обычной учтивостью, с которой он встречал все делегации. Послам были объяснены условия признания его власти, был назначен вождь племени, после чего депутация вернулась в Наджран.

⁸⁸ Ибн Хишам: т. 2, с. 592.

Это было последнее поручение, выполненное Халидом при жизни Пророка.⁸⁹

Часть II ВОЙНЫ С ОТСТУПНИКАМИ

Глава 11 ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Отступничество началось при жизни Пророка, и первая крупная операция против отступников имела место и завершилась удовлетворительным результатом еще при жизни Мухаммада. Однако настоящая и самая серьезная опасность отступничества возникла после смерти Пророка, когда по всей Аравии прокатилась дикая волна неверия после принятия веры, и с этой волной предстояло справиться Абу Бакру. Поэтому в этой книге войны с отступниками рассматриваются в целом, несмотря на то что первая кампания хронологически относится в части I данной истории.

Первый крупный случай отступничества имел место в Йемене и вошел в историю как инцидент с Асвадом ал-'Ансий. Асвад был вождем анситов — большого племени, жившего в западной части Йемена. Его настоящее имя было Абхала ибн Ка'б, но из-за того что он был очень смуглым, его прозвали Асвадом, то есть Черным. Наделенный многими талантами, из которых можно было бы позавидовать лишь немногим, до отступничества он был известен, главным образом, как вождь племени и прорицатель.

В 10 г. хиджры народы южных и юго-восточных областей Аравийского полуострова были обращены в Ислам. Для выполнения этой задачи Пророк повсюду рассыпал своих посланцев, учителей и эмиссаров, и задача была должным образом решена. Однако большинство населения этих регионов не стало настоящими мусульманами, их обращение оказалось формальным актом, а не результатом возникновения истинной внутренней потребности.

До обращения в Ислам йеменцами от имени императора Персии правил знатный перс по имени Базан.¹ Этот человек стал мусульманином и был утвержден Пророком в качестве правителя йеменцев. Поскольку это был мудрый и добродетельный чиновник, при нем провинция

⁸⁹ Суждения по поводу других поручений, возможно, выполнявшихся Халидом, приведены в примечании 2 в приложении Б.

процветала; но незадолго до последнего паломничества, совершенного Пророком, Базан умер, и Пророк назначил правителем Саны сына Базана, Шахра. В Йемене сохранился мир, и никакие тучи не омрачали небеса этого южного края.

Затем, примерно тогда, когда Пророк отправился в последнее паломничество, Асвад решил, что он стал пророком. Он собрал свое племя, продекламировал сочиненные им стихи, утверждая, что это были явленные ему откровения от Бога, и объявил, что он является посланником Аллаха.

У Асвада был осел, которого он научил выполнять кое-какие команды, и он использовал этого осла в качестве доказательства своего могущества. Он приказывал: «Поклонись своему господину», — и осел склонял голову перед Асвадом. Затем он приказывал: «Преклони колени перед своим господином», — и осел становился на колени.⁹⁰ Из-за этого Асвад стал известен в этом регионе под именем Зу-л-Химар — Повелитель Осла, или Человек с Ослом. Между тем некоторые авторы хроник утверждают, что его называли не Зу-л-Химар, а Зу-л-Хумар, то есть Пьяница.⁹¹ Возможно, дело обстояло именно так, поскольку он был законченным алкоголиком и часто напивался до потери чувств. Тем не менее его племя последовало за ним, веря, что он является настоящим пророком, и в этом заблуждении к нему присоединились некоторые мелкие племена йеменцев.

Асвад собрал колонну из 700 всадников и отправился в Наджран. Он без труда захватил город и выгнал из него мусульманского наместника. Окрыленный легкой победой, Асвад назначил правителем Наджрана своего человека и выступил на Сану. (См. карту 7.) Шахр, назначенный новым мусульманским правителем Йемена, узнал о падении Наджрана и намерениях Асвада и принял решение разобраться с Асвадом прежде, чем тот доберется до Саны. Собрав небольшой отряд (у Шахра не было большого числа воинов), он выступил навстречу противнику, и войска сошлись на некотором расстоянии к северу от Саны. Последовавшее краткое, жаркое сражение завершилось в пользу Асвада. Мусульмане потерпели поражение, а Шахр погиб в бою, оставив горевать по себе прекрасную молодую вдову, которую звали Азад. Пять дней спустя Асвад вошел в Сану как завоеватель. Он торопился в своем гнусном деле, ибо прошло всего 25 дней с того времени, как он впервые собрал свое племя и объявил себя пророком.

⁹⁰ Балазури: с. 113.

⁹¹ Там же.

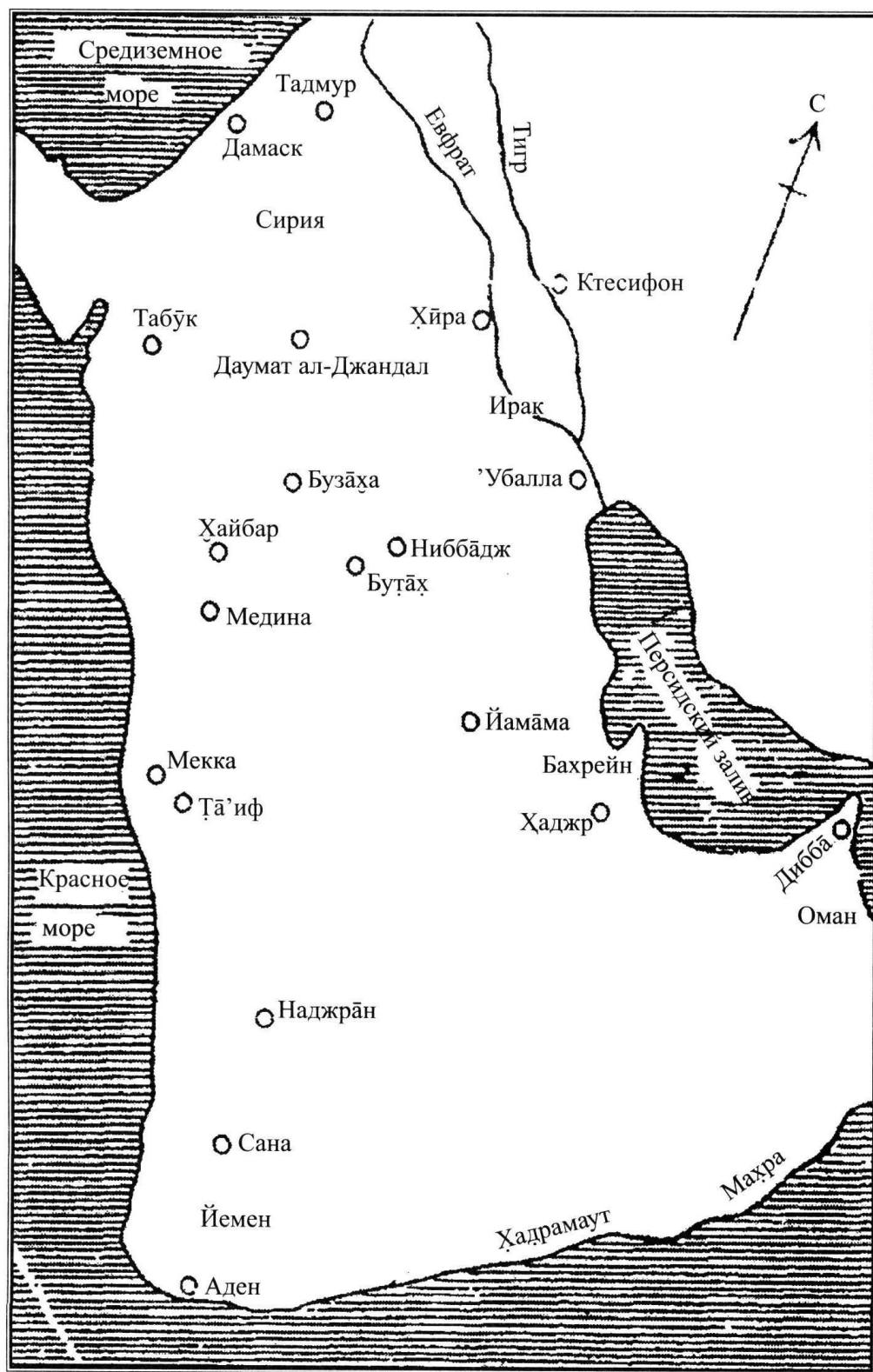
Теперь в его руках оказалась большая часть Йемена. И для того чтобы получить максимальное удовольствие от своих военных и политических успехов, Асвад принудил прелестную Азад стать его женой. У несчастной вдовы не было иного выбора, как покориться пьяным ласкам омерзительного Человека с Ослом.

Захватив Наджран и Сану, Асвад укрепил свои позиции и распространил свое влияние на весь Йемен, в котором многие племена признали его правителем и пророком. По мере того как укреплялась власть Асвада, ему стало казаться, что титула пророка недостаточно, и он провозгласил себя Рахманом Йемена.⁹² Слово «рахман» означает «мило-сердный», и это одно из тех имен-эпитетов, которым мусульмане называют Бога. Таким образом, Асвад осмелился посягнуть на то, что принадлежит Богу, а такие поступки всегда имеют гибельные последствия. Как бы то ни было, среди своих приверженцев Асвад стал именоваться Рахманом Йемена. Он продолжал устраивать пьяные оргии, продолжал терзать несчастную Азад, которая до такой степени возненавидела его, что призналась своей подруге: «Нет для меня мужчины более ненавистного, чем он».² Подлый Асвад также подверг репрессиям семью Базана Фарисий, подвергнув ее членов всевозможным оскорблением и унижениям. Тем самым он заслужил лютую ненависть истинного мусульманина по имени Фируз ад-Дайламай, одного их членов семьи перса и родственника Азад.

Истинный Пророк, находившийся в Медине, уже начал принимать меры против Асвада, который не подозревал об этом. Получив подробные донесения о бесчинствах Асвада, святой Пророк направил Кайса ибн Хубайра с целью усмирить Асвада. Кайс незаметно пробрался в Сану, организовал там подпольную борьбу с самозванцем и познакомился с персом Фирузом. Кайс и Фируз стали мозговым центром подпольщиков, в котором рождался план противодействия Асваду и его отступникам. Они разрабатывали его в глубокой тайне.

Добраться до Асвада было непросто. Черный был человеком мощного телосложения, славившимся своей силой и свирепым нравом, и он уже держал Фируза под подозрением. Кроме того, он жил во дворце, обнесенном высокой стеной и охраняемом большим количеством воинов,

⁹²Балазури: с. 113, 125.

Карта 7. Арабское отступничество (1)

отобранных за их верность и веру в Асвада. Они расхаживали по стене и коридорам дворца. Единственной возможностью проникнуть внутрь было перебраться через стену рядом с помещением, которое занимала Азад. Это можно было сделать, взобравшись на стену.

Фируз связался с Азад, объяснил ей свои намерения и попросил ее о помощи, которую она с готовностью обещала оказать, видя в этом единственный способ положить конец ужасному существованию, которое она влачила.

Решающей должна была стать ночь 30 мая 632 г. (6 числа месяца раби' ал-аввал, 11 г. хиджры). Сразу после полуночи, когда зашла луна, дождавшись момента, когда поблизости не оказалось стражников, Фируз поднялся на стену с помощью веревки и проскользнул в комнату Азад. Она спрятала его в своей комнате, и родственники, объединенные общей целью, стали ждать.

Незадолго до рассвета Азад выскользнула из своей комнаты и вошла в комнату Асвада, находившуюся рядом с ее комнатой. Она знала, что возле нее находится страж, хотя его и не было видно. Она открыла дверь, заглянула в комнату, а затем вернулась к Фирузу. Ее глаза пылали жаждой мести, и она прошептала: «Давай! Он мертвейки пьян!»

Фируз на цыпочках вышел из комнаты Азад, женщина последовала за ним, затем Фируз направился к комнате Асвада. Женщина остановилась в дверях, а Фируз вошел в комнату с обнаженным мечом. Внезапно Асвад сел на постели и с ужасом уставился на Фируза, вид которого не оставлял сомнений в его намерениях. Перед лицом опасности весь хмель слетел с Черного, однако не успел он подняться с постели, как Фируз набросился на него и ударил его мечом по голове. Асвад повалился на подушку. Как сообщают авторы хроник, «он начал реветь, как бык». ¹

Вопли Асвада привлекли внимание стражника, и тот кинулся в комнату. Он увидел, что на пороге стоит Азад, и спросил: «Что случилось с Рахманом Йемена?» Отважная молодая женщина поднесла палец к губам. «Тише! — прошептала она. — Аллах ниспосыпает ему откровение». ⁹³Стражник понимающе кивнул и, не обращая внимания на вопли своего повелителя, удалился.

Азад дождалась, пока стражник не завернулся за угол коридора, и бросилась в комнату. Она увидела, что Фируз стоит рядом с постелью, ожидая, когда представится возможность нанести новый удар, а самозванец скорчился от боли на ложе и машет руками. Двоих

⁹³ Там же.

объединили свои усилия. Женщина быстро подошла к изголовью кровати, обеими руками схватила Асвада за волосы и откинула ему голову назад. Фируз вынул кинжал и несколькими быстрыми ударами отсек черную голову от мощного туловаща. Так закончил свой путь лжепророк Абхала ибн Ка'б, он же Черный, он же Повелитель Осла, он же Пьяница. Его бесчинства продолжались на протяжении трех месяцев и завершились за шесть дней до смерти Пророка Мухаммада.

Со смертью Асвада движение отступников пошло на спад. Мусульманское сопротивление, организованное Кайсом в Сане, вылилось в жестокую месть последователям Асвада, многие из которых были убиты. Однако многие избежали смерти, чтобы в дальнейшем чинить препятствия мусульманским правителям. Многие вновь стали мусульманами, и некоторые из них в дальнейшем снова стали отступниками. Фируз был назначен правителем Саны.

Гонец, посланный с добной вестью в Медину, прибыл на место вскоре после кончины Святого Пророка. Сообщение о падении смутяна Асвада ал-'Анси несколько утешило глубоко опечаленных мусульман.

Медина переживала кризис, который одновременно оказался эмоциональным, духовным и политическим. Утрата возлюбленного Мухаммада сделала мусульман безутешными. На протяжении последнего десятилетия Пророк был для них всем — военачальником, правителем, судьей, наставником, учителем и другом. Не было такой сферы жизни, в которой бы он не принимал участия. Люди шли к Мухаммаду со всеми своими проблемами, и он их решал, успокаивал, направлял, утешал пришедших. В теплом свете его личности они чувствовали себя защищенными от неприятностей и горестей. Теперь этот светоч угас. Мусульмане чувствовали себя одинокими и испуганными. Как отмечают авторы хроник, они были подобны «овцам в холодную ненастную ночь».¹

Кризис углублялся по мере того, как поступали все новые сообщения о мятежах, охвативших весь Аравийский полуостров. Все аравийские племена, за исключением тех, которые жили в Мекке и Медине, а также сакифитов из Та'ифа, восстали против политической и религиозной власти Медины и нарушили данную ими клятву верности. Появились лжепророки, утверждавшие, что они являются наследниками Мухаммада. Эти обманщики, знаяшие, какой любовью пользовался Святой Пророк, как его почитали, не задумывались о том, через какие испытания и страдания ему довелось пройти, прежде чем его усилия начали приносить плоды, решили, что неплохо быть пророком и что им тоже следует воспользоваться преимуществами

этого статуса. Помимо Асвада объявились еще два (может быть, и три) самозванца и одна самозванка. Были и другие, вожди и старейшины, которые не претендовали на роль пророка, но объединялись с лжепророками к предательскими намерениями погасить пламя Ислама и вернуться к независимости племен, как это было во дни невежества. Весь Аравийский полуостров оказался охвачен отступничеством, которое распространялось как степной пожар, угрожая поглотить Мекку и Медину, духовные и политические центры молодого исламского государства.

Главной причиной отступничества было отсутствие истинной веры. Большинство племен, обращенных в Ислам, приняли мусульманство в течение 9-10 гг. хиджры, сделав это по политическим причинам. Они пришли к выводу, что это соответствует их интересам. Они видели в Мухаммаде не столько Пророка новой веры, сколько могущественного политического властелина. Подлинными мусульманами были мусульмане Мекки и Медины, особенно Медины, потому что они много лет общались со Святым Пророком и вдоволь испили из явленного им Пророком источника истины. Племена, жившие за пределами этих городов, не обладали подобным духовным опытом. Во многих случаях, когда вождь становился мусульманином, племя следовало его примеру из соображений племенной верности, а не по религиозным убеждениям. После смерти Пророка племена почувствовали себя вправе снять с себя свои вассальные обязанности, которые, с их точки зрения, были взяты ими по отношению к человеку, а не к Медине и не к Исламу. Мухаммад умер, и теперь они могли сбросить с себя ярмо дисциплины, которую накладывал на них Ислам, ограничивая количество жен, которых они могли иметь, заставляя выплачивать налоги, расходовавшиеся на благо общины, принуждая молиться и поститься. Влиятельные вожди, возглавлявшие восстание, предпочитали обладать полной свободой эксплуатировать слабых себе на пользу, не чувствуя себя обремененными теми ограничениями, которые накладывал на них Ислам.

Опасения мусульман усилились, когда халифом, первым халифом в истории Ислама, стал Абу Бакр. Абу Бакр никогда не славился выдающимися руководящими способностями, не говоря уже о способностях, которые позволили бы ему провести корабль государства через бурю, которая грозила налететь со всех сторон и уничтожить Ислам. В этот критический момент требовался могущественный, сильный и способный руководитель. А что представлял собой Абу Бакр? Это был маленький, худенький, бледный человек с глубоко посаженными глазами под тонкой, изящной линией

бровей. К тому времени он явно ссугуился, что придавало ему еще более старческий, дряхлый вид несмотря на то, что он подкрашивал себе бороду. Этого мягкого, кроткого, добросердечного человека легко было заставить расчувствоваться до слез.

Когда мусульмане собирались для принесения присяги, Абу Бакр произнес первую речь в истории своего пребывания на посту халифа — речь, которая еще больше подчеркнула его скромность и смиренность и не сулила никаких проявлений властности с его стороны. Абу Бакр сказал:

«Хвала Аллаху! Теперь я поставлен над вами, но я — не лучший из вас. Если я буду действовать праведно, поддерживайте меня. Если я буду действовать неправедно, поправляйте меня. Истина — в честности, предательство — во лжи.

Слабый меж вами силен в моих глазах, пока я не дам ему того, что ему причитается, если такова воля Аллаха. И сильный меж вами слаб в моих глазах, пока я не возьму от него того, что ему причитается отдать, если такова воля Аллаха.

Да не отвергнет никто из вас священную борьбу на пути Аллаха, ибо каждого, кто совершил подобное, Аллах поразит позором. И ни один народ не погрязнет во всеобщем пороке, если Аллах не подвергнет его ужасной каре.

Повинуйтесь мне, пока я повинуюсь Аллаху и Его Посланнику, и если я ослушаюсь Аллаха и Его Посланника, вы не обязаны будете следовать за мной.

Не забывайте молиться. Аллах да смилиостивится над вами!»⁹⁴

Добродетели Абу Бакра и его исключительная преданность Исламу были хорошо известны. Личное мужество халифа, его верность Пророку, наградившему его титулом Верного, его высокие нравственные принципы и сила веры, делавшая его одним из наиболее глубоко верующих правоверных, не подлежали сомнению. Репутация Абу Бакра в Благословенной Десятке как третьего по счету мужчины, обратившегося в Ислам, была исключительно высока.⁹⁵ Однако достаточно ли было этих добродетелей в смутные времена? А затем ушло войско Усамы, что еще больше

поставило под угрозу Медину и увеличило беспокойство мусульман.

⁹⁴ Ат-Табари: т. 2, с. 450.

⁹⁵ Первым был 'Али, вторым — Зайд ибн Хариса.

* * *

Примерно в середине мая 632 г. Святой Пророк, к тому времени занедуживший, приказал снарядить большое войско для похода в Иорданию. Все должны были присоединиться к нему. Командующим этим войском он назначил Усаму, молодого человека в возрасте двадцати двух лет. Усама был сыном Зайда ибн Харисы, человека, получившего свободу из рук Пророка и ставшего первым из мусульманских военачальников, павших в битве при Му'те. Хотя Усама был простолюдином и не занимал высокого положения среди курайшитов, Пророк поставил его командиром над старшими и более знатными воинами из лучших родов. Воины собирались в лагере несколько западнее Ухуда, и стекшиеся туда силы получили известность как войско Усамы. Это была последняя военная экспедиция, совершенная по приказу Пророка, и она могла перерасти в войну с Византией.

Усаме было приказано направиться в район Му'ты, расположенной в Иордании. «Ступай туда, где был убит твой отец, — приказал Святой Пророк. — Напади на эти территории. Передвигайся стремительно; бери проводников и высыпай перед собой разведчиков и шпионов».¹ Незадолго до смерти Пророк заметил: «Не забудьте отправить войско Усамы».⁹⁶ Войско еще находилось в лагере, когда в понедельник 5 июня 632 г., 12 числа месяца рабй' ал-аввал 11 г. хиджры, скончался Святой Пророк. В тот же день Абу Бакр стал халифом.

На следующий день халиф Абу Бакр отдал войску Усамы распоряжение готовиться к походу. В лагерь были направлены все почтенные сподвижники, которые могли принять участие в военных действиях. Они должны были присоединиться к войску и воевать под командованием молодого Усамы. В лагерь был направлен даже 'Умар, один из ближайших друзей Абу Бакра.

В течение нескольких дней продолжались приготовления к выступлению, несмотря на поступление сообщений о быстром распространении отступничества. Затем группа наиболее уважаемых мусульман пришла к халифу. «Ты собираешься отправить войско Усамы, когда большинство арабов подняли восстание и повсюду начинаются беспорядки? — заявили они. — Мусульман мало. Неверных много. Нельзя отсылать войско!»

Абу Бакр оставался непоколебимым. «Даже если бы я знал, что придет дикий зверь и раздерет в клочья мое тело, я все равно выполнил

⁹⁶ Там же: с. 709.

бы приказ Пророка и отправил бы в поход войско Усамы»⁹⁷, — ответил он.

Прошло еще несколько дней. В город приходили еще более тревожные сообщения. В один прекрасный день Усама, беспокоившийся за Медину и Ислам, обратился к 'Умару. «Ступай к халифу, — сказал он. — Попроси, чтобы он разрешил войску оставаться в Медине. Меня поддерживают все лидеры общины. Если мы уйдем, не останется никого, чтобы помешать неверным разнести Медину в клочья».

'Умар согласился поговорить с халифом. Уезжая из лагеря, он встретился с группой старейшин, которые сделали ему то же предложение и добавили: «Если халиф не согласится, чтобы мы остались в Медине, и нам придется уйти, попроси, чтобы он хотя бы доверил командование армией более зрелому человеку, чем Усама».⁹⁸ 'Умар согласился поговорить и на эту тему.

В Медине Абу Бакр сидел на полу в своем доме, привыкая к тяжкому бремени, которое легло на него со вступлением в должность халифа в эти бурные дни. Такая нагрузка могла бы расшатать его нервы, если бы не его безгранична вера. Вошел 'Умар. Он был спокоен и уверен в себе, ибо привык разговаривать с Абу Бакром так, как сильный, мужественный человек разговаривает с мягким и податливым, но при этом любимым другом.

Абу Бакр дождался, пока 'Умар не изложит, с чем он пришел, и также высказал собственное мнение по поводу предложения о замене полководца. Затем он вскочил на ноги и закричал на 'Умара: «О сын ал-Хаттаба! Сам Посланник Аллаха поставил Усаму во главе войска. А ты хочешь, чтобы я заменил его».²

'Умар быстро попятился назад и вышел из дома Абу Бакра. Он вернулся в лагерь, где старейшины ждали, когда он прибудет с новостями. 'Умар разочаровал их по всем статьям!³

Войско Усамы свернуло лагерь и выступило в поход 24 июня 532 г. (1 числа месяца раби' ал-ахир, 11 г. хиджры). Абу Бакр прошел некоторое расстояние рядом с ехавшим на коне Усамой и не позволил молодому полководцу спешиться. «Каждый шаг, который делает мусульманский воин на пути Аллаха, — объяснил он Усаме, — равен по достоинству 700 добрым делам и приносит ему прощение 700 грехов».⁴

Абу Бакр спросил, нельзя ли ему оставить при себе 'Умара в качестве советника, на что Усама с радостью согласился. Затем он дал

⁹⁷ Ат-Табари: т. 2, с. 461.

⁹⁸ Ат-Табари: т. 2, с. 462.

полководцу последнее напутствие: «Предательство — запрещено! Бесчинство — запрещено! Посягательство на что-либо — запрещено! Запрещено убивать детей, старииков и женщин! Запрещено вырубать и выжигать финиковые деревья! Запрещено повреждать плодоносные деревья! Запрещено вырезать верблюдов, овец, коров и других животных, кроме как с целью пропитания! Запрещено трогать людей, что скрываются в придорожных монастырях! Выполнни свою задачу. Начни действия с земель Куда'а. Ничто да не помешает тебе выполнить поручение, данное тебе Посланником Аллаха». ⁹⁹ И войско Усамы отправилось в поход.

В условиях, сложившихся после смерти Пророка, отправка войска Усамы выглядела ошибкой. Некоторые мусульманские авторы писали, что это был мудрый ход Абу Бакра, поскольку тем самым он продемонстрировал силу мятежникам и удержал их от больших бесчинств. На самом деле все обстояло не так. Несмотря на то что Усама выполнил возложенное на него поручение и эффективно, и быстро, его действия не оказали никакого влияния на те крупные проявления отступничества, которые имели место в северной и центральной частях Аравийского полуострова. Отправка войска Усамы была актом веры, демонстрацией полного подчинения воле покойного Пророка, но это было бессмысленным маневром с точки зрения военно-политической стратегии. Это подтверждается и тем, что все мусульманские лидеры возражали против этого похода, — а из среды этих лидеров в последующие десятилетия вышел ряд лучших полководцев в истории человечества.

Абу Бакр пришел к данному решению исключительно потому, что хотел выполнить последнее военное желание Пророка. Он отправил войско Усамы не потому, что ему не хватало умения мыслить стратегически; дело в том, что Абу Бакр обладал незаурядными военными способностями, которые ему было суждено проявить в скором времени в ходе войны с отступниками и завоеваний Ирака и Сирии.

* * *

Войско Усамы ушло. Сообщения о все более распространяющемся мятеже и концентрации враждебных племен день ото дня становились все более угрожающими. Озабоченность мусульман возросла. Отступники, напротив, ликовали, узнав, что халифом стал Абу Бакр и что войско отправилось в поход. Они полагали, что теперь, когда во

⁹⁹ Там же: т. 2, с. 463.

главе мусульман оказался Абу Бакр, им будет значительно легче осуществить задачу уничтожения молодого мусульманского государства. Мятежники испытывали облегчение от того, что им не придется иметь дело с пылким 'Умаром или несравненным 'Али. Им придется иметь дело всего лишь со славным стариком!

Между тем «славный старик» готовил мусульманам кое-какие приятные сюрпризы, а отступникам — сильные потрясения, до того сильные, что один из вождей мятежников, спасаясь от колонн Абу Бакра, в страхе вопил: «Горе арабам от сына Абу Кухафы!»

Глава 12

АБУ БАКР НАНОСИТ УДАР

Отступничество приняло столь массовый характер, что затронуло все аравийские племена, за исключением населения Мекки и Медины, а также племени сакифитов в Та'ифе. В некоторых случаях отступниками становились целые племена. В других случаях отступниками становилась часть племени, тогда как другая часть продолжала следовать истинной вере, и многие из тех, кто остался мусульманином, поплатились жизнью за свою веру. Пожар неверия раздували два лжепророка, Тулайха ибн Хувайлид и Мусайлима ибн Хабиб, а также самозванная пророчица Саджах бинт ал-Харис. Мусайлима изображал из себя пророка уже в течение некоторого времени, а Тулайха объявил себя пророком в период болезни Святого Пророка. Самую большую угрозу Медине представляли Тулайха и последовавшие за ним племена из западно-центральной и северо-центральной частей Аравийского полуострова. Это были племена гатафанитов, тайитов, хавазинитов, аса-дитов и сулаймитов.

Ближайшие к Мекке сосредоточения отступников имели место в двух областях, Абраке, что в 70 милях к северо-востоку от Медины, и Зу Киссе, в 24 милях восточнее Медины.¹⁰⁰ (См. карту 8.) Эти силы состояли из гатафанитов, хавазинитов и тайитов. Через неделю или пару недель после ухода войска Усамы отступники из Зу Киссы направили посольство к Абу Бакру. «Мы будем продолжать молиться, но мы не станем платить налоги», — заявили послы. Они отказывались платить Абу Бакру. «Именем Аллаха, — ответил он. — Если вы не

¹⁰⁰ В настоящее время Абрак представляет собой каменистую равнину (слово означает отрог или отвесную скалу) в 5 милях к северу от Ханакий. Зу Киссы не существует, о ее местонахождении можно судить лишь по расстоянию между ней и Мединой (Иbn Са'д: с. 590) да по тому, что она находилась на пути в Рабазу, что в 20 милях к северо-востоку от Ханакий.

додадите хотя бы унцию из того, что причитается с вас, я пойду на вас войной. Даю вам один день на размышления».¹⁰¹

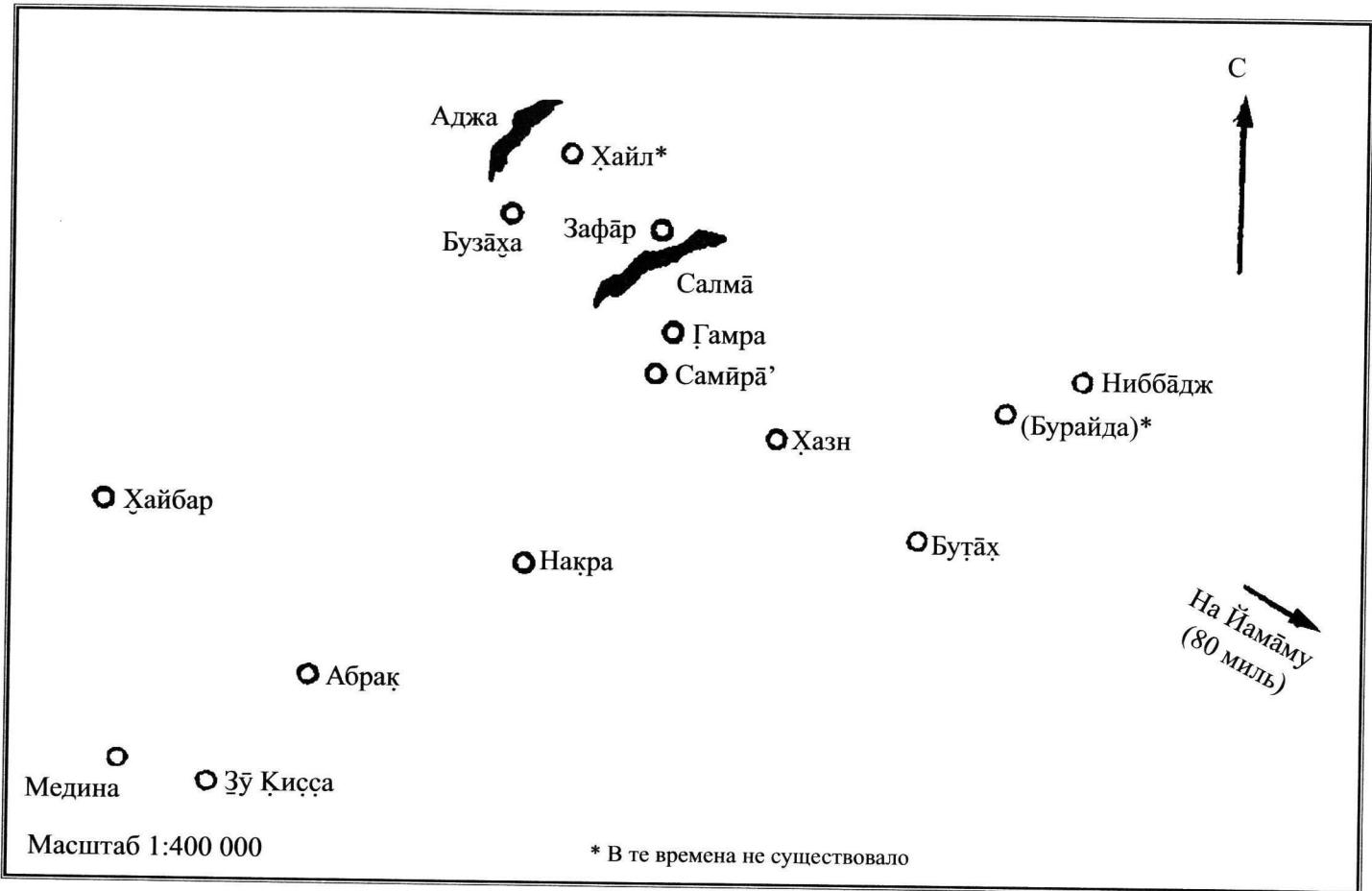
Послы были глубоко поражены решительностью и уверенностью нового халифа, который словно и не подозревал о шаткости своего положения. И он давал им один день! На следующее утро, до истечения времени однодневного ультиматума, послы незаметно покинули Медину, что означало их отказ выполнять требования Абу Бакра. Вскоре после их отбытия Абу Бакр послал своих собственных гонцов во все племена отступников, призывая их оставаться верными Исламу и продолжать выплачивать налоги.

Между тем послы отступников из Зу Киссы перед отъездом как следует осмотрели город, и их острые глаза подметили, что в нем нет воинов. Вернувшись в Зу Киссу, они рассказали своим товарищам о разговоре с Абу Бакром и о весьма уязвимом положении Медины. Тем временем Тулайха, находившийся тогда в Самире, прислал отступникам Зу Киссы подкрепление в виде отряда под командованием своего брата Хибала, хитрого и изобретательного полководца. Когда отступники услышали сообщения послов, они не смогли устоять перед искушением: они решили уничтожить Медину, пока она беззащитна. Итак, войско, собравшееся в Зу Киссе, выступило на Зу Хуссу² и создало там свой опорный пункт, после чего часть сил подошла еще ближе к Медине и разбила лагерь, готовясь к нападению на город. Шла третья неделя июля 632 г. (конец месяца рабй'-ал-ахир, 11 г. хиджры).

Разведка донесла Абу Бакру об этих перемещениях, и он немедленно приступил к организации обороны Медины. Основная армия под командованием Усамы находилась в походе, но Медина вовсе не была столь беззащитна, как воображали мятежники. В ней все еще было достаточно воинов, особенно из клана бану хашим (клана самого Пророка), оставшихся оплакать смерть своего родственника. Из этих остатков Абу Бакр собрал боевой отряд. Уверенность, никогда не покидавшая Абу Бакра, подкреплялась мыслью, что с ним находятся такие столпы, как 'Алий, Зубайр ибн ал-'Аввам и Талха ибн 'Убайдаллах. Каждый из этих людей был назначен командиром трети только что сформированного войска.

¹⁰¹ Ат-Табари: т. 2, с. 487; Балазури: с. 103.

Карта 8. Арабское отступничество (2)

В течение трех дней не было никаких происшествий. Отступники, не имея твердых планов относительно того как им выполнить свою задачу, не проявляли активности. Затем, по приказу Абу Бакра, мусульмане нанесли удар из Медины. Они стремительно атаковали передовой лагерь отступников и заставили их отступить. Отступники отошли к Зу Хуссе. Мусульмане доложили Абу Бакру о своих успехах, и халиф приказал им оставаться там, где они находились, и ждать его новых указаний.

На следующий день Абу Бакр выступил из Медины с длинной цепью выючных верблюдов, поскольку все ездовые верблюды ушли с армией Усамы, и эти менее ценные верблюды оказались лучшим средством передвижения, которым обладал Абу Бакр. Когда караван добрался до покинутого отступниками лагеря, мусульмане, изгнавшие из него отступников, сели на этих верблюдов, и отряд двинулся на Зу Хуссу, базу отступников.

Враг был на чеку, и Хибал, брат Тулайхи, проявил военную хитрость. Он спрятал своих воинов за гребнем холма, на некотором расстоянии перед базой, к которой направлялись мусульмане.

Мусульмане, ехавшие на выючных верблюдах, приблизились к склону холма, не подозревая, что их ожидает за гребнем. Когда ни о чем не подозревавшие мусульмане приблизились к гребню, отступники вышли из укрытия и обрушили на склон бесчисленное множество козьих мехов, наполненных водой. Когда эти мехи покатились вниз по склону на мусульман, в рядах отступников поднялся дикий шум, так как они начали колотить в барабаны и пронзительно кричать. Выючные верблюды, не привыкшие к участию в сражениях, неожиданным громким звукам и виду незнакомых предметов, катящихся на них в огромных количествах, развернулись и пустились наутек. Мусульмане делали все возможное, чтобы остановить своих перепуганных скакунов, но тщетно, и вскоре все мусульманское войско оказалось у себя дома!

У Хибала были основания быть довольным собой. Он перехитрил мусульман и заставил их вернуться в Медину, так сказать, без единого выстрела. Учитывая этот остроумный ход Хибала, можно предположить, что предшествовавший ему отход отступников из лагеря был спланированной Хибалом хитростью, позволившей ему выманить мусульман из-под защиты их города к Зу Хуссе. Нам это неизвестно. Однако затем Хибал допустил ошибку, предположив, что мусульмане испугались и что их поспешный отход к Медине был признаком их слабости. Он не знал, что мусульмане ехали на выючных верблюдах и что струсили именно эти животные, а не ехавшие на них

люди. Части его войска, оставшейся в Зу Киссе, было сообщено об этом успехе и приказано двигаться вперед. В тот же вечер все войско отступников продвинулось вперед и встало лагерем возле Медины, откуда они ушли накануне. Отступники были в прекрасном настроении.

Мусульмане, напротив, были страшно разгневаны, и каждый жаждал воздать врагу сполна. Абу Бакр знал о том, что отступники вернулись в свой лагерь возле Медины, и решил атаковать их прежде, чем они успеют подготовиться к сражению. Следуя его распоряжениям, мусульмане провели большую часть ночи, занимаясь реорганизацией своего маленького войска и готовясь к сражению.

Во вторую половину ночи Абу Бакр вывел свою армию за пределы Медины и приготовился к атаке. Он разделил свое войско на центр, два фланга и арьергард. Сохранив за собой командование центром, Абу Бакр поучил командование правым флангом Ну'ману, а левым — 'Абдаллаху, Сувайд был поставлен командовать арьергардом. Все трое были сыновьями Мукаррина. Перед рассветом армия двинулась на вражеский лагерь, где спокойно спали отступники, уверенные в завтрашней легкой победе над мусульманами.

На этот раз врасплох застали Хибала. Еще не загорелся первый луч зари, как яростная, вопящая масса мусульман обрушилась на лагерь с обнаженными мечами. Отступники не были готовы к сражению. Многие были убиты, однако гораздо большее их количество нашли спасение в бегстве и не останавливались до тех пор, пока не добрались до Зу Киссы, где они остановились, чтобы передохнуть и перегруппироваться. Их настроение уже не было столь радужным.

Этот раунд остался за Абу Бакром, и его успех был заслуженным. Он предпринял полноценный тактический маневр, благодаря которому враг был отброшен мечами, а не одной лишь хитростью. Абу Бакр решил застать врага врасплох и тем самым воспользоваться преимуществами неожиданности и нейтрализовать численное преимущество врага, и в этом он преуспел. Ему требовалась быстрая тактическая победа, и он ее добился. Любопытно отметить, что это был первый в мусульманской истории случай ночной атаки, приема, который стал распространенным только в Первую мировую войну.

Выиграв раунд, Абу Бакр решил не давать врагу передышки. Он хотел справиться с ним до того, как пройдет пережитое им потрясение, пока враг пребывает в тревоге и смятении. С восходом солнца он двинулся на Зу Киссу.

По прибытии к Зу Киссе Абу Бакр подготовил войско к сражению точно так же, как предыдущей ночью, а затем начал наступление. От-

ступники приняли бой, но их боевой дух был подорван, и после недолгого сопротивления они прекратили сражение и отступили к Абраку, где собрались представители гатафанитов, хавазинитов и тайитов. Захватив

Зу Киссу, Абу Бакр отправил преследовать врага небольшой отряд под командованием Талхи ибн 'Убайдаллаха. Талха прошел небольшое расстояние и убил кое-кого из смутьянов, но малочисленность отряда не позволила ему нанести большой урон отходящим силам отступников.

Взятие Зу Киссы произошло 30 июля 632 г. (8 числа месяца джумада- л-ула, 11 г. хиджры) или около этой даты. Абу Бакр оставил удерживать Зу Киссу гарнизон под командованием Ну'мана ибн Мукаррина, а остальное войско вернулось в Медину. 2 августа в Медину вернулось войско Усамы; угроза столице Ислама миновала.

* * *

Выйдя из Медины, Усама двинулся на Табук. Большинство проживавших в этом регионе племен оказывали ему яростное сопротивление, однако Усама с присущим юности пылом и задором прошелся по стране огнем и мечом. Он совершал рейды по всей территории северной части Аравийского полуострова, начав с Куда'a, которые были рассеяны ударами его колонн, после чего отступили к Даумат ал-Джандалу (где 2 года назад Халид взял в плен Укайдира). Усама убил всех, кто сражался против него, и предал огню плодовые сады и виноградники, оставляя за собой «клубы дыма».¹

В результате операций Усамы несколько племен вновь подчинились Медине и вторично перешли в мусульманство. Однако Куда'a продолжали бунтовать и не желали раскаиваться, и вскоре с ними пришлось иметь дело 'Амру ибн ал-'Асу.

Затем Усама пошел на Му'ту, дал бой арабам-христианам из племен калбитов и гассанитов, отомстив за смерть своего отца. Впрочем, крупного сражения не получилось. Потом он вернулся в Медину, приведя с собой большое количество пленных и привезя изрядную добычу, часть которой составляли военные трофеи, а другую часть — налоги, уплаченные раскаявшимися племенами. Абу Бакр и жители Медины тепло приветствовали войско Усамы: возвращение армии вернуло всем ощущение спокойствия и уверенности. Поход продолжался в течение 40 дней.

* * *

После поражения отступников под Зу Киссой некоторые отступники обрушили свою месть на тех сородичей, которые сохранили приверженность Исламу, и истребили их. Убийства совершались безжалостно, некоторых мусульман сжигали заживо, других сбрасывали со скал. Абу Бакр воспринял известия об этих зверствах с холодной яростью и поклялся, что убьет каждого из неверных, повинных в убийстве мусульман, и предаст огню и мечу все кланы отступников.

Теперь положение складывалось в пользу мусульман. Недавние победы, одержанные Абу Бакром, способствовали поднятию настроения. Некоторые племена отступников, жившие в окрестностях Медины, раскаялись, вернулись к вере и уплатили не только причитающиеся с них налоги, но и дополнительную плату. Войско Усамы вернулось домой с пленными и военными трофеями. Казна мусульманского государства вновь была наполнена, создавая солидную финансовую базу для интенсивных военных действий против врагов Ислама.

Однако Абу Бакр решил, что ему требуется больше времени до начала общего наступления, чтобы передохнуть и перевооружить войско Усамы. Поэтому он приказал Усаме определить его воинов на постой в Медине и одновременно обеспечить безопасность столицы. Его собственное собранное на скорую руку воинство к этому времени начало чувствовать себя настоящей армией, и он решил, пока войско Усамы отдыхало и перевооружалось, использовать эту армию для наступления на отступников, собравшихся в Абраке. Теперь Абу Бакр готовился к настоящей войне, не просто стремился покарать племена за гнусное отступничество, но и желал отомстить за кровь безвинных стойких мусульман, убитых отступниками.

Когда Абу Бакр объявил о намерении повести свое войско на Абра克, мусульманские старейшины попытались удержать его. «Аллах да благословит тебя, о халиф Посланника Аллаха! — говорили они. — Не подвергай себя опасности, лично возглавляя войско. Если тебя убьют, это приведет к изменению ситуации. Само твое существование является источником страха для неверных. Назначь командовать армией кого-то другого. Даже если его убьют, ты сможешь назначить нового полководца».

Абу Бакр намеревался возложить на плечи мусульман, как военачальников, так и простых воинов, тяжкое бремя. Он собирался просить их сражаться так, как они никогда прежде не сражались, и смотреть в лицо таким опасностям, какие устрашили бы большинство воинов. И у Абу Бакра не было лучшего способа заставить мусульман соответствовать его ожиданиям, чем подавать им личный пример.

«Именем Аллаха, нет! — ответил он. — Я не сделаю этого. Я не стану перекладывать свою ношу на чужие плечи».¹

И маленькое войско двинулось на Зу Киссу, где их ожидал Ну'ман. (В будущем этому Ну'ману предстояло покрыть себя неувядающей славой как победителя в битве при Нихаванде в Персии.) Там Абу Бакр поставил Ну'мана и его братьев во главе флангов и арьергарда, как сделал это во время ночной атаки, и двинулся на Абрак. Шла вторая неделя августа (третья неделя джумада-л-ула).

Когда мусульмане вышли к Абраку, оказалось, что враг уже выстроился к бою. Абу Бакр, не мешкая, развернул свое войско к бою и обрушился на отступников.

Боевой дух отступников был не столь высок, как за две недели до этого. Те побитые, кому удалось бежать из-под Зу Киссы, примкнули к отступникам в Абраке, и, как всегда бывает в подобных случаях, их появление произвело гнетущее впечатление на остальных. В течение некоторого времени отступники, имевшие численное превосходство, сопротивлялись наступлению мусульман; затем они дрогнули и обратились в бегство. Абу Бакр одержал еще одну победу.

Недобитые отступники бежали из-под Абрака, а некоторые другие из живших в этом регионе племен направились в Бузаху, куда из Самйры перебрался самозванец Тулайха. Однако другие кланы, населявшие этот регион, покорились войскам, направленным Абу Бакром на усмирение жителей сельской местности. Были собраны новые налоги, к которым раскаявшиеся племена с радостью добавили дары, которые были с равной радостью приняты.

На следующий день халиф покинул Абрак и направился в Медину. По прибытии в Медину он посвятил несколько дней государственным делам, затем он отправился в Зу Киссу вместе с войском Усамы. Однако теперь это уже было не войско Усамы, ибо Усама сделал свое дело, и теперь его войско стало армией Ислама, находящейся в распоряжении халифа, который мог использовать ее по своему усмотрению. Пребывание Усамы на посту полководца закончилось.

В Зу Киссе Абу Бакр разбил армию Ислама на несколько корпусов, которым предстояло одолеть всех тех врагов, которые занимали всю территорию Аравийского полуострова за исключением той маленькой области, которая находилась в руках мусульман. Это был первый случай, когда мусульманское войско было разделено на отдельные корпуса во главе с собственными командирами для выполнения независимых заданий под общим стратегическим руководством халифа. Мусульманские полководцы, которые ранее были исключительно тактиками, с этого времени вступили в более высокие

области стратегии и освоили их с уверенностью и легкостью, которые потрясли весь мир.

* * *

В Зу Киссе, в четвертую неделю августа 632 г. (в начале месяца джумада-л-ахиира, 11 г. хиджры), Абу Бакр спланировал стратегию кампании против отступников. Сражения, которые он недавно провел со средоточениями сил отступников в Зу Киссе и Абраке, имели характер непосредственных превентивных мер, призванных спасти Медину и отбить у врага охоту к дальнейшим нападениям, что позволило выиграть время для того, чтобы подготовить и ввести в действие главные силы. Эти операции можно было бы описать как нападения с целью нанесения урона: они дали Абу Бакру возможность создать надежную базу, которая в будущем позволила ему начать крупную военную кампанию.

Абу Бакр не питал иллюзий относительно предстоящей задачи. Ему нужно было сражаться не с одним, а с несколькими врагами: самозванцем Тулайхой, засевшим в Бузахе, Маликом ибн Нувайрой в Буахе и Мусайлимой-Лжецом, находившимся в Иамаме. Ему предстояло справиться с широко распространившимся отступничеством на восточном и южном побережьях Аравийского полуострова — в Бахрейне, Омане, Хадрамауте и Йемене. Отступники были и в регионе к югу и востоку от Мекки, а на север с Аравийского полуострова после ухода войска Усамы вновь вернулись к неверию Куда'a.

Положение мусульман можно описать как положение маленького островка веры в океане безверия, как светоч, сияющий во мраке, таящем в себе всевозможные опасности для правоверных. Абу Бакру нужно было не только поддержать огонь этого светильника, но и рассеять мрак и сокрушить силы зла, которые угрожали со всех сторон. В численном отношении отступники многократно превосходили мусульман, но они не были едины. Военная сила Абу Бакра заключалась в том, что среди мусульман были лучшие воины тех времен. И у него было мощнейшее оружие — Халид ибн ал-Валид, Меч Аллаха.

Абу Бакр планировал стратегию сообразно обстоятельствам. Он разделил армию на несколько корпусов. Наиболее могучим корпусом, главной ударной силой мусульман, был корпус Халида. Его использовали для борьбы с наиболее крупными силами мятежников, чтобы раскалывать самые крепкие орешки. Другим подразделениям

поручались задания второстепенной важности, они приводили в чувство менее опасные племена отступников после того, как бывали разгромлены главные силы вражеской оппозиции. Два корпуса находились в резерве на случай необходимости выслать подкрепление корпусу Халида или любому другому подразделению, которому может понадобиться подмога. Первым в действие вступал корпус Халида, а время ввода других подразделений зависело от его успехов, поскольку Халиду то и дело поручалось уничтожение наиболее крупных сил врага. План Абу Бакра заключался в том, чтобы сначала расчистить от отступников территорию западно-центральной части Аравийского полуострова (ближайшую к Медине область), затем разбить Малика ибн Нувайру и наконец взяться за самого опасного врага — Мусайлиму-Лжеца. Это позволяло Абу Бакру сконцентрировать силы, сражаясь с вражескими войсками поодиночке и по очереди, шаг за шагом продвигаясь из ближних областей в дальние.

Халиф сформировал 11 корпусов, у каждого из которых был свой командир.¹⁰² У каждого корпуса было свое знамя. Имеющиеся в наличии воины были распределены по этим корпусам, и если некоторым командующим давались неотложные поручения, то другим предстояло приступить к выполнению своих обязанностей позднее. Командирам также были даны инструкции пополнять ряды своих корпусов смелыми бойцами по дороге к указанной им цели. Вот имена 11 командиров и те задачи, которые были поставлены перед ними:

Халид. Сначала — Тулайха в Бузахе, затем — Малик ибн Нувайра в Бутахе.

Икрима ибн Абуджисил. Подойти к Мусайлиме в Иамаме, но не вступать в бой до тех пор, пока не будут собраны дополнительные силы.

'Амр ибн ал-'Ас. Племена отступников хуза'а и вадй'а в окрестностях Табука и Даумат ал-Джандала.

Шурахбил ибн Хасана. Следовать за 'Икримой и дожидаться указаний халифа.

Халид ибн Са'йд. Ряд племен отступников на границе с Сирией.

Турайфа ибн Хаджиз. Племена отступников хавазинитов и сулаймитов в регионе восточнее Медины и Мекки.

'Али ибн ал-Хадрами. Отступники в Бахрейне.

Хузайфа ибн Михсан. Отступники в Омане.

Арфаджса ибн Харсама. Отступники в Махре.

¹⁰² Слово «корпус» употребляется здесь не в строгом терминологическом смысле, обозначая независимое тактическое соединение. По своей организации эти корпуса не имели никакого сходства с современными армейскими корпусами, состоящими, как правило, из трех дивизий.

Му^аджир ибн Абу Умайя. Отступники в Йемене, затем кинда в Хадрамауте.

Сувайд ибн Мукарран. Отступники в прибрежном регионе севернее Йемена.

Как только формирование корпусов было завершено, Халид выступил в поход, а вскоре в поход отправились также 'Икрима и 'Амр ибн ал-'Ас. Другие корпуса халиф придержал и отправил в поход несколько недель или даже несколько месяцев спустя. Отправка в поход этих частей определялась успехами действий Халида против мощного ядра вражеской оппозиции.

Между тем, до того как корпуса вышли из Зу Киссы, Абу Бакр разослал гонцов ко всем отступническим племенам, пытаясь в последний раз возвратить к их рассудку. Гонцам были даны одинаковые указания: они должны были призвать эти племена вернуться в Ислам и продемонстрировать полную покорность; те племена, которые подчинятся, будут прощены и избегут войны; с теми, которые окажут сопротивление, война будет длиться до тех пор, пока все сопротивляющиеся не будут истреблены, а их жены и дети будут взяты в рабство; прежде чем атаковать какое-либо племя, мусульманские войска будут возвещать азан (мусульманский призыв на молитву), и если племя ответит призывом на азан, то это будет знаком того, что оно покорилось.

Помимо специфических задач, поставленных перед командирами корпусов, халиф снабдил их и одинаковыми указаниями. Эти указания заключались в следующем:

- а) Обнаружить племена, которые необходимо найти.
 - б) Возвестить азан.
 - в) Если племя откликнется призывом на молитву, не нападать. После азана потребовать, чтобы племя подтвердило свою покорность, включая согласие платить налоги. Если подтверждение будет получено, не нападать.
 - г) Тем, кто покорится, не досаждать.
 - д) Тех, кто не откликнется призывом на молитву или после азана не подтвердит своей полной покорности, карать огнем и мечом.
 - е) Все отступники, убивавшие мусульман, будут убиты; те, кто сжигал мусульман заживо, будут сожжены заживо.
- С этими инструкциями Абу Бакр, переставший быть мягким, смиренным сподвижником, направил военную мощь Ислама на отступников.

Глава 13

САМОЗВАНЕЦ ТУЛАЙХА

Из лжепророков, оставшихся после смерти Асвада, первым с мусульманами столкнулся Тулайха ибн Хувайлид. Он был вождем племени бану асад и годами противодействовал Святому Пророку

Тулайха впервые проявил враждебность по отношению к Исламу через три месяца после битвы при Ухуде. Полагая, что мусульмане потерпели сокрушительное поражение в битве, он собрал свой клан и вознамерился совершить нападение на Медину, воспользовавшись благоприятным, как ему казалось, моментом; однако Пророк узнал о том, что клан начал концентрацию сил, и выслал отряд из 150 всадников, чтобы разобраться с ним. Не успел Тулайха придумать, как ему отреагировать на этот контрманевр мусульманских всадников, как они налетели на него. Неверные без боя бросились врасыпную, и мусульмане захватили стада клана и пригнали их в Медину в качестве трофея. Эта неудача до такой степени дискредитировала Тулайху в глазах его соплеменников, что он был вынужден на некоторое время стушеваться.

Потом Тулайха принял участие в битве у Рва. С готовностью откликнувшись на предложение иудеев направить оружие против мусульман, он собрал отряд из бану асад и командовал им в составе союзных сил, осаждавших Медину. Когда Абу Суфьян отошел от Медины, бану асад также вернулись в свои поселения. Вновь Тулайха ничего не добился.

Следующий случай противопоставить себя мусульманам подвернулся Тулайхе тогда, когда в 628 г. (7 г. хиджры) они вели военную кампанию против иудеев Хайбара. Бану асад, действовавшие под командованием Тулайхи, встали на сторону иудеев. Пока мусульманская армия шла на Хайбар, Тулайха несколько раз пытался сразиться с мусульманами, однако эти стычки были незначительными и завершались не в пользу Тулайхи. В конце концов он вывел свой отряд из боевых действий и покинул иудеев на произвол судьбы.

Два года спустя, в год Делегаций, бану асад направили свое посольство в Медину, чтобы присягнуть на верность Пророку. Все племя приняло Ислам, но, как и в случаях со многими другими племенами Аравийского полуострова, это обращение произошло по причинам политической целесообразности, а не потому, что племя по-настоящему приняло новую веру. Тулайха тоже сделал вид, что

стал мусульманином. Неверный или ставший мусульманином Тулайха продолжал пользоваться значительным влиянием в своем племени как вождь и как прорицатель. Он предсказывал будущее, занимался ясновидением и декламировал стихи.

Во время болезни Пророка, точнее, за несколько дней до смерти Пророка, Тулайха решил стать независимым. Он провозгласил себя пророком! Он призывал своих сородичей следовать за ним, и многие откликнулись на его призыв. Когда пришло известие о смерти Пророка, Тулайха стал еще усерднее утверждать себя в качестве нового пророка; а когда Аравийский полуостров захлестнула волна отступничества, все племя бану асад собралось под его знаменем, признав его своим вождем и пророком. Для того чтобы показать, что он порывает связи с Мединой, Тулайха выгнал из своей земли мусульманского сборщика налогов, отважного молодого человека по имени Диар ибн ал-Азвар, о котором еще многое будет сказано в повествовании о Сирийской кампании.

Провозгласив себя пророком, Тулайха почувствовал, что ему необходимо заняться вопросами религии, чтобы показать, что он действительно является апостолом Господа. Он не смог придумать ничего более впечатляющего, чем изменение формы молитвы. Он отменил земной поклон, являющийся неотъемлемой частью мусульманского молитвенного обряда. «Аллах не желает, чтобы мы опускались лицом вниз или уродливо горбили спины, — заявил он. — Молитесь стоя!»

И бану асад молились без поклонов вслед за своим самозванцем. По мере распространения отступничества ряды его последователей ширились. Он получал предложения о поддержке от крупных племен североцентральной части Аравийского полуострова, среди которых наиболее преданными были гатафаниты и тайиты, с которыми у бану асад были старые и до сих пор сохранившиеся союзные связи. Поддержку оказывали также хавазиниты и сулаймиты, однако она была достаточно слабой. Несмотря на то что эти два великих племени также стали отступниками и сражались против мусульман, они не примкнули к Тулайхе и не стали сражаться под его знаменем.

Наиболее влиятельным и могущественным сторонником Тулайхи стал 'Уйайна ибн Хисн, одноглазый вождь бану фазара — могущественного клана гатафанитов. Этот человек командовал отрядом гатафанитов во время битвы у Рва, это его Пророк прозвал Добровольным Простаком. И теперь он оправдал свое прозвище, последовав за Тулайхой. Впрочем, он не до конца поверил самозванцу, ибо известно, что он сказал: «Я бы с большим удовольствием

последовал за пророком из союзного племени, чем из племени курайшитов. Как бы то ни было, Мухаммад умер, а Тулайха жив».¹ Его поддержка оказалась неоценимой, поскольку он привел под руку Тулайхи все племя гатафанитов.

Тулайха собрал бану асад в Самире. Гатафаниты жили по соседству с ними и намеревались вскоре присоединиться к ним. Тайиты также признали его вождем вождей и пророком, но оставались в своих землях к северу и северо-востоку от Хайбара, за исключением маленького отряда, который присоединился к нему в Самире. Там Тулайха начал готовиться к тому, чтобы уничтожить влияние Ислама.

Услышав о том, что кланы собираются в Зу Киссе и Абраке, Тулайха отправил им в качестве подкрепления отряд из людей своего племени под командованием собственного брата, Хибала. Об операциях мусульман против Зу Киссы и Абрака было сказано выше. Во время этих боевых действий Тулайха передвинулся со своим войском в Бузаху, где к нему некоторое время спустя присоединились остатки отступников, изгнанных из Абрака.

В Бузахе подготовка Тулайхи продвигалась быстро. Он отправил гонцов во множество кланов, приглашая их присоединиться к нему, и многие кланы откликнулись на его призыв. 'Уйайна привел 700 воинов бану фазара. Наиболее крупные отряды прислали бану асад и гатафаниты. Был и отряд тайитов, однако большая часть тайитов не явилась в Бузаху.

Когда Халид выступил из Зу Киссы, Тулайха был готов к бою.

Прежде чем отправить Халида на разгром Тулайхи, Абу Бакр искал средства и способы уменьшить силы последнего, чтобы битва завершилась победой. Невозможно было поделать что-либо с племенами бану асад и гатафан, твердо поддерживающих Тулайху, но еще оставались тайиты. Они вовсе не так решительно поддерживали самозванца, а их вождь, 'Ади ибн Хатим, был глубоко верующим мусульманином. (Трудно поверить, но этот человек, который был столь высокого роста, что когда он садился верхом на лошадь, то его ноги касались земли, дожил до 120 лет!¹⁰³) Когда 'Ади попытался остановить отступничество среди тайитов, они отреклись от него, в результате чего он покинул племя и вместе с группой верных сторонников присоединился к халифу. Теперь Абу Бакр решил предпринять попытку отвратить тайитов от Тулайхи. А если бы удалось убедить их покинуть самозванца, с ним было бы легко разделаться там, где он в то время находился, пока они не успели при-

¹⁰³ Ибн Кутайба: с. 313.

соединиться к Тулайхе в Бузахе. Тем самым удалось бы лишить Тулайху поддержки тайитов.

Абу Бакр направил вождя тайитов повлиять на его племя. С ним отправился Халид, чье войско насчитывало 4000 человек. «Если старания 'Ади не увенчаются успехом, — инструктировал Халида Абу Бакр, — сразись с тайи там, где они сейчас находятся». ¹⁰⁴ Разобравшись с тайита-ми, Халид должен был идти на Бузаху. (См. карту 8.)

Выступив из Зу Киссы, Халид пошел в северном направлении, направляясь в Бузаху. Когда до Бузахи оставалось еще несколько переходов, он повернул влево и вышел в область, расположенную южнее гор Аджа, где собралось племя тайитов. Там 'Ади пошел вперед и обратился к племени: он говорил об Аллахе и Его Посланнике, о геенне огненной, о бессмысленности сопротивления, однако несмотря на свое великое красноречие он ничего не добился. Старейшины племени отвергли его, после чего 'Ади предупредил их: «Тогда готовьтесь к встрече с войском, которое идет, чтобы уничтожить вас и забрать ваших женщин. Поступайте, как хотите».

Это предупреждение произвело надлежащий эффект. Старейшины недолго задумались, а потом сказали: «Задержи подход этого войска до тех пор, пока мы не вызовем к себе наших братьев, которые находятся у Тулайхи. У нас с ними договор. Если мы нарушим его, то он либо убьет наших братьев, либо возьмет их в заложники. Мы должны увести их от Тулайхи, прежде чем открыто отвергнем его».

'Ади вернулся в мусульманский лагерь и объяснил ситуацию Халиду, но Халид не желал тратить время на переговоры. У него было резко отрицательное мнение об отступниках, и он не был склонен проявлять милосердие к тем, кто отринул веру и вновь предался неверию. «Три дня, о Халид! — умолял его 'Ади. — Дай всего три дня! И я дам тебе 500 воинов из моего племени, которые будут сражаться плечом к плечу с тобой. Это лучше, чем отправить их в огонь ада». Халид согласился подождать.

Делая вид, что посыпают подкрепление его войску, старейшины тайитов отправили к Тулайхе конный отряд. И там эти люди принялись за тайную работу, подготавливая уход отряда тайитов от Тулайхи до того, как в Бузаку придет Халид. Они преуспели в этом деле. Если кто из тайитов и остался с Тулайхой, то они не принимали никакого участия в сражении при Бузаке.

¹⁰⁴ Ат-Табари: т. 2, с. 483.

Халид согласился не нападать на тайитов. Между тем он решил обрушиться на жившее неподалеку другое племя отступников — джадйла. Халиф ничего не говорил ему о джадилитах, но Халиду не требовалось приглашение к бою. Когда он объявил о своем намерении напасть на них, 'Ади вновь выступил с предложением убедить это племя покориться без кровопролития. Халид был не из тех, кто беспокоится по поводу кровопролития; однако перспектива усилить свою армию новыми воинами побудила его согласиться на предложение 'Ади. Красноречие 'Ади принесло плоды. Джадйла покорились, и к Халиду присоединились 1000 воинов. С учетом того, что теперь к его корпусу примкнули 500 всадников из племени тай и 1000 воинов из племени джадйла, Халид оказался гораздо сильнее, чем тогда, когда он выступал из Зу Киссы, направляясь на Бузаку. По дороге к нему присоединялись новые воины.

Оказавшись на расстоянии дневного перехода от Бузаки, Халид выслал вперед двух разведчиков с целью разузнать обстановку. Оба они были из ансаров, причем один был известным сподвижником по имени 'Уккаша ибн Михсан. Эти разведчики натолкнулись на двух отступников, выполнявших аналогичную миссию по поручению вражеской стороны. Одним был Хибал, брат Тулайхи. Хибал был убит, но второму удалось бежать, и он принес самозванцу печальное известие.

Разгневанный известием о гибели брата, Тулайха лично выступил вперед со своим другим братом, Салмой. Две пары встретились. Произошло два поединка. Тулайха и 'Уккаша умело пользовались мечами и долго продолжали единоборство до тех пор, пока Салма не убил второго мусульманина. Однако в конце концов 'Уккаша пал, сраженный Тулайхой. Тела двух мусульман лежали там, где их настигла смерть, до тех пор пока их не обнаружили другие мусульмане, которые предали их земле. Потеря этих двоих мусульман горько оплакивалась, ибо это были отличные бойцы и хорошие товарищи.

Когда Халид вышел на южную часть Бузахской равнины, он разбил лагерь неподалеку от того места, где находился лагерь отступников. Из этих двух лагерей противникам предстояло идти на битву. Поле битвы включало в себя Бузахскую равнину — ровную, открытую местность с несколькими низкими каменистыми холмиками на ее западной и северной окраинах. Эти пригорки были отрогами юго-восточных предгорий горной цепи Аджа. (См. карту 8.)

Поле битвы при Бузаке было определено. И мусульмане, и отступники готовились к завтрашнему дню. Халид, Меч Аллаха, и его

6000 воинов выступили против Тулайхи-Самозванца, численность войска которого не была зафиксирована в документах, однако полагают, что его армия значительно превосходила по численности армию мусульман. Была середина сентября 632 г. (начало месяца джумада-л-ахира, 11 г. хиджры).

* * *

На следующее утро после прибытия Халида две армии построились к бою на Бузакской равнине. Халид лично командовал мусульманами и стоял перед своими войсками. Между тем Тулайха назначил командовать своей армией 'Уйайне. В центре этой армии стоял отряд из 700 фазаритов (клан 'Уйайны). Сам самозванец сидел в шатре в непосредственном тылу своего войска, обернув голову чалмой и набросив на плечи плащ. Он принял позу человека, погруженного в медитацию, и объявил, что сам Джибрайл, ангел — посланец Господа, будет указывать ему, как вести бой.

Вскоре после того как оба войска построились для сражения, Халид начал наступление по всей линии фронта. В течение некоторого времени отступники, особенно бану фазара, оказывали упрямое сопротивление, однако затем напор мусульман стал давать результаты и линия фронта отступников утратила прямизну. 'Уйайна, обеспокоенный яростью мусульманского натиска, подъехал к шатру Тулайхи, надеясь получить спасительные божественные указания. «Являлся ли к тебе Джибрайл?» — спросил он. «Нет», — с торжественным видом ответил ему самозванец. 'Уйайна вернулся обратно на поле боя.

Прошло еще некоторое время. Затем Халиду удалось проделать брешь в центре неверных, но он все еще продолжал сопротивляться, и битва становилась все более ожесточенной, жаркие бои шли за каждый дюйм. 'Уйайна вновь подъехал к Тулайхе и спросил: «Явился ли тебе

Предвкушая победу, мусульмане стали наступать более решительно и потеснили неприятеля. Отступники могли лишь сдерживать их настолько, чтобы не сдать им все свои позиции. Видя, что положение становится безнадежным, 'Уйайна отправился к Тулайхе в третий раз. В его голосе слышалось нервное нетерпение, когда он повторил все тот же вопрос: «Явился ли тебе Джибрайл?» Самозванец ответил: «Да». — «Что же он сказал?» — спросил 'Уйайна.

Тулайха спокойно ответил: «Он сказал: "Вы попали на мельничные жернова и навсегда запомните этот день!"» — «Именем Аллаха! — возопил 'Уйайна, когда завеса спала с его глаз. — Это ты навсегда запомнишь сегодняшний день!» Затем он помчался к своему клану. «О бану фазара! — вскричал он. — Этот человек — самозванец. Выходите из боя!»

Бану фазара, оплот центра Тулайхи, развернулись и ускакали. С их отъездом весь фронт перешел в отступление и сопротивление отступников прекратилось. Группы неверных разбегались с поля боя во всех направлениях. Тех, кто оказывал сопротивление, победоносные мусульмане разили своими мечами. Некоторые злосчастные беглецы ринулись к Тулайхе, спрашивая его: «Каковы будут твои приказы?» Тулайха отвечал: «Пусть те, кто может, поступают так, как я, и спасают себя и свои семьи!»

Отдав последнее распоряжение, Тулайха усадил свою жену на быстроногого верблюда, который стоял наготове под седлом на случай подобного поворота в развитии событий. Сам он вскочил на коня, и они вдвоем скрылись в облаке пыли.

Битва при Бузаке завершилась. Халид одержал победу. Второй по силе враг Ислама потерпел поражение, а его войско было рассеяно.

* * *

Тулайха бежал к сирийской границе, где поселился у бану калб. Настал конец дням его лжепрочестства. Однако не успел он обжиться среди этого племени, как узнал, что бану асад вновь приняли Ислам. В результате он тоже стал мусульманином и вернулся к своему племени. Во времена Абу Бакра он даже совершил паломничество в Мекку, однако несмотря на то что халифу было известно о его прибытии, он не удостоил его вниманием.

Еще года через два Тулайха посетил Медину и пришел повидаться с 'Умаром, который не обладал умением легко прощать. Увидев Тулайху, 'Умар сказал ему: «Ты убил двух благородных мусульман, в том числе 'Уккашу ибн Михсана. Именем Аллаха, ты никогда не удостоишься моей любви».

У Тулайхи был острый ум. Он ответил: «Благодаря моей руке Аллах благословил их пребыванием в раю, а они мне такой радости не предоставили. Да простит меня Аллах». 'Умар, не обращая внимания на ответные слова, продолжил: «Ты солгал, говоря, что Аллах не причинит тебе вреда».

Тулайха ответил: «Это было следствием заблуждения неверия, которое было рассеяно Аллахом. Теперь меня нельзя винить за это».

'Умар понял, что так можно зайти далеко, и предпринял последнюю попытку: «О обманщик! Что осталось от твоего ясновидения?»

«Ничего, кроме пшика!»¹⁰⁵

Чувство юмора не входило в число достоинств, которые проявлял 'Умар, а так как он не мог найти достойного ответа, то он прекратил этот разговор.

Тулайха вернулся к своим соплеменникам и жил с ними до третьего вторжения в Ирак. Тогда он вызвался отправиться в Ирак в качестве воина и полководца. Он превосходно воевал, демонстрируя чудеса храбрости и искусства, принял участие в сражениях при Кадисийе и Нихаванде, где и сложил голову. Таким образом, Тулайха с лихвой искупил свою вину.

* * *

Как только битва окончилась, Халид направил свои колонны преследовать бегущих отступников и подчинять соседние племена. Одна колонна настигла группу отступников в холмистой области Румман, что в 30 милях к югу — юго-востоку от Бузаки, но те сдались без боя и вновь стали мусульманами. Халид возглавил стремительно передвигавшуюся колонну, преследовавшую 'Уайну, бежавшего на юго-восток со своим кланом бану фазара и некоторыми представителями бану асад. 'Уайна успел лишь добраться до расположенной в 60 милях Гамры¹⁰⁶ (см. карту 8), когда Халид настиг его. Тогда 'Уайна попытался вступить в бой, ибо, несмотря на свое полное разочарование в Тулайхе, он остался мятежником и не раскаялся. Разгорелся жестокий бой, в ходе которого несколько отступников были убиты, а остальные обратились в бегство. 'Уайна был захвачен в плен.

В прошлом отец 'Уайны был выдающимся и высокоуважаемым вождем гатафанитов, в результате чего 'Уайна считал себя выше других по рождению и положению. Однако теперь этого гордого наследника длинной династии вождей, с которым во время битвы у Рва искал способ вступить в переговоры о мире сам Святой Пророк, заковали в железо и вели в Медину как униженного пленника.

¹⁰⁵ Ат-Табари: т. 2, с. 489; Балазури: с. 105-106.

¹⁰⁶ Гамра находится в 15 милях к северу — северо-востоку от Самйры, и холм, находящийся рядом с расположенной там в настоящее время деревней, также называется Гамра. Этот населенный пункт был назван так Ибн Са'дом, который поместил его в двух стадиях от Файда. На самом деле он находится в 30 милях от Файда, если считать по прямой, и несколько дальше, если измерять расстояние по караванному пути.

Когда 'Уайна вступил в Медину, дети, узнав, кто он такой, столпились вокруг него. Они начали погонять его острыми палками, то и дело восклицая: «О враг Аллаха! Ударившийся в неверие после веры». 'Уайна жалобно возражал: «Я никогда не был верующим». Иными словами, поскольку он никогда не принимал мусульманство, его нельзя было обвинять в отступничестве.

'Уайна защищался перед лицом Абу Бакра, и тот его простил; 'Уайна стал мусульманином и много долгих лет мирно жил в своем племени-

При халифе 'Усмане ставший стариком 'Уайна посетил Мекку и навестил халифа. Это случилось после заката. 'Усман, как всегда радушный хозяин, предложил ему остаться на ужин и был поражен, когда 'Уайна отверг его приглашение под тем предлогом, что он постится. (Мусульманский пост начинается с первыми лучами восхода и завершается с закатом.) Увидев удивленное выражение на лице 'Усмана, 'Уайна поспешил воскликнуть: «Я считаю, что мне легче поститься ночью, чем днем!»

После Гамра Халид направился в Накру, где собрались некоторые кланы бану сулайм, намеренные продолжать борьбу против Ислама. (См. карту 8.) Во главе этой группировки бану сулайм стоял пылкий вождь по имени 'Амр ибн 'Абд ал-'Узза, которого больше знали как Абу Шаджра. Этот человек не вынес никаких уроков из поражения Тулайхи, а для того чтобы вдохновлять своих воинов и поддерживать в них дух категорического отрицания власти мусульман, он сочинил и цитировал следующие стихи:

*Мое копье играючи произведет опустошения
В полках Халида.
И я верю, что после этого
Оно также сокрушит и 'Умара.*

Сразу же по прибытии в Накру Халид бросил свою колонну в неистовую атаку на бану сулайм. На самом деле у него были приятные воспоминания о бану сулайм. Они служили под его началом в период завоевания Мекки и битвы при Хунайне, а также в наступлении на Та'иф. Они служили ему очень хорошо, за исключением того случая, когда бежали, попав в засаду в Хунайнском ущелье (при таких обстоятельствах так поступило бы большинство других военных отрядов). Однако теперь они стали отступниками и не заслуживали снисхождения.

Сражаясь против своего бывшего командира, бану сулайм некоторое время оказывали яростное сопротивление и даже сумели убить нескольких мусульман, но в то же время они поняли, что им не выдержать удары, наносимые по ним Халидом, и дрогнули. Большое количество сулаймитов было убито, прежде чем уцелевшие бежали с поля боя. Их командир, воин-поэт Абу Шаджра, был захвачен в плен и отправлен в Медину, где он горячо защищал себя перед лицом Абу Бакра, даровавшего ему прощение. Он также вновь принял Ислам.

В дальнейшем Абу Шаджру ожидали трудные времена: он обеднел. В надежде получить какую-нибудь помощь он отправился в Медину, привязал своего верблюда перед въездом в город и вошел в него. Вскоре он увидел 'Умара, стоявшего в окружении бедняков, между которыми он делил милостыню. Смешавшись с толпой, Абу Шаджра воскликнул: «Я тоже испытываю нужду». 'Умар обернулся и посмотрел на него, но не узнал. Он слишком сильно изменился с того времени, как был отступником. «Кто ты таков?» — спросил его 'Умар. «Абу Шаджра».

Тут на 'Умара нахлынули воспоминания о былом, и он вспомнил все, что знал об этом жалком человеке. «О враг Аллаха! — взревел 'Умар. — Не ты ли читал стихи:

*Мое копье играючи произведет опустошения
В полках Халида.
И я верю, что после этого
Оно также сокрушил и 'Умара?..*

'Умар не стал дожидаться ответа. Он занес кнут, без которого никогда не выходил из дома, и обрушил удар на Абу Шаджру. Прикрывая рукой голову, Абу Шаджра взмолился: «Я принял Ислам, и все это теперь потеряло значение».¹⁰⁷ И тут на него обрушился второй удар! Абу Шаджра понял, что никакие просьбы не остановят кнут 'Умара, который явно был настроен сначала бить, а потом уже задавать вопросы. Он развернулся и побежал прочь со всех ног, а 'Умар погнался за ним, потрясая своим кнутом. Однако ему удалось оторваться от 'Умара, добежать до своего верблюда, вскочить на него и спешно ускакать прочь.

С тех пор Абу Шаджра больше никогда не показывался в Медине!

¹⁰⁷ Балазури: с. 107.

* * *

Во время битвы при Бузаке некоторые племена стояли в стороне и наблюдали за происходящим. Это были племя бану амир и некоторые кланы хавазинитов и сулаймитов. Хотя данные племена и симпатизировали Тулайхе, они благоразумно воздержались от участия в сражении и предпочли оставаться зрителями до того момента, когда не станет понятным исход сражения.

Вскоре исход сражения определился. Не успели в Бузаке установиться мир и спокойствие, как эти племена явились к Халиду и заявили о своей покорности. «Мы возвращаемся к тому, от чего отступились, — заявили они. — Мы верим в Аллаха и Его Посланника. Мы предаем ему наши жизни и наше имущество».¹⁰⁸

Скоро в Бузаку начали стекаться другие группы раскаивающихся арабов. «Мы подчиняемся!» — дружно восклицали они. Однако Халид помнил указания халифа — убивать всех, кто убивал мусульман. Он отказывался признавать их покорность до тех пор, пока они не выдавали всех убийц из своего племени. Племена пошли и на это.

Все убийцы были построены в очередь. Правосудие Халида было скорым. Он велел убить каждого убийцу точно таким способом, каким тот убивал свои мусульманские жертвы. Некоторым отрубили головы, других сожгли заживо, третьих до смерти забили камнями. Четвертых сбросили с высокого утеса, пятых расстреляли стрелами из луков. Несколько человек были сброшены в колодцы.¹⁰⁹ Око за око!

Выполнив это поручение, Халид направил Абу Бакру подробный письменный отчет обо всем, что произошло. Халиф ответил ему благодарственным посланием, поздравляя его с успехом, одобряя его поступки и вознося молитву за продолжение его успехов.

После победы над бану сулайм в Накре Халид три недели провел в Бузаке, принимая покорность племен и карая убийц. Затем он направился к холму Зафар, где в его внимании нуждалась некая дама. Он с удовольствием предвкушал грядущее свидание, она же ждала его, затаив дыхание!

¹⁰⁸ Ат-Табари: т. 2, с. 486.

¹⁰⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 490

* * *

Салма, она же Умм Зимл, была двоюродной сестрой 'Уйайны. Ее отец, Малик ибн Хузайфа, также был влиятельным вождем гатафанитов. Однако не только отец женщины был знаменитым вождем, ее мать, Умм Кирфа, также была выдающейся персоной, пользовавшейся почетом и уважением племени. Во времена Святого Пророка ее мать сражалась против мусульман, была взята в плен во время боя и убита, но гатафаниты не забыли об этой женщине-предводительнице. Салму взяли в плен и увезли в Медину, где Пророк подарил ее в качестве рабыни своей жене, 'А'ише. Однако Салма чувствовала себя несчастной, и 'А'иша отпустила ее на свободу, после чего она вернулась к своему племени.

После смерти родителей Салма поднималась в общественном мнении до тех пор, пока не завоевала те уважение и любовь, которыми пользовалась у племени ее мать. Она стала — и это было вопреки обычаям арабов — полновластным вождем. У ее матери был великолепный верблюд, который теперь перешел по наследству к Салме, и, поскольку дочь была очень похожа на мать, когда она ехала верхом на этом верблюде, она напоминала своему народу о покойной предводительнице.

Салма стала одним из вождей отступников и непримирамым врагом Ислама. После битвы при Бузаке и событий в Гамре некоторые из тех, кто потерпел поражение от Халида, а также многие фанатики из числа хавазинитов и бану сулайм поспешили в Зафар, находившийся у западной конечности горной цепи Салма, и вступили в армию Салмы. (См. карту 8.) Она безжалостно распекала их за понесенное поражение, за то, что они покинули 'Уйайну, и эта женщина вызывала такой трепет, что они безропотно принимали все ее упреки. Могучей рукой она сколотила из разномастной толпы сплоченное, хорошо организованное войско и за несколько дней превратилась в угрозу авторитету Ислама. Она знала, что Халид, разделавшись с Бузакой, придет разбираться с ней, и она с радостью готовилась к столкновению с Мечом Аллаха.

Халид повел свои войска из Бузаки в Зуфар, где армия Ислама вновь столкнулась с армией неверных. И вновь Халид захватил инициативу и напал первым.

Однако сражение оказалось трудным. Халид сумел потеснить врага на флангах, но не мог добиться успеха в центре, потому что центр армии отступников стойко держался. Там разъезжала на знаменитом верблюде своей матери Салма, облаченная в латы, и со своего командного пункта она лично руководила боевыми действиями.

Вокруг ее верблюда были собраны наиболее отважные из воинов, исполненные решимости умереть, защищая благородное животное и его почитаемую всадницу.

Халид понял, что моральная сила вражеского войска была заключена в личности Салмы и что до тех пор, пока она в седле, сражение будет продолжаться и превратится в кровавую бойню. Ее нужно было устранить. Поэтому, возглавив группу воинов, вооруженных пиками, Халид предпринял решительный рывок в сторону верблюда и в результате яростного сражения на мечах сумел подойти к животному. Нескольких ударов меча хватило, чтобы завалить верблюда, а вместе с ним на землю пала и его бесценная ноша. Салма тотчас же была убита. Вокруг нее на земле распластались тела 100 ее последователей, до последнего вздоха защищавших свою повелительницу.

С гибелю Салмы всякое сопротивление прекратилось, отступники разбежались во все стороны. Сражение с Салмой оказалось для Халида самым трудным после сражения с Тулайхой. Считается, что горная цепь Салма — гряда черных, скалистых холмов, находящаяся примерно в 40 милях к юго-востоку от города Хайла — получила свое название в честь Салмы, Умм Зимл... достойная дань памяти великой женщине, у которой хватило мужества восстать и сражаться против величайшего воина своего времени и погибнуть в бою.

Битва при Зуфаре произошла в конце октября 632 г. (в конце месяца раджаб, 11 г. хиджры). Халид позволил своим людям отдохнуть в течение нескольких дней. Затем он отдал приказ двигаться на Буту, чтобы сразиться с Маликом ибн Нувайрой.

* * *

Первая фаза кампании против отступников завершилась с гибелю Салмы. К этому времени были одержаны победы над основными племенами северо-центральной части Аравийского полуострова, восставшими против Ислама и последовавшими за Тулайхой. Эти племена покорились, а их предводители были либо убиты, либо захвачены в плен, либо изгнаны. Больше в том регионе никто из вождей не посмел выступить против Ислама.

Однако оставался еще один человек, не столько вождь племени, сколько предводитель разбойников, который продолжал вызывать тревогу у мусульман. Этого человека звали Ийас ибн 'Абд Йалиль, но он был более известен как ал-Фаджа'. Это был авантюрист.

Примерно тогда, когда Халид укреплял достигнутое им в Бузаке, ал-Фаджа' явился к Абу Бакру. «Я — мусульманин, — сказал он. — Дай мне оружие, и я буду сражаться с неверными».¹¹⁰

Абу Бакр был только рад услышать такое предложение и дал ему оружие. Этот человек уехал из Медины, сформировал банду головорезов и начал нападать на ни о чем не подозревавших путников, многие из которых были убиты. Разбойники действовали в регионе, расположенном к востоку от Мекки и Медины, и от рук ал-Фаджа' в равной мере страдали как мусульмане, так и неверные.

Когда Абу Бакр узнал о беззакониях, творимых ал-Фаджа', он решил примерно наказать его за обман халифа. Абу Бакр послал войска, чтобы захватить этого человека живьем, и через несколько дней закованного в железо разбойника доставили в Медину.

Абу Бакр приказал сложить перед мечетью большую кучу поленьев. Затем ее подожгли. Когда дерево загорелось и пламя костра взметнулось к небу, ал-Фаджа', по-прежнему закованного в железо, швырнули в огонь!

Два года спустя, умирая, Абу Бакр выразил некоторые сожаления. Он сказал, что совершил три поступка, которые не следовало совершать, и не совершил три поступка, которые следовало совершить. Один из них был связан с ал-Фаджа'. «Лучше бы я просто велел убить ал-Фаджа', чем сжечь его заживо».¹¹¹

Глава 14

ЛОЖНЫЕ БОГИ И БОГИНИ

Малик бин Нувайра был вождем бану йарбу', крупной части могущественного племени бану тамйм, жившего в северо-восточной области Аравийского полуострова, над Бахрейном. Находясь поблизости от Персии, некоторые представители баку тамим приняли зороастризм, однако до прихода на Аравийский полуостров Ислама племя в основном было языческим. Столицей клана Малика был Бутах.¹¹² (См. карту 8.)

Малик был вождем благородного происхождения. Славившийся своей щедростью и гостеприимством, он всю ночь поддерживал огонь

¹¹⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 492.

¹¹¹ Там же: т. 2, с. 619; Балазури: с. 112; Mac'уди: Мурудж. т. 2, с. 308.

¹¹² Современный Бутах представляет собой всего лишь крохотное бедуинское селение в 14 милях к югу — юго-западу от современного Расса. Видно, что в прежние времена этот населенный пункт был более крупным.

у своего дома, чтобы всякий проходящий мимо путник знал, где можно получить кров и еду. Он вставал по ночам, чтобы поддерживать огонь. У этого исключительно красивого человека была густая копна волос, а лицом, по словам современников, он был «прекрасен, как луна». Он искусно обращался с оружием и выделялся отвагой и утвивостью, и еще он был выдающимся поэтом. Таким образом, Малик обладал всеми теми достоинствами, которыми, с точки зрения арабов, должен был обладать идеальный мужчина. У него было все!

Лайла была дочерью ал-Минхала. Позднее ее стали называть Умм Тамйм. Ослепительная красавица, она была одной из самых прекрасных аравийских девушек, и молва о ее поразительной красоте распространялась по всей округе. Особенно она славилась своими прекрасными глазами и прелестными ножками. И ей тоже не о чем было желать!

Когда она достигла совершеннолетия, ее руки стали добиваться все местные молодые люди, но она всем отказывала. Затем она встретилась с Маликом, и вместе с ним ей было суждено войти в историю. Малик женился на Лайле. Таким образом, Малик, ко всем своим прочим достоинствам, еще и женился на одной из прекраснейших девушек своего времени.

Действительно, Малику ибн Нувайре не о чем было желать. У него было все, кроме веры.

В год Делегаций, когда племя бану тамйм приняло Ислам, Малик также был захвачен популярной тенденцией и стал мусульманином. Учитывая его высокое положение в племени и его бесспорные таланты, Святой Пророк назначил его правителем клана бану ханзала. Главной обязанностью Малика было собирать налоги и отправлять их в Медину.

В течение какого-то времени Малик честно и добросовестно справлялся с возложенными на него обязанностями. Затем Святой Пророк умер. Когда известие о его смерти достигло Буты, Малик как раз закончил сборы солидной части налогов, намереваясь отправить ее в Медину. Забыв о данной им присяге, он немедленно раскрыл хурджуны и вернул деньги налогоплательщикам. «О бану ханзала! — заявил он, — теперь ваше богатство принадлежит вам».¹¹³ Малик стал отступником.

¹¹³ Балазури: с. 107.

* * *

Саджах была дочерью ал-Хариса. Родившаяся в семье вождей, она обладала лидерскими качествами, характером и интеллектом, какими редко бывают наделены женщины. Она была ясновидящей, могла предсказывать грядущее и была столь искусной поэтессой, что практически всегда говорила стихами. Если люди заговаривали с ней, она тут же отвечала им стихами.

Известная впоследствии как Умм Садиры, по отцовской линии Саджах также принадлежала к бану йарбу' и таким образом приходилась родственницей Малику ибн Нувайре. Однако по материнской линии она принадлежала к таглибитам, одному из племен в большой группе, проживавшей в Ираке и известной как раби'a. Саджах жила преимущественно среди таглибитов, исповедовавших христианство, и под влиянием матери тоже стала христианкой, хотя ее христианская вера была не слишком глубока, как и у многих других представителей таглибитов, в чем мы будем иметь возможность убедиться в дальнейшем.

Когда началась волна отступничества, Саджах узнала, что Тулайха и Мусайлима объявили себя пророками. Ее пылкое воображение было захвачено теми возможностями, которые открывали подобные лживые претензии. Почему пророками должны быть одни лишь мужчины? Почему бы и женщине не ступить в священную область пророчества? Авантурристка по натуре, она в конце концов не устояла перед таким искушением. «Я — пророчица!» — заявила она и развила эту мысль в соответствующих стихах.

Как ни странно, большая часть клана матери Саджах признала ее пророчицей и поклялась повиноваться ей. А ведь ранее они были христианами! Она привлекла к себе множество вооруженных последователей и явилась на Аравийский полуостров, где под ее знамя встало и племя ее отца. Нет сомнения в том, что многими из последовавших за ней старейшинами и членами клана руководило желание добыть трофеи и поквитаться с некоторыми из племен северо-восточной части Аравийского полуострова, с которыми у них была старая междуусобная вражда.

Вдохновленная успехом в обретении последователей, Саджах прибыла в ал-Хазн с внушительным войском и отправила послов к своему родственнику, Малику ибн Нувайре.¹¹⁴ Саджах предложила ему заключить договор: они совместно выступят против тех племен,

¹¹⁴ Местоположение ал-Хазна не установлено, но, судя по сведениям, полученным у населения Хайла, это то же, что район Хазма, расположенного между Самирой и Бутахом. Это вполне согласовывается с утверждением Иакута (т. 1, с. 661), что Хазн находился близ Бутаха.

которые были их общими врагами, а затем начнут воевать против мусульманского государства в Медине. Для того чтобы убедить Малика в том, что у нее нет никаких враждебных замыслов относительно земель бану йарбу', Саджах заявила: «Я всего лишь женщина из бану йарбу'. Земля принадлежит тебе».¹¹⁵

Малик принял предложение Саджах и заключил с ней договор. Однако он несколько умерил ее воинственный пыл и отговорил ее воевать с мусульманами. Это случилось в июне 632 г.

И вот объединенные силы Малика и Саджах обрушились на злосчастные племена, которые ранее нанесли обиды бану тамйм и бану таглуб. В этих боевых действиях не было никакой религиозной подоплеки: их побудительными мотивами были жажда мести и грабежей. Всякое племя, которое оказывало сопротивление, подвергалось нападению, приуждалось к подчинению и разграблялось. Малик присоединился к самозванке по договору, и в этих набегах его последователи сражались плечом к плечу с ее последователями. Однако сам он, похоже, не участвовал в грабежах.

Затем Саджах нагрянула в Ниббадж и принялась грабить его окрестности.¹¹⁶ И там она получила серьезный отпор. Местные кланы, движимые общим страхом перед сей ужасной женщиной, объединились против нее и дали ей бой. Это сражение не имело решающего значения, но Саджах досталось как следует: враги взяли в плен некоторых из ее авторитетных командиров и соглашались отпустить их только в том случае, если она поклянется покинуть их территорию. Саджах приняла это условие.

Старейшины племен, последовавших за самозванкой, собрались вокруг нее. «Куда мы теперь пойдем?» — спрашивали они.

«На Йамаму», — ответила Саджах.

«Но жители Йамамы сильны, — заметили старейшины. — А их вождь, Мусайлим, — весьма могущественный человек».

«На Йамаму», — повторила Саджах и перешла на стихи:

Вперед, на Йамаму!

Со скоростью полета голубей;

Туда, где битва ожесточеннее;

И никакое порицание не падет на вас.

*Вперед, на Йамаму!*¹¹⁷

¹¹⁵ Ат-Табари: т. 2, с. 496.

¹¹⁶ Ниббадж — это современная Набкия (или Набджийа, как ее называют местные жители), расположенная в 25 милях к северо-востоку от Бурайды. В настоящее время это деревня, однако в те времена она была довольно крупным городком.

¹¹⁷ Ат-Табари: т. 2, с. 498.

* * *

Мусайлима-Лжец был наиболее грозным из врагов Ислама, угрожавшим существованию нового государства. Он был сыном Хабиба из племени бану ханифа, одного из крупнейших племен на Аравийском полуострове, жившего в районе Йамамы.

Мусайлима впервые вышел на сцену истории в конце 9 г. хиджры, в год Делегаций, когда он побывал в Медине в составе депутации бану ханифа. В состав посольства входили еще два выдающихся человека, которым суждено было оказать большое влияние на Мусайлиму и его племя, — один помог Мусайлиме прийти к власти, а другой спас его племя от полного уничтожения. Это были, соответственно, Нахар ар-Раджжал ибн 'Унфува¹¹⁸ и Муджа'a ибн Маара.

Посольство прибыло в Медину. Верблюды были привязаны в лагере путешественников, и Мусайлима остался там, чтобы присматривать за ними, тогда как остальная депутация вошла в город. Они провели переговоры с Пророком, покорились ему и приняли Ислам. По своему обыкновению Пророк наделил послов подарками, а когда они получили свои дары, один из них как бы невзначай обмолвился: «Один из наших товарищей остался в лагере присматривать за верблюдами». Пророк дал им подарок и для него, добавив: «Не последним из вас является тот, кто остается стеречь собственность своих товарищей».² Впоследствии Мусайлима воспользовался этой фразой в своих целях.

По возвращении посольство рассказало о сути Ислама и утвердило новую веру среди бану ханифа. Все племя было обращено в Ислам. В Йамаме была построена мечеть, в которой регулярно проводились молитвы.

Так прошло несколько месяцев. Затем Мусайлима отступил от своей веры и объявил себя пророком. Он собрал вокруг себя народ и, ссылаясь на Мухаммада, обратился к нему: «Мне было дано разделить это с ним. Разве он не сказал нашим послам, что я — не последний среди них? Это могло означать только то, что ему было известно, что я разделяю это с ним».¹¹⁹ (Под «этим» он подразумевал миссию Пророка.)

Затем Мусайлима ошеломил толпу своими поразительными фокусами. Он был превосходным магом и умел делать то, что прежде не удавалось ни одному человеку. Он мог поместить яйцо внутрь бутыли; он мог срезать у птицы перья, а затем так приставить их обратно, что птица снова могла летать; и он использовал свое

¹¹⁸ Некоторые древние историки называют этого человека Раххалем.

¹¹⁹ Там же.

искусство для того, чтобы убедить людей в том, что на самом деле обладает божественным даром. Он взял за правило обращаться к собранию людей как апостол Господа, сочинять стихи и выдавать их за ниспославшие ему откровения Корана. В большинстве его стихов говорилось о превосходстве его племени, бану ханифа, над курайшитами. Вместе с тем некоторые из них были весьма любопытными, например:

Аллах благословил мою мудрость.

*Она столь же сильна, как ветры, что дуют
Из живота и кишечника!*¹²⁰

Люди поражались мудрости Мусайлимы и стекались к нему со всех сторон. Как ни странно, они не ставили под сомнение и не оспаривали божественную миссию Мухаммада. Они восприняли Мухаммада как апостола Господа. Однако они также восприняли Мусайлиму как такого же пророка, а именно этого Мусайлима и добивался.

Влияние и авторитет Мусайлимы постепенно укреплялись. Затем в конце 10 г. хиджры он написал Пророку Мухаммаду:

«От Мусайлимы, Посланника Аллаха, Мухаммаду, Посланнику Аллаха. Привет тебе. Мне было ниспослано разделить с тобой это дело. Половина земли принадлежит нам, а другая половина — курайшитам. Однако народ курайшитов переступает свои границы». В ответ Пророк Мухаммад написал Мусайлиме:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. От Мухаммада, Посланника Аллаха, Мусайлиме-Лжецу. Привет тому, кто следует Указаниям свыше. Знай: земля принадлежит Аллаху. Он дарует ее тому, кого Он выбирает из слуг Своих. И следующий мир для праведных».¹²¹

С тех пор самозванец стал известен как Мусайлима-Лжец! И тут в дело вступил Нахар ар-Раджжал, которого мы упоминали ранее как члена посольства бану ханифа. Этот человек остался в Медине, когда остальные участники посольства вернулись домой; и он держался поближе к Пророку, от которого многое узнал об Исламе. Нахар ар-Раджжал выучил Коран и возвысился до положения близкого и уважаемого сподвижника Пророка. За несколько месяцев он завоевал завидную репутацию верующего и добродетельного мусульманина и в этом качестве стал известен на большей части Аравийского полуострова.

Когда сообщения о творимых Мусайлимой безобразиях начали приобретать все более угрожающий характер, Святой Пророк начал

¹²⁰ Там же.

задумываться о том, каким образом воспрепятствовать влиянию Лжеца. Йамама находилась слишком далеко, чтобы проводить против нее военную операцию, поэтому Мухаммад решил отправить человека, чтобы он настраивал народ против Мусайлимы. И кто мог справиться с этим поручением лучше, чем Раджжал? Он был одним из вождей бану ханифа; он выучил Коран, он обрел мудрость и милосердие у ног Пророка. И Раджжал был направлен Пророком исправлять то зло, которое Мусайлима причинял Йамаме.

Сразу по прибытии в Йамаму прохвост заявил, что Мусайлима действительно является пророком. «Я слышал, как сам Мухаммад говорил об этом», — лгал он.¹²² И кто бы усомнился в словах этого почтенного сподвижника! Прибытие ренегата резко увеличило авторитет Мусайлимы; и бану ханифа стали прибывать еще в больших количествах, чтобы принести присягу на верность «Мусайлиме, Посланнику Аллаха»!

И вот Мусайлима и Раджжал образовали зловещий и мерзкий tandem. Раджжал стал правой рукой Мусайлимы, а самозванец не принимал ни единого важного решения без его совета.

Со смертью Святого Пророка Мусайлима полностью подчинил себе бану ханифа. Люди стекались к нему, и Мусайлима начал устанавливать собственные правила, касавшиеся вопросов морали и религиозного поведения. Он разрешил употреблять спиртное. Он также распорядился, чтобы отец, у которого родился сын, жил в безбрачии, и только в том случае, если этот сын умирал, ему позволялось иметь дело с женщинами, но до тех пор, пока у него не родится новый сын.

Народ начинал верить в то, что Мусайлима обладает чудесной силой, а Раджжал способствовал укреплению этого образа. Однажды Раджжал предложил Мусайлиме в виде благословения гладить по голове каждого новорожденного младенца, как это делал Пророк Мухаммад. Были отданы соответствующие распоряжения. С этого момента всех новорожденных приносили к Мусайлиме, чтобы он погладил их по голове. Историки сообщают, что когда эти младенцы стали взрослыми мужчинами и женщинами, у них на головах не оказалось ни единого волоса! Однако, разумеется, об этом стало известно только после смерти Мусайлимы. Известно множество случаев, когда Мусайлима копировал поступки Мухаммада, однако их результаты оказывались прямо противоположными и катастрофическими.

¹²² Ат-Табари: т. 2, с. 505.

Несмотря на то что за Мусайлимой последовали все бану ханифа, не все верили в его божественную миссию, тем более не верили в нее люди разумные. Некоторые признавали его по соображениям политической выгоды или для того, чтобы добиться повышения, но при этом многими руководило чувство верности племени. Однажды Мусайлима назначил муэдзином, призывающим людей на молитву, нового человека. Этот человек, Худжайр ибн 'Умайр, был одним из сомневающихся. Вместо слов «Свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Аллаха», в которых имя Мухаммада должно было быть заменено именем Мусайлимы, этот новый муэдзин во весь голос кричал: «Свидетельствую, что Мусайлима считает, что он — посланник Аллаха».

Однажды некий человек со светлой головой, никогда прежде не видевший Мусайлиму, пришел посетить самозванца. Когда он подошел к двери дома Мусайлимы, он спросил стражника: «Где Мусайлима?» — «Тише! — ответил ему стражник. — Он — посланник Аллаха». — «Я не поверю, что он им является, до тех пор пока не увижу его», — возразил посетитель, которого звали Талхой.

Посетитель встретился с самозванцем.

— Ты — Мусайлима? — спросил он.

— Да.

— Кто приходил к тебе?

— Рахман (то есть Милосердный).

— При свете или во тьме?

— Во тьме.

— Свидетельствую, — объявил Талха, — что ты — самозванец, а Мухаммад — истинный Пророк. Однако самозванец из нашего племени лучше, чем настоящий пророк из племени курайшитов. Впоследствии этот человек сражался на стороне Мусайлимы и умер за него.

У Мусайлимы была отвратительная внешность. Он был низкого роста, но крепкого телосложения, лицо у него было желтого цвета, глаза — маленькие и близко посаженные, нос — плоский. Он был необычайно уродлив. Однако, как это часто бывает с очень некрасивыми и злыми людьми, Мусайлима оказывал неотразимое воздействие на женщин. Они не могли сказать ему «нет». Он был таким талантливым и бесчестным казановой, что ни одна женщина, оставшаяся с ним наедине, не могла отвергнуть его ухаживания или не поддаться воздействию его дьявольских чар.

Однако, направляясь в Йамаму, самозванка Саджах не подозревала об этой стороне многогранной личности Мусайлимы. Вскоре ей суждено было познакомиться с ней!

* * *

Саджах со своим войском направлялась в Йамаму. Мусайлима узнал об этом и забеспокоился, так как не знал, каковы ее намерения — враждебные или дружественные. Разумеется, Мусайлима мог разгромить ее армию в сражении, но на некотором расстоянии к западу стоял 'Икрима со своим корпусом. К тому же Мусайлима уже несколько недель ожидал подхода мусульман. Если бы 'Икрима начал действовать, пока он сам разбирался бы с войском Саджах, то он оказался бы в весьма уязвимом положении. Ему пришлось бы одновременно воевать на два фронта, с Саджах и мусульманами. Мусайлима решил покорить Саджах и нейтрализовать ее. Он знал, как с ней обращаться: он поведет себя с ней так, как вел себя с другими женщинами. Он в совершенстве владел искусством обольщения.

Он послал к Саджах гонца, прося ее не приводить с собой воинов, так как в Йамаме им нечего было делать. Она могла приехать одна на переговоры. Поэтому Саджах оставила свое войско в лагере и поехала вперед в сопровождении 40 воинов на встречу с Мусайлимой-Лжецом. Она подъехала к Йамаме и увидела, что ворота крепости заперты; и она получила от Мусайлимы указание оставить свою свиту за пределами крепости и въехать в нее в одиночку. Саджах согласилась и, оставив 40 своих последователей дожидаться, въехала в крепость.

Мусайлима подготовил для Саджах большой шатер во дворе своего дома. Поскольку погода была прохладная, он приказал хорошенько обогревать шатер, чтобы ей было уютно. И он приказал воскурить в шатре некий аромат, который бы обострил чувственность Саджах в соответствии с его намерениями. Это должно было помочь преодолеть ее сопротивление!

Саджах вошла в шатер. Через некоторое время за ней последовал Мусайлима. Они оказались наедине. Самозванец завел разговор, околдовывая женщину. Он говорил о Боге и политике, о своих проблемах с курайшитами, которых было столько, сколько «у рыбы чешуек».

После вступительных слов Мусайлима сказал: «Поговорим о ниспосланных нам откровениях». — «Женщине не следует начинать,

— ответила она. — Сначала ты расскажи о том, что тебе было ниспослано».

Саджах с трепетом смотрела на Мусайлиму, когда он нараспев, словно аяты Корана, прочел следующее:

Разве ты не видишь своего Господа?

Как он поступает с беременными женщинами?

Он извлекает живое существо,

Находившееся между животом и кишками.

«А что еще?» — с волнением спросила она.

«Он ниспал мне, — продолжал Мусайлима, — что Он сотворил женщину как вместилище и создал мужчину как ее пару, чтобы он входил в нее и выходил из нее, когда пожелает. А потом появляется маленький ягненочек!»

Саджах заинтересовалась. «Воистину, ты — пророк!» — пылко сказала она.

Мусайлима придинулся поближе. «Хочешь выйти за меня замуж? — спросил он. — Тогда я с моим и твоим племенами разгромлю арабов».

«Да», — ответила она.¹ Мусайлима вновь одержал победу.

Саджах оставалась с Мусайлимой в течение трех дней; затем он отослал Саджах к ее войску По прибытии в лагерь она собрала старейшин племени. «Я обрела истину, — заявила она. — Я признала его пророком и вышла за него замуж».

Старейшины были поражены. «Подарил ли он тебе свадебный подарок?» — спросили они. Саджах призналась, что она не получила никакого подарка на свадьбу.

Старейшинам было известно о Мусайлиме немного больше, чем Саджах, и они опасались, что их девушку одурачили. «Тогда отправляйся к нему, — настаивали они, — и не возвращайся до тех пор, пока не получишь свадебного подарка».

Снова Саджах пустилась в путь к Иамаме в сопровождении 40 спутников. Мусайлима заметил ее приближение и закрыл ворота крепости. «Что случилось?» — сердито спросил он изнутри.

«Подари мне свадебный подарок», — попросила она снаружи.

Мусайлима на минуту задумался, а потом ответил: «Я дарю тебе свадебный подарок для всего твоего народа. Объяви своим последователям, что я, Мусайлима ибн Хабиб, посланник Аллаха, отменяю две из введенных Мухаммадом молитвы — рассветную и ночную».

С необычным свадебным подарком Саджах вернулась к своему войску.

Через несколько дней, желая установить с народом Саджах связи более прочные, чем те, которые возникли в шатре, установленном в его дворе, Мусайлима послал гонца к Саджах. Он предлагал ей политический и экономический союз: она могла получить половину зерна в Иамаме. Саджах отказалась. Однако Мусайлима вновь отправил к ней гонца, настаивая на том, чтобы она приняла хотя бы четверть зерна. Саджах согласилась и ушла в Ирак. Это случилось примерно в конце октября 632 г. (в конце месяца раджаб, 11 г. хиджры), незадолго до битвы 'Икримы с Мусайлимой.

Мусайлима покончил с Саджах. А она покончила с политикой и пророчеством. Саджах поселилась с племенем ее матери и до конца жизни жила тихо и незаметно. Впоследствии она приняла Ислам и, как считается, стала богообязненной и добродетельной мусульманкой. Во время халифата Mu'авийи Саджах перебралась в Куфу, где умерла в преклонном возрасте.

Глава 15

КОНЕЦ МАЛИКА ИБН НУВАЙРЫ

Когда Халид, разобравшись с Салмой и ее последователями, отдал приказ идти на Бутах, чтобы сразиться с Маликом ибн Нувайрой, он не подозревал, что кое-кто из его собственных воинов начнет возражать против этого плана. Подготовка к походу проходила в соответствии с приказом, однако когда настало время выступать в поход, большая группа воинов отказалась участвовать в нем. Это были ансары. Их старейшины явились к Халиду и сказали, что они не пойдут на Бутах. «То, что ты сейчас задумал, — утверждали они, — не предусмотрено распоряжениями халифа. Он велел воевать с Бузакой и очистить этот регион от отступников. После этого нам следовало дожидаться его новых распоряжений».

Халид был удивлен услышанным заявлением. У него не было ни малейшего желания допустить, чтобы эта группировка, пусть она и состояла из высокочтимых сподвижников, помешала ему проводить военные операции так, как он считал целесообразным. «Возможно, таковы указания, данные халифом вам, — ответил Халид, — однако мне он приказал вести боевые действия против неверных. Как бы то ни было, я — командир этой армии. Я лучше владею ситуацией, чем вы. Если я вижу, что передо мной открывается возможность, не

предусмотренная инструкциями, я не стану упускать ее. Разве мы не стали бы действовать, столкнись мы с угрозой, не предусмотренной в распоряжениях халифа? Там сидит Малик ибн Нувайра, и я пойду сражаться с ним. Пусть переселенцы и те, кто хочет, следуют за мной. Я не стану принуждать к этому остальных». ¹²³

Халид выступил в поход без ансаров.

Не прошло и часа, как ансары поняли, какую серьезную ошибку они допустили, отказавшись от участия в походе со всей армией. «Если они добьются успеха, мы останемся без него», — сказал один из них. Другие поддержали: «А если их подстерегает несчастье, то никто не захочет вспоминать о нас». Вскоре ансары приняли решение. Они послали вдогонку Халиду быстрого всадника, прося передать ему: «Подожди! Мы идем». Халид подождал, пока они догнали его, а затем продолжил марш на Бутах.

В течение первой недели ноября 632 г. (в середине месяца ша'бан, 11 г. хиджры) Халид прибыл в Бутах, намереваясь сражаться. Однако Бутах и не думал оказывать сопротивление. Там не было ни единого воина.

* * *

Когда самозванка Саджа покинула Аравийский полуостров, уехав в Ирак, Малик ибн Нувайра основательно задумался над тем, какую роль он сыграл в заговоре против Ислама. Он получил донесения о том, как Меч Аллаха сокрушил войско Тулайхи, а также был наслышан о быстрым и суровом наказании, которому Халид подверг тех, кто убивал мусульман. Малик испугался. С отбытием Саджи он лишился могущественного союзника и чувствовал себя покинутым и преданным.

Малик начал понимать всю серьезность последствий договора, заключенного им с самозванкой. Он был явно повинен в отступничестве, и его вина не вызывала сомнений. Затем появились донесения о том, что Халид разгромил Салму и теперь направляется в сторону Бутаха. Малик был храбрым человеком, но ему не хотелось сражаться с Халидом.

Чувствуя себя беспомощным и покинутым, Малик решил попытаться спасти от гибели все, что было в его силах. Он желал искупить свои преступления покаянием и покорностью, которые также

¹²³ Ат-Табари: т. 2, с. 501. По этому разговору можно подумать, что решение идти походом на Буту было принято лично Халидом и не входило в общий план, намеченный халифом; однако, согласно Табари (т. 2, с. 480, 483), инструкции, данные Халиду Абу Бакром, ясно указывали на то, что после поражения Тулайхи следующей задачей Халида было разобраться с Маликом ибн Нувайрой в Бутах. Возможно, воины Халида не знали, что это задание было дано их командиру халифом.

являлись политической необходимостью, ибо иного пути у него не было. Малик собрал клан бану йарбу' и обратился к ним с такой речью:

«О бану йарбу'! Мы ослушались наших правителей, когда они призывали нас оставаться стойкими в нашей вере. И мы не давали другим слушаться их. Ничего хорошего из этого не вышло.

Я изучил ситуацию. Мне ясно, что положение складывается в их пользу, и мы не можем ничего изменить. Остерегайтесь воевать против них! Расходитесь по домам и заключайте мир с ними».

По приказу Малика его воины разошлись. Затем Малик тихо удалился в свой дом, находившийся неподалеку от Буты, где его утешала прекрасная Лайла.

Чтобы еще раз продемонстрировать перемену в своих настроениях, Малик собрал все причитающиеся Медине налоги и отправил их Халиду, которого везшие налоги посланцы встретили тогда, когда он шел на Буту. Халид принял налоги, но не посчитал их достаточным знаком раскаяния, ибо налоги надлежало выплачивать в любом случае.

«Почему вы заключили союз с Саджой?» — спросил посланцев Халид. «Было одно лишь желание отомстить врагам, с которым у племени была старая вражда».¹²⁴

Халид не стал продолжать расспросы, но не отбросил свои подозрения. Возможно, это была хитрость, предназначенная для того, чтобы усыпить его бдительность и завлечь в ловушку. Бдительность не покидала Халида с тех самых пор, когда он попал в засаду при Хунайне. Он продолжал двигаться вперед так, словно шел на войну с вооруженным противником.

* * *

Халид увидел, что Бута не защищена и покинута. В ней не было армии, с которой следовало сражаться, не было даже маленького гарнизона. Он занял Буту и послал кавалерийские отряды прочесать окрестности и разобраться с отступническими кланами племени бану тамйм. Командирам этих отрядов Халид повторил инструкции халифа: при приближении к любому клану они должны возвестить азан; если клан откликнется призывом на азан, следовало оставить его в покое, если нет — следовало атаковать его.

На следующий день отряд под командованием Диара ибн ал-Азвара добрался до дома Малика ибн Нувайры, где Диар захватил Малика, Лайлу и несколько человек из бану йарбу'. Остальные отряды

¹²⁴ Там же.

не столкнулись с какими бы то ни было сложностями, потому что все кланы покорились, не оказывая сопротивления.

Малика и Лайлу доставили к Халиду Малик предстал перед ним как мятежник, вождь отступников, которого судят за преступления против государства и Ислама. Он держался дерзко, как подобало гордому, благородному вождю, который с достоинством переносит постигшие его испытания. Он не мог вести себя смиренно.

Халид заговорил первым. Он говорил о преступлениях, совершенных Маликом, об ущербе, который он нанес делу Ислама. Затем Халид задал ему несколько вопросов. В ответах Малик назвал Святого Пророка «твоим господином». Халид был разгневан отсутствием у обвиняемого раскаяния и его надменным поведением. Он сказал: «А разве ты не считаешь его своим господином?»

Халид был убежден в виновности Малика, в том, что тот остался неверующим. Он приказал казнить его. Диар увел Малика и лично привел приговор в исполнение. Таков был конец Малика бин Нувайры.

Лайла стала молодой вдовой, но пробыла ею недолго. В тот же вечер на ней женился Халид! Не успела она приступить к оплакиванию своего покойного супруга, как вновь оказалась новобрачной, на этот раз — женой Меча Аллаха!

Когда Халид объявил о своем намерении жениться на Лайле, некоторые мусульмане неодобрительно восприняли эту новость. Некоторые даже начали поговаривать о том, что, возможно, Малик на самом деле не был неверным, что он вновь стал мусульманином, что, возможно, Халид приказал казнить его, чтобы заполучить Лайлу. Особенно сильно против намерения Халида возражал Абу Катада, пользовавшийся большим авторитетом сподвижник, однако Халид несколькими словами умело поставил его на место. Чувствуя себя оскорблённым и сердясь на то, что ему показалось превышением полномочий со стороны Халида, Абу Катада на следующий день оседлал своего коня и поскакал в Медину. Приехав в столицу, он направился прямо к Абу Бакру и сказал ему, что Малик ибн Нувайра был мусульманином и что Халид убил его, чтобы жениться на красавице Лайле. Этот Абу Катада был тем самым человеком, который вскоре после завоевания Мекки прискакал к Святому Пророку и пожаловался на то, что Халид безжалостно убил джузаймитов несмотря на то, что они капитулировали. Его неодобрительное отношение к Халиду не было новостью.

Однако Абу Бакр не был обрадован появлением Абу Катады, особенно потому, что тот покинул армию без разрешения своего

командира. «Немедленно возвращайся на свой пост!» — приказал халиф, и Абу Катада отправился обратно в Бутах.

Однако не успел Абу Катада выехать из Медины, как его слова стали известны всему городу. Услышав их, 'Умар вскочил и бросился к Абу Ба- кру. «Ты назначил командиром человека, — сказал он, — который убивает мусульман и заживо сжигает людей». ¹²⁵ Это не произвело никакого впечатления на Абу Бакра. Он имел неоспоримые доказательства того, что, узнав о смерти Пророка, Малик раздал деньги, собранные для уплаты налога, а также того, что он заключил союз с Саджой. Сомнений в отступничестве Малика не было. Что же касается сжигания заживо, то халиф сам приказал с теми, кто заживо сжигал мусульман, поступать так же. ¹²⁶ Никого другого Халид не сжигал.

'Умар продолжал: «Меч Халида чинит самоуправство. Его следует доставить домой в оковах! Сними его с должности!»

Абу Бакр знал, что два великих человека недолюбливают друг друга. «О 'Умар, — твердо ответил он, — хватит тебе злословить на Халида. Я не стану вкладывать в ножны меч, который Аллах направил против неверных». К тому времени все знали, что Халид — это Меч Аллаха.

'Умар настаивал: «Но этот враг Аллаха убил мусульманина и взял его жену!» ¹²⁷ Абу Бакр согласился разобраться в этом деле. Он послал за Халидом.

Халиду уже было известно, какое недовольство вызвало его поведение. Он лишь пожал плечами, сказав: «Как Аллах решает, так тому и быть». ¹²⁸ Как бы то ни было, мелкие критические нападки Халида не беспокоили. Затем поступил приказ халифа, согласно которому он должен был приехать в Медину. Халид догадался, что это связано с недовольством его поступками, и всерьез обеспокоился.

По прибытии в Медину Халид направился прямо в мечеть. В те древние времена мечеть была не только местом для молитв, но и местом встреч, проведения собраний, она служила и школой, и местом отдыха, и центром решения общественных проблем. Тюрбан Халида был украшен стрелой, и это придавало ему щегольской вид, ибо большинство мусульман предпочитали одеваться просто и избегали каких бы то ни было излишеств.

'Умар находился в мечети и заметил Халида. В ярости он подошел к Халиду, вырвал стрелу из его тюрбана и разломил ее на две части. «Ты

¹²⁵ Балазури: с. 107.

¹²⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 482.

¹²⁷ Там же: т. 2, с. 503-504; Балазури: с. 107.

¹²⁸ Ат-Табари: т. 2, с. 502.

убил мусульманина и похитил его жену, — крикнул ему 'Умар. — Тебя следует забить камнями!»¹²⁹ Халид знал, что 'Умар пользуется большим влиянием на Абу Бакра, опасаясь, что халиф может придерживаться того же мнения, он молча удалился.

Затем Халид направился к Абу Бакру, который потребовал от него объяснений. Халид рассказал ему все, как было. Взвесив все, халиф решил, что Халид невиновен. Однако он пожурил своего полководца за то, что он женился на Лайле и тем самым сделал себя объектом критики; а поскольку нельзя было исключить ошибку и многие верили, что Малик был мусульманином, Абу Бакр приказал Халиду выплатить кровные деньги наследникам Малика.

Халид вышел из дома Абу Бакра. Его походка была легкой, и весь вид его излучал беззаботность, когда он вошел в мечеть, где сидел 'Умар, беседуя со своими друзьями. На этот раз Халид был более уверен в своем положении и мог позволить себе ответный комплимент. Он позвал 'Умара: «Подойди ко мне, о леворукий!» 'Умар догадался, что халиф оправдал Халида. Он поднялся и безмолвно ушел домой.

Судьба Малика и Лайлы много раз обсуждалась в истории мусульманства. Некоторые, опираясь на источники вроде Абу Катады, утверждали, что в доме Малика провозгласили азан и что Малик вновь стал мусульманином перед тем, как попал в плен. Другие утверждают, что Халид никогда не давал приказа о казни Малика; якобы погода стояла прохладная, и Халид сказал: «Обогрейте ваших пленников», что на некоторых диалектах слово «обогреть» также имеет значение «убить», поэтому Диар неправильно понял приказ Халида и убил Малика.

По всей вероятности, данные варианты истории не являются правдивыми. Они были предложены заинтересованными группировками: первый объяснял враждебность 'Умара по отношению к Халиду, второй — избавлял Халида от возможной виновности в убийстве Малика.

Сомнений в отступничестве Малика ибн Нувайры и его участии в мятеже нет. Об этом свидетельствуют раздача им собранных для уплаты налога денег, его договор с Саджой, а также участие его воинов по его приказу в бесчинствах Саджи. Все историки без исключения говорили об этом как о фактах. Автор этих строк также не сомневается в том, что Халид распорядился убить Малика и сделал это, руководствуясь искренним и глубоким убеждением в том, что Малик был отступником и предателем. Однако в умах некоторых арабов,

¹²⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 504.

особенно таких как 'Умар, зародились подозрения в том, что это было *crime de passion* (преступление по страсти (фр.). — *Прим. пер.*). 'Умар еще больше укрепился в своем мнении под влиянием брата Малика, который приехал навестить его и рассказал, каким замечательным человеком был Малик и какая трагедия в том, что он пал жертвой похоти Халида!

Как бы там ни было, Малик погиб, а прекрасная Лайла, обладательница изумительных глаз и прелестных ножек, стала женой Халида ибн ал-Валида. Ему суждено было очень дорого заплатить за эту радость!

Глава 16

БИТВА ПРИ ЙАМАМЕ

Когда в Зу Киссе Абу Бакр разбил мусульманское войско на 11 корпусов, он назначил командиром одного из них 'Икриму, сына Абу Джахла. 'Икриме было приказано идти вперед и найти войско Мусайлимы-Лжеца в Йамаме, но не вступать в бой с самозванцем. Абу Бакр лучше большинства своих полководцев знал, каковы сила и способности Мусайлимы, и не хотел рисковать, сражаясь с ним недостаточными силами. Поскольку Халид был его лучшим полководцем, халиф принял решение использовать его для борьбы с Мусайлимой после того, как тот покончит с другими врагами Ислама.

Поручая 'Икриме подобное задание, Абу Бакр намеревался связать силы Мусайлимы, не позволяя им покинуть Йамаму. Пока 'Икрима маячил на горизонте, Лжец был вынужден жить в ожидании атаки мусульман и поэтому не мог покинуть свою базу. Пока Мусайлима был занят этим ожиданием, Халиду надлежало спокойно, без вмешательства Йамамы, разобраться с отступническими племенами северо-центральной части Аравийского полуострова. Поручая это задание 'Икриме, Абу Бакр остановил свой выбор на отважном человеке. Более того, 'Икрима жаждал доказать свою преданность Исламу и искупить свою неистовую враждебность по отношению к Святому Пророку до того, как он принял новую веру.

'Икрима выступил в поход со своим корпусом и разбил лагерь где-то недалеко от Йамамы. Неизвестно, где именно находился его лагерь. С этой точки он вел наблюдение за войском бану ханифа, ожидая дальнейших распоряжений халифа; присутствие 'Икримы произвело

желаемый эффект на Мусайлиму, не позволяя ему покинуть Йамаму. Однако нам неизвестно, было у него такое намерение или нет.

Когда 'Икрима получил донесения о поражении, которое нанес Тулайхе Халид, он начал проявлять нетерпение и рваться в бой. Ожидание было мучительным для его пылкого темперамента. 'Икрима был бесстрашным человеком и властным полководцем, но ему не хватало холодной рассудительности и выдержки Халида, качества, которые отличают храброго полководца от опрометчивого.

Следующая полученная 'Икримой новость заключалась в том, что Шурахбиль ибн Хасана идет на соединение с ним. Абу Bakr также назначил Шурахбила командиром корпуса и приказал ему следовать за 'Икримой и ждать дальнейших указаний. Шурахбиль должен был соединиться с ним через несколько дней.

Затем пришло известие о том, что Халид разгромил войско Салмы, царственной повелительницы воинов. 'Икрима был не в состоянии ждать дольше. Почему вся слава должна достаться Халиду? Зачем дожидаться Шурахбила? Почему бы ему самому не разбить Мусайлиму? Если бы он смог одолеть Мусайлиму в одиночку, он покрыл бы себя такой славой и известностью, которые бы затмили достижения всех остальных. И какой бы это был замечательный сюрприз халифу! 'Икрима повел свой корпус в бой. Это случилось в конце октября 632 г. (в конце месяца раджаб, 11 г. хиджры).

Через несколько дней 'Икрима вернулся в свой лагерь, получив хорошую взбучку от Мусайлимы. Присмиревший и раскаивающийся, он написал Абу Bakru полный отчет о своих действиях, в том числе об их бесславном результате. Шурахбиль также услышал дурные новости и остановился на некотором расстоянии от лагеря 'Икримы.

Абу Bakr с болью и гневом принял известие об опрометчивом поступке 'Икримы, о том, что он нарушил данный ему приказ. Он не стал скрывать свой гнев, когда писал 'Икриме. «О сын матери 'Икримы! — так начиналось его послание. (Это был вежливый способ выразить сомнение по поводу того, кто является отцом человека!) — Не показывайся мне на глаза. Твоё возвращение при данных обстоятельствах лишь ослабит решимость народа. Иди со своим войском в Оман на подмогу Хузайфе. Когда Хузайфа выполнит свою задачу, ступай в Махру на помощь 'Арфадже, а затем ступай в Йемен на помощь Мухаджиру. Я не стану разговаривать с тобой до тех пор, пока ты в дальнейших испытаниях не докажешь, чего ты стоишь». Три вышеупомянутых лица были из числа командиров 11 корпусов.

Страдая от позора, навлеченного на него бесславным поражением, понесенным от Мусайлимы, и от резких слов халифа, 'Икрима со своим корпусом двинулся на Оман, обойдя стороной Йамаму.

Шурахбиль остался в окрестностях Йамамы. Для того чтобы он не повторил ошибки 'Икримы, Абу Бакр написал ему: «Оставайся на месте и жди новых распоряжений».

* * *

Приказав Халиду выплатить кровные деньги наследникам Малика ибн Нувайры, халиф послал за ним и поручил ему разбить войско Мусайлимы-Лжеца в Йамаме. Кроме его собственного большого корпуса, Халиду предстояло командовать корпусом Шурахбила. В Медине Абу Бакр собрал еще один отряд из ансаров и переселенцев, которому также вскоре предстояло отправиться в Бутах и присоединиться к силам Халида. Таким образом, Халиду предстояло возглавить основную армию мусульман.

Халид поехал в Бутах, где его дожидался его прежний корпус. Тем временем халиф написал Шурахбиль: «Когда к тебе присоединится Халид, ты перейдешь под его начало. Когда проблема с Йамамой будет разрешена, ты со своими людьми пойдешь на соединение с 'Амром ибн ал-'Асом и будешь действовать против хуза'а». ¹³⁰ Это было жившее у сирийской границы племя отступников, которое покарал, но не подчинил Усама.

Халид дождался в Бутахе прибытия из Медины ансаров и переселенцев, а затем пошел на Йамаму. Он радовался при мысли о том, что свежие силы Шурахбила также будут в его распоряжении. Он действительно взял их под свое командование, но воины оказались не такими уж и свежими. За несколько дней до прибытия Халида Шурахбиль поддался тому же искущению, что и 'Икрима: ища славы, он пошел в наступление и вступил в бой с Мусайлимой. Раскаиваясь в том, что произошло, Шурахбиль выразил Халиду свои сожаления, и тот сурово отчитал его.

Халид еще находился на некотором расстоянии от Йамамы, когда его разведчики донесли, что Мусайлима разбил лагерь на равнине 'Акраба', что на северном берегу Вади Ханифа, через который проходила дорога на Йамаму. Не желая подходить к врагу через долину, Халид свернул с дороги в нескольких милях западнее 'Акрабы, подошел с юга и появился на возвышенности, которая поднималась в

¹³⁰ Там же: с. 509.

миле южнее долины, напротив городка Джубайла.¹³¹ С этой возвышенности Халиду открывался вид на всю равнину Акраба, на передней границе которой раскинулся лагерь бану ханифа. Халид разбил свой лагерь на этой возвышенности. Его войско состояло из 13 000 человек.

Через несколько дней после выхода Халида из Бутаха шпионы Мусай-лимь сообщили ему о походе мусульман и о том, что речь идет об основной армии Ислама. Дорога из Бутаха на Йамаму проходила через Вади Ханифа, а на северном берегу этой долины, за Джубайлой, простиралась долина 'Акраба, обозначавшая внешние границы плодородного региона, тянувшегося от 'Акрабы до Йамамы и далее на юго-восток. Это была область ферм, плодовых садов и возделанных полей. Сама Йамама, если быть точным, была скорее областью, чем населенным пунктом, а ее столица находилась в Хиджре, который также обычно называли Йамамой. Этот стариный Хиджр находился на месте современного Эр-Рияда.¹³²

Мусайлима не хотел допускать, чтобы мусульмане разорили города и деревни его народа. Поэтому он вывел армию вперед, к Джубайле, что в 25 милях к северо-западу от Йамамы, и встал лагерем под Джубайлой, там, где начиналась долина Акраба. С этой позиции Мусайлима мог не только защищать плодородные равнины Йамамы, но и угрожать продвижению Халида, ибо если бы Халид совершил ошибку и пошел по Вади Ханифа, бану ханифа атаковали бы его левый фланг. И Халид не смог бы избежать сражения в этом месте и идти дальше на Йамаму, потому что в этом случае Мусайлима ударил бы ему в спину. (Принцип здесь был такой же, какой применил Святой Пророк при Ухуде.)

Мусайлима с рвавшимся в бой 40-тысячным войском был готов к сражению на равнине Акраба. Два успешных боя, проведенных ими с 'Икримой и Шурахбilem, отошедшими под ударами Мусайлимы, увеличили их уверенность в собственных силах и создали вокруг Лжеца ореол непобедимости. Теперь его воины были готовы пожертвовать жизнью, защищая своего вождя и его дело. И Мусайлима не сомневался, что накажет Халида так же, как наказал двух его предшественников.

¹³¹ Современная Джубайла — маленькая деревушка. Согласно местному преданию, в те времена она была крупным городом.

¹³² Деревня Йамама, находящаяся примерно в 50 милях юго-восточнее Эр-Рияда, рядом с ал-Харджен, не является той исторической Йамамой; это не та Йамама, за которую развернулось сражение.

* * *

За несколько дней до прибытия Халида Мусайлима лишился одного из своих наиболее способных командиров — вождя Муджа'a ибн Маары, о котором ранее упоминалось как об одном из важных участников посольства банду ханифа к Святому Пророку. Этот человек с 40 всадниками отправился в набег на соседний клан, с которым его разделяла старинная вражда. Возвращаясь из набега, группа заночевала на перевале Санийят ал-Йамама, в одном дне пути от Акрабы. Люди Муджа'a крепко спали; но это был их последний сон, ибо рано утром весь отряд был захвачен в плен одним из конных подразделений, двигавшихся впереди армии Халида. Отступников привели к Мечу Аллаха.

Халид спросил пленников, какой они веры. В кого они верят? В Мухаммада или Мусайлиму? Все они без исключения не пожелали покаяться. Некоторые попытались ответить Халиду уклончиво: «Пусть будет Пророк из вас и пророк из нас!»¹³³ Халид не собирался тратить время на пустые разговоры, он велел обезглавить всех кроме командира, Муджа'a, которого заковали в железо. Ведя с собой пленного полководца, мусульманская армия вышла к Акрабе и разбила лагерь, о чем было сказано выше. Теперь оба войска были готовы к сражению.

Сама долина Вади Ханифа обозначала фронт сражения. На северной стороне берег поднимался на высоту около 100 футов, местами плавно, местами уступами, а местами и отвесно. На южной стороне он поднимался более полого и продолжал подниматься, достигая высоты 200 футов в миле от долины там, где стоял лагерь Халида. На северном берегу также располагался город Джубайла, а от западной окраины города в долине тянулся водосток. Мусульманский фронт растянулся примерно на 3 мили вдоль южного берега, на северном берегу стояли отступники. Центр войска Мусайлимы находился у города и водостока. За отступниками тянулась равнина Акраба, и на этой равнине, примерно в 2 милях от долины, располагался обнесенный стеной обширный сад. В результате этой битвы он стал называться Садом Смерти.¹³⁴ (См. карту 9.)

На следующее утро войска построились к битве. Мусайлима разделил своих 40 000 воинов на центр, правый и левый фланги. Левым флангом командовал ренегат Раджжал, правым — Мухакким ибн Туфайл, а центром непосредственно руководил сам Лжец. Для того

¹³³ Ат-Табари: т. 2, с. 510.

¹³⁴ Точное местоположение Сада Смерти неизвестно. Я предположил, где он находился,

чтобы придать решительности бойцам, сын Мусайлимы, которого также звали Шурахбиль, выехал вперед перед всеми полками, призывая их сражаться отважно. «О бану ханифа! — призывал он. — Сражайтесь сегодня за свою честь. Если вы потерпите поражение, ваши жены станут рабынями и подвергнутся насилию врагов. Сражайтесь, защищая своих женщин!»

Мусайлима решил дождаться наступления Халида. Он собирался сначала вести оборонительное сражение, а затем, отбив атаку противника и выведя его из равновесия, перейти в наступление.

Мусульмане провели ночь в молитвах. Им предстояло сразиться с наиболее многочисленным и наиболее фанатичным противником из всех, с которыми они когда-либо сталкивались, и командовал врагами самый коварный и хитрый из людей. После молитвы перед восходом солнца Халид построил свои 13 000 воинов к бою на южном берегу и также разделил свою армию на центр и два фланга. Левым флангом командовал Абу Хузайфа, правым — Зайд (старший брат 'Умара), а центром командовал сам Халид. Для этого сражения Халид расставил своих воинов не по принципу племенной принадлежности, как это было принято ранее, но полками и флангами в соответствии с потребностями битвы, так что отряды разных племен перемешались между собой.

Халид, как всегда, планировал атаковать в самом начале сражения, заставить противника перейти к обороне и не давать ему передышки. Это позволило бы лишить Мусайлиму свободы маневра, и тому оставалось бы лишь беспомощно отбиваться от напора наступающих. Однако Халид не питал иллюзий относительно предстоявшего мусульманам испытания. Сражение обещало быть ожесточенным и кровопролитным, самым ожесточенным и кровопролитным из тех, в которых когда-либо доводилось участвовать войскам Ислама. Мятежники обладали троекратным численным преимуществом, ими командовал изобретательный и отважный полководец. Однако Халид был уверен в победе. Он верил в себя и в искусство и мужество своих офицеров и бойцов. Когда Халид совершал объезд войска, он с гордостью и удовлетворением смотрел на своих приверженцев. В его войске были знаменитые личности, а некоторым предстояло прославиться в грядущие годы. Среди его воинов были Зайд, брат 'Умара, и 'Абдаллах, сын 'Умара. Здесь был Абу Дуджана, который в битве при Ухуде своим телом прикрыл Святого Пророка от вражеских стрел. Здесь был сын халифа 'Абд ар-Рахман. Здесь был Му'авийя, сын Абу Суфьяна, которому предстояло стать первым халифом династии Омейядов. Здесь были Умм 'Умара, женщина, которая

сражалась рядом с Пророком при Ухуде, и ее сын. А еще здесь был Свирепый со своим безжалостным копьем.

Офицеры мусульманской армии расхаживали перед полками, цитируя аяты Корана. Они напоминали правоверным о том, что мученикам обещан рай, и о том, что трусов ждет геенна огненная.

Холодным ранним утром в третью неделю декабря 632 г. (в начале месяца шаввал, 11 г. хиджры) началась битва при Иамаме.

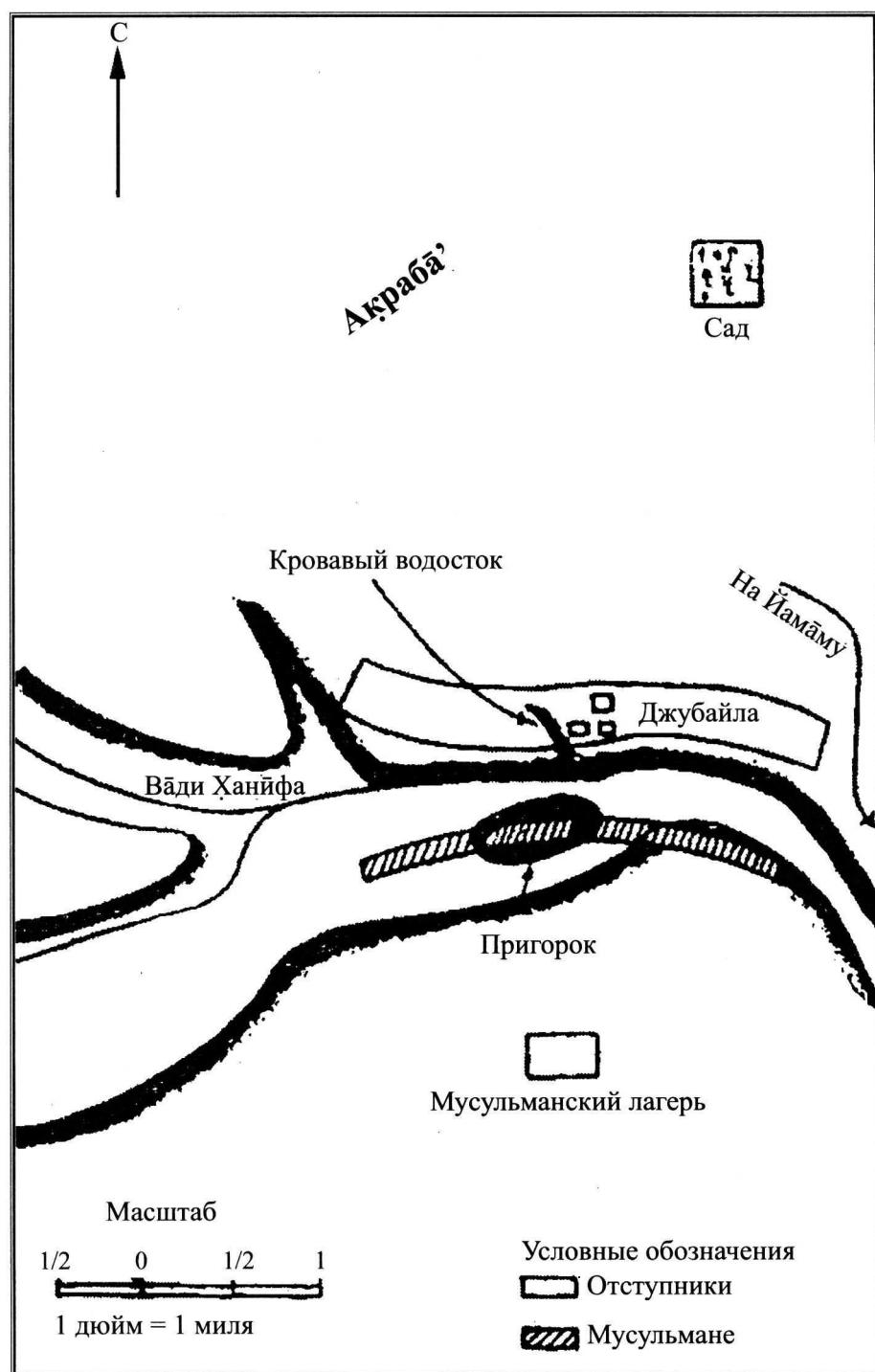
* * *

Халид приказал идти в общее наступление, и весь мусульманский фронт хлынул вперед с криками Аллаху Акбар. Халид руководил наступлением центра, а Абу Хузайфа и Зайд вели в наступление фланги. Две армии сошлись, и воздух задрожал от криков и воплей, когда могучие воины рубили и кололи друг друга мечами. Халид обрушивал меч на каждого, кто вставал на его пути. Лучшие из мусульманских воинов демонстрировали чудеса отваги, и Халид чувствовал, что его воины вскоре прорвутся через ряды армии. Однако армия неверных стояла твердо как скала. Многие пали во время натиска правоверных, но фронт неверных держался. Отступники сражались с фанатичным пылом, предпочитая умереть, но не отступить ни на один дюйм; и мусульмане с некоторым удивлением поняли, что им не удается продвинуться вперед. Через некоторое время в ходе жаркого боя стало ясно, что в рядах мусульман оказался слегка нарушен порядок в результате их стремления пробиться вперед и попыток прорвать фронт неверных. Однако это не вызывало тревоги. Пока мусульмане продолжали атаковать, а враг — обороняться, небольшое нарушение порядка в рядах не имело никакого значения.

Затем Мусайлима, поняв, что если он будет продолжать обороняться, шансы мусульман прорвать его оборону возрастут, приказал перейти в общее контрнаступление по всему фронту. Отступники хлынули вперед как могучая приливная волна, и теперь мусульмане, к своему ужасу, обнаружили, что их теснят назад. Сражение становилось еще более жестоким по мере того, как они старались остановить продвижение отступников, которые платили большой кровью за каждый ярд отвоеванной ими земли, однако, укрепленные верой в посулы Лжеца относительно того, что каждого погибшего ожидает рай, они упрямо рвались вперед. Теперь в рядах мусульман дало знать о себе отсутствие единства по причине того, что полки состояли из разноплеменных отрядов, которые еще не привыкли сражаться плечом к плечу друг с другом.

Постепенно начинало сказываться численное превосходство отступников. Сражаясь массивными, компактными отрядами против более жидких мусульманских рядов, они усиливали натиск. Мусульмане все время продолжали отступать. Затем темп отступления увеличился. Атаки отступников стали смелее. И отход мусульман превратился в хаотичное отступление. Некоторые полки развернулись и побежали с поля боя, другие вскоре последовали их примеру, вызвав массовый исход с поля боя. Офицеры были не в состоянии остановить отступление, их сметало лавиной отступавших воинов. Мусульманская армия прошла через свой лагерь и еще некоторое время продолжала отступать за него, прежде чем остановилась.

Когда мусульмане оставили равнину Акраба, отступники пустились преследовать их по горячим следам. Это был не заранее спланированный маневр, а инстинктивная реакция, подобная реакции мусульман

Карта 9. Битва при Йамаме

на бегство курайшитов в первой фазе битвы при Ухуде. И, подобно этим мусульманам, отступники прекратили преследование, добравшись до лагеря противника, и начали грабить его. И вновь, как при Ухуде, занявшихся грабежом, неприятель дал Халиду время подготовиться и нанести ответный удар. Однако об этом позже.

В мусульманском лагере стоял шатер Халида, и в этом шатре сидели его новая жена, Лайла, и пленный вождь Муджа'a, закованный в железо. Несколько неверных, распаленных успехом и возбужденных мыслями о предстоявшей грабительской оргии, ворвались в шатер Халида. Они увидели и узнали Муджа'a. Они увидели Лайлу и захотели убить ее, но вождь остановил их. «Она под моей защитой, — предупредил он их. — Воюйте с мужчинами!»¹³⁵ Спеша запустить свои руки в трофейное добро, неверные даже не стали тратить время на освобождение своего вождя.

В течение некоторого времени продолжалось стремительное, необузданное разграбление лагеря, и неверные старались унести все, что было возможно, и уничтожить все, что они не могли унести. Они разрубали шатры в клочья. Затем грабеж прекратился так же внезапно, как и начался. Отступники заторопились назад, в долину Акраба, поскольку на юге показалась мусульманская армия, построенная в идеальном порядке. Плотно сомкнутыми рядами она вновь шла в наступление.

* * *

Поразительно, но когда мусульмане остановились перевести дух и подумать о том, что произошло, в их сердцах не было страха. Была только злость на собственную разобщенность и отступление, ставшее ее последствием. И как же такое могло случиться? Как такое произошло? Ведь они нанесли врагу значительно большие потери, чем понесли сами.

Их мужество осталось непоколебленным, но вместе с тем они были расстроены. Их гнев, вызванный разочарованием, нашел выход во взаимных упреках: одно племя обвиняло другое, один клан — другой, горожане обвиняли жителей пустыни. Они возлагали друг на друга ответственность за поражение. «Мы лучше разбираемся в войне, чем вы», — заявляли горожане. «Нет, — отвечали арабы, жившие в пустыне, — это мы лучше разбираемся в ней». Послышались громкие требования: «Давайте разделимся на отряды по племенам. Тогда увидим, кто и как отстоит свою честь».¹³⁶

¹³⁵ Ат-Табари: т. 2, с. 511.

¹³⁶ Там же: т. 2, с. 513.

Халид понимал, что именно пошло не так. Фронт отступников не развалился под бешеным натиском мусульман, как это бывало ранее с другими фронтами. Более того, отступники воспользовались недостатком организации в рядах мусульман и перешли в контрнаступление. Мусульмане утратили равновесие и под натиском контратаки не смогли восстановить его. Дело было не в отсутствии храбрости.

Халид понял, что формирование полков из разноплеменных отрядов было ошибкой, ибо среди арабов все еще были очень сильны клановые чувства. Они служили дополнительной поддержкой мусульманскому рвению, личному мужеству и искусству, какими отличалась мусульманская армия. При троекратном превосходстве врага в живой силе и слепой, фанатичной решимости последователей Мусайлимы нехватка верности племени ослабила единство мусульманских полков. Халид исправил эту ошибку и перегруппировал свое войско. Он построил его так же, как и прежде, оставил прежних командиров, но воины теперь были организованы в отряды по кланам и племенам. Таким образом, теперь каждый сражался не только за Ислам, но и за честь своего клана. Между кланами возникло здоровое чувство соперничества.

Когда реорганизация была завершена, Халид и его старшие командиры прошлись по полкам. Они беседовали с людьми и укрепляли их решимость покарать Мусайлиму за то, что он навлек на них позор. Воины поклялись, что в случае необходимости они будут сражаться зубами.

Халид также отобрал горстку воинов и сформировал из них отряд своих телохранителей. Он намеревался показать своим людям пример, лично бросившись в гущу боя. Телохранители могли очень пригодиться. «Держитесь вплотную за моей спиной», — сказал он этим бойцам.

Таким образом, реорганизованные и выстроенные в четкие ряды, мусульмане вновь выдвинулись на равнину Акраба. Они вернулись, чтобы сражаться не как львы, но как голодные львы!

Между тем Мусайлима-Лжец расставил свое войско в прежнем порядке. Он ожидал второго удара Меча Аллаха, уверенный в том, что снова сумеет заставить мусульман отступить с поля боя.

* * *

По приказу Халида мусульманская армия вновь хлынула вперед с криками Аллаху Акбар и боевым кличем этой битвы: Йа Мухаммад!

Меньшая армия вновь вступила в бой с превосходящими ее по численности силами отступников. Фланги налетели на фланги, а центр — на центр. Командующий правым флангом мусульман, Зайд, сражался против Раджала, командовавшего левым флангом отступников. Желая спасти ренегата от геенны огненной, Зайд воскликнул: «О Раджжал! Ты отступил от истинной веры. Вернись в нее. Это было бы благороднее и добродетельнее».¹³⁷ Ренегат отказался от этого предложения, и в результате последовавшего за этим яростного поединка Зайд отправил Раджала в адское пламя.

Мусульмане неистово атаковали по всей линии фронта, и отступникам с трудом удавалось удерживать свои позиции, однако они держались. Их фронт не желал прорываться. Отступники погибали сотнями, начали нарастать и потери мусульман. При численном превосходстве отступников и превосходстве мусульман в боевом искусстве и мужестве силы обеих сторон в конце концов сравнялись. Части двух фронтов, сцепившиеся в смертельной схватке, подавались то вперед, то назад. Пыль клубами вздымалась от топота тысяч ног и тучей висела над головами сражающихся. Сломанные мечи и копья устилали долину и равнину, повсюду на пропитанной кровью земле лежали груды растерзанных и разрубленных тел. Самая чудовищная резня произошла у водостока, по которому человеческая кровь ручьем стекала в долину. В результате этот водосток стали называть Кровавым водостоком, Шу'айб ад-Дам, и он до сих пор известен под этим названием. Однако силы сражавшихся оставались равными, и не было никаких признаков решающего перелома в ходе сражения.

Тогда Халид понял, что при их фанатичной вере в своего лжепророка отступники не сдадутся. Было ясно, что только смерть Мусайлимы сможет подорвать боевой дух неверных. Она стала бы моральным ударом, который быстро обернулся бы их физическим поражением. Однако Мусайлима не участвовал в боевых действиях на переднем крае, как Халид. Его предстояло достать из-под надежной защиты рядов отступников, из-за щита, образованного его верными последователями.

Когда первый неистовый приступ боя исчерпал свои силы, воины остановились перевести дух. Наступило затишье. Затем Халид выступил вперед перед вражеским центром и бросил вызов на единоборство: «Я — сын ал-Валида! Желает ли кто-нибудь сразиться со мной один на один?» Несколько бойцов вышли вперед из рядов отступников, чтобы принять вызов Халида, и по очереди сразились с ним. Халид, наверное,

¹³⁷ Ат-Табари: т. 2, с. 511.

потратил около минуты, чтобы разделаться с каждым из них. После каждого поединка он цитировал сочиненные экспромтом стихи:

*Я — сын многих вождей.
Мой меч остр и ужасен.
Это самая могущественная вещь,
Когда неистово бурлит котел войны.*¹³⁸

Халид медленно, но верно приближался к Мусайлиме, убивая одного бойца за другим. В конце концов не осталось никого, кто рискнул бы сразиться с ним один на один. Однако к этому моменту он находился на достаточно близком расстоянии от Мусайлимы, чтобы можно было поговорить с ним, не переходя на крик. Однако Лжец был окружён своими охранниками, и Халид не мог пробиться к нему.

Халид предложил переговоры. Мусайлима согласился. Он осторожно выступил вперед и остановился на недостижаемом для оружия расстоянии от Халида. «Если мы придем к соглашению, какие бы условия ты принял?»¹ — спросил Халид.

Мусайлима склонил голову на бок, словно прислушивался к кому-то невидимому, кто стоял рядом и разговаривал с ним. Таким образом он получал свои «откровения»! Его вид напомнил Халиду слова Святого Пророка, который сказал, что Мусайлима никогда не бывает один, что он всегда слушается шайтана и что когда он слушает его, у него изо рта идет пена. Шайтан запретил Мусайлиме соглашаться на условия, и Лжец повернулся лицом к Халиду и отрицательно покачал головой.

Халид уже принял решение убить Мусайлиму. Переговоры были лишь предлогом для того, чтобы заставить его подойти поближе. Ему надо было действовать быстро, прежде чем Мусайлима успеет скрыться под защиту своих телохранителей. Халид задал еще один вопрос. И снова Мусайлима склонил голову набок, напряженно прислушиваясь к «голосу». В этот момент Халид набросился на него.

Халид был проворен. Но Мусайлима оказался проворнее. Он молниеносно развернулся и исчез!

Мусайлима вновь находился в безопасности под защитой своих телохранителей. Однако в момент его бегства что-то важное изменилось в настроениях армий, повергнув в уныние одну и взбодрив другую. Бегство их «пророка» и главнокомандующего от Халида в глазах отступников было позорным поступком, мусульмане торжествовали. Для того чтобы воспользоваться представившейся психологической возможностью, Халид приказал немедленно идти в новое наступление.

¹³⁸ Там же: т. 2, с. 513.

С криками Аллаху Акбар мусульмане вновь ринулись в атаку. Они сражались с новой энергией и задором: наконец вперед замаячила победа. Отступники начали отступать под ударами мусульманских мечей и кинжалов. Отступление становилось все более стремительным. Боевой дух мусульман креп, и они наступали с удвоенной энергией. Затем фронт неверных распался на части.

Мусайлима не мог ничего поделать. Его главный командир, Раджжал, погиб. Теперь спасать отступников взялся Мухакким, командир правого фланга. «О бану хашим! — крикнул он. — Сад! Сад! Заходите в сад, а я прикрою вас сзади!»

Однако отступники были разделены на части, и этому уже невозможно было помешать. Основная часть армии дрогнула и врассыпную обратилась в бегство. Только четвертая часть армии Мусайлимы была в состоянии продолжать сражение, и эта часть поспешила в обнесенный стеной сад, а Мухакким прикрывал ее отход с маленьким арьергардом. Этот арьергард вскоре был изрублен мусульманами, а Мухакким был сражен стрелой, посланной сыном халифа — 'Абд ар-Рахманом.

Теперь мусульмане гнали врагов, разбегающихся во все стороны по равнине Акраба, нанося удары направо и налево. Вскоре они оказались у окруженного стеной сада, где укрылись чуть более 7000 отступников, в том числе Мусайлима. Неверные заперли ворота и, глядя на высокую стену, которой был обнесен обширный сад, чувствовали себя в безопасности. Как же они ошибались!

Основная часть мусульманской армии собралась неподалеку от Сада Смерти. Время перевалило за полдень, и мусульманам очень хотелось успеть до темноты завершить дело, которое они начали с первыми проблесками зари. Однако не было никакой возможности пробраться внутрь сада. Стена, окружавшая его со всех сторон, служила непреодолимой преградой, а ворота были наглухо заперты изнутри. Осадного оборудования у них не было, как не было и времени на саму осаду.

Пока Халид мучительно искал выход из создавшегося положения, один пожилой воин по имени Бара'а ибн Малик, стоявший в группе перед воротами, сказал своим товарищам: «Перебросьте меня через стену, чтобы я оказался в саду». Товарищи отказались исполнить его просьбу, ибо Бара'а был уважаемым и высокочтимым сподвижником и они не хотели предпринимать ничего такого, что привело бы к его неминуемой гибели. Однако Бара'а настаивал на своем. Наконец его товарищи согласились на его просьбу и поставили его себе на плечи у самых ворот. Он дотянулся руками до края стены, подтянулся и

спрыгнул в сад. В течение минуты он убил двоих-троих неверных, которые оказались между ним и воротами, и прежде чем остальные успели помешать ему, он отодвинул тяжелый засов. Ворота распахнулись, и мусульмане наводнили сад, словно поток, прорвавший плотину. Битва при Йамаме вступила в свою последнюю и наиболее кровавую фазу.

Поначалу неверные сдерживали наступление мусульман, которые были ограничены узким горлышком ворот и не могли развернуться. Однако постепенно мусульмане прорубали себе дорогу через отступников, которые штабелями падали под ударами нападавших. По мере того как число мусульман в саду возрастало, отступники отступали.

Сражение приняло более ожесточенной характер. Поскольку места для маневров не было, противники вступили в массовую сечу. Постепенно ряды отступников редели, а горы их трупов росли. Однако Мусайлима продолжал сражаться: у него не было намерения сдаваться. Когда фронт приблизился к нему, он обнажил меч и вступил в бой, поразив мусульман силой и проворством. Хитрый полководец оказался также искусным и отважным бойцом. У него начала идти пена изо рта, ибо отчаяние превратило уродливого самозванца в страшного демона.

Но вот заключительная фаза сражения достигла своего апогея. Мусульманская армия теснила врага повсюду, и только усилиями Мусайлимы ему удавалось избежать полного поражения. Мусульмане резали, рубили и кололи с дикой яростью. Изувеченные и расчлененные тела устилали землю. Раненые нашли лютую смерть, затоптанные теми, кто не желал сдаваться. Побоище было ужасным, а покрывавшая землю пыль превратилась в красную грязь.

Многие отступники в отчаянии бросились к Мусайлиме. «Где обещанная тобой победа?» — спрашивали они. «Продолжайте сражаться, о бану ханифа! — неизменно отвечал им самозванец. — Сражайтесь до конца!»

Мусайлима знал, что Халид не пощадит его, что он обречен, и этот злобный гений решил, что его племя должно погибнуть вместе с ним. Его меч был обагрен кровью нескольких мусульман, а его телохранители, по-прежнему столь же фанатичные, сражались, окружив его живым кольцом. Затем на него упал соколиный взор Свирапого.

* * *

Свирапый был одним из «военных преступников», названных Святым Пророком накануне завоевания Мекки. Боясь худшего, он бежал

из Медины и обосновался в Та'ифе, где некоторое время прожил среди сакифитов. В 9 г. хиджры, когда сакифиты подчинились Пророку, он также принял Ислам и лично поехал принести присягу Пророку.

Пророк не видел его много лет и не был уверен, он ли это. «Ты — Сирепый?» — спросил он.

«Да, о Посланник Аллаха!»

«Расскажи мне, как ты убил Хамзу». ¹³⁹

Сирепый рассказал всю историю от начала до конца. Ему никогда не приходило в голову, что у этого эпизода была и этическая сторона, что он убил одного из благороднейших и отважнейших правоверных. Он рассказывал эту историю как гордый ветеран, потчуяющий слушателей историями своих героических подвигов. И убийство Хамзы, воина, которому не было равных, было, без сомнения, военным достижением. Как рассказчик, Сирепый превзошел самого себя.

Однако аплодисментов не последовало. На лице Пророка появилось выражение глубокой печали, когда он сказал: «Чтоб больше я тебя не видел». ¹⁴⁰ Какой-то внутренний голос предупредил Сирепого, что ему не стоит оставаться в Медине, где глубоко чтили память о Хамзе, и он немедленно уехал из города.

В течение последующих двух лет Сирепый жил в разных поселениях в окрестностях Та'ифа, стремясь не привлекать к себе внимания и сторонясь путешественников. Его мучили совесть и страх за свою жизнь. Он влакил жалкое существование. Затем началось отступничество. Сирепый остался верен своей новой вере и предпочел сражаться за Ислам против неверных. Теперь он служил под знаменем Меча Аллаха.

Увидев Мусайлиму, Сирепый плотнее сжал свое копье — то самое копье, которое унесло столько человеческих жизней. Лжец бился не на жизнь, а на смерть. Отражая атаки мусульман, которые старались добраться до него, он оказался не в кольце своих телохранителей, а за его пределами. Временами телохранители заслоняли его, но черный убийца ни на мгновение не спускал с него свой немигающий взор. Сирепый выбрал свою следующую жертву — того, чья смерть могла облегчить грызущую его сердце муку.

Со своей позиции на некотором расстоянии позади от мусульманского переднего края Сирепый украдкой пробрался вперед, чтобы оказаться на расстоянии полета копья от своей цели. Толпа божащихся, покрытых потом и кровью воинов вокруг

¹³⁹ Ибн Хишам: т. 2, с. 72.

¹⁴⁰ Там же.

Мусайлимы, казалось, перестала существовать для него. Все помыслы Свирапого были о его жертве.

Свирапый увидел, как Умм 'Амара, великая героиня Ухуда (хотя в данный момент ничто в ее облике и поведении не напоминало о том, что это женщина), пытается добраться до Мусайлимы. Она сражалась с неверным, стоявшим на ее пути. Внезапно этот неверный нанес удар и отсек ей руку. Ее сын, сражавшийся подле нее, свалил этого неверного одним смертельным ударом и помог матери покинуть поле боя. Она была подавлена тем, что не смогла добраться до Мусайлимы.

Свирапый подошел поближе. В его памяти возник образ благородного мученика Ухуда, Хамзы, убийство которого стало причиной всех его проблем. Он ясно представлял себе красивого, сильного, мужественного Хамзу. Свирапый с трудом отогнал от себя болезненное воспоминание и вновь вперился взором в Мусайлиму. Он был поражен контрастом между ним и Хамзой. Уродливое желтое лицо самозванца с плоским носом было искажено яростью и ненавистью, изо рта у него стекала пена, и все это вместе производило пугающее впечатление. Казалось, что на лице этого демонического человека отразилось все заключенное в нем зло.

Наметанным глазом Свирапый определил расстояние. Оно было именно таким, какое требовалось. Пока Свирапый готовился к броску и прицеливался, он заметил, что к Мусайлиме рвется с мечом Абу Дуджана (живой щит Пророка при Ухуде). Абу Дуджана прекрасно владел мечом и вот-вот должен был достигнуть своей цели. Издав утробный звук, Свирапый метнул свое копье.

Копье впилось Мусайлиме в живот. Лжепророк рухнул на землю с искаженным от боли лицом, вцепившись обеими руками в древко копья. В следующее мгновение на него обрушился Абу Дуджана. Одним точным ударом меча он отсек преступную голову Лжеца. Когда Абу Дуджана выпрямился, чтобы провозгласить радостную весть, на него обрушился меч одного из неверных. Один из отступников, глядя на Свирапого, крикнул: «Его убил черный раб!» Этот крик, подхваченный и мусульманами, и неверными, разнесся по всему саду: «Мусайлима мертв!»

Позднее Свирапый участвовал в Сирийском походе Халида. Когда Сирия вошла в Ислам и стала провинцией мусульманского государства, Свирапый обосновался в Эмессе и дожил до глубокой старости. Однако большую часть своей жизни он провел в алкогольном дурмане. За пьянство он даже получил 80 ударов плеткой от 'Умара (он стал первым мусульманином в Сирии, наказанным за

этот грех)¹⁴¹, но не смог отказаться от бутылки. 'Умар сдался, философски заметив: «Наверное, проклятие Аллаха остается на Свирепом за то, что он пролил кровь Хамзы».¹⁴²

Позднее, в Эмессе, Свирепый стал знаменитой личностью и местной достопримечательностью. Посетители приходили к нему домой, надеясь застать его трезвым и расспросить о Хамзе и Мусайлиме. Если он бывал трезвым, то подробно рассказывал им сначала о том, как убил Хамзу, а затем — о том, как убил Мусайлиму. В конце своего повествования Дикарь со свирепой гордостью потрясал своим копьем и говорил: «Этим самым копьем во дни моего неверия я убил лучшего из людей, а во дни моей веры — худшего из людей!»

Известие о гибели Мусайлимы способствовало скорому прекращению сопротивления со стороны отступников. Некоторые, охваченные желанием как можно дороже продать свою жизнь, пытались сражаться с еще большим ожесточением, но это лишь продлевало их агонию, но не спасало им жизнь. Большинство отступников прекратили сопротивление и в полном отчаянии ожидали, когда мусульманский меч положит конец их страданиям. Одним последним, нечеловеческим, усилием мусульмане налетели на подавленную, беспомощную толпу отступников и своими мечами обрушили на неверных кару Господню. Теперь это было уже не сражение, а настоящая бойня.

К закату в Саду Смерти вновь воцарились мир и тишина. Мусульмане слишком устали, чтобы заносить мечи. И не осталось никого, с кем надо было сражаться.

Мусульмане засыпали там, где их застала ночь, и сон спасал победителей от кошмаров сражения.

* * *

На следующее утро Халид обошел поле битвы. Повсюду он видел печальные следы сражения. Изувеченные, скрюченные тела в причудливых позах устилали долину, равнину Акраба и Сад Смерти. Местами ему приходилось идти по пропитанной кровью земле.

Все значительные вожди отступников в Йамаме были уничтожены, все, за исключением взятого в плен Муджа'a, который, по-прежнему

¹⁴¹ Ибн Кутайба: с. 330.

¹⁴² Ибн Хишам: т. 2, с. 73.

закованный в железо, плелся за своим победителем. Халид захватил его с собой, чтобы он помог опознать некоторых из убитых вождей, а также ощутил истинные масштабы поражения, понесенного бану ханифа.

Состояние мусульман также было ужасающим. Битва потребовала от них больших жертв, и теперь они были не в состоянии не только сражаться, но и хотя бы защищаться. Измученные и обессилевшие, мусульмане лежали там, где их застала ночь, давая отдых усталым конечностям. Однако у Халида были основания испытывать удовлетворенность исходом сражения: Мусайлима был мертв, а его войско было изрублено в клочья. Чувство радости согревало сердце Халида. Однако вскоре Муджа'a омрачил его.

«Да, ты одержал победу, — признал он. — Однако ты должен знать, что победил только малую часть бану ханифа — ту, которую успел собрать Мусайлима. Основные силы по-прежнему находятся в крепости Йамама».

Халид недоверчиво уставился на него. «Аллах да проклянет тебя! О чем таком ты говоришь?»

«Да, это правда, — продолжал Муджа'a. — Предлагаю тебе принять их мирную капитуляцию. Если ты изложишь свои условия, я пойду в крепость и попытаюсь убедить войско сложить оружие».

Халид быстро осознал, что не может позволить себе сражаться с еще более крупной армией, чем та, которую он только что разгромил, когда его люди измучены. «Хорошо, — сказал он. — Пусть будет мир».

Два вождя обсудили условия капитуляции. Мусульманам должны были достаться золото, мечи, доспехи и лошади, находившиеся в Йамаме, но в неволю должна была попасть только половина населения. Муджа'a расковали и, взяв с него слово, что он вернется назад, отпустили в укрепленный город. Некоторое время спустя он вернулся, печально качая головой. «Они не согласны. Они все хотят сражаться. Если хочешь, можешь идти в наступление хоть сейчас».

Халид решил лично взглянуть на город. Оставив основную часть своего усталого войска хоронить павших и собирать трофеи, он взял конный отряд и в сопровождении Муджа'a поехал к Йамаме. Подъехав к северной стене укрепленного города, он остановился в изумлении, ибо на городских стенах было полно воинов, оружие которых зловеще поблескивало на солнце. Как же ему справиться со свежим войском, сидящим в неприступной крепости? Его люди были не в состоянии сражаться; им не нужно было ничего кроме отдыха.

Тишину нарушил голос Муджа'a:

— Возможно, они согласятся сдать крепость, если никто из них не будет взят в рабство. Вы сможете получить золото, мечи, доспехи и коней.

— Они согласны на это? — спросил Халид.

— Я обсудил с ними этот вопрос, но они не сообщили мне своего решения.

Халид был готов пойти на такую уступку, но не более того. Он сурово посмотрел на Муджа'a. «Даю тебе три дня, — сказал он. — Если в указанный срок ворота не будут открыты, я пойду в наступление. И тогда уже не будет никаких условий».

Муджа'a вновь ушел в крепость. На этот раз он вернулся с улыбкой на лице. «Они согласны», — объявил он.

Был составлен соответствующий договор. От имени мусульман его подписал Халид, а от имени бану ханифа — Муджа'a ибн Марара.¹⁴³

После подписания договора Муджа'a вернулся в крепость, и вскоре после этого крепостные ворота открылись. Халид въехал в город в сопровождении своих всадников и Муджа'a, полагая, что увидит перед собой толпы вооруженных воинов, однако куда бы он ни посмотрел, повсюду стояли только женщины, старики и дети. В удивлении он обратился к Муджа'a: «Где те воины, которых я видел?»

Муджа'a указал на женщин. «Вот те воины, которых ты видел, — объяснил он. — Когда я пришел в крепость, я облачил этих женщин в доспехи, дал им оружие и заставил расхаживать по укреплениям. Здесь нет воинов!»

Разъяренный тем, что его провели, Халид набросился на Муджа'a: «Ты обманул меня, о Муджа'a!»

Муджа'a в ответ только пожал плечами. «Это мой народ. Я не мог поступить иначе».

Если бы не договор, Халид голыми руками разорвал бы Муджа'a на клочки. Однако договор был подписан, и следовало соблюдать его условия. Бану ханифа, те из них, кто находились в городе, были в безопасности. Вскоре они вышли за пределы своей крепости и стали свободно перемещаться в ее окрестностях.

День или два спустя пришло послание от халифа, который еще не знал об исходе сражения при Йамаме. В нем Халиду давалось указание истребить всех отступников из числа бану ханифа. Халид написал ответ, объясняя, что приказ халифа не может быть исполнен из-за заключенного им договора. Абу Бакр согласился с тем, что условия договора необходимо соблюдать.

¹⁴³ Древние историки несколько расходятся относительно конкретных условий, на которых был заключен мир, однако детали не имеют большого значения.

Однако договор относился только к тем, кто находился в крепости. Остальная часть обширного племени бану ханифа — десятки тысяч людей, живших в окрестностях Йамамы, — не подпадала под действие договора. Самой важной частью бану ханифа теперь были остатки войска Мусайлимы, бежавшие с равнины Акраба. Эти воины, общее число которых доходило до 20 000, передвигались в произвольных направлениях отдельными кланами и группами. После смерти Мусайлимы они не представляли большой опасности для Ислама, но, тем не менее, могли стать причиной больших неприятностей. Их следовало победить. По жестоким законам войны они могли подвергаться нападениям до тех пор, пока не признали бы себя полностью побежденными.

Халид был намерен уничтожить любые проявления сопротивления среди бану ханифа, чтобы в регионе воцарилось нерушимое спокойствие. Он дал двухдневную передышку своей армии, а затем разделил войско на несколько колонн и отправил их на покорение региона, лежавшего вокруг Йамамы, и захват в плен или казнь всех тех, кто будет оказывать сопротивление. Эти колонны устремились в сельскую местность.

Беглецов искали повсюду, где только они могли найти укрытие. Некоторые из них не раскаялись и не прекратили мятеж; на них нападали и уничтожали, а их женщин и детей брали в плен. Однако тысячи других признавали себя побежденными, и им сохраняли жизнь. В конце концов все, кто уцелел, вновь приняли Ислам.

Халид расположил свою ставку в окрестностях Йамамы, где ему суждено было провести около двух месяцев, прежде чем он получил очередное задание от халифа.

* * *

После успешного завершения битвы при Йамаме скверна отступничества была уничтожена на большей части Аравийского полуострова. Отступники все еще держались на окраинах полуострова, но не представляли собой серьезной опасности. Предстояли новые битвы, однако по сравнению с теми крупными сражениями, о которых шла речь в этой и предыдущих главах, они были незначительными.

Битва при Йамаме была самым ожесточенным и кровопролитным сражением за всю предшествующую историю Ислама. Никогда еще мусульмане не подвергались такому испытанию на прочность, и они с честью выдержали это испытание под руководством Меча Аллаха. Сокрушив имевших значительный численный перевес бану ханифа,

возглавляемых грозным Мусайлимой, мусульмане доказали, что они сделаны из стали. Пройдет полстолетия, и старики будут с живописными подробностями рассказывать своим внукам об этом сражении, с гордостью завершая повествование словами: «Я был при Йамаме!»

Понесенные потери были ошеломляющими. Отступники потеряли 21 000 человек убитыми — 7000 на равнине Акраба, 7000 в Саду Смерти, а еще 7000 — в период карательных операций, проведенных колоннами, разосланными Халидом прочесывать окрестности Йамамы.

По сравнению с потерями, понесенными отступниками, потери мусульман были невелики, но они были тяжелыми по сравнению с потерями, которые они несли в предыдущих сражениях. Смертью мучеников пали 1200 мусульман, причем большинство из них сложили голову в долине или рядом с этим местом.¹ Половина потерь пришлась на ансаров и переселенцев — ближайших и наиболее почитаемых сподвижников Пророка. Также говорят, что среди мучеников оказались 300 человек, знавших наизусть весь Коран. В этой битве пали некоторые из достойнейших мусульман — Абу Дуджана, Абу Хузайфа (командир левого фланга), Зайд (брать 'Умара и командир правого фланга). Если Зайд погиб, то сын 'Умара, 'Абдаллах, уцелел.

Когда 'Абдаллах вернулся в Медину, он навестил отца, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, но во взгляде 'Умара, устремленном на сына, не было теплоты. «Почему те не были убиты рядом с Зайдом? Зайд мертв, а ты жив! Впредь не желаю тебя видеть!»

«Отец, — взмолился этот отважный молодой человек, — мой дядя молился о том, чтобы стать мучеником, и Аллах даровал ему эту честь. Я тоже мечтал стать мучеником, но мне этого не было дано».²

Битва при Йамаме стала кульминацией кампании Абу Бакра против отступников. Она стала переломным моментом. Стратегия Абу Бакра, заключавшаяся в использовании Халида в качестве своей правой руки для того, чтобы по очереди уничтожить главных вождей отступников, сначала тех, кто находился поблизости, затем тех, кто находился подальше, обернулась замечательными успехами. С этого времени положение упростилось.

Прежде чем мы завершим повествование о битве при Йамаме, следует рассказать еще об одном эпизоде. Вечером того дня, когда были открыты крепостные ворота, Халид сидел рядом со своим шатром. Рядом с ним был Муджа'a. Они были наедине.

Внезапно Халид обратился к Муджа'a: «Я хочу жениться на твоей дочери!»

Муджа'а удивленно уставился на Халида. Возможно, он ослышался!

Халид еще более настойчивым тоном повторил: «Я хочу жениться на твоей дочери!»

Тогда Муджа'а понял, что Халид не бредит и знает, чего хочет. Однако с учетом ситуации сама мысль об этом казалась очень странной. «Умерь пыл, о Халид! — ответил он. — Не хочешь ли ты, чтобы халиф сломал тебе шею, да заодно и мне?»

«Я хочу жениться на твоей дочери», — повторил Халид. И в тот же вечер он женился на прекрасной дочери Муджа'а ибн Маары.

Через несколько дней Халид получил сердитое письмо от Абу Бакра. «О сын матери Халида! — писал халиф. — Ты находишь время жениться, когда в твоем дворе еще не просохла кровь 1200 мусульман!» Прочитав это послание, Халид буркнул: «Это, должно быть, происки леворукого!»

Однако он продолжал предаваться утехам с молодой женой. Похоже, он оставил прекрасную вдову Малика ибн Нувайры. Мы не знаем, какая судьба постигла эту женщину, ибо история умалчивает о дальнейшей судьбе красавицы Лайлы, обладательницы бесподобных очей и прелестных ножек.

Глава 17

РАЗГРОМ ОТСТУПНИЧЕСТВА

В течение пяти месяцев мусульмане провели ряд хорошо спланированных военных операций, в результате которых были уничтожены остатки отступничества в менее важных областях Аравийского полуострова.

'Амр ибн ал-Ас был отправлен со своим корпусом к сирийской границе, чтобы усмирить отступников в этом регионе. Наиболее значительными из племен, которые требовалось покарать, были хуз'a и вадй'a, последнее из которых представляло собой часть крупного племени калбов. Пока Халид сражался в центральной части Аравийского полуострова, 'Амр бил отступников на севере, однако достиг лишь ограниченных успехов. Ему не удалось добиться покорности этих племен.

После окончания битвы при Йамаме Шурахбиль ибн Хасана по приказу халифа пошел к 'Амру в качестве подкрепления, и эти два полководца действовали совместно, добиваясь покорности северных

племен. Большая часть отступников была сосредоточена в районе Табука и Даумат ал-Джандала, и именно там 'Амр и Шурахбиль нанесли свои наиболее сильные удары. Через несколько недель отступники были разгромлены, а их племена вновь приняли Ислам. В северной части Аравийского полуострова вновь воцарился мир.

* * *

Основным племенем, обитавшим в Омане, были аздиты. Вождем этого племени был Лакйт ибн Малик, более известный как Зу-т-Тадж, Увенчанный Короной. Эти арабы, подобно тем, об отступничестве которых далее пойдет речь в этой главе, приняли Ислам во времена Пророка и согласились жить, соблюдая требования, наложенные на них мусульманским государством.

Получив известие о смерти Святого Пророка, основная часть аздитов под предводительством Зу-т-Таджа подняла мятеж и отвергла Ислам. Нельзя с точностью утверждать, что этот человек объявил себя пророком. Согласно краткому замечанию Табари, он «утвержал то, что утверждают пророки», и это дает нам основание предполагать, что он, вероятно, также претендовал на статус пророка. Как бы там ни было, пока Абу Бакр боролся с угрозой, непосредственно нависшей над Мединой, Зу-т-Тадж провозгласил себя царем Омана и утвердился в качестве бесспорного правителя в Дабе, которую он сделал своей столицей. (См. карту 7.)

После того как Халид покинул Зу Киссу, отправившись на поиски Тулайхи, халиф отправил Хузайфа ибн Михсаи (командира одного из корпусов) на борьбу с оманскими отступниками. Хузайфа вторгся в провинцию Оман, но его сил не хватило для того, чтобы сразиться с Зу-т- Таджем, и он решил подождать, пока к нему не подойдет подкрепление. Хузайфа написал соответствующее письмо халифу, который, как уже отмечалось ранее, велел 'Икриме выступить из Йамамы на помощь Хузайфе. По его прибытии полководцы объединили свои силы и выступили на Дабу, чтобы разгромить Зу-т-Таджа.

Битва при Дабе состоялась в конце ноября 632 г. (в начале месяца рамадан, 11 г. хиджры). Сначала сражение развивалось не в пользу мусульман, однако в решающий момент на поле боя появился отряд местных мусульман, державшихся своей веры несмотря на Зу-т-Таджа и выступивших в поддержку своих единоверцев. Благодаря этому свежему подкреплению мусульмане сумели разбить войско неверных. Зу-т-Тадж был убит в ходе сражения.

Назначенный правителем Омана, Хузайфа приступил к восстановлению там закона и порядка. 'Икрима, на которого не были возложены обязанности по управлению регионом, с помощью своего корпуса подчинил окрестности Дабы и в ходе ряда мелких операций преуспел в ликвидации сопротивления тех из аздитов, кто продолжал бунтовать против власти Ислама. После этого аздиты вновь стали мирными, законопослушными мусульманами и перестали служить источником проблем для Медины.

* * *

Из Омана, следуя распоряжениям Абу Бакра, 'Икрима двинулся на Махру. Там местное население также было поражено бациллой отступничества, хотя и не в такой опасной форме, как в некоторых других областях. На самом деле с Махрой было поручено разобраться 'Арфадже ал-Барикой (командиру одного из корпусов), а 'Икриме было приказано помочь 'Арфадже, однако 'Арфаджа, пока не подошел, 'Икрима решил, что не станет дожидаться его, а самостоятельно справится с местными отступниками.

Войско местных мятежников, собравшееся в Джайруте, состояло из двух неравных частей. 'Икрима прибыл в Джайрут и разбил лагерь напротив неверных в начале января 632 г. (в середине месяца шаввал, 11 г. хиджры). Подготовившись к сражению с врагом, он предложил отступникам вернуться обратно в лоно Ислама. Из двух частей войска мятежников большая отвергла это предложение, но меньшая приняла его и перешла на сторону мусульман, после чего 'Икрима атаковал мятежников и разгромил их. Их полководец был убит, и 'Икриме достались богатые военные трофеи.

Восстановив Ислам в Махре, 'Икрима повел свой корпус в Абайан, где он дал своим людям отдохнуть, дожинаясь дальнейших распоряжений.

* * *

В Бахрейне против мятежников самостоятельно действовал корпус 'Ала' ибн ал-Хадрами. Абу Бакр отправил этого полководца на борьбу с отступниками в Бахрейне после битвы при Иамаме, предупредив, чтобы он не рассчитывал на помощь других мусульманских подразделений и действовал, полагаясь исключительно на собственные силы.

'Ала' прибыл в Бахрейн и обнаружил, что войско отступников сбралось и заняло позиции, прочно окопавшись в Хаджаре. (Это единственный случай использования окопов в ходе данных кампаний.)

'Ала' провел несколько атак, сражение продолжалось несколько дней, но безуспешно, так как ему не удалось преодолеть линию окопов. Всякий раз, когда части его войска удавалось преодолеть окопы, ее вынуждали отступить. 'Ала' начал ломать голову над тем, как сокрушить эти, казалось бы, неприступные позиции.

Однажды в сгущавшихся вечерних сумерках 'Ала' услышал дикие радостные вопли, доносившиеся со стороны вражеских позиций. Не понимая, в чем дело, он выслал вперед разведчиков. Вскоре разведчики вернулись и сообщили, что в стане врага идет попойка и все напились допьяна. 'Ала' немедленно приказал идти в ночное наступление. Идя в атаку, мусульмане не встретили на своем пути ни единого стражника и смогли застигнуть врага врасплох. Они накинулись на мятежников, и сотни их были убиты, не успев понять, что их пиру помешали! Еще сотни были убиты до того, как другие успели прийти в себя и спастись бегством.

На следующий день Ула, преследуя беглецов, прижал их к берегу, где они попытались дать отпор, но потерпели сокрушительное поражение. Большинство из них сдались победителям и вновь приняли Ислам.

Операция была завершена примерно в конце января 633 г. (на второй неделе месяца зу-л-ка'да, 11 г. хиджры).

* * *

Йемен был первой провинцией, которая восстала против власти Ислама, когда племя анситов взялось за оружие под предводительством своего вождя и лжепророка Асвада, Черного. Об истории Асвада мы уже говорили. Он был убит Фирузом ал-Фариси еще при жизни Святого Пророка, после чего Фируз был назначен правителем Саны.

Когда пришло известие о смерти Святого Пророка, народ Йемена вновь восстал, и на этот раз во главе бунта оказался человек по имени Кайс ибн 'Абд Йагус. Общей целью бунтовщиков было изгнание мусульман из Йемена, и они решили добиться ее, убив Фируза и других влиятельных мусульманских вождей, чтобы оставить мусульманскую общину без руководства. После этого оказалось бы легко изгнать мусульман.

Для осуществления своего предательского плана Кайс пригласил Фируза и других мусульманских чиновников к себе домой на переговоры. Некоторые мусульмане попались в эту ловушку и были без промедления убиты, однако в последний момент Фируз догадался о заговоре и о том, кто за ним стоит. Не имея в своем распоряжении

войска, которым он мог бы воспользоваться безотлагательно, Фируз решил спастись бегством. Он покинул Сану. Кайс узнал о его исчезновении и отправил за ним погоню, однако Фирузу удалось оторваться от преследователей и добраться до холмов, ставших ему надежным укрытием. Это случилось в июне или июле 632 г. (в месяц рабй' ал-аввал или рабй' ал-ахир, 11 г. хиджры).

В течение последующих 6 месяцев Фируз оставался в своем горном оплоте, куда за это время к нему стеклись тысячи мусульман, готовые пролить кровь за то, чтобы изгнать Кайса и восстановить в Йемене правление мусульман. Фируз создал из этих мусульман армию. Когда он почувствовал, что достаточно силен для того, чтобы померяться силами с Кайсом, он повел свою армию на Сану. Кайс поджидал его, и в середине января 633 г. (в конце месяца шаввал, 11 г. хиджры) они вступили в бой у самой Саны. Мусульмане одержали победу, и Кайс бежал в Абайан, туда, где впоследствии стоял, отдыхая после покорения Махры, Икрима.

В Абайане к Кайсе примкнули другие вожди отступников, однако они рассорились между собой. Видя, что у них нет никакой надежды продолжить сопротивление Медине, все они покорились мусульманам и были в дальнейшем помилованы халифом. Некоторые из этих вождей отступников, вернувшись в Ислам, в последующие годы отважно сражались в Ираке и Сирии.

* * *

Последним из крупных мятежей отступников было восстание могущественного племени кинда, жившего в регионах Наджрана, Хадрамаута и Восточного Йемена. События этого восстания развивались в основном по той же схеме, что и в других местах.

После смерти Пророка кинда начали проявлять своенравие, хотя и не стали немедленно поднимать восстание. Правителем Хадрамаута был Зийад ибн Лубайд, живший в Зафаре, столице Хадрамаута. Честный, богобоязненный мусульманин, он был неумолим при сборе налогов, что вызывало ненависть к нему в сердцах Кинда. Зийад противостоял любым их попыткам избежать уплаты налогов в полной мере.

В январе 633 г. (в месяц шаввал, 11 г. хиджры) недовольство кинда достигло своего апогея. Один из их мелких вождей отдал в качестве части своего налога довольно хорошего верблюда. Затем он передумал и попросил, чтобы ему вернули животное, но Зийад отверг его

просьбу. Тогда этот вождь велел нескольким из своих людей выкрасть верблюда.

За это Зийад отправил несколько воинов, чтобы поймать скотокрадов. Вскоре и верблюды, и преступники были пойманы и взяты под стражу. На следующее утро разгневанная толпа кинда потребовала освобождения своих арестованных товарищей. Зийад отказался освобождать воров, объявив, что их будут судить по мусульманским законам. Это взорвало ситуацию.

Большие группы кинда восстали и отступились от Ислама. Они не только отказались выплачивать налоги и жить по законам мусульман, но и взялись за оружие, чтобы противодействовать власти Медины. С этой же целью к ним примкнули некоторые другие недовольные; и вместе они разбивали военные лагеря и готовились к войне.

Один из таких лагерей мятежников находился в Эр-Рияде, неподалеку от Зафара. Зийад велел атаковать его ночью, и эта операция оказалась исключительно успешной. Некоторые отступники были убиты, некоторых взяли в плен, остальные бежали. Когда пленников вели к Зафару, они пошли мимо величайшего из вождей кинда, Аш'аса ибн Кайса, который еще не стал отступником. «О Аш'ас, — обратились к нему пленные, — мы из клана твоей матери». ¹ Чувство верности клану оказалось у Аш'аса сильнее уважения к центральной власти. Сопровождаемый многими воинами, он преградил путь колонне мусульман, освободил пленных и отправил мусульман домой с пустыми руками.

Это событие ознаменовало начало восстания Аш'аса. Кинда в огромных количествах стекались под его знамя и готовились к битве, однако силы обоих войск, отступнического и мусульманского, были совершенно равными, и ни одна из сторон не решалась начать серьезные военные действия. Зийад ожидал подкрепления, чтобы напасть на Аш'аса.

Подкрепление уже было на марше. Мухаджир ибн Абу Умайя, командир последнего корпуса, отправленного Абу Бакром, только что покорил отступников в Наджране и собирался идти в Йемен. Абу Бакр дал ему другое указание: вместо этого идти в Хадрамаут на подмогу Зийаду и разгромить отступников кинда. Аналогичные распоряжения были получены 'Икримой, который в это время находился в Абайане.

Войска Мухаджира и Зийада соединились в Зафаре и под командованием Мухаджира выступили против Аш'аса.

* * *

Аш'ас ибн Кайс был одним из наиболее выдающихся людей своего времени. Происходивший из аристократического семейства кинда, он был разносторонним человеком. Способный полководец, мудрый вождь, отважный воин и замечательный поэт, Аш'ас обладал пылким воображением и красноречием. Обаятельный и остроумный, он был самым колоритным из многих колоритных личностей, выдвинутых отступничеством. Однако у него был один крупный недостаток: вероломство! Историки отмечают, что его семья — единственная, из которой вышли четыре поколения нарушителей договоров подряд: Аш'ас, его отец, его сын и его внук.

Аш'ас жил, балансируя на грани добра и зла, веры и неверия, но никогда не переступал роковой черты. Балансируя на грани морали и веры, он был достаточно умен, чтобы не порывать с ними. И теперь, в конце января 633 г. (на второй неделе месяца зу-л-ка'да 11 г. хиджры), он схлестнулся в бою с армией мусульман.

Сражение было недолгим. Аш'ас был разгромлен, хотя и не наголову. Он быстро отвел свою армию с поля боя и отступил в крепость Нуджайр, где к нему присоединились другие мятежные кланы. Там Аш'ас готовился к осаде.

Сразу после этого сражения подошел корпус 'Икримы. Три мусульманских корпуса под общим командованием Мухаджира пошли в наступление на Нуджайр и осадили этот укрепленный город. В него можно было попасть по трем дорогам. Полководцы разместили свои войска на всех этих дорогах, полностью окружив и блокировав город. Подкрепление и продовольствие, шедшее к Аш'асу, либо захватывалось, либо отправлялось в обратный путь.

Осада продолжалась в течение нескольких дней. Осажденный гарнизон попытался провести несколько внезапных атак, но все они захлебнулись и завершились потерями. И тем не менее кинда упорствовали в своем намерении продолжать сражение.

К середине февраля 633 г. (в начале месяца зу-л-хиджа, 11 г. хиджры) Аш'ас осознал безнадежность своего положения. Добиться успеха было невозможно. Падение крепости было лишь делом времени, а после ее захвата мусульманами в ней начнется кровавая резня. Следующий поступок Аш'аса был типичен для этого человека: он решил продать свое племя, чтобы спасти свою жизнь!

Аш'ас послал весточку 'Икриме, предлагая вступить в переговоры. Аш'ас хорошо знал 'Икриму, ибо во дни неверия они были добрыми друзьями. В результате этого предложения были проведены переговоры, в которых одну сторону представляли 'Икрима и

Мухаджир, а другую — Аш'ас. Сопровождаемый несколькими воинами, Аш'ас тайно покинул крепость и отправился на эту встречу.

«Если вы сохраните жизнь 10 мужчинам и их семьям, я открою вам крепостные ворота», — предложил Аш'ас. Мусульмане приняли его предложение. «Напиши имена этих десятерых, — сказал Мухаджир, — и мы скрепим документ печатью».

Аш'ас со своими людьми отошел в сторону и начал писать имена. Он намеревался сначала написать имена девяти своих любимцев, а затем — свое собственное, но он не заметил, что один из его воинов наблюдал через его плечо, чьи имена он писал. Этот человек, которого звали Джахдам, не входил в число девяти любимцев. Когда Аш'ас вывел девятое имя, Джахдам обнажил свой кинжал. «Напиши мое имя, — прошипел он, — или я тебя убью». Надеясь на то, что в дальнейшем ему удастся придумать способ спасти себя, десятым в списке Аш'ас написал имя Джахдама. Список был закончен. Мухаджир скрепил его печатью.

Аш'ас и его воины вернулись в крепость. В установленное время он открыл одни из ворот, мусульмане ворвались в крепость и набросились на ни о чем не подозревавший гарнизон. Началась ужасная резня, продолжавшаяся до тех пор, пока все в крепости не сложили оружие. Аш'асу и группе мужчин с семьями сохранили жизнь.

Крепость Нуджайр пала. Когда Мухаджир просмотрел список, подготовленный Аш'асом, он заметил, что в нем нет имени самого Аш'аса. Он обрадовался. «О враг Аллаха! — сказал он Аш'асу. — Теперь у меня есть возможность покарать тебя».¹⁴⁴ Он собирался убить Аш'аса, но этому помешал 'Икрима, настоявший на отправке Аш'аса в Медину, где его участь должна была быть решена Абу Бакром. Поэтому Аш'аса заковали в железо.

В крепости мусульмане захватили множество пленных, которые были отправлены в Медину в качестве рабов, и среди них было немало красивых молодых женщин. Их вывели из крепости, и они прошли мимо Аш'аса, о предательстве которого теперь было известно всем. Медленно двигаясь мимо него, пленницы глядели на него с укоризной и кричали: «Предатель! Предатель!»¹⁴⁵ В довершение своих несчастий Аш'ас был отправлен в Медину с этой же группой пленных. Вероятно, для него это путешествие оказалось весьма неприятным!

Аш'ас хорошо знал Медину. Он бывал в городе в год Делегаций, когда кинда подчинились Святому Пророку и приняли Ислам. Во время того приезда он женился на Умм Фарве, сестре Абу Бакра, но,

¹⁴⁴ Ат-Табари: т. 2, с. 548.

¹⁴⁵ Там же.

покидая Медину, он оставил ее у Абу Бакра, обещая увезти с собой, когда приедет в следующий раз. Теперь настало время для этого следующего раза, только обстоятельства визита были совсем иными.

Халиф обвинил Аш'аса во всех мыслимых преступлениях против Ислама и государства. Он высказал все, что думал по поводу предательства своих, совершенного Аш'асом.

Красноречие помогло Аш'асу привлечь к себе внимание. На этот раз он превзошел самого себя. Он не только добился помилования, но и уговорил Абу Бакра вернуть ему жену! При этом он остался в Медине, не желая возвращаться к своему собственному племени. Позднее он отличился в сражениях в Сирии, а во времена 'Усмана был назначен правителем Азербайджана.

Однако Аш'ас так и не избавился от склонности к предательству. Многие, в том числе сам Абу Бакр, жалели о том, что его помиловали за отступничество. В самом деле, перед смертью Абу Бакр поведал своим друзьям о том, что вызывало у него сожаление: «Жаль, что я не обезглавил Аш'аса».¹⁴⁶

Специалисты по мусульманской истории могут припомнить, что жена имама Хасана, отравившая его по наущению халифа Му'авийи, заплатившего ей за это 100 000 дирхамов, была дочерью Аш'аса.¹⁴⁷

С поражением кинда в Нуджайре был положен конец последнему крупному проявлению отступничества. Ничто на Аравийском полуострове не угрожало Исламу. Нечестивый огонь, бушевавший по всей его территории, погас. В бурной истории Аравийского полуострова было еще много мятежей и гражданских войн, но больше никогда не было отступничества.

Военная кампания против отступников походила и была завершена в течение 11 г. хиджры. К 12 г. хиджры, наступившему 18 марта 633 г., Аравийский полуостров был объединен под центральной властью халифа Медины.¹⁴⁸

Данная кампания была величайшим политическим и военным триумфом Абу Бакра. Хотя этому халифу предстояло начать смелые действия, направленные на открытие для Ислама Ирака и Сирии, его главной заслугой перед Исламом стала именно военная кампания против отступников. А она была бы невозможна без Меча Аллаха.

¹⁴⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 619; Mac'уди: Мурудж. т. 2, с. 308; Балазури: с. 112.

¹⁴⁷ Ибн Кутайба: с. 212; Mac'уди: Мурудж. т. 3, с. 5. Эту цифру приводит Mac'уди. Некоторые историки называют сумму 150 ООО дирхамов.

¹⁴⁸ Пояснения по поводу возможных ошибок в хронологии военной кампании против отступников приводятся в примечании 3 приложения Б.

Часть III ОТКРЫТИЕ ИРАКА

Глава 18

СТОЛКНОВЕНИЕ С ПЕРСИЕЙ

Крепость Нуджайр, последний оплот отступников, пала под ударами мусульман примерно в середине февраля 633 г. Вскоре после этого Абу Бакр написал Халиду, все еще остававшемуся в Йамаме: «Ступай в Ирак. Начинай военные действия в районе 'Убаллы. Сражайся с персами и народом, живущим на их земле. Твоя цель — Хира».¹⁴⁹

Приказ был серьезным. Абу Бакр намеревался бросить вызов могущественнейшей империи того времени, перед которой мир трепетал на протяжении более чем тысячелетия.

* * *

Персидская империя была уникальным образованием во многих отношениях. Это была первая по-настоящему великая империя в истории человечества, во времена первых Ахеменидов простиравшаяся от Северной Греции на западе до Пенджаба на востоке. Она также была уникальна по времени, в течение которого она процветала, — с VI в. до н. э. по VII в. н. э., не считая краткого периода, в течение которого она была завоевана греками.¹⁵⁰ Ни одна другая империя в истории человечества не просуществовала столь долго во всем своем величии, как культурном, так и военном. Она знала периоды кризисов, однако после каждого кризиса она вновь возвращала себе прежние блеск и славу.

Последний золотой век Персия пережила в VI в. н. э., когда Ануширван Справедливый восстановил былое величие империи. Ануширван правил на протяжении 48 лет и был современником Юстиниана. Он отбил у римлян Сирию, у абиссинцев — Йемен, у тюрков и других диких степных племен — большую часть Центральной Азии. Великий император умер в 579 г., через 9 лет после рождения Пророка Мухаммада.

¹⁴⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 553-554.

¹⁵⁰ Парфяне, сбросившие с себя власть Селевкидов, не были персами, но при этом были иранцами. Таким образом, греческий период длился менее двух столетий, а конец ему был положен парфянами в середине II в. до н. э. Персидская династия Сасанидов пришла к власти в 220 г. н. э.

Как часто случается после смерти великого правителя, наследниками Ануширвана стали гораздо менее выдающиеся личности, и величие и процветание империи пошли на спад. Гражданская война и интриги подорвали мощь государства. Его ослабление достигло апогея при Шиরуе (Цироэсе), правнуке Ануширвана, который сначала заключил под стражу, а затем и убил собственного отца, Хусрау Парвиза. Не довольствуясь совершением этого чудовищного преступления, он принялся вершить еще большие зверства. Для того чтобы устраниТЬ всех возможных претендентов на престол, которые могли бросить вызов его власти, он приказал убить всех своих родственников мужского пола, за исключением сына, Ардашира. По оценкам историков, жертвами маниакальной жестокости Ширии пали от 15 до 18 членов семьи Ануширвана, включая детей и взрослых. Сам же Ширия умер всего через 7 месяцев после восшествия на престол.

Смерть Ширии сделала положение еще более скверным. Древние историки приводят разные данные по поводу того, в каком порядке приходили к власти преемники Ширии и сколько времени длились периоды их правления. Доподлинно известна и признана всеми лишь роль Йаздигерда, сына Шахрийара, которому каким-то образом удалось укрыться от убийц, подосланных Ширией, и стать последним из императоров-сасанидов. Этому злополучному молодому человеку было суждено стать свидетелем окончательного крушения империи Хусрау.

Между Ширией и Йаздигердом в течение 4-5 лет сменилось около восьми правителей, среди которых были и две женщины, Бурхан и Азармидухт, дочери Хусрау Парвиза. Первая из них, Бурхан, оказалась мудрой и добродетельной правительницей, но у нее не было силы, которая требовалась для предотвращения заката империи. Она была коронована во времена Святого Пророка, который, услышав о ее восшествии на престол, изрек знаменитые слова: «Государство никогда не добьется процветания, если его делами будет заправлять женщина!»¹⁵¹

Мы не станем вдаваться в описание всех тех стран, которые входили в состав Персидской империи, ограничимся Ираком. В те времена Ирак не был суверенным государством: его статус был гораздо менее значительным. Не был он и обычной провинцией: для этого он был слишком значительным. Ирак был территорией — одной из

¹⁵¹ Mac'уди: Танбих, с. 90; Ибн Кутайба, с. 666.

территорий, которыми владела Персидская империя, а его западную и южную части населяли арабы.

Арабы в Ираке были со времен Бухт Нассара, однако в те времена они не играли в нем никакой заметной роли. Лишь в начале христианской эры, когда из Йемена в Ирак переселились новые арабские племена, арабы обрели значимость и влияние. Одним из великих предводителей этих арабских переселенцев был Малик ибн Фахм, провозгласивший себя царем и ставший править западной частью Ирака. Через два поколения после него его престол перешел к 'Амру ибн 'Ади из племени лахм, основавшему династию Лахмидов, которую также иногда называют династией Мунзира. Цари этой династии на протяжении многих поколений оставались вассалами персидского императора.

Последним представителем дома Мунзира был Ну'ман ибн Мунзир, отказался повиноваться Хусрау Парвизу, за что и был предан смерти. Его казнь была изощренной: Мунзир был затоптан насмерть слоном! Это привело к восстанию арабов в Ираке, которое вскоре было подавлено императором, и это неудачное восстание положило конец правлению дома Мунзира.

Затем Хусрау назначил нового царя Ирака. Им стал Кубайса ибн Ийас из племени тайитов. В течение нескольких лет этот царь оставался вполне самостоятельным правителем. Затем он лишился большей части своей власти, и все управление страной перешло к персидским военачальникам и чиновникам. Кубайса оказался лишь номинальным правителем.

Культурная, богатая и изобильная страна Ирак была одной из драгоценных жемчужин Персидской империи. Для арабов из бесплодных аравийских пустынь он был драгоценным зеленым оазисом, страной, текущей млечом и медом. Две протекающие по Ираку великие реки, Тигр и Евфрат, были самыми крупными из известных в те времена рек между Индом на востоке и Нилом на западе. Однако в те времена русла этих рек были не такими, как сейчас, не было в Ираке и тех городов, которые существуют в наше время. Не было ни Куфы, ни Басры (они были основаны в 17 г. хиджры). Багдад был маленьким, но привлекавшим множество приезжих торговым городком на западном берегу Тигра. Бывшие тогда великими города Ктесифон и Хира теперь обратились в прах. Ктесифон был столицей — огромным городом и гордостью Персидской империи. Считающийся построенным Ардаширом ибн Бабаком (также известным как Ардашир Бабакан и Артаксеркс, основатель династии Сасанидов), он широко раскидывался на обоих берегах Тигра. Мусульмане называли его

Мада'ин, что буквально означает Города, ибо он состоял из нескольких слившихся воедино городов.¹⁵² Хайра была столицей арабской династии Лахмидов. Это был прекрасный, бурлящий жизнью город с множеством крепостей, расположенный на западном берегу Евфрата.² А еще была 'Убалла, крупнейший порт Персидской империи, куда заходили корабли из Индии, Китая и других приморских стран Востока. 'Убалла также была главным городом военного округа Дасть Майсан.¹⁵³

Известно, что Евфрат и Тигр не раз меняли свое русло со времен Вавилона. На приводимых в данной книге картах русла этих рек показаны такими, какими они были в начале мусульманской истории. В прошлом наиболее сильно от современного отличалось течение Тигра. В доисламскую эру он протекал по своему современному руслу, которое именуется Диджлат ал-'Авра' (Одноглазый Тигр), а потом изменил его и стал течь от Кута вниз, по Дуджайле (Малому Тигру) и Акзару, к области озер и болот, занимающих территорию около 100 квадратных миль к северо-западу от 'Убаллы. Старое русло реки пересохло и покрылось песком. В прошлом болота тянулись на север намного дальше, чем в наши дни (территория болот на карте 10 указывается приблизительно), и по этому региону Тигр нес свои воды к слиянию с Одноглазым Тигром в районе Мазара (современного Азайра), откуда он направлялся к югу и юго-востоку, впадая в Персидский залив.¹⁵⁴ Однако в XVI в. Тигр вновь изменил свое течение и вернулся в прежнее русло, то, которое на всех современных картах обозначается как река Тигр. Оно, однако, не является самым крупным притоком Тигра, ибо его превосходит по размерам Гарраф, начинающийся у Кута и впадающий в Евфрат в Насирийе. Дуджайла, которая в раннеисламский период была основным рукавом, теперь представляет собой небольшую речку, третий по величине приток Тигра, уступающий Гаррафу и Одноглазому Тигру.

Евфрат четко доходил до современной Хиндиийи, где, как и в настоящее время, разделялся на два рукава, каждый из которых, и рукав Хилла, и основной Евфрат, представлял собой крупную реку. Основной (западный) рукав разделялся еще раз, на один крупный и несколько мелких протоков, которые на протяжении столетий неоднократно меняли свои русла, хотя и не так резко, как Тигр. Два основных рукава вновьсливались у Самавы, откуда Евфрат тек по

¹⁵² По некоторым данным, Ктесифон существовал до Ардашира и использовался парфянами в качестве зимнего убежища.

¹⁵³ 'Убалла находилась там, где в настоящее время расположен район Басры, называемый 'Ашар.

¹⁵⁴ Ибн Руста: с. 94—95. В настоящее время в Мазаре (Азайре) в Тигр с запада впадает только одна маленькая речка, которая слишком мала, чтобы создать русло старого Тигра. Вероятно, старое русло занесло илом, и оно стало невидимым.

направлению к области озер и болот. Если часть воды терялась в болотах, одно явное русло, обозначаемое на современных картах как Евфрат, сохранило свою несомненную идентичность, протекая в восточном направлении на слияние с Тигром в Курне. Болота были осушены крупной рекой, именуемой Макйл, которая впадала в Тигр немного севернее Басры, и от места их слияния вся вода направлялась в Персидский залив в виде единой реки, которая в настоящее время называется Шатт ал-'Араб. (См. карту 10.)

Многое изменилось в изгибах и поворотах русел этих рек. Я не отразил эти подробности на картах, так как нет никакой возможности узнать, как они выглядели в те времена. Поэтому на наших картах указываются только основные рукава этих рек, без учета всех их поворотов и изгибов, которые, безусловно, существовали.

Таково было политическое и географическое положение Ирака во времена, когда халиф отправил Халида на распространение там Ислама. Это была страна, населенная персами и арабами и управляемая персидским двором. Империя начала клониться к политическому закату, но было бы ошибкой полагать, что при этом ослабела и ее военная мощь. Империя может сохранять свою военную мощь на высоком уровне на протяжении десятилетий после начала ее политического распада. И именно так обстояло дело с персами в 633 г.

Персидская армия, включая вспомогательные арабские подразделения, представляла собой наиболее грозную и эффективную военную машину того времени. Предводительствуемая опытными и знающими свое дело ветеранами, она представляла собой гордую, хорошо организованную, испытанную силу, опиравшуюся на свою былую славу и нынешнее могущество. Персидский воин был в те времена самым хорошо вооруженным воином. Он был облачен в кольчугу или латы, его голову защищал шлем, либо кольчужный, либо из кованого металла, его руки были закрыты металлическими щитками, а ноги — поножами (видом доспехов, защищавших переднюю часть ног). Он был вооружен пикой и метательным копьем, а также железным топором или железной булавой (последняя представляла собой излюбленное и грозное персидское оружие). Он также имел при себе один или два лука с 30 стрелами и пару запасных тетив, которые свисали с его шлема.¹⁵⁵ Вот какими основательными были доспехи и вооружение персидского воина. Но, и это было неизбежно, ему не хватало подвижности. Вообще, в сражениях ему не было равных, и так

¹⁵⁵ Динавари: с. 73.

было до тех пор, пока не появилась легко вооруженная и стремительно передвигавшаяся конница Халида.

* * *

Все началось с Мусанны ибн Харисы. Не человек, а тигр, позднее скончавшийся от ран, полученных в сражении с персами, Мусанна был вождем племени бану бакр, жившего в северо-восточной части Аравийского полуострова и южнее Ирака. Невозможно с точностью сказать, стал ли Мусанна мусульманином при жизни Пророка. Возможно, стал, потому что депутация племени бану бакр ездила в Медину в год Делегаций и приняла Ислам из рук Пророка. Однако достоверных сведений об обращении Мусанны у нас нет.

Вскоре после битвы при Йамаме Мусанна обратил свои взоры в сторону Ирака. Ища приключений и поживы, вдохновляемый отсутствием порядка, явно сказывавшимся на политической ситуации, в которой оказалась Персидская империя, Мусанна собрал отряд последователей и начал совершать набеги на Ирак. Сначала он делал набеги по периферии пустыни, чтобы иметь возможность быстро укрыться среди песчаных просторов, но со временем его действия стали более смелыми. Он менял объекты нападений, нанося удары то на востоке, то на западе. Впрочем, большинство из его набегов совершалось на район 'Убаллы, и из этих набегов он возвращался с такими трофеями, которые и не снились голодным арабам пустыни. Персидские гарнизоны были бессильны против разбойников Мусанны, действовавших словно призраки и сразу исчезавших после налета.

Вдохновленный собственными успехами, Мусанна обратился к Абу Бакру. Это случилось в начале февраля 633 г. (в конце месяца зу-л-ка'да, 11 г. хиджры). Он нарисовал ослепительную картину: непрочное положение Ирака, богатства, которые только и ждали, чтобы их разграбили, длительный политический кризис, поразивший персидский двор, неспособность персидских гарнизонов сражаться с мобильными, стремительно передвигающимися отрядами. «Назначь меня начальником моих людей, — сказал Мусанна. — И я буду совершать набеги на персов. Тем самым я огражу от них нашу территорию».¹⁵⁶

Халиф согласился и дал ему верительную грамоту, назначая его начальником над всеми мусульманами из племени бану бакр. С этой верительной грамотой Мусанна вернулся в северо-восточную Аравию.

¹⁵⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 552.

Там он обратил в Ислам новых соплеменников, сколотил небольшое войско численностью 2000 человек и возобновил набеги с еще большим энтузиазмом, чиня при этом еще большее насилие.

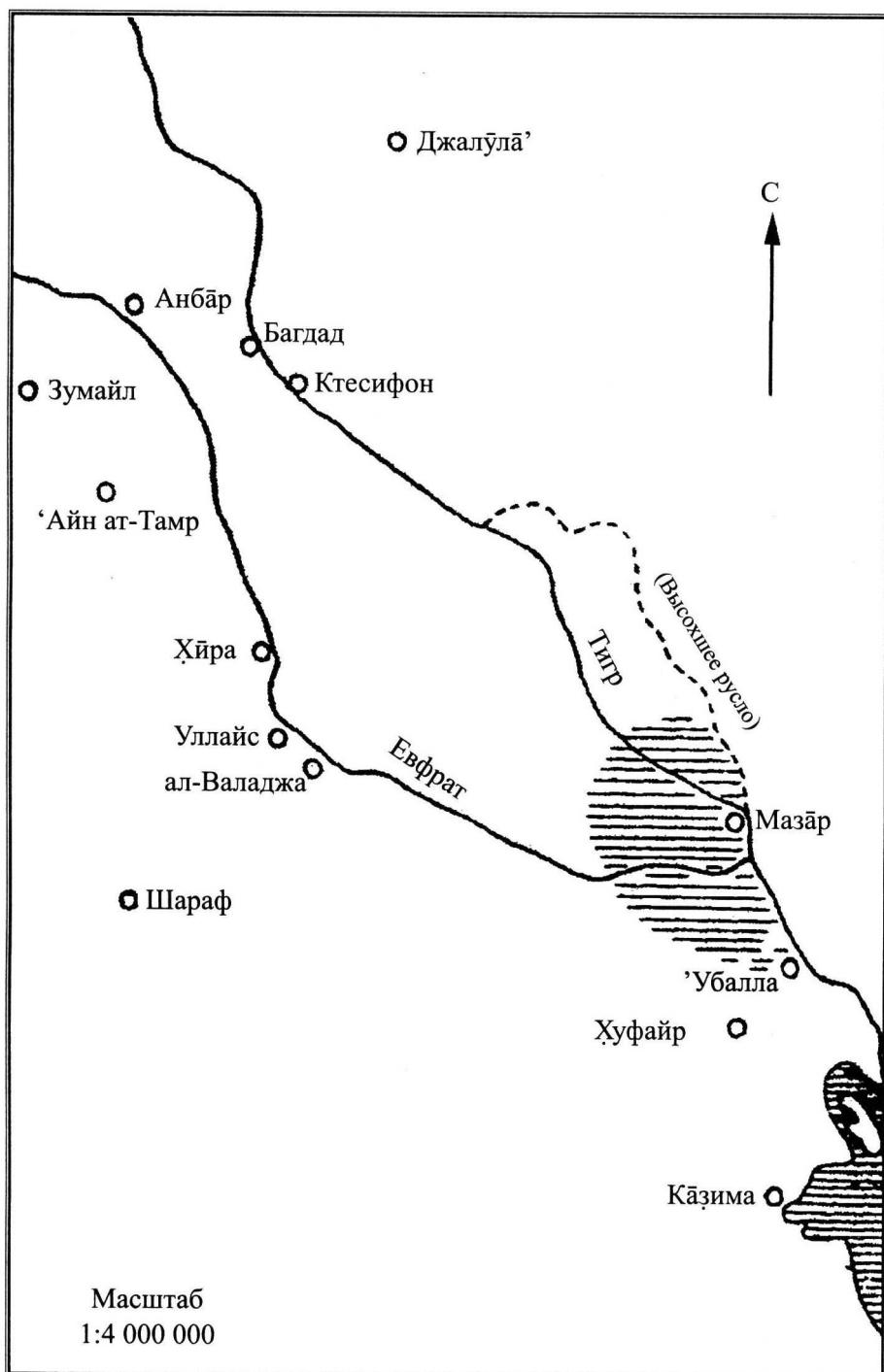
Мусанна покинул Медину, но его слова продолжали звучать в ушах халифа. Он посеял семена в мыслях Абу Бакра, и через несколько дней они созрели в решение открыть для Ислама Ирак. Он не собирался воевать со всей Персидской империей, поскольку при существовавших обстоятельствах такая цель была бы малодостижимой. Он желал подчинить мусульманам лишь арабский Ирак, то есть область, расположенную к западу от Тигра. Тем самым он раздвинул бы границы Ислама, способствуя распространению новой веры. Дома царил мир, потому что с поражением Кинда в крепости Нуджайр в Аравийской земле вновь утвердился Ислам.

Ислам — религия, несущая мир, но этот мир заключается не в рабости и подчинении врагам. Он верит в мир, но в мир справедливых и сильных. «Сражайтесь на путях Аллаха, — сказано в Коране, — с теми, кто сражается с вами, но не переступайте» (2: 190). И поэтому Абу Бакр начал войну против огнепоклонников-персов.

Абу Бакр решил открыть для Ислама Ирак; однако он должен был действовать крайне осторожно, ибо арабы боялись персов глубоко укоренившимся, необъяснимым страхом, засевшим в подсознании племен как расовый комплекс и явившимся результатом многовековых могущества и славы персов. В свою очередь, персы относились к арабам с презрением. Важно было не потерпеть поражения, ибо оно укрепило бы и упрочило бы этот инстинктивный страх. Для того чтобы обеспечить себе победу, Абу Бакр принял два решения: а) армия мусульман будет состоять исключительно из добровольцев; б) командовать армией будет Халид.

Придя к таким решениям, Абу Бакр отправил Халиду приказ о походе в Ирак и войне с персами. Далее он приказал Халиду призвать к оружию тех, кто ранее сражался с отступниками и не поколебался в своей вере после смерти Посланника Аллаха, и не брать в поход тех, кто прежде совершил отступничество. Наконец он приказал (имея в виду воинов): «Пусть те, которые желают, вернутся домой».

Когда Халид объявил своим войскам о том, что халиф позволил им вернуться домой, если таково их желание, он был потрясен тем, что тысячи его воинов покинули армию и вернулись в Медину и другие

Карта 10. Открытие Ирака

населенные пункты, откуда они пришли. Если в битве при Йамаме под его началом было 13 000 воинов, то теперь у него осталось всего 2000 человек. Халид срочно написал халифу, сообщая ему о столь тревожном положении дел и прося у него подкрепления. Когда его послание дошло до Абу Бакра, тот сидел в обществе друзей и советников. Он прочел письмо вслух, чтобы все присутствовавшие узнали его содержание. Затем Абу Бакр послал за молодым мусульманином Ка'ка' ибн 'Амром, известным своим религиозным рвением.

Молодой человек предстал перед халифом во всеоружии и готовым к дальней дороге. Халиф приказал ему ехать в Йамаму в качестве подкрепления для армии Халида. Сподвижники в изумлении уставились на халифа: «Неужто ты намерен послать всего одного человека на подкрепление тому, кто остался без войска?» — спросили они.¹⁵⁷

Абу Бакр мельком взглянул на Ка'ка'. Затем он сказал: «Любая армия будет непобедима, если в ее рядах будут такие воины».¹⁵⁸ И Ка'ка' ибн 'Амр уехал, чтобы стать подкреплением для армии Халида!

Однако это не было единственным действием халифа, направленным на приданье Халиду войска. Он также написал Мусанне и Маз'уру ибн 'Ади (влиятельному вождю в северо-восточной части Аравийского полуострова), веля им собрать воинов и вместе с ними поступить в распоряжение Халида для открытия Ирака.

Дав распоряжения, Абу Бакр успокоился и расслабился. Он дал Халиду ответственное поручение — войти в Ирак и сражаться с персами; он наметил место, с которого должна была начаться эта военная кампания, — район 'Убаллы, он поставил перед Халидом цель, которой была Хира, а еще он придал Халиду те силы, которые сумел собрать. Теперь дело было за Халидом. И Халид, которому к этому времени исполнилось сорок восемь лет, приступил к походу в Ирак.¹⁵⁹

¹⁵⁷ Ат-Табари: т. 2, с. 553-554.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Существует две основные версии иракской компании: первая приводится Исхаком и Вакиди, вторая — Сайфом ибн 'Умаром. Табари отдает предпочтение последней, и именно она используется в данной книге для описания вторжения Халида в Ирак. В этой версии также существует два варианта плана вторжения, предложенного Абу Бакром. См. подробнее примечание 4, приложение Б.

Глава 19

БИТВА ЦЕПЕЙ

Получив приказы халифа, Халид немедленно начал собирать новое войско. Его всадники поскакали во все уголки области Йамамы, Центральной и Северной Аравии, призывая к оружию храбрецов, готовых идти на открытие Ирака. И храбрецы стекались к нему тысячами, причем многие из них были его товарищами по оружию в сражениях с отступниками, которые, побывав дома, приняли решение вернуться под его знамя, чтобы пуститься в новое приключение и стяжать себе новую славу. Теперь имя Халида стало магнитом, притягивавшим к себе воинов. Сражаться под началом Халида означало не только одерживать победы на пути Аллаха, но и получать военные трофеи... воистину, все самое лучшее в обоих мирах! За несколько недель в распоряжении Халида оказалось войско из 10 000 человек, готовых пойти за ним.

В северо-восточной части Аравийского полуострова было четыре влиятельных мусульманских предводителя, имевших множество последователей: Мусанна ибн Хариса, Мазур ибн 'Ади, Хармала и Сулма. Первых двух мы уже упоминали в предыдущей главе. Халиф написал им, веля собрать воинов и действовать под командованием Халида. Затем Халид написал всем четвертым, уведомляя их о том, что он назначен командующим армии мусульман, а также о других поручениях, полученных им от халифа. Он приказывал им присоединиться к нему со своими воинами в районе 'Убаллы. Считается, что Мусанна, находившийся в это время в Хаффане (местечке в 20 милях к югу от Хира)¹⁶⁰, был недоволен этим распоряжением. Он надеялся, что халиф даст ему большую личную власть в Ираке, которую он всяко заслуживал, однако Мусанна подчинился приказу и явился со своими воинами к Халиду. Ему предстояло стать лучшим из подчиненных Халиду командиров.

Каждый из предводителей привел по 2000 воинов. Таким образом, Халид вторгся в Ирак с 18-тысячным войском¹⁶¹ — самой крупной армией из тех, которые удавалось собрать мусульманам ранее.

Халид выступил из Йамамы примерно в третью неделю марта 633 г. (в начале месяца мухаррам, 12 г. хиджры). Однако перед этим он

¹⁶⁰ Музиль указывает, что Хаффан находился в 20 километрах юго-восточнее Кадисийи. Он располагался на месте современного Каввама или рядом с ним (этот пункт находится в 6 милях к западу от Шинафийи).

¹⁶¹ Ат-Табари: т. 2, с. 554.

написал Хормузу, персидскому правителю приграничной области Дасть Майсан:

«Примите Ислам, и пребудете в здравии. Или согласитесь платить джизью, тогда вы и ваши люди будут под нашей защитой; в противном случае пеняйте на себя, ибо я веду за собой людей, которые жаждут смерти так страстно, как вы жаждете жизни».¹⁶²

Хормуз прочел это послание с гневом, к которому примешивалось презрение, и сообщил персидскому императору Ардаширу об угрозе Халида. Он решил проучить этих неотесанных арабов, чтобы они навсегда запомнили его урок.

Выходя из Йамамы, Халид разделил свое войско на три группы. Он сделал это для того, чтобы не утомлять своих воинов и не терять время из-за того, что в одной маршевой колонне идет слишком много людей. Каждая группа выступала в поход с интервалом один день. Таким образом, одну группу отделял от другой один день перехода. Этого было вполне достаточно для того, чтобы облегчить передвижение войска, и в то же время позволяло быстро сконцентрировать силы, если понадобится вступить в бой. Сам Халид выступил с третьей колонной на третий день. Вся армия должна была собраться вместе у Хуфайра¹⁶³: перед выходом из Йамамы он пообещал своим воинам великое сражение с Хормузом.

* * *

Хормуз был военачальником Дасть Майсана. Опытный воин и доверенный слуга императора, Хормуз стал правителем и защитником этой области, имевшей важное политическое и экономическое значение. Это был приграничный район, и в последнее время он сильно страдал от разбойничих набегов арабов Мусанны. Район также славился сельским хозяйством и торговлей. Его главный город, 'Убалла, был главным портом Персидской империи и поэтому был так важен для торговли, которую она вела. 'Убалла также стояла на перекрестке многих дорог — из Бахрейна, Аравии, Западного и Центрального Ирака, из самой Персии, что придавало ей решающее стратегическое значение. Это были те ворота, которыми Хормуз должен был управлять в качестве правителя и защищать в качестве полководца.

Персидское общество того времени имело имперский и аристократический характер. Как неизбежно для подобных сообществ, оно располагало сложной системой рангов, определявших социальное и офи-

¹⁶² Там же: т. 2, С. 554.

¹⁶³ Там же: т. 2, С. 555.

циальное положение человека при дворе. Внешним символом ранга был головной убор: по мере того как ранг человека повышался, его головной убор становился все более дорогим. Обладатель самого высокого ранга, выше которого был только сам император, носил головной убор стоимостью 100 000 дирхамов, унизанный бриллиантами, жемчугом и другими драгоценными камнями. Хормуз был обладателем именно такого головного убора!¹⁶⁴

Хормуз был гордым и надменным человеком, который с нескрываемым презрением относился к местным арабам. Он был суров и деспотичен в своем обращении с арабами, которые, в свою очередь, ненавидели и боялись его. В самом деле, его тяжелая рука породила арабскую поговорку: ненавистнее, чем Хормуз.

Вскоре после получения письма Халида, которое прибыло из Йамамы, Хормуз уведомил императора о готовящемся Халидом нападении на Ирак и выразил намерение проучить этого дерзкого высокочку! Он собрал войско и выступил из 'Убаллы, послав впереди себя кавалерийский заслон.

Прямой путь из Йамамы в 'Убаллу проходил через Казиму (на территории современного Кувейта), и именно туда направился Хормуз, полагая, что Халид пойдет по этой дороге. (См. карту 11.) По прибытии в Казиму Хормуз расставил свое войско лицом к юго-западу, разделив его на центр и два фланга, и приказал, чтобы людей сковали вместе цепями.

Приняв эти меры, он ожидал подхода Халида. Однако никаких признаков приближения Халида не было. А на следующее утро лазутчики сообщили, что Халид идет не на Казиму, а на Хуфайр.

* * *

Еще до выступления из Йамамы Халид выработал общую концепцию того, каким образом он будет действовать против армии Хормуза. Ему было поручено сражаться с персами, а если подчинение Ирака должно было совершиться так, как задумал халиф, то крайне важно было нанести поражение персидской армии. Пока персидская

¹⁶⁴ Казима находилась на северном берегу Кувейтского залива, как показано на карте 11, в 5 милях от нынешней трассы Басра — Кувейт. Это был довольно крупный город, его диаметр составлял более мили, и от него ничего не осталось, кроме похожих на замок развалин на узкой полоске земли, выступающей в море. Впрочем, эти развалины могли появиться в более поздние времена, чем те, когда жил Халид. От Хуфайра не осталось и следа, равно как не сохранились и местные предания о том, где он находился. Согласно Ибн Русте (с. 180), он располагался в 18 милях от Басры на дороге в Медину. Поскольку старая арабская миля несколько длиннее, чем наша современная миля, я считаю, что он находился на месте современной Румайлы, расположенной в 21 миле от старой Басры. (Некоторые более поздние авторы путали Хуфайр с Хафар ал-Батном, который находится на Аравийском полуострове, в 120 милях юго-западнее Казими.)

армия в целости и сохранности находилась в 'Убалле, Халиду не приходилось надеяться на большие успехи. Указанное ему халифом направление, то есть 'Убалла, само по себе было достаточным, чтобы заставить персов сражаться, ибо ни один персидский полководец не мог допустить падения 'Убаллы.

Халид знал о высоком качестве и многочисленности персидского войска, о мужестве, искусстве и вооружении персидских воинов. Обильно вооруженные, в доспехах, они были идеальны в детально спланированных лобовых столкновениях. Единственной слабостью персидских воинов и армии в целом являлся недостаток мобильности: персы не могли быстро перемещаться, и всякий длительный переход изматывал их силы. С другой стороны, войска Халида были мобильными, воины передвигались на верблюдах, ведя в поводу коней, и были готовы в любой момент пересесть на них для кавалерийской атаки, и они были не только храбрыми и искусными бойцами, но также привыкли к стремительным переходам по любой местности, особенно по пустыне. Более того, тысячи из них были ветеранами военной кампании против отступников.

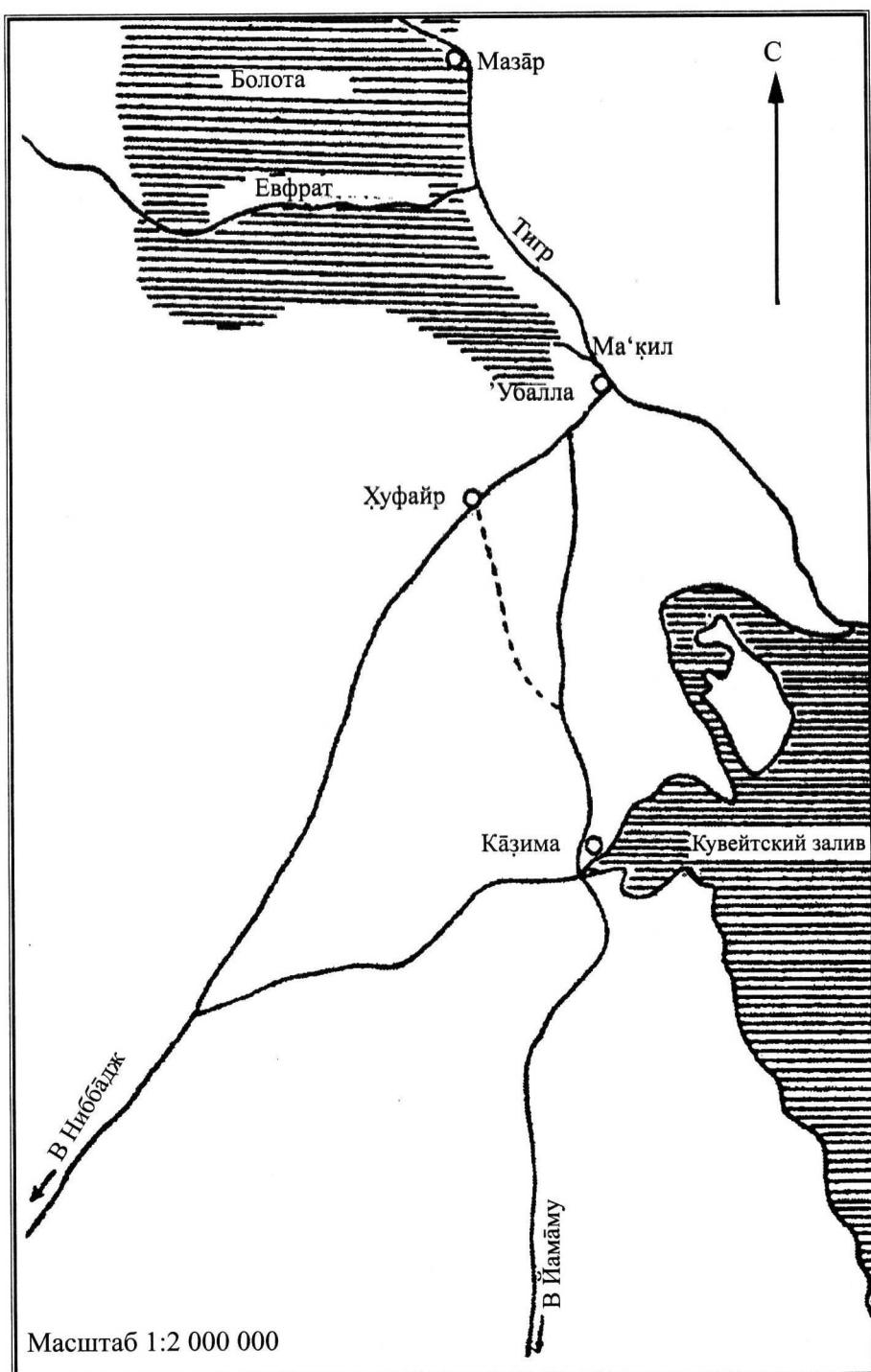
Халид решил воспользоваться собственной мобильностью для того, чтобы выяснить, до какой степени ее не хватало персидской армии. Он намеревался принудить персов совершить марш и контрмарш, чтобы измотать силы противника. Затем он собирался напасть на измученных персов. Географические условия должны были стать помощниками Халида. В 'Убаллу вели две дороги: через Казиму и через Хуфайр, и их наличие должно было способствовать осуществлению его маневра. (См. карту 11.)

После отправления послания Хормузу из Иамамы Халид знал, что персы ждут его наступления по прямой дороге, ведущей из Йамамы в 'Убаллу, через Казиму, и соответствующим образом выстраивают свою оборону. Халид решил не идти по этой дороге, но выйти к 'Убалле с юго-западного направления, чтобы иметь возможность свободно маневрировать вдоль двух осей — казимской и хуфайрской, тем самым создавая сложную задачу для менее мобильных персов. С таким планом он пошел на Ниббадж, разделив свою армию, как уже говорилось выше, на три части и приняв под свое командование 2000 воинов Мусанны, которые со своим бесстрашным предводителем во главе дожидались Халида в Ниббадже. Из Ниббаджа Халид двинулся в сторону Хуфайра. По дороге к нему присоединились еще три вождя, и к Хуфайру он вышел с 18 000 воинов.

Халид ничуть не беспокоился по поводу того, что персидская армия находится в Казиме. Хормуз в Казиме не представлял никакой

опасности для Халида, ибо персы не посмели бы пуститься в пустыню, чтобы перерезать его коммуникации, не говоря о том, что действовавшее в пустыне мобильное войско, подобное войску Халида, не имело особых линий коммуникации, по которым можно было бы нанести удар. Халид не собирался идти через Хуфайр, потому что, имея на фланге крупную армию Хормуз, он мог навлечь на себя крупные неприятности при прохождении Хуфайра. Хормуз мог напасть на его арьергард и отрезать ему путь к отступлению. Ни один араб не мог допустить хотя бы угрозы того, что ему будут отрезаны пути к возвращению в знакомую ему, безопасную пустыню, где только он был хозяином положения. Поэтому Халид ждал перед Хуфайром, а небольшие отряды его всадников держали Хормзу под наблюдением. Халид знал, что его присутствие под Хуфайром по-настоящему испугает Хормзу.

Все произошло именно так, как было задумано. Как только Хормуз узнал, что Халид идет на Хуфайр, он понял, какая большая угроза нависла над его войском. Эти арабы оказались вовсе не такими примитивными! Будучи опытным стратегом, Хормуз знал, что его опорный пункт оказался под угрозой. Он тотчас же распорядился идти в Хуфайр, расположенный в 50 милях, и его войско, обремененное тяжелым снаряжением, выступило в долгий поход. Двухдневный переход был очень

Карта 11. Битва Цепей (1)

утомительным, но стойкие и дисциплинированные персидские воины безропотно выдержали испытание. Однако прибыв в Хуфайр, Хормуз не обнаружил никаких следов Халида. Полагая, что мусульмане не заставят себя ждать, он расставил войска к бою, применив все то, что и в Казиме, включая цепи. И не успели его воины занять свои позиции, как разведчики донесли, что Халид идет на Казиму!

И Халид действительно шел на Казиму. Он выждал под Хуфайром до тех пор, пока не узнал о поспешном броске, совершившемся Хормузом. Затем Халид отошел на некоторое расстояние и начал контрмарш через пустыню по направлению к Казиме, не слишком сильно углубляясь в пустыню, чтобы не лишить персидских лазутчиков возможности заметить его передвижения. Халид действовал неспешно. Его люди ехали верхом, и преимущество во времени было на его стороне. У него не было желания первым прибыть в Казиму и захватить город, ибо в этом случае ему пришлось бы занять оборонительную позицию, предоставив противнику свободу маневров. Халид предпочитал, чтобы к обороне готовились персы, а сам он оставлял бы себе возможность свободно приближаться к ним и нападать на них так, как ему было угодно, и чтобы за его спиной находилась пустыня.

Персы вновь снялись с места и выступили на Казиму, ибо Хормуз не мог отдать казимскую дорогу мусульманам. Хормуз мог бы дать оборонительный бой ближе к 'Убалле, но после того ужасного опустошения, которому подвергал его область Мусанна, он не был настроен подпускать Халида на слишком близкое расстояние и предоставлять его налетчикам свободу в плодородном районе 'Убаллы. Он был исполнен решимости проучить Халида и разгромить его на безопасном расстоянии от региона, который ему было доверено защищать, и он радовался перспективе детально спланированной битвы с арабами пустыни. Кроме того, армии действуют как магниты, притягивая друг друга. Иногда территория, не являющаяся важной в стратегических отношениях, становится таковой по причине присутствия на ней вражеской армии. Теперь Хормзуза притягивало к Казиме не только потому, что она имела стратегическое значение, но и потому, что там была армия Халида.

Новый форсированный марш персов прошел не столь гладко, и в рядах армии Хормзуза поднялся недовольный ропот, особенно роптали арабские подразделения, приданые Хормзузу, бравившие перса за трудности, которые они переносят по его милости. Персы прибыли в Казиму в полном изнеможении. Хормуз, профессиональный военный, не терял времени и расставил войско на позиции по обычному

принципу, так, что образовались центр и фланги. Командовать флангами были назначены полководцы Кубаз и Анушджан. Воины вновь соединились цепями. (Схема марша и контрмарша приводится на карте 12.)

Цепи часто использовались в персидской армии для того, чтобы связывать в бою воинов. Как правило, они бывали четырех видов в длину, чтобы соединять по три, пять, семь или десять воинов¹⁶⁵, и их применение расценивалось как способ укрепить силу армии. Было бы неправильно сказать, как это делают некоторые критики, что цепи использовались офицерами для того, чтобы не допустить бегства воинов с поля боя. Цепи использовались как символ готовности биться до конца, утверждая решимость воинов погибнуть в бою, а не спастись бегством. Они также уменьшали опасность того, что линия обороны будет прорвана кавалерией, поскольку тогда, когда группы людей были скованы цепями воедино, кавалеристам было непросто уложить несколько человек, чтобы образовалась брешь, через которую можно было бы ворваться на позиции врага. А поскольку персидская армия была создана и подготовлена для участия в тщательно спланированных сражениях, данная тактика позволяла ей стоять как скала под написком вражеских атак. Однако у цепей был один крупный недостаток: в случае поражения воины не могли отойти с позиций, ибо цепи оказывались кандалами. Люди, прикованные к своим павшим товарищам, лишились всякой возможности передвижения и становились беспомощными жертвами противника.

Данная битва получила название битвы Цепей из-за того, что в ней использовались цепи.

Между тем приданые Хормузу арабские отряды не одобряли цепи и никогда не прибегали к их использованию. Когда в тот раз персы приковывали себя, арабы говорили: «Вы сковываете себя для врага. Не делайте этого!» На это персы отвечали: «Нам ясно, что вы хотите остаться свободными, чтобы сбежать с поля боя!»¹⁶⁶

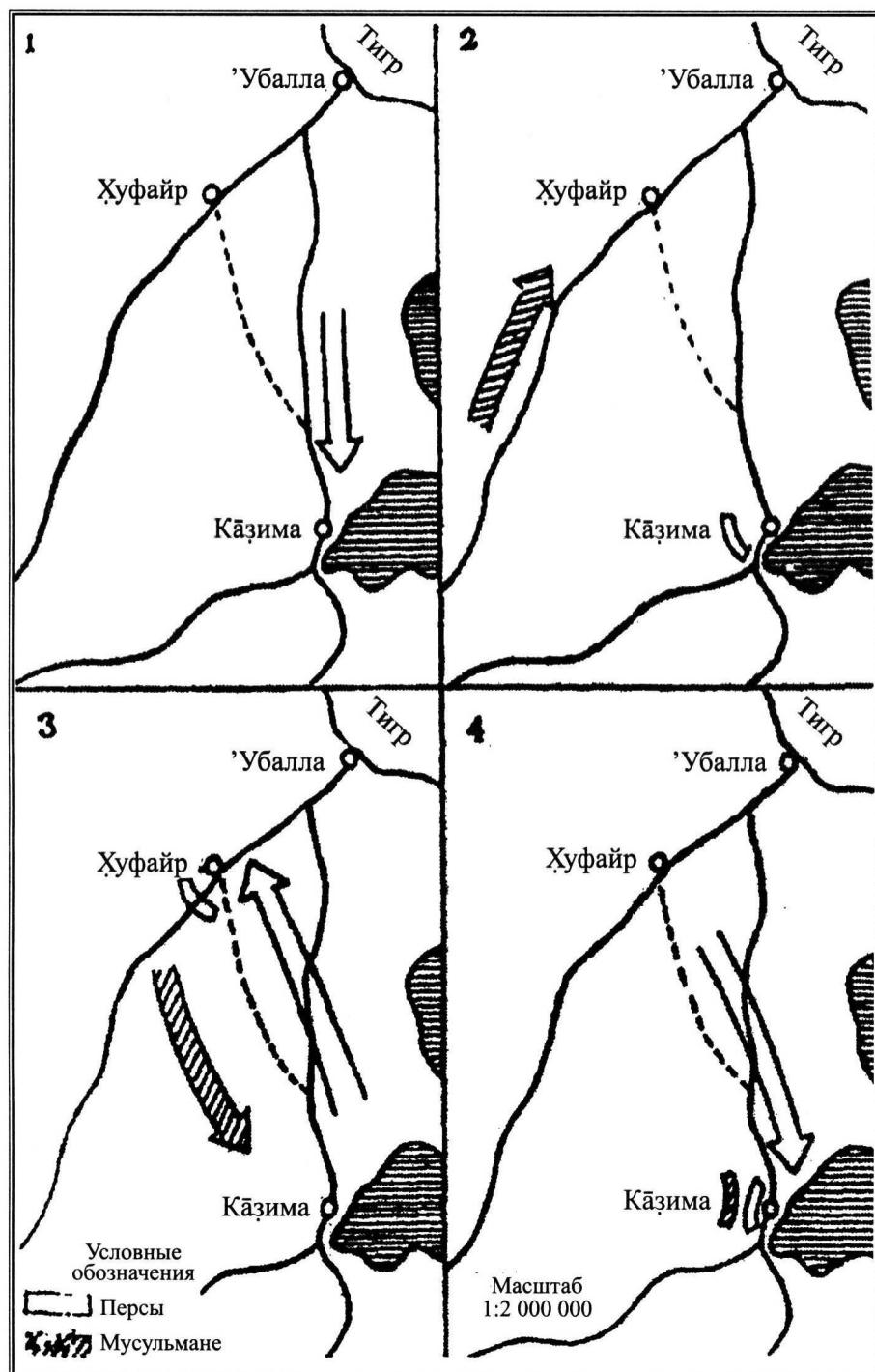
И вот Халид вышел из пустыни и приблизился к персам. Он принял решение дать сражение здесь и сейчас, до того как персидское войско восстановит измотанные силы. Однако у мусульманского войска не было воды, и это до некоторой степени беспокоило воинов, которые сообщали Халиду о своих опасениях. «Спешивайтесь и разгружайте верблюдов, — приказал Халид. — Клянусь верой, вода достанется той

¹⁶⁵ Ат-Табари: т. 3, с. 206. Согласно Абу Йусуфу, по длине цепи делились на соединявшие пятерых, семерых, восьмерых и десятерых человек.

¹⁶⁶ Там же: т. 2, с. 555.

армии, которая более отважна и больше заслуживает ее». ¹⁶⁷ Непоколебимо веря своему вождю, воины начали готовиться к бою. Не успели они завершить приготовления, как пошел дождь, и он длился достаточно долго для того, чтобы мусульмане вволю напились и наполнили водой свои бурдюки.

¹⁶⁷ Там же: т. 2, с. 555.

Карта 12. Битва Цепей (2)

Хормуз разместил свое войско у самой западной окраины Казимы, закрыв подступы к городу. Перед персами лежала песчаная, поросшая кустарником равнина шириной примерно 3 мили. За равниной поднимались несколько низких, высотой 200-300 футов, лишенных растительности холмов. Эта гряда была частью пустыни и тянулась до самого Хуфайра, и именно по этой гряде Халид и вышел к Казиме. Появившись со стороны холмов, Халид вывел своих воинов на песчаную равнину и, держась спиной к холмам и пустыне, построил войско к бою, разделив его, как обычно, на центр и фланги. Командовать флангами он поставил 'Асима ибн 'Амра (брата Каки ибн 'Амра) и 'Ади ибн Хатима (очень рослого предводителя тайитов, о котором говорилось ранее, в части II). Битва Цепей разыгралась в первой половине апреля 633 г. (на третьей неделе мухаррама, 12 г. хиджры).

Битва началась, как подобало, с единоборства полководцев обеих армий. Хормуз был сильным противником, славившимся в империи непобедимостью, и мало кто рискнул бы сражаться с ним один на один. (В те рыцарственные времена невозможно было быть полководцем, не являясь отважным и опытным воином.) Он погнал своего коня вперед и выехал на открытое пространство, разделявшее обе армии, остановившись ближе к передней линии своего войска. Затем он крикнул: «Один на один! Где Халид?» Из мусульманского стана выехал Халид и остановился в нескольких шагах от Хормуга. Оба войска в молчании наблюдали за тем, как эти великие воины готовятся к схватке.

Хормуз спешился, побудив Халида сделать то же самое. Халид сошел с коня. Это было смелым поступком со стороны Хормуга, ибо в пешем поединке шансы спастись отступлением были невелики, однако на этот раз Хормуз вел себя не столь доблестно, как могло бы показаться. Перед тем как выйти из рядов своего войска, Хормуз отобрал нескольких отважных воинов и разместил их в первом ряду, рядом с тем местом, которое он выбрал для проведения поединка. Хормуг велел им следующее: он вызовет Халида на единоборство, в нужное время он подаст сигнал своим людям, и тогда они рванутся вперед, окружат сражающихся и убьют Халида, пока Хормуг будет удерживать его. Избранные им воины напряженно следили за тем, как оба полководца спешились. Они были уверены, что живым Халиду не уйти.

Полководцы начали поединок на мечах, прикрываясь щитами. Каждый нанес по противнику несколько ударов, но ни один из них не произвел никакого впечатления. Каждый из них был удивлен

искусством другого. Затем Хормуз предложил оставить мечи и сразиться врукопашную.

Халид, не подозревая о заговоре, отбросил меч. Они начали бороться. Затем, когда они сцепились мертвой хваткой, Хормуз крикнул своим воинам, и те рванулись вперед. Не успел Халид понять, что происходит, как он и Хормуз оказались окружены несколькими персами свирепого вида.

Халид все понял. У него не было ни меча, ни щита, а Хормуз не ослаблял своей железной хватки. Казалось, положение было безвыходным, но вот Халид, будучи человеком, более сильным, чем Хормуз, начал кружить своего противника, благодаря чему персы лишились возможности нанести ему удар.

Над полем боя поднялась настоящая песчаная буря, обе армии кричали — одна от радости, другая от отчаяния. В этом шуме персы-убийцы, сосредоточившие все внимание на дерущихся, не услышали приближающегося к ним конского топота. Они не поняли, что с ними произошло. Два или три человека рухнули на землю обезглавленными до того, как остальные осознали, что число участников этой свалки возросло на одного человека. Этим новичком оказался Ка'ка' ибн 'Амр — то подкрепление в виде одного человека, которое послал Абу Бакр.

Ка'ка' видел, как персы-убийцы ринулись к двум полководцам, и мгновенно осознал как вероломство вражеского полководца, так и смертельную опасность, грозившую Халиду. Предупреждать остальных не было времени; не было времени на объяснения и призывы на подмогу товарищам по оружию. Он пустил коня бешеным галопом и, молнией промчавшись по равнине, обрушил на персов свой меч. Ка'ка' перебил всех убийц!¹⁶⁸

Халид, избавившийся от угрозы быть убитым персами, сосредоточил все свое внимание на Хормузе. Через пару минут Хормуз неподвижно лежал на земле, а Халид стоял с окровавленным кинжалом, которым только что пронзил грудь врага.

Затем Халид приказал идти в общее наступление, и мусульмане, распаленные предательским заговором, составленным вражеским полководцем, пошли в бой, преисполненные жаждой мщения. Центр и фланги стремительно пронеслись по равнине, идя в атаку на персидское войско. Смерть полководца подорвала дух персов, однако численный перевес был на их стороне, а также их удерживала железная дисциплина. Они стойко сражались. Некоторое время в битве

¹⁶⁸ Нет письменных свидетельств о количестве персов, принимавших участие в этом заговоре и сраженных Ка'ка'.

наблюдался баланс сил, когда стремительно передвигавшиеся мусульмане атаковали линию персов, а стойкая, скованная цепями персидская пехота отбивала их атаки. Однако вскоре начали сказываться и превосходство мусульман в умении воевать, и мужество, и усталость персов. После нескольких попыток мусульманам удалось прорвать линию обороны персов в нескольких местах.

Предчувствуя поражение, персидские полководцы, командовавшие флангами, Кубаз и Анушджан, приказали войскам отходить и начали отводить людей назад. Это привело к общему отступлению, а поскольку мусульмане атаковали все яростнее, отступление обернулось разгромом. Большинству персов, которые не были скованы цепями, удалось спастись бегством, но для тех, кто был скован цепями, последние оказались смертельной ловушкой. Неспособные быстро передвигаться, они стали легкой добычей победоносных мусульман, и тысячи их были убиты до тех пор, пока сгустившиеся сумерки не положили конец этой бойне. Кубазу и Анушджану удалось спастись бегством и вывести с поля боя значительную часть армии.

Первая битва с персидским войском была завершена. Она завершилась решительной победой мусульман.

Следующий день был потрачен на уход за ранеными и сбор военных трофеев — оружия, доспехов, продовольственных припасов, лошадей, пленников, четыре пятых которых Халид распределил между своими воинами. На долю каждого кавалериста пришлось по тысяче дирхамов, а пехотинцам досталось по трети этой суммы. Такие доли стали традицией со времен Пророка. Кавалеристу доставалось три доли, потому что ему приходилось содержать коня, а также потому, что он был более важен при проведении мобильных стремительных операций, которые любили арабы.

Пятая часть добычи была отправлена халифу как доля, принадлежащая государству, и в нее вошел стоивший 100 ООО дирхамов головной убор Хормуза. По праву он принадлежал Халиду, ибо в поединке все имущество поверженного переходило победителю, по этой причине Абу Бакр вернул этот головной убор Халиду, который, предпочитая наличность, продал его!

В битве Цепей мусульмане, по всей видимости, также захватил слона, и это животное было отправлено в Медину вместе с другими трофеями. В городе Пророка никогда прежде не видели слона, и все горожане были поражены видом этой туши. Люди дивились этому величайшему из живущих на суше животных, однако Абу Бакр не мог придумать, как следует использовать это невиданное создание, и вернул его Халиду. Дальнейшая участь этого зверя нам неизвестна.

Если семьи персидских воинов и тех иракских арабов, которые выступали на их стороне, были взяты в плен, то остальное население региона не понесло никакого ущерба. Это население состояло в основном из мелких фермеров, крестьян и пастухов, которые дружно согласились выплачивать джизью и перейти под защиту мусульман.

* * *

В течение нескольких дней Халид был поглощен организационными вопросами. Затем он повел свое войско на север. Впереди основной части войска он отправил Мусанну с его 1000 всадников, которым было поручено производить разведку на местности и убивать всех, кто отстал от отступавшей персидской армии.

Мусанна вышел к маленькой речке, на берегу которой стояла крепость Хисн ал-Мар'а, то есть Крепость Женщины. Она получила такое название потому, что ее правительницей был женщина.¹⁶⁹ Мусанна осадил эту крепость, однако, не желая, чтобы это задерживало его продвижение вперед, он назначил командовать осадой своего брата Му'анну, придав ему несколько сотен воинов, а сам, во главе остальных своих воинов, двинулся дальше на север.

Двух-трех дней осады оказалось достаточно для того, чтобы повелительница крепости осознала бесполезность сопротивления. Персидская армия 'Убаллы потерпела поражение, и ей неоткуда было ожидать помощи. Му'анна предложил воительнице сдаться по-хорошему, без кровопролития, грабежей, захвата людей в рабство. Женщина согласилась: оборонявшие крепость сложили оружие. Похоже, что общение этой дамы с Му'анной принесло обоим массу удовольствий. Сначала женщина приняла мусульманство, а затем, без дальнейших промедлений, Му'анна женился на ней!

А Халид тем временем двигался в северном направлении от Казими с основной частью своего войска.

Глава 20

БИТВА У РЕКИ

Когда персидский император получил от Хормуза известие о том, что из Йамамы надвигаются мусульмане, он собрал в Ктесифоне новую

¹⁶⁹ Река по-прежнему течет в этом месте и называется Река Женщины, но от крепости не осталось и следа.

армию и назначил командовать ею высокопоставленного полководца по имени Карин ибн Карайана. Карин также носил головной убор стоимостью 100 000 дирхамов. Император приказал ему идти с новой армией в 'Убаллу, чтобы стать подкреплением Хормузу, и, получив это указание, Карин выступил из Ктесифона.

Двигаясь вдоль левого берега Тигра, Карин дошел до Мазара, переправился через Тигр и двинулся на юг вдоль правого берега, дойдя до реки Ма'кил. Он переправился через эту реку, а затем еще через одну довольно крупную реку немного южнее Ма'кила. Не успел Карин завершить переправу, как ему начали сообщать о катастрофе, случившейся в Казиме. Вслед за этими известиями появились остатки той персидской армии, которые уцелели после битвы при Казиме, а теперь, ведомые двумя полководцами, Кубазом и Анушджаном, стекались в лагерь Карина. Среди уцелевших были тысячи арабов, приданых Хормузу, и, как всегда бывает в подобных случаях, союзники, персы и арабы, начали обвинять друг друга в поражении, которое они потерпели. Настроение у них было вовсе не таким радужным, как в Казиме, но это были отважные воины, и неудача, которую они потерпели, вызывала у них не столько страх, сколько злость.

Кубаз и Анушджан вновь рвались в бой. Им и Карину с трудом верилось, что регулярное войско империи может быть разбито в сражении отрядом неотесанных и непросвещенных арабов пустыни. Они не поняли, что битва при Казиме была не с нецивилизованными арабами, а с превосходной мусульманской армией, очищенной и укрепленной новой верой. Впрочем, Карин был достаточно благоразумным, чтобы не удаляться от южного берега. Здесь он мог сражаться спиной к реке и тем самым обеспечивать безопасность собственному тылу. Ограничиваая возможности маневра, Карин намеревался дать детально спланированный бой, который любили персы и для которого идеально подходили получаемая ими подготовка и дисциплина.

Остатки персидской армии из 'Убаллы преследовали отряды легкой кавалерии Мусанны, и как только мусульмане видели персов, они начинали прочесывать местность и забирать продовольствие, тогда как Мусанна не давал персам покоя и проводил разведку на местности. Персы не пытались выходить из своего лагеря. Мусанна послал гонца к Халиду, чтобы сообщить, что он обнаружил крупные силы врага в Синье.¹⁷⁰

¹⁷⁰ Это слово трудно передать по-русски. По-арабски оно пишется С-н-й (Йакут: т. 1, с. 937), а Табари (т. 2, с. 557) приводит его как Синий.

Слово *сини* использовалось арабами для обозначения реки. Мусанна обнаружил персов на южном берегу реки, и по этой причине сражение, о котором речь пойдет ниже, получило название битва у Реки.

Выйдя из Казимы, Халид двинулся на север, дойдя до каких-то развалин в окрестностях современного Зубайра, примерно в 10 милях юго-западнее 'Убаллы. Он уже принял решение не сворачивать на 'Убаллу, поскольку там не с кем было сражаться, когда посланный Мусанной гонец сообщил ему о концентрации войска Карина и воинов, уцелевших под Казимой. Халид жаждал вступить в бой и разгромить новую персидскую армию, пока персы все еще находились под впечатлением поражения, понесенного ими под Казимой. Поэтому, направив отряд во главе с Ма'калем ибн Мукаррином в 'Убаллу для захвата военных трофеев (что Ма'кал и сделал), Халид повел основные силы своей армии к реке. Он настиг Мусанну на третьей неделе апреля 633 г. (в начале месяца сафар, 12 г. хиджры).

Затем Халид лично оценил позицию персов. Поскольку персы стояли спиной к реке, невозможно было обойти их с флангов, и Халид не видел способа принудить персов оставить позицию, как он сделал это в случае с Хормузом. Соответственно, Халид решил вступить в общий детально спланированный бой в стиле, присущем армии Персидской империи. Этого было не избежать, поскольку Карин прочно закрепился на своих позициях. Халид не мог ни переправиться через реку, чтобы глубже вторгнуться в Ирак, ни продвинуться далее на запад, в сторону Хиры.

Обе армии построились к бою. Кубаз и Анушджан командовали флангами персидской армии, а Карин держал под своим непосредственным командованием центр и стоял перед ним. Отряды вспомогательных арабских войск были размещены на разных позициях. Карин был отважным, но рассудительным полководцем. Он занял такую позицию, что река находилась непосредственно за его спиной, и проследил, чтобы у берега находились лодки, подготовленные для переправы на другой берег просто так, на всякий случай! Халид также разделил войско на фланги и центр, вновь назначив командовать флангами 'Асима ибн 'Амра и 'Ади ибн Хатима.

Сражение началось с трех поединков. Первым вступил вперед и бросил вызов Карин. Когда Халид пришпорил коня и выехал вперед, другой мусульманин, которого звали Ма'кал ибн ал-А'ша, выехал из первого ряда мусульманского войска и направился к Карину. Ма'кал приблизился к Карину раньше Халида, а поскольку тот искусно владел мечом и вполне мог сражаться на равных с самыми лучшими воинами,

Халид не приказал ему вернуться назад. Они сразились, и Ма'кал убил своего противника. Карин был последним из обладателей головного убора стоимостью 100 000 дирхамов, кто столкнулся с Халидом в бою.

Когда персидский главнокомандующий пал от меча Ма'кала, вперед выступили два других персидских полководца, Кубаз и Анушджан, и бросили вызов померяться силами с ними. Вызов приняли командиры флангов мусульманского войска, 'Асим и 'Ади. 'Асим сразил Анушджана. 'Ади убил Кубаза. Когда эти персидские полководцы погибли, Халид приказал идти в общее наступление, и мусульмане рванулись вперед, налетая на многочисленную персидскую армию.

В те далекие времена личные действия командира в бою являлись исключительно важным фактором. Его видимые успехи в сражении вдохновляли его воинов, тогда как его смерть или бегство вели к деморализации и дезорганизации. В данном случае персидское войско потеряло трех главных полководцев, и, тем не менее, персидские воины храбро сражались, и в течение некоторого времени им удавалось сдерживать натиск мусульман. Однако из-за отсутствия способных полководцев вскоре в персидских рядах возникли беспорядок и смятение. Наконец под молниеносными атаками мусульман персидская армия утратила всякую слаженность действий, развернулась и отступила к берегу реки.

Беспорядочное отступление персов обернулось для них катастрофой. Легковооруженные мусульмане передвигались быстрее, чем персы в их тяжелых доспехах, и нагоняли бегущего противника. На берегу реки хаос стал полным, так как персы дрались между собой за места в лодках, стремясь во что бы то ни стало спастись от преследовавшего их кошмара. Тысячи их были убиты, другие тысячи сумели уплыть и выжить. Те, кто сохранил себе жизнь, сделали это благодаря предусмотрительности мудрого Карина, подготовившего заранее лодки на берегу реки. Если бы не эти лодки, никому из персов не удалось бы уйти. Поскольку у мусульман не было плавсредств для переправы через реку, они не смогли преследовать беглецов.

Согласно Табари, в сражении пали 30 000 персов.¹⁷¹ Трофеи, взятые в сражении, оказались богаче тех, что достались мусульманам при Казиме, и четыре пятых добычи вновь были соответствующим образом распределены между воинами, а одна пятая отправлена в Медину.

Затем Халид более основательно занялся управлением областями, подчинившимися мусульманам, и утвердил мусульманскую администра-

¹⁷¹ Ат-Табари: т. 2, с. 558.

страцию на более прочном фундаменте. Покоряясь Халиду, все местное население соглашалось выплачивать джизью и перейти под защиту мусульман. Никто из местного населения не пострадал. Халид создал команду чиновников для сбора налогов и поставил во главе нее Сувайда ибн Мукаррина, сделав Хуфайр их главной базой.

Однако пока Халид был занят административными проблемами, его лазутчики переправились через Евфрат и обнаружили следы разгромленной армии Карина. Другие лазутчики направлялись вдоль берега Евфрата к Хире, чтобы проследить за дальнейшими перемещениями и концентрациями имперского войска Хусрау.¹⁷²

Глава 21

АД У АЛ-ВАЛАДЖИ

Ктесифон бурлил, получив известие о катастрофе на реке. Вторая персидская армия была изрублена в клочья этой новой и неожиданной военной силой, явившейся из бесплодных пустынь Аравийского полуострова. Каждый из полководцев этих двух армий был заметной фигурой в империи, обладателем головного убора стоимостью 100 000 дирхамов. И враг убил не только их, но и двух других имевших первостепенное значение полководцев. Неслыханное дело! Учитывая, что этот новый враг никогда не отличался продвинутой военной организацией, оба поражения казались кошмаром — пугающим, но нереальным.

Император Ардашир решил действовать наверняка. Он приказал сбрать еще две армии и отдал приказ об этом в тот самый день, когда состоялась битва у Реки. Это может удивить читателя, ибо поле боя находилось в 300 милях по дороге от Ктесифона. Однако у персов была замечательная система военной связи. Перед сражением они выстраивали цепочку людей, отобранных за громкие голоса, и расставляли их на расстоянии окрика друг от друга вдоль всей дистанции от поля боя до столицы. Цепочка состояла из сотен людей. Каждое событие на поле боя криком передавалось от А к Б, от Б к В, от В к Г и так далее. Таким образом, за несколько часов император получал информацию обо всем, что происходило на поле боя.

¹⁷² Табари также называет эту битву битвой при Мазаре, что, на мой взгляд, является ошибочным. См. пояснения в примечании 5 приложения Б.

Следуя приказам императора, персидские воины начали собираться в имперской столице. Они приходили из всех городов и гарнизонов, кроме тех, которые охраняли западную границу с Восточной Римской империей. Первая армия была собрана за несколько дней.

Персидский двор предполагал, что мусульмане будут наступать вдоль Евфрата на северо-западный Ирак. Персы достаточно хорошо понимали образ мыслей арабов, чтобы догадаться, что ни одно арабское войско не станет удаляться от пустыни, если есть вражеская сила, способная ударить ему в тыл и отсечь от пустыни. Ожидая, что мусульманская армия двинется на запад, Ардашир выбрал ал-Валаджу в качестве того места, где предстояло остановить Халида и разгромить его армию. (См. карту 10.)¹⁷³

Первая из новых персидских армий, собранных в Ктесифоне, была вверена полководцу Андарзгару, который до недавнего времени являлся военным начальником приграничной провинции Хорасан и в равной степени высоко ценился как персами, так и арабами. Андарзгар был первым, родившимся среди иракских арабов. Он вырос среди арабов и, в отличие от большинства персов его сословия, по-настоящему любил их.

Андарзгару было приказано вести его армию в ал-Валаджу, где к нему вскоре должна была присоединиться вторая армия. Он выступил из Ктесифона, прошел по восточному берегу Тигра, переправился через Тигр в Каскар¹⁷⁴, прошел на юго-запад, к Евфрату рядом с ал-Валаджей, переправился через Евфрат и разбил лагерь у ал-Валаджи. Перед тем как выступить из столицы, Андарзгар отправил гонцов ко многим арабским племенам, с которыми был знаком, и по дороге в ал-Валаджу к нему присоединились тысячи арабов, желавших воевать под его знаменем. Он также встретил и взял под свое командование остатки армии Карина. Когда Андарзгар прибыл в ал-Валаджу, он был приятно удивлен размерами своего войска. Он терпеливо дождался Бахмана, который должен был подойти к нему через несколько дней.

Бахман был командующим второй армией. Он принадлежал к верхушке персидской военной иерархии, а также был человеком, носившим головной убор стоимостью 100 000 дирхамов. Император приказал ему вести вторую армию, когда она будет в сбое, в

¹⁷³ От ал-Валаджи не осталось и следа. Согласно Иакуту (т. 4, с. 939), она находилась восточнее дороги, соединявшей Куфу с Меккой в хорошо орошаемом водой регионе, простирающемся между ней и Хирой. Музиль (с. 293) указывает, что ал-Валаджа находилась рядом с 'Айн Дахиком, который местное население по-прежнему называет этим именем, хотя на картах он именуется 'Айн ал-Мухари и располагается в 5 милях к югу — юго-западу от Шинафийи. Область ал-Валаджи, ныне совершенно бесплодная, в те времена была очень плодородной.

¹⁷⁴ В 83 г. хиджры на этом месте был основан Васйт. На самом деле Каскар стал восточной частью Васыта.

ал-Валаджу, где ее дожидался Андарзгар. Бахману предстояло взять на себя верховное командование обеими армиями и с помощью этой огромной мощи дать бой и разгромить мусульманскую армию в одном великом сражении.

Бахман пошел не той дорогой, по которой двигался Андарзгар. Из Ктесифона он направился на юг и пошел между двумя реками, устремляясь прямо к ал-Валадже. Однако Бахман выступил из Ктесифона через несколько дней после первой армии, и двигался он более медленно.

* * *

Битва у реки завершилась славной победой. Понеся небольшие потери, мусульмане разбили крупную персидскую армию и захватили богатые трофеи. Однако после сражения Халид стал более задумчивым: только теперь он начал понимать, какими колоссальными резервами обладала Персидская империя. Он провел два кровавых сражения с двумя отдельными персидскими армиями и безжалостно прогнал их с поля боя, но он все еще оставался на окраине империи. Персы могли выставить множество армий, подобных тем, с которыми Халид сражался у Казимы и у Реки. Эта мысль заставляла глубоко задуматься. А Халиду предстояло принимать решения самому. Он был первым мусульманским полководцем, отправившимся открывать для Ислама неаравийские земли. Он был не только военным командиром, но и политическим руководителем и как таковой должен был управлять от имени мединского халифа всеми территориями, которые он ввел в Ислам. Над Халидом не было никого, к кому можно было бы обратиться за указаниями в вопросах политики и управления. Кроме того, его люди были уже не столь полны сил, как накануне битвы у Казимы. Они совершили долгий и быстрый марш, сражались в жарком бою и теперь чувствовали себя изрядно уставшими. Халид дал армии несколько дней на отдых.

К тому времени Халид создал эффективную сеть разведывательной агентуры. Агентами были местные арабы, покоренные великодушным отношением Халида к местному населению, которое так контрастировало с жестокостью и надменностью имперских персов. Поэтому они связывали свою судьбу с мусульманами и держали Халида в курсе персидских дел и передвижений персидских войск. Теперь эти агенты сообщали ему о том, что Андарзгар выступил из Ктесифона; о присоединившихся к нему крупных арабских контингентах; о том, что он собирает уцелевшие остатки армии Карина; о том, что он направляется к ал-Валадже. Они также донесли о

выступлении из Ктесифона второй армии под командованием Бахмана и о том, что она движется в южном направлении. По мере поступления новых разведданных Халид осознал, что вскоре обе персидские армии соединятся и либо преградят ему путь на юг от Евфрата, либо будут наступать на него, чтобы дать бой в районе 'Убаллы. Персы имели такое подавляющее численное преимущество, что шансов на победу в сражении у него не было. Халиду надо было дойти до Хиры, а ал-Валаджа лежала прямо на его пути.

Другой беспокоившей Халида проблемой было то, что слишком много персидских воинов оставались в одном сражении, и когда-нибудь они вновь могли оказаться в рядах противника. Уцелевшие в битве при Казиме пополнили войско Карина и сражались у Реки. Уцелевшие в битве у реки присоединились к Андарзгару и в настоящее время шли на ал- Валаджу. Если бы удача улыбнулась Халиду и он сумел бы разгромить все армии противника, ему необходимо было сделать так, чтобы никто из участников одного сражения не мог присоединиться к армии, готовящейся к следующей битве.

Таким образом, перед Халидом стояли две задачи. Первая была стратегической: две персидские армии вот-вот должны были соединиться, чтобы совместно противостоять ему. Он нашел блестящее решение данной проблемы, состоявшее в том, чтобы быстро выдвигнуться вперед, вступить в бой и уничтожить одну армию (Андарзгара) до подхода второй армии (Бахмана). Вторая задача была тактической: не допустить того, чтобы вражеские воины, уцелевшие в одном сражении, участвовали в следующем. Для данной задачи Халид нашел тактическое решение, которое могло прийти в голову только гению и которое мог осуществить только мастер, однако об этом мы поговорим позднее.

Халид распорядился, чтобы Сувайд ибн Мукарран со своей командой чиновников занимался управлением завоеванных регионов, и выставил несколько отрядов для охраны нижнего течения Тигра, чтобы не допустить возможной переправы врага с севера и востока, а также для того чтобы предупреждать о подходе новых вражеских сил с этих направлений. С остальной частью армии — примерно 15 ООО человек — он выступил в направлении Хиры, быстро передвигаясь вдоль южной окраины огромного болота.

* * *

Если бы у Андарзгара был выбор, он, без сомнения, предпочел бы дождаться подхода Бахмана, а уже потом дать решающий бой мусульманам. Однако выбора у Андарзгара не было. За несколько дней до ожидаемого подхода Бахмана на восточном горизонте показалась мусульманская армия, которая разбила лагерь вблизи ал-Валаджи. Впрочем, Андарзгар не беспокоился. У него была большая армия, состоявшая из персов и арабов, и он был уверен в своей победе. Андарзгар даже не подумал о том, чтобы отойти к реке, протекавшей в миле от него, чтобы использовать ее для защиты своего тыла. Он готовился к битве у ал-Валаджи.

В течение всего следующего дня обе армии оставались в своих лагерях, наблюдая друг за другом, пока полководцы и другие офицеры осуществляли разведку на местности и готовились к завтрашнему дню. На следующее утро армии построились боевым порядком, разделившись на центр и фланги каждая. Мусульманскими флангами вновь командовали 'Асим ибн 'Амр и 'Ади ибн Хатим.

Поле боя представляло собой плоскую равнину, раскинувшуюся между двумя низкими, приземистыми грядами холмов, отстоящими друг от друга примерно на 2 мили и поднимавшимися на высоту 20-30 футов. Северо-восточная окраина равнины была отмечена еще одной такой грядой, явившейся на самом деле отрогом восточной гряды, а на юге равнина переходила в бесплодную пустыню. Почти сразу за северо-восточной грядой протекал один из рукавов Евфрата, который в настоящее время известен как река Хасиф. Персы встали в центре равнины, лицом на восток — юго-восток, так что западная гряда оказалась за ними, а левый фланг разместился у подножия северо-восточной гряды. Халид построил свое войско немного отступя от восточной гряды, лицом к персам. Центр поля боя, то есть середина расстояния между двумя армиями, находился примерно в 2 милях юго-восточнее современного 'Айн ал-Мухарий и в 6 милях к югу от современной Шинайфии.

Андарзгар был удивлен численностью мусульманского войска. По его оценкам, она составляла 10 000 человек. На основании того, что он слышал, Андарзгар предполагал, что войско Халида будет гораздо больше. И где же хваленая мусульманская кавалерия? Большинство воинов были пешими! Возможно, персы, уцелевшие в сражениях при Казиме и у реки, преувеличивали силы врага, как это бывает с теми воинами, которые потерпели поражение. Или, возможно, всадники сражались в пешем строю. Андарзгар не знал, что стоявшие против него мусульмане тоже были удивлены собственной численностью,

потому что складывалось впечатление, будто их стало меньше, чем накануне. Однако это их не тревожило. Мечу Аллаха о том было ведомо лучше!

Сложившаяся ситуация привела Андарзара в отличное расположение духа. Он перемелет эту маленькую армию и очистит Ирак от дерзких обитателей пустыни. Сначала он дождется, когда мусульмане пойдут в наступление. Он будет сдерживать их наступление и измотает мусульман, а затем перейдет в контрнаступление и сокрушит неприятеля.

Когда армия Халида пошла в общее наступление, Андарзар возликовал. Это было именно то, чего он желал. Две армии сошлись, послышался лязг оружия, и, вступив в бой, воины потеряли счет времени.

В течение некоторого времени ярость битвы не ослабевала. Проворные, ловкие мусульмане набрасывались на тяжеловооруженных персов, но персы удерживали свои позиции, отражая все атаки. Примерно через час обе стороны начали ощущать усталость, особенно мусульмане, потому что их было меньше, и в бою каждому из них приходилось иметь дело с несколькими персами. У персов был резерв, из которого они заменяли воинов на передовой. Однако пример Халида вселял мужество в сердца мусульман. Он сражался в первых рядах.

Особенно вдохновляюще действовал на мусульман зрелищный поединок Халида с персидским богатырем Хазармардом, о котором говорили, что он стоит тысячи воинов¹⁷⁵, состоявшийся в первой фазе сражения. Гигант выступил из рядов и бросил любому желающему вызов на бой, который был принят Халидом. Через несколько минут после начала поединка Халид обнаружил уязвимое место противника и сразил его мечом. Когда тело перса застыло в неподвижности, Халид уселся на грудь гиганта и приказал рабу, чтобы тот принес ему поесть. Затем, сидя на этой ужасной скамье, Халид основательно подкрепился!¹⁷⁶

Первая фаза завершилась. Вторая фаза сражения началась с персидской контратаки. Опытный взор Андарзара безошибочно подметил признаки усталости на лицах мусульман. Он решил, что настал момент нанести по ним контрудар, и в этом отношении он был прав. По команде Андарзара персы устремились вперед, обрушивая на мусульман удары. Мусульмане смогли сдерживать наступление в

¹⁷⁵ По-персидски Хазармард означает тысячу человек, и такое прозвище, в знак признания их доблести и силы, получали особенно могучие воины.

¹⁷⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 560. Абу Йусуф: с. 142.

течение некоторого времени, однако их геркулесовы усилия оказались чрезмерными для их нервов и конечностей. Они медленно пятись назад, но сохраняли боевой порядок. Персы яростно атаковали их, и мусульмане поглядывали на Халида, чтобы узнать, нет ли каких-либо признаков того, что он изменил свой план или решил предпринять что-то, что облегчит их положение. Однако никаких таких признаков они не видели. Халид сражался как лев и побуждал своих воинов действовать таким же образом. И его люди сражались как львы.

Персы дорого платили за свое наступление, но они радовались своему успеху. Андарзгар был вне себя от радости. До победы было рукой подать. Он еще не достиг высшей ступени в персидской общественно-военной иерархии, но теперь ему грезился головной убор стоимостью 100 000 дирхамов. Мусульмане продолжали сражаться с мрачной решимостью загнанных в угол диких зверей. Они превзошли все человеческие возможности, и у некоторых даже появились мысли о том, что Халид, возможно, встретил равного ему противника. Еще немного, и фронт распался бы на тысячу фрагментов.

И тогда Халид подал сигнал. Мы не знаем, что это был за сигнал, но его увидели те, кому он предназначался. В следующий миг на гребне гряды, тянувшейся за персидской армией, показались две темные линии конных воинов, одна заходила персам в тыл слева, другая — справа. Крики Аллаху Акбар сотрясли воздух, когда мусульманская кавалерия галопом пошла в наступление, и равнина ал-Валаджа задрожала под ударами копыт арабских лошадей.

* * *

Ликование персов сменилось ужасом. Минуту назад они издавали ликующие крики, а теперь они сменились воплями страха, поскольку мусульманская кавалерия врезалась в тыл персидской армии. Основная часть мусульман под командованием Халида, воспрянувшая и окрепшая при виде этого зрелища, возобновила атаку на переднюю линию персов, одновременно растягивая фланги так, чтобы соединиться с кавалерией и взять персов в кольцо. Армия Андарзгара оказалась в ловушке, из которой не было выхода.

В одно мгновение дисциплинированные персы превратились в стадо. Когда группы солдат пытались отойти назад, они напарывались на копья или мечи. Когда они пытались пройти вперед, их разили мечи и кинжалы. Отступая под натиском со всех сторон, персы сбились в не-поворотливую массу, мешая друг другу пользоваться оружием и уклоняться от сыпавшихся на них ударов со стороны наступающих.

Те, кто желал сражаться, не знали, с кем им сражаться. Те, кто хотел бежать, не знали, куда им бежать. Охваченные безумным желанием выбраться из этого кошмара, персидские воины затаптывали друг друга и бились друг с другом. Поле боя у ал-Валаджи превратилось для армии Андарзгара в ад.

Стальное кольцо сужалось по мере того, как продолжались яростные атаки мусульман. Сама беспомощность персов провоцировала мусульман на большее насилие, и они поклялись, что на этот раз не дадут уйти живыми никому из персидских воинов или иракских арабов.

И мусульмане выполнили свою клятву. Несколько тысячам воинов империи все же удалось бежать, ибо не бывает такого, чтобы потерпевшая поражение армия была уничтожена до единого солдата, но армия как таковая перестала существовать. Казалось, что ее поглотила разверзшаяся под ней пропасть. Если армии Хормуза и Карина потерпели сокрушительные поражения, то армия Андарзгара была уничтожена. Армии Андарзгара больше не было. (Графические иллюстрации фаз этой битвы приведены на карте 13.)

Как ни странно, самому Андарзгару удалось спастись. Однако он ушел в сторону пустыни, а не в сторону Евфрата, и, руководствуясь лишь одним желанием убраться как можно дальше от ал-Валаджийского ада, он зашел далеко в пустыню. В пустыне этот злосчастный человек заблудился и умер от жажды.

После сражения Халид собрал своих измотанных людей. Он понимал, чего им стоила эта битва. Это была самая лютая сеча из трех лютых сражений, в которых они участвовали в Ираке. И Халид хотел удостовериться в том, что их боевой дух не ослабел под действием воспоминаний о пережитых испытаниях, так как впереди их ожидало множество новых.

Халид обратился к своим воинам. Он начал с восхваления Аллаха и призыва Его благословить Святого Пророка. Затем он продолжил:

«Разве вы не видите богатство земли персов? Разве вы не помните скучность земли арабов? Разве вы не видите, какие урожаи приносит эта земля? Если бы священная война не была предписана Аллахом, нам все равно следовало бы прийти и завоевать эту богатую землю и сменить голодное существование в наших пустынях на изобильную еду, которая теперь стала нашей».

И все воины Халида согласились.

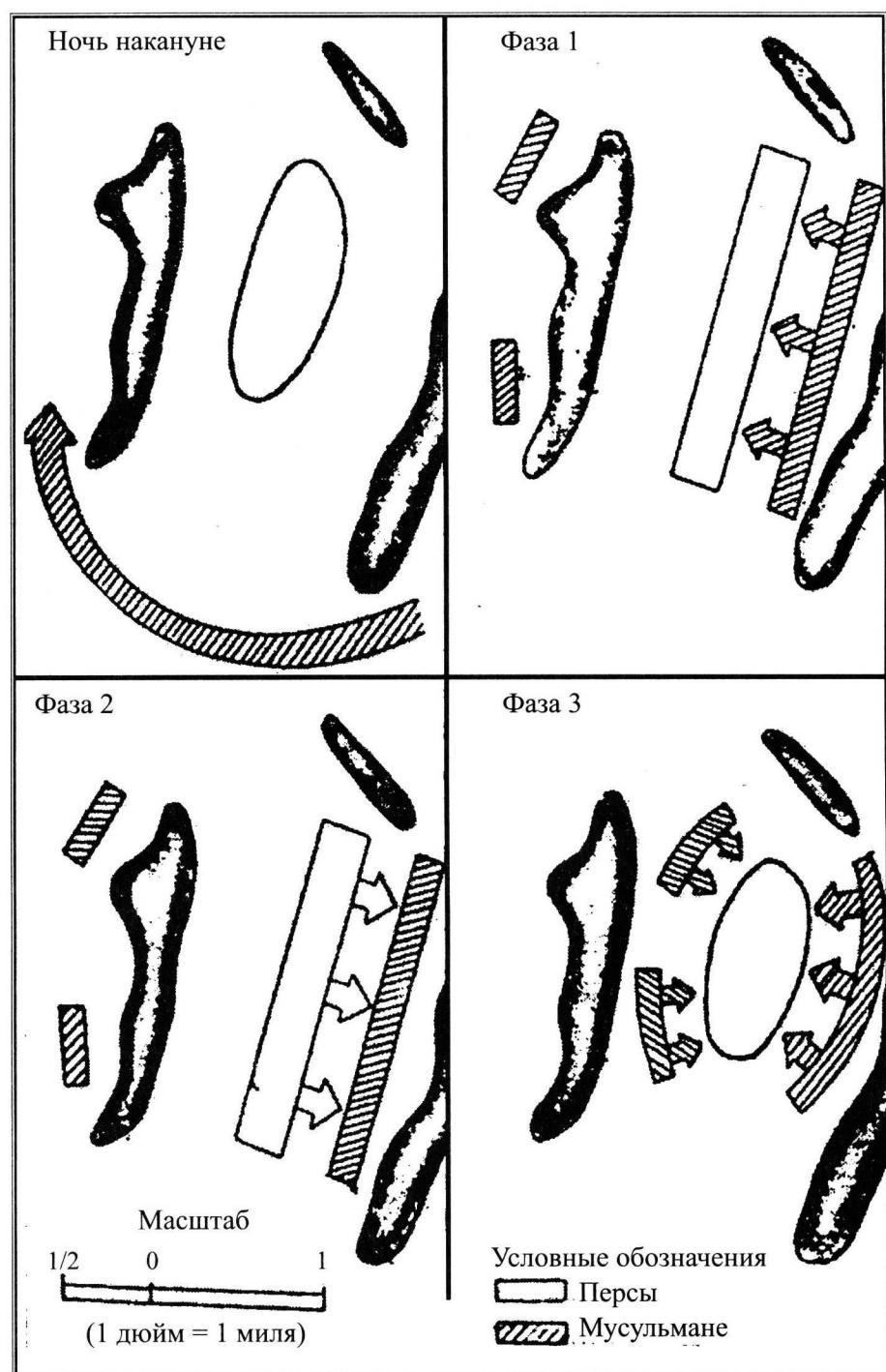
* * *

Накануне битвы у ал-Валаджи Халид послал за двумя своими офицерами, Буером ибн Абу Рамом и Са'йдом ибн Маррой.² Он сделал их командирами мобильного ударного кавалерийского отряда численностью около 2000 человек и велел им следующее.

Ночью офицеры должны были незаметно собрать своих всадников и окольными путями обойти персидский лагерь с юга. Добравшись до дальней стороны гряды, тянувшейся за персидским лагерем, они должны были спрятать своих людей, но держать их в готовности, чтобы те вступили в бой по первому сигналу. Утром, после начала битвы, офицерам следовало держать своих людей в седлах за гребнем гряды и выставить наблюдателей, чтобы те увидели, когда Халид подаст сигнал.

Когда Халид подаст сигнал, два ударных отряда должны были удариТЬ в тыл персидской армии, каждый со своего фланга.

Халид отдал необходимые приказы тем, кто должен был быть посвящен в его план, чтобы организация и подготовка ударных отрядов прошли

Карта 13. Битва у ал-Валаджи

без сучка, без задоринки. Однако дело держалось в строжайшем секрете, и рядовые мусульмане ничего не знали о спланированном маневре. Утром нигде не было видно кавалерии, состоявшей из этих двух отрядов, и Халид построил остальную часть своего войска численностью около 10 000 человек напротив персов.

Таков был план битвы у ал-Валаджи, имевшей место в начале мая 633 г. (на третьей неделе месяца сафар, 12 г. хиджры). Он заключался в лобовой упреждающей атаке, дополненной эффективным обходным маневром. Операция прошла строго в соответствии с планом Халида. Такое мог осуществить только мастер. Это не первый случай в истории, когда был осуществлен подобный блистательный маневр. Так делали и ранее. Самый известный пример такого рода маневра — битва при Каннах в 216 г. до н. э., когда Ганнибал аналогичным образом обошелся с римлянами. После сражения Ганнибала этот тип маневра стал называться каннским. Однако Халид никогда не слышал о Ганнибale. Для Халида это было оригинальное решение.¹⁷⁷

¹⁷⁷ Разница между ал-Валаджей и Каннами заключалась в том, что кавалерия Ганнибала обошла противника с обоих флангов, обогнала римскую конницу, а затем, в подходящий момент, ударила в тыл римлянам, тогда как конница Халида совершила обход по одному флангу (в нашей реконструкции сражения). Однако это вопрос передвижения сил до начала боя. Схема битвы была та же.

Глава 22

КРОВАВАЯ РЕКА

Третья битва с персами завершилась победой, и Халид приблизился к своей конечной цели — Хире. Однако ему еще предстоял далекий путь, и он не питал иллюзий относительно этого путешествия. Едва ли гордые персы уйдут с его дороги. Еще предстояло пролить много крови.

Несмотря на искусный маневр и все усилия Халида, нескольким тысячам вражеских воинов все же удалось покинуть поле боя у ал-Валаджи. Это были преимущественно арабы-христиане из племени бану бакр (племени Мусанны) — те элементы, которые не приняли новую веру и перешли в христианство. Значительная часть этого племени проживала в Ираке, являясь подданными Персидской империи. Они ответили на призыв Андарзгара, сражались под его рукой и понесли потери у ал-Валаджи.

Арабы, уцелевшие после ал-Валаджи, бежали с поля боя, переправились через реку Хасиф и пошли между ней и Евфратом (эти реки протекали на расстоянии 3 миль друг от друга, и первая из них была ответвлением Евфрата). Бегство арабов завершилось в Уллайсе, что примерно в 10 милях от ал-Валаджи. (См. карту 10.) Там они чувствовали себя в безопасности, поскольку этот населенный пункт находился на правом берегу Евфрата, а по другую сторону Уллайса протекал Хасиф, который на самом деле отходил от Евфрата чуть выше Уллайса по течению. К Уллайсу можно было подойти лишь в лоб, то есть с юго-востока.¹⁷⁸

В течение нескольких дней обессилевшее войско Халида отдыхало, а сам он занимался распределением трофеев и подготовкой дальнейшего марша. Зная о существовании армии Бахмана, Халид догадывался о том, что до того как он попадет в Хиру, ему придется дать еще одно кровопролитное сражение. Поскольку теперь центр тяжести иракской кампании переместился с Тигра на Евфрат, он отозвал мусульманские отряды, которые оставил на нижнем течении Тигра.

От своих агентов Халид знал о том, что в Уллайсе находятся враждебно настроенные арабы, однако поскольку они были всего лишь остатками, уцелевшими при ал-Валадже, Халид не рассматривал их

¹⁷⁸ Согласно Табари (т. 2, с. 560), Уллайс находился в месте слияния рукавов Евфрата. Музиль (с. 293) указывает на то, что он находился в аш-Шаси', который в настоящее время называется ал-'Аси и находится в 4 милях к западу — северо-западу от Шинафийи. Даже в наши дни к этому пункту можно приблизиться только по междуречью, если не иметь в своем распоряжении лодку для переправы через одну из рек.

как военную проблему. В любом случае он не хотел перенапрягать своих людей, посылая их в очередную битву до того, как они восстановят свои силы после великого испытания, которое они выдержали, сражаясь с Андарзгаром. Однако когда около 10 дней спустя Халиду сообщили о подходе в Уллайс дополнительных арабских отрядов, стало ясно, что ему придется сразиться с укомплектованной и практически новой армией. Концентрация вражеского войска была достаточно большой, чтобы Халид понял, что предстоит серьезное сражение. Как только к нему присоединились отряды, прибывшие с нижнего течения Тигра, Халид выступил из ал-Валаджи с войском, которое, как и при входе в Ирак, состояло из 18 000 человек.¹⁷⁹ Поскольку из-за двух рек невозможно было приблизиться к Уллайсу с флангов, у Халида не было иной возможности кроме как переправиться через Хасиф и подойти к цели в лоб.

* * *

Уничтожение армии Андарзгара, последовавшее практически сразу после поражений у Казимы и у Реки, потрясло империю Хусрау до самого основания. Казалось, что армия Ислама, явившаяся из пустыни и непобедимая, превосходила человеческие возможности. Любая персидская армия, пытавшаяся остановить ее неумолимое продвижение, оказывалась уничтоженной. Для гордого персидского двора, привыкшего относиться к обитателям пустынь с презрением, это была горькая пилюля. Никогда прежде за всю свою долгую историю империя не несла подобных военных поражений, следовавших друг за другом с такой частотой, от войска, которое было значительно меньше ее собственных армий, и так близко от центра ее могущества и славы.

Персы впервые сочли необходимым пересмотреть свое мнение об арабах. Было ясно, что в Исламе есть нечто, что превратило этот отсталый, разобщенный, неуправляемый народ в могущественную, сплоченную, дисциплинированную военную силу, способную совершать завоевания. И еще было ясно, что есть нечто особенное в Халиде, чье имя теперь испуганным шепотом произносили в персидских домах, благодаря чему гениальными оказывались проводимые им военные операции. Однако великую империю, просуществовавшую 12 столетий, нельзя разбить в трех сражениях.

¹⁷⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 562. Нет письменных сообщений о подошедшем к нему подкреплении, но мусульмане, должно быть, компенсировали понесенные ими потери либо за счет подкрепления, подошедшего с Аравийского полуострова, либо за счет местных иракских добровольцев.

Персы были народом завоевателей и правителей, который и прежде проигрывал сражения, но вновь возвышался. Настроение отчаяния, охватившее Ктесифон при первом сообщении о ал-Валадже, прошло, сменившись всеобщей решимостью сокрушить эту армию завоевателей и загнать ее обратно в пустыню, откуда она пришла. Персия поднялась, отряхнула с себя пыль и подготовилась к новому раунду схватки.

Тем временем в Ктесифон прибыли гонцы от уцелевших арабов-христиан племени бану бакр, сообщившие императору о положении, в котором они оказались. Гонцы обратились за помощью к своим сородичам- арабам, проживавшим в регионе между Уллайсом и Хирой; в ответ на призыв уже сейчас тысячи арабы направлялись в Уллайс на соединение с бану бакр, где они намеревались не на жизнь, а на смерть сразиться с Халидом. Неужто император не поможет им, направив к ним еще одну армию из персидских воинов, которая бы сразилась рука об руку с его арабскими верноподданными и спасла империю?

Император помог. Он послал приказ Бахману, который все еще находился севернее Евфрата. Услышав о ал-Валадже, Бахман прекратил марш и решил стоять на месте до тех пор, пока не получит дальнейшие указания. Теперь он получил указания императора следовать со своей армией в Уллайс, принять под свое командование собравшиеся там арабские отряды и перекрыть Халиду дорогу на Хиру.

Однако сам Бахман не пошел на Уллайс. Он направил туда армию под командованием следующего за ним по старшинству полководца, Джабана, которому и передал повеления императора. И Бахман добавил: «По возможности, избегай сражения до тех пор, пока я не присоединюсь к тебе». Когда армия под командованием Джабана тронулась в путь, Бахман вернулся в Ктесифон. Мы не знаем, какова была цель его путешествия в столицу, мы знаем лишь то, что он намеревался обсудить с императором какие-то вопросы. Прибыв в Ктесифон, Бахман застал императора Ардашира очень больным и остался прислуживать своему повелителю.

Джабан привел армию в Уллайс и застал там огромное собрание арабов- христиан, пришедших из региона Хиры и Амгишийи. К тому времени все поняли, что Халид намерен захватить Хиру, и догадывались, что успехи Халида будут означать новые кровопролития и захваты в рабство. Для того чтобы не допустить этого, арабы-христиане явились сражаться с Халидом и, если потребуется, умереть в бою. Джабан принял на себя командование всей армией, а части вошедших в нее арабов-христиан возглавил вождь по имени 'Абд ал-Асвад, у которого под ал-Валаджей погибли два сына

и который жаждал мщения. Персы и арабы разбили лагеря по соседству, таким образом, что Евфрат оказался слева от них, Хасиф — справа, а за ними находилось место слияния рек. Согласно древним историкам, там текла еще одна река, которая стала известной в результате действий, последовавших под занавес битвы при Уллайсе, и о которой мы вскоре расскажем. Возможно, эта река когда-то была протокой, ибо она была запруженена перед слиянием с Евфратом, чуть выше Уллайса по течению, однако к тому времени, когда произошло сражение, река пересохла или почти пересохла, потому что плотина была закрыта. Мусульмане упоминали эту реку просто как реку. Я атрибутирую эту реку как Хасиф (ныне довольно крупная река), ибо в Уллайсе нет места для другой реки или потоки. Однако поскольку название Хасиф могло не существовать в те времена, в дальнейшем мы будем называть ее Рекой.

* * *

Перед прибытием Джабана и персов Мусанна и его легкая кавалерия появились в Уллайсе и столкнулись с арабами-христианами. Мусанна проинформировал Халида о расположении позиций врага, о его численности и явном намерении сражаться. Халид ускорил шаг, надеясь застать арабов-христиан до того, как им на подкрепление подойдут другие персидские войска. Однако Джабан опередил его, прия в Уллайс, возможно, всего на несколько часов раньше. И вновь перед Халидом оказалась крупная армия. И вновь он был намерен вывести из строя столько вражеских воинов, сколько сумеет, чтобы в следующей битве численность противника оказалась меньше. Халид также решил дать сражение в тот же день, ибо чем дольше откладывалось сражение, тем больше времени оказывалось у персов для того, чтобы организоваться и скоординировать свои планы. Стоил середина мая 633 г. (конец месяца сафар, 12 г. хиджры).

Халид остановился лишь на столько, сколько потребовалось для того, чтобы привести войско в боевой порядок, вновь назначить 'Ади ибн Хатима и 'Асима ибн 'Амра командовать флангами, а затем начал наступление на Уллайс. На этот раз обходные маневры были невозможны и для победы он мог полагаться на скорость и неистовость атаки, но не на маневры. Мусульманское наступление продолжалось в течение некоторого времени, прежде чем Джабан узнал, что его собираются атаковать.

Известие о плане нападения достигло Джабана вскоре после полудня, когда в персидской армии наступило время обеда. Повара приготовили воинам пищу, а персидский солдат, подобно солдатам всех рас и возрастов, предпочитал горячую еду холодной и не любил сражаться на голодный желудок. Впрочем, арабские вспомогательные войска были готовы к бою.

Джабан посмотрел на своих воинов и на соблазнительные горшки с пищей, принесенные с кухонь. Затем он посмотрел в том направлении, откуда быстро приближались развернутые в боевом порядке мусульмане. Солдаты также заметили мусульманскую армию. Они были отважными воинами, но они также были голодными. «Давайте поедим, — сказали они Джабану. — А потом дадим бой».

«Боюсь, — ответил Джабан, — что враг не даст вам спокойно поесть».

«Нет! — сказали персы, не подчиняясь своему командиру. — Сначала еда, потом — сражение!» На земле были расстелены скатерти, на которые поставили дымящиеся блюда. Солдаты приступили к трапезе. Они думали, что у них есть время. Тем временем менее прихотливые в своих привычках питаться арабские вспомогательные части приготовились к бою.

Не успели персы положить пищу в рот, как стало ясно, что мусульмане намерены атаковать. Если бы они и далее стали откладывать сражение, сытые желудки оказались бы бесполезными, потому что их обладатели были бы убиты. Персы поспешно побросали свои миски, и с такой же поспешностью Джабан построил их на поле боя вместе с арабами. Это было сделано в последний момент. Арабов-христиан он поставил на флангах своей армии, поручив командовать ими предводителям 'Абд ал-Асваду и Абджару, а в центре он расположил свои персидские войска.

Поле битвы находилось юго-восточнее Уллайса, между Евфратом и Рекой. Персидская армия стояла спиной к Уллайсу, развернувшись лицом к армии Ислама. Северный фланг обеих армий упирался в Евфрат, южный — в Реку. Ширина фронта от реки до реки составляли около 2 миль.

Сражение было очень тяжелым. Пока что битва у ал-Валаджи была самой жестокой в этой кампании, однако данный бой был еще более жестоким. Он стал той битвой, которую Халид не смог позабыть.

Нам неизвестны детали маневров и других действий, имевших место во время сражения. Мы знаем, что Халид в поединке убил арабского военачальника 'Абд ал-Асвада. Мы знаем, что имперская армия, неся тяжелые людские потери, держалась, отбивая атаки мусульман. Если

когда-либо была армия, намеренная сражаться до последнего, то это была имперская армия при Уллайсе. Арабские вспомогательные войска действительно сражались не на жизнь, а на смерть, ибо если бы эта битва была проиграна, ничто уже не спасло бы Хирю. Персы сражались, чтобы отстоять честь персидского оружия.

Часа два продолжалась ожесточенная сеча. Самые жаркие бои происходили на берегу реки, где в сражении полегло множество персов. Мусульмане — усталые, злые, разочарованные — не могли обнаружить ни единой бреши, ни единой слабинки в сопротивлении, которое оказывали персы и арабы. Тогда Халид молитвенно воздел руки и обратился к Аллаху:

«О Господь! Если Ты пошлешь нам победу, я буду разить врагов до тех пор, пока их река не наполнится их кровью!»¹

Мусульмане возобновили атаки с удвоенной яростью, и Аллах даровал им победу. Вскоре после полудня имперская армия была разбита, а ее солдаты бежали с поля боя. На нем остались тысячи убитых, особенно много их было на берегу реки, песчаное русло которой обагрилось их кровью.

Когда персидская армия побежала с поля боя, Халид дал приказ кавалерии преследовать бегущих.

Мусульманская кавалерия разделилась на несколько отрядов и поскакала преследовать беглецов, которые переправились через Хасиф и двигались в направлении Хиры. Преследование врагов мусульманской кавалерией, захват и возвращение персидских и арабских воинов продолжались в течение всего дня, ночи, а также следующих суток и части третьего дня.¹⁸⁰

Когда бой прекратился, на берегу реки вокруг Халида собралась группа военачальников. Перед ними открывалась ужасная картина. Ка'ка' обратился к Халиду с такими словами: «Если бы ты убил всех людей на свете, их кровь не потекла бы рекой, потому что эта река перегорожена плотиной. Пусти в реку воду. Тогда ты сдержишь свою клятву».¹⁸¹

Другие поддержали его: «Мы слышали, что когда земля поглощает определенное количество крови сынов Адама, она отказывается принимать больше».¹⁸²

Халид распорядился открыть плотину. Когда ее открыли, вода хлынула в русло реки и кровь, образовывавшая лужи на дне русла, потекла с водой. Тогда эта река получила название Кровавой реки.

¹⁸⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 561.

¹⁸¹ Там же: т. 2, с. 561-562.

¹⁸² Там же.

Когда день сражения сменился ночью, а мусульманская конница продолжала ловить беглецов, армия Халида расселась, чтобы подкрепиться той пищей, которую разложили на скатертях персы. Арабы пустыни были поражены тем, как хорошо питались персидские воины.

Битва при Уллайсе закончилась. В руки мусульман попали богатые трофеи, в том числе семьи разгромленных воинов имперской армии. Согласно Табарий, в сражении погибло 70 000 персов и арабов-христиан.¹⁸³ Однако Джабану удалось скрыться.

На следующий день Халид заключил договор с местным населением. Оно должно было выплачивать джизью и перейти под защиту мусульман, однако на тот раз в договор была включена еще одна статья: местное население должно было следить за врагами в пользу мусульман, а также выступать в качестве их проводников.

* * *

Некоторые авторы, склонные к сенсационности, произвольно искали и преувеличивали эпизод с Кровавой рекой. Это породило неправильное представление о нем, которое нуждается в корректировке. Данные авторы повествуют, что река действительно текла кровью; что ниже по течению от поля боя стояла мельница, приводимая в движение течением реки; что в реке было столько крови, что в течение трех дней мельница молотила не благодаря воде, но благодаря крови! Это фантастические вымыслы. Балазури не упоминает ни о какой мельнице. Табари, завершая повествование об этом сражении, упоминает о мельнице: «... как поведал Шу'айб, который слышал об этом от Сайфа, который слышал об этом от Талхи, который слышал об этом от Мугиры». По словам Мугиры, ниже по течению находилась мельница, которая приводилась в движение речной водой, эту мельницу использовали в течение трех дней для того, чтобы намолоть зерно для армии Халида, и вода в реке была красной.

Даже если данное сообщение правдиво, в нем все равно ничего не говорится о том, что мельница приводилась в движение кровью. А в других ранних источниках мельница не упоминается. Факты таковы, как они были изложены выше. Когда, по совету Ка'ка', плотина была открыта, вода, естественно, покраснела и оставалась красной в течение некоторого времени. Однако для того чтобы вращать мельницу в течение трех дней, потребовалась бы кровь миллионов людей. Предание о реке, которая три дня текла кровью, можно воспринимать как одну из

¹⁸³ Там же.

сказок «Тысячи и одной ночи»; к истории оно не имеет никакого отношения. Вот и все, что касается эпизода с Кровавой рекой.

Из сражений, в которых Халид участвовал во времена Святого Пророка, битва при Му'те оставила особый след в его памяти. Нигде больше ему не приходилось принимать на себя командование в более катастрофической ситуации и спасать мусульман из когтей смерти. Из сражений, данных им в Ираке, битва при Уллайсе оказалась для него самой памятной.

Однажды, после того как кампания была успешно завершена, Халид сидел, беседуя с друзьями. Он сказал: «При Му'те у меня в руке сломалось девять мечей. Но я никогда не встречал такого противника, как персы. А среди персов у меня никогда не было такого противника, как армия Уллайса».

От такого человека, как Халид, нельзя было услышать большей дани уважения доблести персидского оружия. Однако теперь персидский двор оказался на грани краха. Ардашир лежал на смертном одре, и империя не посыпала новые армии на борьбу с Мечом Аллаха. Уллайс стал лебединой песней Ардашира, правнука Ануширвана Справедливого.

Глава 23

ОТКРЫТИЕ ХИРЫ

В середине мая 633 г. (в начале месяца рабй' ал-аввал, 12 г. хиджры) Халид выступил из Уллайса на Амгийшийу. Этот населенный пункт находился совсем рядом с Уллайсом, в действительности Уллайс являлся аванпостом Амгийшии! В то же утро армия дошла до Амгишии и застала город вымершим.

Амгийшия была одним из великих городов Ирака — соперницей Хиры по размерам, численности населения, а также по богатству и великолепию базаров. Мусульмане прибыли в город, где все оставалось на своих местах, базары и здания ломились от роскоши и всевозможных товаров, однако людей нигде не было видно. Лучшие из мужчин Амгийшии пали в битве при Уллайсе. Те, кто остался, — преимущественно женщины, дети и старики, — поспешили покинуть город при известии о приближении Халида и укрылись в округе, подальше от того пути, которым двигалась мусульманская армия. Теперь в действиях армии Халида важнейшим фактором стал

психологический страх, который вызывало одно упоминание его имени.

Мусульмане захватили Амгийшу как часть законной военной добычи. Они забрали из нее все, что можно было поднять и увезти, и при этом стали обладателями такого богатства, которое ослепляло простых воинов из пустыни. После того как в городе забрали все на трофеи, Халид разрушил его. Полагают, что захваченные в нем богатства были равны всему тому, что было захвачено в результате четырех предыдущих сражений в Ираке, и, как всегда, четыре пятых добычи были распределены между воинами, а одна пятая отправлена в Медину в качестве доли государства.

К тому времени халиф уже привык получать известия о победах на иракском фронте. За каждым подобным сообщением следовали военные трофеи, которые обогащали государство и радовали сердца правоверных. Однако даже Абу Бакр был поражен трофеями, взятыми в Амгишии. Он собрал мусульман в мечети и обратился к ним с такими словами:

«О курайшиты! Ваш лев напал на другого льва и одолел его. Теперь женщины больше не рожают таких сыновей, как Халид!»² Это был один из самых прекрасных комплиментов, когда-либо достававшихся Халиду ибн ал-Валиду.

* * *

Для правителя Хиры, Азадбеха, настали трудные дни. Он слышал о катастрофах, постигших персидскую армию при Казиме, на Реке, у ал-Валаджи и при Уллайсе, и было ясно, что Халид идет на Хиру. Если под ударами Халида рассыпались такие крупные армии под командованием столь выдающихся полководцев, то какие надежды могли быть у его маленького войска? Никаких указаний от занедужившего императора не поступало.

Азадбех был и правителем Хиры, и начальником ее гарнизона. Он занимал высокий пост в империи, являясь обладателем головного убора стоимостью 50 000 дирхамов. Арабский царь Хиры, Кубайса ибн Ийас, упоминавшийся ранее, был лишь номинальным властителем. Другие предводители, которые были подобны правителям государств, также обладали правительственными полномочиями только в тех делах, которые касались исключительно арабов или племен. Азадбеху выпало защищать Хиру, и, как истинный сын Персии, он решил сделать все, что в его силах.

Азадбех вывел гарнизон из казарм и разбил лагерь на окраинах Хиры. Оттуда он направил группу всадников под командованием собственного сына, чтобы сдержать продвижение Халида. Азадбех дал сыну совет перекрыть Евфрат плотиной, если Халиду придет в голову воспользоваться для передвижения лодками. Этот молодой офицер доехал до места, где в Евфрат впадает река 'Атик, в 12 милях ниже по течению от Хиры. Там он создал опорный пункт, из которого выслал вперед отряд всадников, которые должны были образовать аванпост в месте другого слияния рек в нескольких милях от места, где Бадакла впадает в Евфрат, чуть выше Амгийший.¹⁸⁴

В своем рассказе об этой операции Табари и путается сам, и опирается на противоречивые источники, и путает два места слияния рек.

Халид тем временем начал последний переход на пути к Хире. Он решил воспользоваться рекой в качестве транспортного средства и погрузил все тяжелые армейские грузы на лодки. Пока армия наступала на верблюдах и лошадях, лодочный конвой, охраняемый местными арабами, выступавшими в качестве лоцманов, двигался параллельно. Впрочем, Халид проехал совсем немного, поскольку уровень воды понизился и лодки сели на мель. Сын Азадбеха перекрыл реку плотиной.

Оставив армию стоять на берегу Евфрата, Халид взял отряд всадников и стремительно помчался по дороге на Хиру. Вскоре он оказался в Бадакле, где столкнулся с персидскими всадниками, выставленными сыном Азадбеха в качестве аванпоста. Эти молодые персы были не чета мусульманским ветеранам, и до того как они успели организоваться для обороны, всадники Халида налетели на них и зарубили всех до единого. Затем Халид открыл плотину, чтобы вода вновь потекла по нужному руслу, а армия продолжила наступление вдоль реки.

Сын Азадбеха также оказался не столь бдительным, как требовала ситуация. Полагая, что его аванпост является достаточной мерой предосторожности, позволяющей избежать неожиданного нападения мусульман, и ни минуты не сомневаясь в том, что этот аванпост предупредит его о надвигающейся опасности, он ослабил бдительность. И тут на него внезапно обрушился Халид. Большинство персов, входивших в этот отряд, были убиты, в том числе их молодой

¹⁸⁴ Река 'Атик по-прежнему существует. Это очень маленькая речка, чуть больше крупного ручья, в те дни она могла быть протокой. Начинаясь в районе Абу Шукайра, 'Атик течет западнее Евфрата, отходя на расстояние до 5 миль от главной реки, и вновь впадает в Евфрат в миле выше по течению от современной Кадисийи (которая находится в 8 милях юго-восточнее старой, исторической Кадисийи). В последней части своего пути эта речка также называется Дуджайдж. Бадакла была протокой или каналом, впадая в Евфрат близ Амгийший (Ат-Табари: т. 2, с. 563).

командир, но некоторым быстрым наездникам удалось ускользнуть, чтобы сообщить печальную весть Азадбеху.

От всадников Азадбех узнал о гибели кавалерийского отряда и смерти своего сына. От прибывших из Ктесифона гонцов он узнал о смерти Ардашира. Сломленный утратой сына и сраженный известием о смерти императора, полководец почувствовал, что бремя свалившейся на него ответственности чересчур тяжело. Он оставил самую мысль защитить Хири от Халида и, переправившись со своим войском через Евфрат, отошел в Ктесифон. Хира была оставлена арабам.

Халид продолжал продвигаться к своей цели. Неизвестно, в каком месте он оставил лодки и пошел по дороге, однако, должно быть, это произошло в нескольких милях ниже по течению от Хиры. Ожидая, что Хира окажет стойкое сопротивление, Халид решил, что не стоит атаковать ее в лоб. Пройдя со своей армией левее, он обошел Хири с запада и появился в Хаварнаке, цветущем городе в трех милях к северу — северо-западу от Хиры.¹⁸⁵ Он прошел через Хаварнак и вышел в тыл к Хири. При входе в город его колонны не встретили ни малейшего сопротивления. Все жители были на своих местах. Они не обратились в бегство и не оказывали никакого сопротивления, поэтому мусульманские солдаты щадили их при своем продвижении к сердцу города.

Вскоре ситуация прояснилась: это был ни мир, ни война. Хира была открытым городом; мусульмане могли взять ее. Однако четыре цитадели Хиры с мощными гарнизонами из арабов-христиан во главе с арабскими предводителями были готовы защищаться и намеревались воспрепятствовать этому. Если Халид намеревался получить любую из этих цитadelей, ему необходимо было завоевать их.

В каждой из крепостей находился дворец, в котором жил предводитель, и каждая из крепостей называлась соответственно. Белым дворцом командовал Ийас ибн Кубайса («царь» Ирака); дворцом ал-Адассийин командовал 'Ади ибн 'Ади; дворцом бану мазин командовал Ибн Акал; дворцом Ибн Букайлы командовал 'Амр ибн 'абд ал-Масих ибн Букайла.

К каждой цитадели Халид направил отряд под командованием одного из своих полководцев. Осаду этих цитadelей, в том порядке, в котором они были названы, вели Диар ибн ал-Азвар, Диар ибн ал-Хаттаб (не родственник 'Умара), Диар бин ал-Мукаррин и Мусанна. Всем полководцам было приказано взять крепости штурмом,

¹⁸⁵ В настоящее время от Хаварнака остался лишь курган в 600 ярдах западнее Наджаф- ского шоссе.

однако перед этим они должны были предложить гарнизонам обычный выбор — либо Ислам и джизья, либо смерть от меча. Гарнизонам давался один день на размышление. Полководцы со своими войсками окружили цитадели. Был выдвинут ультиматум. На следующий день арабы-христиане отвергли его и начались военные действия.

Первым в наступление пошел Диарар ибн ал-Азвар, целью которого был Белый дворец. Его защитники стояли на зубчатых стенах и не только обстреливали мусульман из луков, но и использовали катапульту, чтобы метать в наступающих шары из глины. Диарар принял решение завалить катапульту. Пробравшись вперед с группой отборных лучников, он подобрался к катапульте на расстояние полета стрелы и приказал единным залпом выпустить тучу стрел. Вся команда, обслуживавшая катапульту, а также многие из вражеских лучников были убиты. Остальные поспешили со стен укрепления.

Аналогичные перестрелки имели место и у других крепостей, хотя там не было катапульт. Вскоре все четыре предводителя запросили о переговорах о сдаче. Они согласились выбрать одного из них для ведения переговоров от их общего имени непосредственно с Халидом. Для этого был избран начальник дворца Ибн Букайла — 'Амр ибн 'Абд ал-Масих ибн Букайла.

Ибн 'Абд ал-Масих вышел из своей цитадели и пошел к мусульманам. Он шел медленно, потому что был очень пожилым человеком, «брюви которого нависали над глазами».

В свое время Ибн 'Абд ал-Масих был самым выдающимся сыном арабского Ирака. Он был правителем. Известный как мудрейший и старейший, он не обладал официальными полномочиями, даруемыми персидским двором, но почитался иракцами и оказывал значительное влияние на их жизнь. Он также обладал искрометным, даже несколько озорным чувством юмора. Он стал известной личностью еще во времена Ануширвана Справедливого. Встретившись с Ануширваном незадолго до смерти последнего, Ибн 'Абд ал-Масих предупредил его о том, что после него его империя придет в упадок.

Старый мудрец медленно приблизился к Халиду. Когда он остановился, начался один из самых поразительных диалогов, которые только были зафиксированы историками.

— Сколько же тебе лет? — спросил Халид.

— Двести, — ответил мудрец.

Благоговея перед возрастом старца, Халид спросил:

— Что было самым удивительным из того, что ты повидал?

— Самое удивительное из того, что я повидал, — это порядок в деревнях между Хирой и Дамаском, так что женщина добирается из Хиры с одной лишь буханкой хлеба.

Мудрец намекал на беспрецедентный порядок и систему, существовавшие во времена Ануширвана. Впрочем, до Халида не дошел смысл его слов, и он решил, что старик глуп. Не повышая голоса, Халид заметил:

— Неужто годы не принесли тебе ничего кроме старости? Я слышал, что жители Хиры коварны и склонны к обману. А они присылают ко мне человека, который не ведает, откуда он пришел.

— О полководец! — возразил мудрец. — Воистину, я знаю, откуда я пришел.

— Откуда ты пришел?

— От позвонка моего отца!»

— Откуда ты пришел? — повторил Халид.

— Из чрева моей матери!

— Куда ты идешь?

— Вперед.

— Что для тебя перед?

— Конец.

— Горе тебе! — вскричал Халид. — Каково твое положение?

— На земле.

— Горе тебе! В чем ты оказался?

— В моей одежде.

Халид начал терять терпение. Однако он продолжил допрос:

— Ты понимаешь, что я говорю? -Да.

— Я просто хочу задать несколько вопросов.

— А я просто хочу ответить на них.

Выведенный из себя этим разговором, Халид буркнул:

— Земля уничтожает дураков, но умные уничтожают землю. Полагаю, что твой народ знает тебя лучше, чем я.

— О полководец! — смиленно отвечал Ибн 'Абд ал-Масих, — не верблюду, но муравью лучше ведомо, что происходит в его муравейнике!

И тут до Халида дошло, что перед ним находится человек недюжинного ума. Все, что сказал мудрец, встало на свои места, каждый ответ обрел смысл и остроумность. И его голос прозвучал более уважительно, когда он сказал: «Расскажи мне о чем-нибудь, что тебе памятно».

Взор Ибн 'Абд ал-Масиха стал отсутствующим. Несколько мгновений он с тоской созерцал башни цитадели, возвышавшиеся над крышами городских строений. Затем он сказал: «Я помню время, когда

к этим крепостям подплывали корабли из Китая». Мысленно он вновь вернулся в золотой век Ануширвана.

Вводная часть закончилась, и Халид перешел к делу. «Призываю вас признать Аллаха и Ислам, — сказал он. — Если вы признаете их, вы станете мусульманами. Вы получите то, что получаем мы, и вы будете исполнять то, что исполняем мы. Если вы откажетесь, то платите джизью. А если вы откажетесь платить джизью, то за мной идут люди, которые хотят умереть больше, чем вы хотите жить».

«Мы не хотим сражаться с вами, — ответил Ибн 'Абд ал-Масих, — но мы не изменим нашей вере. Мы будем платить джизью».

Переговоры завершились. Было достигнуто соглашение. Халид уже собирался отпустить старика, когда заметил, что на поясе слуги, сопровождавшего мудреца и стоявшего в нескольких шагах за его спиной, висит маленький мешочек. Халид подошел к слуге, сорвал с его поиска мешочек и высыпал его содержимое себе на ладонь.

— Что это? — спросил он мудреца.

— Это яд, который убивает мгновенно.

— Но зачем вам яд?

— Я боялся, — ответил Ибн 'Абд ал-Масих, — что наша встреча может завершиться иначе. Я свое прожил. Я бы предпочел умереть, чем увидеть, какие несчастья обрушились на мой народ и мою страну.¹⁸⁶

В конце мая 633 г. (в середине месяца рабй' ал-аввал, 12 г. хиджры) были определены условия капитуляции. Был подписан договор. Крепости открыли ворота, и в Хиру вернулся мир. В результате четырех кровавых сражений и нескольких менее значительных схваток задача, поставленная халифом, была выполнена. Халид возглавил общую победную молитву из восьми ракатов.

По договору население Хиры должно было ежегодно выплачивать мусульманскому государству 190 000 дирхамов. В документ входили и некоторые дополнительные статьи: Хира должна была передать мусульманской армии одно седло (войску не хватало одного седла!);¹⁸⁷ жители города должны были действовать как разведчики и проводники мусульман. А еще там был пункт об арабской принцессе!

* * *

Как-то в Медине Святой Пророк находился в обществе своих последователей, беседуя с ними о разных вещах. Речь зашла о чужих странах, и Пророк заметил, что вскоре мусульмане завоюют Хиру.

¹⁸⁶ Этот диалог позаимствован у Балазури (с. 244) и Табари (т. 2, с. 564-566).

¹⁸⁷ Балазури: с. 246.

Тогда один мусульманин, простой, необразованный человек по имени Шувайл,¹⁸⁸ радостно сказал: «О Посланник Аллаха! Когда мы откроем Хиру, смогу ли я взять себе Кираму бинт 'Абд ал-Масих?»

Кирама, дочь 'Абд ал-Масиха, была принцессой. На Аравийском полуострове были наслышаны об ее невиданной красоте — это была самая прекрасная из женщин. Пророк со смехом ответил: «Она будет твоей!»¹

И вот Хира была открыта. Когда войска Халида пришли послушать его переговоры с Абу Масихом об условиях капитуляции, к Халиду подошел Шувайл, воевавший под его знаменем. «О полководец! — сказал он. — Когда Хира капитулирует, можно ли мне будет взять Кираму бинт 'Абд ал-Масих? Она была обещана мне Посланником Аллаха».

Халиду трудно было поверить в то, что Пророк пообещал принцессу из дома 'Абд ал-Масиха этому простолюдину. «Есть ли у тебя свидетели?» — спросил он. «Да, клянусь Аллахом!» — ответил Шувайл и привел свидетелей, которые подтвердили правдивость его слов. Тогда Халид включил данный пункт в условия договора: Кираму бинт 'Абд ал-Масих следовало отдать Шувайлу!

Женщины в доме 'Абд ал-Масиха рыдали от горя, узнав эту страшную новость. Неужели принцессу, которая всю жизнь прожила в роскоши и утонченной обстановке, отдадут неотесанному арабу из пустыни? Самым нелепым в этой ситуации было то, что Кирама была 80-летней старухой! Когда-то она была первой красавицей, но те времена давно миновали.

Принцесса сама разрешила эту проблему. «Приведите меня к нему, — сказала она. — Должно быть, этот дурень слышал о моей красоте, когда я была молодой, и считает, что красота вечна».² И она, сопровождаемая служанкой, вышла из дворца Ибн Букаяла.

Возбужденный эротическими мечтами, Шувайл с нетерпением ожидал своей награды. И вот она явилась к нему. Стоило посмотреть на этого несчастного, пришедшего в смятение при виде ее морщинистого лица. Он был так поражен, что потерял дар речи.

Принцесса нарушила неловкое молчание.

— Зачем тебе старуха? Отпусти меня!

Тогда Шувайлу пришло в голову, что он может заставить ее заплатить за свободу.

— Нет, — ответил он, — Разве что на моих условиях.

— И каковы же твои условия? Назови цену.

¹⁸⁸ Ат-Табари: т. 2, с. 569. Согласно Балазури, этого человека звали Курайм ибн 'Аус (с. 245)!

— Не будь я сыном матери Шувайла, если я позволю тебе уйти меньше чем за тысячу дирхамов.

Хитрая старуха сделала вид, что очень встревожена.

— Тысячу дирхамов! — воскликнула она.

— Да, и ни одним дирхамом меньше.

Принцесса быстро передала ликующему арабу 1 000 дирхамов и вернулась к своей семье.

Шувайл вернулся к товарищам, многие из которых разбирались в делаах лучше него. Едва не лопаясь от гордости, он рассказал им о том, что произошло: как он отпустил Кираму, но заставил ее дорого заплатить за это — целую 1000 дирхамов! Он был совершенно не готов к тому, что его хвастливый рассказ будет встречен смехом. «1000 дирхамов! — восклицали его друзья. — За Кираму бинт 'Абд ал-Масих ты мог получить гораздо больше!»

Расстроенный этим замечанием, простодушный араб ответил: «Я не знал, что есть сумма больше 1000 дирхамов!»

Когда Халиду рассказали об этом происшествии, он от души посмеялся и заметил: «Человек предполагает, а Аллах располагает».

* * *

Теперь, когда Хйра принадлежала ему, Халид принялся подчинять другие части Ирака, начав с ближайших областей. Он разослал правителям и старейшинам городов одинаковые письма, предлагая им сделать обычный выбор — Ислам, джизью или меч. У всех областей хватило здравого смысла покориться, и с их правителями и старейшинами были заключены договоры, устанавливавшие размеры джиззы и гарантировавшие населению защиту мусульман. Эти договоры были засвидетельствованы несколькими мусульманскими военачальниками, в том числе Хишамом, братом Халида, который в этом походе служил под его началом.

Тем временем дела в Персии шли из рук вон плохо. Персы раскололись при решении вопроса о престолонаследии. Они были едины в противостоянии Халиду, но это было бесплодное единство, не приносившее положительных результатов. В условиях хаоса, творившегося в империи в военных вопросах, Бахман принял на себя роль главнокомандующего и лихорадочно трудился над приведением в порядок укреплений Ктесифона, чтобы они выстояли под натиском мусульман, приход которых стал неизбежным. Бахман не ставил перед собой никаких амбициозных целей, думая только о защите Ктесифона и в этом отношении он проявил трезвомыслие, ибо персы потеряли

контроль над всей остальной частью региона западнее нижнего течения Тигра. Теперь над этими просторами господствовал арабский скакун. Халид, разгромивший четыре крупные неприятельские армии, понимал, что ему больше не угрожает контрнаступление со стороны Ктесифона и что он может уверенно войти в Центральный Ирак. Он сделал Хирю опорным пунктом для своих операций и послал свою конницу за Евфрат. Колонны его всадников пронеслись по Центральному Ираку до Тигра, сражая всех, кто оказывал сопротивление, и заключая мир с теми, кто соглашался выплачивать джизью. Командовать стремительно передвигающимися группировками он поручил своим самым талантливым полководцам — Диару ибн ал-Азвару, Ка'ка', Мусанне. К концу июня 633 г. (середине месяца рабй' ал-ахир, 12 г. хиджры) область между этими реками принадлежала ему. Никто не осмеливался бросить вызов его политической и военной власти.

Халид не только завоевывал, он создал систему управления покоренными территориями. Он назначил военачальников управлять всеми регионами и следить за тем, чтобы джизья выплачивалась должным образом, а местное население предоставляло разведданые о персах и проводников для передвижения мусульманских подразделений. Халид также отправил два письма в Ктесифон, одно — ко двору, другое — к народу. В письме к персидскому двору говорилось следующее:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! От Халида ибн ал-Валида царям Персии. Хвала Аллаху, Который сокрушил ваш порядок и расстроил ваши планы. И если бы Он не сделал этого, то вам бы было только хуже.

Подчиняйтесь нашим приказаниям, и мы оставим в покое вас и вашу землю, в противном случае вы будете покорены силой народом, который любит смерть так, как вы любите жизнь».¹

Письмо к народу гласило почти то же самое, а также содержало дополнительное обещание защиты со стороны мусульман в обмен на уплату джизьи. Оба письма были вручены гонцам из местных арабов, живших в Хире, и доставлены в Ктесифон. Ответа не последовало!

Глава 24

АНБАР И 'АЙН АТ-ТАМР

Теперь часть Центрального Ирака, лежащая между Евфратом и Тигром, ниже Ктесифона, оказалась под рукой мусульман. Бездейственность персов укрепила уверенность Халида в том, что Ктесифон более не обладает возможностью препятствовать его действиям и не представляет угрозы для его опорного пункта в Хире или для его путей сообщений с пустыней. Поэтому Халид обратил свой взор на север, куда его войска ранее не отваживались заглядывать. Были два населенных пункта, Анбар и Айн ат-Тамр, которые могли оказать сопротивление: в них обоих находились внушительные персидские гарнизоны и арабские воины, которые оказали бы сопротивление продвижению мусульман. Каждым из городов управляли персидские военачальники. (См. карту 10.)

Халид решил сначала взять Анбар. Это был древний укрепленный город и центр торговли, в который прибывали караваны из Сирии и Персии. Он также славился своими зерновыми амбарами. В конце июня 633 г. (середине месяца раби' ал-ахир, 12 г. хиджры) Халид выступил из Хиры во главе половины своего войска (в ней было около 9000 человек), оставив в своем тылу сильный гарнизон в Хире и несколько отрядов в Центральном Ираке. Двигаясь вдоль западного берега Евфрата, он переправился через реку где-то немного ниже Анбара. Его разведчики выдвинулись на восток, чтобы следить за тем, не появится ли кто-то со стороны Ктесифона, а сам Халид подступил к Анбару и взял город в осаду.

Мусульмане увидели, что город защищают не только крепостные стены, но и глубокий ров с водой. Ров находился на небольшом расстоянии от стен, и поэтому каждый, кто попытался бы перебраться через него, с неизбежностью попал бы под прицельный огонь стоявших на стенах лучников. Перекинутые через ров мосты были уничтожены при подходе мусульман.¹⁸⁹

Анбар был главным городом области Сабат, расположенной между двумя реками западнее Ктесифона. В Анбаре находилась резиденция правителя Сабата, Ширзада, более славившегося умом и образованностью, чем военным искусством. Теперь перед Ширзадом стояла задача

¹⁸⁹ От Анбара не осталось ничего, кроме нескольких курганов, находящихся в 3 милях северо-западнее современной Фаллуджи и примерно в миле от Евфрата. На курганах, занимающих площадь около половины квадратной мили, все еще можно найти старинные черепки. Согласно Йакуту (т. 1, с. 367), персы называли этого город Фируз Сабур.

защитить крепость от мусульманской армии, полагаясь на имевшиеся в его распоряжении силы — персидский гарнизон и большое количество арабских вспомогательных войск, на которые он, по всей видимости, не слишком полагался.

На следующий день после прибытия Халид выехал вперед, чтобы осмотреть оборонительные сооружения крепости. На стенах он заметил тысячи персов и арабов, которые беспечно стояли группами, наблюдая за мусульманами так, словно они наблюдали за турниром. Халида это поразило, и он заметил: «Мне кажется, эти люди понятия не имеют о том, что такое война».¹⁹⁰

Он собрал 1 000 лучников — самых метких стрелков — и объяснил им свой замысел. Они должны были подкрасться к краю рва, держа луки наготове, но не приладив к ним стрелы. По его команде им предстояло приладить стрелы и сделать несколько залпов по гарнизону. «Цельтесь в глаза, только в глаза!» — велел Халид лучникам.¹⁹¹

Отряд лучников приблизился к крепости. Толпы стоявших на стене глазели на лучников, гадая, что они будут делать дальше. Когда лучники дошли до рва, Халид отдал приказ, и 1000 быстрых стрел перелетели через ров, а за ними еще 1000 и еще. За несколько секунд защитники крепости лишились 1000 глаз. В городе поднялся крик: «Люди Анбара лишились глаз!» Благодаря этой операции сражение при Анбаре также известно как битва Глаз.¹⁹²

Когда Ширзад узнал о несчастье, постигшем его гарнизон, он направил Халиду предложение сдать ему крепость, если будет достигнута договоренность о приемлемых условиях капитуляции. Халид отверг это предложение: капитуляция должна быть безоговорочной. Скрепя сердце, Ширзад принял решение продолжать сопротивление.

Халид решил взять крепость штурмом. На стены нужно было подниматься по приставным лестницам, но эта задача была не слишком сложной. Главную трудность представляла собой переправа через ров, который был и глубоким, и широким. Лодок у мусульман не было, не было и материалов, из которых можно было бы построить лодки или плоты, а жители пустынь не умели плавать. Халид решил построить мост из плоти и костей.

Для атаки он выбрал место, в котором ров был наиболее узким, рядом с главными воротами крепости. Он выставил своих лучников на

¹⁹⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 575.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

такую позицию, с которой они могли стрелять по вражеским лучникам на той части стены, которая выходила к месту переправы, и приказал им не давать вражеским лучникам обстреливать ров.

Затем Халид велел собрать по всей армии старых и слабых армейских верблюдов. Этих изнуренных животных подводили к краю рва и под прикрытием стрел, посыпаемых мусульманскими лучниками, закалывали по две-три головы одновременно и сталкивали в ров. Гора туш быстро росла, пока, наконец, не образовала возвышавшийся над водой неровный мост. Затем, по команде Халида, отряд его воинов ринулся на эту переправу из мертвый плоти и перешел на другую сторону рва.

Пока воины приставляли к стене штурмовые лестницы, ворота крепости отворились, и из них вылетел отряд персов, намеренных сбросить мусульман в ров. Между отрядами завязался ожесточенный бой, но мусульманам удалось отбить контратаку, и персы, опасаясь, что мусульмане могут попасть в крепость через ворота, поспешили отошли обратно и заперли за собой ворота. В течение всего этого времени мусульманские стрелки продолжали обстреливать персидских и арабских лучников на стене, не позволяя им помешать действиям по строительству моста и переправе.

Халид уже собирался отдать приказ о штурме стен по лестницам, когда над воротами показался посланец Ширзада и передал еще одно предложение от правителя: он сдаст крепость, если мусульмане позволят ему и персам уйти в целости и сохранности. Халид еще раз взглянул на крепостную стену. Он понимал, что штурм по лестницам и последующее сражение внутри крепости будет делом не из легких. Поэтому он сказал посланцу, что согласится на это предложение при условии, что персы оставят в крепости все свое имущество.

Ширзад был счастлив и тем, что ему позволили убраться восвояси, и с облегчением принял условия Халида. На следующий день персидские воины и их семьи отправились в Ктесифон, а мусульмане вошли в крепость. Арабы-христиане сложили оружие и согласились выплачивать джизью. Это произошло на второй неделе июля 633 г. (в конце месяца рабй' ал-ахир, 12 г. хиджры). В течение нескольких последующих дней Халиду покорились все кланы, жившие в окрестностях Анбара.

Ширзад с персидским гарнизоном добрался до Ктесифона, где на него обрушились суровые упреки Бахмана. Как всякий неспособный командир, Ширзад сваливал вину на свои войска, в данном случае — на арабов-христиан. «Я находился среди людей, лишенных здравого

смысла, — жаловался он, — к тому же, у них арабские корни». ¹⁹³

* * *

Халид назначил правителя Анбара, а затем вновь выступил в поход. Он еще раз переправился через Евфрат и двинулся на юг. На подходе к 'Айн ат-Тамру он обнаружил, что на его пути стоит развернутая в боевой порядок армия, состоящая исключительно из арабов.

'Айн ат-Тамр был крупным городом, окруженным плантациями финиковых пальм, и считается, что именно это обстоятельство и дало ему его имя: 'Айн ат-Тамр означает «источник фиников». ¹⁹⁴ Имеющий гарнизон из персидских солдат и арабских вспомогательных отрядов, этот город обладал гораздо большими возможностями препятствовать продвижению Халида, чем Анбар. Персидским военачальником 'Айн ат-Тамра был Михран ибн Бахрам Чубайн — не только способный полководец, но и искушенный политик. Персидский гарнизон 'Айн ат-Тамра был больше, а местные арабы принадлежали к гордому, свирепому племени Намр, которое считало себя наиглавнейшим. А еще были христианские арабские кланы, которые присоединились к намритам для того, чтобы совместно противостоять мусульманам. Всеми арабами командовал знаменитый предводитель 'Акка ибн Абай 'Акка.

Когда арабские разведчики сообщили о том, что мусульмане выступили из Анбара и движутся по направлению к 'Айн ат-Тамру, 'Акка направился к персидскому военачальнику. «Арабам лучше знать, как надо сражаться с арабами,— заявил он. — Позволь мне разобраться с Халидом».

Михран кивнул головой в знак согласия. «Ты прав, — мудро заметил он. — Вам лучше знать, как сражаться с арабами. А когда дело доходит до сражения с неарабами, вы равны нам». ¹⁹⁵

'Акка был польщен этим комплиментом. Видя, что его слова произвели желаемый эффект, Михран продолжил: «Вы выступите вперед и сразитесь с Халидом. А на случай, если вам понадобится наша помощь, мы будем стоять здесь наготове, чтобы прийти на подмогу». ¹⁹⁶

¹⁹³ Ат-Табари: т. 2, с. 575.

¹⁹⁴ 'Айн ат-Тамр, от которого не сохранилось ничего кроме источника, находился в 10 милях к западу — северо-западу от нынешней Шисасы. В настоящее время Шисасу также называют 'Айн ат-Тамр, но исторический Источник Фиников находился в том месте, которое было указано выше.

¹⁹⁵ Ат-Табари: т. 2, с. 576.

¹⁹⁶ Там же: с. 576.

Свидетелями разговора были несколько персидских военачальников. Когда 'Акка удалился, они спросили своего командира: «Зачем ты так разговаривал с этой собакой?»

«Доверьте это мне, — ответил Махран. — Я задумал то, что лучше для вас и хуже для них. Если эти арабы одержат победу, она будет и нашей победой. Если они потерпят поражение, то они по крайней мере успеют ослабить армию Халида, и тогда нам придется сражаться с измотанным врагом, тогда как у нас будут свежие силы». ¹⁹⁷

Персы остались в 'Айн ат-Тамре, а арабы выдвинулись вперед миль на 10 по дороге на Анбар. Там 'Акка построил свои войска для сражения.

Когда Халид натолкнулся на 'Акку, он был удивлен тем, что ему противостоят только арабские войска, ибо до этого времени во всех битвах в Ираке ему приходилось сражаться против смешанных сил персов и арабов. Однако он, как обычно, разделил свое войско на центр и фланги, а сам, окруженный мощным отрядом телохранителей, встал перед центром. На другом конце поля боя, перед арабским центром, стоял 'Акка. Халид решил, что захватит 'Акку живым.

Готовя мусульман к бою, Халид велел командирам флангов вступить в бой с флангами противника, но сражаться не слишком яростно, просто для того чтобы связать вражеские силы, прежде чем он пойдет в атаку на центр. И вот Халид дал сигнал, и мусульманские фланги пошли вперед и атаковали фланги противника. Такой бой продолжался в течение некоторого времени. 'Акка было озадачен тем, что мусульманский центр не идет в атаку. Затем Халид со своими телохранителями стремительно атаковал 'Акку.

Телохранители занялись арабскими воинами, стоявшими подле 'Акки, а Халид и 'Акка вступили в единоборство. 'Акка был отважным и опытным бойцом, не намеренным уступать противнику, однако, к своему ужасу, вскоре он понял, что побежден и захвачен Халидом. Когда воины арабского центра увидели, что их предводитель попал в плен, многие из них сдались мусульманам, а остатки центра бежали с поля боя. Фланги последовали примеру центра, и арабское войско, оставив в руках мусульман множество своих военачальников, поспешно отступило на 'Айн ат- Тамр.

Когда арабы вернулись в крепость, они увидели, что персы ушли. Михран послал нескольких разведчиков, чтобы они следили за ходом сражения и сообщали о развитии событий. Как только разведчики увидели, что арабы показали Халиду спину, они галопом помчались

¹⁹⁷ Там же: с. 577.

назад, чтобы сообщить Михрану о поражении арабов. Не теряя ни минуты, Михран вывел свое войско из 'Айн ат-Тамра и ушел в Ктесифон. Обнаружив, что их покинули, арабы ворвались в крепость, заперли ворота и с трепетом стали ожидать осады.

Подошедшие мусульмане осадили крепость. 'Акку и других захваченных в плен водили под стенами крепости, чтобы ее защитники видели, что их командир и товарищи по оружию были беспомощными пленниками. Это произвело на осажденных такое впечатление, что они дрогнули и предложили сдать крепость на определенных условиях, однако Халид отверг это предложение. Никаких условий: у них есть возможность сдаться без всяких условий и положиться на милость победителей. Арабские старейшины немного пообсуждали сложившееся положение, а затем пришли к выводу, что безоговорочная капитуляция лучше, чем продолжение сопротивления, ибо в противном случае у них практически не оставалось шансов сохранить себе жизнь. В конце июля 633 г. (середине месяца джумада-л-ула, 12 г. хиджры) защитники 'Айн ат-Тамра сдались Халиду.

По приказу Халида воины, защищавшие крепость и сражавшиеся с мусульманами на дороге, были обезглавлены.¹ Эта участь постигла и 'Акку ибн Абу 'Акку. Остальных взяли в плен, а богатства 'Айн ат-Тамра были распределены в качестве военных трофеев.

В 'Айн ат-Тамре был монастырь, в котором мусульмане обнаружили 40 юношей, преимущественно арабов, которых готовили стать священниками. Всех их взяли в плен. Среди этих пленников оказался и юноша по имени Нусайр, которому предстояло стать отцом Мусы, а Мусе предстояло стать знаменитым в качестве мусульманского правителя Северной Африки и человека, который послал Тарика ибн Зийада в Испанию.

Через несколько дней, потраченных на решение проблем организационного и административного характера, Халид подготовился к возвращению в Хиরу. Он уже собирался выступить в поход, когда получил призыв о помощи из северной части Аравийского полуострова. После краткого размышления по поводу этого призыва Халид изменил направление марша и объявил своим воинам новое место назначения — Даумат ал-Джандал.

Глава 25

СНОВА ДАУМАТ АЛ-ДЖАНДАЛ

Даумат ал-Джандал был одним из больших торговых городов на Аравийском полуострове, славившимся своим богатым и многолюдным базаром. Также это был важный коммуникационный центр, где пересекались пути из Центральной Аравии, Ирака и Сирии. В части I этой книги я рассказывал о том, как Халид побывал в Даумат ал-Джандале в период Табукского похода Пророка и захватил в плен Укайдира ибн 'Абд ал-Малика, начальника крепости. Тогда Укайдир покорился и присягнул Пороку, но после операций, проведенных 'Амром ибн ал-'Асом и Шурахбilem ибн Хасаной в период отступничества он нарушил свою клятву и решил, что больше не будет иметь ничего общего с Мединой. Теперь он правил княжеством, в котором проживали христиане и язычники.

Примерно тогда, когда Халид выступил из Иамамы, направляясь за воевывать Ирак, Абу Бакр направил 'Ийада ибн Ганама захватить Даумат ал-Джандал и еще раз покорить северные племена. Вероятно, после выполнения той задачи халиф намеревался послать 'Ийада в Ирак для поддержки Халида. 'Ийад прибыл в Даумат ал-Джандал и обнаружил, что город надежно обороняется калбитами — крупным племенем арабов-христиан, проживавшим в этом регионе и на восточной окраине Сирии. Он расставил свое войско у южной части форта, и возникшая ситуация оказалась абсурдной с военной точки зрения. Арабы-христиане считали себя осажденными, но пути, ведущие к крепости с севера, оставались открытыми. Мусульмане, сконцентрировавшиеся у крепости, оказались в столь трудном положении, что им приходилось постоянно вести бои. По свидетельству древних историков, обе стороны оказались в осаде! Боевые действия сводились в основном к перестрелкам лучников и атакам гарнизона крепости, которые мусульмане неизменно отбивали. Такое положение дел сохранялось в течение нескольких недель, до тех пор пока обе стороны не почувствовали себя одинаково усталыми и одинаково загнанными в тупик.

Один мусульманский командир как-то сказал 'Ийаду: «В определенных обстоятельствах мудрость важнее большой армии. Пошли к Халиду за помощью». 'Ийад согласился. Он написал Халиду письмо, объясняя ситуацию при Даумат ал-Джандале и прося его о помощи. Это письмо попало к Халиду тогда, когда он намеревался выступить из 'Айн ат-Тамра на Хиру.

Халид не стал тянуть с принятием решения. Ситуация на иракском фронте была стабильной, и у него были способные наместники, которые могли справиться с персами, если тем вздумается пойти в контрнаступление из Ктесифона. Халид отправил письмо Ка'ка' в Хириу, сообщая, что тот будет выступать в качестве наместника Халида и командовать фронтом в период его отсутствия. Он оставил гарнизон в 'Айн ат-Тамре. И на следующее утро с войском из 6000 человек выступил из 'Айн ат-Тамра, направившись на соединение с 'Иядом. Впереди него помчался гонец 'Иядада, везший от Халида письмо, в котором были только эти стихи:

Подожди немного, ибо кони скачут к тебе.

Их всадники — львы, размахивающие сверкающими мечами;

Полки следуют за полками.

Зашитники Даумат ал-Джандала обнаружили передвижение Халида задолго до его подхода, и в крепости воцарилось беспокойство. С имеющимися в их распоряжении силами защитники крепости могли противостоять войску 'Иядада, но у них не осталось бы ни единого шанса, если бы против них выступило и войско Халида. В лихорадочной спешке они отряжали гонцов к соседним племенам. Племена арабов-христиан дружно ответили на призыв о помощи. Отряды нескольких кланов гассанитов и калбитов присоединились к защитникам крепости, причем многие разбили лагеря под стенами крепости, потому что в самой крепости для них не было места. Это поставило 'Иядада в сложное положение, и он молился о скорейшем прибытии Халида.

Войсками арабов-христиан командовали два великих предводителя, Джуди ибн Раби'a и Укайдир. Из предводителей только у Укайдира был опыт войны с Халидом, и этот человек чувствовал себя неуютно с тех самых пор, как узнал о том, что Халид выступил из 'Айн ат-Тамра и идет на соединение с 'Иядом. Когда кланы собрались в Даумат ал-Джандале, Укайдир созвал вождей племен на совет. «Я знаю Халида больше, чем любой из вас, — сказал он. — Нет человека, который был бы удачливее него. Нет человека, который был бы равен ему в военном искусстве. Нет такого народа, ни слабого, ни сильного, который вышел бы победителем из битвы с Халидом. Примите мой совет и заключите с ним мир».

Однако арабы с презрением отвергли совет и вознамерились дать бой Халиду. Тем временем нервы у Укайдира совсем сдали. Он не мог подумать о еще одной битве с Мечом Аллаха, и однажды ночью он незаметно выскоцил из крепости и направился по дороге, которая вела в Иорданию. Однако было уже слишком поздно: войско Халида

уже подошло, и один из их отрядов конницы перехватил беглого предводителя и взял его в плен.

И вновь Укайдир стоял перед Халидом. Если он думал, что воспоминания о мирном исходе их предыдущей встречи пробудят сострадание в сердце Халида, то он ошибался. С точки зрения Халида, ситуация была предельно ясной: Укайдир нарушил клятву верности, он был мятежником. Халид приказал казнить Укайдира, и приговор был незамедлительно приведен в исполнение. Таков был конец Укайдира бин 'Абд ал-Малика, правителя Кинды, повелителя Даумат ал-Джандала.

На следующий день Халид принял командование над 'Ийадом и включил его отряд в свое войско. Он поставил воинов 'Ийада южнее крепости, чтобы они блокировали дорогу, ведущую из Аравии: часть своей армии он поставил восточнее, севернее и западнее крепости, перекрыв дороги на Ирак и Иорданию. Остальная часть армии составила могучий резерв. Халид понимал, что в данный момент в крепости находится множество людей, и если сейчас брать ее штурмом, эта операция обойдется ему недешево. Поэтому он решил выждать, надеясь, что уставшие от осады защитники крепости выйдут из нее, чтобы сразиться в открытом бою. В таком случае он мог бы нанести им максимальный урон и, ослабив гарнизон, взять крепость штурмом. Поэтому Халид держал свои войска на некотором расстоянии от крепости.

После бегства Укайдира всей армией арабов-христиан стал командовать Джуди ибн Раби'а. Джуди дожидался, когда мусульмане сделают первый ход, однако мусульмане не проявляли активности. По прошествии некоторого времени Джуди увидел, что осаждающие не предпринимают ни малейших попыток напасть на крепость, и ему захотелось поскорее сразиться с Халидом. Поэтому он приказал осуществить две вылазки. Одному отряду предстояло атаковать 'Ийада, стоявшего на Аравийской дороге, а другому крупному отряду, в который входили и члены его собственного клана, Вади'а, и который действовал под его непосредственным командованием, следовало атаковать лагерь Халида на севере.

'Ийад отогнал назад арабов, попытавшихся атаковать его. Побросав множество убитых, они поспешили вернуться в крепость и заперли ворота. Этому отряду повезло. Ему довелось сразиться лишь с неопытным полководцем, каким был 'Ийад ибн Ганам, и воинами, которые были не чета закаленным в сражениях ветеранам Халида.

Второй, более крупный отряд, клан Вади'а, действовавший под командованием Джуди, вышел из крепости одновременно с отрядом, на-

правлявшимся на 'Ийада, и двинулся на Халида, который находился на некотором расстоянии от крепости и расставил свое войско в боевом порядке. Видя, что со стороны Халида не следует никаких действий, Джуди осмелел. Он привел свой клан в боевой порядок и пошел на сближение с Халидом. Два войска теперь оказались на совсем небольшом расстоянии друг от друга, и Джуди воображал, будто бы ему удастся прогнать противника с поля боя. И тут Халид нанес неожиданный, стремительный и невероятно жестокий удар по Джуди.

Арабы так и не поняли, что произошло. За несколько минут их отряд был разбит, развалившись как карточный домик. Джуди и сотни его со-племенников были захвачены в плен, тогда как остальные, охваченные ужасом, беспорядочно бежали к крепости. Мусульмане не просто преследовали их, они были с ними, среди них, повсюду. Если первым до крепостных ворот добрался араб, то вторым был мусульманин. Остававшиеся в крепости арабы увидели, что к крепости несется дикая толпа, в которой по крайней мере половину составляли мусульмане. Они закрыли ворота перед носом своих товарищей, и клан Вад'я, ходивший в атаку с Джуди, оказался отрезан. Сотни людей были захвачены в плен мусульманами. Остальные погибли — кто-то пал в коротком, но жарком бою, остальные — в бегстве к воротам и схватке у них. С какой горечью теперь они вспоминали совет Укайдира. Вот каким был Халид на самом деле! Однако теперь уже было слишком поздно.

Первая часть плана Халида была завершена. Затем он подвел войско к самой крепости, чтобы ее защитники увидели, что у них нет ни малейшего шанса ускользнуть, а затем предложил гарнизону сдаться, однако гарнизон отверг это предложение.

Халид приказал провести вдоль стен крепости Джуди и его пленных сородичей, чтобы все их увидели. Затем, на глазах у охваченных ужасом защитников, Джуди и пленникам отрубили головы. Однако это лишь укоренило намерение защитников Даумат ал-Джандала сражаться до конца, а не сломило их дух, как на то надеялся Халид.

Осада продолжалась в течение нескольких дней. Затем Халид взял крепость штурмом. Ее защитники сопротивлялись изо всех сил, но у них не было ни малейшего шанса взять верх над превосходным, закаленным в боях войском Халида. Большинство защитников крепости было убито, но женщины, дети и множество юношей были захвачены в плен. Это случилось примерно в последнюю неделю августа 633 г. (в середине месяца джумада-л-ахира, 12 г. хиджры).

Халида всегда притягивали красивые женщины. И складывается впечатление, что он испытывал особую страсть к женщинам тех

предводителей, которые сражались против него. Он купил прелестную дочку Джуди и сделал ее своей рабыней!

Последующие несколько дней Халид посвятил урегулированию дел в Даумат ал-Джандале. Затем он отправился в Хиру, захватив с собой 'Иада в качестве своего подчиненного. По возвращении Халиду предстояло узнать, что положение в Ираке несколько изменилось, ибо персы вновь вышли на тропу войны.

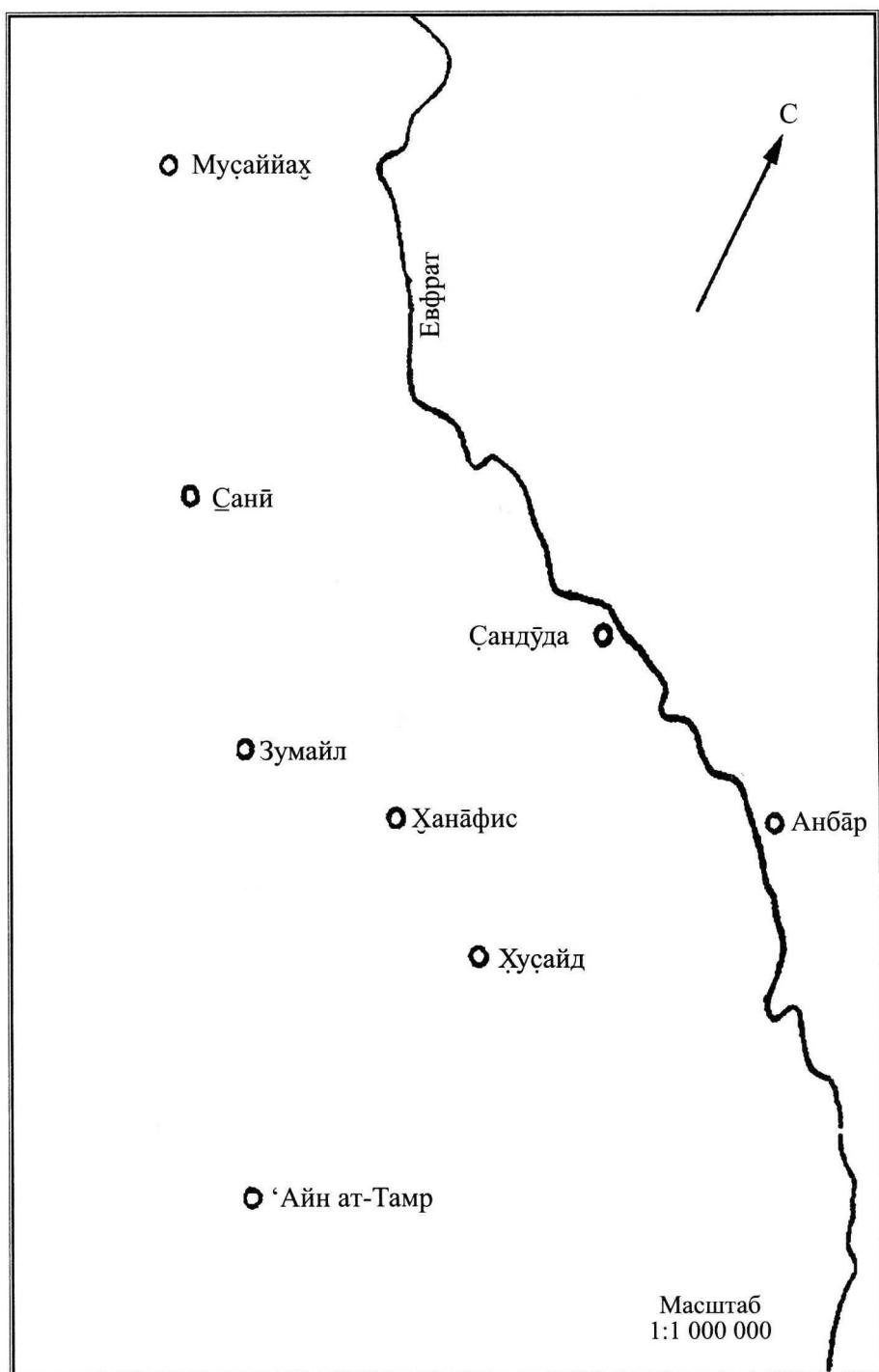
Глава 26

ПОСЛЕДНЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Не прошло и нескольких дней после выхода Халида из 'Айн ат-Тамра, когда слухи о его передвижении дошли до персидского двора. Было решено, что Халид вернулся на Аравийский полуостров с большей частью своего войска, и в Ктесифоне вздохнули с облегчением. Через несколько дней состояние облегчения сменилось злобным желанием вышвырнуть мусульман обратно в пустыню и вернуть империи земли и утраченный престиж. Персы решили не сражаться больше с Халидом, но они были вполне готовы сразиться с мусульманами без Халида.

Бахман взялся за дело. К этому времени он успел создать новую армию, в которую вошли уцелевшие под Уллайсом ветераны, призванные из гарнизонов, стоявших в других частых Персии, а также новые рекрутты. Теперь это войско было готово к сражению. Однако из-за множества новобранцев оно было не такого качества, как те войска, которые сражались с Халидом южнее Евфрата. Бахман решил не бросать эту армию в бой до тех пор, пока ее сила не будет увеличена за счет крупных отрядов арабов-христиан, которые сохранили верность империи. По этой причине он начал вести переговоры с арабами.

Арабы-христиане охотно и с готовностью откликнулись на призывы персидского двора. Помня о поражении, которое они потерпели под 'Айн ат-Тамром, возмущенные арабы этой области жаждали отомстить за убийство своего великого предводителя 'Акки. И еще они хотели

Карта 14. Последнее сопротивление

вернуть себе власть над землями, которые оказались в руках мусульман, и освободить своих товарищей, захваченных в плен победителями. Большое количество кланов начало готовиться к войне.

Бахман разделил персидские войска на две действующие армии и отправил их из Ктесифона. Первая армия, под командованием Рузбиха, двинулась на Хусайд, вторая — ею командовал Зармихр — пошла к Ханафису. На данный момент эти две армии располагались в различных областях для облегчения передвижения и управления, но они не должны были выходить за пределы этих областей до тех пор, пока арабы-христиане не будут готовы к войне. Бахман планировал сосредоточить всю армию империи, чтобы либо дождаться наступления мусульман, либо пойти на юг и дать бой мусульманам в Хире.

Однако арабы-христиане все еще не были готовы. Они собирались в два отряда: первый, которым командовал предводитель по имени Хузайл ибн 'Имран, собирался в Музайе, второй, под командованием предводителя Раби'a ибн Буджайра, собирался в двух расположенных рядом населенных пунктах, Санийе и Зумайле (он также известен под названием Башар). Собравшись, эти отряды должны были присоединиться к персам и составить единую крупную, могучую армию. (См. карту 14.)

В разгар военных приготовлений Ка'ка', командовавший Иракским фронтом в отсутствие Халида, предпринял контрмеры. Он вернул назад некоторые из отрядов, которые Халид отправил за Евфрат, и расквартировал их в Хире. И еще он выслал вперед два полка, один — к Хусайду, а другой — к Ханафису. Командирам этих полков было приказано вступить в бой с персидскими войсками в этих населенных пунктах, задержать продвижение персов, если те решат пробиваться вперед, и сообщать Ка'ка' о численности и передвижении персов. Одновременно Ка'ка' привел в готовность остальную армию, чтобы она в любой момент могла вступить в бой.

Такова была ситуация, которую застал в Хире Халид, прибывший в город на четвертой неделе сентября 633 г. (в середине месяца раджаб, 12 г. хиджры). Ситуация могла принять угрожающий характер, но только в том случае, если бы четырем имперским войскам удалось объединиться и пойти в наступление на Хиру. Любой план мусульман должен был удовлетворять двум стратегическим требованиям:

а) предотвратить сосредоточение имперских войск в одну великую, непобедимую армию;

б) защищать Хири от врага в одном секторе, пока мусульмане будут действовать против врага в другом секторе.

Халид решил проводить операцию так, как стало характерно для него. Он пойдет в наступление и разобьет каждое имперское войско по отдельности на месте. Замыслив такую стратегию, Халид разделил мусульманский гарнизон Хиры на два корпуса, одним из которых он поручил командовать Ка'ка', а другим — Абу Лайле. Халид отправил их обоих к 'Айн ат-Тамру, где намеревался присоединиться к ним несколько позднее, после того как отдохнут войска, принимавшие участие в сражении за Даумат ал-Джандал.

Несколько дней спустя вся мусульманская рать сконцентрировалась в 'Айн ат-Тамре, за исключением маленького гарнизона под командованием 'Ийада ибн Ганама, оставленного присматривать за Хирай. Теперь армия состояла из трех корпусов примерно по 5000 человек каждый, и один из них оставался в резерве. Халид направил Ка'ка' в Хусайд, а Абу Лайлу — в Ханафис, отдав им приказ уничтожить персидские армии в этих городах. Этим двум генералам предстояло принять под свое командование мусульманские полки, которые уже были размещены в соответствующих секторах. Халид намеревался стремительно и одновременно обрушиться на обе персидские армии, чтобы не допустить ухода одной, пока идет разгром другой. Однако случиться этому было не суждено, ибо дорога до Ханафиса была длиннее, чем до Хусайда, а Абу Лайла не смог провести свои войска с достаточной скоростью, чтобы наверстать время. Тем временем Халид оставался со своим резервным корпусом в 'Айн ат-Тамре, следя за тем, чтобы со стороны Санийи и Зумайла не было никаких признаков наступления врага на Хири.

Ка'ка' пошел на Хусайд, а Абу Лайла вышел следом за ним на Ханафис. Каждое войско пошло по разным дорогам, направляясь к своим целям. Когда Ка'ка' приблизился к своей цели, Рузбих, персидский военачальник в Хусайде, направил просьбу о помощи Зармахру, персидскому военачальнику Ханафиса. Зармихр не мог выступить со своим войском в Хусайд, потому что до выведения своей армии из Ханафиса он должен был получить соответствующее разрешение от Бахмана. Однако он отправился в Хусайд, чтобы лично оценить обстановку, и прибыл туда как раз вовремя, чтобы принять участие в битве при Хусайде, которая состоялась примерно в середине октября 633 г. (в первую неделю месяца ша'бан, 12 г. хиджры).

Как только Ка'ка' прибыл к Хусайду, он развернул свои войска в боевой порядок и бросил их против персидской армии, которая была гораздо более многочисленной. Рузбах был сражен Ка'ка' в поединке.

Зармахр также бросил вызов на единоборство, и его вызов был принят одним мусульманским военачальником, который и убил его. У персов не было недостатка в мужестве, но, тем не менее, они потерпели поражение от Ка'ка¹⁹⁸ и были обращены в бегство. Оставив на поле боя множество мертвых тел, персы поспешили отступили на Ханафис, где они соединились с другой персидской армией, и командование этим войском теперь перешло к другому полководцу — Махбузану.

Уцелевшие в битве при Хусайде прибыли в Ханафис, лишь немного опередив корпус Абу Лайлы. Пришли донесения о приближении мусульман. Будучи здравомыслящим полководцем, Махбузан извлек нужный урок из поражения под Хусайдом и решил уклониться от сражения с мусульманами. Немедленно покинув Ханафис, он пошел в Мусайях, где соединился с арабским войском, собравшимся под командованием Ху-зайла ибн 'Имрана. Поэтому Абу Лайла, прибыв в Ханафис, обнаружил, что персы его покинули. Он занял Ханафис и сообщил Халиду о том, что персы ушли в Мусайях.

* * *

В 'Айн ат-Тамре Халид получил известие о поражении, нанесенном персидской армии при Хусайде. Затем он узнал о перемещении второй персидской армии с остатками первой из Ханафиса в Мусайях. Это перемещение оставляло Ктесифон уязвимым и открытым для нападения, хотя в нем, без сомнения, должен был находиться оставленный для обороны местный гарнизон. В настоящее время самая крупная группировка имперских войск находилась в Мусайяхе. С другой стороны, сосредоточения арабов в Санй и Зумайле перестали представлять угрозу для Хиры, так как в результате неудачи, постигшей персов в Хусайде и Ханафисе, эти арабы едва ли отважились бы покинуть свои лагеря с агрессивными намерениями.

Теперь Халиду предстояло выбирать между тремя целями: столицей империи, имперской армией в Мусайяхе и арабскими войсками в Санй и Зумайле. Он подумал было о нападении на Ктесифон, но отмел эту мысль по двум причинам. Во-первых, согласно Табари, он боялся, что, атаковав Ктесифон, навлечет на себя неудовольствие халифа.¹⁹⁸ Абу Бакр явно не желал этого. Во-вторых, и то было соображение исключительно военного характера, пойдя на Ктесифон, Халид открыл бы свой фланг и тыл сильной группировке, находящейся в Мусайяхе. Тогда эти силы смогут напасть на него с тыла, пока он воюет с

¹⁹⁸ Об иракской миссии Халида см. примечание 4 приложения Б.

Ктесифоном, или же пойти вперед и захватить его опорный пункт в Хире, отрезав ему путь в пустыню.

Из двух оставшихся целей Халид избрал Мусайаху. Вторая цель была не столь значительной, и ей можно было спокойно заняться в дальнейшем.

К этому времени лазутчики Халида точно установили местоположение имперского лагеря в Мусайахе, и для решения своей задачи он придумал маневр, который редко применялся в истории, являясь одним из наиболее трудных как для осуществления, так и координации действий, — одновременное ночное нападение с трех сторон.

Сначала Халид отдал необходимые приказы. Три корпуса должны были выйти из мест своего расположения, соответственно, из Хусайда, Ханафиса и 'Айн ат-Тамра, двигаться по разным дорогам, которые он обозначил между Евфратом и линией Санй — Зумайл, и соединиться в указанную ночь в назначенному месте. Тут же Халид отдал приказ об атаке. Он назначил время атаки и указал три разных направления, с которых три корпуса должны были обрушиться на ни о чём не подозревающего противника. Халид подвергал свое войско суровому испытанию на точность: только прекрасно отлаженная военная машина могла выполнить столь тщательно рассчитанный по времени маневр в ночное время.

И задуманный маневр был осуществлен. Персы и арабы мирно спали, ибо последнее донесение о местонахождении мусульманских войск свидетельствовало о том, что они достаточно далеко и угрозы внезапного нападения нет. Эта ночь в Музайе оказалась для них последней. Имперская армия узнала о нападении только тогда, когда в лагерь ворвались три ревущих потока мусульманских воинов.

В ночной неразберихе и охватившей воинов панике персидская армия даже не смогла сориентироваться. В лагере воцарился ужас, а воины, убегавшие от одного мусульманского корпуса, напарывались на другой. Тысячи были убиты. Мусульмане напали, чтобы полностью уничтожить это войско, как они уничтожили армию Андарзара при ал-Валадже, однако, несмотря ни на что, под покровом темноты, скрывшей внезапное нападение, многим персам и арабам удалось бежать.

Ко времени, когда солнце озарило восточную часть горизонта, в Музайе не осталось ни единого живого воина имперской армии. Нам неизвестна судьба персидского полководца Махбузана, но арабскому военачальнику Хузайлу ибн 'Имрану удалось благополучно ускользнуть и присоединиться к арабскому войску в Зумайле.

Данное событие произошло на первой неделе ноября 633 г. (на четвертой неделе месяца ша'бан, 12 г. хиджры). Маневр дал блестящие результаты: сроки были выдержаны точно!

Среди арабов, погибших при Музайе, были двое мусульман. Эти люди побывали в Медине незадолго до вторжения в Ирак, встретились с Абу Бакром и, предположительно, приняли Ислам, а потом вернулись, чтобы жить среди сородичей-христиан. Когда в Медине узнали о том, что эти два мусульманина погибли от рук армии Халида, 'Умар пришел к халифу и сердито осудил то, что он назвал тиранией Халида, однако Абу Бакр отмел его обвинения, заметив: «Такое случается с теми, кто живет среди неверных».¹⁹⁹ Тем не менее он приказал выплатить кровные деньги их семьям. Что касается Халида, халиф повторил ставшие знаменитыми слова: «Я не стану вкладывать в ножны меч, который Аллах направил против неверных».

* * *

Из Мусайяха Халид направился в Санй и Зумайл. Саний находился ближе и поэтому стал первой целью, и Халид решил повторить там тот же маневр, который он применил в Мусайяхе. Его войску следовало действовать, разделившись на три части, как и прежде. Корпуса должны были пройти из Мусайях по разным дорогам и соединиться для нападения на Санй в назначенную ночь в указанное время. Халид наступал по прямой дороге, ведшей из Мусайях, а остальные корпуса двигались на значительном расстоянии от его флангов. В назначенную ночь в указанное время — шла вторая неделя ноября 633 г. (первая неделя месяца рамадан, 12 г. хиджры) — эти три корпуса напали на арабский лагерь в Санй. На этот раз уцелеть удалось еще меньшему числу арабов. Однако женщинам, детям и многим юношам была дарована жизнь, и они были захвачены в плен. Арабский военачальник Рабй'а ибн Буджайр также нашел свою смерть, а его прекрасная дочь стала пленницей, однако она досталась не Халиду. Ее отправили в Медину, где она стала женой 'Алий.²⁰⁰

Теперь Халид с легкостью осуществлял военные маневры, точно занимался передвижением фигур на шахматной доске. Через две-три ночи после событий в Санй он осуществил аналогичный маневр в Зумайле: три корпуса налетели с разных сторон, и арабов в Зумайле не

¹⁹⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 581.

²⁰⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 582.

стало, словно их поглотило то же землетрясение, которое поразило Мусайах и Санй.²⁰¹

Распорядившись пленниками и трофеями, захваченными в Зумайле, Халид направился в Рузаб, где Халил, сын 'Акки, собирая новые арабские кланы, чтобы отомстить за смерть своего отца. Однако когда мусульмане прибыли к Рузабу, город оказался совершенно пуст. В последний момент те арабы решили, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и растворились в пустыне.

Теперь Халид мог расслабиться и порадоваться собственным победам. Менее чем за месяц он сокрушил крупные имперские силы в четырех самостоятельных сражениях, проводя военные операции на территории, протяженность которой равнялась 100 милям. Халид достиг этого, воспользовавшись мобильностью своего передвигавшегося верхами войска, действуя дерзко и неожиданно, а также благодаря решительным наступательным действиям. Он завершил миссию, возложенную на него халифом: никто больше не оказывал ему сопротивления. Узнав об уходе Халида из 'Айн ат-Тамра, персы осмелились выйти за пределы имперской столицы, однако Халид вернулся и восстановил положение. Ктесифон сжался в своей скорлупке.

* * *

Халид провел несколько рейдов в районе междуречья. Места, которые до того времени не почувствовали тяжести военных испытаний, теперь вторили эхом стуку копыт мусульманской кавалерии и возгласам «Аллах — Величайший!» Однако смиренному населению Ирака не причинили вреда. Эти люди оценивали приход мусульман как благословение судьбы; ибо с ними приходили порядок и стабильность, каких они не видели со времен золотого века Ануширвана Справедливого.

Однако не в характере Халида было сидеть и отдыхать. В его характере было не довольствоваться достигнутым, всегда стремиться к новым достижениям и далеким горизонтам. Складывалось впечатление, что персидская столица словно нарочно распаляла в нем жажду сражаться, высыпая против него новые армии, и Халиду было приятно, когда ему напоминали, что на Евфрате, в Фираде (рядом с современным Абу Камалем), по которому проходила граница между

²⁰¹ В локализации мест этих четырех сражений присутствует неопределенность. Подробнее см. примечание 6 в приложении Б.

Персидской и Восточной Римской империями, все еще находился мощный гарнизон. Это был единственный персидский гарнизон, оставшийся западнее Ктесифона, и, поскольку халиф дал ему указание «сражаться с персами», Халид решил уничтожить и это войско. Он пошел на Фирад. Подойдя к Фираду в первую неделю декабря 633 г. (в конце месяца рамадан 12 г. хиджры), Халид застал там два гарнизона, персидский и римский. Эти гарнизоны, представляющие империи, которые в течение двух предшествующих десятилетий вели друг с другом затяжную и дорогостоящую войну, теперь объединились, чтобы дать отпор мусульманам, и для этого к ним также присоединились многие кланы арабов-христиан.

В течение 6 недель не было никаких событий. Две армии стояли и смотрели друг на друга через Евфрат. Мусульмане находились на южном берегу, римляне и персы — на правом, и ни одна из сторон не стремилась переправиться через реку. Затем, 21 января 634 г. (15 дня месяца зу-л-ка'да, 12 г. хиджры), Халиду удалось выманить союзников на его берег, и не успели они завершить переправу, как он налетел на них с присущими ему быстротой и неистовством. Тысячи были убиты, прежде чем остальные нашли спасение в бегстве.

Данное сражение нельзя назвать ни крупным, ни решающим, да и войско противника не было особенно крупным вопреки заверениям некоторых древних историков. (Ни один здравомыслящий персидский стратег не стал бы держать крупный гарнизон в мирном приграничном городке вроде Фираза, в то время как были потеряны Центральный и Западный Ирак и угроза нависла над самим Ктесифоном.) Значение произошедшего сражения заключается лишь в том, что фактически оно стало последним сражением этой блестательной военной кампании.

Следующие 10 дней Халид провел в Фираде. Затем, 31 января 634 г., его армия оставила Фирад и направилась в Хиру. Для этого перехода она была разделена на авангард, основную часть и арьергард, и Халид объявил, что поедет с арьергардом. Однако как только арьергард вышел из Фирада, Халид с немногими близкими друзьями отделился от него, и они поехали в более южном направлении. Они отправились в Мекку, чтобы совершить паломничество, которое должно было состояться через две недели. Это было мирное приключение.

Мы не знаем, по какой именно дороге поехал Халид. Известно лишь то, что он и его спутники проезжали по пустынным местам, где не было никаких дорог, пересекая сложную и негостеприимную местность, которую не знали проводники и в которую не решались соваться даже

разбойники.²⁰² Однако им это удалось. В Мекке они совершили паломничество, не привлекая к себе внимания, чтобы не быть узнанными. Затем они быстро вернулись в Ирак. О скорости, с которой передвигались Халид и его неистовые, любящие риск друзья, можно судить по тому обстоятельству, что Халид присоединился к мусульманскому арьергарду, когда тот еще не добрался до Хиры. Он въехал в Хиру вместе с арьергардом так, словно все время находился с ним! Эта тайна была известна только командиру арьергарда, однако люди не могли понять, почему Халид и некоторые другие оказались с обритыми головами!²⁰³

Вскоре последовало новое приключение. Устав от мира и покоя, которые теперь преобладали в Ираке, Халид решил лично возглавить набег на область, лежавшую в непосредственной близости от Ктесифона. Вместе с Мусанной он совершил налет на богатейший багдадский базар и вернулся, нагруженный добычей.

Если Халид надеялся, что в Мекке его не узнают, то он ошибался. Как только Халид вернулся из набега на Багдад, он получил письмо от Абу Бакра, который предостерегал его от «подобных выходок». Кроме предостережения в послании содержалось новое великое поручение: Халиду следовало направиться в Сирию. Иракская кампания была завершена.²⁰⁴

* * *

Вхождение в Ислам Ирака было выдающимся успехом. Мусульмане провели несколько кровопролитных сражений с персидскими армиями, которые обладали значительным численным превосходством, и не только выиграли все эти сражения, но и нанесли сокрушительные поражения персам и их арабским вспомогательным войскам. А персидская армия была самой грозной военной машиной своего времени!

В данной кампании стратегия Халида, от которой он никогда не отклонялся, заключалась в ведении сражений недалеко от пустыни, чтобы постоянно иметь возможность отойти в пески в случае неудачи. Пустыня была не только оплотом безопасности, в который персы не осмеливались заглядывать, но и местом, позволявшим свободно и быстро передвигаться, благодаря чему Халид мог легко и стремительно приближаться к намеченным целям. Он не углублялся в

²⁰² Ат-Табари: т. 2, с. 583.

²⁰³ Совершив паломничество, мусульмане по обычаю обривают голову.

²⁰⁴ Комментарии по поводу датировки сражений этой кампании приводятся в примечании 7 приложения Б.

Ирак до тех пор, пока персидская армия не утратила возможности угрожать путям, обеспечивавшим ему возможность отхода в пустыню.

Персидская военная стратегия была обусловлена политической необходимостью защищать границы империи, и из-за этого битвы с мусульманами пришлось вести на границе между пустыней и плодородным регионом, к чему и стремился Халид. Однако в пределах этого политического ограничения персы действовали здраво и планировали концентрацию крупных сил для сражений. Карин должен был соединиться с Хормузом, Бахману надо было соединиться с Андарзгаром, Рузбиху и Зармихру надо было соединиться с арабскими войсками в Музайе и Санй-Зумайле. Если бы эти соединения произошли, ход кампании мог бы оказаться совсем иным. Однако этого не случилось благодаря стремительным передвижениям Халида и его намерению разделяться с армиями по очереди, пока они разделены пространством.

Главными инструментами, использованными Халидом для успешного осуществления амбициозных маневров, были боевые качества мусульман и мобильность войска. Он использовал их до предела человеческих и животных возможностей. Хотя настоящей кавалерией была только часть его войска, вся армия перемещалась на верблюдах и могла наносить удары там и тогда, где и когда этого желал полководец. Армия могла быстро переместиться, чтобы дать сражение в А, а затем оказаться в Б, чтобы дать еще одно сражение, лишив противника возможности подготовиться к нему.

Нет письменных свидетельств численности персидских войск, с которыми Халиду пришлось сражаться в той или иной битве, как нет данных и о потерях, понесенных каждой из сторон. Некоторые приводимые данные о потерях персидской стороны, возможно, являются преувеличенными. С уверенностью можно утверждать лишь то, что это были очень крупные армии, которые понесли ошеломляющие потери, особенно при ал-Валадже, Уллайсе, Мусайяхе и Санй-Зумайле, где они прекратили существовать как боевые единицы. Численность персидских армий, противостоявших Халиду в Казиме, Макиле, ал-Валадже и Уллайсе, возможно, составляла от 30 000 до 50 000 воинов. Халида и его храбрецов не пугало то, что враг в два-три раза превосходил их в численном отношении. Они преодолевали эту трудность без особых усилий. Кроме того, такие армии не были слишком крупными по персидским масштабам. (В битве при Кадисийе, состоявшейся тремя годами позже, персы бросили в бой 60 000 человек!) Что касается потерь, понесенных мусульманами, то они, должно быть, не были большими,

учитывая тот факт, что на протяжении всей кампании армия сохраняла высокий уровень боеспособности.

Самое главное, что открытие Ирака стало возможным и прошло успешно благодаря личным качествам Халида, позволившим преодолеть явное неравенство сил. Он был первым из прославленных мусульманских полководцев, бросившим вызов чужеземным империям и перекроившим политическую и религиозную карту мира. Он не подвергал своих людей тем испытаниям, которым не подвергался сам. И именно безграничная вера воинов в Меч Аллаха помогала им стойко переносить любые испытания.

Халид пронесся по Ираку словно вихрь. Теперь ему предстояло таким же вихрем обрушиться на Сирию и сокрушить армии другой гордой державы — Восточной Римской империи.

Часть IV ОТКРЫТИЕ СИРИИ

Глава 27

ОПАСНЫЙ БРОСОК

В Хире, в конце мая 634 г., Халид распечатал послание халифа и прочитал: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. От раба Аллаха, 'Атика, сына Абу Кухафы²⁰⁵, Халиду, сыну ал-Валида. Мир тебе. Хвала Аллаху, кроме Которого нет иного Бога, и призываю благословения на Его Пророка, Мухаммада, мир ему и благословения Аллаха.

Иди, пока не дойдешь до скопления мусульман в Сирии, пребывающих в состоянии великой обеспокоенности...»

Халид оторвался от письма, боясь, что это означает понижение в должности и что настроенный против него 'Умар наконец сумел добиться своего. Как это горько! Халид пробормотал: «Должно быть, это все происки леворукого. Он завидует мне за то, что я завоевал Ирак».²⁰⁶ Однако его опасения сменились радостью, когда он прочел:

²⁰⁵ Хотя в истории халиф известен как Абу Бакр, его настоящее имя было 'Абдаллах, а Святой Пророк также наделил его именем 'Атик.

²⁰⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 608.

«Назначаю тебя командующим мусульманских армий и направляю тебя на битву с римлянами. Ты будешь командовать Абу 'Убайдой и теми, кто с ним.

Не медли с этой возвышенной миссией, о отец Сулаймана, и, с помощью Аллаха, хвала Ему, выполни эту задачу. Будь меж тех, кто усердствует на пути Аллаха.

Раздели свою армию на две части и одну оставь Мусанне, который будет главнокомандующим в Ираке. Возьми с собой столько воинов, сколько оставишь ему. После победы ты вернешься в Ирак и вновь займешь пост главнокомандующего.

Да не застит твой ум гордыня, ибо она обманет и собьет тебя с пути истинного. Не тяни. Вся благодать принадлежит Аллаху, и Он — распределитель наград».²⁰⁷

Так Халид был назначен главнокомандующим мусульманских войск в Сирии.²⁰⁸

Итак, Халид приступил к подготовке похода. Он объяснил Мусанне инструкции халифа, разделил армию на две части и передал одну половину Мусанне. Однако при разделе армии Халид постарался сохранить при себе всех сподвижников Пророка — переселенцев и ансаров, людей, которые пользовались особым уважением среди его воинов. Мусанна горячо возражал против этого. «Я настаиваю на точном исполнении инструкций Абу Бакра, — говорил он. — У меня тоже должна остаться половина сподвижников, ибо их присутствие поможет мне одерживать победы».

Халид понимал справедливость претензий Мусанны. Он пересмотрел проведенное им разделение, чтобы оставить Мусанне достаточное количество сподвижников, особенно потому, что среди них было много лучших из военных командиров. После этого Халид был готов идти в Сирию.

Когда Абу Бакр давал какое-либо поручение своим полководцам, он обычно указывал географический регион, в котором необходимо выполнить его задание, а также ресурсы, которые можно было бы использовать для этой цели. Все остальные решения он доверял принимать самим полководцам так, как они считали необходимым. Именно так Абу Бакр отправлял Халида в Ирак, и теперь точно таким же образом он отправлял Халида в Сирию. Халиду было понятно задание: он должен был быстро идти в Сирию, взять под свое

²⁰⁷ Там же: т. 2, с. 600, 605. Вакиди: Футух ал-булдан, с. 14. (В оставшейся части данной книги цитаты из Вакиди приводятся по его труду «Футух аш-шам».)

²⁰⁸ По другим версиям, Халид сам настоял на том, чтобы другие полководцы поручили ему командовать армией, или же сами полководцы назначили его главнокомандующим ввиду его боевых заслуг. Эти версии не соответствуют истине. Халид был явно назначен главнокомандующим войск в Сирии халифом Абу Бакром.

командование мусульманские войска и сражаться до победного конца с византийцами. Решать, каким путем идти в Сирию, предоставлялось Халиду, и именно это важнейшее и не терпевшее отлагательства решение ему сейчас требовалось принять. Он не знал, где именно в Сирии находятся мусульманские войска. Впрочем, он знал, что они располагаются где-то в районе Бусры и Джабии, и ему надо было быстро попасть в это место.

Для марша Халид мог воспользоваться двумя известными путями. Первый, южный путь, вел через Даумат ал-Джандал, это была обычная дорога, по которой ходили караваны и по которой он мог добраться со своим войском до Сирии. Это был самый простой и легкий вариант, потому что при движении по данному маршруту не было бы недостатка в воде и никакой враг не воспрепятствовал бы его продвижению. Однако это был и самый длинный путь, и понадобилось бы немало времени для того, чтобы его пройти. Халиф же подчеркивал необходимость действовать стремительно, поскольку мусульмане явно находились в опасном положении. Поэтому после основательных раздумий Халид отверг эту дорогу.

Второй путь, северный, вел вдоль Евфрата в северо-восточную Сирию. Эта дорога также была хорошо наезженной, но она уела бы Халида далеко от мусульманских армий, а путь ему преграждали бы стоящие на Евфрате римские гарнизоны. Разумеется, он мог преодолеть возникшие препятствия, но это вновь означало бы потерю времени. Предстояло найти еще один способ добраться до мусульманских сил в Сирии.

Халид созвал военный совет и объяснил ситуацию своим командирам. «Как нам найти дорогу в Сирию, — сказал он, — по которой мы могли бы обойти римлян? Они, без сомнения, постараются помешать нам подойти на помощь мусульманам». Он подразумевал византийские гарнизоны, располагавшиеся вдоль северного пути.

«Мы не знаем такого пути, по которому могла бы пройти целая армия, — отвечали командиры, — но есть путь, который может выбрать один человек. Страхись завести армию в никуда!»¹

Однако Халид был намерен найти новый путь и повторил свой вопрос. Никто не ответил на него, кроме одного знаменитого воина по имени Рафи' ибн 'Умайра. Он объяснил, что на самом деле есть еще дорога через Самаву. Армия могла пройти из Хиры в Куракир через 'Айн ат-Тамр и Мусайах, и это был бы легкий переход. Куракир находился на западе Ирака и являлся оазисом с большим количеством воды. Оттуда в Суву вела малоизвестная дорога, проходившая по бесплодной, безводной пустыне. В Суве вновь было много воды, а в

одном дне пути от Сувы находился источник, которого, как ему было известно, хватило бы на нужды армии. Самая опасная часть маршрута длиной примерно 120 миль находилась между Куракиром и этим источником.

Однако Рафи' предостерег: «Нельзя пройти по этой дороге с армией. Именем Аллаха, даже одинокий путник отважился бы на это только в том случае, если бы ему пришлось спасать свою жизнь. Пять дней пути будут крайне тяжелыми, без единой капли воды, и всегда будет опасность сбиться с пути».²⁰⁹

Присутствовавшие командиры согласно закивали головами. Ни один человек в здравом уме не решился бы воспользоваться такой дорогой, идя по которой вся армия могла бы сбиться с пути и умереть от жажды.

Халид негромко сказал: «Мы пойдем по этой дороге!» Видя тревогу на лицах своих командиров, он добавил: «Не позволяйте себе расслабиться. Знайте, что Аллах подает вам помочь сообразно вашим заслугам. И ничто да не устрашит мусульман, пока у них есть поддержка Аллаха».²¹⁰

Реакция на слова Халида была мгновенной. Командиры в один голос ответили: «Ты — человек, через которого Аллах являет нам Свою волю. Поступай, как считаешь нужным».²¹¹ И в прекрасном расположении духа армия Халида начала готовиться к походу в Сирию по маршруту, которым прежде не передвигалась ни одна армия и который был известен только одному человеку, Рафи' ибн 'Умайре. (См. карту 15.)

В начале июня 634 г. (в начале месяца раби' ал-ахир, 13 г. хиджры) Халид выступил из Хиры с 9-тысячным войском.²¹² Армию не сопровождали ни женщины, ни дети: их, по приказу Халида, оставили на месте, чтобы потом переправить в Медину, где им предстояло ждать момента, когда их можно будет перевезти в Сирию. Армия двинулась через 'Айн ат-Тамр, Сандуду и Мусайях на Куракир; Мусанна проводил Халида до Куракира, а затем вернулся в Хиру, чтобы приступить к охране новой границы с Персией. Армия переночевала в Куракире, заполнив водой бурдюки с таким расчетом, чтобы ее хватило на пять дней и для людей, и для животных.

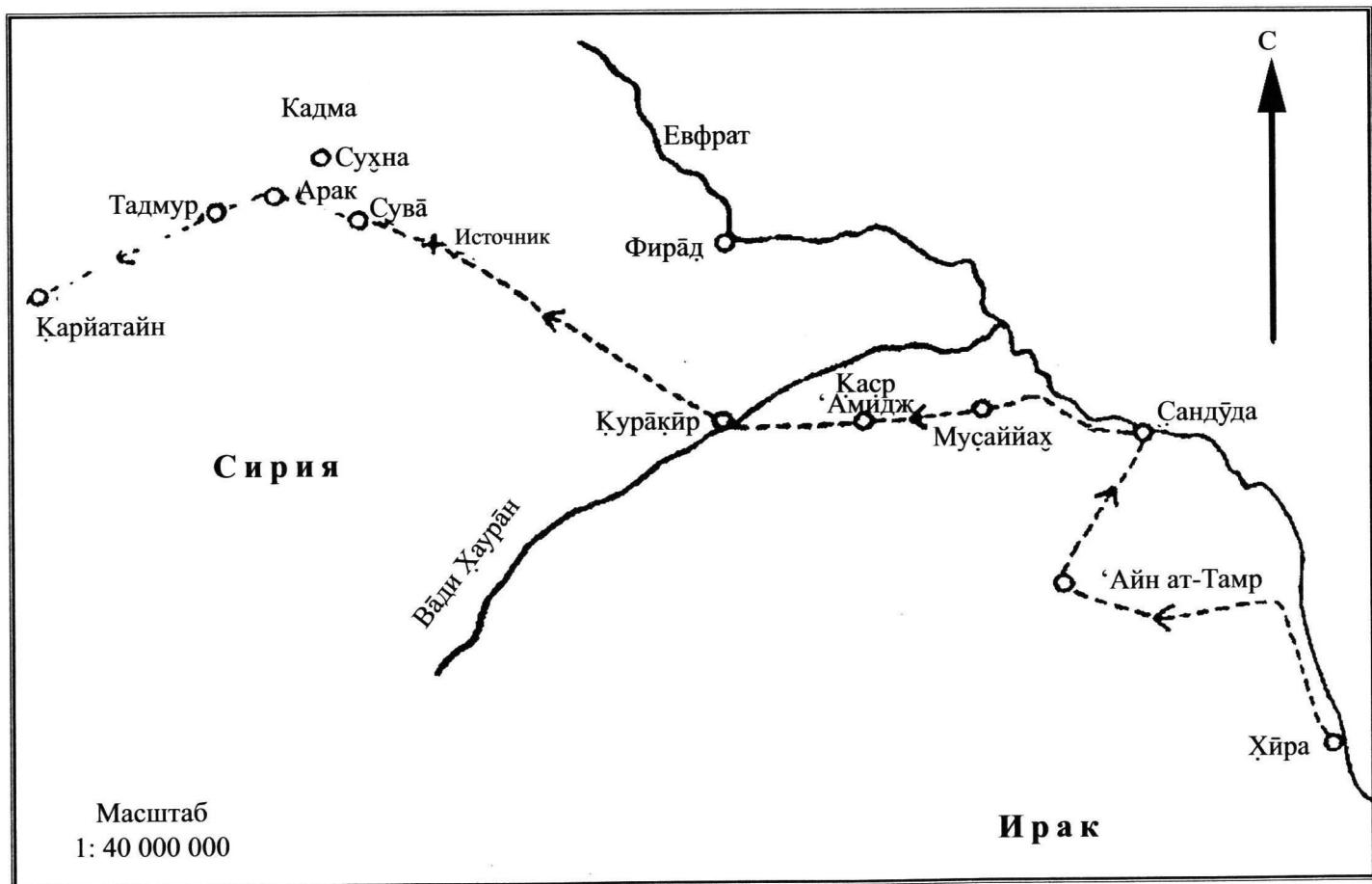
²⁰⁹ Ат-Табари: т. 2, с. 609.

²¹⁰ Там же: т. 2, с. 603.

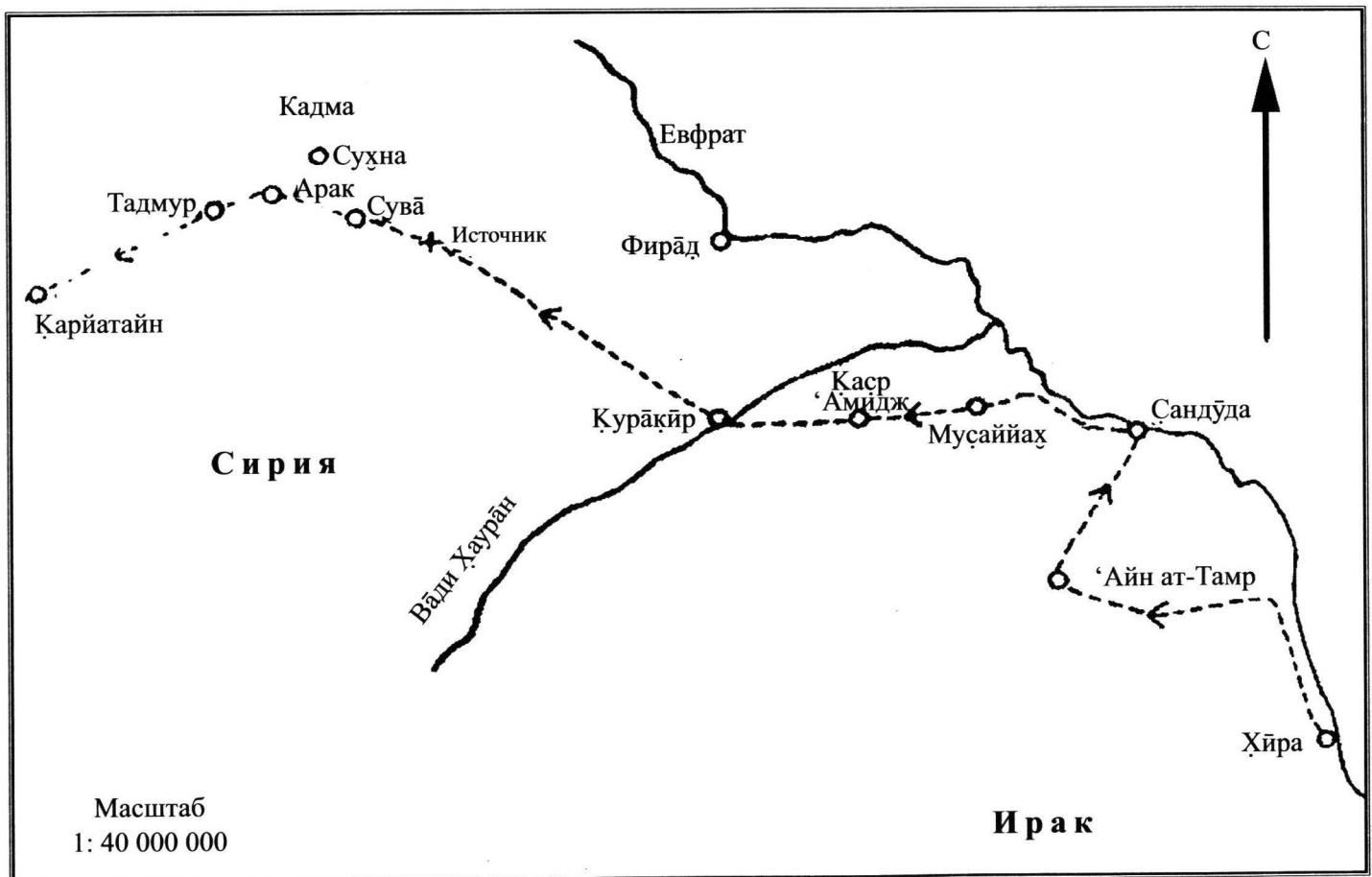
²¹¹ Там же: т. 2, с. 609.

²¹² Разные источники приводят разные данные о численности армии, принимавшей участие в этом переходе: 500, 700, 800, 6000 и 9000 человек, однако последняя цифра является правильной. Такова была численность половины армии, поделенной по приказу Абу Бакра, и в описаниях Сирийского похода, приводимых всеми древними авторами, говорится, что мусульманское войско состояло из 9000 человек, пришедших с Халидом из Ирака.

На следующий день ранним утром, перед самым началом опасного броска, к Халиду вновь подошел Рафи'. Казалось, что он не уверен в себе. «О полководец, — жалобно взмолился он. — Невозможно перевести армию через эту пустыню. Именем Аллаха, даже одинокий путник

Карта 15. Опасный бросок

Карта 15. Опасный бросок

осмелится проделать такой путь только в том случае, если он бежит от смертельной опасности».

Халид сердито рявкнул на него: «Горе тебе, о Рафи'! Именем Аллаха, если бы я знал другой способ быстро оказаться в Сирии, то воспользовался бы им. Делай то, что тебе приказано!»²¹³

Рафи' сделал то, что ему было приказано, и повел 9-тысячное войско Халида в пустыню. Как обычно, воины ехали верхом на верблюдах, а лошадей вели в поводу. Стоял июнь, и солнце немилосердно палило пески пустыни, нещадно обжигая все живое, в том числе смельчаков, которые отважились вторгнуться в эти измученные, безводные и бесплодные просторы. Разумные люди никогда бы не рискнули совершить подобное, по крайней мере, не в это время года, не таким огромным числом, и уж не тогда, когда висевшая на волоске судьба сирийских мусульман зависела от их появления. Однако разумные люди никогда не стяжают себе величайшую славу. Эти воины не относились к категории разумных людей. Они были воинами Халида, Меча Аллаха, идущими на свершение одного из величайших подвигов в истории передвижения войск.

Первые три дня прошли без каких-либо событий. Люди были угнетены нестерпимой жарой и блеском солнца, однако они привыкли переносить трудности, а поскольку у них была вода, то все было в порядке. Однако вода, рассчитанная на пять дней, закончилась к концу третьего дня. Им предстояло еще два дня пути без единой капли воды.²¹⁴

На четвертый день колонна молча тронулась в путь. Казалось, жара стала еще нестерпимее. Во время движения люди не разговаривали, потому что могли думать только о воде и кошмаре потеряться в пустыне и умереть от жажды. Они боялись подумать о том, что произойдет, если Рафи' заблудится или потерпит неудачу по какой-то иной причине. В ту ночь, как всегда, люди расположились на ночлег, но сон не шел к ним. С пересохшими глотками, распухшими во рту языками, они только и могли, что мысленно повторять слова молитвы: «Достаточно нам Аллаха, Он — Прекрасный покровитель!»²¹⁵

На пятое утро началась последняя фаза перехода, которая, по воле Аллаха, должна была привести их к источнику, о котором было известно Рафи'. Усталая колонна молча преодолевала милю за милем. Час страданий за часом страданий терпели люди, пробивавшиеся через

²¹³ Ат-Табари: т. 2, с. 609.

²¹⁴ О романтической легенде о верблюде, который, предположительно, во время этого перехода нес в себе запас воды, см. примечание 7 в приложении Б.

²¹⁵ Коран: 3-173.

песчаную пустыню под палящими и слепящими лучами солнца. Дневной переход был завершен, а люди все еще были живы, хотя большинство из них дошло до предела человеческих возможностей. Колонна уже не представляла собой аккуратное, упорядоченное образование, каким она была в начале броска. Многие воины плелись в конце колонны, почти утратив надежду на то, что не упадут по дороге.

Когда голова колонны достигла места, где, предположительно, должен был находиться источник, выступавший проводником Рафи' перестал видеть. У него была офтальмия, и слепящий блеск солнца ухудшил состояние его глаз. И вот он закрыл глаза частью тюрбана и остановил своего верблюда. Следовавшие за ним люди с ужасом смотрели на это и жалобно взывали к нему: «О Рафи'! Мы еле живы. Неужто ты не нашел воду?» Однако Рафи' больше не видел. Хриплым шепотом — это было то, что осталось от его голоса, — он сказал: «Ищите два холмика, похожие на женские груди». Колонна двинулась дальше, и вскоре люди заметили два холмика и сообщили об этом проводнику.

«Ищите терновое дерево, похожее на сидящего человека», — приказал Рафи'. Несколько разведчиков поехали на поиски этого дерева, но через несколько минут вернулись обратно, чтобы сообщить, что они такого дерева не нашли.

«Слушайте! Мы принадлежим Аллаху и, воистину, к Нему мыозвращаемся, — произнес Рафи', цитируя аят Корана. — В таком случае, все мы погибнем. Посмотрите же еще раз». Люди вновь отправились на поиски и на этот раз обнаружили терновое дерево, от которого остался один лишь ствол. «Копайте под его корнями»,²¹⁶ — приказал Рафи'. Люди начали копать под его корнями, и, по словам Вакиди, «из-под земли рекой хлынула вода!»²¹⁷

Люди вволю напились, все время восхваляя Господа и призывая на Рафи' Его благословение. Затем они напоили животных, но даже после этого еще осталась вода. Сотни людей наполнили ею свои мехи и вновь пустились по прежней дороге в обратном направлении, разыскивая отставших, которых было множество. Всех их нашли и привели в чувство.

Опасный переход был завершен. Они совершили его. Такое не совершали ни до них, ни после них. Халид вышел на границы Сирии, оставив позади римский фронтон и его гарнизоны, обращенные к Ираку. Теперь они были всего в одном дне пути от Сувы, где пустыня заканчивалась и начиналась живая земля. (См. карту 15.)

²¹⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 609.
²¹⁷ Вакиди: с. 14.

Халид не сомневался в том, что его войско прошло сквозь ад и было на грани гибели. Однако истинный масштаб опасности он осознал только тогда, когда к нему приблизился улыбающийся Рафи' и сказал: «О полководец, я лишь один раз бывал у этого источника, причем 30 лет назад, когда мальчиком приезжал к нему со своим отцом!»²¹⁸

* * *

В последующие годы некий халиф написал письмо знаменитому ученому и попросил его описать земли, находящиеся под властью мусульман. Ученый ответил ему и привел те описания, о которых его спрашивали. Когда исследователь дошел до Сирии, он сказал: «Знай, о Повелитель Правоверных, что Сирия — это изобильнейшая земля облаков, холмов и ветров. Она освежает тело и очищает кожу, особенно земля Эмессы, отчего тело становится красивее, а человек становится мудрым и терпеливым. Воды в ней чисты и обостряют чувства. Сирия, о Повелитель Правоверных, — это земля приятной зелени и больших лесов. Ее реки текут по прямым руслам, а у ее верблюдов есть возможность пить вволю».²¹⁹

Действительно, Сирия была прекрасной страной — прекраснейшей провинцией Византийской империи. Ее умеренный климат, смягчаемый Средиземным морем, предоставлял возможность отдохнуть от жары пустыни и холода северных краев. Столицей азиатского региона Византийской империи была Антиохия, в настоящее время находящаяся на территории Турции. По своему великолепию и политическому значению этот город уступал только Константинополю. Великие города Сирии — Алеппо, Эмесса, Дамаск — не только процветали за счет торговли, но и были средоточиями культуры и цивилизации. В богатые и оживленные сирийские порты на берегу Средиземного моря — Латакию, Триполи, Бейрут, Тир, Акр, Иаффу — заходили корабли из всех областей ойкумены, там кипела торговля и процветали ремесла.

В политическом отношении сирийский регион состоял из двух провинций. Собственно Сирия тянулась от Антиохии и Алеппо на севере до северных берегов Мертвого моря. Западнее и южнее Мертвого моря раскинулась провинция Палестина, где находились святыни трех мировых религий и города, ни в чем не уступавшие самим богатым и развитым городам мира. Арабы, жившие в те времена, также упоминали регион Иордана, расположенный между Сирией и

²¹⁸ Ат-Табари: т. 2, с. 604, 609. О других, неправильных, описаниях маршрута, которым шел Халид, говорится в примечании 9 приложения Б.

²¹⁹ Мас'уди: Мурудж. т. 2, с. 61-62.

Палестиной, однако это было скорее географическое понятие, а не политическая и административная единица. И все это входило в состав Восточной Римской, или Византийской, империи. Вторгнуться в Сирию означало вторгнуться в Рим, и это был очень серьезный и рискованный шаг.

Восточная Римская империя также склонялась к упадку, и этот процесс продолжался здесь в течение значительно более длительного периода, чем в Персидской империи. Последняя все еще обладала известной стабильностью и силой, чему, в числе других факторов, способствовала могущественная династия Сасанидов, которая непрерывно правила государством на протяжении последних четырех столетий. У византийцев же не было подобной династии, и их не привлекала идея императорского дома, которому бы принадлежала привилегия управления государством. По смерти одного правителя империя переходила в руки самого удачливого полководца, политика или интригана.

Однако армия Восточной Римской империи по-прежнему представляла собой могучее средство ведения имперских войн и являлась второй в мире по эффективности и слаженности военной машиной, уступая только лишь персидской армии. Ее легионы были прекрасно вооружены, ими командовали способные полководцы, и она могла вселять ужас в сердца тех народов, по чьим землям она проходила. Подобно всем великим имперским армиям, она не была една по национальному признаку, представляя собой неоднородный набор контингентов многих народов, живущих в разных землях. В ее рядах служили римляне, славяне, франки, греки, грузины, армяне, арабы и представители племен, живших на самых дальних окраинах империи. Такие воины составляли гарнизоны сирийских городов, большинство которых были укрепленными.

Подобно Ираку, Сирия отчасти являлась арабской территорией, особенно в ее восточной и южной частях. Арабы жили здесь с доримских времен, и когда в начале IV века н. э. император Константин сделал христианство официальной религией империи, эти арабы тоже приняли христианство. Однако сирийские арабы не обладали влиянием до тех пор, пока из Йемена в Сирию не переселилось могущественное племя гас-санитов, что произошло за несколько веков до прихода Ислама. В течение некоторого времени гассаниты сражались с римскими гарнизонами в Восточной Сирии. Затем, когда римляне осознали и оценили их боевой дух и воинственность, они заключили с ними мир и согласились на их проживание в Сирии на положении полусамостоятельного народа с

собственным правителем. Династия гассанидов стала одной из почитаемых в империи династий правителей, и цари-гассаниды правили арабами в Иордании и Южной Сирии из своей столицы Буеры. Последним гассанидским царем, правившим в период вторжения Халида, был Джабал ибн ал-Айхам. Этот человек, наряду с 'Ади ибн Хатимом, упоминавшимся в этой книге ранее, вошел в историю как самый высокий араб. И у него ноги волочились по земле, когда он ехал на лошади!»

Такой была Сирия в те времена, в таком политическом и военном состоянии застали ее мусульмане в первые недели 13 г. хиджры.

* * *

Человек, который командовал первой серьезной военной операцией в Сирии, был тезкой Халида, его звали Халид ибн Са'ид, и его военные способности были прямо противоположны тем, которыми обладал Меч Аллаха! К концу 12 г. хиджры (началу 634 г.) Абу Бакр поставил Халида ибн Са'ида в Тайма', на некотором расстоянии к северу от Медины, поручив ему отряд, который должен был выступать в качестве главного резерва.

Пока Халид ибн Са'ид находился в Тайма', он надумал напасть на Сирию, и он обратился к халифу, чтобы заручиться его одобрением. У Абу Бакра не было ни малейшего намерения пытаться завоевать Сирию столь малыми силами, особенно притом что ими командовал апатичный и неопытный полководец. Однако мусульмане не знали подробностей о военной ситуации в Сирии, и Абу Бакр решил разрешить проведение этой операции в качестве разведки боем. Поэтому он написал Халиду ибн Са'иду, разрешая ему вторгнуться в Сирию, но предупреждая его, чтобы он не вступал в серьезные боевые столкновения, которые могли бы помешать ему отступить в безопасные земли Аравийского полуострова.

Халид ибн Са'ид отправился в путь с небольшим отрядом, вторгся в Сирию и прямо напоролся на римское войско. Столкнувшись с мусульманами византийский полководец, искусный тактик по имени Бахан, заманил ни о чем не подозревавших мусульман в ловушку и взял их в клещи. При этом у Халида ибн Са'ида сдали нервы, и он бежал, бросив большинство своих людей на произвол судьбы. К счастью для мусульман, в этой операции принимал участие 'Икрима ибн Абий Джахл. Оценив ситуацию, он исправил допущенную Ибн Са'идом ошибку, которая чуть было не обернулась большой бедой. 'Икрима сумел спасти мусульман, однако было очевидно, что экспедиция

обернется поражением. Халид ибн Са'ид оказался в немилости, и Абу Бакр не скрывал своего презрительного отношения к малодушию и неуклюжести этого человека. (Впрочем, позднее ему было разрешено присоединиться к мусульманам в Сирии, и он искупил свой позор, погибнув в бою.)

Идут споры по поводу того, где именно произошло это событие. Некоторые историки полагают, что оно имело место в окрестностях Мардж ас-Суффара, к югу от Дамаска, однако едва ли отряд мог зайти так далеко, не столкнувшись с римской армией. Впрочем, мусульмане все равно получили выгоду от этого неудавшегося мероприятия, поскольку халифу стало ясно, что освобождение Сирии от византийцев — не та задача, к которой можно отнести легкомысленно.

По возвращении из ежегодного паломничества в Мекку в феврале 634 г. Абу Бакр объявил призыв в армию для похода в Сирию. На иракском фронте теперь все было спокойно. Иракская кампания Халида завершилась беспрецедентным успехом: она не только раздвинула политические границы мусульманского государства, но и пополнила мединские сундуки. Поэтому у мусульман появилась мысль, что, если они сумели победить могучую и внушающую страх персидскую армию, почему бы им не победить римлян, которые были не такими страшными, как военная мощь империи. Более того, надо было выполнять обещание по распространению новой веры, ибо таково было ее предназначение. Ислам был явлен как благодать для человечества, и необходимо было донести весть о нем до всего человечества.

Отряды племен с готовностью откликнулись на призыв из Медины. Люди тысячами стекались со всех концов полуострова, даже из таких далеких мест, как Оман и Йемен. Они приезжали верхом, вооруженными для сражений, и привозили с собой женщин и детей. В армию не призывались только те, кто ранее был в числе отступников. Концентрация физически крепких мужчин мусульманской Аравии началась и завершилась в марте 634 г. (в месяц мухаррам, 13 г. хиджры).

Абу Бакр разделил имевшиеся в его распоряжении силы на четыре корпуса численностью 7000 человек каждый. Были назначены командиры корпусов, и перед ними были поставлены следующие задачи:

А.'Амр ибн ал-'Ас. Цель — Палестина. Идти по дороге на Эйлат, затем через Долину 'Араба.

Б. Йазид ибн Абу Суфьян. Цель — Дамаск. Идти по Табукской дороге.

В. Шурахбиль ибн Хасана. Цель — Иордания. Идти по Табукской дороге за Йазидом. (Шурахбиль сражался во время Иракской кампании под командованием Халида и недавно был послан гонцом в Медину, где халиф задержал его и поручил ему командовать корпусом в Сирийской кампании).

Г. Абу 'Убайда ибн ал-Джаррах. Цель — Эмесса. Идти по Табукской дороге за Шурахбильем.

Абу Бакр намеревался войти в Сирию и освободить как можно большую ее часть. (См. карту 16.) Не зная размеров и точной дислокации римской армии, он не стал укреплять какой-то один корпус за счет других.

Однако Абу Бакр понимал, что римляне могут сосредоточить очень крупную армию в любом секторе театра военных действий, и поэтому приказал командирам корпусов поддерживать связь друг с другом для того, чтобы они могли воспользоваться помощью товарищем в случае неизбежного серьезного столкновения с римскими войсками. На случай, если всем корпусам придется объединиться, чтобы принять участие в крупном сражении, командовать всей мусульманской армией было поручено Абу 'Убайде.

В первую неделю апреля 634 г. (в начале месяца сафар, 13 г. хиджры) мусульманские войска выступили в поход. Первым покинул Медину Йазид, причем его колонна тронулась в путь из лагеря, разбитого за пределами Медины. Абу Бакр прошел некоторое расстояние рядом с ним. На прощание он сказал Йазиду следующие слова, которые тот передал другим командирам корпусов:

«Не изнуряй ни себя, ни армию во время перехода. Не будь жесток по отношению к своим воинам и командирам, советуйся с ними обо всех делах.

Будь справедлив, не делай зла, не будь деспотом, ибо ни один народ, творящий несправедливость, не добьется процветания и не одержит победу над своими врагами. Встретив врага, не показывай ему спину; ибо того, кто показывает спину, если только это не связано с боевыми маневрами или необходимостью перегруппироваться, постигнет гнев Аллаха. Его прибежищем станет ад, ужаснейшее из всех мест!

И когда одержишь победу над своими врагами, не убивай ни женщин, ни детей, ни престарелых и не режь животных кроме как для еды. И не нарушай заключенные тобой договоры.

Ты встретишь людей, которые отшельниками живут в монастырях, веря, что оставили все во имя Господа. Оставь их в покое и не разрушай их монастырей. И ты встретишь других людей, слепо верящих в Сатану и поклоняющихся Кресту, которые выбирают себе

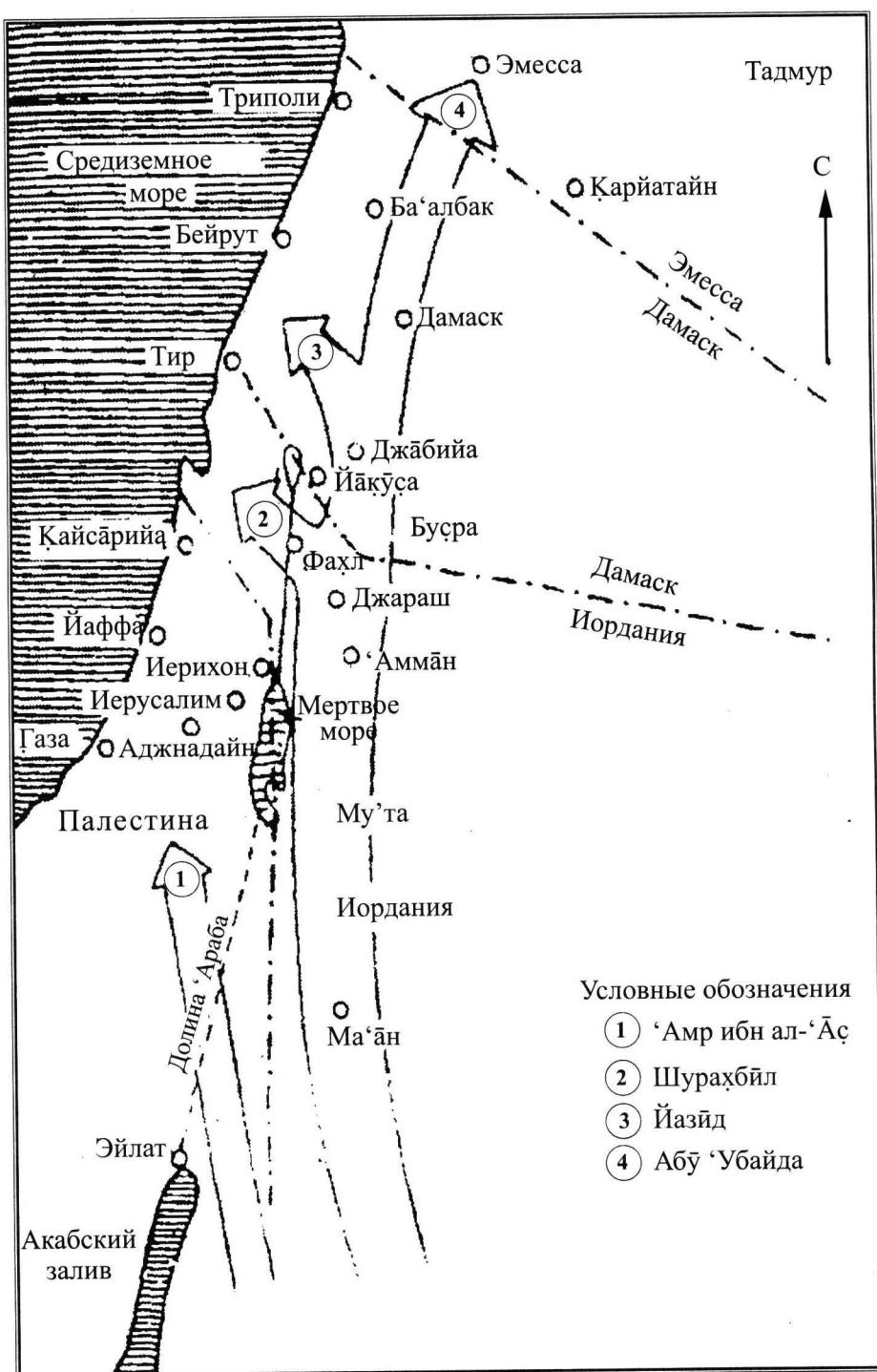
середину головы, чтобы был виден их череп. Рази их мечом до тех пор, пока они не покорятся Исламу или не станут платить джизью.

Вверяю тебя попечению Аллаха».²²⁰

Произнося речь, Абу Бакр следовал примеру Святого Пророка, который, отправляя войско в поход, наставлял полководца: «Сражайся во имя Аллаха: сражайся, но не переходи границ, не будь вероломным, не наносиувечий, не убивай женщин и детей и не убивай насельников монастырей».²²¹ Источники сообщают, что Абу Бакр прошел рядом

²²⁰ Вакиди: с. 4.

²²¹ Абу Йусуф: с. 193-195.

Карта 16. Сирийская кампания

с Йазидом почти 2 мили, а когда Йазид попросил, чтобы он возвращался назад, сказал: «Я слышал, как Посланник Аллаха говорил, что адское пламя не коснется ноги, покрывшейся пылью на пути Аллаха».²²²

Йазид выступил из Медины, и слова Абу Бакра продолжали звучать в его ушах. Поход в Сирию начался.

* * *

Йазид быстро двигался по дороге на Табук. За ним шел корпус Шурахбила, а за корпусом Шурахбила — корпус Абу 'Убайды. Интервал между корпусами составлял один день пути. 'Амр ибн ал-'Ас двигался со своим корпусом по западному маршруту на Эйлат. Через два-три дневных перехода после Табука Йазид впервые столкнулся с врагом — отрядом арабов-христиан, высланных римлянами вперед с разведывательными целями. После стычки с мусульманским авангардом эти арабы поспешно убрались восвояси. После того как они скрылись, Йазид направился к той части Долины 'Араба, где она смыкается с южной оконечностью Мертвого моря. (См. карту 16.)

Йазид прибыл в Долину 'Араба практически в то самое время, когда 'Амр ибн ал-'Ас добрался до Эйлата. Оба корпуса к этому времени уже вступали в боевое столкновение с римскими войсками примерно равной численности, посланными впереди основной римской армии для того, чтобы не допустить мусульман в Палестину. И Йазид, и 'Амр ибн ал-'Ас приняли бой с римскими отрядами, не обратились в бегство, но заставили врага отступить с тяжелыми потерями. Когда римляне, разгромленные Йазидом, обратились в бегство, Йазид выслал стремительно передвигавшийся отряд, который перехватил отступавшую часть в районе Дасина, неподалеку от Газы, и основательно потрепал римлян, после чего вновь присоединился к Йазиду в Долине 'Араба. Тем временем 'Амр ибн ал-'Ас двигался по этой долине на север. Все эти события произошли меньше чем через две недели после того, как мусульмане вышли из Медины.

Пока корпус Йазида вел бои, отвлекавшие его от цели, поставленной перед ним халифом, Шурахбиль и Абу 'Убайда продолжали двигаться в северном направлении по главной дороге: Ма'ан — Му'та — 'Амман. С некоторым запозданием за ними следовал Иазид. К концу месяца сафар (в начале мая) Шурахбиль и Абу 'Убайда достигли области, лежавшей между Бусрой и Джабией;²²³ Йазид стал лагерем где-то в

²²² Там же: с. 6.

²²³ Mac'уди (Мурудж, т. 4, с. 66) указывает, что Джабия находилась в 2 милях от Джасима. Она располагалась немного западнее современной линии Джасим-Нава и после прихода мусульман стала известна как военный городок.

юго-восточной Иордании; а 'Амр ждал в Долине 'Араба. Уже на той стадии мусульмане поняли, что римский орел забеспокоился. На самом деле римский орел уже расправил крылья!

Император Ираклий находился в Эмессе, планируя контрмеры против мусульман. Когда он впервые услышал о сокрушительных поражениях, нанесенных персидской армии Халидом, он был сильно удивлен, ибо придерживался не более высокого мнения об арабах, чем прежде — персидский двор. Однако он был серьезно встревожен, и не без причины. Затем пришло известие о поражении, которое потерпел Халид ибн Са'ид, и Ираклий успокоился. Впрочем, в качестве меры предосторожности он распорядился разместить в Аджнадайне несколько легионов, откуда они могли предпринимать действия против любого мусульманского войска, вторгающегося в Палестину или Иорданию.

Когда мусульманские части выступили из Медины, римская армия получила разведданные об этом от арабов-христиан. Оповещенный о происходящем и знающий направление, в котором передвигались мусульмане, Ираклий понял, что имеет дело с серьезной попыткой вторгнуться в его пределы. Вскоре после этого он получил известие о поражении, которое потерпели от первых корпусов мусульманского войска римские заградительные отряды, посланные из Аджнадайна. Ираклий решил наказать этих непрошеных гостей и отбросить их назад, в ту пустыню, из которой они пришли. По его приказу крупные подразделения римской армии начали готовиться к передислокации в Аджнадайн из гарнизонов, находившихся в Палестине и Сирии.

К тому времени мусульманские полководцы установили контакты с местным населением и заложили основы агентурной сети. Они также узнали, что в Аджнадайне находится римская армия. Через несколько дней они получили сообщение о том, что в сторону Аджнадайна движутся дополнительные римские легионы, и все командиры корпусов отправили сообщения Абу 'Убайде, информируя его об этих перемещениях. Три корпуса мусульманской армии находились примерно в одном и том же регионе, то есть в Восточной Иордании и Сирии, и Абу 'Убайда немедленно принял командование над ними. 'Амр ибн ал-'Ас находился на большем расстоянии от других и чувствовал, что римляне готовятся нанести удар по его корпусу. Поэтому он обратился за помощью к Абу 'Убайде.

Где-то в середине месяца раби' ал-аввал (в третью неделю мая) халиф получил послание от Абу 'Убайды, в котором была предельно четко обрисована картина, сложившаяся в Сирии и Палестине. По оценкам мусульман, в настоящее время у римлян было 100 000 воинов

в Аджнадайне, откуда они могли либо ударить в лоб 'Амру ибн ал-'Асу, либо, совершив обход по флангам, выйти в тыл остальным трем мусульманским корпусам. Как мы увидим далее, подобная оценка численности римлян была недалека от истины.

Ситуация осложнилась. Римляне были гораздо сильнее, чем предполагали мусульмане в начале похода; и было ясно, что римляне не собираются отсиживаться в своих укреплениях и дожидаться, пока на них нападут. Они собирались в одну огромную армию, чтобы наступать и дать большое сражение на открытой местности. Мусульманам предстояло либо принять участие в генеральном сражении с армией Римской империи по всем правилам военного искусства, либо спешно отступить на Аравийский полуостров, причем любая из этих перспектив их не радовала. Халиф сразу отверг второй вариант. Не было и речи о том, чтобы вернуться на Аравийский полуостров под действием угрозы со стороны римлян. Освобождение Сирии началось и должно было продолжаться. Однако больше всего Абу Бакра тревожил вопрос о том, кто должен командовать мусульманской армией. Ранее Абу Бакр распорядился, чтобы в случаях, когда корпуса будут объединяться для совместного участия в сражении, командование ими переходило к Абу 'Убайде. Абу 'Убайда был мудрым, рассудительным человеком, которого мусульмане глубоко ценили и почитали. Это, без сомнения, был человек великого личного мужества. Однако зная его мягкий и нежный нрав и понимая, что он не обладает опытом командования войсками при проведении крупных боевых действий, Абу Бакр серьезно сомневался в его способностях руководить всей мусульманской армией в серьезных столкновениях с могучей и отлично обученной армией Восточной Римской империи.

Абу Бакр принял то решение, которое в сложившихся условиях было наилучшим: он пошлет командовать мусульманской армией в Сирии Халида! Халид недавно разгромил персидскую армию в ряде кровопролитных сражений. Халид знает, что делать. Приняв это решение, Абу Бакр испытал такое облегчение, словно с его плеч спало тяжелое бремя. «Именем Аллаха, — сказал он, — я разгромлю римлян и друзей Шайтана с помощью Халида ибн ал-Валида!»¹ И он направил в Хиরу быстрого наездника, передавая Халиду приказ взять половину войска и идти с ним в Сирию, чтобы возглавить войска мусульман и сражаться с римлянами.

* * *

В следующей главе речь пойдет о последовательности событий, из которых состояло освобождение Сирии Халидом. Обращаясь к этой теме, автор полностью отдает себе отчет в возможности совершения ошибок в процессе описания этой кампании из-за путаницы и противоречий в повествованиях древних историков. По многим важным аспектам этой части военной истории данные расходятся. Это касается и дат великих сражений, и численности войск, принимавших участие в сражениях, и последовательности самих сражений, а иногда и того, кто командовал армией в конкретное время. Единственным, кто дал детальное описание этой кампании, был Вакиди, однако его повествование также содержит ошибки, поскольку основывается на устных рассказах участников сирийской кампании, которые порой противоречат друг другу.

В данной книге приводится версия, основанная на всех доступных источниках информации о последовательности событий, составленная исходя из принципа военной целесообразности и снимающая большинство противоречий. Автор избавил читателя от обильных ссылок, поясняющих каждую альтернативную версию и каждое отклонение от общепринятой версии данной кампании, однако тот найдет ссылки по поводу наиболее важных вопросов, чтобы быть в состоянии выработать свое собственное мнение. Лучше всего о том ведомо Аллаху!

Глава 28

ДАЛЬШЕ В СИРИЮ

Если воины надеялись, что им дадут день на отдых после мучительного пятидневного перехода, который поставил их на грань гибели в большей степени, чем любое сражение, то они ошибались. На следующее же утро Халид повел свою армию к Суве. Люди не могли жаловаться, так как их полководец сам не отдыхал, да и выглядел он так, словно и не нуждался в отдыхе. В самом деле, когда в начале марша Халид разъезжал взад-вперед вдоль колонны, проверяя, все ли в порядке, один его вид вселял мужество и силы в бойцов и они забывали ужасные картины того смертельно опасного перехода. Сегодня они одержат первую победу в Сирийской кампании. Им придется одерживать победы, ибо приехал Халид!

В начале Сирийской кампании Халид носил кольчугу, которая прежде принадлежала Мусайлиме-Лжецу. На его широком кожаном поясе висел великолепный меч, который прежде также принадлежал Лжецу. Оба этих трофея достались ему в результате битвы при Йамаме. Поверх кольчужного шлема он носил красный тюрбан, а под шлемом — красную шапку. На этой шапке, если присмотреться внимательно, можно было увидеть несколько черных линий, и в глазах Халида эта шапка была драгоценнее любого оружия и доспехов. Когда-нибудь мы расскажем ее историю. В руке Халид держал черное знамя, которое вручил ему Святой Пророк. Когда-то оно принадлежало Пророку и называлось Орлом.

С Халидом шли 9000 бесстрашных воинов, ветеранов многих победоносных сражений, и все как один они были готовы умереть по приказу своего любимого командира. В составе этой армии также находились храбрейшие из молодых командиров того времени, которые были готовы демонстрировать чудеса храбрости и смеялись над смертью. Был там и сын Халида, 'Абд ар-Рахман, которому едва исполнилось восемнадцать. Был там и сын халифа, которого также звали 'Абд ар-Рахман. Был там и Рафи' ибн 'Умайра, выступивший проводником во время смертельно опасного броска, приходившийся Халиду зятем и бывший воином без страха и упрека. Был там и Ка'ка' ибн 'Амр, подкрепление численностью один человек, посланное Халиду халифом. И еще там был один молодой человек, о котором мы еще не раз услышим в течение этой кампании, Диар ибн ал-Азвар, стройный, жилистый юноша, чей веселый вид и бьющий через край энтузиазм были таковы, что могли поднять обессилевшего и побудить его вновь пойти в бой. Диару суждено было стать правой рукой Халида. Ему предстояло исполнять самые ответственные поручения, проявляя при этом бесшабашное презрение к опасностям и несравненное искусство обманывать смерть.

Солнце перевалило за полдень, когда войско вышло к Суве. (См. карту 15.) Это было первое поселение вблизи сирийской границы, оазис, окруженный поросшим травой полем, где паслись большие стада овец и крупного рогатого скота. Проходя через этот населенный пункт, Халид подавил всякое сопротивление и конфисковал всех бывших на пастбище животных, чтобы обеспечить армию провизией во время похода.

На следующий день армия прибыла в Арак, укрепленный город, который защищал гарнизон, состоявший из арабов-христиан под командованием римского офицера. Поскольку, завидев воинов, гарнизон заперся в крепости, мусульмане осадили Арак. Именно там

Халид впервые узнал о том, что его слава вышла за пределы покоренных им земель. Одной его репутации было достаточно, чтобы добиться мирной капитуляции.

В Араке жил старый мудрец, бывший в курсе творившихся в мире событий. Когда ему сказали, что вражеская армия пересекла пустыню и приблизилась к городу, он спросил: «Не черное ли у них знамя? Не командует ли армией высокий, широкоплечий человек крепкого телосложения, с большой бородой и несколькими осинами на лице?»¹ Те, кто видел приближение Халида и сообщил о нем в Араке, сказали, что все обстоит именно так. «В таком случае, остегайтесь сражаться с этим войском», — предупредил мудрец.

Командир римского гарнизона предложил сдать крепость и был ошеломлен великодушием условий, предложенных мусульманами. Население Арака должно было платить только джизью, и ему не причинили никакого вреда. Был подписан договор, крепость капитулировала, и мусульманская армия разбила лагерь, чтобы заночевать в окрестностях города.

На следующее утро Халид отправил две колонны покорять Сухну и Кадму (ныне — Кудайм). Одновременно Халид отрядил гонца, который поехал на верблюде искать Абу 'Убайду в окрестностях Джабии и сказать ему, чтобы он оставался там, где он есть, до прибытия Халида или получения новых указаний. Затем с основными силами своей армии Халид направился к Тадмуре (Пальмире).

Когда посланные Халидом колонны прибыли в Сухну и Кадму, местное население, прославившее о великодушных условиях, выдвинутых мусульманами накануне в Араке, устроило им радостную встречу. Они просто хотели завязать дружбу. В этих населенных пунктах не возникло никаких проблем и колонны воссоединились с основной частью войска, обойдясь без кровопролитий.

В Тадмуре гарнизон заперся в крепости, но не успели мусульмане подойти и окружить крепость, как начались переговоры о мирной капитуляции. Вскоре была достигнута договоренность об условиях капитуляции, по которым население Тадмура соглашалось выплачивать джизью, а также предоставлять пищу и кров всем мусульманским воинам, проходящим через их город. Арабский предводитель Тадмура также подарил Халиду великолепного коня, на котором он участвовал в нескольких сражениях во время этой кампании.

Из Тадмура армия двинулась на Кардатайн, население которого оказалось сопротивление мусульманам. Им дали сражение, одержали над ними победу и захватили трофеи.

Следующим пунктом был Хавварайн (примерно в 10 милях от Карайатайна), где находилось большое поголовье крупного рогатого скота. Когда мусульмане принялись загонять скот, их атаковали тысячи арабов. Это было местное население, укрепленное отрядом гассанитов из Буеры, поспешившим на выручку своих друзей из Хавварина. Они также потерпели поражение, и их имущество попало в руки мусульман.

На следующее утро движение продолжилось в сторону Дамаска, и после трехдневного марша армия вышла к проходу, находящемуся примерно в 20 милях от Дамаска. Этот проход находится между современными 'Адрой и Кутайфой и пересекает плавную гряду холмов, постепенно поднимающихся до высоты выше 2000 футов над уровнем окружающей местности. Эта гряда — часть хребта Джабал аш-Шарк, являющегося отрогом Антиливанской цепи и тянущегося в северо-восточном направлении к Тадмуру. Сам проход совсем неширокий, но довольно длинный. Халид остановился в его верхней точке и водрузил там свое знамя. Из-за этого данный проход стали называть Санийят ал-'Укаб, то есть Проход Орла, в честь знамени Халида, однако иногда его называют просто ал-Санийя.²²⁴ Халид простоял в этом проходе около часа, вглядываясь в дамасскую Гуту, а легкий ветерок развевал его знамя. С того места, где он стоял, самого города не было видно, потому что его скрывала возвышенность, тянущаяся с востока на запад к северу от города, но он был поражен богатством и красотой Гуты.²²⁵

Из Прохода Орла Халид двинулся к Мардж Рахиту, крупному городу гассанитов рядом с современной Адрой на дороге в Дамаск.²²⁶ Мусульмане прибыли как раз вовремя, чтобы принять участие в веселом племенном празднике гассанитов, и это участие обернулось настоящим сокрушительным набегом! В Мардж Рахите собралось большое количество беженцев из того региона, по которому недавно прошел Халид, и эти беженцы смешались с толпой участников праздника. Гассаниты понимали, какую опасность представляет для них появление Халида в Сирии. Они поставили мощный заслон своих воинов на дороге, ведущей из Тадмура, но этот заслон был за несколько минут рассеян в результате стремительной атаки

²²⁴ Иакут (т. 1, с. 936) указывает, что этот проход находится над дамасской Гутой, на дороге в Эмессу.

²²⁵ Гута была и в настоящее время является зеленой, плодородной, хорошо орошаемой равниной, покрытой пахотными землями, фруктовыми садами и селениями. Она окружает Дамаск со всех сторон, кроме запада и северо-запада, где начинаются предгорья. Гута имеет вид неправильной буквы D, спинка которой проходит по предгорьям, и простирается на 10 миль от Дамаска.

²²⁶ Мас'уди (Мурудж: т. 3, с. 12) указывает, что Мардж Рахит (он называет его Мардж 'Адра), как и одноименная долина, находился в 12 милях от Дамаска. Город, вероятно, находился примерно в центре долины.

мусульманской кавалерии. Хотя гассаниты продолжали кое-как сопротивляться продолжавшемуся продвижению мусульман, их сопротивление прекратилось, как только мусульмане добрались до города. Мусульмане овладели Мардж Рахитом. Через какое-то время, собрав богатые трофеи и захватив некоторое количество пленников, Халид оставил город и разбил лагерь за его пределами.

На следующее утро Халид отправил в Дамаск мощную колонну всадников, поставив перед ними задачу совершить вылазку на Гуту. Затем, отправив гонца к Абу 'Убайде, чтобы передать ему распоряжение направлять его сообщения в Буеру, Халид лично направился к Буере с основной частью своего войска, пройдя мимо Дамаска. Колонна всадников, направленная к Дамаску, дошла до городских предместий, захватила новую добычу и пленных и воссоединилась с Халидом, когда он еще был на марше. К этому времени мелкие операции, проводившиеся после входа Халида в Сирию, были завершены.

* * *

Абу 'Убайда уже занял область Хаурен, простиравшуюся северо-западнее реки Иармук. Под его командованием находились три корпуса мусульманской армии: его собственный, а также корпуса Йазида и Шурахбила, но он не давал сражений и не брал никаких городов. Его головной болью являлась Буера, крупный город, бывший столицей царства гассанитов. В нем стоял крупный гарнизон, состоявший из римлян и арабов-христиан, которым командовал римский офицер.

Когда Халид зачищал район Восточной Сирии, Абу 'Убайда узнал, что по прибытии Халида он перейдет под его начало. Он решил быстро покорить Буера, чтобы Халиду не нужно было беспокоиться об этой проблеме. Поэтому он отправил на взятие Буеры Шурахбила с 4000 воинов. Шурахбил пошел на Буера, гарнизон которой при приближении мусульман немедленно укрылся в крепости. Гарнизон состоял из 12 000 солдат, но он оставался за стенами крепости, полагая, что вскоре подойдут дополнительные силы мусульман и что отряд Шурахбила — это только лишь их авангард. Шурахбил разбил лагерь западнее города и расставил отряды своих воинов вокруг крепости.

В течение двух дней все было спокойно. Затем, в день, когда Халид пустился в последний переход, отделявший его от Буеры, гарнизон города вышел из крепости, чтобы сразиться с мусульманами за пределами города. Оба войска построились к бою, однако перед сражением между Шурахбilem и римским полководцем состоялись

переговоры, в ходе которых мусульманин предложил обычный выбор: Ислам, джизью или меч. Римляне предпочли меч, и часов около девяти началась битва.

Примерно в течение первых двух часов сражение продолжалось на равных, одна сторона ни в чем не уступала другой, однако вскоре после полудня начало сказываться численное превосходство римлян и успех начал переходить на их сторону. Римляне сумели обойти оба мусульманских фланга, и бой стал еще жарче. Когда мусульмане осознали реальную опасность, которая грозила им в сложившейся ситуации, они преисполнились мрачной решимости умереть на поле боя, но не попасть в окружение, которое, очевидно, входило в римский план действий. Вскоре после полудня римские фланги выдвинулись еще дальше, и окружение войска Шурахбила стало практически неизбежным. И вдруг участники сражения заметили, что с северо-запада к полю боя несется огромный отряд всадников.

Халид находился примерно в миле от Буеры, когда ветер донес до него звуки сражения. Он немедленно приказал воинам пересесть на коней, и, как только кавалерия была готова, галопом повел ее на поле боя. Рядом с ним скакал 'Абд ар-Рахман ибн Абй Бакр. Однако Халиду не было суждено сразиться с римлянами. Как только римляне заметили появление мусульманской конницы, они прекратили бой с Шурахбilem и поспешно укрылись в крепости. Мусульманам Шурахбила это показалось чудом: Меч Аллаха был послан, чтобы спасти их от уничтожения!

Шурахбиль был отважным и набожным мусульманином лет шестидесяти пяти. Близкий сподвижник Пророка, он был одним из тех, кто записывал откровения, ниспосыпаемые Пророку, и поэтому стал известен как Писец Посланника Аллаха. Довольно часто к нему обращались именно так. Это был опытный и рассудительный военачальник, который постигал военное искусство под руководством Халида, под командованием которого он сражался при Йамаме и в ходе Иракской кампании.

Халид молниеносно оценил соотношение мусульман и римлян и удивился, почему Шурахбиль не дождался его, чтобы разобраться с гарнизоном Бусры. Как только они поприветствовали друг друга, Халид сказал: «О Шурахбиль! Разве тебе не известно, что это важный приграничный город римлян, в котором находится крупный гарнизон под командованием выдающегося полководца? Почему ты пошел в бой с таким небольшим отрядом?»

«Так приказал Абу 'Убайда», — ответил Шурахбиль. На это Халид заметил: «Абу 'Убайда — человек безупречный, но он не разбирается в военных стратегиях».

На следующее утро римский гарнизон вновь вышел из крепости, чтобы дать бой мусульманам. Потрясение, связанное с вчерашним появлением Халида, прошло, и, видя, что объединенные силы мусульман примерно равны их собственным, римляне решили попытать счастья еще раз. Они также надеялись сразиться с мусульманами и разгромить их до того, как те смогут отдохнуть после похода. Не знали они, что воины Халида не привыкли отдыхать!

Обе армии построились к бою на равнине за городом. Халид оставил командование центром за собой, назначив Рафи' ибн 'Умайру командиром правого фланга, а Диара ибн ал-Азвара — командиром левого фланга. Напротив центра он поставил тонкое заграждение под командованием 'Абд ар-Рахмана ибн Абй Бакра. В самом начале сражения 'Абд ар-Рахман сразился один на один с полководцем римской армии и одержал над ним верх. Римский полководец отступил под прикрытие римских рядов, а Халид начал наступление по всему фронту. В течение некоторого времени римляне героически оборонялись, а командиры мусульманских флангов сеяли опустошение на противоположных вражеских флангах, особенно Диар, который установил для себя традицию, прославившую его в Сирии, — традицию, которая очень нравилась мусульманам и вызывала ужас у римлян. Поскольку день был жарким, воин снял с себя кольчугу. От этого он почувствовал облегчение, и настроение его стало более веселым. Затем он сорвал с себя рубаху и остался обнаженным по пояс. От этого ему стало еще легче и веселее. В таком полуоголом виде Диар шел в атаки на римлян и разил всех, кто пытался ему противостоять в единоборстве. В течение недели молва о Нагом Воине облетела всю Сирию, и только самые смелые из римлян отваживались сойтись с ним в бою.

Через некоторое время римская армия вышла из боя и укрылась в крепости. На этот раз Халид сражался в пешем строю впереди своего центра. Обернувшись, чтобы отдать распоряжения о начале осады, он увидел, что через ряды мусульман к нему приближается всадник. Этому всаднику было суждено снискать такую славу в ходе Сирийской кампании, что громче ее оказалась слава одного лишь Халида.

Человеку было слегка за пятьдесят, он был рослым, поджарым и немного сутулым. Его худое, гладко выбритое лицо было привлекательным, а глаза светились умом и добротой. Жидкая бородка была окрашена. В руке у него было знамя, которое полагается держать

одним лишь полководцам. Это было желтое знамя, и считается, что это было знамя Святого Пророка в битве при Хайбаре.²²⁷ Из-под кольчуги было видно, что одет человек был в простую и недорогую одежду. Когда он улыбнулся Халиду, стало видно, что у него не хватает передних зубов, и все мусульмане завидовали этой нехватке. Это был Абу 'Убайда, Сын Хирурга, Человек без резцов. Он лишился передних зубов, когда вытягивал два звена шлема Пророка, впившихся в щеку Мухаммада во время битвы при Ухуде, и говорят, что Абу 'Убайда был самым пригожим человеком из «всех, у кого нет передних зубов»!²²⁸

Хотя воина называли Абу 'Убайдой ибн ал-Джаррахом, его настоящее имя было 'Амир ибн 'Абдаллах ибн ал-Джаррах. Хирургом (ал-Джаррахом) был дед Абу 'Убайды, однако, как это бывает у арабов, он был известен скорее по своему деду, чем по отцу. Как мусульманин, он принадлежал к самому высокому слою и был очень любим Пороком, который однажды сказал: «У каждого народа есть люди, на которых можно положиться, наш народ может положиться на Абу 'Убайду».²²⁹ С тех пор Абу 'Убайду начали называть Тем, На Кого Можно Положиться, — амйн ал-умма. Он был одним из Благословенной Десятки.

Таков был человек, которому было приказано поступить в распоряжение Халида, и новый командующий армией с уважением наблюдал за приближением прежнего командующего армией. Халид хорошо знал Абу 'Убайду по Медине и любил и уважал его за его величайшую добродетель и глубокую религиозность. Абу 'Убайда любил Халида потому, что его любил Пророк, и видел в нем оружие, избранное Аллахом для того, чтобы сокрушить неверие. Улыбка на лице Абу 'Убайды успокоила Халида. Подъехав ближе, Абу 'Убайда начал спешиваться, ибо Халид по-прежнему стоял на земле. «Оставайся в седле», — сказал ему Халид, и он остался в седле. Халид подошел к нему, и два действовавших в Сирии полководца обменялись рукопожатием.

«О Отец Сулаймана, — начал Абу 'Убайда, — Я с радостью получил послание Абу Бакра о том, что ты поставлен командиром надо мной. В моем сердце нет недовольства, ибо мне известно твое военное искусство».

«Именем Аллаха, — ответил Халид, — если бы не необходимость повиноваться приказам халифа, я никогда бы не согласился стать твоим командиром. В Исламе ты стоишь значительно выше меня. Я —

²²⁷ Там же: с. 138.

²²⁸ Ибн Кутайба: с. 248.

²²⁹ Там же: с. 247.

сподвижник Пророка, но ты — тот, кого Посланник Аллаха называл Тем, На Кого Можно Положиться Нашему Народу». И на этой радостной ноте Абу 'Убайда поступил в распоряжение Халида.

И вот мусульмане осадили Буеру. Римский полководец утратил всякую надежду, ибо знал, что большинство из потенциальных резервов были переведены или находились в процессе перевода в Аджнадайн и что едва ли к нему придет помощь. Через несколько дней, прошедших без каких-либо событий, он сдал крепость без боя. Единственное обязательство, наложенное Халидом на Буеру, состояло в том, чтобы город платил джизью. Крепость капитулировала примерно в середине июля 634 г. (в середине месяца джумада-л-ула 13 г. хиджры).

Буера стала первым важным городом, покоренным мусульманами в Сирии. За два дня сражений, предшествовавших победе, мусульмане потеряли 130 человек. Сведения о потерях среди римлян и арабов-христиан не сохранились. Затем Халид написал Абу Бакру, сообщая ему об успехах своих действий с тех пор, как он вошел в Сирию, и отправил ему пятую часть трофеев, захваченных в течение нескольких последних недель. Не успела Буера капитулировать, как вернулся посланный Шурахбilem лазутчик, который сообщил мусульманам о продолжающейся концентрации римских легионов. Вскоре в Аджнадайне должна была оказаться армия численностью 90 ООО имперских воинов. Это напомнило Халиду о том, что ему нельзя терять времени.

Изайд все еще находился южнее реки Иармук; 'Амр ибн ал-Ас все еще был в Долине 'Араба, а несколько отрядов корпусов Абу 'Убайды и Шурахбила были разбросаны в регионе Хаурана. Халид написал всем командирам, чтобы они немедленно выступали в поход и шли на соединение к Аджнадайну; и мусульмане двинулись в путь, ведя за собой своих жен, детей и большие отары овец, которые выполняли роль самодостаточных запасов продовольствия. При Аджнадайне должно было разыграться первое из крупных сражений между Исламом и Византийской империей.

Глава 29

БИТВА ПРИ АДЖНАДАЙНЕ

На третьей неделе июля 634 г. мусульманская армия выступила из Буеры, и выступление этой армии представляло собой удивительное

зрелище, которое немедленно вызвало бы неодобрение со стороны дисциплинированного солдата регулярной армии. Вид войска не имел ничего общего с тем, как должна выглядеть обычная армия. Его наступление больше напоминало движение каравана, нежели военный марш.

У солдат не было никакой формы, и одежды они носили самые разнообразные. Мужчины могли быть облачены во все что угодно, в том числе в захваченные персидские и римские одежду. Не было никаких знаков различий, никаких признаков, по которым можно было бы отличить командира от подчиненных. На самом же деле в этой армии не было офицеров, если говорить о званиях. Офицерство не было рангом, на офицерские должности назначали. Человек, который сегодня сражался как простой солдат, завтра мог быть назначен командиром полка или даже более крупного подразделения. Офицеры назначались на командные посты на период сражения или военного похода, а когда операция завершалась, они могли вновь оказаться рядовыми. Армия была построена на основе десятичной системы, которую ввел Святой Пророк в Медине. Были командиры десяток, сотен и тысяч, причем тысяча соответствовала полку. Полки могли группироваться в более крупные соединения в произвольном количестве, в зависимости от ситуации.

Единообразия в армии не было даже в вооружении и снаряжении. Люди сражались тем оружием, которое у них было, и им приходилось добывать себе оружие либо покупая его, либо забирая у поверженных врагов. У них могло быть любое оружие, которое только использовалось в эти времена, — короткие и длинные пики, метательные копья, мечи, кинжалы и луки. В качестве лат воины носили кольчуги и кольчужные шлемы. И они могли быть самых разных цветов и фасонов, на самом деле, многие из них были захвачены у персов и римлян. Большинство воинов ехали на верблюдах, те, кто имел лошадей, образовывали конницу.

Одной из примечательных черт в движении великой армии было то, что она не зависела от наличия линий связи. За ней не выстраивались линии, по которым подвозились боевые и продовольственные припасы, поскольку у нее не было тыловой базы. Ее пища брала вместе с армией, а если мясо заканчивалось, мужчины, женщины и дети могли неделями существовать на простом пайке из фиников и воды. Эту армию невозможно было отрезать от складов, потому что таковых у нее не было. Ей не требовалось дорог, чтобы передвигаться, потому что у нее не было обозов и все свое добро она перевозила на верблюдах. Поэтому такая армия могла идти куда угодно и по любой

местности, если только на ней был проход, по которому могли двигаться люди и животные. Легкость передвижения обеспечивала мусульманам колоссальное преимущество над римлянами в мобильности и скорости.

Хотя мусульманская армия передвигалась как караван и производила впечатление неорганизованной орды, она была практически неуязвима с точки зрения военной безопасности. Во главе армии шел мобильный авангард, состоявший из полка или имевший более крупные размеры. Далее шла основная часть армии, а за ней — женщины и дети с поклажей, навьюченной на верблюдов. Колонну замыкал арьергард. Во время длинных переходов лошадей вели в поводу, однако если во время марша возникала угроза вражеского нападения, воины седлали лошадей и эта кавалерия выступала в качестве авангарда или арьергарда либо действовала на флангах, в зависимости от того, с какой стороны возникала угроза. В случае необходимости за какой-то час армия могла передислоцироваться и отойти на безопасное расстояние по местности, которую не смогла бы преодолеть ни одна другая крупная армия. Вот каким образом мусульмане выступили из Бусры.

Хроники не сохранили информации о пути, по которому двинулась армия, однако он, несомненно, проходил севернее Мертвого моря, ибо армия прибыла к Аджнадайну до подхода корпуса 'Амра ибн ал-'Аса. Если бы армия шла южнее Мертвого моря, то 'Амр ибн ал-'Ас, все еще находившийся в Долине 'Араба, присоединился бы к ней на марше. Скорее всего, армия прошла через Джарш и Иерихон, затем обошла Иерусалим, в котором находился могучий римский гарнизон, и пересекла Иудейские горы, тянущиеся южнее Иерусалима. Миновав эту цепь, она спустилась на равнину Аджнадайн, выйдя на нее 24 июля. На следующий день 'Амр ибн ал-'Ас, двигаясь по приказу Халида со стороны Долины 'Араба, прибыл к Аджнадайну, и его радость не знала границ. В течение нескольких недель он пребывал в постоянной тревоге, подозревая, что в Аджнадайне римляне готовят бурю, которая в любой момент может обрушиться на его голову.

И вот мусульмане разбили лагерь, что было довольно сложным делом, учитывая размеры армии — 32 000 человек. Никогда еще мусульмане не готовились бросить в сражение столь многочисленное войско. Лагерь находился примерно в миле от римского лагеря, который был еще больше и тянулся вдоль дороги из Иерусалима в Байт Джибрин. Лагеря неприятелей тянулись двумя параллельными линиями, разбитые таким образом, чтобы армии могли без лишних движений пойти в бой по первому сигналу.

Мусульманам потребовалась неделя, чтобы сосредоточить свою армию при Аджнадайне, а римлянам для выполнения этой задачи необходимо было более двух месяцев. Римской армии, как всякому регулярному, сложно организованному военному соединению, требовалось время для перехода и недели для подготовки — для сбора провианта, повозок и лошадей, для распределения оружия и обмундирования. Поскольку армия передвигалась, используя тысячи повозок и колесниц, ей были необходимы дороги. Однако за эти два месяца римляне сумели сосредоточить в Аджнадайне 90 000 воинов под командованием Вардана, правителя Эмессы. Начальником Главного штаба или заместителем главнокомандующего являлся другой полководец, Кубуклар.

Мусульмане пошли на Аджнадайн по собственному выбору. Пока римская армия оставалась в Аджнадайне, для мусульманских корпусов она не представляла непосредственной угрозы. Угроза мусульманам могла возникнуть только в случае, если бы римляне выступили им на встречу: тогда обычная арабская стратегия заключалась бы в том, чтобы отойти в восточную или южную часть Иордании и дать бой, стоя спиной к пустыне, в которую можно удалиться в случае неблагоприятного поворота событий. Мусульмане могли и подождать момента, когда римляне сделают первый шаг.

Тогда почему же мусульманская армия отошла от пустыни и глубоко вторглась в плодородный, населенный регион, приближаясь к римской армии, имевшей троекратное преимущество в живой силе? Ответ на этот вопрос следует искать в характере Халида. Он был создан для сражений, и возможность поучаствовать в сражении влекла его словно магнит. Двенадцать столетий спустя другой прославленный полководец, Наполеон, скажет: «Ничто не радует меня так, как великое сражение». Так же дело обстояло и с Халидом. Если бы мусульманской армией командовал кто-нибудь другой, едва ли мусульмане подошли бы к Аджнадайну.

По большому счету, решение Халида оказалось правильным. Пока в Аджнадайне стояла большая римская армия, мусульмане были бы привязаны к занятой ими территории, которая сама по себе не имела особого значения. Эта римская угроза, мудро задуманная Ираклием, должна была быть уничтожена, чтобы можно было двигаться дальше в Сирию. Поэтому случилось так, что римляне и мусульмане оказались друг напротив друга в своих лагерях под Аджнадайном. Обе армии выставили стражу и аванпосты, чтобы не допустить внезапного нападения противника. Офицеры разъезжали по территории, проводя рекогносцировку на местности, а воины готовились к сражению.

* * *

Вид гигантского римского лагеря оказал до некоторой степени тревожное воздействие на мусульман. Все знали, какова ошеломляющая численность римской армии — 90 000 человек. Большинство мусульман никогда не принимали участия в крупных сражениях. Единственными, кто сохранил невозмутимость при виде римского лагеря, были 9000 ветеранов Халида, которые участвовали в регулярных сражениях с крупными армиями в Ираке, однако даже они никогда не сталкивались с армией таких размеров.

Халид совершил обход своих войск, подходя к разным отрядам и беседуя с командирами и простыми воинами. Он говорил: «Знайте, о мусульмане, что вы никогда не видели такой римской армии, какую видите перед собой сейчас. Если Аллах нанесет им поражение вашими руками, они никогда больше не выступят против вас. Поэтому будьте стойкими в бою и защищайте свою веру. Бойтесь показать врагу спину, ибо в этом случае карой вам будет геenna огненная. Будьте внимательны и стойко держите ряды, не идите в наступление до тех пор, пока не получите мой приказ».¹ Личность полководца и излучаемая им неколебимая уверенность оказывали поразительно успокаивающее воздействие на мусульман.

В неприятельском лагере Вардан созвал военный совет и обратился к своим полководцам: «О римляне, — сказал он, — Кесарь полагается на вас. Если вы потерпите поражение, вы больше никогда не сможете выстоять против арабов; и они завоюют вашу землю и похитят ваших женщин. Поэтому держитесь стойко. Если идете в наступление, идите как один, концентрируйте ваши усилия. Ищите опору в Кресте; и помните, что вас трое против одного».¹

В качестве части подготовки к сражению, которое на самом деле произошло несколько дней спустя, Халид решил отправить храброго лазутчика, чтобы как следует разглядеть римский лагерь. Диарар вызвался выполнить эту задачу, и его отправили в разведку. Молодой человек разделся до пояса и подъехал к небольшому пригорку, который находился недалеко от центра римского лагеря. Там его заметили, и отряд из 30 римлян выехал, чтобы перехватить его. По мере их приближения Диарар начал неспешно отходить к мусульманскому лагерю, а когда они подъехали еще ближе, он ускорил шаг. Он намеревался заманить этих римлян подальше от их лагеря, чтобы остальные не смогли прийти им на помощь. Когда Диарар оказался посередине между двух армий, он развернулся лицом к своим преследователям и сразил копьем ближайшего из них. Расправившись с ним, Диарар обрушился на второго, третьего, четвертого и так далее,

постоянно в течение боя разворачивая свою лошадь так, чтобы ему не приходилось сражаться больше чем с одним человеком одновременно. Некоторых он разил не только копьем, но и мечом; говорят, что он убил 19 римлян, после чего остальные развернулись и поскакали к своему лагерю. В ту ночь в римском лагере только и рассказывали о лютом Нагом Воине.

Мусульмане радостно приветствовали возвращение Диара, однако Халид сурово посмотрел на него и отругал за то, что он вступил в бой, тогда как в его задачу входило проведение разведки. На это Диар ответил, что он понимал, что может навлечь на себя недовольство командира, и только поэтому он не стал преследовать бегущих римлян, чтобы перебить всех до одного!

После произошедшего случая Кубуклар, заместитель римского главнокомандующего, подослал в мусульманский лагерь араба-христианина, чтобы тот провел сутки среди мусульман и собрал всю возможную информацию о численности и качестве мусульманской армии. Этот араб-христианин беспрепятственно проник в лагерь, поскольку мусульмане приняли его за единоверца. На следующий день он тайно выскользнул из лагеря и вернулся к Кубуклару, который стал расспрашивать его о мусульманах. «Ночью они похожи на монахов, днем — на воинов, — сказал шпион. — Если бы сын их правителя совершил кражу, они отрубили бы ему руку; а если бы он совершил прелюбодеяние, то они насмерть забили бы его камнями. Таким образом они поддерживают в своих рядах праведность».

«Если правда то, что ты говоришь, — заметил Кубуклар, — то было бы лучше лежать в земле, чем сталкиваться с такими людьми на ее поверхности. Хотел бы я, чтобы Господь избавил меня от столкновения с ними, чтобы Ему не пришлось ни помогать мне одолеть их, ни помогать им одолеть меня».

Вардан, главнокомандующий, был настроен воинственно, однако у Кубуклара сдали нервы.

* * *

Рано утром 30 июля 634 г. (в 28-й день месяца джумада-л-ула, 13 г. хиджры), когда воины завершили молитву, Халид приказал выдвигаться на боевые позиции, которые были подробно оговорены накануне. Мусульмане построились к бою на равнине в нескольких сотнях ярдов перед лагерем. Халид развернул свой фронт к западу, растянув его на 5 миль, достаточно широко, чтобы не позволить

имевшим численное превосходство римлянам опрокинуть его фланги. Армия была разделена на центр и два могучих фланга. По обеим сторонам от флангов, как бы служа продолжением фронта, были расставлены заградительные отряды, чтобы пресекать попытки римлян навалиться на мусульманские фланги сбоку или вовсе взять их позиции в клещи.

Центром командовал Му'аз ибн Джабал, левым флангом — Са'ид ибн Амир, а правым флангом — 'Абд ар-Рахман, сын халифа. Нам также известно, что заградительным отрядом на левом фланге командовал Шурахбиль, однако имя командира заградительного отряда на правом фланге летописи не сохранили. Позади центра Халид поместил резерв из 4000 человек под командованием Йазида, который также должен был защищать мусульманский лагерь, в котором оставались женщины и дети. Халид занял место в центре, и рядом с ним находились некоторые командиры, чтобы принимать участие в единоборствах или командовании группами для выполнения каких-либо особых задач во время сражения. Среди них были 'Амр ибн ал-'Ас, Дирап, Рафи' и сын 'Умара 'Абдаллах.

Когда римляне заметили движение мусульман, они также поспешили выступить вперед и начали занимать боевые позиции примерно в полукилометре от передней линии мусульман. Воины выстроились вдоль линии примерно такой же длины, но глубина их рядов была значительно больше, хотя подробностей об их расположении мы не знаем. Вардан и Кубуклар стояли в центре, окруженные телохранителями. Многочисленные отряды римлян с большими крестами и знаменами внушали трепет.

Когда мусульмане были построены к бою, Халид проехался вдоль фронта, проверяя отряды и призывая воинов сражаться на пути Аллаха. В тех немногих словах, которые полководец говорил каждому отряду, он подчеркивал необходимость сосредоточить усилия во времени и атаковать как один человек. «Когда будете применять луки, — говорил он, — пусть ваши стрелы летят так, словно их выпустили из одного лука, чтобы они обрушивались на врага словно тучи саранчи». Он поговорил даже с женщинами, остававшимися в лагере, и сказал им, чтобы они готовились защищать себя от римлян, которые могут прорваться через мусульманский фронт. Женщины заверили Халида в том, что это самое малое из того, на что они способны, коль скоро им не позволяют сражаться на передовой мусульманской армии!

Выход на позиции занял у обеих армий около двух часов. Когда все было приведено в готовность, из римского центра вышел старый епископ в черной шляпе, который прошел половину расстояния,

отделявшего римлян от мусульман, и на чистом арабском языке произнес: «Кто из вас выйдет вперед для разговора со мной?»

У мусульман нет священнослужителей, и в те времена сам полководец выступал в роли имама²³⁰ своей армии. Поэтому Халид выехал вперед, и епископ спросил: «Ты ли командир этой армии?» Халид ответил: «Они почитают меня таковым, коль скоро я повинуюсь Аллаху и следую примеру Его Пророка, однако если я не буду этого делать, то у меня не будет никакой власти над ними и никакого права требовать, чтобы они подчинялись моим приказам». Епископ на мгновение задумался, а потом заметил: «Именно этим вы и берете верх над нами».

Затем священнослужитель сказал: «Знай же, о араб, что ты вторгся в землю, в которую не осмеливается вторгаться ни один царь. Персы вторгались в нее и в отчаянии возвращались к себе. Приходили и другие, кто сражался не на жизнь, а на смерть, но не могли добиться того, к чему стремились. До сих пор ты одерживал верх над нами, но победа не всегда будет на твоей стороне.

Мой повелитель, Вардан, намерен поступить с вами великодушно. Он послал меня, чтобы я сообщил тебе: в случае, если ты уведешь свою армию с этой земли, он даст каждому из твоих воинов по динару, одежду и тюрбан, а тебе будет дано сто динаров, сто одежд и сто тюрбанов.

Смотри, наших воинов столь же много, как атомов, и эта армия не похожа на те, с которыми тебе доводилось иметь дело прежде. С этим войском Кесарь отправил лучших полководцев и самых выдающихся епископов».²³¹

В ответ Халид предложил обычные три варианта выбора: Ислам, джизью или меч. Без удовлетворения одного из трех этих условий мусульмане не собирались покидать Сирию. Что же касается динаров и красивой одежды, то Халид заметил, что вскоре мусульмане и так их получат по праву победителей!

С полученным ответом епископ вернулся к своим и сообщил Вардану о результатах переговоров. Римский полководец пришел в ярость и поклялся, что разгромит мусульман первым же сокрушительным ударом.

И вот Вардан приказал выставить перед римским передним краем, на расстоянии выстрела от мусульман, линию лучников и стрелков из пращей. Пока эта линия строилась, Му'аз, командир мусульманского центра, начал было отдавать своим людям приказы о наступлении, но

²³⁰ Того, кто руководит молитвой.

²³¹ Вакиди: с. 36.

его остановил стоявший рядом Халид. «Не раньше, чем я отдаю приказ об атаке, — сказал Халид, — и не раньше, чем солнце пройдет зенит».²³²

Му'аз стремился пойти в атаку из-за того, что римские лучники, обладавшие лучшими луками, стреляли дальше мусульманских воинов, а что до стрелков из пращей, то мусульманам нечего было противопоставить им. Единственный способ исправить положение заключался в том, чтобы подойти к римлянам и перейти к рукопашному бою. Однако Халид не хотел испытывать удачу, идя в преждевременную атаку на хорошо выстроенные легионы римлян. Таким образом, за пару часов до полудня сражение началось с действий римских лучников и стрелков из пращей.

Первая фаза сражения прошла не в пользу мусульман, из которых несколько человек были убиты, а многие получили ранения. Этого и добивались римляне, и в течение некоторого времени они продолжали вести обстрел из луков и пращей. Мусульмане, не имея возможности нейтрализовать преимущество римлян, начали рваться в атаку с мечами и копьями, но Халид их по-прежнему удерживал. Наконец к Халиду подошел горячий нравом Диар и сказал: «Почему мы ждем, когда Всевышний Господь на нашей стороне? Именем Аллаха, наши враги подумают, что мы их боимся. Прикажи идти в атаку, и мы пойдем в атаку с тобой». Халид решил позволить отдельным воинам выйти на поединки с лучшими римскими воинами. В этих единоборствах преимущество должно было быть на стороне мусульман, и было бы полезно устраниТЬ как можно больше римских офицеров, так как это уменьшило бы эффективность действий римской армии. «Можешь идти в атаку, Диар», — сказал он. И довольный Диар погнал своего коня вперед.

Из-за римских лучников Диар остался в шлеме и кольчуге, а в руке он держал щит из слоновой кожи, когда-то принадлежавший одному из римлян. Проехав половину расстояния до римских позиций, он остановился и, вскинув голову, издал свой личный боевой клич:

*Я — смерть Бледных,
Я — убийца римлян,
Я — посланная вам кара,
Я — Диар ибн ал-Азвар!*²³³

Как только несколько римских богатырей вышли вперед, чтобы принять его вызов, Диар быстро скинул с себя одежду, и римляне

²³² Там же.

²³³ Там же: с. 37.

сразу узнали в нем Нагого Воина. За несколько минут Диар убил нескольких римлян, в том числе двух генералов, один из которых был правителем 'Аммана, а другой — правителем Тиверии.

Затем из рядов римского войска появилась группа из 10 офицеров и направилась к Диару. При этом Халид взял 10 своих лучших бойцов и, выехав вперед, перехватил и сразил римлян. Затем с обеих сторон вышли новые воины, некоторые по отдельности, другие — группами. Постепенно поединков становилось все больше, и они протекали все жарче, и так продолжалось в течение примерно двух часов, и все это время римские лучники и стрелки из пращей бездействовали. Эта фаза не только восстановила баланс сил, но и склонила весы в пользу мусульман, ибо большинство главных римских воинов были убиты в ходе единоборств.

Пока единоборства еще продолжались, а время уже перевалило за полдень, Халид приказал идти в общее наступление, и весь мусульманский фронт двинулся вперед и обрушился на римскую армию. И началась основная часть сражения, в которой воины бились на мечах и щитах.

Это была лобовая схватка, без эффектных маневров, и ни одна из сторон не пыталась обойти другую с флангов. Сеча была жестокая, и продолжалась она в течение нескольких часов. Затем, ближе к вечеру, обе стороны, очень усталые, прекратили бой и отошли на свои исходные позиции. Больше в тот день ничего нельзя было сделать.

* * *

Потери римлян были ошеломляющими. Вардан был потрясен, узнав, что тысячи его воинов лежат мертвыми на поле сражения, а потери мусульман относительно невелики. Он созвал военный совет, на котором выразил свои опасения по поводу исхода сражения, однако генералы поклялись, что будут сражаться до последнего. Вардан спросил, у кого есть какие идеи, и были внесены различные предложения, из которых ему больше всего понравилась задумка убить мусульманского полководца. Согласно этому плану, утром сам Вардан должен был выехать вперед, предложить мир и попросить Халида подъехать, чтобы обсудить с ним условия. Когда Халид приблизился бы к Вардану на достаточное расстояние, Вардан втянул бы его в бой, затем, по его сигналу, 10 человек, которые должны были прятаться неподалеку, должны были подбежать и разрубить мусульманского командира на части. Все было проще простого. Вардан был храбрым полководцем и согласился на этот план. Людей

следовало расставить ночью и тщательно объяснить им, что именно от них требуется.

Затем римский командующий отправил на задание араба-христианина по имени Давид, бывшего членом его штаба, велев ему идти в мусульманскую армию и найти Халида. Он должен был сказать мусульманскому полководцу, что было пролито достаточно крови и не следует возобновлять сражение и что рано утром Халид должен встретиться с Варданом на пространстве между двумя армиями, чтобы обсудить условия мира. Оба генерала должны были явиться в одиночестве.

Давид испугался, услышав инструкции, так как они казались идущими вразрез с приказами Ираклия сразиться с мусульманами и отбросить их обратно в пустыню. Поэтому он отказался выполнять это поручение. Тогда Вардан раскрыл Давиду весь план, чтобы убедить его в том, что он не собирался нарушать повеления императора. И это, как мы убедимся, было его ошибкой.

Солнце еще не село, когда Давид подошел к мусульманской армии, которая по-прежнему стояла в боевом порядке, и попросил отвести его к Халиду для переговоров о мире, который предлагает Вардан. Как только Халиду доложили об этом, он вышел к Давиду и стал пристально смотреть на него.

Вид Халида, человека ростом 6 футов, жилистого и мускулистого, мог ослабить мужество у всякого, на кого Халид глядел своим пылающим взором. Его загрубевшее, обветренное лицом со шрамами, его пронзительный взгляд производили впечатление безжалостности к тем, кого Халид считал своими врагами. На несчастного Давида они подействовали ошеломляюще. Съежившись под взглядом Халида, он пробормотал: «Я не хочу войны! Я всего лишь выполняю поручение!»

Халид надвинулся на него. «Говори! — приказал он. — Если скажешь правду, останешься в живых. Если солжешь, то умрешь».

Араб-христианин произнес: «Вардан огорчен этим ненужным кровопролитием и желает избежать его. Он готов подписать с тобой договор и спасти жизнь тем, кто еще жив. Сражение должно быть остановлено до конца переговоров. Он предлагает, чтобы утром вы с ним встретились один на один посередине между двух армий и обсудили условия мира».

«Если твой повелитель затевает обман, — ответил Халид, — то, имея Аллаха, мы сами искусны в хитростях, и никто не может сравниться с нами в том, что касается военной стратегии и уловок. Если у Вардана есть тайный замысел, то он лишь приближает свой конец и истребление всего вашего войска. Если, с другой стороны, он

говорит правду, то мы не станем заключать мир, пока не будет согласия платить нам джизью. Что же касается каких бы то ни было даров, то в любом случае все ваше скоро станет нашим».

Слова Халида, сказанные с непоколебимой уверенностью, произвели глубочайшее впечатление на Давида. Сказав, что он пойдет и передаст Вардану сообщение Халида, Давид повернулся и пошел прочь, а Халид глядел ему вслед, чувствуя, что здесь что-то не так. Давид не успел отойти на большое расстояние, как вдруг ему пришло в голову, что Халид прав, что победа достанется мусульманам, а римляне будут уничтожены несмотря ни на какие ухищрения. Он решил спасти себя и свою семью, сказав правду. Поэтому он вернулся обратно и вновь предстал перед Халидом, сообщив ему все, что ему было известно о заговоре, в том числе о том месте, где должны были залечь 10 римлян — за пригорком чуть правее римского центра. Халид пообещал сохранить жизнь Давиду и его семье при условии, что тот не сообщит Вардану, что мусульманам известно о составленном им заговоре. Давид согласился.

Вернувшись в римскую армию, Давид сообщил Вардану о своих предварительных переговорах с Халидом и о согласии Халида на встречу, которая была запланирована, однако он ни слова не сказал о своем втором разговоре с мусульманином. Вардан остался доволен.

* * *

Сначала Халид думал самому подойти к пригорку и лично убить всех десятерых римлян. Его склонная к авантюрам душа радовалась, предвкушая славную битву. Однако после того как он обсудил это дело с Абу 'Убайдой, последний отговорил его и предложил ему избрать для выполнения данной задачи 10 отважных воинов. Халид согласился. В число отобранный им десятки вошел Диар, назначенный старшим в этом отряде. Он велел Диару подготовиться к тому, чтобы утром выскочить из переднего ряда мусульман, перехватить и уничтожить десятерых римлян, когда те появятся. Однако Диар был в душе не меньшим авантюристом, чем Халид, и настоял на том, чтобы ему и его людям позволили отыскать римлян под покровом темноты и убить их там, где они прятались. Хорошо зная Диара, Халид согласился на его просьбу. Незадолго до полуночи Диар и его девять товарищами вышли из лагеря.

Вскоре после восхода солнца Вардан выехал вперед со всеми имперскими регалиями, в разукрашенных драгоценностями доспехах и отягощенным драгоценностями мечом на боку. Халид вышел из

мусульманского центра и остановился перед Варданом. Оба войска уже стояли в боевых порядках, как и накануне.

Вардан начал переговоры с попыткой устрашить мусульманина. Он высказал низкое мнение об арабах: о том, в каких жалких условиях они живут, как голодают в своих исконных землях. Ответ Халида был резким и агрессивным: «О ромейская собака! — фыркнул он. — Это твой последний шанс принять Ислам или заплатить джизью». Тут Вардан, не обнажая меча, бросился на Халида и схватил его, одновременно призывая к себе десятку римлян.

Краем глаза Вардан увидел, что из-за пригорка появились десять римлян и побежали к нему. Халид также увидел их и испугался, потому что ожидал, что из-за пригорка появятся десять мусульман. Он не стал беспокоиться о том, как дополнительно защитить себя, и с глубокой грустью подумал о том, что Диара все же постигла печальная участь. Когда отряд приблизился, Вардан заметил, что предводитель этих «римлян» обнажен по пояс, и тут до него дошла вся ужасная правда.

Ночью Диар с девятью товарищами подобрались к пригорку, бесшумно убили всех 10 римлян, а затем, поддавшись озорному чувству юмора Диара, напялили на себя одежду и доспехи римлян. Впрочем, позднее Диар сбросил с себя этот наряд и надел свою обычную одежду, в которой привык сражаться. С первыми проблесками зари десятка мусульман сотворила утреннюю молитву и стала ждать, когда раздастся призыв римского полководца.

Вардан выпустил Халида и отступил назад, беспомощно наблюдая за тем, как их окружает десятка мусульман. Диар приближался к нему с обнаженным мечом. Увидев это, Вардан с мольбой обратился к Халиду: «Заклинаю тебя, во имя того, во что ты веришь, убей меня сам; не подпускай ко мне этого дьявола».¹

В ответ Халид кивнул Диару, и меч Диара, сверкнув на солнце, отсек Вардану голову.

Халид умел рассчитать атаку так, чтобы использовать все тактические преимущества над врагом, которые у него имелись. Когда преимуществ не было, а возможности маневров были ограничены, он использовал психологический эффект от убийства вражеского главнокомандующего или какого-либо иного выдающегося полководца, и наносил мощный удар всей армией, пока неприятель был оглушен моральным ударом, вызванным такой потерей. И в этом случае Халид поступил точно так же. Как только Вардан был убит, Халид приказал идти в общее наступление: центр, фланги и боковые заградительные отряды хлынули вперед и обрушились на римлян, которыми теперь командовал Кубуклар.

Когда две армии сошлись, началась следующая фаза жестокого рукопашного боя. Вскоре бой приобрел яростный характер, ни одна сторона не желала уступать другой. Мусульмане наносили яростные удары по римским формированиям, а римляне отчаянно сражались, стараясь сдержать наступление противника. Халид и все его офицеры сражались в первых рядах своего войска, и точно так же поступали многие римские генералы, готовые умереть во славу империи. Вскоре поле боя оказалось покрытым человеческими останками, в основном это были останки римских воинов, но люди продолжали сражаться без передышки.

Наконец, когда обе стороны уже приближались к состоянию полного изнеможения, Халид бросил в бой свой четырехтысячный резерв, и благодаря этому подкреплению мусульманам удалось прорвать римскую оборону в нескольких местах и глубоко вклинииться в римскую армию. В центре мусульманский отряд добрался до места, где стоял Кубуклар с обернутой тканью головой, и убил его. Считается, что Кубуклар приказал обернуть ему голову тканью, поскольку был не в силах наблюдать за этим кровавым побоищем.²³⁴ С гибелью Кубуклара римское сопротивление стало слабее и вскоре полностью прекратилось. Римляне бежали с поля боя.

Было безопаснее стоять и сражаться с арабами-мусульманами, чем убегать от них. Араб пустыни был в своей стихии, когда дело доходило до преследования бегущих. Пытаясь спастись, римляне разбегались в трех направлениях: часть бежала в сторону Газы, другая — к Иаффе, однако самая большая группа направилась к Иерусалиму. Халид незамедлительно организовал свою конницу в несколько полков, поручив им преследовать врага во всех трех направлениях, и от конницы римляне понесли еще более страшные потери, чем за два дня сражений на равнине Аджнадайна. Преследование и истребление беглецов продолжались до захода солнца, после чего колонны преследователей вернулись в лагерь.

Римская армия была растерзана на клочки. Это была полная победа. Римлян разгромили в спланированной битве, в духе традиции регулярной имперской армии, и они не только потерпели тактическое поражение, но и были безжалостно истреблены. Собравшаяся в Аджнадайне римская армия прекратила свое существование как армия, хотя внушительная ее часть смогла спастись бегством, особенно та часть, которая бежала к Иерусалиму и укрылась за его стенами. В

²³⁴ Ат-Табари: т. 2, с. 610-611.

первом крупном сражении между Исламом и Византией победу одержали последователи Мухаммада.

Сражение было жарким и яростным, но без каких-либо тонких маневров. Римская армия не попыталась совершить обход противника по флангам, поскольку его армия была слишком велика и выполнить это было бы слишком затруднительно. Мусульмане не сделали этого потому, что их армия была относительно маленькой и маневры вдоль флангов можно было осуществить только за счет ослабления центра, а это означало бы совершенно неоправданный риск. Поэтому данное сражение представляло собой лобовое столкновение огромных толп людей, в котором мусульманское командование, а также мужество и умение воинов перевесили огромную численность римских легионов. Единственный маневр, к которому смог прибегнуть Халид, — это выбор такого времени для атак, когда можно было воспользоваться преимуществами складывающихся ситуаций. И, разумеется, когда римская армия дрогнула, Халид продемонстрировал характерный для него прием преследования, организовав погоню за беглецами, чтобы уничтожить как можно больше римских солдат, прежде чем они успеют достигнуть безопасного места.

Победа в сражении при Аджнадайне открыла путь к освобождению Сирии. Разумеется, эту страну нельзя было освободить от византийских войск в результате одного сражения, ибо в городах Сирии и Палестины все еще оставались крупные имперские гарнизоны, а римский император мог стянуть резервы со всех концов империи, которая раскинулась от Армении до Балкан. Однако первое великое сражение с римлянами завершилось, и теперь мусульмане могли продолжать свой поход, уверенные в том, что и в тех сражениях, которые, безусловно, ждали их впереди, они будут иметь не меньший успех.

Через три дня после сражения, как указывает Вакиди, Халид написал Абу Бакру и сообщил ему о сражении, оценив потери римлян в 50 ООО убитых против всего лишь 450 погибших мусульман.²³⁵ Римский главнокомандующий, его заместитель и несколько высших генералов римской армии были уничтожены. Халид также сообщал халифу, что вскоре он двинется на Дамаск. В Медине с радостью восприняли известие об этой победе, город звенел от криков Аллаху Акбар, и новые добровольцы отправились в Сирию, чтобы принять участие в священной войне. Среди них был и Абу Суфьян, который вместе со своей женой, отважной Хинд, отправился в Сирию, чтобы

²³⁵ Вакиди: с. 42.

присоединиться к корпусу своего сына, Йазида. В ответном письме Халиду Абу Бакр писал, чтобы тот осаждал Дамаск до тех пор, пока город не капитулирует, а потом шел бы на Эмессу и Антиохию. При этом Халид не должен был выходить за пределы северной границы Сирии.

Ираклий находился в Эмессе, когда на него, как гром среди ясного неба, обрушилось известие о сокрушительном поражении, понесенном римской армией. Он направился в Антиохию, и, ожидая, что мусульмане пойдут на Дамаск, приказал остаткам римской армии в Иерусалиме (но не местному гарнизону) перехватить мусульман в Йакусе²³⁶ и задержать их продвижение. (См. карту 16.) Одновременно Ираклий приказал перебросить в Дамаск дополнительные силы, чтобы укрепить город и подготовиться к осаде.

Через неделю после сражения при Аджнадайне Халид двинулся со своей армией в поход, вновь обойдя стороной Иерусалим и направившись к Дамаску. В Фахле, где находился большой римский гарнизон, Халид оставил под командованием Абу-л-А'вара конный отряд, который должен был удерживать гарнизон в крепости, а сам с остальной частью армии пошел дальше и вышел на берега реки Иармук в районе Йакусы, где вновь столкнулся с римской армией, стоявшей на северном берегу. Римляне были не в состоянии оказать серьезное сопротивление мусульманам, поскольку они все еще не оправились от поражения, которое потерпели при Аджнадайне. Их задача здесь заключалась только в том, чтобы выступать в качестве арьергарда с целью выиграть время для укрепления Дамаска. Тем не менее в середине августа 634 г. (в середине месяца джумада-л-ахир, 13 г. хиджры) при Йакусе состоялось сражение, в котором римляне вновь потерпели поражение.²³⁷

Римляне поспешили отступили, и Халид вновь двинулся к Дамаску.

Глава 30

ОТКРЫТИЕ ДАМАСКА

Дамаск славился как сирийский рай. Блистательная столица, в которой было все, что делает город великим и знаменитым, он обладал богатством, культурой, храмами и войсками. У Дамаска была богатая

²³⁶ Она же Вакуса.

²³⁷ Некоторые древние историки, в том числе Табари, по всей видимости, путали эти события при Йакусе с битвой при Иармуке, которая имело место в этом же регионе, и датировали битву при Иармуке 13 г. хиджры, что неправильно.

история. Основную часть города окружала мощная стена 11-метровой высоты,²³⁸ но за пределами укреплений лежали незащищенные пригороды. Укрепленный город имел около мили в длину и полмили в ширину, в него можно было попасть через шесть ворот: существовали Восточные, Фоминские, Джабийские, Фаадисские, Кисанские и Малые ворота. Вдоль северной стены протекала речка Барада, которая, впрочем, была слишком мала, чтобы иметь военное значение.

Во времена Сирийской кампании римским главнокомандующим Дамаска был Фома, зять императора Ираклия. Человек глубоко религиозный и верующий христианин, он славился не только мужеством и искусством управлять войсками, но и умом, образованностью. Под началом Фомы, в качестве его заместителя, служил генерал по имени харбийс, о котором, кроме того что он находился в Дамаске, известно немногое.

Однако непосредственно командовал гарнизоном Ададир, опытный воин, который всю жизнь провел, воюя на Востоке, и обрел славу в бесчисленных сражениях с персами и турками. Его уважали как великого воина, и он гордился тем, что никогда не поигрывал в единоборствах. Много лет прослужив в Сирии, Азазир хорошо знал арабский язык и бегло говорил на нем.

Гарнизон Азазира состоял как минимум из 12 000 воинов, но, как город, Дамаск не был готов к осаде. Хотя его стены и бастионы были в хорошем состоянии, не было предпринято ничего, чтобы запасти в городе продовольствие и фураж для скота, и для выполнения этой задачи, учитывая размеры гарнизона и населения, требовалось несколько недель или даже месяцев. Едва ли можно обвинять римлян в таком недосмотре, поскольку после того как в 628 г. Ираклий нанес окончательное поражение персам, ничто не угрожало Сирии и лишь после битвы при Аджнадайне римляне в полной мере осознали нависшую над ними угрозу.

И вот Ираклий, действуя из своего штаба, расположенного в Антиохии, приступил к исправлению ошибки и подготовке Дамаска к осаде. Приказав остаткам армии Аджнадайна задержать мусульман у Йакусы, он отправил в Дамаск 5000 воинов, которые должны были усилить гарнизон города. Этим отрядом командовал генерал Кулус, который пообещал императору, что привезет ему голову Халида, насаженную на пике.¹ Кулус прибыл в Дамаск примерно в то время, когда разыгралась битва при Аджнадайне. Таким образом, численность дамасского гарнизона возросла до 17 000 человек, однако Кулус и

²³⁸ Уровень земли в Дамаске к настоящему времени поднялся на 4 метра, поэтому сейчас стена имеет лишь 7-метровую высоту над уровнем земли.

Азазир соперничали как профессионалы и недолюбливали друг друга. Каждый жаждал стать свидетелем неудачи другого.

Фома лихорадочно трудился, готовя город к осаде. В окружающей город сельской местности шли скорые сборы продовольствия, чтобы прокормить гарнизон и гражданское население в том случае, если город будет отрезан от внешнего мира в результате осады. Разведчикам было поручено следить за передвижением мусульман, а основной части войска было приказано готовиться к сражению за пределами Дамаска, тогда как в городе остались сильная стража и резерв. Замысел заключался в том, чтобы нанести поражение мусульманам и заставить их отступить до того, как они сумеют взять город в кольцо, однако жители Дамаска все с большей тревогой ожидали прибытия Халида.

Халид к этому времени создал военный штаб — предтечу того, что в последующей военной истории будет называться Генеральным штабом. Он собрал из всех регионов, в которых сражался, — Аравии, Ирака, Сирии и Палестины — небольшую группу умных и проницательных людей, которые выполняли функции его «штабистов», в основном действуя как офицеры разведывательного управления.²³⁹ Они занимались сбором информации, организовывали отправку и расспросы агентов и держали Халида в курсе оперативной военной ситуации. Разведка была одним из аспектов войны, которому Халид уделял особое внимание. Всегда наблюдательный и всегда готовый воспользоваться предоставляющимися возможностями, он, как о нем говорили, «не спал сам и не давал спать другим, и ничто не могло укрыться от его взора».²⁴⁰ Однако это, скорее, был его личный штаб, а не штаб армии: куда бы ни направлялся Халид, его штаб следовал за ним.

Халид также произвел заметные перемены в организации армии. Из своей иракской армии, в которой после Аджнадайна осталось 8000 человек, он создал отряд из 4000 всадников, который древние историки называют Армией Движения. Из потребности дать более ясный перевод названия мы будем называть ее здесь Мобильной Гвардией. Этот отряд, как и воевавшая в Ираке армия, составлял всего один корпус мусульманской армии, но находился под непосредственным командованием Халида и был назван мобильным резервом. Данную структуру можно было вводить в бой по мере необходимости. Мобильная Гвардия, вне всяких сомнений, являлась лучшим подразделением армии — ее элитной частью.

²³⁹ Вакиди: т. 2, с. 47.

²⁴⁰ Ат-Табари: т. 2, с. 626.

Из Йакусы армия Халида вышла с иракским корпусом впереди. За ним следовали другие корпуса, женщины и дети. К тому времени к мусульманской армии в Сирии присоединились и семьи воинов, воевавших в Ираке, которые до начала опасного броска были отправлены в Медину. Через 3 дня движения по дороге на Джабийу авангард подошел к Мардж ас-Суффару, что в 12 милях от Дамаска, и обнаружил, что путь ему преграждает крупная римская армия. Это римское войско, состоявшее из 12 000 человек под командованием Кулуса и Азазира, было выслано вперед Фомой, чтобы сразиться с мусульманами на открытой местности и отогнать их от Дамаска или, если это не удастся, задержать продвижение мусульман и тем самым выиграть время для пополнения города продовольствием. На ночь первые мусульманские корпуса разбили лагерь примерно в миле от римских позиций, тогда как остальные корпуса все еще находились на некотором удалении.

Мардж ас-Суффар (Желтый Луг) раскинулся к югу от Кисвы, небольшого городка в 12 милях от Дамаска, на современной дороге на Дар'a. На южной окраине городка проходил маленький, поросший деревьями вади, и от этого вади к югу тянулся Мардж ас-Суффар. Непосредственно к западу от города поднималась небольшая горная цепь, и римские позиции находились перед этой цепью и южнее вади.²

На следующее утро, 19 августа 634 г. (19 дня месяца джумада-л-ахна, 13 г. хиджры), Халид поднял свой корпус: мусульмане и римляне выстроили свои войска для битвы на Мардж ас-Суффар. Остальная мусульманская армия спешила на поле боя, но до ее прибытия оставалось еще примерно два часа. Первый корпус, теперь построенный к бою, был задуман стать той основой, к которой должна была присоединиться по прибытии вся армия. Казалось, что римляне приготовились к обороне, поскольку они не делали никаких попыток напасть на мусульман. Тем временем Халид начал стадию поединков, чтобы занять римлян до прибытия остальных мусульманских корпусов.

Первая фаза боя скорее напоминала рыцарский турнир, на котором храбрецы демонстрировали свое мужество и ловкость, если не считать обильно проливаемой крови. Римляне также отнеслись к поединкам с азартом, поскольку в их рядах было немало смельчаков, среди которых были и два генерала, Кулус и Азазир, считавшиеся самыми отважными и лучшими воинами. Обе армии играли роль зрителей и криками подбадривали «участников турнира» из своих рядов.

Халид открыл этот кровопролитный турнир, пригласив выступить вперед некоторых своих лучших бойцов, в том числе Диара,

Шурахбила и 'Абд ар-Рахмана ибн Абу Бакра. Все эти рыцари выехали из первого ряда мусульманского войска, проскаакали по пространству, разделявшему армии, и каждый из них бросил вызов на поединок. Против каждого мусульманского воина вышло по римскому офицеру, и бойцы разделились на пары для поединков. Практически все римляне были убиты. Убив своего противника, мусульманский богатырь проносился верхом вдоль рядов римского войска, отпуская в его адрес язвительные замечания и вызывая на бой нового соперника, а также, по возможности, поражая одного-двух человек из первого ряда, прежде чем вернуться к мусульманской армии. Как и в предыдущих сражениях, обнаженный по пояс Диарар нанес наибольший урон и убил наибольшее число римлян, поражая зрителей своим пренебрежением к опасности.

Так продолжалось около часа, а потом Халид решил, что настало время «ударить как следует». Он отозвал назад мусульманских офицеров и выехал вперед сам. Доехав до середины поля, Халид вскричал:

Я — столп Ислама!

Я — сподвижник Пророка!

Я — благородный воин, Халид ибн ал-Валид!

Поскольку Халид был полководцем мусульманской армии, его вызов должен был принять один из высших римских генералов. К этому времени жажда вступить в бой у Кулуса несколько поумерилась, потому что на него угнетающее воздействовала печальная судьба тех римлян, которые в то утро вышли на поединки с мусульманами. Складывается впечатление, что ему не хотелось принимать вызов Халида, однако, подстрекаемый насмешками своего конкурента, Азазира, Кулус выехал на поле перед римской армией. Подъехав поближе к Халиду, он сделал знак, что хочет поговорить с ним, однако Халид не обратил ни малейшего внимания на этот знак и налетел на него со своим копьем. Кулус парировал удар, проявив при этом исключительное умение. Халид вновь атаковал его, но снова его удар пропал втуне.

Халид решил, что больше не будет использовать копье. Он приблизился к противнику, отбросил копье и вцепился в него голыми руками. Схватив Кулуса за ворот, он стащил его с лошади, и римлянин рухнул на землю, не делая попыток подняться. И тогда Халид сделал знак, чтобы к нему подошли двое мусульман. Когда те приблизились, он приказал им унести Кулуса в качестве пленника, что они и сделали.

Если римляне пришли в отчаяние при виде исхода сражения, то Азазир в душе был доволен и надеялся, что мусульмане убьют Кулуса.

И вот он выступил вперед, полагая, что является лучшим бойцом, чем Кулус, и не сомневаясь в том, что быстро разделается с Халидом. Однако сначала ему хотелось позабавиться, выставив мусульманского военачальника на посмешище. Азазир остановился в нескольких шагах от Халида и сказал по-арабски:

— О брат-араб, подойди ко мне поближе, чтобы я мог задать тебе несколько вопросов.

— О враг Аллаха, — ответил Халид. — Подойди поближе сам, или я подойду и отрублю тебе голову. Азазир удивился, но направил своего коня вперед и остановился на дуэльном расстоянии. Мягким, убеждающим тоном он продолжал:

— О брат-араб, что заставляет тебя вступать в единоборство? Разве ты не боишься, что я убью тебя и твои товарищи останутся без командира?

— О враг Аллаха, ты уже видел, что сделали мои товарищи. Если бы я разрешил, они, с помощью Аллаха, уничтожили бы всю твою армию. Со мной люди, которые относятся к смерти как к благодати, а к этой жизни — как к миражу. Так кто же ты таков?

— Разве ты меня не знаешь? — воскликнул Азазир. — Я — лучший из сирийских воинов! Я — истребитель персов! Я — сокрушитель турецких армий!

— Как тебя зовут? — спросил Халид.

— Меня зовут именем ангела смерти. Я — 'Азра'йл!

Халид рассмеялся в ответ.

— Боюсь, что тебя уже разыскивает тот, в честь кого тебя зовут... чтобы забрать тебя в пекло!

Азазир пропустил это замечание мимо ушей и невозмутимо продолжал:

— Что ты сделал со своим пленником, Кулусом?

— Он закован в железо.

— Что мешает тебе убить его? Он — самый коварный из римлян. Ничто мне не мешает кроме желания убить вас обоих одновременно.

— Послушай, — сказал римлянин, — я дам тебе 1000 слитков золота, 10 парчовых одежд и пять коней, если ты убьешь его и отдашь мне его голову.

— Такова его цена. А что ты дашь, чтобы я помиловал тебя?

— Чего же ты хочешь?

— Джизью!

Слова Халида взбесили Азазира, и он сказал:

— Мы увеличим нашу славу за счет твоего бесславия. Защищайся, ибо сейчас я тебя убью!

Не успел римлянин произнести эти слова, как Халид набросился на него. Он нанес несколько ударов мечом, но Азазир, демонстрируя великолепное искусство, отбил все его удары и не получил ни одной царапины. В мусульманских рядах искусство, с каким римлянин защищался от их полководца, вызвало восторженные возгласы, ведь среди мусульман в бою не было равных Халиду. Удивленный Халид тоже остановился.

Лицо римлянина расплылось в улыбке, когда он произнес: «Именем Мессии, я мог бы запросто убить тебя, если бы пожелал. Но я намерен взять тебя живьем, чтобы затем отпустить тебя на свободу на условиях, что ты уйдешь из нашей страны».

Халид был в бешенстве от спокойной, снисходительной манеры римского генерала и от того, с каким успехом тот защищался. Он решил захватить противника живым и унизить его. Однако когда он вновь пошел в атаку, к его великому изумлению, Азазир развернул коня и поехал назад. Думая, что римлянин избегает сражения, Халид погнался за ним, и зрители увидели незабываемое зрелище: один генерал несся за другим по нейтральной территории между двумя армиями. Всадники несколько раз объехали все поле, а затем Халид начал отставать, потому что его лошадь покрылась мылом и начала тяжело дышать. У римлянина был конь получше, и этот конь не показывал никаких признаков усталости.

Происшедшее явно было частью заранее составленного Азазиром плана, ибо когда он увидел, что конь Халида устал, он придержал своего скакуна и подождал, пока Халид нагонит его. Теперь Халид был настроен бескомпромиссно, потому что в скачках противник оказался лучше него и его настроение не смягчилось от того, что он услышал, как римлянин издевается над ним: «О араб! Не думай, что я в страхе бежал от тебя.

На самом деле, я проявляю великодушие по отношению к тебе. Ведь я — тот, кто забирает души! Я — ангел смерти!»

Лошадь Халида больше не могла участвовать в бою. Он спешился и подошел к Азазиру с мечом в руке. Римлянин восторжествовал при виде противника, идущего к нему пешком, тогда как он сидел на коне. Теперь, подумал он, Халид в том виде, в каком он хотел его видеть. Когда Халид подошел на такое расстояние, что его можно было достать мечом, Азазир занес меч и нанес ужасный боковой удар, намереваясь отсечь голову Халида, но Халид пригнулся, и клинок просвистел в нескольких дюймах над ним, не причинив ему никакого вреда. В следующее мгновение он нанес удары по передним ногам лошади римлянина, полностью отрубив их от туловища, и лошадь и

всадник рухнули на землю как подкошенные. Все мужество покинуло Азазира. Он встал и попытался бежать, но Халид набросился на него и, схватив обеими руками, поднял в воздух и швырнул на землю. Затем он схватил Азазира за ворот, рывком заставив его встать, и повел его в сторону мусульманской армии, где поверженный римлянин присоединился в закованному в железо Кулусу.¹

Не успел окончиться этот великий поединок, как на поле боя прибыли еще два мусульманских корпуса, которыми командовали Абу 'Убайда и 'Амр ибн ал-'Ас. Халид поставил их на флангах своей армии и, как только войска заняли боевые позиции, приказал всем идти в общее наступление.

Римляне стойко продержались в течение примерно часа, но они были не в состоянии сдерживать мусульман в течение более длительного времени. Потеря большого количества офицеров, в том числе двух главных полководцев, угнетающее подействовала на их боевой дух, а тот факт, что прямо за ними находился Дамаск, манивший их прийти и укрыться за его стенами, вызывал сильный соблазн покинуть поле боя. Поэтому они и отступили, потеряв множество людей убитыми. Римская армия подошла к городу и укрылась за его стенами, затворив за собой ворота.

Мусульмане провели ночь на равнине, а на следующий день подступили к городу. Там 20 августа 634 г. (20 дня месяца джумада-л-ахира, 13 г. хиджры) мусульманская армия под командованием Халида приступила к осаде Дамаска.²⁴¹

* * *

Халид уже оставил позади себя конный отряд в Фахле, чтобы связать руки римскому гарнизону и не позволить ему прийти на помощь Дамаску или воспрепятствовать перемещению гонцов и подкреплений из Медины. Теперь же он выслал еще один отряд на дорогу в Эмессу, чтобы он занял позиции у Байт Лахии, примерно в 10 милях от города¹, и велел его командиру выслать разведчиков, чтобы следить за подходом римского подкрепления и сообщать об этом. Если бы командир не смог справиться с этими войсками самостоятельно, он должен был бы обратиться за помощью к Халиду. Организовав тем самым заградительный кордон, изолировавший Дамаск от Северной

²⁴¹ Подробнее детали сражения на Мардж ас-Суффар приводятся в примечании 10 приложения Б.

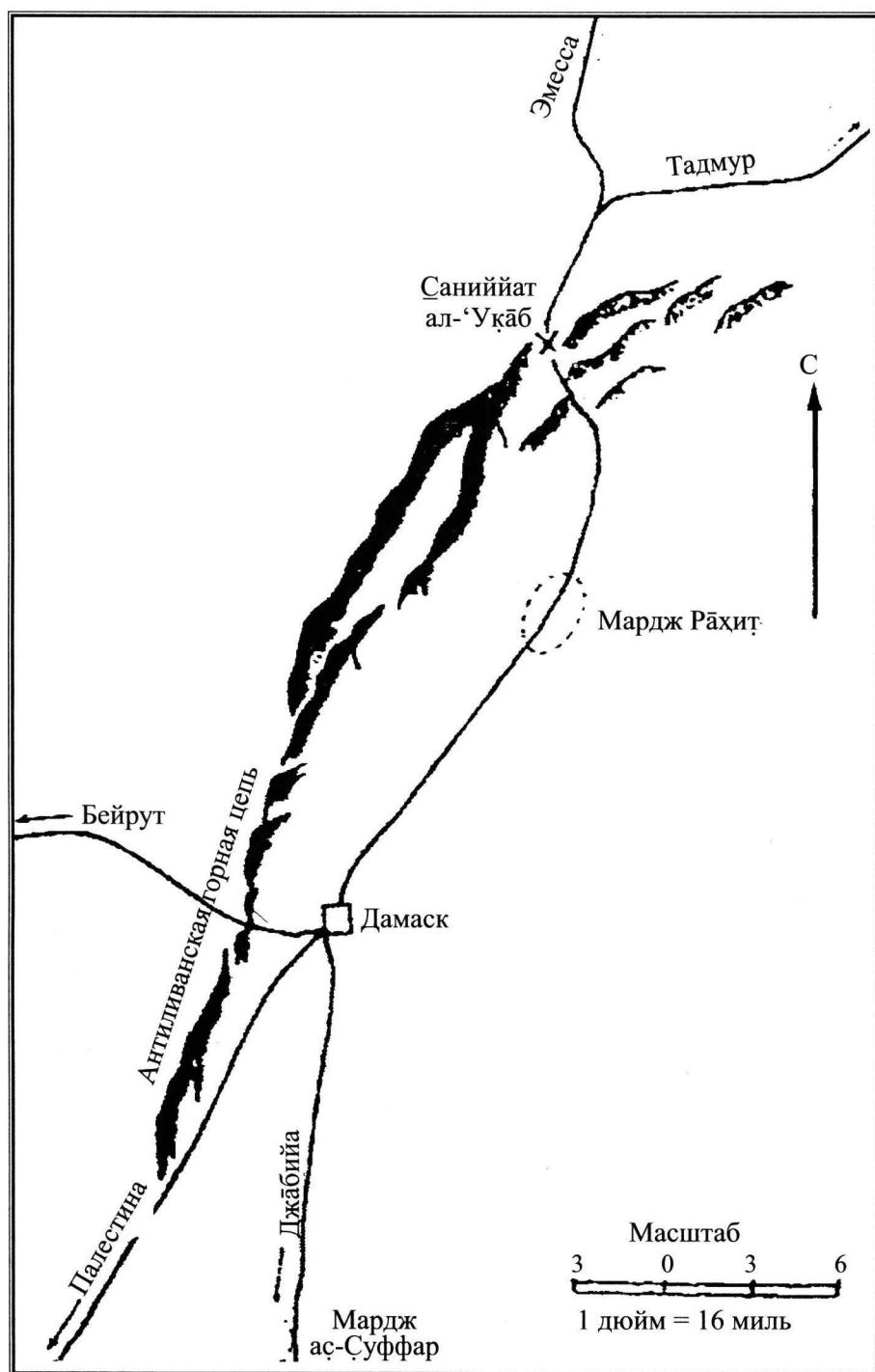
¹ Байт Лахди не существует в настоящее время, и ее точное местоположение неизвестно. Это был небольшой город в Гуте (Йакут: т. 1, с. 780), и я поместил его на внешнем крае Гуты, потому что, с военной точки зрения, было бы неразумно размещать заградительный кордон ближе к городу.

Сирии, откуда вероятнее всего можно было ждать подхода помощи Дамаску, Халид окружил город с помощью остальной части своей армии. (См. карту 17.)

Теперь в Дамаске находились гарнизон, насчитывавший от 15 000 до 16 000 воинов, и значительное гражданское население, а также большое количество народа из близлежащих населенных пунктов, укрывшихся в городе. Письменные источники не приводят сведений о численности мусульманской армии под Дамаском, однако, должно быть, она была несколько меньше, чем в предыдущий месяц. Число мусульман, погибших в трех недавних баталиях — при Аджнадайне, Иакусе и на Мардж ас-Суффаре, несомненно, измерялось четырехзначной цифрой, и еще тысячи человек были ранены в этих боях и не могли принимать участия в осаде. Более того, одна группа была отправлена, чтобы действовать как заградительный кордон, и один отряд был оставлен в Фахле. Учитывая все эти обстоятельства, я полагаю, что под Дамаском мусульмане имели около 20 000 человек. Этими силами Халид и осадил город.

Корпус, с которым Халид сражался в Ираке и в который входила Мобильная Гвардия, он разместил у Восточных ворот. Командование основной частью этого корпуса полководец доверил Рафи', а сам остановился на небольшом расстоянии от Восточных ворот с резервом из 400 всадников Мобильной Гвардии. Он разместил свой командный пункт в монастыре, который в результате стал именоваться Дайр Халид, то есть Монастырь Халида (считается, что монахи, населявшие этот монастырь, всячески помогали Халиду, в том числе заботились о раненых мусульманах).²⁴² У всех остальных ворот он расставил отряды по 4000-5000 человек, которыми командовали следующие военачальники. (См. карту 18.):

²⁴² Этот монастырь, называемый также Дайр ал-Ахмар (Красный Монастырь), не сохранился до нашего времени, но приблизительно известно место, на котором он находился. Примерно в миле восточнее Восточных ворот находится сад. В этом саду и располагался монастырь, который, согласно Вакиди (с. 43), стоял на расстоянии менее одной мили от ворот.

Карта 17. Завоевание Дамаска (1)

Фоминские ворота: Шурахбиль.
Джабийские ворота: Абу 'Убайда.
Фарадисские ворота: 'Амр ибн ал-'Ас.
Кисанские ворота: Йазид.
Малые ворота: Он же.

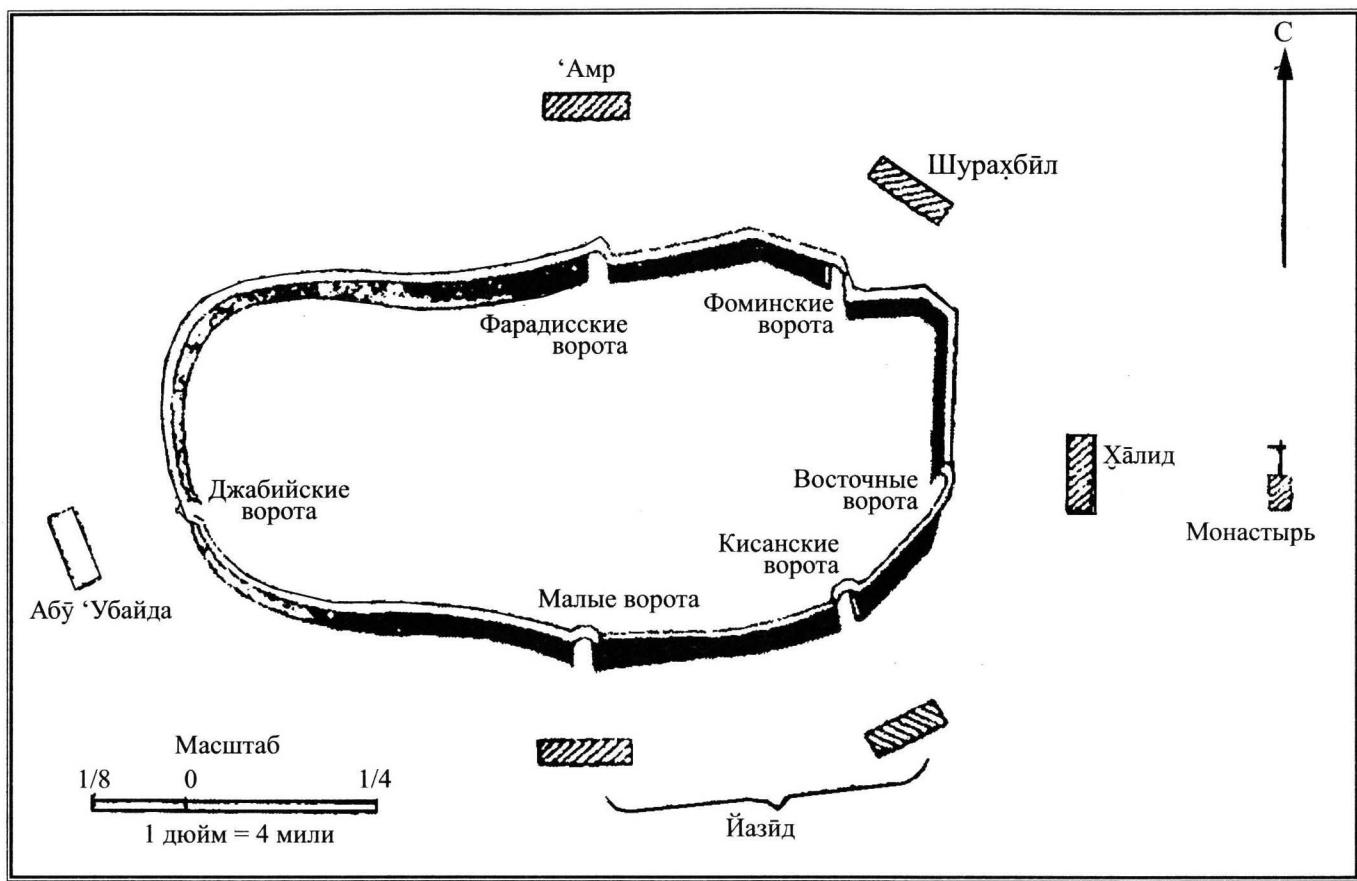
Командирам корпусов Халид приказал: а) разбить лагерь на расстоянии более полета стрелы от крепости, держать ворота под наблюдением; б) выставить лучников, чтобы обстреливать всех римских лучников, которые поднимаются на укрепления; в) отбрасывать назад любые римские отряды, выходящие из ворот; г) обращаться за помощью к Халиду, если придется туда. Диар был поставлен командовать 2000 всадников из Мобильной Гвардии, и ему было поручено патрулировать пустые пространства между воротами в ночное время и приходить на помощь любому корпусу, который атакуют римляне.

Получив указания, мусульманские части заняли позиции, и началась осада. Были поставлены шатры, и Диар приступил к патрулированию. Мусульмане перекрыли все возможные пути подхода помощи или бегства, но это касалось только военных формирований. Ночью отдельные личности все еще могли спуститься со стены во многих местах, и благодаря этому Фома мог сноситься с внешним миром и с находившимся в Антиохии Ираклием.

На следующий день по прибытии мусульман Халид подвел закованных в железо Кулуса и Азазира к Восточным воротам, где их могли видеть находившиеся на стенах римляне. Там обоим полководцам предложили принять Ислам, и оба отвергли это предложение. Тогда, на глазах у римского гарнизона, оба полководца были обезглавлены, а роль их палача выполнил все тот же Диар.

В течение 3 недель осада продолжалась без каких-либо заметных операций, если не считать нескольких вялых атак римлян, которые были с легкостью отбиты мусульманами. Днем противники спорадически обменивались обстрелами из луков, хотя они и не приносили особого ущерба ни той, ни другой стороне. Осада велась на измор. Если бы пришлось, Дамаск заставили бы сдаться под угрозой голодной смерти.²⁴³

²⁴³ Согласно Табари (т. 2, с. 626), при осаде мусульмане также использовали катапульты; однако едва ли дело обстояло таким образом, поскольку у мусульман не было осадных орудий и они не знали, как ими пользоваться.

Карта 18. Завоевание Дамаска (2)

* * *

Вскоре после того как Ираклий узнал о поражении, нанесенном Халидом римской армии на Мардж ас-Суффар, и начале осады Дамаска, он принял меры для набора нового войска. Удары, нанесенные империи в последнее время, были весьма чувствительными; однако успешное продвижение мусульман еще больше осложнило ситуацию и сам Дамаск оказался в опасности. Если бы Дамаск пал, это стало бы сокрушительным ударом по престижу Византийской империи, таким сильным, что оправиться от него можно было бы, лишь мобилизовав все имевшиеся у империи военные ресурсы, — а такую задачу можно было осуществить только в крайнем случае. А Дамаск мог пасть не потому, что в городе было мало войск, но потому, что там не было припасов. Город не был готов к длительной осаде.

За 10 дней после начала осады Ираклий создал новую 12-тысячную армию, собрав людей по гарнизонам из различных частей Северной Сирии и Джазайры.²⁴⁴ Эта армия выступила из Антиохии с огромным обозом с продовольствием, и ее командующему было приказано любой ценой добраться до Дамаска и облегчить положение осажденного гарнизона. Подмога пошла через Эмессу, натолкнувшись на мусульманских разведчиков между Эмессой и Дамаском и с этого момента была готова в любой момент вступить в бой.

9 сентября 634 г. (10 дня месяца раджаб, 13 г. хиджры) в лагерь Халида галопом примчался гонец, сообщивший, что со стороны Эмессы стремительно приближается римская армия, размеры которой не определены, и через день-два она столкнется с заградительным кордоном под Байт Лахий. Халид не был удивлен этим известием, ибо он полагал, что Ираклий сделает все возможное, чтобы снять осаду Дамаска, и именно по этой причине Халид и выставил заградительный кордон на главной дороге, по которой подмога могла приблизиться к городу.

Халид немедленно организовал конный отряд из 5000 человек и назначил Диара его командиром. Он поручил Диару как можно быстрее добраться до района Байт Лахий, взять под свое командование уже находящиеся там силы и разделаться с подкреплением, шедшим из Эмессы. Халид предупредил Диара, чтобы тот не действовал опрометчиво, а также велел ему ждать подкрепления, прежде чем бросаться в бой, если враг окажется слишком многочисленным. Впрочем, такие предостережения были не для Диара, если ему и не

²⁴⁴ В буквальном смысле, Джазайра — это остров, и это название использовалось для обозначения области, лежавшей между реками Евфрат и Тигр в современной Северо-Восточной Сирии, Северо-Западном Ираке и Юго-Восточной Турции.

хватало какого-то достоинства, то этим достоинством была осторожность. С Рафи' в качестве своего заместителя Диар уехал из-под Дамаска и, приняв командование над заградительным кордоном, выдвинулся вперед к низкой горной цепи на небольшом расстоянии от Санийят ал-'Укаба (Прохода Орла), где устроил засаду.

На следующее утро показалась римская армия. Мусульмане ждали. Когда голова римской колонны приблизилась к месту засады, Диар подал сигнал к атаке. Его люди выскочили из своих укрытий и, ведомые своим полуголым командиром, напали на римлян. Однако римляне были готовы к подобной неожиданности. Они так быстро перестроились в боевой порядок, что завязался фронтальный бой, в котором мусульмане атаковали, а римляне решительно оборонялись на более высоком участке местности перед Проходом Орла. Наконец, мусульмане осознали, с каким сильным врагом они имеют дело: римляне имели двойное превосходство в живой силе. Однако для Диара это не имело значения. Яростно возглавляя атаку, он слишком оторвался от своих воинов и вскоре оказался со всех сторон окруженным римлянами. Враги узнали в нем Нагого Воина и решили захватить его живым и доставить в качестве трофея своему императору. Диар был ранен стрелой в правую руку, но продолжал сражаться, хотя кольцо римлян вокруг него сжималось все больше и больше. Однако в конце концов, после многих ранений, римлянам удалось одержать над ним верх и отправить его в свой тыл.

Потеря Диара угнетающе действовала на мусульман, но Рафи' был достойным преемником блистательного Диара. Приняв командование, он провел несколько атак, стараясь пробиться к Диару и спасти его, однако его усилия оказались бесплодными, и ситуация зашла в тупик. Рафи' понял, что он не в силах сокрушить находящееся перед ним римское войско, и днем он отправил гонца к Халиду, сообщая ему о боевом столкновении, о численности неприятеля и потере Диара, который, попав в плен, возможно, был еще жив.

Солнце еще стояло высоко над горизонтом, когда Халид получил известие об этом сражении. Он понял, что римское войско в Байт Лахье было слишком велико, чтобы Рафи' сумел разделаться с ним самостоятельно. И это поставило перед Халидом серьезную дилемму. Шедшую на подмогу римскую колонну необходимо было разгромить и заставить вернуться в Эмессу, и быстро сделать это можно было только в случае, если бы сам Халид принял командование над войсками под Байт Лахией, придя туда со значительным подкреплением, взятым из-под Дамаска. Если этого не сделать, то у римской колонны, идущей к Дамаску, будут все шансы прорваться

через мусульманский заградительный кордон, а это будет иметь катастрофические последствия для мусульманской осады Дамаска. Однако еще была и проблема выбора времени. Если бы Халид немедленно пошел на подкрепление к Рафи', римский гарнизон заметил бы этот маневр и пошел бы в атаку, чтобы прорвать ослабевшее осадное кольцо. Необходимо было разгромить идущие на подмогу римские войска в Байт Лихье, однако надо было сделать так, чтобы римляне в Дамаске ничего не узнали о том, что мусульмане отводят часть сил из-под городских стен. Халид решил рискнуть, отказавшись действовать немедленно, и произвести маневр глубокой ночью, когда легче всего будет сделать это незаметно для осажденного гарнизона.

Были осуществлены соответствующие приготовления. Командование под Дамаском принял Абу 'Убайда, которому предстояло наблюдать за осадными операциями в отсутствие Халида. После полуночи отряд из 1000 мусульманских воинов под командованием Майсары ибн Масрука занял позицию у Восточных ворот, а также были осуществлены некоторые замены у других ворот. Затем, где-то между полуночью и восходом солнца, Халид тронулся в путь со своей Мобильной Гвардией в составе 4000 всадников. Весь остаток ночи Гвардия провела в пути, и рано утром прибыла к месту битвы между Рафи' и римлянами. Сражение продолжалось второй день, и ни о каком решающем переломе в нем не было и речи. Мусульмане и в самом деле выбились из сил, атакуя римлян, которые стояли под их напором как скала.

На подходе к полю боя Халид внезапно увидел мусульманского всадника, который стрелой проскакал мимо него в сторону римского фронта. Не успел Халид остановить его, как он исчез. Стройный, тонкий, облаченный в черные одежды, этот всадник был в кирасе, а вооружен он был мечом и копьем. На голове у него был щегольской зеленый тюрбан, а его лицо, наподобие маски, было скрыто шарфом, так что были видны только глаза. Халид прибыл на поле боя как раз вовремя, чтобы увидеть, как этот всадник с такой яростью налетел на римлян, что все, кто это видел, наверное, подумали, что и он, и его конь сошли с ума. Рафи' заметил этого всадника раньше Халида и сказал: «Он атакует как Халид, но ясно, что это не Халид».¹ Затем Халид присоединился к Рафи'.

Халиду потребовалось немного времени, чтобы организовать отряд Рафи' и его собственную Мобильную Гвардию в единое целое и построить их к бою как объединенные силы. Тем временем всадник с закутанным лицом развлекал мусульман искусством верховой езды и

владения копьем. Он в одиночку нападал на римлян, нанося удары копьем то здесь, то там. Несколько римлян попытались выйти вперед, чтобы разделаться с ним, но все они пали, сраженные его грозным оружием. Дивясь этому поразительному зрелищу, мусульмане могли видеть лишь юношескую фигуру всадника и его сверкающие из-под маски глаза. Казалось, всадник решил свести счеты с жизнью, потому что, забрызганный кровью, с окровавленным копьем, он вновь и вновь налетал на римлян. Пример этого воина вдохнул новую порцию мужества в сердца воинов Рафи¹, которые позабыли о своей усталости и, по приказу Халида, с новыми силами пошли в бой.

Всадник в маске, к которому теперь присоединились многие другие, продолжал свою личную войну с римлянами, когда все мусульманское войско атаковало римский передний край. Вскоре после начала общего наступления Халид подобрался к этому всаднику и попросил: «О воин, покажи мне свое лицо». Халид увидел, как вспыхнули его темные глаза; всадник развернулся и понесся в новую атаку. Затем с загадочным всадником поравнялись несколько воинов Халида и сказали ему: «О благородный воин, твой командир обращается к тебе, а ты отворачиваешься от него! Покажи нам свое лицо и назови свое имя, чтобы мы могли должным образом восславить тебя». И вновь всадник отъехал от них, словно нарочно желая сохранить в тайне, кто он такой.

Возвращаясь из атаки, воин в маске проехал мимо Халида, который сурово приказал ему остановиться. Всадник натянул поводья, и Халид продолжил: «Ты сделал достаточно, чтобы наполнить наши сердца восхищением. Кто ты?»

Халид чуть не свалился с лошади, когда услышал ответ всадника в маске, потому что он оказался девушкой! «О полководец, я отворачиваюсь от тебя только из скромности. Ты — прославленный полководец, а я из тех, кто скрывается под чадрой. Я сражаюсь так, потому что сердце мое пылает огнем».

«Кто ты?»

«Я — Хаула, сестра Диара. Мой брат захвачен в плен, и я должна сражаться, чтобы освободить его».

Халид восхитился стариком ал-Азваром, вырастившим таких не-устрашимых бойцов, юношу и девушку. «Тогда пошли в атаку с нами», — сказал он.

Мощная атака мусульман продолжалась, и около полудня римляне начали в полном порядке отходить с поля боя. Мусульмане следовали за ними, продолжая яростно насыщать на них, но Диара нигде не было видно, ни живого, ни мертвого. Затем, к счастью, к мусульманам при-

шли несколько местных арабов, сообщая, что они видели 100 римлян, которые ехали в сторону Эмессы, и что в центре этого отряда находился полуобнаженный мужчина, привязанный к лошади. Халид тотчас же догадался, что это Диарар, которого увозят с поля боя, и приказал Рафи' взять 100 лучших всадников, сделать широкий обход римлян с фланга, выйти на дорогу, ведущую в Эмессу, и перехватить отряд, увозящий Диарара в Эмессу. Рафи' немедленно отобрал 100 лучших воинов и пустился в путь. Разумеется, его сопровождала Хаула бинт ал-Азвар.

Рафи' вышел на дорогу в Эмессу в том месте, где еще не проходил римский конвой, и устроил засаду. Когда сотня римлян достигла этой точки, Рафи' и его воины напали на них, перебили большинство солдат и освободили Диарара. Нагой Воин и его любящая сестра счастливо воссоединились. Отряд вновь сделал большой крюк, чтобы не столкнуться с римской армией, и вернулся к Халиду, который был очень благодарен Рафи' за спасение Диарара.

Под неослабевающим давлением мусульман римляне увеличили темп отступления. Когда мусульмане начали насыщать с еще большей силой, отступление превратилось в стремительное бегство, римляне уносили ноги в сторону Эмессы.

Халид не мог преследовать бегущего врага, потому что ему необходимо было возвращаться под Дамаск. С уходом сначала отряда Рафи', а затем и пошедшей ему на помощь Мобильной Гвардии осаждавшие город мусульманские войска были ослаблены на 9000 человек. Если бы римляне предприняли массовую атаку на один из мусульманских корпусов, могла бы возникнуть серьезная опасность того, что им удастся прорвать осаду. Поэтому Халид отправил преследовать римлян до Эмессы лишь небольшой отряд всадников под командованием Самта ибн ал-Асвада. Через некоторое время Самт добрался до Эмессы, но обнаружил, что римляне уже успели укрыться в крепости. Однако к Самту обратилось местное население, чтобы сказать, что оно не желает сражаться с мусульманами, с которыми люди хотели бы заключить мир, и что оно даже согласно кормить всех солдат, которые будут размещены в их городе. После обмена дружескими словами Самт вернулся в Дамаск.

Тем временем Халид вернулся к мусульманской армии под Дамаском. Он вновь принял командование и восстановил диспозицию мусульманских войск в том виде, какой она было до появления римской колонны, шедшей на подмогу осажденным.

* * *

Новость о печальной судьбе подкрепления распространилась среди византийцев в Дамаске и стала по-настоящему сокрушительным ударом. Ромеи Дамаска возлагали надежды на то, что Ираклий пошлет им подмогу. Ираклий действительно постарался сделать все, что было в его силах, но надежды горожан были уничтожены действиями Халида в районе Байт Лахий. Разумеется, Ираклий мог собрать новое войско, однако для этого требовалось время. Между тем запасы продовольствия в Дамаске были на исходе и ни один луч надежды не освещал горизонт и не придавал уверенности и сил населению Дамаска.

Всякий раз, когда люди собирались вместе, они задавали одни и те же вопросы. Даже если Ираклию удастся снарядить новое войско, — а он едва ли сумел бы сделать это в ближайшее время, — какова гарантия того, что оно добьется больших успехов, чем последняя армия? Если мусульмане сумели сотворить такое с 90-тысячной армией под Аджнадайном, то каковы шансы избежать поражения и неизбежно последующих за ним разграбления и захвата в плен у маленького войска в Дамаске? На сколько еще хватит продовольствия? Не лучше ли было бы заключить с мусульманами мир на любых выдвинутых ими условиях, чтобы тем самым избежать полного уничтожения? Настроение в Дамаске падало, а недовольство возрастало, особенно среди неримской части населения. Положение становилось все более отчаянным, а напряженность делалась все более невыносимой.

Затем к Фоме явилась депутация наиболее уважаемых горожан. Они поведали ему о своих опасениях и предложили рассмотреть возможность заключения мира с Халидом, однако Фома заверил их, что у него достаточно войск, чтобы защитить город, и что он скоро перейдет в наступление, чтобы отогнать от него мусульман. В церквях прошли особые службы и молебны об избавлении города от угрожавшей ему опасности. Фома решил попытаться осуществить мощный прорыв из города. Он был отважным человеком и не сбирался сдаваться, пока у него оставался хоть какой-то шанс.

На следующее утро, в начале третьей недели сентября 634 г., Фома собрал людей из всех частей города и создал большой отряд для прорыва через Фоминские ворота. Его непосредственным противником был Шурахбиль со своим корпусом численностью около 5000 человек. Фома начал операцию с массированного обстрела мусульманских лучников стрелами и камнями, чтобы заставить их отойти и расширить

территорию, необходимую для дебуширования²⁴⁵ из ворот. Мусульмане ответили на это тучами стрел. В самом начале перестрелки несколько мусульман были убиты, причем одним из них был Абан ибн Са'ид ибн ал-Ас — человек, который недавно женился на исключительно смелой женщине. Как только эта женщина узнала, что стала вдовой, она взяла лук и присоединилась к мусульманским лучникам, желая отомстить за мужа. На стене крепости стоял священник с большим крестом, вид которого должен был вселять мужество в римлян. К несчастью для этого священнослужителя, молодая вдова избрала его в качестве своей мишени. Выпущенная ею стрела насеквоздь пронзила ему грудь, и, к радости мусульман и печали римлян, и священник, и крест рухнули к подножью стены. Однако в той перестрелке римляне превзошли мусульман, и через некоторое время осаждающие были вынуждены отойти за пределы досягаемости для римских лучников и стрелков из пращей.

Затем ворота распахнулись, и римские пехотинцы, прикрываемые лучниками и стрелками из пращей, стоявшими на стене, хлынули из ворот и развернулись веером, занимая боевые позиции. Как только развертывание войска завершилось, Фома приказал наступать на корпус Шурахбила, который также построился к бою в нескольких сотнях ярдов от ворот. Фома, с обнаженным мечом в руке, лично возглавил наступление и, по свидетельству летописца, «ревел как верблюд»!¹

Очень скоро завязалась ожесточенная битва между двумя отрядами воинов. Корпус Шурахбила сражался против превосходящих сил противника, но держался, не отступая ни на пядь, а потери римлян начали возрастать. Затем Фома заметил Шурахбила и, догадавшись, что тот является командиром этого отряда, направился к нему. Шурахбиль заметил приближение Фомы и, держа в руке окровавленный меч, приготовился к схватке с ним. Однако Фома не успел подойти к Шурахбильу, ибо очередная пущенная вдовой стрела вонзилась ему в правый глаз и он рухнул на землю. Римские воины быстро подхватили его и унесли, но в тот же самый миг римляне начали пятиться к крепости. Таким образом, наседавшие на них бойцы с мечами и меткие мусульманские лучники принудили римлян отступить в крепость, оставив на поле боя множество мертвых, причем некоторые из них были сражены стрелами вдовы Абана.

В крепости хирурги осмотрели глаз Фомы. Стрела вонзилась неглубоко, но они пришли к выводу, что удалить ее невозможно. Поэтому они отрезали ее древко по то место, где оно торчало из глаза,

²⁴⁵ Дебетирование — выведение войска из теснин на открытую местность.

и Фома, вместо того чтобы горевать из-за потери глаза и боли, которую причиняла ему рана, показал себя как человек исключительного мужества. Он поклялся, что в отместку лишит врагов тысячи глаз и не только разгромит этих мусульман, но и будет преследовать их и на Аравийском полуострове, а когда он с ними разделается, это место будет пригодно лишь для проживания диких животных. Фома приказал ночью провести еще одну крупную и неожиданную вылазку.

Между тем Шурахбиль был не на шутку встревожен. Он потерял довольно много людей убитыми и ранеными и боялся, что если римляне еще раз проведут такую энергичную вылазку, то им, возможно, удастся прорваться через его корпус. Поэтому Шурахбиль попросил подкрепления у Халида, однако у Халида не было лишних людей. Он не мог ослабить другие корпуса, потому что римляне могли совершить вылазку через любые ворота и вполне могли произвести ее в другом месте. Халид велел Шурахбильу держаться изо всех сил и обещал прислать ему Диара с 2000 воинов, если ему придется совсем туго. В случае необходимости он сам подойдет со своим резервом и возьмет на себя командование действиями у Фоминских ворот. Шурахбиль подготовился к новой вылазке римлян, твердо решив, что будет стоять до последнего.

Для ночной вылазки Фома вновь избрал Фоминские ворота, чтобы нанести там основной удар, воспользовавшись потерями, которые он нанес корпусу Шурахбила. Однако он запланировал и вылазки из других ворот. Места расположения различных мусульманских корпусов и их командиров были в точности известны гарнизону. Для того чтобы связать мусульманские силы у других ворот и не дать им подойти на выручку к Шурахбильу, Фома приказал произвести вылазки из Джабийских, Малых и Восточных ворот. Для вылазки из последних он отрядил значительно больше людей, чем для нападения из остальных, и это должно было помешать Халиду прийти на помощь к Шурахбильу и принять на себя командование в этом ответственном секторе. Атака из разных ворот также позволяла провести операцию более гибко. Таким образом, если бы был достигнут успех в любом из секторов, кроме Фоминских ворот, этот сектор мог бы превратиться в главный и успеха стали бы добиваться именно в нем.

Отдавая приказы, Фома подчеркивал важность стремительности, необходимо было захватить мусульман врасплох и уничтожить их лагерь. К врагу следовало быть беспощадными. Если какой-нибудь мусульманин желал сдаться, его следовало убивать на месте, — всех, кроме Халида, которого следовало захватить живым. Луна должна была взойти часа за два до полуночи. Вскоре после этого, по сигналу

гонга, поданному по указанию Фомы, следовало открыть ворота и одновременно пойти в наступление.

В лунном свете атаки римлян начались в соответствии с намеченным планом. У Джабийских ворот завязалась жестокая борьба, и Абу 'Убайда лично вмешался в схватку с мечом наголо. Сын Хирурга превосходно владел мечом, и прежде чем атака была отбита и римляне успели вернуться в город, он уложил нескольких римлян.

У Малых ворот у Иазида было меньше воинов, чем у других ворот, и поначалу римляне достигли определенных успехов. Однако, к счастью, рядом оказался Диарар, который присоединился к Йазиду со своими 2000 воинов. Диарар без промедления бросил своих людей на врага, и римлянам показалось, что на них набросились демоны, и они, преследуемые Диараром по пятам, спешно отошли в город.

У Восточных ворот ситуация вскоре осложнилась, ибо в этом секторе действовал более крупный римский отряд. По звукам сражения Халид мог догадаться, что враг продвинулся дальше, чем его следовало пропускать, и, опасаясь, что Рафи' может не сдержать натиска, Халид лично бросился в бой со своим резервом из 400 ветеранов Мобильной Гвардии. Бросаясь на римлян, он издал свой личный боевой клич: «Я — благородный воин, Халид ибн ал-Валид». К этому времени его военный клич был хорошо знаком всем римлянам и служил им предостережением. По правде говоря, Халид озnamеновал поворот в ходе вылазки из Восточных ворот. Вскоре римляне обратились в повальное бегство, мусульмане рубили бегущих с поля боя. Большая часть римского отряда смогла вернуться в город и закрыть за собой Восточные ворота.

Между тем самый тяжелый бой разыгрался у Фоминских ворот, где корпусу Шурахбила, принявшему участие в трудном дневном сражении, ночью пришлось отражать самую могучую атаку. В лунном свете, рассеивавшем кромешный мрак, римляне выбегали из ворот и строились к бою. В это время они подверглись ураганному обстрелу лучников Шурахбила, но, несмотря на некоторые потери, развернулись и пошли в бой. Два часа сражение шло с неослабевающим накалом, воины Шурахбила отчаянно сражались, сдерживая наступление римлян. И они его сдержали.

Вскоре после полуночи Фома, который сам сражался в первых рядах, заметил Шурахбила. Мусульманского командира было легко опознать по приказам, которые он выкрикивал своим воинам. Два полководца сошлись в бою и стали биться на мечах и щитах.

В течение некоторого времени, пока остальные воины были поглощены яростным, неистовым сражением, поединок между двумя

лидерами не выявлял перевеса ни одного из них. Затем Шурахбиль, увидев незащищенное место, изо всех сил нанес удар по плечу Фомы, однако его меч, обрушившись на твердый металл плечевой пластины римского доспеха, разломился на части. Жизнь Шурахбила теперь зависела от Фомы. К счастью для него, как раз в этот миг рядом с ним возникли два мусульманина и вступили в бой с Фомой. Шурахбиль отошел назад, подобрал меч погибшего мусульманина и вновь рванулся в сражение. Однако Фома уже исчез. К этому времени римляне основательно подустали. Видя, что в мусульманском фронте нет слабых мест, Фома решил, что бесполезно продолжать атаку, так как это лишь увеличит и без того большие потери среди его воинов. Он приказал отходить, и римляне быстро перешли в отступление. Мусульмане не пытались преследовать их, хотя их лучники и нанесли отступающим дополнительный урон. И вновь молодая вдова метко посыпала свои роковые стрелы.

Предпринятая Фомой попытка порвать осаду была последней. Эта попытка провалилась. За время вылазок он потерял тысячи человек убитыми и не мог больше позволить себе сражаться вне городских стен. Его воины разделяли с ним разочарование. Они были готовы сражаться, защищая город, но не отважились бы на бой с мусульманами за пределами городских стен. Теперь Фома расширил полномочия своего заместителя, Хдрбайса, переложив на него ряд командных функций, которые до этого он выполнял сам.

* * *

После неудачиочных вылазок отчаяние жителей Дамаска достигло предела. Темные тучи, нависшие над городом, не имели серебряного отлива. В народе поднялся ропот, люди теперь не желали ничего кроме мира, и это желание с ними разделял Фома, который до этого отважно защищал город и сделал все, чтобы не посрамить свою честь. Он был готов заключить мир и сдать крепость на определенных условиях, но был ли готов к заключению мира Халид? Он был известен как человек, склонный к насилию, для которого битва была развлечением, а поскольку он, несомненно, был осведомлен о царивших в Дамаске настроениях, то удовлетворился бы он теперь чем-то иным кроме безоговорочной капитуляции, при которой все будет зависеть от его милости? К тому времени римляне хорошо познакомились с мусульманскими полководцами. Они знали, что Абу 'Убайда был вторым по старшинству военачальником после Халида, и мечтали о том, чтобы он был первым. Сын Хирурга был человеком

исключительно миролюбивым, мягким, добрым, благосклонным и рассматривал войну как священный долг, а не как источник удовольствия и возможность приятно пощекотать нервы. С Абу 'Убайдой они могли бы заключить мир, и он, без сомнений, выдвинул бы великодушные условия капитуляции. Однако армией командовал не Абу 'Убайда. Неопределенность сохранялась в течение двух-трех дней, а затем инициативу перехватил Иона-Влюбленный.

Иона, сын Марка, был грек, без памяти влюбленный в одну девушку, тоже гречанку. Она была его женой. Они поженились перед самым приходом мусульман, но церемония передачи невесты жениху не была завершена, когда подступившие к Дамаску мусульмане взяли город в осаду. После этого Иона неоднократно обращался к ее родственникам, прося, чтобы они передали ему новобрачную, но те отказывались, говоря, что они слишком заняты сражениями и что сейчас не до этого, и упрекая Иону за то, что тот может думать о подобных вещах в такое время. А Иона на самом деле только об этом и думал!

18 сентября 634 г., или приблизительно в этот день (19 дня месяца раджаб, 13 г. хиджры), едва стемнело, Иона спустился по веревке с крепостной стены возле Восточных ворот и, подойдя к ближайшему мусульманскому сторожевому посту, попросил, чтобы его отвели к Халиду. Как только его привели к полководцу, он поведал ему свою печальную историю и объяснил цель своего визита. Поможет ли ему Халид получить невесту, если он сообщит ему сведения, которые приведут к быстрому захвату Дамаска? Халид согласился. Тогда Иона рассказал Халиду, что вечером в городе люди отмечали праздник, в результате чего многие оказались пьяны или навеселе, а на воротах осталось немного стражников. Если бы Халид поднялся на стену по приставной лестнице, ему не составило бы труда открыть любые ворота, которые он пожелает, и войти в город.

Халид почувствовал, что этому человеку можно верить. Казалось, что он говорит совершенно искренне. Халид предложил ему принять Ислам, и Иона принял. За последние несколько лет он многое узнал об Исламе и был благосклонно настроен по отношению к нему. И вот Иона принял новую веру из рук Халида, после чего Халид велел ему вернуться в город и ждать, что Иона и сделал.

Сразу после ухода грека Халид приказал достать веревки и связать веревочные лестницы. Не было времени на то, чтобы выработать скординированный план наступления для всей армии, и поэтому Халид решил, что он будет штурмовать крепость через Восточные ворота и исключительно силами иракского корпуса, стоявшего у них. Луна

должна была взойти около полуночи, и вскоре после этого должен был начаться приступ.

Согласно плану Халида, 100 человек должны были подняться по лестницам на стену неподалеку от Восточных ворот, в том месте, которое считалось самым неуязвимым. Там, разумеется, не должно было быть стражников. Сначала на стену по веревкам должны были подняться три человека. Затем к веревкам надо было привязать веревочные лестницы, чтобы те трое втащили их на стены для подъема остальных воинов из отобранной сотни. Часть людей должна была остаться на стене, а другие должны были спуститься внутрь крепости, убить стражу, которая будет стоять у ворот, и открыть ворота. После этого в них ворвется весь корпус и начнет атаку.

В тройку поднявшихся на стену первыми вошли Халид, Ка'ка' и Маз'ур ибн 'Адй. Веревки с петлями на концах были зацеплены за выступы на стене, после чего эта троица бесстрашных одновременно поднялась на стену. Стражи на стене не оказалось. Вниз были сброшены веревочные лестницы, и по ним на стену начали молча подниматься остальные.

Когда половина отряда оказалась на стене, Халид оставил несколько человек для того, чтобы помочь подняться оставшимся, а с остальными воинами спустился в город. Спустившись, они столкнулись с несколькими римскими солдатами и зарубили их мечами. После этого отряд бросился к воротам, охранявшимся двумя часовыми. Халид убил одного из них, Ка'ка' — другого. Однако к этому времени римляне успели поднять тревогу, и к Восточным воротам устремились отряды защитников города. Халид понимал, что их судьба повисла на волоске.

Остальные мусульмане поспешили занять позицию, чтобы не подпускать римлян к воротам, запертым на засовы и цепи, пока Халид и Ка'ка' пытались их открыть. От нескольких сильных ударов запоры слетели, и створки ворот распахнулись. В то же мгновение в ворота ворвался иракский корпус. Римские воины, стремившиеся к воротам, не вернулись назад, их тела устлали дорогу к центру города.

Теперь проснулся весь Дамаск. Римские солдаты бежали на предписанные им позиции, словно на учениях, и выстроились по всей окружности крепости. Когда Халид начал последнее наступление, чтобы попасть в центр Дамаска, убивая всех на своем пути, в распоряжении Фомы остался лишь маленький резервный отряд.

Рассвета оставалось ждать недолго, и теперь Фома разыграл свою последнюю карту, и разыграл ее блестяще. Он понимал, что Халид прочно захватил плацдарм внутри города и рано или поздно весь город падет к его ногам. Поскольку боевых действий у других ворот не было,

он догадался, что Халид атакует в одиночку и другие корпуса не принимают участия в штурме крепости. Фома надеялся, хотя это и было очень смело с его стороны, что другим командирам, особенно Абу 'Убайде, неизвестно о том, что Халид ворвался в город. Фома действовал стремительно. Он бросил против Халида свой последний резерв, чтобы задержать его наступление на как можно большее время, и одновременно отправил послов к Джабийским воротам, чтобы вступить в переговоры с Абу 'Убай- дой, предложить ему мирную капитуляцию крепости и уплату джиззы.

Абу 'Убайда учтиво принял послов и выслушал их предложение о капитуляции. Он полагал, что они пришли к нему, боясь обратиться к Халиду. Абу 'Убайда находился на большом расстоянии от Восточных ворот, и даже если до него и доносились далекие звуки сражения, то он, должно быть, решил, что римляне проводят очередную вылазку, ему и в голову не пришло, что Халид мог подняться на крепостную стену по веревкам. У Абу 'Убайды не было ни малейшего сомнения в том, что Халид также согласился бы на заключение мира, чтобы положить конец кровопролитию и обеспечить быстрое занятие Дамаска. Поэтому он взял на себя ответственность в принятии решения и принял условия капитуляции.

Мусульмане войдут в Дамаск мирно: не будет ни кровопролитий, ни грабежей, ни захватов людей в плен, ни разрушения храмов; население будет выплачивать джизью; гарнизону и тем жителям, которые пожелают уйти, будет дозволено покинуть город со всем их добром. После этого римские послы направились к командирам корпусов, стоявших у других ворот, и уведомили их о том, что они заключили мир с мусульманским полководцем и что вскоре ворота откроются, чтобы мусульмане могли мирно войти в город. Им не будет оказываться сопротивление.

Вскоре после рассвета Абу 'Убайда, сопровождаемый офицерами и остальными воинами своего корпуса, мирно вступил в Дамаск через Джабийские ворота и направился к центру города. Его сопровождали Фома, Харбис и ряд дамасских сановников и епископов. И вот Абу 'Убайда, вошедший в город как ангел мира, и Халид, пронесшийся по нему, словно ураган, одновременно оказались в центре Дамаска, у церкви Св. Марии. Халид только что подавил последнее сопротивление римлян. Другие корпуса римлян также вошли в город и мирно продвигались к его центру.

Абу 'Убайда и Халид с удивлением уставились друг на друга. Абу 'Убайда заметил, что мечи Халида и его воинов обагрены кровью, и понял, что случилось нечто такое, о чем он не подозревал. Халид за-

метил миролюбивое настроение сопровождаемых римской знатью и епископами Абу 'Убайды и его офицеров, мечи которых покоились в ножнах.

На некоторое время все замерли. Затем Абу 'Убайда нарушил напряженное молчание. «О отец Сулаймана! — сказал он. — Моими руками Аллах мирно даровал нам этот город и избавил мусульман от необходимости сражаться за него».

«Мирно! — сердито фыркнул Халид. — Я взял этот город силой. Наша мечи побагровели от их крови, и мы захватили добычу и пленников».

Было ясно, что сейчас между двумя полководцами начнется ожесточенный спор, последствия которого могли бы оказаться весьма серьезными. Халид был главным, и ему следовало подчиняться, более того, это был человек, который не потерпел бы глупостей, совершенных его подчиненными. Кроме того, еголастный нрав и несравненная осведомленность в военных вопросах делали споры с ним бесполезными, особенно в данной ситуации, когда он был настроен рассматривать завоевание Дамаска как совершенное военным путем, а не в результате мирных переговоров. С другой стороны, Абу 'Убайда не обладал таким авторитетом в военном деле, не умел действовать так гениально, как Халид, и был бы последним человеком, кто попытался бы это оспорить. Однако как мусульманин он относился к высшему разряду, входя в состав Благословенной Десятки, он был Человеком, на Которого Может Положиться Народ. Он был ал-Асрамом, Человеком без Резцов, — и никто не мог забыть о том, при каких обстоятельствах он лишился передних зубов.

Абу 'Убайда совершил ошибку, заключив мир без ведома и разрешения Халида, но он был намерен добиться того, чтобы к слову мусульманина относились с уважением, и избежать ненужного кровопролития. Он уважал первенство Халида и знал, что с ним следует быть осторожным. Абу 'Убайда фактически был единственным человеком в Сирии, который занимал достаточно высокое положение для того, чтобы ставить под сомнение какие-либо решения Халида. Даже Халид не повышал голоса, когда разговаривал с Абу 'Убайдой, каким бы разгневанным он ни был. Положение смягчалось тем, что оба они по-настоящему любили и уважали друг друга за те качества, которые делали каждого из них великим человеком. Абу 'Убайда также знал, что он может заставить Халида замолчать, произнеся всего несколько слов, поскольку он обладал той властью, о которой Халид не подозревал. Однако он решил не прибегать к этой власти до тех пор, пока это не станет неизбежным,

когда иссякнут все доводы. В этом отношении он проявил снисходительность к Халиду, но об этом мы поговорим позднее

— О полководец, — сказал Абу 'Убайда, — узнай же, что я вошел в этот город мирным путем.

Глаза Халида засверкали от гнева, но он сдержался, и когда он ответил, в его голосе слышалось уважение:

— В твоих словах нет логики. Как они могут быть в мире с тобой, когда я силой ворвался в город, сломив их сопротивление?

— Побойся Аллаха, о полководец! Я гарантировал им мир, и это дело решенное.

— У тебя нет права заключать с ними мир без моего приказа. Я — твой командир. Я не вложу меч в ножны до тех пор, пока не уничтожу их до последнего.

— Никогда не думал, — продолжал Абу 'Убайда, — что ты будешь возражать против того, что я гарантировал мир каждому из них без исключения. Я дал им мир во имя Аллаха, хвала Ему, и Пророка, да пребудут на нем благословения Аллаха и мир. Мусульмане, которые были со мной, согласились на этот мир, и не в наших правилах нарушать соглашения.

Тем временем некоторые из солдат Халида, устав слушать этот спор и видя стоящих вместе римлян, начали размахивать мечами и продвигаться в сторону римлян, намереваясь убить их. Абу 'Убайда заметил это пополнование и, в обход Халида, приказал им подождать, пока они с Халидом не закончат свой разговор. Воины подчинились. Такое мог сделать только Абу 'Убайда; и Халиду лишь оставалось постараться обуздать свой закипающий гнев.

Затем к обсуждению положения присоединились и командиры трех остальных корпусов. Через несколько минут они пришли к соглашению и сообщили свое мнение Халиду: пусть будет мир, потому что если римляне в Сирии услышат, что мусульмане дали гарантию безопасности, а затем перебили тех, кому гарантировали безопасность, то никакой город больше не смирится перед мусульманами, а из-за этого задача открытия Сирии неизмеримо усложнится.

У Халида чувства никогда не затмевали разум; а разум Халида видел военную мудрость совета, данного ему полководцами. Он метнул испепеляющий взгляд на Фому и Харбиса и сказал: «Хорошо, я согласен на мир, но к этим двум проклятым это не относится».

«Эти двое первыми заключили мой мир, — сказал Халиду Абу 'Убайда. — Мое слово не может быть нарушено. Аллах да смилиостивится над тобой!»

Халид сдался. «Именем Аллаха! — воскликнул он. — Если бы не данное тобой слово, они были бы мертвые. Пусть оба они покинут город, и пусть проклятие Аллаха преследует их повсюду, куда бы они ни направились!»

Фома и Харбис нервно следили за препирательством между двумя мусульманскими полководцами, а переводчики переводили им то, о чем те говорили. Поэтому они всё поняли и вздохнули с облегчением, узнав о том, чем завершился этот разговор. Затем они подошли с переводчиком к Абу 'Убайде и попросили разрешения удалиться по той дороге, которую они выберут.

«Да, — сказал Абу 'Убайда. — Ступайте по той дороге, которую вы выберете. Однако если мы возьмем в руки место, в котором вы поселитесь, то вы будете лишены гарантированного вам мира».

Фома, опасаясь преследования Халида, попросил: «Дай нам три дня мира, после этого считай перемирие оконченным. Если после этого вы нас настигнете, то делайте с нами, что хотите, — убивайте или берите в плен».

Тут в разговор вмешался Халид. «Согласен, но вы не сможете взять с собой ничего, кроме еды, необходимой для путешествия».

«А это опять было бы нарушением договора, — возразил Абу 'Убайда. — По моему соглашению с ними они могут взять с собой все свое имущество».

«Я согласен даже на это, — сказал Халид, — но пусть они не берут оружия».

Теперь возразил уже Фома: «Нам необходимо оружие, чтобы защищаться от других наших врагов. В противном случае мы останемся здесь, и делайте с нами что хотите». Фома прекрасно понимал, как важно было этим мусульманам соблюдать свои договоры, и решил воспользоваться этим чувством чести.

Халид дошел до того, что согласился на то, чтобы каждый мужчина взял с собой по одному виду оружия: либо меч, либо копье, либо лук. Так была улажена последняя проблема.²⁴⁶

Сразу же после описанного происшествия, а оно имело место вскоре после восхода солнца, был составлен договор, который подписал Халид. В нем говорилось следующее:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. От Халида ибн ал-Валида к жителям Дамаска. Когда мусульмане войдут, они (жители) будут в безопасности, равно как и их собственность, их храмы и стены их города, из которых ничему не будет нанесен ущерб. Эту гарантию

²⁴⁶ Диалог между Халидом и Абу 'Убайдой приводится по Вакиди: с. 51-52.

они получают от имени Аллаха, Посланника Аллаха, да будет ему благословение Аллаха и мир, халифа и правоверных, от которых они не будут видеть ничего, кроме хорошего, пока будут выплачивать джизью».²⁴⁷

Джизья была установлена в размере одного динара с человека и определенного количества продовольствия, которое следовало поставлять мусульманам, объемы поставок также были определены.

* * *

Дамаск был взят. Величайшая сирийская ценность, уступавшая только Антиохии, теперь находилась в руках мусульман, однако те, кто завоевал этот город, относились к своей победе со смешанными чувствами.

Мусульмане упорно сражались, чтобы добиться той награды. Хотя понесенные ими потери были значительно меньше потерь римлян, они, тем не менее, дорого заплатили за новое завоевание. Мусульмане героически сражались на протяжении месяца и завоевали победу своими кровью и потом. Они взяли город мечом, особенно это относилось к иракскому корпусу, штурмовавшему его в последнюю ночь осады и сломившему всякое сопротивление. Однако плоды их трудов ускользнули у них из-под самого носа благодаря дипломатической хитрости Фомы и простому великодушию и добросердечности Абу 'Убайды. У Сына Хирурга не было никаких прав на такой поступок, однако он все же был одним из тех, на Кого Может Положиться Народ, и против него не было произнесено ни одного слова критики.

Мусульмане собирались группами, чтобы посмотреть, как город покидает римский конвой. Конвой состоял из гарнизона и тысяч мирных жителей, которые решили не оставаться под властью мусульман и покинули Дамаск вместе с женами и детьми. Жена Фомы, дочь Ираклия, ехала вместе со своим мужем. С конвоем двигались сотни повозок и фургонов с пожитками путешественников и бывшими в городе товарами, в том числе 300 тюками тончайшей парчи, принадлежавшими Ираклию. Одни мусульмане с гневом, другие — с сожалением наблюдали за тем, как из Дамаска вывозится все его богатство. Это был горький миг для завоевателей Дамаска.

Халид стоял с некоторыми своими офицерами и воинами, следя за этим печальным зрелищем. Складывалось впечатление, что римляне не оставили в Дамаске ничего ценного. Сердце Халида щемило от

²⁴⁷ Балазури: с. 128.

боли. Он был полководцем армии, он завоевал Дамаск мечом, он штурмовал крепость. А Абу 'Убайда сделал такое!

Халид посмотрел на других и увидел, что их лица покраснели от гнева. Все это должно было достаться им по праву завоевателей. На всем протяжении пути стояли группы мусульман, молча наблюдавших за происходящим. Они с легкостью могли напасть на конвой и забрать все что угодно, но такова была дисциплина в этой армии и таково было уважение к данному слову, что ни один воин не попытался помешать движению конвоя.

Халид пытался сдержать свой гнев. Затем он воздел руки к небесам и исполненным боли голосом взмолился вслух: «О Аллах! Отдай все это нам как средство поддержания существования мусульман!»¹ Однако это было бесполезно. Или не было?

Халид услышал, как за его спиной раздалось вежливое покашливание, и, обернувшись, увидел перед собой Иону-Влюбленного, такого же печального, как в ту ночь у шатра Халида. Иона, встретив невесту после капитуляции города, попросил ее уйти с ним, и сначала она охотно согласилась. Однако когда грек сказал ей, что теперь он — друг мусульман и принял их веру, она отшатнулась от него и поклялась, что больше не будет иметь с ним ничего общего. Девушка решила покинуть Дамаск и теперь ехала в конвое Фомы. Иона, несчастный влюбленный, обезумевший от страсти к этой девушке, пришел к Халиду за помощью.

Неужто мусульмане не могли захватить эту девушку и насильно привести к нему? Нет, не могли. Она находилась под защитой гарантии неприкосновенности, данной конвою на три дня, и в течение этого времен не могло быть и речи ни о каком преследовании.

А через три дня? Это было бы бессмысленно. Подгоняемый страхом, через три дня конвой ушел бы слишком далеко, и мусульмане не смогли бы нагнать его.

Нет, могли бы. Ему, Ионе, было известно, как можно было срезать углы, чтобы стремительные всадники смогли перехватить конвой, который должен был двигаться только по дорогам и не мог срезать углы. Все равно бесполезно. На достаточно близком расстоянии, которое можно было преодолеть за три дня, находилось несколько сирийских крепостей — Эмесса, Ба'албак, Триполи, и конвой благополучно достигнет любой из них до того, как мусульмане сумеют перехватить его.

Нет, не достигнет. Конвой не направляется ни в одно из этих мест. Он, Иона, знал, что конвой направляется в Антиохию, и путь в нее

займет много дней. Он, Иона, покажет мусульманам дорогу. Взамен он хотел только девушку!

Взгляд Халида прояснился. Возможности, которые открывало предложение Ионы, подействовали, как вода на жаждущего. Он подозвал к себе нескольких офицеров — Диара, Рафи', 'Абд ар-Рахмана ибн Абу Бакра. Через три дня они отправятся в погоню! Были разработаны планы, отданы приказы, проведены приготовления. Когда истечет трехдневный срок форы, данной конвою, Мобильная Гвардия пустится в погоню с головокружительной скоростью. По предложению Ионы было решено, что все оденутся в одежды местных арабов, на случай если они натолкнутся по дороге на римские военные подразделения, так как те приняли бы их за местных жителей и не стали бы препятствовать их движению. В сердцах правоверных воскресла надежда!

На утро четвертого дня, вскоре после восхода солнца, ровно по истечении отпущенного срока форы, Мобильная Гвардия, с Халидом и Ионой во главе, вылетела из Дамаска. Абу 'Убайда был оставлен в Дамаске за главного.

Письменные источники умалчивают о маршруте, по которому двинулась Мобильная Гвардия. Вакиди указывает, что мусульмане настигли конвой поблизости от Антиохии, недалеко от моря, на раскинувшемся за холмами плато, именуемом ал-Абраш арабами и Бардой римлянами.²⁴⁸ Там конвой застиг сильнейший ливень, и люди рассеялись по плато, ища укрытия от непогоды и побросав свое добро, как попало. Римляне совершенно не подозревали, какому удару они могут подвергнуться. Поэтому на земле валялось такое множество тюков с парчой, что эта равнина стала называться Мардж ад-Дйбадж, то есть Парчовый луг, и по этой же причине разыгравшиеся там события вошли в историю как битва на Парчовом лугу.

Погода улучшилась, небо прояснилось. Иона и другие разведчики незаметно для римлян определили местонахождение конвоя и сообщили Халиду достаточно сведений для разработки плана нападения. Ему понадобилось несколько часов, чтобы раздать приказы и распределить функции между воинами Мобильной Гвардии. Халид, мастер передвижений и неожиданностей, вновь проявил здесь свое искусство в применении этих военных принципов.

Римляне впервые ощутили присутствие мусульман, когда с юга, вдоль дороги на Дамаск, их атаковал кавалерийский отряд под

²⁴⁸ Возможно, эта грязда — то, что сегодня называется Джабал Ансарийя, северный конец которой находится южнее Антиохии. Пересекая эту грязду в направлении от Алеппо до Латакии, можно увидеть много участков ровной поверхности на более высоких участках хребта.

командованием полуобнаженного Диара. Римляне были удивлены тем, что Диар догнал их, но, видя, что у него немного воинов, решили изрубить их всех на куски, а потом вновь отдохнуть. Они построились, чтобы отразить атаку мусульман, и начали сражаться так, как подобало отважным римлянам.

Полчаса спустя с востока появился второй кавалерийский отряд, 1000 всадников под командованием Рафи', и тогда римляне осознали, какую ошибку: они допустили, решив, что за ними последовал всего один отряд. У мусульман, без сомнения, было два полка. Первый должен был отвлечь внимание римлян, а второй — нанести им главный удар с фланга. Однако это было неважно; они искромсают в клочья и два полка. Римляне перестроились и начали отбиваться от атаки Рафи'.

Прошло еще полчаса, и с севера, то есть со стороны Антиохии, появился третий кавалерийский полк под командованием 'Абд ар-Рахмана. Римляне встревожились не на шутку. Дело оказалось более опасным, чем они предполагали. Они оказались отрезанными от Антиохии, и им необходимо было быстро разделаться с этими тремя полками, чтобы прорваться на север или отступить на запад, в единственном оставшемся неперекрытом направлении. Римляне вновь перестроились, хотя боевой настрой у них и ухудшился. Мусульманские полки крушили скопление римлян мечами и копьями, проделывая бреши в римских рядах. Однако римляне удерживали свои позиции, и яростная битва продолжалась еще в течение часа.

Затем с запада появился четвертый мусульманский полк, который с ходу атаковал скопление римлян. По боевому кличу его предводителя римляне узнали, кто был командиром этой последней группы:

*Я— благородный воин,
Халид ибн ал-Валид!*

Как это всегда бывало с Халидом, началась ужасная бойня. Халид лично убил Фому и Харбиса в единоборствах и один раз так глубоко врезался в ряды римлян, что враги отsekли его от товарищев и взяли его в кольцо. Халиду было бы не уйти живым, если бы не 'Абд ар-Рахман, который прорвался к нему с группой всадников и спас его.

Через некоторое время сопротивление римлян ослабело. Поскольку мусульман было слишком мало для того, чтобы взять римскую армию в кольцо, а сражение стало еще более яростным, но беспорядочным, тысячам римлян удалось спастись бегством и укрыться в безопасном месте. Однако мусульманам достались все их богатства, а также большое количество пленников, как мужчин, так и женщин. Иона нашел свою возлюбленную. Он подошел к ней, чтобы увести силой, но она, увидев, что он направляется к ней, выхватила кинжал, который

прятала в складках свой одежду, и вонзила его себе в грудь. Иона сидел рядом с умирающей и безмолвно рыдал. Он поклялся, что останется верен памяти своей невесты, которой не суждено было стать его женой, и никогда не посмотрит ни на одну другую девушку.

Когда Халид узнал о понесенной Ионой утрате, он послал за ним и предложил ему другую молодую женщину, стоявшую рядом с ним, — красивую и богатую, судя по ее наряду и надетым на нее украшениям. Взглянув на эту молодую женщину, Иона осталенел. Вновь обретя дар речи, он сообщил Халиду, что эта женщина — не кто иная, как дочь Ираклия, вдова Фомы. Она была не для него, потому что вскоре Ираклий обязательно пришлет войско, чтобы вернуть ее силой, или послов, чтобы договориться о ее выкупе.

Мусульмане пустились в обратный путь с трофеями и пленниками, которых было достаточно, чтобы порадовать армию победителей. Письменных сведений о дороге, по которой они ехали, не сохранилось, но путешествие прошло спокойно. Когда они находились в одном дне пути от Дамаска, на дороге показалось облачко пыли, надвигавшееся со стороны Антиохии. Когда облако приблизилось, стало видно, что это скачет небольшой отряд, явно не намеренный сражаться, поскольку он был слишком мал для такой цели. От этого отряда отделился римский аристократ, который подъехал к Халиду. «Я — посол Ираклия, — сказал он. — Он передает тебе: "Я узнал, что ты сделал с моей армией. Ты убил моего зятя и взял в плен мою dochь. Ты одержал победу и спокойно ушел. Теперь я прошу тебя вернуть мне dochь. Либо верни мне ее за выкуп, либо как подарок, ибо честь — сильная сторона твоей природы". Вот что говорит Ираклий».

Чувство чести и в самом деле было одной из главных черт характера Халида. Впрочем, как и мужество и великодушие. На протяжении всей своей жизни он был великодушен в дарах, и впоследствии эта щедрость сыграла с ним злую шутку. Теперь он решил проявить великодушие по отношению к римскому императору. «Возьми ее в дар, — торжественно произнес он. — Выкупа не нужно».¹ Посол забрал dochь Ираклия и, рассыпавшись в благодарностях, вернулся в Антиохию.

Иона был по-прежнему безутешен. Ничто его не радовало. Халид предложил ему крупную награду из собственной доли трофеев, которая позволила бы ему обзавестись другой женой, даже купить ее, если понадобится, однако Иона отказался. Он решил соблюсти обет безбрачия. Он также сохранил верность своей новой вере и два года сражался под знаменем Ислама, пока не принял смерть мученика в битве при Иармуке.

Мусульмане в Дамаске радостно приветствовали возвращение Мобильной Гвардии, нагруженной трофеями. Меч Аллаха вновь победил! Отряд отсутствовал около 10 дней, и мусульмане не на шутку тревожились за его судьбу. Халид немедленно отправил в Медину адресованное Абу Бакру письмо, сообщая ему о завоевании Дамаска и о том, как римляне «обманули» Абу 'Убайду, о том, как он догнал римский конвой, убил Фому и Харбиса, захватив трофеи и пленников, о дочери Ираклия и ее освобождении. Это письмо было написано 1 октября 634 г. (2 дня месяца ша'бан, 13 г. хиджры).²⁴⁹

Через несколько часов после того, как гонец с письмом выехал в Медину, Абу 'Убайда отозвал Халида в сторонку и сообщил ему, что Абу Бакр умер и халифом теперь стал 'Умар. Он протянул ему письмо, написанное ему (то есть Абу 'Убайде) новым халифом. Халид задумчиво взял письмо и погрузился в чтение. Ему показалось, что самая важная строка этого письма издевалась над ним: «Я назначаю тебя командующим армией Халида ибн ал-Валида...» Халид оторвался от письма...

Глава 31

ЖЕСТОКИЙ УДАР

Умирающий в Медине старый халиф велел принести ему письменные принадлежности и написал указ: после него халифом должен стать 'Умар, и правоверные должны присягнуть на верность ему. Таков был последний указ Абу Бакра.

22 августа 634 г. (22 дня месяца джумада-л-ахира, 13 г. хиджры) Абу Бакр умер и халифом стал 'Умар. В тот же день новый халиф издал свой первый указ: Халид был отстранен от командования мусульманской армией в Сирии! Вот что он написал Абу 'Убайде:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Призываю тебя трепетать перед Аллахом, Который живет вечно, тогда как все прочее обречено на погибель, Который ограждает нас от неправедных дел и ведет нас от тьмы к свету, назначаю тебя командовать армией Халида ибн ал-Валида. Итак, прими это как свой долг.

Не посыпай мусульман на погибель во имя добычи, и не размещай мусульман в лагере, пока не осмотришь его и не узнаешь, что там.

²⁴⁹ Пояснения относительно дат осады и завоевания Дамаска даны в примечании 11 приложения Б.

Не отправляй воинов в походы иначе как организованными отрядами. И остерегайся шагов, которые могут привести к уничтожению мусульман.

Аллах послал мне испытание тобой, а тебе — испытание мной. Не поддавайся искушениям этого мира, чтобы они не погубили тебя, как они погубили других до тебя, а ты видел, каково было их падение».¹

Письмо было вручено гонцу, которому было приказано ехать в Сирию и передать его лично Абу 'Убайде.

На следующий день 'Умар возглавил молитву общине в Мечети Пророка. Когда молитва закончилась, он обратился к общине — это было его первое обращение к народу в качестве халифа. Он начал с хвалы Аллаху и призыва Его благословения на Пророка, а затем продолжил: «Слушайте! Арабы подобны верблюду, который следует за своим хозяином и ждет его там, где его остановят. И, именем Господа Каабы, я поведу вас по верному пути».

В остальной части своей проповеди 'Умар подчеркнул различные добродетели и обязанности, предписанные мусульманам, и поклялся сделать все, что в его силах, для вящей пользы Ислама. В конце проповеди он сообщил общине, что сместил Халида с поста командующего сирийской армией и назначил вместо него Абу 'Убайду.

Мусульмане выслушали это объявление в мертвой тишине. Все знали, что в душе 'Умар не слишком любил Халида, но никто не ожидал, что 'Умар предпримет столь резкое действие по отношению к Мечу Аллаха, да еще так поспешно, особенно после великих побед, одержанных Халидом во имя Ислама за последние три года. Однако 'Умара сильно боялись, хотя и уважали, и мало кто осмелился бы перечить ему. Более того, как халиф, он обладал властью назначать и смешивать полководцев «по своему усмотрению», и следовало повиноваться его решению и претворять его в жизнь. Все молчали, и это молчание было красноречивее слов.

Однако один юноша из числа присутствовавших не смог удержаться и вскочил на ноги. «Неужто ты отстранил от командования человека, в чью руку Аллах вложил победоносный Меч и которым Аллах укрепил Свою религию! — крикнул он 'Умару. — Аллах никогда не простит тебя, и мусульмане тоже не простят тебя за то, что ты убрал в ножны Меч и сместил полководца, которого Аллах избрал командиром».

'Умар знал этого юнца, он был из племени бану махзум, клана Халида. Он также почувствовал настроение общине и понял, что его заявление было воспринято далеко не благосклонно. Он решил пока

больше не говорить на эту тему. Он просто резко сказал: «Юноша сердится из-за сына его дяди»¹, — и вышел из мечети.

Днем 'Умар много размышлял по поводу смешения Халида. Он пришел к выводу, что ему придется объяснить свой поступок мусульманам, чтобы убедить их в его справедливости. Такой светоч, как Халид, нельзя было погасить, не приведя убедительных оправданий. На следующий день он вновь обратился к мусульманам:

«Я не испытываю неприязни к тому, что Халид командует армией. Однако он расточителен и тратит деньги на поэтов и воинов, давая им больше, чем они заслуживают, тогда как это богатство можно было бы использовать с большим толком, помогая бедным и нуждающимся из числа мусульман. Пусть никто не говорит, что я сместил могучего полководца и поставил на его место кроткого, ибо с ним (то есть с Абу 'Убайдой) — Аллах, который поможет ему».

На этот раз никто ничего не сказал.

Гонец, доставивший роковое письмо, прибыл в Дамаск еще тогда, когда продолжалась его осада и до разгрома шедшей на помощь осажденным римской колонны оставалось еще несколько дней. Он знал содержание письма и, будучи человеком рассудительным, догадывался, что оно плохо повлияет на воюющих мусульман. Поэтому всем, кого он встречал, он говорил, что все в порядке и что к ним идет подкрепление. Зайдя в шатер Абу 'Убайды, где не было никого из посторонних, он протянул ему письмо.

Абу 'Убайда был поражен содержанием письма. Он и помыслить не мог, что с Халидом случится подобное. Он знал, что Халид был кумиром армии, а то, что он командовал ею, являлось важнейшим фактором, который вселял в мусульман веру в победу независимо от обстоятельств. Последствия смены командира были бы самыми неблагоприятными, особенно в тот момент, когда мусульмане вели длительную осаду и не было никаких признаков, что исход операции будет в их пользу. Было бы сложно убедить их в справедливости отстранения Халида от должности или в разумности выбранного для этого времени. Кроме того, Абу 'Убайде не хотелось принимать на себя командование в разгар операции, которая была так основательно спланирована Халидом. Поэтому он решил ничего не говорить о смерти Абу Бакра или о смене командующего до тех пор, пока осада не завершится успехом. Гонец в ответ на вопросы Абу 'Убайды заверил его в том, что он никому не сообщал о содержании письма халифа, и Абу 'Убайда велел ему хранить все в тайне.

Мусульмане в Дамаске не знали о замене командующего до окончания осады. Даже в день завоевания города Абу 'Убайда ничего не сказал об этом во время перебранки с Халидом, ибо это было бы равносильно нанесению удара ниже пояса и унижению Халида на глазах его друзей и врагов. Поэтому именно Халид, а не Абу 'Убайда, подписал договор с жителями Дамаска. На самом деле лишь через несколько часов после возвращения Халида из рейда на Парчовый луг Абу 'Убайда отвел его в сторону, сообщил ему о смерти Абу Бакра и назначении нового халифа и дал ему прочитать письмо 'Умара.

Халид медленно прочел письмо. Все было предельно ясно: его сместили! Новым главнокомандующим стал Абу 'Убайда. Вероятно, ему следовало ожидать, что подобное произойдет, если халифом станет 'Умар, однако он не ожидал этого, потому что никогда не задумывался о том, что Абу Бакр может умереть или что 'Умар может стать халифом.

По дате на письме Халид определил, что оно было написано более месяца назад и, должно быть, было получено Абу 'Убайдой как минимум три недели назад. Он посмотрел на Абу 'Убайду и спросил: «Почему ты мне не сказал? Аллах да смилиостивится над тобой!» Абу 'Убайда ответил: «Я не хотел ослаблять твой авторитет, пока ты воевал с врагом».

На несколько минут Халид погрузился в свои мысли, мысли об Абу Бакре, его друге, наставнике и благодетеле. Абу 'Убайда смотрел на него, отчасти сочувственно, отчасти в замешательстве. Затем Халид заметил: «Аллах да смилиостивится над Абу Бакром! Если бы он был жив, меня не отстранили бы от командования».²⁵⁰ Медленно, понурив голову, Меч Аллаха отошел от него и направился в свой шатер.

В тот вечер Халид оплакивал Абу Бакра.²⁵¹

На следующее утро, 2 октября 634 г. (3-го дня месяца ша'бан, 13 г. хиджры) на армейском соборе было объявлено о двух переменах — о новом халифе и новом командующем в Сирии. В тот день мусульмане принесли присягу новому халифу.

Если в сердце Халида и бушевали обида и горечь, — а дело, без сомнения, обстояло именно таким образом, — то внешне он ничем их не выдал. Он беспечно бросил друзьям: «Если Абу Бакр умер, а 'Умар стал халифом, то наше дело — слушаться и повиноваться».²⁵² Халиду нельзя было проявлять свою печаль, так как это нанесло бы серьезный ущерб мусульманской армии и делу мусульман в Сирии, ибо любое

²⁵⁰ Йа'куби: Та'рих; т. 2, с. 140.

²⁵¹ Вакиди: с. 62.

²⁵² Вакиди: с. 62.

действие, направленное против 'Умара, могло бы привести к расколу в армии, а это было последним, чего бы мог пожелать истинный солдат и истинный мусульманин.

Когда главнокомандующего снимают с поста, он, как правило, не служит на том же театре военных действий, где он служил, или вообще уходит со службы. Он выходит в отставку. Или просит о переводе либо бывает переведен в другое место из уважения к его чувствам. Иногда его назначают на более высокий пост. Однако Халид был рожден, чтобы сражаться и побеждать, и природа наделила его всеми качествами, необходимыми для того, чтобы он соответствовал своему предназначению. Таким образом, перед нами — уникальное явление, величайший полководец своего времени (на самом деле величайший полководец первого тысячелетия христианской эры), который был готов служить в более низком качестве, пусть даже простым солдатом, с теми же рвением и целеустремленностью, которые он проявлял на посту главнокомандующего. Эта готовность служить также отражает мусульманский дух того времени. И все это с очевидностью проявилось две недели спустя, во время кризиса в Абу-л-Кудсе.

Через неделю после того, как Абу 'Убайда возложил на себя командование армией, к новому главнокомандующему явился араб-христианин, желавший заслужить благосклонность мусульман, и сообщил, что через несколько дней в Абу-л-Кудсе состоится большой базар. На этот базар прибудут гости и торговцы с богатейшими товарами из всех стран азиатской части Византийской империи, чтобы продавать и покупать. Если мусульмане желают новых трофеев, то им достаточно направить один отряд, чтобы совершить набег и захватить все, что они пожелают. (В настоящее время Абу-л-Кудс называется Абла и находится у восточного предгорья Ливанской цепи гор, рядом с Захлой, примерно в 40 милях от Дамаска по дороге на Ба'албак.)²⁵³ Информатор не мог сказать, будут ли охранять базар римские солдаты, но в Триполи, на побережье Средиземного моря, находился мощный гарнизон.

Абу 'Убайда обратился к сидевшим вокруг него воинам и спросил, не вызовется ли кто-то из них принять командование над отрядом и совершил набег на Абу-л-Кудс. Он надеялся, что вызовется Халид, но тот промолчал. И тогда вызвался преисполненный энтузиазма юноша, у которого только-только начинала расти борода. Этот мальчик был 'Абдаллах, сын Дж'афара, двоюродного брата Пророка, погибшего смертью мученика в битве при Му'те. Этот юный племянник Пророка

²⁵³ Гиббон (т. 5, с. 321) называет это место Абила. Возможно, оно называлось так в его времена, однако сейчас оно называется Абла.

только что прибыл из Медины и рвался покрыть себя славой на поле брани. Абу 'Убайда принял предложение юноши и назначил его командиром отряда из 500 всадников.

14 октября 634 г (15-го дня месяца ша'бан, 13 г. хиджры) отряд двинулся в путь в свете яркой полной луны. С юным 'Абдаллахом ехал глубоко верующий и добродетельный воин по имени Абу Зарр ал-Гиффари. На следующее утро пылкий юноша атаковал своим маленьkim отрядом 5-тысячный отряд римских воинов, охранявших базар. Поскольку 'Абдаллах жаждал славы, а Абу Зарр желал стать мучеником, некому было удержать мусульман, а результат оказался плачевным. Вскоре римляне окружили героически сражавшихся мусульман и стало ясно, что никому из них не уйти. Однако если мусульманина ставили в безвыходное положение, то он яростно бился до конца. Опытные солдаты знали, как защищаться, и быстро образовали плотное кольцо, чтобы не позволить римлянам проникнуть в свои ряды, и, окруженные со всех сторон, они продолжали сражаться, своей отчаянной храбростью заставляя римлян проявлять осторожность. Однако их уничтожение было лишь вопросом времени.

Впрочем, одному мусульманину удалось вырваться из римского окружения, и, понимая тяжесть сложившегося положения, он галопом поскакал в Дамаск за подмогой. Абу 'Убайда сидел со своими генералами, когда этот человек прибыл, чтобы сообщить о беде и попросить о немедленной помощи, без которой ни один мусульманин не вернется из Абу-л-Кудса. Абу 'Убайда оцепенел от ужаса. Он вспомнил слова 'Умара: «Не посыпай мусульман на погибель во имя добычи». Кроме того, это было первое решение, принятое им на посту главнокомандующего, и если 'Абдаллах и его воины не будут спасены, это будет иметь пагубное влияние на всю армию. И кто мог справиться с такой задачей лучше, чем Меч Аллаха!

Абу 'Убайда обратился к Халиду: «О отец Сулаймана, именем Аллаха прошу тебя пойти и спасти 'Абдаллаха ибн Джабара. Ты — единственный, кому это под силу».

«Конечно, я это сделаю, если такова будет воля Аллаха, — ответил Халид. — Я лишь ждал твоего приказания».

«Я не решался попросить тебя об этом», — заметил Абу 'Убайда, намекая на неловкость, которую он испытывал из-за недавней смены командования.

Халид продолжал: «Именем Аллаха, если бы ты назначил командовать мной малого ребенка, я бы повиновался ему. Как же мне не повиноваться тебе, если в Исламе ты стоишь намного выше меня и был самим Пророком назван Тем, Кому Народ Может Доверять? Мне

никогда не достигнуть твоего положения. Здесь и сейчас я заявляю, что я посвятил свою жизнь пути Всевышнего Аллаха».

Охрипшим от волнения голосом Абу 'Убайда сказал: «Аллах да смилистойтесь над тобой, о отец Сулаймана. Ступай и спаси своих братьев».

Через полчаса Мобильная Гвардия во главе с Халидом и Диаром понеслась по направлению к Абу-л-Кудсу. Разумеется, Халид вызволил попавших в ловушку мусульман, хотя многие из них и были убиты римлянами. И не только это: он также напал на базар в Абу-л-Кудсе и вернулся с завидной добычей! Он также получил много ранений, но ранения были для Халида таким обычным делом, что он не придавал им особого значения.

Результат операции в Абу-л-Кудсе не оставлял сомнений (если таковые и были) в том, как Халид отреагировал на свое снятие с должности главнокомандующего. Абу 'Убайда направил 'Умару отчет об этой операции, щедро расхвалив Халида за ту роль, которую он в ней сыграл. Однако окна, через которые могла воссиять эта похвала, в Медине были закрыты. И им никогда больше не суждено было открыться.

Двойная перемена — новый халиф в Медине и новый главнокомандующий в Сирии — должна была отразиться на характере и развитии военных операций. Методы 'Умара сильно отличались от методов его предшественника. Если Абу Bakr указывал своим полководцам их задачу и район действий, предоставляя им самостоятельно вести военную кампанию, то 'Умар издавал специальные директивы для каждого сражения. В последующие годы своего халифата он даже определял такие детали, как кто именно будет командовать левым флангом, кто правым и так далее. Он также создал систему соглядатаев, которые наблюдали за действиями его полководцев. Эти соглядатаи засылались во все армии и все корпуса, и халифу в точности сообщалось обо всем, что офицеры говорили и делали.¹

'Умар утвердил командиров различных корпусов в тех функциях, которые были определены для них Абу Bakром. 'Амр ibn ал-'Ас должен был командовать в Палестине, Йазид — в Дамаске, Шурахбиль — в Иордании, а Абу 'Убайда — в Эмессе, после того как она будет взята мусульманами. Эти функции включали в себя не только военное командование различными корпусами, но и политическое управление провинциями. Так, например, Шурахбиль был не только командиром корпуса, действовавшего в районе Иордана, но и правителем провинции Иордания. И при этом Абу 'Убайда оставался главнокомандующим армии в целом, хотя командовать ею ему

пришлось бы лишь в случае, если бы корпуса совместно сражались против римлян. Роли для Халида не нашлось. По приказу 'Умара ему предстояло действовать под началом Абу 'Убайды, а последний утвердил его командиром иракского корпуса, в который входила и Мобильная Гвардия. По своему военному статусу Халид был равен другим командирам корпусов, но в политическом отношении он теперь был никто.

В ходе операций произошло неизбежное замедление. Абу 'Убайда был великим человеком, бесстрашным и опытным воином. За несколько последующих лет, благодаря советам Халида, ему предстояло стать и хорошим генералом. Он во многом полагался на советы Халида, которого старался держать при себе, но у него никогда не было такого стратегического видения и тактического чутья, как у Халида. Как правило, он проводил военные советы или писал в Медину, чтобы узнать, какую следующую задачу решил поставить перед ним халиф. Если Халид, словно смерч, бросался из одной битвы в другую, полагаясь на внезапность, дерзость и силу, чтобы добиться победы, то Абу 'Убайда действовал медленно и постепенно. Но при этом и он одерживал победы.

В этих новых условиях связанные взаимным уважением и симпатией Абу 'Убайда и Халид остались друзьями, а поскольку Халид предоставил весь свой военный гений в распоряжение нового главнокомандующего, то освобождение Сирии из-под власти Восточного Рима продолжилось.

Глава 32

БИТВА ПРИ ФАХЛЕ

В одной из последующих глав мы подробнее расскажем о характере и способностях Ираклия и о стратегии, которую он использовал, пытаясь сокрушить мусульман, отвоевавших часть

его империи. Здесь же мы лишь отметим, что как противник Ираклий был человеком, с которым приходилось считаться, он был не из тех, кто отказывается от борьбы, пока сохраняется хоть малейшая надежда. Его следующим шагом после событий в Абу-л-Кудсе стало введение в действие новой армии, составленной из новых отрядов, созданных в Северной Сирии, Джазире и Европе. В эту армию входили и те, кто

уцелел в битве на Парчовом лугу. Часть армии собралась в Антиохии, а другая была переправлена по морю в средиземноморские порты Сирии и Палестины.

Сосредоточение римской армии в Байсане, западнее реки Иордан, началось в конце декабря 634 г. (в начале месяца зу-л-ка'да, 13 г. хиджры). Оттуда армия должна была сделать бросок на восток и перерезать связь между мусульманами и Аравийским полуостровом. Согласно этому плану, и это было характерно для Ираклия, правитель избегал лобового столкновения с мусульманами в Дамаске, лишал их стратегического преимущества и вынуждал их оставить Дамаск. Фахл, расположенный чуть восточнее реки Иордан, уже был занят римским гарнизоном средней величины, воевавшим против отряда мусульманской конницы под командованием Абу-л-А'вара.

Местные агенты сообщили мусульманам о передвижениях римского войска, и не успела концентрация римских войск в Байсане завершиться, как им уже стало известно, что численность этой новой армии — около 80 000 воинов и что командует ею Сакалар, сын Михрака. Было очевидно, что эта сила двинется на восток и разместится вдоль мусульманских линий связи. Абу 'Убайды созвал военный совет, и было решено, что мусульмане должны выступить вперед и сокрушить эту новую римскую армию, оставив в Дамаске мощный гарнизон на случай, если возникнет угроза с севера и запада. К этому времени мусульмане как следует отдохнули от своих ратных подвигов. Вскоре после Абу-л-Кудса к ним подошли свежие силы с Аравийского полуострова, а многие из получивших ранения в предыдущих баталиях выздоровели и вновь встали в строй мусульманского войска. Благодаря этому численность армии увеличилась примерно до 30 000 воинов, которые были разделены на пять корпусов различных размеров.

Командование, введенное Абу Бакром и утвержденное 'Умаром, теперь осуществлялось весьма непривычным образом. Йазид был командиром и правителем в регионе Дамаска, и поэтому его и его корпус оставили в Дамаске. Шурахбиль был назначен военным командиром района Иордании, в котором находились Байсан и Фахл. Поэтому Абу 'Убайды, с точностью до буквы исполняя все указания халифа, передал все командование предстоящей операцией Шурахбильу. Где-то на второй неделе января 635 г. мусульманская армия, оставив позади корпус Йазида, вышла из Дамаска под командованием Шурахбила. Халид с иракским корпусом шел в ее авангарде. В середине января мусульмане прибыли в Фахл и обнаружили, что римский гарнизон покинул его, а Абу-л-А'вар занял и

город, и болотистую местность, тянувшуюся по обоим берегам реки Иордан.²⁵⁴

Как только римский гарнизон Фахла узнал, что мусульманская армия вышла из Дамаска и направляется в их сторону, римляне поспешно оставили город и, переправившись через реку, присоединились к основной части римской армии в Байсане. Сразу после этого римляне, не желая, чтобы их потревожили в Байсане, пока они не завершили свои приготовления, перегородили реку плотиной в нескольких милях южнее линии Байсан — Фахл и затопили полосу низменностей, тянувшихся по обоим берегам реки. Затопленная территория была отмечена контуром, и местами ее границы находились в миле от реки. Эту затопленную территорию можно было перейти по бродам, но они были известны только римлянам. Мусульмане знали пустыню, они познакомились с горами, однако этот пояс из воды и жидкой грязи, тянувшийся вдоль их переднего края, был в новинку иставил их в затруднительное положение. Впрочем, они решили попытаться преодолеть преграду.

Шурахбиль поставил свою армию у подножья склона ниже Фахла, лицом к северо-западу, поручив командовать флангами Абу 'Убайде и 'Амру ибн ал-Асу. Дирап был назначен командовать мусульманской кавалерией, а Халид и его корпус оказались впереди, чтобы возглавить наступление на Байсан. В таком расположении мусульмане и пошли в наступление. Однако почти сразу авангард увяз в грязи и с большим трудом выбрался из нее. Проклиная римлян за эту уловку, мусульмане вернулись в Фахл и стали ждать. Так прошла целая неделя.

И вот римский полководец Сакалар решил, что настало время для нанесения удара. Он завершил подготовку и надеялся застать мусульман врасплох, полагая, что болото будет внушать им ложное ощущение безопасности. Его проводники должны были провести армию через болото, которое мусульмане считали непроходимым. Вскоре после захода солнца

23 января 635 г. (27 дня месяца зу-л-ка'да, 13 г. хиджры) римская армия построилась западнее реки и начала наступление на Фахл, намереваясь ночью внезапно напасть на мусульманские лагеря.

Однако мусульманская стража была начеку. Шурахбиль был бдительным генералом и разбил мусульманский лагерь так, чтобы он соответствовал боевым позициям корпусов, и велел значительным частям каждого из корпусов оставаться на боевых позициях даже ночью. Он также расставил разведчиков в окрестностях болота, чтобы

²⁵⁴ Фахл расположен ниже уровня моря, и от этого города холмистая местность еще больше понижается к дну долины Иордана. В этой местности река Иордан течет примерно на 900 футов ниже уровня моря.

они докладывали ему о любых движениях римлян в сторону Фахла. Таким образом, когда римляне приблизились к Фахлу, они обнаружили, что армия не отдыхает в лагере, а построена к бою. И при столкновении армий немедленно завязался бой.

Армии сражались всю ночь и в течение всего следующего дня, 24 января 635 г. Мусульманская армия оборонялась, отбивая все попытки римлян сломить ее оборону, и во время одной из этих попыток был убит Сакалар. К тому времени, когда вновь сгустилась тьма, римляне решили, что с них достаточно. Они понесли тяжелые потери от рук мусульман, которые встали у них на пути как стальная стена, и эта стена не дрогнула ни в едином месте. Под покровом темноты римляне отступили и начали отходить по болотам к Байсану.

Именно этот момента и дождался Шурахбиль. Он бил римлян до тех пор, пока они не выбились из сил и, подавленные негативным психологическим воздействием многочисленных неудачных атак, не начали отступление. Теперь настало время для нанесения контрудара. Шурахбиль приказал идти в наступление, и в темноте жители пустынь ударили в спину римлянам! На этот раз римский план «управления движением» провалился. Тысячи римских воинов не нашли бродов через болото, а под напором орущей толпы мусульман они поддались панике и их ряды утратили всякий порядок и рассыпались. Мусульмане со знанием дела принялись добивать эту армию и уничтожать перепуганных противников. В битве при Фахле, которая в мусульманской истории также известна как битва в Грязи²⁵⁵, погибло около 10 000 римлян. Некоторым из римлян удалось благополучно добраться до Байсана, тогда как остальные, спасая свою жизнь, обратились в беспорядочное бегство и рассеялись во всех направлениях.

Нанеся поражение римской армии, мусульманская армия разделилась. Абу 'Убайда и Халид остались в Фахле, откуда им вскоре предстояло отправиться в Дамаск и Северную Сирию. Шурахбиль и находившийся под его началом 'Амр ибн ал-'Ас, обнаружив броды, переправились через болото и реку и осадили Байсан. Через несколько дней засевшие в крепости римляне попытались провести вылазку, однако были уничтожены Шурахбильем. Вскоре после этой вылазки Байсан сдался и согласился выплачивать джизью и некоторые налоги. Затем Шурахбиль пошел на Табарийу, которая также капитулировала

²⁵⁵ Большинство древних историков указывали, что в этой битве была уничтожена основная часть римской армии. Однако Балазури полагает, что потери римлян составили 10 000 человек (с. 122), и здесь мы придерживаемся самой скромной оценки.

на сходных условиях. Эта последняя операция завершилась к концу февраля 635 г. (месяца зу-л-хиджра, 13 г. хиджры).

В начале 14 г. хиджры 'Амр ибн ал-'Ас и Шурахбиль обратили свои взоры на Палестину. И тут вновь произошла смена командования. Палестина была провинцией 'Амра, поэтому он и принял командование армией, а Шурахбиль служил под его началом в качестве командира корпуса. Однако прошло еще некоторое время, прежде чем эта маленькая армия, состоящая из двух корпусов, вторглась в Палестину.

Еще находясь в Иордании, 'Амр написал халифу, сообщая ему последние разведданные о расположении римских войск и их численности в Палестине. Наиболее многочисленный римский гарнизон стоял в Аджнадайне. 'Умар дал 'Амру подробные указания относительно выполнения стоящих перед ним задач, а также написал Йазиду, веля ему установить власть над средиземноморским побережьем. Исполняя эти указания, мусульманская армия, за исключением корпусов Абу 'Убайды и Халида, воевала с римлянами в Палестине и на побережье, дойдя на севере до Бейрута. Корпуса 'Амра и Шурахбила отправились в Аджнадайн и, поступив под начало 'Амра, вступили в бой и одержали победу над римлянами во второй битве при Аджнадайне. После этого корпуса разделились. 'Амр пошел на Набулус, 'Амавас, Газу и Йубну, тем самым завоевав всю Палестину, а Шурахбиль пошел на прибрежные города Акру и Тир, которые капитулировали перед ним. Йазид, под командованием которого успешно служил его брат Му'авийя, выступил из Дамаска и овладел портами Сида, Арка, Джубайл и Бейрут.

Дольше всех не желала сдаваться Кайсарийа. 'Умар поручил ее взятие Йазиду, Йазид с Му'авийей осадили ее, но, несмотря на все их усилия, взять Кайсарийу им не удалось, так как римляне посыпали ей подкрепление и продовольствие морем. Осада была снята, когда мусульманам пришлось перегруппировываться для битвы под Йармуком, но возобновилась по окончании этого сражения и продолжалась до тех пор, пока этот портовый город не пал в 640 г. (19 г. хиджры).

К концу 14 г. хиджры (приблизительно в 635 г. н. э.) Палестина, Иордания и Южная Сирия, за исключением Иерусалима и Кайсарии, оказались в руках мусульман.

Глава 33

ЗАВОЕВАНИЕ ЭМЕССЫ

В начале марта 635 г. (в начале месяца мухаррам 14 г. хиджры) Абу 'Убайда и Халид выступили из Фахла, чтобы начать военные действия на севере. Они дожидались в Фахле, пока Шурахбиль разбирается в Байсане и Табарийе, на случай, если начнется серьезное сражение, которое потребует их участия. Когда Табарийя была завоевана, вероятность такого сражения в Иордании отпала и они могли свободно выступить в поход.

В нескольких милях к западу и северо-западу от Дамаска простиралась поросшая травой равнина, известная в мусульманской истории как Мардж ар-Рум, то есть Римский луг. Абу 'Убайда и Халид направились к этой равнине, намереваясь обойти Дамаск и продолжить наступление на Эмессу. Йазид по-прежнему мирно стоял в Дамаске и собирался оставаться в городе еще в течение нескольких месяцев до того момента, когда от 'Умара поступит приказ начинать завоевание средиземноморского побережья. На Мардж ар-Рум Абу 'Убайда вновь вступил в бой с внушительным отрядом римлян.

Услышав о действиях мусульман в районе Байсана и Табарийи, Ираклий подумал, что мусульмане избрали своими дальнейшими стратегическими целями Иорданию и Палестину и не интересуются Северной Сирией. Он также слышал, что мусульмане оставили в Дамаске лишь небольшой отряд, который не проявлял никаких агрессивных намерений. Поэтому он решил быстро отвоевать Дамаск. Для этого Ираклий направил на борьбу с мусульманским гарнизоном Дамаска римскую армию под командованием генерала Феодора. Войско должно было освободить Дамаск. Оно выступило из Антиохии и, пройдя через Бейрут, вышло к Дамаску с западной стороны. Однако едва эта передислокация началась, Ираклию доложили, что Абу 'Убайда и Халид вышли из Фахла и вновь движутся на север. Они должны были оказаться в Дамаске одновременно с Феодором, и в этом случае у римлян не было шансов вернуть себе город. На подкрепление римскому войску Феодора Ираклий приказал направить часть крупного гарнизона Эмессы. Этот отряд, которым командовал Шанс, выступил из Эмессы и направился прямо к Дамаску.

Мусульмане вышли на Мардж ар-Рум и обнаружили, что там их поджидает Феодор. В тот же день из Эмессы подошел и Шанс, и оба войска построились к бою лицом друг к другу. При этом построении

Абу 'Убайда оказался напротив Шанса, а Халид — напротив Феодора. Численность римского войска, участвовавшего в этом бою, неизвестна, но можно предположить, что она равнялась примерно двум крупным корпусам. Войско не могло быть намного меньше этого, потому что в противном случае римляне едва ли ввязались бы в бой с двумя противостоящими им мусульманскими корпусами. Остаток дня обе армии провели на боевых позициях, ожидая, когда противник проявит инициативу.

С наступлением ночи Феодор решил осуществить искусный стратегический маневр. Оставив Шанса стоять напротив мусульман, под покровом темноты он отвел свой корпус назад, обошел фланг Халида и к рассвету следующего дня прибыл в Дамаск. Феодор намеревался задержать основную часть мусульманской армии на Мардж ар-Руме силами корпуса Шанса, а свой корпус бросить на уничтожение мусульманского гарнизона в Дамаске. План был очень разумный, и маневр был осуществлен столь идеально, что мусульмане только под утро узнали о том, что половина стоявшей перед ними римской армии куда-то исчезла.

Рано утром в Дамаске разведчики Йазида доложили, что на город идут римляне. Поучив это известие, Йазид немедленно вывел свое маленькое войско и поставил его перед крепостью, лицом к юго-западу. Чувствуя себя более привычно на открытой местности и не имея опыта пребывания в осажденной крепости, мусульмане предпочитали сражаться на равнине, а не в городе. С восходом солнца началась битва между Феодором и Йазидом, и вскоре мусульмане почувствовали, что им приходится туже, ибо римляне намного превосходили их в численном отношении. Однако они самостоятельно продержались часов до девяти. Затем, как раз тогда, когда положение Йазида стало критическим, в тыл римлянам ударила разъяренная орда мусульманских всадников. Это был иракский корпус с Мобильной Гвардией во главе. В кратчайший срок Халид и его бесстрашные ветераны, атаковав римлян с тыла, изрубили в клочья весь римский корпус. Мало кто из римлян уцелел в этой бойне, а Халид убил Феодора в поединке. Мусульманам достались богатые трофеи, в основном оружие и доспехи, и все они, кроме обычной пятой части, оставленной для Медины, были поделены между воинами Халида и Йазида.

Под утро прошлой ночи, когда мусульмане обнаружили, что половина римской армии покинула Мардж ар-Рум, Халид правильно догадался, что она пошла к Дамаску, чтобы сразиться с Йазидом. Боясь, что Йазиду долго не продержаться, Халид обратился к Абу

'Убайде с предложением повести свой корпус на Дамаск и помочь Йазиду, пока Абу 'Убайда разбирается с оставшимися римлянами Шанса. Абу 'Убайда согласился, и ранним утром Халид покинул Мардж ар-Рум, чтобы спасти Дамаск, о чем мы только что рассказали. Пока Халид ликвидировал корпус Феодора, Абу 'Убайда атаковал римлян на Римском лугу. Абу 'Убайда убил Шанса в единоборстве, равнина была усеяна телами мертвых римлян, однако основная часть римского корпуса отошла и поспешно отступила в Эмессу.

Сражение произошло где-то в марте 635 г. (месяце мухаррам, 14 г. хиджры) и вошло в историю как битва на Мардж ар-Руме.

* * *

Мусульманские воины некоторое время провели на Мардж ар-Рум и в Дамаске, занимаясь пленниками и военными трофеями, обустраивая раненых мусульман. Когда все дела были решены, Абу 'Убайда направил Халида и его корпус прямо на Эмессу, а сам пошел на Ба'албак. Гарнизон Ба'албака сдался без боя, и Абу 'Убайда направился к Эмессе, чтобы присоединиться к осадившему крепость Халиду.²⁵⁶

Через несколько дней осады было достигнуто перемирие. Эмесса соглашалась выплатить 10 000 динаров и поставить 100 парчовых одежд, а мусульмане, со своей стороны, обязывались не нападать на Эмессу в течение одного года. Впрочем, перемирие оканчивалось в том случае, если в Эмессу прибудут новые римские войска. Ворота Эмессы распахнулись, едва было подписано перемирие, и с того момента мусульмане могли беспрепятственно входить в город и выходить из него, а жители Эмессы были приятно удивлены тем, что мусульмане платили им за все, что брали у них!

Жители Кинасарйна (древнего Халциса) узнали о том, как горожане Эмессы мирным способом избежали сражения с мусульманами, и решили поступить таким же образом. Перемирие было не столь позорным, как капитуляция, и являлось хорошим способом отложить принятие трудного решения. Поэтому правитель Кинасарйна направил в Эмессу своего посла, который заключил с Абу 'Убайдой аналогичное перемирие сроком на один год. Однако и правитель Эмессы, и правитель Кинасарйна заключили перемирие исключительно по соображениям собственной выгоды. Оба надеялись, что вскоре

²⁵⁶ Существуют иные версии взятия Ба'албака; в частности, Вакиди сообщает, что Абу 'Убайда дал великое сражение, в результате которого Ба'албак капитулировал перед мусульманами. Между тем другие историки указывают на то, что Ба'албак был занят мирным путем, и мне кажется, что дело обстояло именно так.

Ираклий пришлет подкрепление их гарнизонам, а как только это произойдет, они возобновят военные действия против мусульман. Однако простые жители этих областей были покорены добротой и справедливостью мусульман, отсутствием у них заносчивости и жестокости, которые были свойственны римским правителям Сирии.

Временно решив проблемы с Эмессой и Кинасарйном, Абу 'Убайда разделил основную часть своей армии на отряды и направил их в походы на Северную Сирию. Мусульманские отряды дошли на севере до Алеппо и, пощадив район Кинасарйна, одержали верх во всех местностях, по которым проходили, и доставили пленников и трофеи в мусульманский лагерь под Эмессой. Впрочем, тысячи этих пленников молили даровать им свободу, и все, кто соглашался платить джизью и присягал на верность мусульманам, были освобождены вместе со своими семьями и добром. Им позволили вернуться домой и гарантировали неприкосновенность при мусульманских властях.

Так продолжалось в течение нескольких месяцев, и так прошла большая часть лета. Тем временем 'Умар в Медине начинал проявлять нетерпение. Кампания в Палестине протекала сносно, однако в Северной Сирии, то есть в секторе Абу 'Убайды, казалось, наступило затишье. Поэтому осенью 635 г. 'Умар написал Абу 'Убайде письмо, в котором намекал на то, что генералу следует ускорить овладение Сирией. По получении этого письма Абу 'Убайда созвал военный совет, на котором было решено, что мусульманской армии следует направиться на север и открыть для Ислама новые территории. Трогать Эмессу и Кинасарин было нельзя, так как их безопасность гарантировалась условиями перемирия, однако с другими населенными пунктами подобное перемирие не заключалось, поэтому их можно было атаковать.

Примерно в начале ноября 635 г. (середине месяца рамадан, 14 г. хиджры) мусульманская армия направилась из Эмессы в Хамах, где горожане вышли за пределы городских стен, чтобы приветствовать мусульман.

Город капитулировал добровольно, и армия двинулась дальше. Один за другим города Шайзар, Афамия (ныне — Кал'ат ал-Мадик) и Ма'аррат Химс (ныне — Ма'аррат ан-Ну'ман) мирно сдавались мусульманам и соглашались выплачивать джизью. (См. карту 28.) В некоторых местах в знак приветствия мусульман встречали с музыкой. Теперь, впервые в Сирии, в этих местах жители начали массово обращаться в Ислам. Личность мягкого, благодушного Абу 'Убайды сыграла не последнюю роль в этом процессе.

Когда мусульмане находились в Шайзаре, они узнали, что на усиление гарнизонов Кинасарйна и Эмессы идут римские войска. Тем самым римляне нарушили перемирие. Прибытие этих подкреплений вдохнули новое мужество в сердца римлян в Эмессе и Кинасарйне, а приближение зимы придавало им дополнительную уверенность в успехе. В своих крепостях они будут лучше защищены от стужи, чем арабы-мусульмане, не привыкшие к сильным холодам, обреченные страдать от суровой сирийской зимы в шатрах, которые не могли защитить от непогоды. Действительно, Ираклий писал военному коменданту Эмессы, Х^арбису: «Эти люди питаются мясом верблюдов и пьют их молоко. Они не выносят холода. Бейте их каждым холодным днем, чтобы к весне никого из них не осталось».

Абу 'Убайда решил сначала взять Эмессу и тем самым очистить свой тыл от римлян, а потом уже предпринять более серьезные операции в Северной Сирии. Поэтому мусульмане направились к Эмессе. Первыми шли Халид и иракский корпус. По прибытии к городу Халид увидел, что путь ему преградил мощный отряд римлян, но в результате стремительной яростной атаки его корпусу удалось загнать врага в крепость. Эти римляне следовали указанию Ираклия «бить их каждым холодным днем», однако после первого столкновения с Халидом они решили предоставить все дело зиме! Когда римляне отступили в крепость и закрыли за собой ворота, подошедший с остальной армией Абу 'Убайда разделил свое войско на четыре части и поставил их напротив четырех ворот Эмессы.

Эмесса представляла собой круглый в плане укрепленный город, диаметр которого был меньше мили, вокруг стены проходил ров. На возвышенности внутри крепости находилась цитадель. Вокруг города раскинулась плодородная равнина, лишь на западе рассеченная рекой Оронт (ныне — Аси).

Сам Абу 'Убайда, Халид и его Мобильная Гвардия разбили лагерь на северной стороне, неподалеку от Растанских ворот.²⁵⁷ Численность мусульман под Эмессой приближалась к 15 000, тогда как римский гарнизон насчитывал около 8000 воинов. Абу 'Убайда доверил ведение осады Халиду, который, таким образом, выступил в качестве подлинного командира, руководившего мусульманами в ходе этой

²⁵⁷ До наших дней сохранились лишь Масудудские ворота, выходящие на юго-запад. Приезжающему в Эмессу в наши дни показывают места, где находились остальные трое ворот: Тадмурские (на северо-востоке), Дурайбские (на востоке) и Худские (на западе); однако хотя нынешние жители города и слышали о Растанских воротах, никто не может сказать, где именно они находились. Несомненно, они были где-то в северной части стены, потому что выходили на Растан, лежащий на дороге в Хамах. Древние историки говорили о Растанских воротах как одних из четырех ворот, и мы не можем сказать, каких из вышеназванных ворот в то время не было. Местами также сохранился и ров.

операции. Был конец ноября или начало декабря (примерно середина месяца шавваль), и на Эмессу тяжелым покровом опустилась зима.

Более двух месяцев продолжалась непрерывная, монотонная осада. Ежедневно лучники с каждой сторонысыпали противника стрелами, но не происходило никаких крупных операций, которые могли бы приблизить исход событий. Римляне злорадствовали из-за того, что мусульмане страдают от непогоды, и полагали, что одного холода будет достаточно, чтобы истребить жителей пустынь или заставить их убраться в более теплые земли. Мусульмане конечно же страдали от холода, но не так жестоко, как воображали римляне. Они всегда были бдительны, а их решимость овладеть Эмессой ничуть не ослабела, и они были готовы ждать, сколько понадобится.

Когда прошло еще несколько недель, а мусульмане и не подумали уходить, римляне поняли, что у их противника нет ни малейшего намерения снимать осаду. Была уже середина марта 536 г. (начало месяца сафар, 15 г. хиджры), и суровая зима уже осталась позади. Надежда римлян на то, что холод прогонит мусульман, иссякла. Запасы были на исходе, а с наступлением весны и улучшением погоды к мусульманам должно было подойти подкрепление, и тогда их положение должно было бы оказаться еще более прочным. Необходимо было действовать, и немедленно. Все местные жители стояли за мир, но Дарбис был верным сыном империи и стремился покрыть себя боевой славой. Он решил провести внезапную вылазку и разгромить мусульман в сражении у стен крепости, и с принятием Харбисом такого решения дела стали развиваться стремительнее. Теперь был близок конец, однако вовсе не тот конец, о котором мечтал Харбис.

Однажды ранним утром Растанские ворота отворились и Харбис повел 5-тысячный отряд в стремительную атаку на ни о чем не подозревавших мусульман, стоявших напротив этих ворот. Стремительность и сила этого наступления захватили мусульман врасплох, и хотя эта группа была самой большой из четырех, расставленных у ворот, ей пришлось отойти с позиций, которые она поспешила занять для того, чтобы дать отпор врагу. Отойдя на некоторое расстояние, мусульмане восстановили боевой порядок и сдержали натиск римлян, однако давление последних все возрастало, и стало ясно, что римляне могут прорвать их линию обороны.

Тогда Абу 'Убайда попросил Халида исправить положение. Халид выехал вперед с Мобильной Гвардией, принял командование над отчаянно оборонявшимися мусульманами и выстроил мусульманское войско для сражения. Внезапность утренней атаки угнетающе

подействовала на мусульман, которые и без того страдали от холода, им понадобилось время, чтобы прийти в себя, но среди них был Халид, и вскоре боевой дух воинов воскрес и они начали не только принимать удары, но и отвечать на них. Так продолжалось до полудня. Затем Халид перешел в наступление и начал упорно теснить врага, однако римляне окончательно отступили в крепость только к закату дня. Их вылазка оказалась безуспешной, но в результате мусульмане почувствовали особое уважение к Харбису и римским воинам из Эмессы.

На следующее утро Абу 'Убайда созвал военный совет. Мусульманские офицеры вели себя сдержанно и не проявляли свойственного им энтузиазма. Абу 'Убайда выразил свое недовольство тем, как мусульмане отступили под натиском римлян, на что Халид заметил, что эти римляне были храбрейшими из всех, с которыми им доводилось сражаться. «Так что же ты тогда посоветуешь, о отец Сулаймана? — спросил Абу 'Убайда. — Аллах да смилиостивится над тобой!»

«О полководец, — отвечал Халид, — давайте завтра утром отойдем от крепости и...»

* * *

На следующий день рано утром римляне обратили внимание на оживление в мусульманских лагерях, разбитых вокруг Эмессы. Мусульмане сворачивали шатры и грузили тюки на верблюдов. На их глазах основная часть мусульманской армии начала отходить в южном направлении, оставляя за собой небольшие отряды, чтобы проследить за передвижением семей, багажа и стад. Это было избавление! Мусульмане снимали осаду и уходили на юг. Все-таки зима их доконала! Римские солдаты ликовали при виде этого зрелица, но Харбис был не таков, чтобы довольствоваться неудачным сражением. Его опытный глаз умел увидеть возможность военного успеха, когда таковая предоставлялась. Харбис немедленно собрал 5000 римских воинов и вывел их из крепости, чтобы преследовать мусульман. Когда римляне подошли к основному лагерю мусульман, те немногие мусульмане, которые в нем оставались, смотрели на врагов с ужасом и, крича от страха, бежали на юг, оставляя за собой и семьи, и стада, и скарб!

Харбис решил, что разберется с лагерем немного позднее. Лагерь мог подождать. Он отправил свою конницу, чтобы быстро догнать неприятеля и нанести удар по отступающим. Харбис нагнал мусульман в нескольких милях от Эмессы. Когда его авангард уже готовился

обрушиться на «отступающего врага», мусульмане внезапно развернулись и атаковали римлян с такой яростью, что они отпрянули назад и перешли к трудной обороне. Когда мусульмане набросились на римлян, Халид выкрикнул команду, по которой от мусульманской армии отделились два отряда всадников, обошли ошарашенных римлян с флангов и соединились у них за спиной. Предложенный Халидом накануне и получивший на военном совете всеобщее одобрение план сработал: римляне оказались взятыми в стальное кольцо! Харбис с горечью вспомнил слова местного священника, который пытался остановить его, когда он выезжал из Эмессы, собираясь преследовать мусульман. Тот священник сказал: «Именем Мессии, это арабская уловка. Арабы никогда не уходят, бросив своих верблюдов и семьи!»¹ Однако было уже слишком поздно.

Упорно и методично мусульмане сжимали кольцо со всех сторон, нанося удары мечами и копьями. Груды римских тел начали нарастать на обильно политой кровью земле. Сначала римляне сражались с отвагой попавших в ловушку диких зверей, но чем больше их погибало, тем больше они погружались в отчаяние и безнадежность. Халид, разя своим мечом направо и налево, пробрался с небольшим отрядом в центр римского войска, и там он увидел Харбиса, который по-прежнему продолжал сражаться, не желая признать свое поражение. Халид рванулся к Харбису, но путь ему преградил огромный римский генерал. Римляне не знали, что даже в случае, если им удастся вырваться из этой ловушки, им некуда больше бежать. Мусульмане начали атаку на окруженных римлян, 500 всадников под командованием Mu'аза ибн Джабала галопом прискакала обратно в Эмессу, чтобы не дать ни одному римлянину вернуться в крепость. Когда эти всадники приблизились к Эмессе, перепуганные горожане и остатки римского гарнизона, которые не приняли участия в преследовании мусульман, поспешно укрылись в крепости и заперли за собой ворота. Mu'аз расставил своих людей у ворот, чтобы не допустить ни выхода римлян из Эмессы, ни возвращения римлян обратно в Эмессу. Теперь мусульманский лагерь был в безопасности.

Халид и генерал приняли боевую стойку. Очевидцы описывали этого генерала как человека, «ревевшего словно лев».²⁵⁸ Халид первым нанес удар, обрушив меч на защищенную тяжелым шлемом голову римлянина, однако шлем выстоял, а меч Халида разлетелся на части, и в руках у Халида осталась только его рукоять. Прежде чем римлянин успел нанести ответный удар, Халид рванулся к нему и схватился с

²⁵⁸ Вакиди: с. 104.

ним в рукопашном бою. Два гиганта сжали друг друга в смертельных объятиях, и тогда Халид сделал то, чего он никогда раньше не делал: он стал руками кушать римлянину ребра. Римлянин побагровел и не мог вздохнуть, задыхаясь в мертвой хватке Халида. Ставяясь поймать ртом воздух, римлянин неистово пытался освободиться от железных объятий Халида, но мусульманин лишь крепче сжал их. И вот ребра римлянина треснули, и их острые концы пронзили его собственную плоть. Когда тело римлянина застыло в неподвижности, Халид ослабил хватку и безжизненный труп рухнул на землю. Халид в буквальном смысле задушил противника голыми руками!²⁵⁹

Предлагая план ложного отступления, Халид пообещал Абу 'Убайде, что мусульмане «разорвут римлян на клочки и сломают им хребет». В этом они добились исключительных успехов. Источники указывают, что всего около сотни римлян смогли спастись бегством.²⁶⁰ С другой стороны, потери мусульман составили лишь 235 человек убитыми за все время операции против Эмессы, от начала осады до этого последнего сражения.

Как только бой завершился, мусульмане вернулись к Эмессе и возобновили осаду, но у тех, кто находился в крепости, больше не было сил сражаться. Местное население предложило сдать город на определенных условиях, и Абу 'Убайда принял предложение. Это случилось примерно в середине марта 635 г. (в начале месяца сафар, 15 г. хиджры). Население выплатило джизью из расчета 1 динар с человека, и в Эмессу вернулся мир. Городу не был нанесен ущерб, и мусульмане ничего в нем не разграбили.

Вскоре после капитуляции Эмессы мусульмане вновь двинулись на север, намереваясь на этот раз покорить всю Северную Сирию, в том числе Алеппо и Антиохию. Они прошли мимо Хамах и прибыли к Шайзару. Там Халид захватил римский обоз, везший продовольствие в Кинасарин и охранявшийся маленьким отрядом римлян. Пленников допросили, и сообщенные ими сведения изменили намерения мусульман.

Мусульмане разбили все войска, которые посыпал против них Ираклий, все армии, все отряды, посланные им на подмогу, все крепостные гарнизоны. Все склонились перед военным превосходством мусульманской армии. Однако то, что теперь задумал Ираклий, должно было стать настоящим смерчом, который, не прояви мусульмане осторожности, разметал бы их на части и отбросил назад, в Аравийскую пустыню.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

Глава 34

КАНУН ЙАРМУКА

Сирийский театр военных действий напоминал арену, на которую с I противоположных сторон выходили желающие принять участие в состязании. За каждым выходом на нее простиравось море, которое было привычной территорией для участника состязания, появлявшегося с его стороны. Западнее Сирии и Палестины лежали голубые просторы Средиземного моря, «Римского озера». К востоку и югу тянулась пустыня, на пространствах которой господином был один араб. Римляне могли свободно передвигаться по Средиземному морю на флотилиях кораблей, не встречая препятствий со стороны мусульман, а мусульмане с не меньшей свободой могли перемещаться по пустыне на своих кораблях пустыни, верблюдах, не встречая препятствий со стороны римлян. Мусульмане не могли пуститься в плавание по морю, но и римляне не могли вторгнуться в море песка. На общей арене оба соперника могли осуществлять любые маневры.

Таким образом, для каждого из соперников лучше всего было сражаться на арене, держась родной стороны, чтобы за спиной находилось родное пространство, которое могло стать безопасным путем отступления в случае неудачи, а в случае успеха можно было преследовать врага до тех пор, пока он не скроется в своей стихии. Однако это преимущество шло скорее на пользу мусульманам, чем римлянам, ибо мусульмане могли покинуть театр военных действий и отойти на край пустыни, не теряя ни лица, ни имущества, ни территории. Римляне не могли покинуть театр военных действий, поскольку таковым была их империя, которую необходимо было защищать. И стратегическое преимущество мусульман, заключавшееся в том, что они могли сражаться на их территории, не давало покоя Ираклию, когда он планировал следующую и самую крупную операцию в ходе этой кампании.

Ираклий взошел на престол в 610 г., когда дела в Восточной Римской империи находились в величайшем упадке, а сама империя была немногим больше территории вокруг Константинополя и частей Греции и Африки. Поначалу Ираклию пришлось проглотить немало горьких пилюль, однако затем фортуна улыбнулась ему и за почти два десятилетия ему удалось возродить империю во всем ее былом величии. Он разбил варваров на севере, кавказских турок и высокоцивилизованных персов империи Хусров; и добился он этого не

только в ходе тяжелых сражений, но также — и это было более важно — с помощью искусства стратегии и благодаря великолепной организации. Ираклий был стратегом до мозга костей, и только его организаторские способности позволили римлянам создать и отправить на бой обширную, но единую имперскую армию, в которой служили представители более дюжины народов, от франков из Западной Европы до армян с Южного Кавказа.

И вот Ираклию опять пришлось глотать горькие пиллюли, и эти пилюли становились еще горьше от того, что их преподносило ему племя, к которому византийцы относились с насмешкой и которое презирали и считали слишком отсталым и слишком ничтожным, чтобы оно могло представлять хоть какую-то угрозу империи. Все маневры против мусульман, безупречные в стратегическом плане, завершились поражением. Первое римское войско, сосредоточенное в Аджнадайне, откуда оно должно было ударить в тыл мусульманам, было уничтожено Халидом во время первой битвы при Аджнадайне. Попытка Ираклия ограничить успехи мусульман за счет стойкой обороны Дамаска провалилась несмотря на все старания прислать подкрепление осажденному гарнизону. Его следующий наступательный маневр, концентрация новой армии в Байсане, откуда она вновь должна была ударить в тыл противнику, также провалился, а его войско было перебито Шурахбilem. После этого Абу 'Убайда и Халид не только блокировали попытку Ираклия вернуть себе Дамаск, они, несмотря на все его оборонительные меры, одерживали все новые и новые победы и освободили от римлян почти всю Палестину и Сирию до самой Эмессы на севере.

В качестве возмездия Ираклий решил нанести массированный и неотразимый удар. Он намеревался собрать такую армию, какой еще в Сирии не видывали, и эта армия даст такой бой мусульманам, что мало кто из них вырвется из тисков, если вообще кому-то удастся из них вырваться. Тем самым предстояло обратить поражение в славное торжество.

В конце 635 г., когда Эмесса находилась в осаде, Ираклий начал готовиться к задуманному великому маневру. Из всех частей империи шли целые корпуса, а к ним присоединялись принцы и аристократы, а также высокопоставленные служители церкви. К маю 636 г. в районе Антиохии и Северной Сирии собралась 150-тысячная хорошо вооруженная армия. Эта могучая сила включала в себя отряды славян, франков, римлян, греков, грузин, армян и арабов-христиан.¹ Все христианские народы, проживавшие на территории Византийской империи, прислали своих воинов в эту новую армию, чтобы сражаться

с мусульманами в духе Крестового похода. Войско было разделено на пять армий, в каждой из которых было примерно по 30 ООО воинов. Командующими этих армий были армянский царь Махан, славянин Канатир, Григорий, Дайрджан и Джабала ибн ал-Айхам, царь арабов-гассанидов. Махан²⁶¹ командовал армией, состоявшей исключительно из армян; под командованием Джабалы находились одни только арабы-христиане, а Канатир командовал всеми русскими и славянами. Остальные отряды (все европейские) были подчинены Григорию и Дайрджану.²⁶² Махан были назначены главнокомандующими всей имперской армии.

Мусульмане были разделены на четыре группы: 'Амр ибн ал-'Ас действовал в Палестине, Шурахбиль — в Иордании, Йазид — в Кайсарии, а Абу 'Убайда и Халид — в Эмессе и к северу от нее. В результате такой разбросанности мусульмане были настолько уязвимы, что каждый их отряд можно было атаковать по очереди, не оставляя им ни малейшего шанса на победу в сражении. И Ираклий учел эту ситуацию, когда приводил свой план в действие.

В Кайсарию морем были переброшены дополнительные войска, и ее гарнизон составили 40 000 человек. Этой группе предстояло связать руки Йазиду и его корпусу, осаждавшему город, чтобы они не могли пойти на соединение со своими товарищами. Остальная часть имперской армии должна была действовать по следующему плану.

А. Канатир должен был пройти вдоль моря до Бейрута, а затем выйти с запада к Дамаску и отрезать Абу 'Убайде.

Б. Джабала должен был выступить из Алеппо и направиться прямо к Эмессе через Хамах и удержать мусульман в районе Эмессы. Арабам-христианам предстояло первыми вступить в лобовой бой с арабами-мусульманами, и это, вероятно, было в порядке вещей. Как Ираклий сказал Джабале: «Все разрушается подобным, и сталь может разрезать только сталь».

В. Дайрджан должен был пройти между побережьем и дорогой на Алеппо и подойти к Эмессе с запада, ударив мусульманам во фланг, тогда как Джабла будет бить их в лоб.

Г. Григорию надлежало наступать на Эмессу с северо-востока и ударить мусульманам в правые фланги одновременно с частями, возглавляемыми Дайрджаном.

Д. Армия Махана должна наступать вслед за арабами-христианами и использоваться в качестве резерва.

²⁶¹ Имя этого монарха также приводится как Бахан и Ваган.

²⁶² Вакиди: с. 106.

Благодаря этому мусульманская армия должна была быть уничтожена войском, имевшим чуть ли не десятикратное численное преимущество и атаковавшим со всех сторон, перерезая мусульманам все пути к спасению. (См. карту 19.) Против такого не смог бы выстоять даже Халид! После уничтожения мусульман под Эмессой имперская армия должна была идти на юг, а со стороны побережья должен был наступать кесарийский гарнизон; и за несколько сражений римские армии должны были перебить все мусульманские корпуса по очереди, обрушившись на каждый из них превосходящими силами.

По всей империи прошли особые молебны о победе имперской армии. Полководцы и епископы вдохновляли воинов идти и сражаться за веру и спасать свою страну и народ от пришлых завоевателей. И, согласно этому великолепному плану, в середине июня 636 г. имперская армия выступила из Антиохии и Северной Сирии.

Когда первые отряды армии Джабалы прибыли к Эмессе, мусульман там не было. Армия Канатира вышла к Дамаску с запада, радостно предвкушая погибель мусульман, оказавшихся в Дамаске и на севере как в ловушке. Однако ни в Дамаске, ни на севере не оказалось ни одного мусульманского воина. Птички улетели!

Мусульмане впервые услышали о приготовлениях Ираклия от римских военнопленных в Шайзаре. Мусульмане организовали в стране великолепную агентурную сеть, и от них не укрывалось ни одно крупное передвижение армии противника, ни одна попытка концентрации его войск. Дни складывались в недели, и поставляемая агентами информация складывалась в единое мозаичное полотно, и римляне еще не успели начать операцию, как мусульмане уже узнали о ней и о тех направлениях, в которых будут перемещаться войска. Было известно даже о подкреплении, полученном Кайсарией, и о его численности.

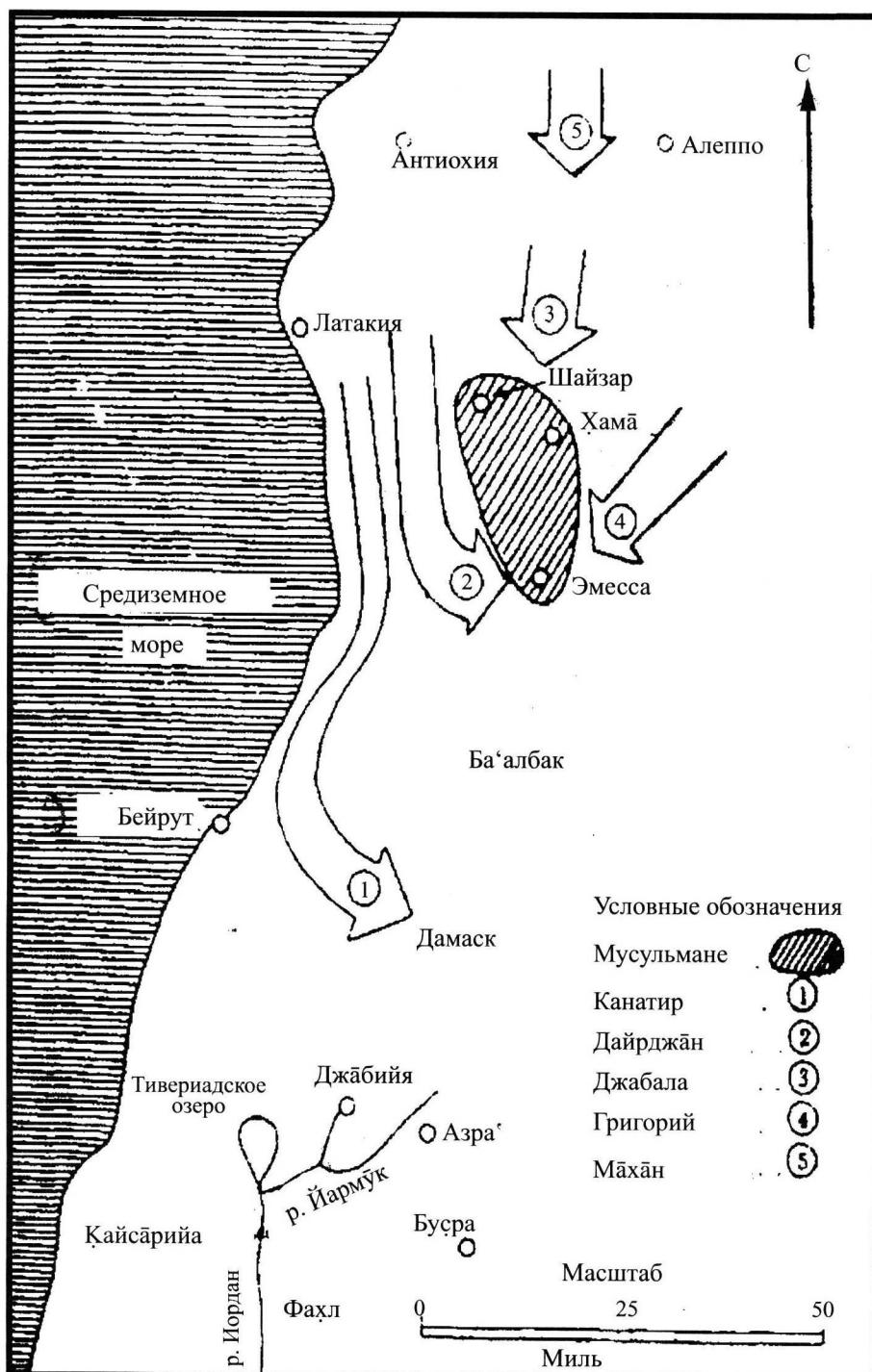
Мусульмане были ошарашены полученными донесениями, каждое из которых было тревожнее предыдущего. Между тем Халид с его безошибочным стратегическим чутьем сразу же разгадал замысел Ираклия и понял, в каком отчаянно уязвимом положении находилась мусульманская армия в Эмессе и Шайзаре. Самым разумным было отвести войска из Северной и Центральной Сирии, а также из Палестины и сосредоточить всю армию с тем, чтобы можно было совместно противостоять римскому Голиафу, да еще предпочтительнее поближе к дружественной пустыне. Халид дал соответствующий совет Абу 'Убайде, и главнокомандующий принял его предложение. Он приказал отводить армию к Джабийе, стоявшей на пересечении дорог, ведущих в Сирию, Иордан, Палестину. Более

того, воспользовавшись своими полномочиями главнокомандующего армией в Сирии, Абу 'Убайда приказал Шурахбильу, Йазиду и 'Амру ибн ал-'Асу оставить занятые ими территории и присоединиться к нему в Джабийе. Таким образом, до того как римляне подошли к Дамаску, Абу 'Убайда и Халид с частью корпуса Иазида уже находились в Джабийе, а другие корпуса шли на соединение с ними. Они благополучно выбрались из когтей смерти.

Исключительно великодушное отношение к населению Эмессы, проявленное Абу' Убайдой при уходе мусульман из города, позволяет оценить те чувство справедливости и праведность, которые были свойственны этому отважному и благородному полководцу. После завоевания Эмессы мусульмане собрали джизью с местного населения. Этот налог, как указывалось выше, взимался с немусульман в обмен на освобождение их от военной службы и их защиту от врагов. Однако поскольку мусульмане оставляли город и не могли больше защищать его, Абу 'Убайда созвал народное собрание и вернул все деньги, собранные в качестве джизьи. «Мы не можем помогать вам и защищать вас, — сказал Абу 'Убайда. — Теперь вам предстоит позаботиться об этом самостоятельно». На это люди ответили: «Твоя власть и справедливость нам дороже, чем угнетение и жестокость, которым мы повергались прежде».²⁶³ Эмесские иудеи оказались наиболее последовательными в своих дружеских симпатиях и поклялись, что офицеры Ираклия не войдут в город иначе как силой. Более того, не довольствуясь осуществлением справедливости в том, что касалось джизьи в его провинции, Абу 'Убайда написал другим командирам корпусов в Сирии, чтобы и они вернули джизью уплатившим ее людям, и каждый из командиров поступил таким образом, прежде чем выступить на соединение с Абу 'Убайдой в Джабийе.²⁶⁴ Никогда прежде

²⁶³ Балазури: с. 143.

²⁶⁴ Абу Йусуф: с. 139.

Карта 19. Римское наступление до Йармұка

не происходило такого необычного и добровольного возврата армией-победительницей того, что она получила по взаимной договоренности. И впоследствии такого тоже не случалось.

В середине июля 636 г. передовые части имперской армии, состоявшие из арабов-христиан, натолкнулись на мусульманские кордоны между Дамаском и Джабией. Теперь Абу 'Убайда был не на шутку встревожен. Битва была неизбежной, и эта битва должна была решить судьбу мусульман в Сирии. Численность врага, которая, по оценкам мусульман, составляла около 200 000 человек, казалась чудовищным ночным кошмаром. Абу 'Убайда беспокоился не за себя, но за мусульманскую армию и за дело мусульман. Он созвал военный совет, чтобы кратко проинформировать офицеров о состоянии неприятеля и выслушать их соображения.

Офицеры сидели безмолвно, подавленные открывшейся перед ними ужасной перспективой. Кто-то высказался за отступление на Аравийский полуостров, где армия могла бы выждать, пока римская буря не пройдет стороной, а затем вновь вернуться в Сирию, однако это предложение было отвергнуто как равносильное тому, чтобы отказаться от всех мусульманских достижений в Сирии и променять хорошую жизнь в этой стране на страдания и голод, неизбежные при жизни в пустыне. Другие высказались в пользу сражения «здесь и сейчас», полагаясь на то, что Аллах дарует им победу, и большинство из собравшихся офицеров поддержали это предложение. Впрочем, настроение у участников совета было вовсе не радужное, они были исполнены мрачной решимости сражаться и, если потребуется, погибнуть сражаясь.

В течение всей дискуссии Халид хранил молчание. Затем Абу 'Убайда обратился к нему и сказал:

— О Отец Сулайман! Ты — человек отважный, решительный и рассудительный. Что ты думаешь по этому поводу?

— Они говорят хорошие слова, — сказал Халид. — Я придерживаюсь иных взглядов, но не стану перечить мусульманам.

— Если ты думаешь иначе, то скажи об этом, — сказал Абу 'Убайда, — и мы поступим так, как ты скажешь.

И тогда Халид изложил свой план:

— Знай, о Полководец, что, оставшись в этом месте, ты поможешь врагу победить себя. В Кайсарийи, которая находится неподалеку от Джабии, стоят 40 000 римлян под командованием Константина, сына Ираклия.²⁶⁵ Советую тебе уйти отсюда и встать так, чтобы у тебя за

²⁶⁵ Согласно Гиббону (т. 5, с. 333), Константин, командовавший войсками в Кайсарийи, был старшим сыном Ираклия.

спиной была Азра', а ты стоял бы на Йармуке. Так халифу будет легче присыпать нам подкрепление, а перед тобой будет большая равнина,²⁶⁶ пригодная для кавалерийских атак.

Возможно, Халид выразился несколько иначе, однако смысл его слов заключался в том, что Константин, наступая со стороны Кайсарии, мог ударить в тыл стоящим в Джабийе мусульманам, когда те ждали удара имперской армии с севера. План был одобрен единодушно и приведен в исполнение. Халида с 4000 всадниками Мобильной Гвардии оставили в арьергарде, и, вместо того чтобы оставаться в Джабийе, он выехал вперед и столкнулся с передовыми отрядами римской армии. Халид ударили в голову римской колонны и заставил ее отступить к Дамаску. Это вынудило римлян действовать более осмотрительно, и с этого момента они не пытались препятствовать отходу мусульман. Несколько дней спустя Халид присоединился к основной части мусульманской армии.

* * *

Пройдя несколько дней в юго-восточном направлении, мусульмане разбили линию лагерей на том месте, которое мы, за неимением лучшего названия, будем называть Равниной Йармука. Неизвестно, где именно находились эти лагеря, однако, вероятно, они располагались южнее современной линии Нава — Шайх Мискин и были развернуты в северо-западном направлении, чтобы мусульмане имели возможность отразить римское нападение и с севера (по оси Джабии), и с северо-запада (со стороны Кунаитиры). Там к Абу 'Убайде присоединились корпуса Шурахбила, 'Амра ибн ал-'Аса и Иазида. На некотором расстоянии к востоку от мусульманских позиций поднимались лавовые горы, тянущиеся с севера на восток от Азра', а также горы Джабал ад-Друз, проходящие севернее и восточнее Буеры.

Через несколько дней прибыла римская армия с легковооруженными арабами-христианами Джабалы во главе, последние обнаружили мусульманские форпосты на Равнине Йармука. Источники не описывают точный маршрут движения римской армии, однако почти с уверенностью можно сказать, что она пришла с северо-запада, потому что римляне разбили лагеря чуть севернее Вади ар-Ракгад. (Возможно, римляне изменили направление движения под влиянием столкновения с Халидом на джабийском направлении.) Римский лагерь имел 18 миль в длину, а между ним и мусульманским

²⁶⁶ Вакиди: с. 109.

лагерем находились центральная и западно-центральная части Равнины Йармук. После того как прибывшие римляне развернули свои лагеря, стало очевидно, с какого направления они собираются идти в наступление, и Абу 'Убайда перенес мусульманские лагеря таким образом, чтобы они тянулись вдоль линии сражения от реки Йармук до Джабийской дороги. Именно это и советовал сделать Халид: встать так, чтобы в тылу у мусульман была Азра', а фланг упирался в Йармук.

Обе армии обосновались в своих лагерях и принялись готовиться к сражению: производили рекогносцировку на местности, отрабатывали планы, раздавали приказы, проверяли боевое снаряжение и так далее. Римляне казались мусульманам полчищами саранчи.

Не успели римляне разбить лагерь, как прибыл гонец от Ираклия с инструкциями для главнокомандующего, Махана-армянина, запрещавшими начинать военные действия до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности мирных переговоров. Махан должен был предложить мусульманам великодушные условия, если они согласятся уйти на Аравийский полуостров и не возвращаться. Итак, Махан отрядил на переговоры с мусульманами одного из командующих армиями, Григория. Григорий на коне подъехал к мусульманскому лагерю, и перед ним состоялась его беседа с Абу 'Убайдой. Римлянин предлагал мусульманам уйти с миром, забрав с собой все, что они захватили в Сирии, если они откажутся от нового вторжения в Сирию. Абу 'Убайда ответил отрицательно, и римлянин вернулся с пустыми руками.

Махан отправил Джабалу, надеясь, что он, как араб, достигнет большего на переговорах с мусульманами, уговорив их мирно уйти из Сирии. Джабла изо всех сил старался уговорить мусульман, но и он, как Григорий, вернулся ни с чем.

Теперь Махану стало очевидно, что сражение неизбежно и ничто на свете не сможет его предотвратить. Поэтому он отдал Джабале приказ идти вперед с основными силами его арабской армии и провести пробную атаку на мусульман. Это была не столько атака, сколько разведка боем, задача которой состояла в том, чтобы проверить прочность мусульманского фронта. Для подобной операции мобильные арабы-христиане подходили намного больше, чем их более тяжело вооруженные товарищи по имперской армии. Это произошло где-то в конце июля 636 г. (в середине месяца джумада-л-ахира 15 г. хиджры).

Проехав вперед, Джабала и его арабы увидели, что мусульмане встречают их, развернувшись в полном боевом порядке. Христианин

начал медленно приближаться к ним, стараясь как можно больше сократить разделявшее их расстояние, прежде чем отдать приказ об общем наступлении, однако до того как Джабала успел отдать соответствующий приказ, он увидел, что его самого атакуют мощные отряды мусульманской конницы под командованием Меча Аллаха. Оказав им вялое сопротивление, арабы-христиане отступили, лишь укрепив опасения Махана относительно того, что сражение с этими мусульманами будет делом не из легких.

Затем на равнине Йармука в течение почти целого месяца не происходило никаких заметных событий. Причина этого бездействия неизвестна. Мы можем лишь догадываться, что у мусульман было недостаточно сил, чтобы первыми перейти в наступление, а римлянам не хватало смелости сделать первый шаг. Впрочем, такая передышка пошла на пользу мусульманам, так как за это время к ним подошло пополнение в размере 6000 воинов, в основном из Йемена. Теперь у мусульман была 40-тысячная армия, в которой было 1 000 сподвижников Пророка, среди которых, в свою очередь, было 100 ветеранов битвы при Бадре, первого сражения в истории Ислама. В армию вошли лица, имевшие высочайший статус, например, Зубайр (двоюродный брат Пророка и один из Благословенной Десятки), Абу Суфьян и его жена Хинд.

Когда после отбитой атаки Джабалы прошел месяц, Махан почувствовал, что у него достаточно сил, чтобы перейти в наступление, но решил еще раз попытаться договориться о мире. На этот раз Махан решил лично участвовать в переговорах. Он попросил, чтобы ему в штаб прислали мусульманского посла, и в ответ на его предложение Абу 'Убайда направил к нему Халида в сопровождении небольшого отряда. Халид и Махан встретились в римском лагере, но из переговоров ничего не вышло, так как обе стороны слишком твердо стояли на своем, не желая идти на уступки. Махан угрожал Халиду своей огромной армией и предлагал огромные денежные суммы всем, включая мединского халифа, однако это не произвело ни малейшего впечатления на Халида, который предложил на выбор Ислам, джизью или меч. Армянин предпочел последний. Впрочем, скорее всего в результате этих переговоров у полководцев сложилось благоприятное впечатление друг о друге и мусульмане начали воспринимать Махана как славного человека, за исключением того, что, по словам Абу 'Убайды, «Сатана овладел его разумом»!¹

Расставаясь, вожди понимали, что с этого момента переговоров больше не будет. Точка возврата была пройдена, и на следующий день должно было состояться сражение.

Остаток дня прошел в лихорадочных приготовлениях. Обе стороны готовились к сражению. Принимались окончательные планы, издавались приказы. Корпуса и полки расставлялись на позиции, чтобы каждый знал свое место в предстоящей битве. Офицеры и воины проверяли свое оружие и доспехи.

Обе стороны горячо молились о победе, умоляя Бога о поддержке «истинной веры», и, разумеется, молитвы эти были обращены к одному и тому же Богу! В римском лагере священники размахивали крестами и заклинали воинов умереть за Иисуса. Десятки тысяч христиан дали обет умереть, но не дрогнуть перед врагом. Многие из них сдержали свою клятву.

Поле боя, раскинувшееся между двумя лагерями, представляло собой Равнину Йармука, по западной и южной оконечностям которой проходили глубокие ущелья. На западе зиял Вади ар-Ракгад, соединявшийся с рекой Йармук близ Йакусы. Этот ручей бежал с северо-востока на юго-запад на протяжении 11 миль по глубокому ущелью с очень крутыми берегами, которые понижались к его верхнему концу.

В нескольких местах можно было перебраться через это ущелье, однако основная переправа была только одна, в районе брода, где в настоящее время находится деревня Кафир ал-Ма'. Южнее поля боя проходил каньон реки Йармук, начинавшийся у Джаллина и петлявший на протяжении 15 миль, если считать по прямой, до слияния с Вади ар-Ракгад, после которого он продолжал свой путь до впадения в реку Иордан южнее Тивериадского озера (Галилейского моря). В Джаллине в него впадал ручей Харир, бежавший с северо-востока, образовывая реку Йармук. На севере равнина тянулась дальше, за пределами поля боя, а на востоке она простиралась на расстоянии около 30 миль между Вади ар-Ракгад и подножьями холмов Азра'. Западная и центральная части этой равнины стали полем боя.

Самой важной чертой поля боя было наличие на нем двух ущелий — Вади ар-Ракгад и реки Йармук. Берега обоих достигали высоты 1000 футов, и если крутизна берегов была достаточным препятствием для преодоления ущелий, то обрывы на большей части их протяженности делали их еще более опасными. Эти обрывы иногда находились в нижней части ущелья, иногда — в верхней, иногда — в средней, образуя вертикальные стены высотой от 100 до 200 футов. Близ соединения двух ущелий берега становились еще отвеснее, а обрывы — выше, представляя собой страшную преграду для тех, кому предстояло в спешке переправляться через ущелья.

Единственным доминирующим тактическим объектом на равнине Йармука была возвышенность, называемая на картах горой Саман и расположенная в 3 милях к юго-западу от современной деревни Нава. К северо-западу от Навы также находилась гора Джабийа, но она лежала за пределами поля боя и не сыграла никакой роли в ходе сражения. Гора Саман высотой 300 футов так возвышалась над окружающей местностью и открывала такой вид на всю равнину, что ни один генерал не преминул бы занять ее, если бы ему пришлось первым расставлять войска по боевым позициям на этой части равнины. В результате сражения гора стала именоваться горой Джуму' (Собрания), потому что на ней сосредоточилась часть мусульманской армии. Другой возвышенности на равнине Йармука не было.

Сама по себе равнина была довольно плоской, плавно сбегая с севера на юг, хотя на ней и были кое-какие неровности. Важной тактической чертой местности был ручей 'Аллан, пробегавший по равнине в южном направлении до впадения в Йармук. На протяжении последних 5 миль своего пути этот ручей также образовывал ущелье с крутыми берегами, которое, однако, не было таким серьезным препятствием, как более крупные ущелья. Поле боя было идеальным для пехотных и кавалерийских маневров и, не считая южной части 'Аллана, не содержало препятствий для передвижения.

Махан расставил свои войска так, чтобы 'Аллан был у них за спиной. Линию фронта образовывали четыре регулярные армии, и эта линия тянулась на 12 миль, от Йармука на юге до горы Джабийа.²⁶⁷ На правом фланге он поставил армию Григория, а на левом — армию Канатира. Центр образовывали армия Дайрджана и армянская армия Махана, которые находились под командованием Дайрджана. Римская регулярная кавалерия была равномерно распределена между четырьмя армиями, и если пехота каждой армии стояла на передовой, то кавалерия находилась в тылу в качестве резерва. Перед линией фронта, вдоль всего 12-мильного переднего края, Махан расставил арабскую христианскую армию Джабалы, все бойцы которой сидели в седлах — кто на конях, кто на верблюдах. Эта армия играла роль заслона и форпоста и не должна была участвовать в серьезном сражении, если бы только не присоединилась к армии, перед которой она была выставлена.

²⁶⁷ С точки зрения современной географии, римская линия начиналась примерно в 2 милях западнее Навы и тянулась на юг — юго-восток, приближаясь с запада к самому Тасилу, а затем, через Сахм ал-Джавлан к берегу Йармука перед Хитом. Разумеется, вероятнее всего, в те времена этих деревень не было, поскольку в повествованиях об этом сражении о них не упоминается.

Армия Григория, образовывавшая правый фланг, использовала цепи, которыми сковали себя 30 000 пехотинцев.²⁶⁸ Каждая цепь сковывала по 10 человек и использовалась как символ непоколебимого мужества тех, кто таким образом демонстрировал готовность умереть не сойдя с места. Цепи также играли роль барьера, не позволявшего коннице прорваться в расположение армии (об этом рассказывалось в главе, посвященной битве Цепей). И все эти 30 000 пехотинцев поклялись стоять насмерть.

Несмотря на то что имперская армия выстроила передний край примерно такой же длины, что и передний край мусульман, у нее было преимущество в виде четырехкратного превосходства в живой силе, и Махан использовал это численное преимущество, выставив целую армию (армию Джаблы) в качестве заслона, а также создав гораздо более глубокую сплошную линию из ровно расставленных формирований. Глубина римских рядов составляла 30 человек.

Такова была великолепная армия Кесаря, построенная к бою.

Когда Халид вернулся с переговоров с Маханом, он сообщил Абу 'Убайде и другим полководцам, что переговоров больше не будет, дело будет решаться мечом и битва начнется на следующий день. Абу 'Убайда воспринял новость со своей обычной стоической готовностью склониться перед волей Бога. Как главнокомандующему, ему предстояло построить армию для сражения и проводить операцию в соответствии с тактическими решениями. Однако Абу 'Убайда не был большим знатоком военного искусства, и он это осознавал. Это понимали и Халид, и большинство офицеров его армии. Абу 'Убайда будет руководить боем с точки зрения здравого смысла, реагируя на меняющиеся тактические ситуации, как и положено хорошему, уравновешенному полководцу, каким он и являлся. Однако перед лицом врага, обладавшего четырехкратным превосходством в живой силе, уравновешенности и здравомыслия было мало. Для такого сражения требовались большие полководческие таланты, и Халид решил предложить свои услуги, чтобы в этом бою выступить в качестве подлинного полководца.

«О Полководец, — сказал Халид Абу 'Убайде, — пошли за командирами полков и скажи им, чтобы они выслушали то, что я им скажу».²⁶⁹

²⁶⁸ Так же упоминается о том, что здесь находился глубокий ров; однако я не могу определить, где он находился, и не вижу его значения, поскольку римляне стояли перед ним, а не за ним. Возможно, это была мера, призванная не допустить отступления.

²⁶⁹ Вакиди: с. 129.

Абу 'Убайда понял, в чем дело. О большем он и мечтать не мог. Он немедленно отправил офицера, чтобы пригласить к себе в штаб всех командиров корпусов и полков, и офицер обхажал всех командиров, сообщая им: «Абу 'Убайда велит передать вам, чтобы вы слушали все, что говорит вам Халид, и выполняли его приказания».²⁷⁰ Офицеры поняли, что означало это сообщение, и собрались в штабе, чтобы получить приказы

Халида. Так командование армией было тактично передано Халиду, и все были довольны такой переменой.

Абу 'Убайда оставался номинальным главнокомандующим и даже больше чем главнокомандующим. Он продолжал заниматься административными делами, возглавлял молитвы и следил за многими другими делами, находящимися в компетенции главнокомандующего. Абу 'Убайда также отдавал некоторые приказы, если они не противоречили планам и приказам Халида. Однако в бою командовать мусульманской армией в Сирии теперь должен был Халид, и он должен был командовать ею до конца сражения.

Халид немедленно приступил к реорганизации армии, чтобы в каждом корпусе были и пехота, и кавалерия. В армии было 40 000 бойцов, из которых примерно 10 000 составляли кавалеристы. Теперь Халид разделил это войско на 36 пехотных полков по 800-900 человек каждый,

3 кавалерийских полка по 2000 всадников в каждом и Мобильную Гвардию из 4000 всадников. Командирами кавалерийских полков были назначены Кайс ибн Хубайра, Майсара ибн Масрук и Амир ибн Туфайл. В каждом из 4 корпусов было по 9 пехотных полков, построенных по принципу принадлежности воинов к племени или клану, так что любой воин должен был сражаться рядом с теми, кого он хорошо знал. Значительная часть иракского корпуса Халида оказалась распределена по другим

4 корпусам, но лучшие бойцы остались с ним как Мобильная Гвардия.

Армия была построена вдоль линии длиной 11 миль, что приблизительно было равно длине передней линии римлян. Левый фланг армии упирался в реку Йармук, в милю от места ниже по течению, где начиналось ущелье, а правый фланг упирался в Джабийскую дорогу. Слева стоял корпус Йазида, а справа — корпус 'Амра ибн ал-'Аса, и каждому из командиров этих фланговых корпусов было придано по кавалерийскому полку. Центр образовывали корпуса Абу 'Убайды

²⁷⁰ С точки зрения современной географии, линия мусульман начиналась примерно в миле западнее Навы и тянулась на юг — юго-запад до горы Джуму'a, переваливала через нее и шла дальше между Таислом и 'Адвоном, а затем между Сахм ал-Джавланом и Джальлином, завершаясь у Йармука.

(слева) и Шурахбила (справа). Среди полковых командиров Абу 'Убайды были 'Икрима ибн Абу Джахл и 'Абд ар-Рахман ибн Халид. За центром стояли Мобильная Гвардия и один кавалерийский полк, игравшие роль центрального резерва, который мог быть использован по усмотрению Халида. Всякий раз, когда Халид был занят ходом сражения в целом, командование Мобильной Гвардией должно было переходить к Диару. Каждый корпус выставил вперед линию разведчиков, которые должны были наблюдать за римлянами. (Расположение армий показано на карте 20.)

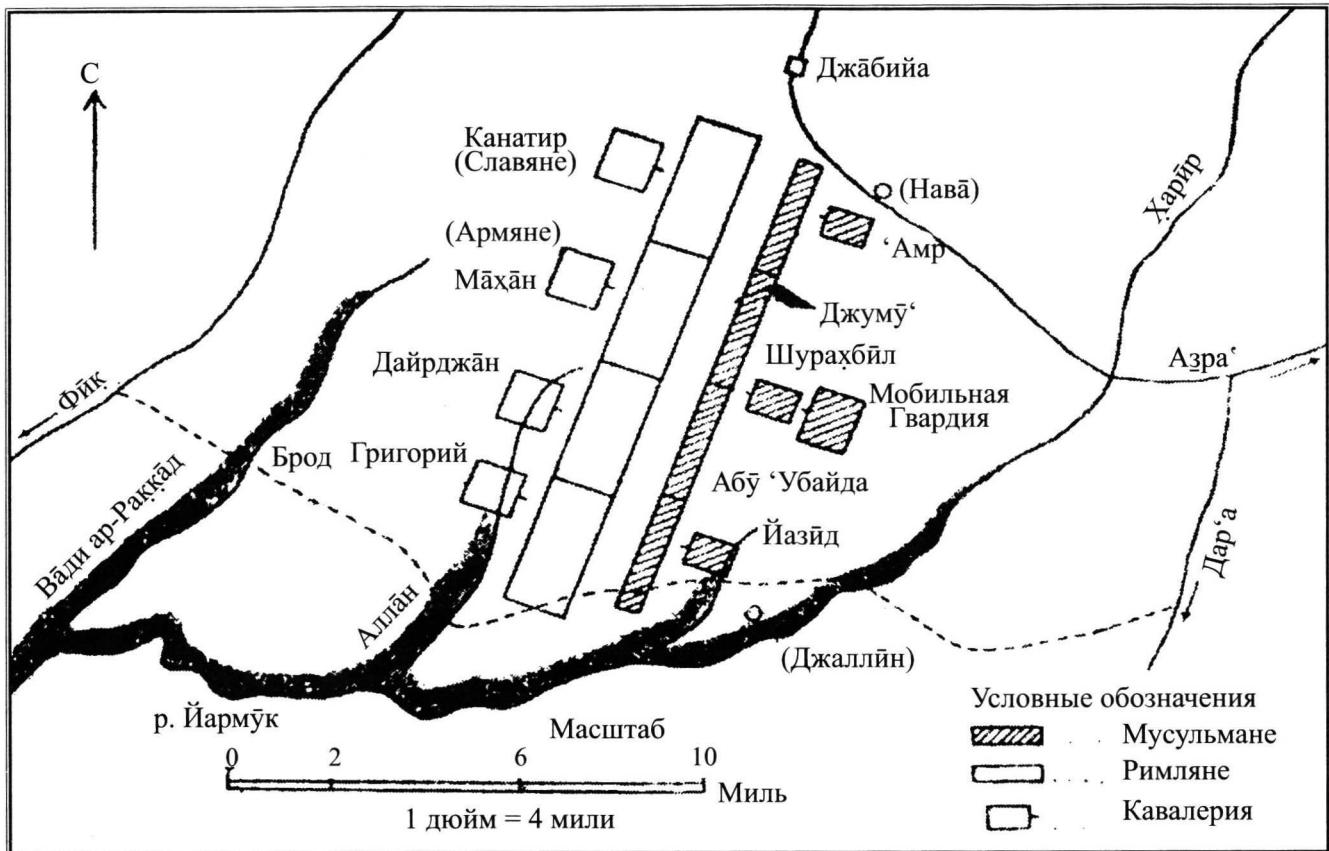
По сравнению с римской армией, линия, образованная мусульманской армией, казалась тонкой, ее глубина равнялась всего трем рядам, однако в рядах не было пустот и они непрерывной линией тянулись от фланга до фланга. Все имевшиеся у армии копья были переданы бойцам первой линии, и в бою эти воины должны были стоять с длинными копьями наготове, не давая атакующим вступать в рукопашную, не отведав сначала остроты грозных наконечников. Лучники, в основном юеменцы, были расставлены группами в первом ряду. При первом приближении врага лучники должны были начать обстрел и уложить как можно больше римлян. Вступающих в бой с мусульманами следовало разить копьями, а уж потом пускать в ход мечи.

Корпуса на фланге должны были использовать собственные кавалерийские полки как резерв, чтобы восстанавливать свои позиции в случае, если римляне отбросят их назад. Халид со своей Мобильной Гвардией и одним кавалерийским полком должен был служить местным резервом для двух центральных полков, а также выступать в качестве общевойскового резерва, чтобы, в случае необходимости, вмешиваться в бой и на флангах.

Что касается флангов, то расположение обеих армий было одинаковым. У каждой южный фланг находился у Йармука, и его невозможно было опрокинуть ударом сбоку. Северные фланги обеих армий были открыты, и с этой стороны возможны были обходные маневры. Разница в расположении двух армий заключалась в том, что находилось у них в тылах. За мусульманами расстипалась восточная часть Равнины Йармука, за которой поднимались зубчатые горы Азра' и Джабал ад-Друз, и мусульмане, в случае неблагоприятного исхода сражения, могли спокойно отступить в этот регион и стать неуязвимыми. Между тем за частью римских позиций находилось опасное ущелье Вади ар-Раккад, глубокое, с обрывистыми склонами. Это было хорошо для того, чтобы отбить желание отступать и, возможно, побудить римлян сражаться более яростно, однако если бы

сражение сложилось не в пользу римлян и они оказались бы отрезанными от северного пути отступления, ущелье могло бы стать для них погибелью. Из-за него римские воины могли оказаться в ловушке. Впрочем, римляне не собирались проигрывать это сражение.

Топографическая ситуация была крайне важна для Халида при выработке плана сражения. Сначала мусульмане должны были оборооняться, отбивать натиск римлян до тех пор, пока он не станет слабее и враг не устанет. Затем мусульманам следовало перейти в наступление и отеснить римлян к Вади ар-Раккад. Ужасное ущелье должно было стать наковальней, на которую опустится мусульманский молот, стирая в порошок римскую армию! По крайней мере так задумал Халид!

Карта 20. Расположение войск при Йармӯке

Женщин и детей разместили в лагерях, вытянутых в линию в тылу у армии. За спиной у воинов каждого полка находились их женщины и дети. Абу 'Убайда прошел по лагерям, обращаясь к женщинам с такими словами: «Возьмите в руки шесты от шатров и соберите груды камней. Если мы победим, все будет хорошо. Однако если вы увидите, что кто-то из мусульман бежит с поля боя, бейте его шестами в лицо, забрасывайте камнями, показывайте ему его детей и говорите ему, что он должен сражаться за жену, детей и Ислам». Женщины подготовили все, как им было сказано.

По мере того как армия занимала боевые позиции, Халид, Абу 'Убайда и другие генералы обхаживали полки и разговаривали с офицерами и рядовыми бойцами. Халид перед каждым полком произнес одну и ту же речь: «О воины Ислама! Настало время проявить стойкость. Слабость и трусость ведут к бесчестию, а тот, кто стоек, заслуживает помощи Аллаха. Тот, кто проявляет стойкость под ударами меча, будет восславлен, и его труды будут вознаграждены, когда он предстанет перед Господом. Воистину, Аллах любит стойких!»²⁷¹

Когда Халид проезжал мимо одного из полков, молодой человек из числа солдат заметил: «Римлян так много, а нас так мало!» Халид повернулся к нему и сказал: «Как мало римлян и как много нас! Сила армии — не в числе воинов, но в помощи Аллаха, а ее слабость — в забвении Аллаха».²⁷²

Другие военачальники и старейшины, вдохновляя людей на бой, цитировали аяты Корана, чаще других повторяя: «Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с доизволения Аллаха! Поистине, Аллах — с терпеливыми»²⁷³. Они говорили о геенне огненной и о райском блаженстве и приводили в пример то, как вел себя в сражениях Святой Пророк. Они также в меру напоминали воинам о том, как голодно жить в пустыне и как хороша жизнь в Сирии!

Следующая ночь выдалась жаркой и душной. Шла третья неделя августа 636 г. (вторая неделя месяца раджаб, 15 г. хиджры).²⁷⁴ Мусульмане провели всю ночь в молитвах и чтении Корана, напоминая друг другу о двух благодатях, которые ждали их впереди: либо победе и жизни, либо мученической смерти и рае. После Бадра

²⁷¹ Там же: с. 137.

²⁷² Ат-Табари: т. 2, с. 594.

²⁷³ Коран: 2:249.

²⁷⁴ О дате этого сражения в источниках говорится только то, что оно состоялось в месяц раджаб, 15 г. хиджры. Мое уточнение относительно недели, в которую началось сражение, основывается на расчетах, опирающихся на датировку более ранних событий, о которых говорится в данной главе.

Святой Пророк ввел традицию читать перед боем главу Корана «ал-Анфал», и в ту ночь повсюду, где только ни сидели мусульмане, поодиночке или группами, были слышны аяты из этой главы.

В обоих лагерях всю ночь весело полыхали костры, которые за многие мили казались мерцающими звездами, спустившимися с небес на землю. Но на сердцах тех, кто сидели вокруг этих костров, было нерадостно. Мысль об испытании, которое предстояло им назавтра, отгоняла всякую радость. Они были отважными воинами, эти солдаты, ждавшие завтрашнего дня, римляне и арабы, европейцы и азиаты, христиане и мусульмане. Они были львами, орлами и волками. Однако они были обычными людьми и думали о своих женах и детях, с которыми через несколько часов им предстояло проститься, быть может, навсегда.

Таков был канун Йармука... величайшей битвы века... одного из самых решающих сражений в истории... и, возможно, самой гигантской схватки за всю историю средневековых войн.

Глава 35

ЙАРМУК

На заре мусульманские корпуса построились на молитву под руководством своих командиров. Как только молитвы были завершены, каждый воин быстро встал на отведенное ему место. К восходу солнца обе армии стояли в боевых порядках лицом друг к другу, а между ними находилась центральная часть Равнины Йармука, разделяя их менее чем на одну милю.

Армии стояли почти неподвижно, стараясь не нарушать тишину. Воины понимали, что им предстоит сражаться до конца, что сражение завершится только тогда, когда поле боя будет покрыто останками одной из армий. Мусульмане с удивлением глядели на великолепные ряды римских легионов с развевавшимися над ними знаменами и крестами, поднятыми над головами солдат. Римляне чуть ли не с трепетом смотрели на мусульманскую армию, расположившуюся спереди от них. Их уверенность в себе основывалась на численном превосходстве, однако за последние два года действия мусульман в Сирии внушили римлянам глубокое уважение к ним. В глазах римлян читалась настороженность. Так прошел час, в течение которого никто не шелохнулся, и солдаты продолжали ждать начала сражения,

которое, по словам летописцев, «началось со всполохов огня и закончилось неистовым пожаром» и которое «с каждым днем становилось все более жарким».

Затем римский полководец Георгий выехал из римского центра и направился в сторону мусульман. Остановившись на небольшом расстоянии от мусульманского центра, он громким голосом вызвал Халида. Из мусульманских рядов выехал Халид, обрадованный тем, что сражение начнется с поединка с его участием. Он был готов задать тон дальнейшему ходу сражения.

Пока Халид приближался к нему, римлянин не сделал ни малейшей попытки обнажить меч, он лишь напряженно вглядывался в Халида. Мусульманин приближался, вот уже шеи коней пересеклись, а Георгий так и не обнажил меча. Затем он заговорил по-арабски: «О Халид, скажи мне правду и не обманывай меня, ибо свободные не лгут, а благородные не обманывают. Правда ли, что Господь послал небесный меч вашему Пророку?.. и что он отдал его тебе?.., и что ты ни разу не обнажал его без того, чтобы не восторжествовать над врагами?»

— Нет! — ответил Халид.

— Так почему же тебя называют *Мечом Аллаха*?

Тут Халид рассказал Георгию историю о том, как он получил титул Меча Аллаха от Святого Пророка. Георгий немного подумал, а затем задумчиво спросил:

— Скажи, к чему ты меня призываешь?

— Засвидетельствовать, — ответил Халид, — что нет Бога кроме Аллаха, а Мухаммад — Его Раб и Посланник, и уверовать в то, что он получил откровение от Аллаха.

— А если я не соглашусь?

— Тогда плати джизью, и ты будешь под нашей защитой.

— А если я все равно не соглашусь?

— Тогда — меч!

Георгий немного подумал над словами Халида, а потом спросил:

— Каково будет положение того, кто примет вашу веру сегодня?

— В нашей религии есть только одно положение. Все равны.

— Тогда я принимаю вашу веру!¹

К крайнему удивлению обеих армий, которые понятия не имели о том, что происходило между двумя полководцами, Халид развернул коня, и мусульманин с римлянином медленно поехали в сторону мусульманской армии. Приехав к мусульманскому центру, Георгий медленно повторил за Халидом: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад — Посланник Аллаха!» (Несколько часов спустя новообращенный Георгий уже героически сражался за только что принятую им веру и

погиб в сражении.) Итак, битва при Йармуке началась с доброго знака — обращения Георгия.

Далее последовала фаза поединков между лучшими воинами, и это устраивало обе стороны, так как служило своего рода разминкой. Множество офицеров выехали из рядов мусульманской армии, некоторые — по указанию Халида, другие — по собственной инициативе, чтобы сразиться в поединке с теми римскими воинами, которые были готовы принять их вызов. Практически все эти римляне были убиты в бою, и героем дня стал 'Абд ар-Рахман ибн Абу Бакр, который одного за другим убил пять римских офицеров.

Поединки продолжались до полудня. Затем римский главнокомандующий Махан решил, что с ними пора кончать и что если так будет продолжаться и дальше, то он не только потеряет большое количество офицеров, но и подорвет моральный дух армии. У него были лучшие шансы на успех в общем сражении, где численный перевес оказался бы явным преимуществом его армии. Однако Махан был прав, проявляя осторожность, потому что один неверный шаг в начале сражения мог бы обернуться далеко идущими последствиями, определяющими его течение. Он хотел попробовать ограниченное наступление по широкому фронту, чтобы проверить силу мусульманского войска и, если повезет, прорвать его там, где удастся обнаружить слабину мусульманской передней линии.

Около трех часов дня 10 передних рядов римской армии, то есть треть пехоты каждой из четырех армий, пошли в бой. Эта людская волна медленно продвигалась вперед и, войдя в зону досягаемости для мусульманских стрел, была подвергнута интенсивному обстрелу лучников, понеся некоторые потери. Волна продолжала накатывать и вскоре накатила на первый ряд мусульман. Мусульмане отбросили свои окровавленные копья, схватились за мечи, и оба войска схлестнулись в битве.

Однако атака римлян была нерешительной, и солдаты, многие из которых еще не привыкли к сражениям, действовали не слишком напористо, а ярость, с которой их были мусульманские ветераны, заставляла их быть еще более осторожными. На некоторых участках фронта бои были более жестокими, чем на других, но в целом события этого дня можно было бы описать как умеренно жаркое сражение на равных. Мусульмане удерживали свои позиции. Римляне не посыпали подкрепления своему пехотному авангарду. К закату бой стих и армии разбрелись по своим лагерям. В тот день потери были невелики, хотя у римлян они были значительнее, чем у мусульман.

Ночь прошла спокойно. Мусульманские женщины с гордостью приветствовали своих мужчин, отирая пот и кровь с их лиц и рук своими головными платками. Жены говорили мужьям: «Радуйся вести о рае, о друг Аллаха!»

Теперь мусульмане чувствовали себя увереннее, так как они потрепали врага намного сильнее, чем он — их, и в течение большей части ночи они продолжали молиться и читать Коран. Впрочем, ночью несколько групп римлян выбрались на нейтральную полосу, чтобы подобрать своих убитых, и это привело к ряду стычек с патрулями, но в остальном ничто не нарушило ночной покой.

Махан оказался в тупике. Он созвал военный совет, на котором обсуждались планы на следующий день. Если он хотел добиться успеха, то действовать следовало как-то иначе, и Махан решил начать следующую атаку с первыми проблесками зари, построив войска в темное время суток, в надежде, что застанет мусульман врасплох еще до того, как они приготовятся к бою. Более того, он собирался бросить в атаку большие силы. Две центральные армии должны были осуществлять сдерживающие атаки, чтобы связать мусульманский центр, а две фланговые армии должны были нанести главные удары и либо вытеснить фланговые корпуса с поля боя, либо заставить их отступить к центру. Для того чтобы иметь общее представление о ходе сражения, Махан велел поставить большой шатер на пригорке в тылу у римского правого фланга, откуда можно было видеть всю равнину. Здесь-то и обосновался Махан со своей свитой и двумя тысячами армян-телохранителей, а остальная армия приготовилась к внезапной атаке на заре.

* * *

Когда занялась заря, совершившие молитву мусульмане услышали барабанный бой. С аванпостов галопом неслись гонцы, чтобы донести командирам весть о том, что римляне идут в наступление. Мусульмане и в самом деле были захвачены врасплох, но Халид распорядился на ночь выставить перед войском мощную линию аванпостов, и эти аванпосты существенно задержали наступление римлян, дав мусульманам возможность надеть латы, схватить оружие и занять боевые позиции до того, как их накрыла волна наступающих. Более того, скорость, с которой мусульмане занимали боевые позиции, была больше, чем рассчитывали римляне. Солнце второго дня сражения еще не взошло, когда между двумя армиями завязался бой.

Битва между центральными корпусами неослабно продолжалась в течение большей части дня, но прорвать мусульманскую линию не удавалось. В любом случае здесь римляне не оказывали слишком сильного нажима, поскольку данное наступление носило ограниченный характер и имело задачу заставить мусульман удерживать свои позиции. Однако самые сильные удары римской армии обрушились на фланговые корпуса, и эти корпуса выдерживали всю тяжесть сражения.

Правый фланг мусульман, где стоял корпус 'Амра ибн ал-'Аса, атаковала армия Канатира, состоявшая в основном из славян. Мусульмане отважно удерживали позиции, и атака была отбита. Канатир атаковал их вторично со свежими силами, и вновь мусульмане отбили эту атаку. Однако когда Канатир ударили в третий раз, вновь бросив в бой свежие полки, сопротивление уставших к этому времени мусульман было сломлено, и основная часть корпуса была отброшена к лагерю, тогда как остальная часть отступила к центру, то есть в сторону корпуса Шурахбила.

Видя, что его корпус отступает, 'Амр приказал своему кавалерийскому полку из 2000 всадников идти в контратаку, и это на некоторое время сдерживало продвижение римлян, но не смогло остановить его надолго. Римляне отбили контратаку и заставили конницу покинуть поле боя и отступить в сторону мусульманского лагеря. Когда конные и пешие воины добрались до лагеря, они обнаружили, что их встречают женщины, выстроившиеся в линию и держащие в руках шесты от шатров и камни. Женщины вопили: «Да проклянет Аллах тех, кто бежал от врага!» А своим мужьям они кричали: «Вы — не наши мужья, если не можете защитить нас от этих неверных». ²⁷⁵ Другие женщины принялись бить в барабаны и исполнять импровизированную песню:

*О ты, кто бежишь от преданной женщины,
Обладательницы красоты, и добродетели,
И оставляешь ее неверным,
Ненавистным и злым неверным,
На поругание, позор и погибель!*²⁷⁶

И женщины обрушили на проявивших слабодушие мусульман не только язвительные упреки, но и настоящие удары! Сначала в них полетел град камней, затем женщины набросились на мужчин, колотя и

²⁷⁵ Вакиди: с. 140.
²⁷⁶ Там же.

лошадей, и всадников шестами от шатров, и этого уже гордым воинам было не снести. Рассерженные тем, что произошло, они развернулись и, ослепленные яростью, налетели на армию Канатира. И тут 'Амр начал вторую контратаку основными силами своего корпуса.

Положение мусульман на левом фланге было немногим лучше. Здесь также отбили первую атаку римлян, но во время второй атаки римляне прорвались через корпус Йазида. Это сделала армия Григория, скованная цепями, передвигавшаяся медленнее, чем остальные, но зато более сплоченная. Йазид тоже послал конницу в контратаку, которая также была отбита, в течение некоторого времени воины Йазида стойко сопротивлялись врагу, но потом отступили к своему лагерю, где их уже поджидали женщины, предводительствуемые Хинд и Хаулой. Первым мусульманским всадником с левого фланга, добравшимся до лагеря, был Абу Суфьян, и первой встретившей его женщиной была не кто иная, как Хинд! Она ударила шестом от шатра по голове коня и рявкнула: «Куда это то направился, о сын Харба? Возвращайся на поле браны и покажи свое мужество, чтобы тебе простились твои грехи против Посланника Аллаха».

Абу Суфьян, и прежде сталкивавшийся с крутым нравом своей жены, поспешил вернуться назад. Другие воины встретили такой же прием со стороны этих женщин, что и солдаты 'Амра со стороны своих, и вскоре корпус Йазида вернулся на поле боя. Несколько женщин бежали рядом с их лошадьми, а одна даже убила своим мечом римлянина. Когда воины Йазида вновь начали сражаться с армией Григория, Хинд запела ту песню, которую пела при Ухуде:

*Мы — дочери ночи,
Мы движемся меж подушек
С мягкой кошачьей грацией,
И браслеты украшают наши запястья.
Если вы продвинетесь вперед, мы примем вас в наши объятия.
Если вы отступите, мы покинем вас,
Лишив любви.²*

Можно усомниться в том, что Хинд подобало распевать такую дерзкую песню, но ей казалось, что она еще достаточно молода для этого. В конце концов, ей было только 50 лет!

Было около трех часов дня. Пока фланговые корпуса мусульман вели бой, Халид наблюдал за их действиями со своей позиции в центре. Пока он не предпринял ничего, чтобы помочь этим корпусам, и отказывался вводить в бой свой центральный резерв до тех пор, пока

это не станет абсолютно необходимым. Однако поскольку корпуса вернулись на поле боя из лагерей, куда они отступили, Халид решил помочь им своим кавалерийским резервом и ускорить процесс восстановления позиций мусульман.

Сначала он отправился на правый фланг и силами Мобильной Гвардии и одного кавалерийского полка нанес удар по флангу армии Кантемира. Одновременно 'Амр контратаковал ее спереди. Очень скоро римляне, подвергшиеся нападению с двух сторон, обратились в бегство и отступили на исходные позиции. 'Амр вернул себе всю территорию, которая была у него отбита, и перестроил свой корпус для следующего этапа сражения.

Как только мусульмане вернулись на свои позиции, Халид бросился на левый фланг. К этому времени Йазид начал общее лобовое контрнаступление, намереваясь отбросить римлян назад. Халид отрядил один полк под командование Диара, чтобы в качестве отвлекающего маневра в лоб атаковать армию Дайрджана и создать угрозу римскому правому флангу, слишком сильно продвинувшемуся вперед. С остатком армейского резерва он ударили во фланг войска Григория. (См. карту 21.) И здесь тоже римляне отступили под ударами в лоб и сбоку, но сделали это более медленно, так как из-за сковывавших их цепей воины не могли передвигаться быстро.

Пока римский правый фланг отступал, Диарар прорвал строй армии Дайрджана и подобрался к ее командующему, который находился неподалеку от переднего края, окруженный телохранителями. И здесь Диарар убил Дайрджана. Однако вскоре после этого он подвергся такому нажиму, что был вынужден отступить к переднему краю мусульман.

К концу дня обе фланговые армии римлян были отброшены назад. На закате центральные армии тоже разошлись и вернулись на свои исходные позиции, и оба фронта вернулись на линии, по которым они проходили утром. Мусульмане пережили критическую ситуацию, но вернули себе сданные позиции. Правый фланг мусульман пострадал больше всех остальных корпусов, поскольку самое победоносное сражение разыгралось в секторе 'Амра. Впрочем, этот день сражения принес мусульманам победу по набранным очкам.

Следующая ночь вновь выдалась спокойной. Мусульманские женщины занимались обработкой ран, готовили еду, таскали воду и так далее. В целом, дух у мусульман был боевой, потому что они выдержали атаку основной массы римского войска и отбросили нападавших от своих позиций. Мусульмане продолжали держать

оборону, а предпринятые ими контратаки были всего лишь частью общего оборонительного сражения.

Между тем в римском лагере настроение ухудшилось. Днем были убиты тысячи римлян, и мусульмане не только отбили атаки фланговых армий, вторгшихся на их позиции, но фактически сами атаковали римский центр (атака Диара) и, прорвавшись в него, убили командующего армией. Эта была тяжелая потеря, так как Дайрджан был выдающимся и высокочтимым полководцем. Махан назначил командовать армией Дайрджана нового генерала, которого звали Курин, и передал Канатиру, распоряжавшемуся римским левым флангом, командование над армянами. Это была необходимая мера, так как на следующий день сражения главный удар римлян должен был быть нанесен по правому флангу мусульман и по правой части их центра.

* * *

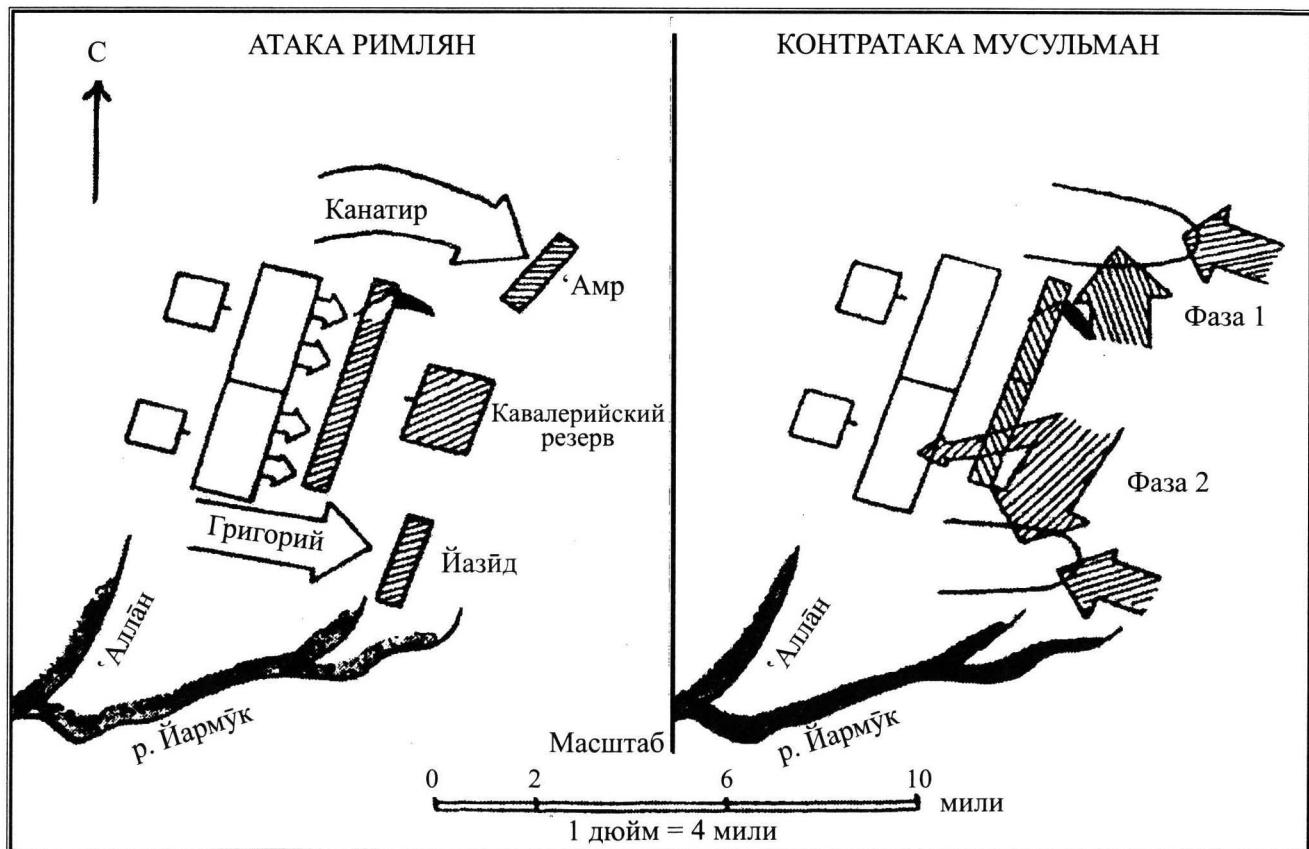
Сражение вышло за пределы стадии «огненных всполохов». Оно еще не превратилось в «неистовый пожар», однако к началу третьего дня огонь битвы разгорелся весьма опасно. Мусульманам предстоял жаркий бой на правом фланге. В этот день армия цепей пребывала в бездействии, так как накануне она пострадала сильнее армии Канатира. Армия Курина предприняла сдержанное фронтальное наступление на Абу 'Убайду, послужившее отвлекающим маневром, призванным связать мусульманские резервы. Однако армяне и левое крыло римской армии, которыми теперь командовал Канатир, с бешеною яростью нанесли удар по мусульманскому правому флангу и корпусу Шурахбила, направив острье атаки на место соединения корпусов Шурахбила и 'Амра ибн ал-'Аса.

'Амр и Шурахбиль отбили первую атаку, но вскоре начало сказываться численное преимущество римлян, которому мусульмане могли противопоставить лишь тех же усталых солдат. Таким образом, вскоре после полудня Канатир сумел прорвать оборону мусульман в нескольких местах. Корпус 'Амра отступил к лагерю, а правая часть фронта Шурахбила также подалась назад, хотя левая часть продолжала твердо удерживать позицию. Теперь в мусульманском фронте образовалось несколько брешей.

И вновь за дело взялись мусульманские женщины с шестами от шатров, камнями и острыми языками, и вновь мусульмане отскочили от них и вернулись, чтобы сражаться с римлянами. Один из этих мусульман признался своим товарищам: «Легче иметь дело с римлянами, чем с нашими женщинами!» Основные части двух корпусов восстановили

фронт и сдерживали попытки римлян прорвать его. 'Амр даже перешел в наступление и ударил по римлянам кавалерией и пехотой, намереваясь заставить их отступить с занятых ими продвинутых позиций, но особых успехов он не достиг.

На данной стадии боя к Халиду прибежала одна мусульманка. Ей в голову внезапно пришла светлая военная идея, и она хотела, чтобы Халид воспользовался этой идеей, — на всякий случай, если он сам об этом не догадался. «О сын ал-Валида, — сказала женщина, — ты — один из благороднейших арабов. Знай же, что воины держатся благодаря своим командирам. Если командиры стоят непоколебимо, то и воины стоят

Карта 21. Йармук — день второй

непоколебимо. Если командиры терпят поражение, то и воины терпят поражение».

Халид вежливо поблагодарил ее и заверил, что в его армии никто из командиров не потерпит поражения!

Затем Халид бросил свой кавалерийских резерв против фланга Канатира. Одновременно кавалерийский полк 'Амра совершил обход справа и ударили Канатиру в левый бок, а пехота 'Амра и Шурахбила тем временем перешла в лобовую контратаку. (См. карту 22.) На этот раз римляне оказали значительно большее сопротивление мусульманской контратаке и в бою погибли сотни мусульман, однако к наступлению сумерек римляне были отброшены на свои позиции и была восстановлена ситуация, в которой начиналось сражение. Этот день оказался труднее предыдущего. Впрочем, потери, понесенные римлянами, были гораздо больше потерь, понесенных мусульманами, и к концу дня боевой дух мусульман еще больше окреп, тогда как по боевому духу римлян был нанесен серьезный удар. Римляне начали приходить в отчаяние. Все их атаки провалились несмотря на понесенные ими тяжелые потери, и они находились все там же, где были в начале сражения. Махан распекал своих генералов, которые обещали, что на следующий день дела пойдут успешнее. В самом деле, следующий день должен был стать переломным днем сражения.

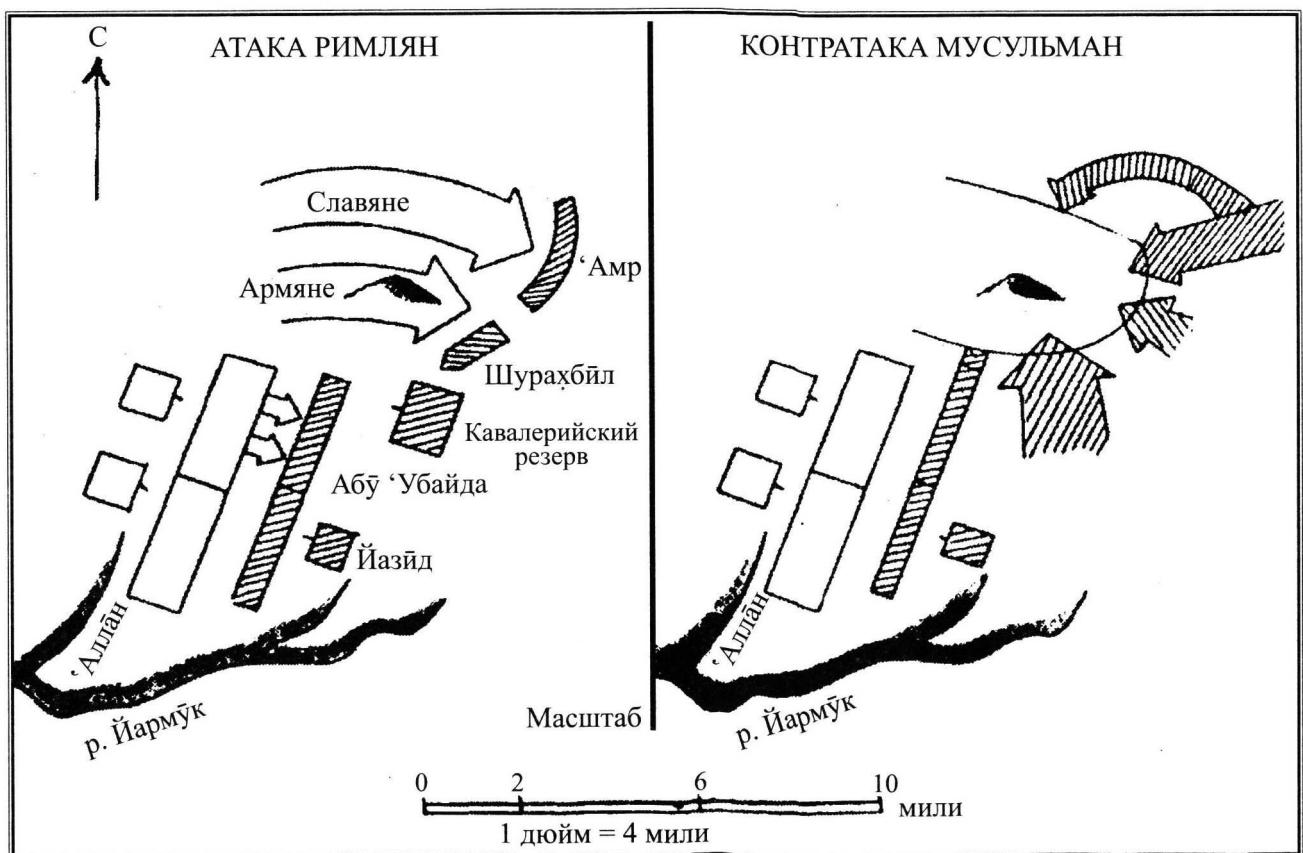
Халид и Абу 'Убайда провели ночь, расхаживая по мусульманскому лагерю, подбадривая усталых мусульман и беседуя с ранеными. Полученное в этом сражении ранение вовсе не означало, что человек будет эвакуирован в тыл. Мусульманин должен был получить по-настоящему тяжелое ранение, чтобы получить передышку от сражения. Рана средней тяжести означала, что ему дадут отдохнуть несколько часов, а потом ему вновь придется встать в строй!

* * *

Четвертый день сражения занимался в атмосфере напряженного ожидания. Римляне знали, что этот день станет решающим, ибо для них настало время сделать все, чтобы пошатнуть мусульманскую армию, которая пока что отбивала все их атаки. Если бы их очередная атака не удалась, то все надежды на дальнейшее успешное наступление можно было бы отбросить. Вопрос стоял так: сейчас или никогда.

Халид также понимал, что сражение достигло кульминации и что сегодняшние действия окончательно решат исход битвы. Пока что

тысячи римлян были убиты, и если бы и в этот день удалось заставить римлян

Карта 22. Йармук — день третий

отступить с кровавыми потерями, то впредь они едва ли стали проявлять инициативу. И тогда можно было бы начать контрнаступление. К этому моменту силы мусульман начали истощаться. Лучники, стоявшие в первом ряду, понесли самые тяжелые потери, и теперь в бою могли принимать участие не более 2000 стрелков. Они были расставлены так, чтобы на каждый корпус приходилось по 500 человек. Кроме того, мусульмане устали сильнее римлян, потому что их было меньше, но мусульманская армия никогда еще не проявляла такого мужества.

Больше всего Халида беспокоил его правый фланг. Впрочем, его успокаивала мысль о том, что командиром правого фланга был 'Амр ибн ал- 'Ас, который по своим полководческим способностям уступал одному лишь Халиду. До сих пор в этом сражении на долю 'Амра выпадали самые тяжелые бои, и подобному положению суждено было сохраняться и дальше. По крайней мере, 'Амр, пользовавшийся репутацией самого проницательного из арабов, ни в чем не уступал любому римскому полководцу.

В тот день, как и накануне, Махан решил начать боевые действия с атаки на правую половину мусульманского фронта. Когда ему удастся заставить эту часть фронта отступить и вынудить мусульман задействовать резервы в правом секторе, он сможет остальными силами нанести удар по левой половине мусульманского фронта. Согласно этому плану сражения, две армии Канатира двинулись вперед, славяне и армяне набросились на корпуса 'Амра и Шурахбила. 'Амр вновь был потеснен назад, но отошел не так далеко, как накануне: на этот раз мусульмане не собирались сталкиваться со своими разгневанными женщинами! Отойдя на некоторое расстояние от своих исходных позиций, корпус 'Амра сдерживал наступление славян: маневры сменились жесточайшей сечей, в которой мусульмане, возглавляемые 'Амром с обнаженным мечом, действовали лучше противника и нанесли ему тяжелые потери.

Между тем в секторе Шурахбила армянам удалось прорвать оборону мусульман и оттеснить их к их лагерю. Армянам оказывали мощную поддержку арабы-христиане Джабалы, и этот прорыв мусульманского фронта оказался наиболее серьезным. Шурахбил сумел замедлить наступление армян, но не смог отразить его. Вскоре стало ясно, что долго его корпусу не продержаться. Теперь в этом секторе стало необходимым вмешательство Халида с его резервом.

Больше всего Халида страшило массированное наступление врага по широкому фронту. Если бы врагу удалось прорвать в нескольких местах мусульманскую оборону, то резерв оказался бы бесполезным,

так как не мог действовать одновременно во всех точках. Во второй день сражения Халид сумел восстановить положение на обоих флангах, сначала нанеся удар по одной вторгшейся в расположение мусульман группировке, а затем — по другой. Однако если бы римлянам удалось прорвать оборону в нескольких местах, подобное оказалось бы невозможным. Поэтому, заметив начальный успех в действиях неприятеля против 'Амра и Шурахбила, Халид приказал Абу 'Убайде и Йазиду перейти в наступление на своих частях фронта и тем самым предотвратить римскую атаку на левый фланг мусульман, если римляне таковую замышляли. Это наступление должно было сорвать планы противника. Часам к девяти утра корпуса Абу 'Убайды и Йазида вступили в бой с армиями Курйна и Григория, и к тому времени, как положение Шурахбила пошатнулось, оба этих корпуса уже вовсю наседали на правую половину римского фронта.

Халид, более спокойный за свой левый фланг, решил ударить по армянам. Он разделил армейский резерв на две равные группы, из которой одну отдал Кайсу ибн Хубайре, а вторую сохранил при себе. Возглавив своих кавалеристов, Халид проехал позади корпуса Шурахбила и появился на северном фланге армянского клина. Последовал тройной контрудар по армянам и арабам-христианам: Халид ударили справа, Кайс — слева, а Шурахбил — в лоб. (См. карту 23.) На этом участке поля боя началась лютая сеча. Враг оказывал сильное сопротивление, и в течение нескольких часов мусульмане и христиане вели яростный бой, однако в конце концов армяне дрогнули под ударами мусульманской кавалерии и пехоты и отошли на свою позицию, понеся при этом тяжелые потери. В этом бою, продолжавшемся в течение всего дня, самые тяжелые потери понесли арабы-христиане.

Когда армяне попятались назад, 'Амр ибн ал-'Ас возобновил попытки выбить славян с той позиции, которую они захватили, и славяне, лишенные поддержки армян на своем фланге, также были вынуждены отступить. Шурахбил и 'Амр вернулись на свои исходные позиции. Однако эта операция на правом фланге мусульман продолжалась до вечера, а пока она продолжалась, такой же решающий и еще более ожесточенный бой шел и на левой стороне мусульманского фронта. Это обстоятельство было особенно угрожающим потому, что армейский резерв был основательно задействован на правом фланге и не мог прийти на помощь Абу 'Убайде и Йазиду, которым приходилось полагаться исключительно на собственные резервы.

По приказам Халида два левых корпуса пошли в атаку на римлян на своих участках фронта и вступили в бой, когда Халид бросил

Мобильную Гвардию против армян. Сначала эти корпуса добились определенных успехов и смогли отбросить римлян назад, однако продолжалось это недолго, потому что мусульмане подверглись безжалостному обстрелу лучников. Тысячи римских лучников вели обстрел мусульман, и стрелы летели с такой скоростью и так кучно, что, согласно некоторым свидетельствам, «стрелы падали как град, и за ними не было видно солнца»!²⁷⁷

Множество мусульман были ранены стрелами, и раны варьировались от легких до смертельных, причем 700 мусульман лишились одного глаза. Из секторов Абу 'Убайды и Йазида доносились жалобные вопли: «О мой глаз! О мое зрение!»²⁷⁸ Считается, что в этом бою лишился глаза и Абу Суфьян.²⁷⁹ Из-за этого постигшего мусульман несчастья четвертый день сражения вошел в историю как день Потерянных Глаз²⁸⁰, дань искусству римских стрелков. И для мусульманской армии этот день сражения, вне всяких сомнений, оказался самым ужасным.

Мусульмане на левой стороне начали отступать. Их луки оказались неэффективными против римских лучников, потому что луков было мало и били они на более короткое расстояние. Единственный способ избежать дальнейших потерь заключался в том, чтобы выйти из зоны досягаемости для римских стрелков, что Абу 'Убайда и Йазид сразу и сделали. Когда противники разошлись, оба фронта застыли на месте, и мусульмане благородно воздержались от нового наступления. На самом деле мусульмане были изрядно напуганы ранами от стрел и потерей глаз.

Однако Махан и его полководцы Григорий и Курйн видели, как сильно пострадали мусульмане, и решили воспользоваться своим преимуществом. Теперь эти две армии перешли в наступление на мусульман, не давая последним оправиться от полученного ими отпора, и противники вновь сшиблись в горячем бою. В результате атаки римлян мусульмане были отброшены на их исходную позицию, и тут римляне, понимая, что настал решающий день сражения, набросились на них с еще большей яростью. Корпуса Абу 'Убайды и Йазида были отброшены еще дальше, и только полк 'Икримы по-прежнему удерживал свои позиции на левом крае сектора Абу 'Убайды.

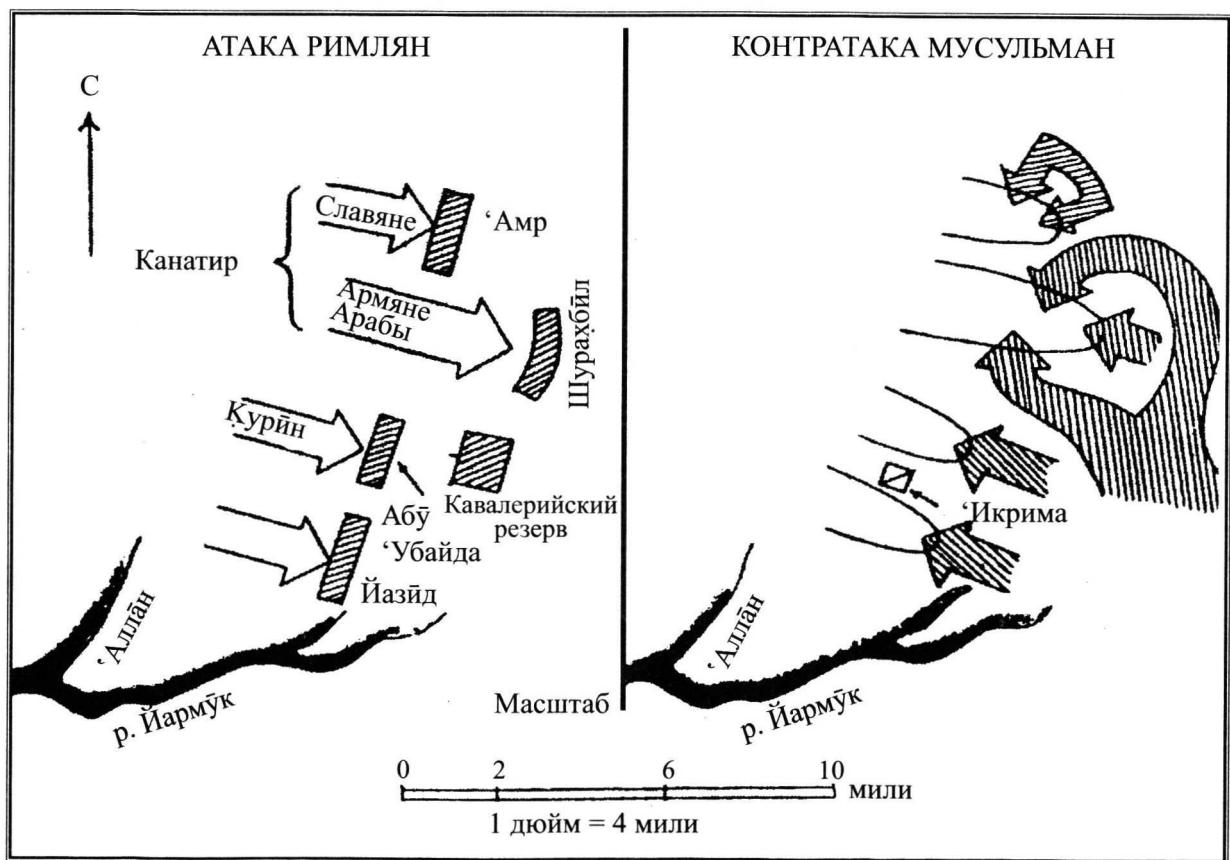
²⁷⁷ Вакиди: с. 146, 148.

²⁷⁸ Там же: с. 149.

²⁷⁹ Мы уже упоминали, что Абу Суфьян лишился глаза при Та'ифе. Впрочем, некоторые источники указывают, что это случилось при Иармуке, а не при Та'ифе.

²⁸⁰ Там же: с. 148.

Бесстрашный 'Икрима отказался отступать и призвал своих воинов принести ему клятву сражаться насмерть, то есть умереть в бою, но не сдать свои позиции. В ответ на его призыв 400 его бойцов тотчас же принесли эту клятву и набросились на римлян как голодные волки. 'Икрима не только отбил атаку римлян на своем участке фронта, но и дал отпор римлянам, наседавшим на его фланги. Мусульмане так и не сдали эту позицию. Из 400 смертников, принесших страшную клятву, все либо

Карта 23. Йармӯк — день четвертый

погибли, либо получили тяжелые раны, но их было во много раз меньше, чем пострадавших римлян. 'Икрима и его сын 'Амр получили смертельные ранения.

На этот раз корпуса Абу 'Убайды и Йазида не дошли до лагеря. Этого не потребовалось, потому что сами женщины, многие из которых были вооружены мечами, бросились вперед и присоединились к мужчинам. Даже женщины понимали, что битва вступила в решающую фазу. Они шли с мечами и шестами от шатров, предназначенными для римлян, и водой для раненых и желающих пить мусульман. Среди них были Хаула, жена Зубайра и Умм Хаким, которая кричала женщинам: «Бейте необретанных по рукам и ногам!»²⁸¹

Видя, что женщины сражаются рядом с ними, а некоторые даже впереди них, мусульмане превратились в неистовых демонов. В слепой ярости они налетали на римлян в этом бою, где больше не было места маневрам и указаниям полководцев, а были только воины, сражавшиеся на пределе человеческих сил. Орудия мечами и кинжалами, отважные бойцы Абу 'Убайды и Йазида погнали римлян со своих позиций, и римляне поспешно отступили под яростными ударами взбешенных мусульман. (См. карту 23.)

К концу дня сражение четвертого дня достигло апогея по всей линии фронта. К этому времени все полководцы принимали участие в битве вместе со своими воинами и каждый командир корпуса доказывал свое право быть предводителем смельчаков. Несколько римлян упали на землю под ударами мусульманок. Хаула напала на римского воина, но ее противник владел мечом лучше и ударили ее мечом по голове, и она осела на землю, а ее волосы стали красными от крови. Когда римляне были отброшены назад, другие женщины обнаружили ее неподвижное тело, заплакали от горя и принялись разыскивать Диара, чтобы сообщить ему о гибели его любимой сестры.

Однако найти Диара удалось только к вечеру. Когда он прибыл, его сестра села и улыбнулась. С ней и в самом деле все было в порядке!

К сумеркам дневные бои завершились. Обе армии вновь стояли на своих исходных позициях. День был ужасный — он навсегда запомнился ветеранам Йармука, день, когда римляне чуть не стяжали победу. Однако многие из них заплатили жизнью за успех, которого им не суждено было достигнуть. Самые опустошительные потери понесли скованные цепями воины, армяне и арабы-христиане. Мусульмане пострадали больше, чем накануне, и среди них было больше раненых,

²⁸¹ Там же: с. 149. Согласно Балазури (с. 141), эти слова произнесла Хинд.

чем нераненых, но их сердца согревались гордостью и удовлетворенностью, и особенно это относилось к сердцу Халида, который знал, что кризис миновал. Положение переменилось.

Осталось рассказать еще об одном эпизоде, прежде чем завершим повествование о дне Потерянных Глаз. Во время затишья в секторе Шурахбила там внезапно появился до крайности обеспокоенный Халид. Это удивило воинов, потому что они никогда прежде не видели его в подобном состоянии. Однако они поняли, в чем дело, когда Халид приказал воинам найти его красный головной убор, который он потерял во время сражения. Немедленно были организованы поиски, и шапка нашлась, за что Халид рассыпался в благодарностях. Были и такие, кто не знал про эту шапку, и попросили Халида рассказать, что в ней такого замечательного. И Халид рассказал историю о своей красной шапке:

«Когда Посланник Аллаха обрил голову во время своего последнего паломничества, я подобрал часть его волос.

Он спросил меня: "Зачем они тебе, о Халид?" Я ответил: "Они будут придавать мне силы, когда я буду сражаться с нашими врагами, о Посланник Аллаха". Затем он сказал: "Ты будешь побеждать, пока они будут при тебе".

Я велел вплести эти волосы в мою шапку и всегда сражался с врагами, одерживая победу по благословению Посланника Аллаха, Аллах да благословит его и дарует ему мир».²⁸²

Такова история красной шапки Халида — сокровища, с которым он никогда бы не расстался.

Халид сидел на забрызганной кровью земле на левом краю сектора Абу 'Убайды, когда стемнело. На колене у него покоилась голова 'Икри- мы, его племянника и дорогого друга. На другом его колене лежала голова 'Амра, сына 'Икримы. Жизнь быстро покидала тела отца и сына. Халид то и дело обмакивал пальцы в чашу с водой и подносил их к губам умирающих, чтобы она скатывалась в их полураскрытые рты. И время от времени он повторял: «Неужели Сын Хантамы сомневается в том, что мы станем мучениками?»²⁸³ Так, в нежных объятиях Халида, умерли 'Икрима и его сын. Человек, который столько лет был самым кровожадным врагом Ислама, окончательно искупил свой грех, приняв мученическую смерть. В день Потерянных Глаз, день, который мусульмане будут помнить всегда, величайшая слава, которой не удостоился ни один другой мусульманин в Сирии, досталась 'Икриме ибн Абу Джахлу.

²⁸² Вакиди: с. 151.

²⁸³ Ат-Табари: т. 2, с. 597. Сыном Хантамы был 'Умар, а под «мы» Халид подразумевал бану махзум.

Ночь прошла спокойно, если можно говорить о покое применительно к измученным, израненным воинам, которые заставляли себя совершать такие чудеса, которые лежат за пределами человеческих сил и возможностей. Обычно на ночь Абу 'Убайда назначал одного из генералов дежурным офицером, в обязанности которого входил обход сторожевых постов и аванпостов с целью проверки бдительности стражников. Однако в ту ночь и генералы были до такой степени уставшими, что Абу 'Убайда, добрый и внимательный к другим, как всегда, не решился просить кого-то из них взять на себя эту трудную задачу. Хотя его собственный меч был обагрен кровью нескольких римлян и сам он нуждался в отдыхе не меньше других, Абу 'Убайда решил сам выполнить обязанности дежурного офицера. Вместе с некоторыми избранными сподвижниками Пророка он отправился в обход. Однако ему не стоило беспокоиться. Куда бы Абу 'Убайда ни пошел, повсюду генералы бодрствовали, находясь в полной боевой готовности, и, совершая объезды, беседовали со стражниками и ранеными. Зубайр обезжал войска в обществе жены, которая также ехала верхом!

* * *

В самом начале пятого дня сражения две армии вновь построились вдоль своих линий — тех самых линий, вдоль которых они стояли перед началом сражения. Однако в тот день солдаты стояли не столь прямо и не выглядели столь впечатляюще. Рядом с каждым невредимым воином стоял раненый. Некоторые еле держались на ногах, но все же стояли в строю. Халид напряженно вглядывался в ряды римлян, ища признаки движения, и задавался вопросом о том, пойдут ли римляне в очередную атаку. Однако они не двигались в течение целых двух часов. Затем из римского центра выступил некий человек. Это был посол Махана, который доставил предложение о заключении перемирия сроком на несколько дней для проведения новых переговоров. Абу 'Убайда почти согласился принять это предложение, но Халид удержал его. По настоянию Халида он отправил посла назад с отрицательным ответом, добавив: «Мы спешим закончить это дело!»¹

Теперь Халид знал. Его догадка была правильной. Римляне больше не горели желанием воевать. Остаток дня прошел без приключений, Халид раздавал приказы о контраступлении и проводил кое-какую реорганизацию. Все кавалерийские полки были объединены в единую

конницу, ядром которой стала Мобильная Гвардия. Общая численность этой кавалерийской группы составляла примерно 8000 всадников.

На следующий день на Равнине Йармука должен был засверкать меч отмщения.

* * *

Шестой день сражения выдался ясным и солнечным. Шла четвертая неделя августа 636 г. (третья неделя месяца раджаб, 15 г. хиджры). Утренняя тишина никак не предвещала грядущего побоища. Мусульмане чувствовали себя немного отдохнувшими. Зная, что их командир планирует наступление, и, имея кое-какие представления относительно его планов, они рвались в бой. Надежды, связанные с этим днем, заслонили мрачные воспоминания о дне Потерянных Глаз. Вдоль мусульманского фронта вытянулись ряды римской армии — настроенной менее оптимистично, но все же достаточно многочисленной, чтобы потребовалось много сил для сражения с нею.

Когда солнце встало над подернутым утренней дымкой очертанием Джабал ад-Друз, Григорий, командующий армии цепей, выехал вперед, но из центра имперской армии. Он выехал, намереваясь убить командующего мусульманской армией, надеясь, что это окажет деморализующее воздействие на мусульманских воинов. Подъехав к мусульманскому центру, он выкрикнул вызов на бой, требуя, чтобы с ним сразился «лично командир арабов».

Абу 'Убайда тотчас же вознамерился принять вызов. Халид и другие пытались отговорить его, ибо у Григория была репутация отличного бойца, да и вид у него был соответствующий. Все чувствовали, что было бы лучше, если бы этот вызов принял Халид, но Абу 'Убайда был непреклонен. Он передал армейское знамя Халиду и со словами «Если я не вернусь, ты будешь командовать армией до тех пор, пока халиф не примет решение» выехал навстречу противнику.

Оба полководца были на конях. Они обнажили мечи и начали поединок. Оба великолепно владели мечом и продемонстрировали зрителям искусство рубить, колоть и парировать удары противника. Римляне и мусульмане затаили дыхание. Затем, через несколько минут после начала боя, Григорий развернул коня и легким галопом поскакал прочь. В рядах мусульман раздались радостные возгласы, так как казалось, что римлянин признал свое поражение, однако Абу 'Убайда так не считал. Не отрывая взора от отступающего римлянина, он погнался за ним.

Не успел Григорий проскакать и сотню шагов, как Абу 'Убайда настиг его. И вот Григорий, который специально сдерживал бег своего коня, стремительно развернулся и нанес удар по Абу 'Убайде. Его мнимое бегство было уловкой, призванной притупить бдительность противника. Однако Абу 'Убайда не был новичком: он знал об искусстве владения мечом намного больше, чем Григорий. Римлянин успел занести свой меч, да и только. Абу 'Убайда нанес ему удар по основанию шеи, и, выронив меч, римлянин рухнул на землю. Несколько мгновений Абу 'Убайда неподвижно сидел на своем коне, дивясь огромным размерам римского генерала. Затем, в свойственном ему духе игнорирования мирских сокровищ, не позарившись на изукрашенные самоцветами и инкрустированные золотом доспехи и оружие римлянина, этот праведный воин развернулся и направился к своим.

Когда Абу 'Убайда вернулся, Халид покинул его, чтобы присоединиться к кавалерии, стоявшей позади корпуса 'Амра ибн ал-'Аса. Приехав на свое место, он подал сигнал к общему наступлению, и весь мусульманский фронт устремился вперед. Мусульманские центр и левый фланг ударили римлянам в лоб, но не стали развивать наступление. На правом фланге кавалерия подготовилась ударить по левому римскому флангу. Оттуда Халид направил полк, чтобы вступить в бой с римской кавалерией на левом фланге и связать ее, а с остальной частью мусульманской конницы ударил в бок римскому левому флангу (по славянам), тогда как в это же самое время 'Амр неистово обрушился на него спереди. Славяне были храбрыми воинами, и в течение некоторого времени они держали героическую оборону, но, не получая поддержки от своей конницы, атакуемые и спереди, и с фланга, они были вынуждены отступить. Откатываясь назад под ударами Халида и 'Амра, они отошли к центру, где находились армяне.

Когда римский левый фланг рассыпался на части, 'Амр повел свой корпус вперед и, отклонившись немного влево, ударил по левому и теперь незащищенному флангу армян, в рядах которых из-за беспорядочного отступления побитых славян теперь царил изрядный хаос. Тем временем Халид развернул свою кавалерию и атаковал римскую кавалерию левого фланга, которую до этого втянул в бой отряд, отправленный им ранее. Вторая фаза мусульманского наступления началась тогда, когда Шурахбиль атаковал фронт армян, а 'Амр тем временем ударил по их флангу. Затем Халида нанес удар по кавалерии левого фланга и заставил ее отступить с занятых ею позиций. Эта конница, основательно потрепанная Халидом, спасая

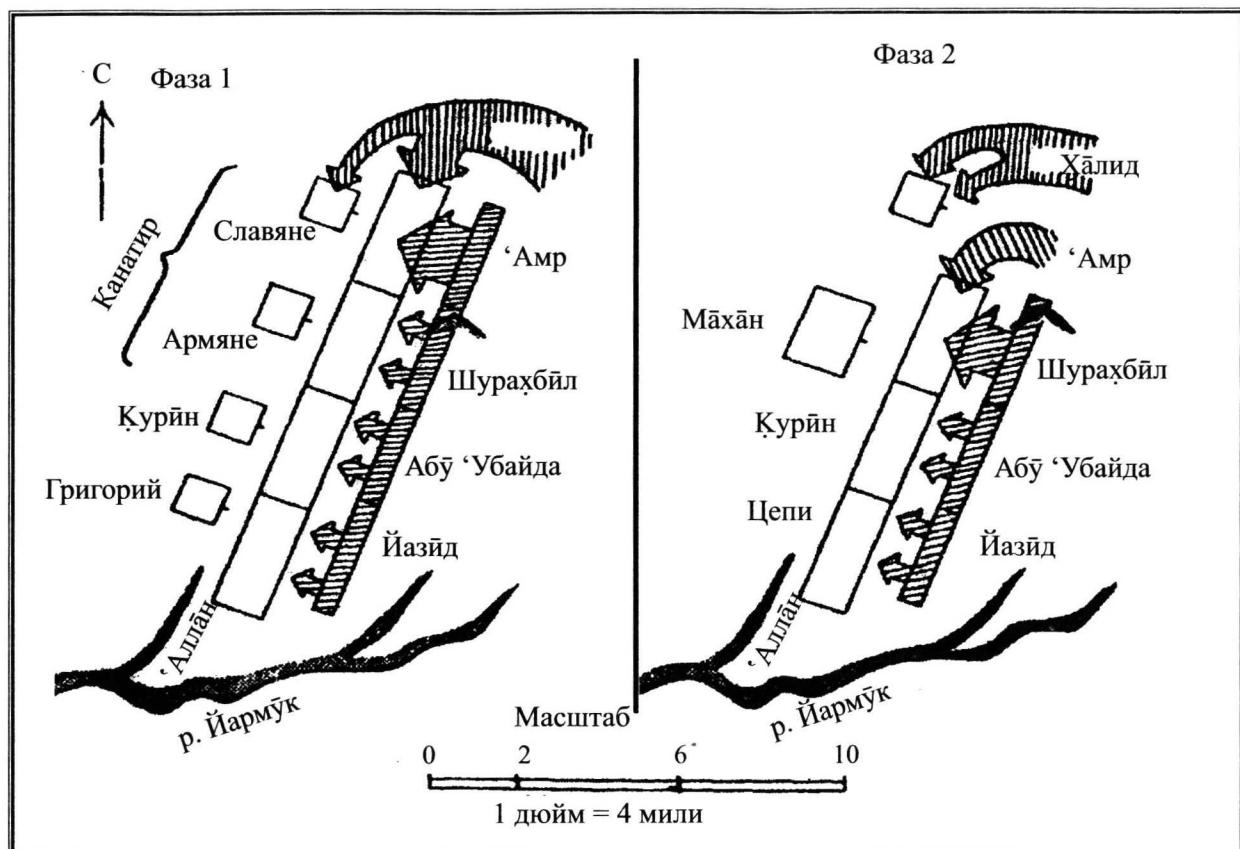
свою жизнь, ускакала в северном направлении. Она свое отвоевала. (См. карту 24.) Я не стану пытаться объяснить суть плана Халида, так как она станет понятной читателю по мере того, как мы будем следить за ходом сражения. Однако особо следует отметить намерение Халида в отношении вражеской конницы. Он вознамерился изгнать римскую конницу с поля боя, чтобы пехота, из которой состояла основная часть римской армии, осталась без поддержки кавалерии и тем самым оказалась бы незащищенной от атак с фланга и с тыла. В стремительных операциях кавалерия играла главную роль, и без нее пехота оказалась бы в незавидном положении, не имея возможности быстро передвигаться или спастись за счет стремительной смены позиции.

Примерно в то время, когда Халид гнал кавалерию левого фланга римлян, Махан собрал оставшуюся у него кавалерию в единый мощный, мобильный отряд, стоявший за римским центром, чтобы идти в контрнаступление и вернуть себе утраченные позиции. Однако еще до того как римская кавалерия приступила к осуществлению каких бы то ни было маневров, она была атакована с фронта и фланга мусульманской кавалерией. Римляне, побуждаемые беспрепятственным Маханом, какое-то время героически сражались, однако в такой стремительно меняющейся ситуации регулярная тяжелая кавалерия не могла сравниться с легкой, стремительно передвигавшейся конницией Халида, которая могла нанести удар, откатиться назад, совершить маневр и нанести новый удар. Наконец римская кавалерия, не видя иного выхода спастись от истребления, прекратила бой и ускакала на север, увлекая за собой пытающегося остановить ее Махана. Таким образом, римская кавалерия бросила пехоту на произвол судьбы. Всего с Маханом поле боя покинули 40 000 всадников, часть которых относилась к римской кавалерии, а другая часть — к мобильным отрядам арабов-христиан Джабалы ибн ал-Айхама.

Дирар в то утро не принимал участия в кавалерийских операциях. Мусульмане не видели знакомого полуобнаженного воина в битве, в которой он мог бы отличиться. Они не знали, где он, а Халид ничего им не говорил!

Тем временем армяне стойко отбивали попытки сокрушить их, предпринимавшиеся 'Амром и Шурахбilem. Эти два мусульманских корпуса смогли немного продвинуться вперед, но не слишком значительно, и это понятно, потому что армяне были по-настоящему героическими воинами. Абу 'Убайда и Йазид также наступали на римлян на своем фронте (хотя пока что они играли второстепенную роль, связывая силы противника), но им не давали развивать наступление армия Курйна и армия цепей. Именно на этой стадии

сражения изгнавший с поля боя римскую кавалерию Халид занялся армянами и ударили им в тыл. (См. карту 25.) Подвергшись атаке с трех сторон, армянские ряды раскололись на части. Бросая свои позиции, они бежали на юго-запад, в единственном оставшемся свободном направлении, и испытывали большое облегчение

Карта 24. Йармук — день шестой (1)

и удивление по поводу того, что мусульманская кавалерия не предпринимала ни малейших попыток помешать их отступлению, хотя ей это ничего бы не стоило. Армяне двигались в том направлении, где, по их мнению, они могли оказаться в безопасности. Они не подозревали, что Халид хотел, чтобы они пошли именно в этом направлении.

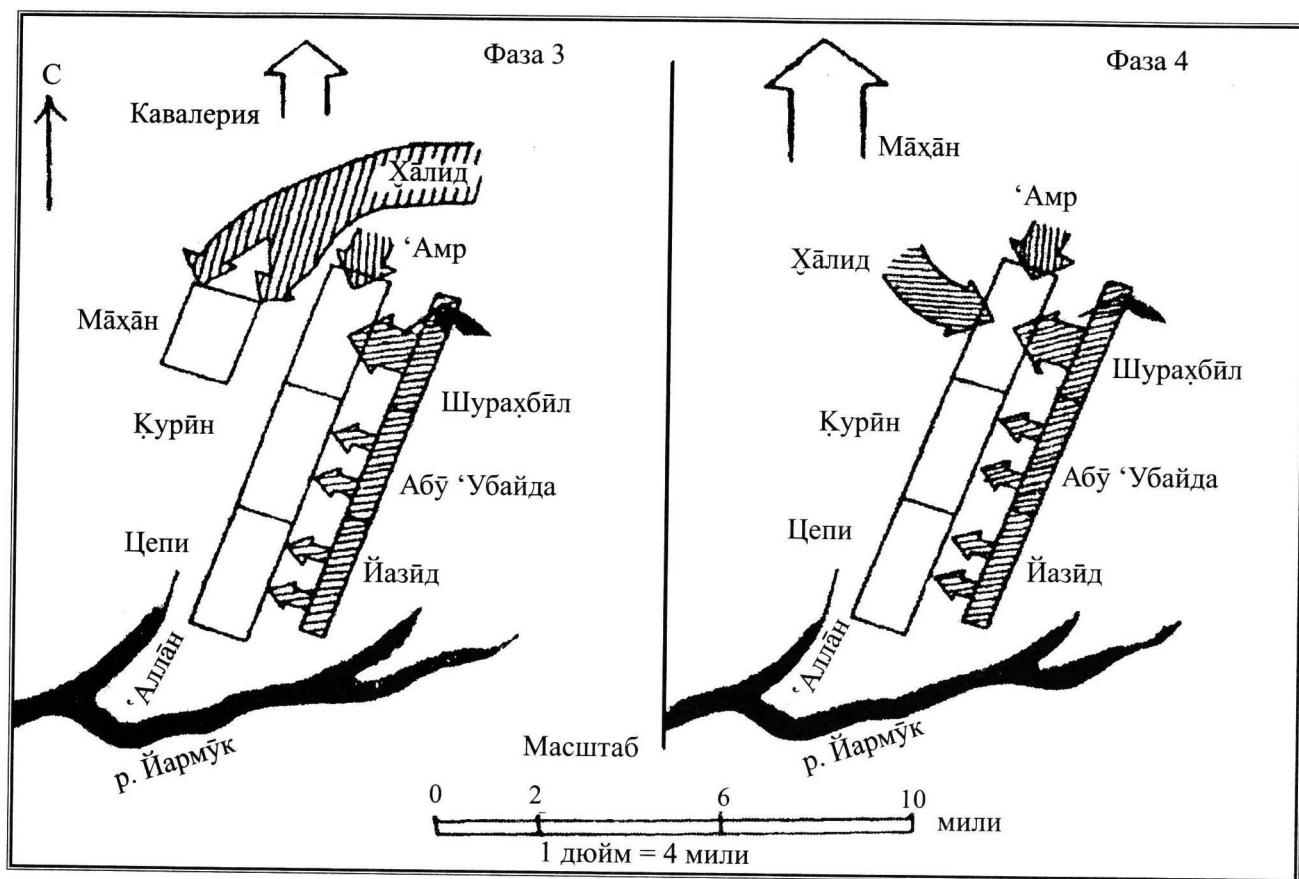
Когда армянская армия была ослаблена и, превратившись в толпу, перемешавшуюся с остатками славянской армии Канатира, побежала в сторону Вади ар-Ракгад, остальные римские армии поняли безнадежность своего положения. Их фланг и тыл оказались совершенно незащищенными. Поэтому они тоже начали отступать и стройными рядами, в полном порядке отходить в западном направлении. И вновь Халид не стал препятствовать их отходу.

Солнце еще не поднялось в зенит, когда вся римская пехота перешла в отступление: часть ее бежала, охваченная паникой, другая часть отступала в полном порядке. Она двигалась к Вади ар-Ракгад. За отступающими римлянами шли мусульманские корпуса, теперь выстроенные стройными рядами вдоль укороченного фронта. Мусульманская кавалерия переместилась севернее римской армии, чтобы никто не мог ускользнуть в этом направлении, хотя до того как этот путь к спасению был полностью перекрыт, им все же успели воспользоваться тысячи славян и армян. Так мусульмане взяли в кольцо уже разгромленную ими армию Кесаря.²⁸⁴

* * *

У бежавших с поля боя римлян было одно желание: оказаться как можно дальше от мусульман. Они знали, что путь на север перекрыт мусульманской конницей, однако оставалась еще одна возможность бегства — через Ракгад, в том месте, где находился брод, по хорошей дороге. И командиры вели своих воинов к этому броду. Когда первый полк дошел до брода, люди стали стремительно спускаться по склону ущелья, чтобы перебраться на другую сторону ручья. Здесь восточный склон был не таким отвесным, как в других частях ущелья, однако западный склон был намного круче, а в верхней его части дорога оказывалась зажатой

²⁸⁴ Утверждение некоторых более поздних западных писателей, что римляне потерпели поражение из-за того, что Халид воспользовался сильнейшей песчаной бурей, когда ветер дул в лицо римлянам, в корне неверно. Ни один мусульманский историк не упоминает об этой буре. Гибbon (т. 5, с. 327) утверждает, что, согласно Феофану, были «туча пыли и неблагоприятный ветер», но только ребенок может вообразить, что мусульманская армия, все еще состоявшая из примерно 30 000 способных носить оружие воинов, растянутая вдоль 11-милльного фронта, могла столь быстро осуществить столь тщательно продуманный маневр, просто воспользовавшись песчаной бурей. И это во времена, когда сообщения доставлялись всадниками! Это всего лишь попытка надменного западного историка найти предлог для объяснения понесенного римлянами поражения.

Карта 25. Йармук — день шестой (2)

между двумя обрывами, создавшими узкую горловину, в которой несколько отважных человек могли бы остановить целую армию.

Радуясь тому, что им удалось покинуть Равнину Иармука, передовой отряд тяжело поднимался по дороге на западном склоне ущелья. Лишь добравшись до верха, римляне заметили, что выше них находится отряд мусульман с обнаженными мечами, возглавляемый поджарым молодым воином, обнаженным до пояса!

Ночью Халид отправил Диара с 500 всадниками Мобильной Гвардии, велев им обойти римскую армию слева, переправиться через Вади ар-Ракгад и блокировать проход на другом берегу ущелья. Диар, проводником которого выступил араб-христианин Абу Джувайд,¹ блестяще выполнил маневр. Незаметно для римлян, которые считали, что переправа через Ракгад находится слишком далеко позади, чтобы иметь тактическое значение, он укрепился на правом берегу ущелья и укрыл своих людей неподалеку от брода. Диар со своими людьми стоял в верхней части западного берега и смотрел, как по склону поднимались усталые, с трудом переводящие дыхание римляне. (См. карту 26.)

Скоро на римлян обрушился град камней. Те немногие из них, кому удалось подняться наверх, внезапно попадали. Оказавшись под градом камней, первые ряды отпрянули, сминая тех, кто оказался за ними, а те, в свою очередь, откатились назад, сбивая с ног остальных. В результате атаки Диара римляне начали скатываться вниз, на дно ущелья, волнившей, извивающейся, все подминающей под себя лавиной.

Находившиеся еще на левом берегу римляне остановились, увидев кошмар, обрушившийся на передовой полк. Стало ясно, что и этот путь к отступлению отрезан. Из-за узости переправы, не оставлявшей места для маневра, ничего нельзя было предпринять, чтобы выбить Диара с занятой им позиции, поэтому римская армия начала защищаться от грозящего ей нападения с востока. Полководцы, которые по-прежнему оставались с армией, поспешно расставляли полки для обороны, разворачивая их тылом к Вади ар-Ракгад, чтобы их правый фланг упирался в реку Иармук. Они оказались зажатыми между двух огней — ущельем и мусульманами — и не могли решить, что хуже!

Под занавес шестого дня сражения началась заключительная фаза мусульманского наступления. (См. карту 27.) В этом забитом людьми уголке Равнины Иармука собралась уцелевшая треть римской армии, аккуратным полукругом выстроившаяся для обороны от мусульман: пехота стояла в восточной части, кавалерия — в северной. У мусульман здесь было не менее 30 000 человек. Время для действий

полководцев и маневров истекло. Искусство полководца позволило войскам занять идеальное место для ведения боя, и теперь дело было за солдатами. Полководцы обнажили мечи и стали такими же воинами, как все остальные, подобно львам пустыни, приготовившимся к последнему прыжку.

Атакующие ударили мечами и копьями по находившейся перед ними смешавшейся, бурлящей толпе. Местами римляне стояли так тесно, что у них не было возможности воспользоваться оружием, однако их передняя линия сражалась с героической, хотя и бессмысленной отвагой, стараясь остановить наступление. Вскоре бойцы передней линии были уничтожены, а затем, в процессе наступления мусульман, севших вокруг себя смерть рубящими, колющими, оглушающими ударами, — еще ряд, и еще. В клубах пыли и смятении римляне наталкивались друг на друга, и те, кто был недостаточно проворен, падали и погибали ужасной смертью, затоптанные собственными товарищами. Мусульманская кавалерия вместе с отрядом Диара загоняла римлян все дальше в угол, полностью лишая их свободы действия. Теперь уже всадники Халида действовали копытами и ногами своих лошадей, втаптывая в землю измученных римлян. Вопли римлян смешивались с криками мусульман, и вскоре последнее сопротивление прекратилось, сражение превратилось в побоище, обернувшись самым настоящим кошмаром. В последний раз римляне дрогнули и бросились в беспорядочное бегство. Те, у кого до сих пор сохранилось желание сражаться, были подхвачены волнами своих охваченных ужасом товарищей по оружию, особенно армией цепей, где воины, скованы цепями по десять человек, двигались и падали одновременно.

Мечась, как перепуганное стадо, толпа римлян оказалась прижатой к краю ущелья. Страшно было смотреть вниз, но неистовый натиск мусульман был не менее страшен. Задние ряды тупо наседали на передние, находившиеся на краю ущелья, и римское войско ряд за рядом начало срываться в пропасть. Некоторые продолжали издавать леденящие кровь вопли, пока долетали до dna, другие же кричали коротким криком, разбиваясь о каменистые утесы и продолжая падение в виде обезображеных, бесформенных останков.

Когда последний из римлян прекратил шевелиться, было почти темно. День «бушующего пожара» завершился. Величайшая из битв Халида была закончена.²⁸⁵

²⁸⁵ Мнения расходятся по поводу двух основных моментов этого сражения: численности войск противников и точного указания места, где проходило сражение. Комментарий по этому поводу см. в примечаниях 12 и 13 в приложении Б.

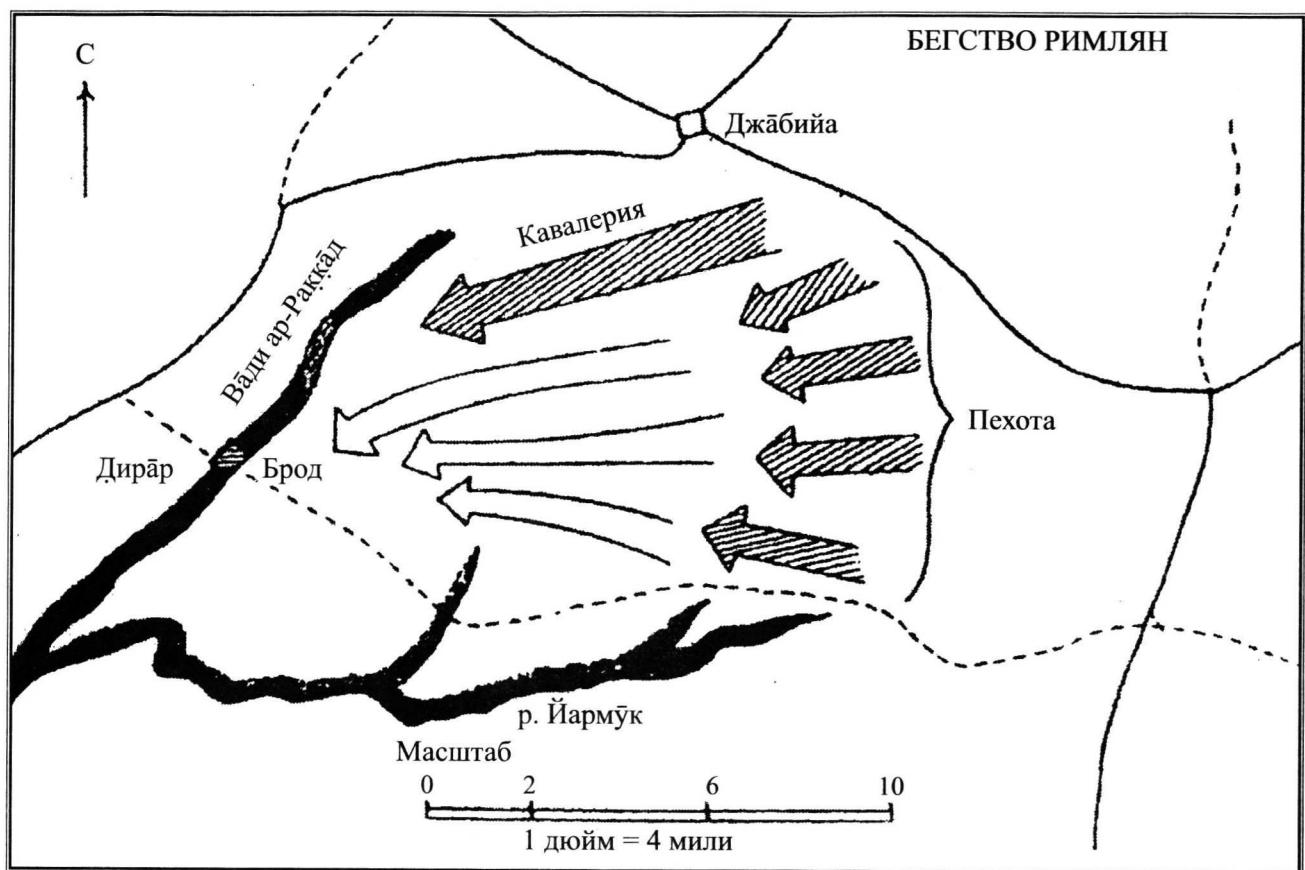
На следующий день, рано утром, пока остальная армия занималась сбором военных трофеев и хоронила мучеников, Халид с мусульманской кавалерией направился по дороге на Дамаск, надеясь догнать Махана. Римский главнокомандующий, подавленный разгромом его армии и не думавший о том, что мусульмане станут преследовать его, не торопился. Вскоре после полудня Халид догнал римлян в нескольких милях от Дамаска и немедленно обрушился на их арьергард. Махан бросился к арьергарду, чтобы командовать его действиями, и тут армянский царь и главнокомандующий имперской армией пал от руки мусульманского всадника. Вскоре после его смерти римская кавалерия развалилась на несколько отрядов и, поскакав на север и на запад, выскоцила из клещей Халида.

И вот жители Дамаска высыпали приветствовать Халида. Они напомнили ему о заключенном с ними два года назад договоре о сдаче города, и Халид заверил их, что они по-прежнему находятся под защитой заключенного договора.

На следующий день Халид воссоединился с мусульманской армией на Равнине Йармука.

Битва при Йармуке стала самым катастрофическим поражением, которое когда-либо наносилось Восточной Римской империи, и оно ознаменовало окончание римского правления в Сирии. Месяц спустя Ираклию пришлось покинуть Антиохию и по сухе отправиться в Константинополь. По прибытии на границу между Сирией и территорией, которую мусульмане называли «Римом», он оглянулся на Сирию и с грустью произнес: «Привет тебе, о Сирия, и прощай! Никогда больше римляне не ступят на твою землю без страха. О, какую прекрасную страну я оставляю врагу!»¹

Как образец военной операции, битва при Йармуке представляла собой сочетание многих тактических форм: фронтального столкновения, фронтального прорыва обороны, контратаки, отражения атаки, атаки с фланга, атаки с тыла и обходного маневра по флангу. План Халида держать оборону до тех пор, пока враг не выбьется из сил, дал блестящие результаты. В ходе оборонительной фазы, продолжавшейся в течение четырех дней, все наступательные удары Халида имели характер ограниченного тактического маневра, направленного на восстановление линии обороны. Он начал контрнаступление в последний день сражения, только после того как стало ясно, что римляне понесли основательные потери и больше не в состоянии продолжать наступление. В тот день Халид обрушился на позиции римлян с фланга, но лишь после того как отелил

Карта 26. Йармук — день шестой (3)

пехоту от кавалерии и оставил первую беззащитной. Затем он загнал римскую пехоту в угол, образуемый Вади ар-Ракгад и рекой Йармук, заранее поставив Диара на переходе через ущелье, чтобы никто не смог ускользнуть, и начал свою последнюю, сокрушительную атаку. Ударив по наковальне Вади ар-Ракгад, мусульманский молот растер римскую армию в порошок.

Известно, что потери мусульман в этом сражении составили 4000 человек, и действительно мало было тех, кто прошел через него, не получив ранения, однако оценки римских потерь варьируются. Вакиди приводит цифры, завышенные до невероятности. Табари в одном месте²⁸⁶ указывает, что погибло 120 000 римлян, однако в другом месте цитирует Ибн Исхака, который привел цифру 70 000.²⁸⁷ Балазури также указывает, что погибло 70 000 римлян.²⁸⁸ Эта последняя цифра представляется достоверной, составляя 45 процентов от численности римской армии. Из этих 70 000 примерно половина погибла на равнине, а другая половина — в ущелье. Примерно 80 000 воинов, преимущественно тем, кто был на коне или верблюде, удалось спастись, в их число входят и те, кто сумел ускользнуть до того, как кольцо мусульман замкнулось. Многим даже удалось перебраться через Вади ар-Ракгад в местах, где берега были не столь обрывистыми.

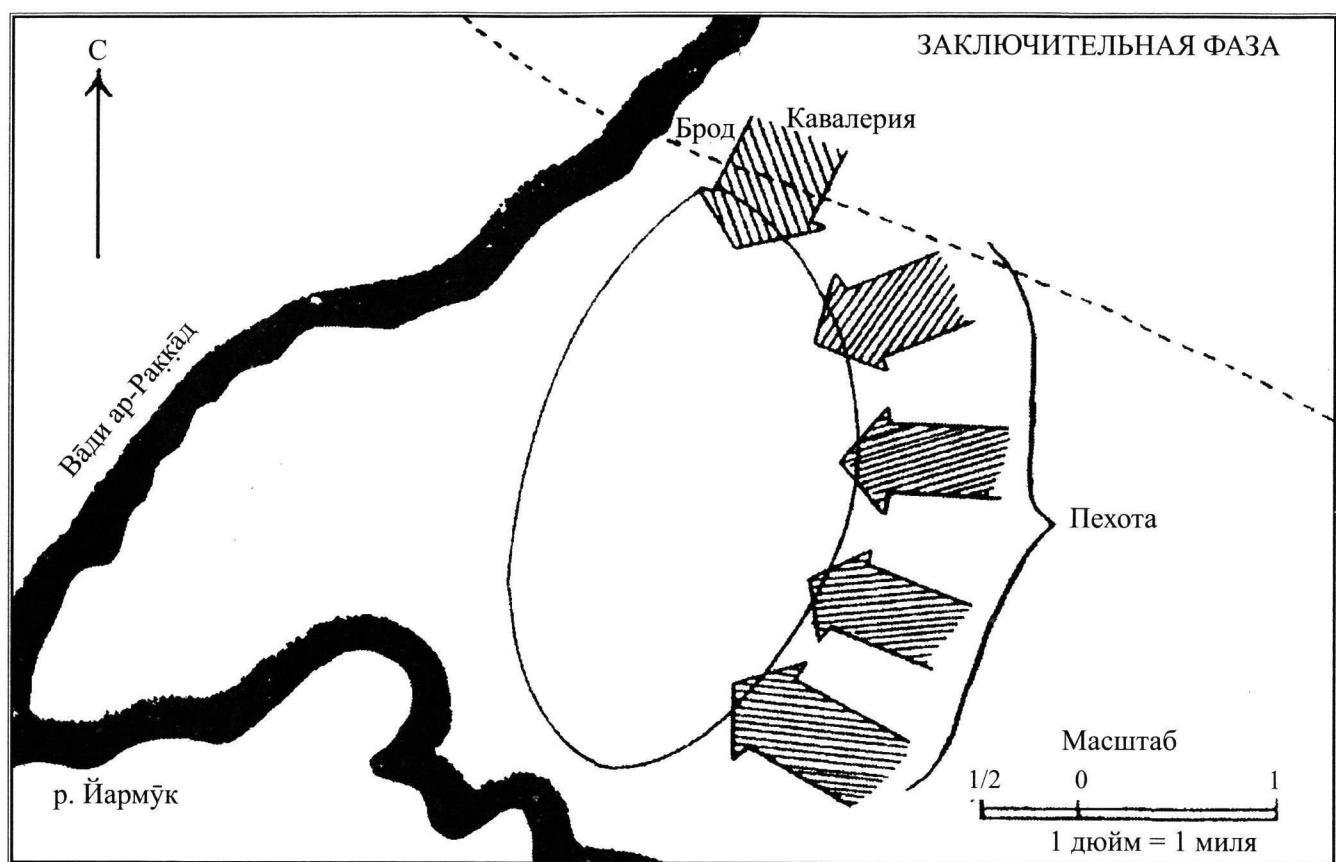
Битва при Йармуке стала славной победой Ислама, и Равнина Йармука и Вади ар-Ракгад были тому убедительными, хотя и страшными свидетельствами. Там лежали десятки тысяч растерзанных римских тел, поодиночке и грудами, на самой равнине и на дне ущелья. Наиболее ужасные следы кровавого побоища остались в углу равнинны и в самом ущелье. Повсюду были разбросаны исковерканные, изуродованные, обезображеные тела, застывшие в нелепых позах. На пропитанной кровью земле валялись залитые кровью тела с отрубленными конечностями, и невидящий взор мертвцев был устремлен в бесконечность смерти. Тысячи римских трупов застыли со сломанными мечами в руках, сдержав клятву биться насмерть, данную ими накануне сражения. И меж этих солдат лежало бесчисленное множество тел священнослужителей, продолжавших судорожно сжимать в руках кресты. Отвратительный запах тления наполнял и отравлял воздух на всей Равнине Йармука.

Гигантское героическое сражение завершилось: была одержана великая и ужасная победа.

²⁸⁶ Ат-Табари: т. 2, с. 596.

²⁸⁷ Там же: т. 3, с. 75.

²⁸⁸ Балазури: с. 141.

Карта 27. Йармук — день шестой (4)

Глава 36

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

После Йармука остатки римской армии поспешно отошли в Северную Сирию и на северную часть побережья Средиземного моря. Побежденные солдаты Рима, те, кто пережил ужасы Йармука, больше не могли сражаться. Победоносные воины Ислама тоже больше не могли сражаться. Абу 'Убайда направил отряд, чтобы занять Дамаск, а сам с остальной армией в течение целого месяца оставался в районе Джабии. В течение этого периода воины отдыхали: трофеи были собраны, осмотрены и распределены, раненым дали время поправиться. Было много неотложных административных дел, и полководцы не имели свободного времени.

В начале октября 636 г. (в конце месяца ша'бан, 15 г. хиджры) Абу 'Убайда созвал военный совет для того, чтобы обсудить дальнейшие планы. Мнения о целях варьировались от Кайсарии до Иерусалима. Абу 'Убайда понимал значение обоих городов, которые до сего времени сопротивлялись всем попыткам мусульман захватить их, и, будучи не в состоянии сделать выбор, обратился за инструкциями к 'Умару. В своем ответе халиф приказал мусульманам взять Иерусалим. Поэтому Абу 'Убайда направился из Джабии к Иерусалиму. Во главе его войска двигался Халид со своей Мобильной Гвардией. Мусульмане прибыли к Иерусалиму примерно в начале ноября, и римский гарнизон укрылся в укрепленном городе.

Осада продолжалась беспрерывно на протяжении 4 месяцев. Затем патриарх иерусалимский Софроний предложил сдать город и выплачивать джизью, но только при условии, что сам халиф приедет, подпишет с ним договор и примет капитуляцию. Когда мусульмане узнали про условия, выдвинутые патриархом, Шурахбиль предложил не ждать приезда 'Умара из Медины, а отправить Халида под видом халифа. 'Умар и Халид были очень похожи друг на друга²⁸⁹ а поскольку жители Иерусалима лишь слышали о Халиде, то, возможно, они бы и не заметили подмены. Мусульманам надо было лишь сказать, что на самом деле их халиф уже здесь, — вот он, пожалуйста!

На следующее утро патриарху сообщили о том, что халиф здесь, и Халид, облаченный в простую одежду из самой дешевой ткани, похожую на ту, которую всегда носил 'Умар, подъехал к крепости для переговоров с патриархом. Однако ничего не вышло. Халид был

²⁸⁹ Вакиди: с. 162; Исфахани: т. 15, с. 12, 56.

слишком известен, и, должно быть, в Иерусалиме было немало арабов-христиан, которые бывали в Медине и видели и 'Умара, и Халида, подметив разницу между ними. Кроме того, патриарх, наверное, очень удивился тому, что халиф оказался здесь как раз в то время, когда он понадобился! Как бы там ни было, уловку быстро разоблачили и патриарх отказался от переговоров. Когда Халид доложил о постигшей его неудаче, Абу 'Убайда написал 'Умару о сложившемся положении и попросил его приехать в Иерусалим, чтобы принять капитуляцию города. В ответ халиф с группой сподвижников выехал в свою первую из четырех поездок в Сирию.

Сначала 'Умар прибыл в Джабийу, где его встречали Абу 'Убайда, Халид и Йазид, выехавшие туда с эскортом, чтобы приветствовать халифа. 'Амр ибн ал-'Ас остался командовать мусульманской армией, осаждавшей Иерусалим. Халид и Йазид были разодеты в великолепные шелка и парчу и ехали на красиво убранных лошадях. Их вид привел 'Умара в ярость. Спешившись с коня, он схватил с земли пригоршню мелких камешков и швырнул их в двух разряженных генералов. «Как вам не стыдно, — вскричал халиф, — встречать меня в таком виде! Вы едите досыта только в течение последних двух лет. Стыдитесь того, что с вами сотворило обилие еды! Именем Аллаха, если бы вы поступили так через 200 лет благородства, я все равно снял бы вас с ваших постов и назначил бы на них других людей».²⁹⁰

Сам 'Умар был в простой, залатанной одежде, такой же, как и та, которую он носил во времена Святого Пророка. Став халифом, он не изменил своему аскетическому и праведному образу жизни и продолжал сторониться роскоши и всего показного.

Выпутываясь из неприятного положения, Халид и Йазид поспешили распахнуть свои одежды и показали доспехи и оружие, которые скрывались под ними. «О Повелитель Правоверных! — вскричали они. — Это только одежды. Мы по-прежнему носим оружие».¹ После этих слов гнев 'Умара заметно поубавился. Затем подошел Абу 'Убайда, как всегда, одетый просто и скромно, и халиф с главнокомандующим пожали друг другу руки и обнялись.

Из Джабиии 'Умар, сопровождаемый своими генералами и почетным караулом, направился в Иерусалим. Для воинов-мусульман его прибытие в Иерусалим было великим событием, и они ликовали при виде своего правителя.

На следующий день, около полудня, 'Умар сидел с большой группой сподвижников, беседуя о разных вещах. Приближалось время дневной

²⁹⁰ Ат-Табари: т. 3, с. 103.

молитвы. Там был и негр Билал. Билал, о котором упоминалось в главе 2 этой книги, на заре Ислама претерпел много пыток от рук неверующих курайшитов, но не изменил своей вере. Когда во 2 г. хиджры был введен азан, Пророк назначил Билала муэдзином, и с тех пор 5 раз в день над Мединой раздавался сильный и мелодичный голос Билала, призывающий правоверных на молитву. Со временем Билал превратился в уважаемого за праведность мусульманина и стал одним из ближайших и наиболее почитаемых сподвижников Святого Пророка. Однако после смерти Святого Пророка Билал замолчал, больше он к азану не призывал.

Некоторые сподвижники думали, что, возможно, открытие Иерусалима покажется Билалу достаточно важным событием, чтобы нарушить молчание. Они попросили 'Умара убедить его призвать людей на молитву хотя бы один раз! 'Умар обратился к Билалу: «О Билал! Сподвижники Посланника Аллаха просят тебя провозгласить азан и напомнить им о временах их Пророка, Аллах да благословит его и дарует ему мир». В течение нескольких минут Билал пребывал в раздумье. Затем он взглянул на исполненные надежды лица сподвижников и на тысячи мусульманских воинов, собирающихся на общую молитву. И вот он встал. Билал снова будет призывать на молитву!

Восхитительный голос знаменитого муэдзина разнесся по всей округе. Когда он вознес первые слова, Аллах — Величайший, мысли правоверных обратились к возлюбленному Мухаммаду и на глаза у них навернулись слезы. Когда Билал дошел до слов: Мухаммад — Посланник Аллаха, его слушатели не выдержали и заплакали.

На следующий день был заключен договор.²⁹¹ От имени мусульман его подписал халиф 'Умар, а засвидетельствовали его Халид, 'Амр ибн ал- 'Ас, 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф и Му'авийя. Иерусалим капитулировал перед халифом, и в священном городе воцарился мир. Это произошло в апреле 637 г. (месяц рабй' ал-аввал, 16 г. хиджры). Пробыв в Иерусалиме 10 дней, халиф вернулся в Медину.

Согласно указаниям халифа, Йазид направился к Кайсарию и вновь осадил этот портовый город. 'Амр и Шурахбиль отправились вторично овладеть Палестиной и Иорданией, завершив эти задачи к концу текущего года. Между тем Кайсарию удалось взять лишь в 640 г. (19 г. хиджры), когда ее гарнизон наконец сложил оружие перед Му'авийей, Абу 'Убайдой и Халидом и армией из 17 000 человек, выступившей из Иерусалима для того, чтобы подчинить всю Северную Сирию.

²⁹¹ Согласно некоторым сообщениям, на самом деле договор был подписан с представителями патриарха в Джабийе, а уже после его подписания 'Умар направился к Иерусалиму и принял капитуляцию города.

* * *

Абу 'Убайда направился в Дамаск, который уже находился в руках мусульман, а затем — в Эмессу, приветствовавшую его возвращение. Следующей целью был Кинасарин, и к нему армия двинулась с Халидом и Мобильной Гвардией в авангарде. Через несколько дней Мобильная Гвардия добралась до Хадира, находящегося в 3 милях к востоку от Кинасарина, и там она подверглась нападению большого римского войска.²⁹²

Римским военачальником Кинасарина был генерал Минас — выдающийся воин, пользовавшийся любовью своих подчиненных. Минас понимал, что если он останется в Кинасарине, то подвергнется осаде мусульман и в конце концов будет вынужден сдаться, так как в настоящее время ему не приходилось рассчитывать на помощь императора. Поэтому Минас решил перейти в наступление и напасть на авангард мусульман задолго до того, как он подойдет к городу и к нему присоединится основная часть армии. Во исполнение этого плана Минас напал на Мобильную Гвардию в районе Хадира; численность его войска в источниках не указывается.

Построить конницу к бою было для Халида делом нескольких минут, и вскоре под Хадиром завязался жестокий бой. В самом начале сражения был убит Минас, а когда по войску разлетелось известие о его гибели, римляне озверели от гнева и бросились в яростную атаку, чтобы отомстить за смерть любимого командира. Однако перед ними был лучший военный отряд своего времени. Жажда мести обернулась для римлян полным разгромом, и в бою под Хадиром не уцелел ни один из них.²⁹³ Для Мобильной Гвардии этот бой стал еще одной очередной победой.

Как только сражение завершилось, жители Хадира вышли из города, чтобы приветствовать Халида. Они утверждали, что являются арабами и не собирались сражаться с ним. Халид принял их капитуляцию и направился к Кинасарину.

Когда Умар получил сообщения о сражении под Хадиром, он не стал скрывать своего восхищения военным гением Халида. «Халид — настоящий полководец,²⁹⁴ — воскликнул 'Умар. — Аллах, да смилиостивится над Абу Бакром. Он лучше разбирался в людях, чем я».²⁹⁵ Так 'Умар впервые допустил, что был не прав в оценке Халида.

²⁹² Хадир существует и в наше время, представляя собой крупную деревню, население которой занимается сельским хозяйством.

²⁹³ Ат-Табари: т. 3, с. 98.

²⁹⁴ В буквальном переводе: «Халид сделал себя полководцем», то есть эта роль естественна для него.

²⁹⁵ Ат-Табари: т. 3, с. 98.

В Кинасаринской крепости засела та часть римского гарнизона, которая не пошла с Минасом в Хадир. Сразу по прибытии Халид отправил к гарнизону обращение: «Если бы вы были на облаках, Аллах поднял бы нас или опустил бы вас, чтобы мы могли сразиться с вами».²⁹⁶ Кинасарин без проволочек капитулировал перед Халидом. Битва под Хадиром и капитуляция Кинасарина произошли примерно в июне 637 г. (в месяц джумада-л-ула 16 г. хиджры).²⁹⁷

Приезжающий в Кинасарин в наши дни воображает, что перед ним предстанут развалины города — древние руины, какие можно наблюдать в разных уголках Сирии. Однако при ближайшем рассмотрении он обнаружит, что это не руины, а колоссальные беловатые скалы и пещеры, которых сама природа сделала похожими на руины. На самом деле от Кинасарина не осталось ничего — ни камня, ни кирпича.

Затем Абу 'Убайда присоединился к Халиду в Кинасарине, и армия двинулась к Алеппо, где в крепости находился мощный гарнизон под командованием генерала Иоахима. Этот генерал, рассуждая так же, как комендант Кинасарина, вышел из крепости, чтобы сразиться с мусульманами в открытом бою, и в 6 милях к югу от города вступил в бой с Мобильной Гвардией. Там разыгралось кровавое сражение, в котором римляне были разбиты, а поумневший Иоахим поспешил отступить назад и укрылся в крепости.

Алеппо представлял собой большой окруженный стеной город, за пределами которой, на вершине холма, стояла крепость, которая была меньшего размера, но казалась неприступной. Она имела размер чуть больше четверти мили в попечнике, а вокруг нее шел широкий ров. Мусульмане подошли к крепости и взяли ее в осаду. Иоахим был очень смелым полководцем и попытался совершить несколько вылазок, чтобы прорвать осаду, но каждый раз эти действия оборачивались для него тяжелыми потерями. После нескольких подобных дней римляне решили оставаться в крепости и ждать той помощи, которую, может быть, сумеет направить к ним Ираклий. Между тем Ираклий не имел возможности прислать эту помощь, и четыре месяца спустя, примерно в октябре 637 г., римляне капитулировали на предложенных условиях. Воинам гарнизона было позволено спокойно уйти; однако Иоахим не пожелал уходить. Он стал мусульманином и вызвался служить под

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Кинасарин находился к югу — юго-западу от Алеппо. Города находились в 20 милях друг от друга, если передвигаться по дороге, и в 18 милях, если отсчитывать по прямой. Кинасарин стоял на невысокой горной гряде, тянущейся вдоль современного шоссе Алеппо — Саакиб, однако большая часть города находилась на южном склоне восточной части гряды, то есть восточнее шоссе. В настоящее время эта горная грива называется Уллайс, и точно такое же название носит маленькая деревушка, стоящая там, где прежде, вероятно, находилась юго-восточная оконечность Кинасарина.

знаменем Ислама. Действительно, в течение нескольких последующих недель он доказал, что является исключительно способным и лояльным офицером, сражаясь под началом различных мусульманских полководцев.

Когда Алеппо пал, Абу 'Убайда направил колонну под командованием Малика Аштара на взятие 'Азаза, находившегося на пути в «Рум». Область, которую мусульмане называли Румом, включала в себя территорию, которая сейчас является Южной Турцией восточнее гор Тавр. С помощью Иоахима Малик взял А'заз и подписал договор с местным населением, после чего они вернулись в Алеппо. Взятие А'заза и освобождение его от римлян было крайне важно для того, чтобы не допустить присутствия каких бы то ни было римских отрядов севернее Алеппо, откуда они могли ударить во фланг или в тыл мусульманам в ходе следующей крупной операции. Как только Малик присоединился к армии, Абу 'Убайда пошел на запад брать Антиохию. (См. карту 28.)

Армия проследовала через Харим и подошла к Антиохии с восточного направления. Примерно в 12 милях от города, в Махрабе, где через реку Оронт (ныне называющуюся Ал-Аси) был переброшен железный мост, мусульмане натолкнулись на крупную армию защитников Антиохии. Там произошло крупное сражение, подробности которого летописи не зафиксировали, и римляне были основательно потрепаны Абу 'Убайдой, в чем вновь заметную роль сыграли Халид и его Мобильная Гвардия. Если отбросить Аджнадайн и Иармук, то потери римлян в этом бою считаются наиболее крупными за всю Сирийскую кампанию, остатки римской армии беспорядочно побежали к городу. Мусульмане подошли к Антиохии и взяли город в осаду, однако через несколько дней величавший сирийский город, столица азиатской зоны Восточной Римской империи, капитулировал перед мусульманами. Абу 'Убайда вступил в Антиохию 30 октября 637 г. (5-го дня месяца шаввал, 16 г. хиджры). Потерпевшим поражение римским солдатам было позволено уйти с миром.

После капитуляции Антиохии мусульманские колонны двинулись к югу вдоль побережья Средиземного моря и захватили Латакию, Джаблу и Тартус, тем самым освободив от неприятеля большую часть Северо-Западной Сирии. Затем Абу 'Убайда направился в Алеппо, и в процессе этого перехода его отряды подчинили оставшуюся часть Северной Сирии. Халид повел свою Мобильную Гвардию в рейд по восточным областям вплоть до Евфрата в окрестностях Мунбиджа, но не встретил особого сопротивления. В начале января 638 г. он присоединился к Абу 'Убайде в Алеппо.

Теперь вся Сирия была в руках мусульман. Абу 'Убайда оставил Халида военачальником и правителем Кинасарйна и вернулся с остальной армией в Эмессу, где приступил к исполнению обязанностей правителя региона Эмессы, в который входил и Кинасарайн. Из Кинасарйна Халид должен был следить за северными рубежами.

* * *

К концу 16 г. хиджры (примерно 637 г. н. э.) вся Сирия и Палестина, не считая Кайсарии, которая все еще продолжала держаться, оказались в руках мусульман. Различные мусульманские военные командиры приступили к исполнению обязанностей правителей провинций. 'Амр ибн ал-'Ас в Палестине, Шурахбиль в Иордании, Йазид в Дамаске (но в рассматриваемый момент он был занят осадой Кайсарии) и Абу 'Убайды в Эмессе. Халид занимал более низкую административную должность в Кинасарйне, оставаясь под началом Абу 'Убайды. Такое состояние мира сохранялось в течение нескольких месяцев до середины лета 638 г., когда над Северной Сирией начали сгущаться тучи. На этот раз на тропу войны вышли арабы-христиане Джазиры.

Ираклий больше не мог вернуться в Сирию с помощью военной силы. На самом деле в то время его больше беспокоила остальная часть его империи, которая после разгрома его войска под Йармуком и Антиохии оказалась совершенно не защищенной от мусульман. У Ираклия осталось мало военных ресурсов, с помощью которых он мог бы защитить свои владения от армии, которая одерживала одну победу за другой. Для того чтобы выиграть время и успеть подготовиться к защите, было необходимо задержать мусульман в Сирии, и он решил эту задачу, побудив арабов Джазиры предпринять наступление на мусульман. Связанные с ним узами религии, арабы подчинились его убеждениям и, собрав десятки тысяч воинов, начали готовиться к переправе через Евфрат и вторжению в Северную Сирию с востока.

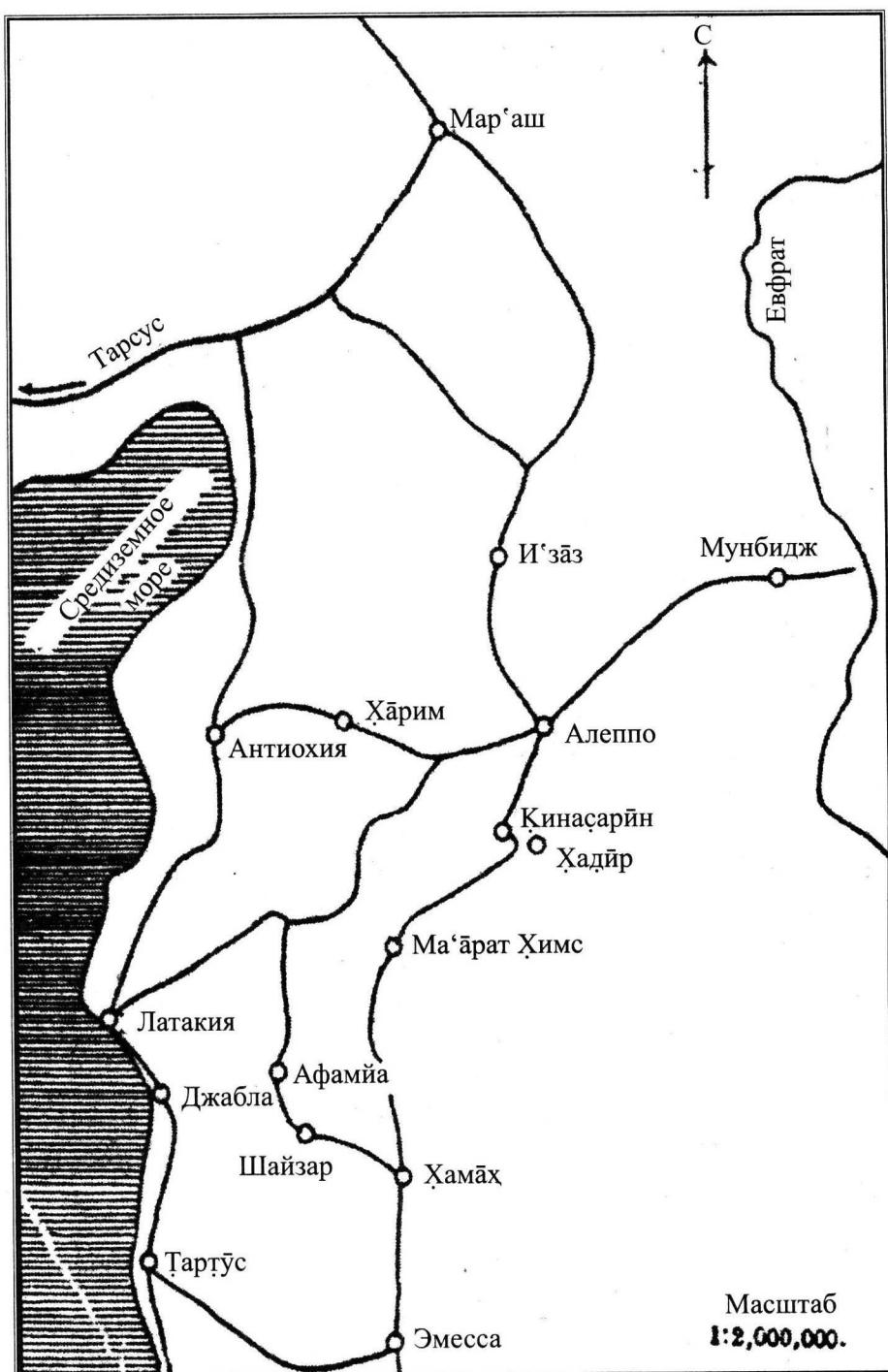
Разведчики сообщали Абу 'Убайде информацию об идущих в Джазире приготовлениях. Когда враждебно настроены арабы двинулись в путь, Абу 'Убайда созвал военный совет, чтобы обсудить складывающуюся ситуацию. Халид горячо настаивал на том, чтобы выйти из городов единой армией и на открытой местности дать бой арабам-христианам, однако другие генералы предпочитали дать генеральное сражение под Эмессой. Абу 'Убайда встал на сторону большинства и призвал к себе Мобильную Гвардию из Кинасарйна и другие отряды из мест, которые они занимали в Северной Сирии. Он

сконцентрировал свою армию в районе Эмессы и одновременно сообщил о происходящем 'Умару.

'Умар не сомневался в том, что Абу 'Убайда и Халид справятся с угрожавшей им в настоящее время нерегулярной армией, однако, несмотря на это, он решил оказать им помощь и сделал это самым необычным образом. Он послал распоряжение Са'ду ибн Абу Ваккасу, мусульманскому главнокомандующему в Ираке, ввести в Джазиру три армейские колонны: первую, под командованием Сухайла ибн 'Адй, следовало направить на Ракку, вторую, которой командовал 'Абдаллах ибн 'Утбан, — на Насийбин, а третьей, с 'Иядом ибн Ганамом во главе, предстояло действовать между двумя другими. (См. карту 29.) Одновременно 'Умар распределился отправить на подкрепление Абу 'Убайды 4000 человек под командованием Ка'ка' ибн 'Амра из Ирака в Эмессу, вдоль берегов Евфрата.

Арабы-христиане подошли к Эмессе, чтобы убедиться в том, что мусульмане надежно заперлись в крепости и, не зная, что предпринять, взяли город в осаду. Однако едва началась осада, из Джазиры галопом прискакали гонцы, сообщая, что мусульмане идут из Ирака на Джазиру. Теперь арабы-христиане поняли абсурдность своего положения: пока они сражаются с мусульманами в Сирии, вытаскивая каштаны из огня для Ираклия, их собственная земля может достаться мусульманам, наступающим с другого направления. Они сняли осаду и поспешили назад, в Джазиру, и это было единственно разумное решение. Ка'ка' прибыл в Эмессу через 3 дня после отхода арабов-христиан.

Как только три мусульманские колонны из Ирака узнали о том, что арабы-христиане вернулись домой, они остановились в своем движении и стали ждать дальнейших распоряжений Са'да. Их миссия завершилась. Этим точно рассчитанным косвенным маневром 'Умар без единой выпущенной стрелы заставил отступить армию вторжения, следовавшую из Джазиры!

Карта 28. Северная Сирия

* * *

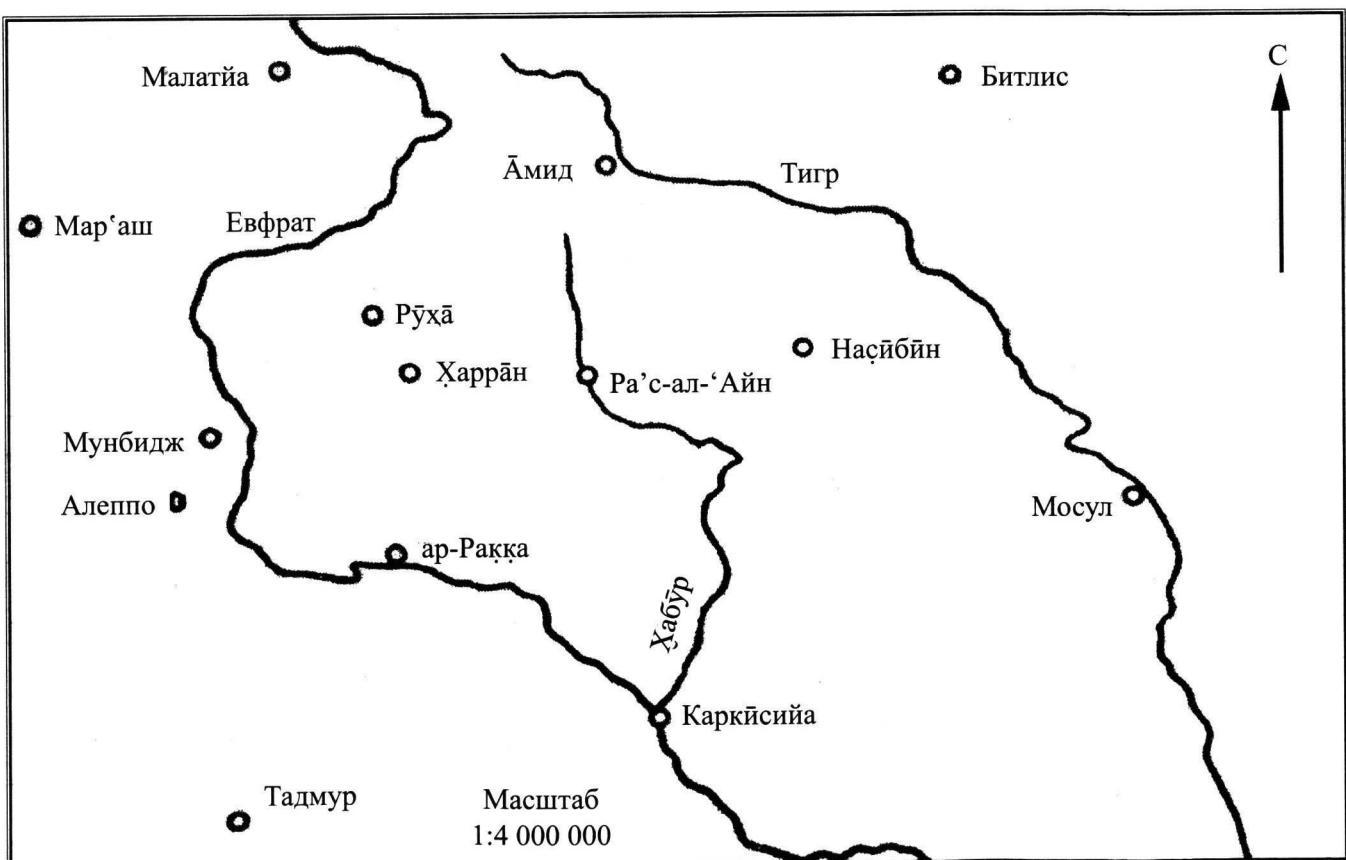
Неудачная попытка джазиреких арабов сразиться с мусульманами не повредила мусульманам в Сирии. Однако она пробудила в арабах гнев и заставила их осознать, что они не смогут считать Сирию своим владением до тех пор, пока не очистят соседние земли от враждебных элементов. Такие элементы существовали в Джазире и регионе восточнее гор Таурус; и их необходимо было уничтожить или покорить, чтобы создать зону безопасности вдоль сирийских границ.

'Умар решил начать с Джазирьи. Он приказал Са'ду подготовиться к ее усмирению и назначил 'Ийада ибн Ганама командующим на этом театре военных действий. Са'д велел 'Ийаду продолжать поход в Джазиру теми силами, которые находились под его началом, и мусульмане из Ирака вновь двинулись вперед в конце лета 638 г. 'Ийад действовал тремя колоннами и через несколько недель вторгся в регион между Тигром и Евфратом, пройдя до Насийбина и Рухи (современной 'Урфы). (См. карту 29.) Эта операция обошлась без кровопролитий.'

Как только была занята часть Джазирьи, Абу 'Убайда написал 'Умару, прося, чтобы 'Ийада перевели под его командование, чтобы он мог использовать его для рейдов за пределы северной границы. 'Умар согласился исполнить его просьбу, и 'Ийад с частью войска, посланного из Ирака в Джазиру, прибыл в Эмессу.

Осенью 638 г. Абу 'Убайда направил несколько колонн, в том числе две под командованием Халида и 'Ийада, в набег на римскую территорию к северу от Сирии до самого западного Тарсуса. Целью Халида был Мар'аш, и, прибыв к месту назначения, он взял в осаду город, в котором находился римский гарнизон. К этому времени одного присутствия Халида было достаточно, чтобы вселить страх в сердца римлян, и через несколько дней Мар'аш капитулировал при условии, что гарнизону и жителям не будет причинено вреда. Что касается материальных ценностей, мусульмане могли взять все, что пожелают. И мусульмане взяли. Халид вернулся в Кинасарийн, нагруженный такими трофеями, какие редко удавалось увидеть прежде. Одних только взятых в Мар'аше трофеев было достаточно для того, чтобы участники похода обогатились на всю оставшуюся жизнь.

Если бы в юности Халид научился быть скаредным, он стал бы богатейшим человеком своего времени. В те времена существовал обычай, по которому воин, одержавший победу на поединке, получал все имущество побежденного врага, и это была награда, достававшаяся ему

Карта 29. Джазайра

помимо его обычной доли трофеев, захваченных в сражении. В мусульманской армии Халид сражался в поединках больше, чем кто-либо другой. Кроме того, его противниками обычно бывали полководцы, имевшие более дорогие доспехи и оружие, чем другие, особенно персидские и римские полководцы, у которых одежда была разукрашена золотом и самоцветами. Таким образом, Халиду доставалось больше ценностей, чем другим, однако богатство утекало у него меж пальцев, словно песок. Он любил жить хорошо и проявлять щедрость. Какое бы богатство ему ни доставалось в бою, его хватало лишь до следующего сражения. У Халида было множество рабов. Он многократно женился и имел десятки детей, а на содержание домочадцев требовалось немало средств. Кроме того, были и солдаты. После каждого сражения Халид выбирал воинов, которые сражались лучше других, и делал им дополнительные дары из собственного кармана.

Это было известно аскетичному и скромному в привычках халифу,²⁹⁸ который относился к этому не как к щедрости, а как к излишеству.

По возвращении Халида из Мар'аша произошло то же, что всегда: он щедро одарил своих солдат. А к тому времени в мусульманской армии появились некоторые беспринципные личности, которые в чисто восточном стиле окружали успешных полководцев, пели им хвалу и получали за это дары. Одним из таких людей был Аш'ас ибн Кайс, предводитель Кинда, упоминавшийся в части II данной книги. (Он возглавлял отступнический мятеж своего племени в Йемене и спасся в последнюю минуту, предав собственных последователей!) Аш'ас был выдающимся поэтом. Он явился к Халиду в Кинасарйне и прочитал ему красивое стихотворение, восхвалявшее великого завоевателя, в награду Халид дал ему 10 000 дирхамов. Через пару недель шпионы халифа сообщили ему об этом эпизоде, и 'Умар пришел в ярость. Это было, по мнению 'Умара, уже слишком!

Аш'ас не знал, что, декламируя свои пышные стихи, он на самом деле рыл яму для военной карьеры Халида.

²⁹⁸ Доходы Халида от поединков и его доля трофеев не являлись частью его жалования, которое у командующего корпусом колебалось от 7000 до 9000 дирхамов в год (Абу Иусуф: с. 46).

Глава 37

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Незадолго до похода на Мар'аш Халид принял особую ванну. Подобно тому, как он хорошо делал все остальное, он и ванну принял хорошую. У него было особое снадобье, приготовленное на основе спирта, которое, как считалось, при наружном применении оказывало успокаивающее воздействие на тело. Халид натер тело этим снадобьем и насладился ванной, из которой он появился сияющим чистотой и освеженным.

Через несколько дней он получил послание халифа: «До меня дошло, что ты растирался спиртом. Помни, Аллах запретил спиртное, как и все, что содержит спирт, равно как он запретил греховное как по форме, так и по содержанию. Он запретил добавлять спирт в ванну так же, как запретил пить его. Да не коснется он твоего тела, ибо он — нечист».

Халид решил, что халиф слишком широко трактует мусульманский запрет на спиртное. Подобно всем сподвижникам, Халид досконально знал Священное Писание и знал, что аяты Корана о спиртном касались только употребления его внутрь и что осуждение крепких напитков было направлено против пьянства и алкоголизма. Коран ничего не говорил относительно наружного применения масел и притираний, в состав которых входил спирт. Халид написал 'Умару ответ, объясняя способ изготовления вызвавшего негодование халифа препарата с использованием спиртовой смеси, очищенной кипячением. Он добавил: «Мы умерщвляем его, чтобы он стал водой для ванны, без спирта».

В вопросе интерпретации аятов Корана по поводу алкоголя сила была не на стороне 'Умара. Поэтому он удовольствовался тем, что написал Халиду: «Боюсь, что дом Мугйры²⁹⁹ полон неправедности. Аллах, да смилиостивится над тобой!»³⁰⁰ На этом все успокоилось. Мы не знаем, принимал ли Халид свою ванну впредь, вероятно, нет. Однако ясно, что Халид, отвергнув мнение 'Умара относительно наружного применения спиртосодержащих препаратов, утратил благосклонность 'Умара, обретенную им в результате битвы за Хазир.

Вскоре после взятия Халидом Мар'аша, осенью 638 г. (17 г. хиджры), до 'Умара дошло, что Аш'ас получил 10 000 дирхамов за то, что прочел

²⁹⁹ Мугйра — дед Халида.

³⁰⁰ Ат-Табари: т. 3, с. 166.

воспевающие Халида стихи. Этого халиф уже не вынес. «Этому нужно положить конец!» — думал 'Умар. Он немедленно написал письмо Абу 'Убайде: «Поставь Халида перед общиной, свяжи ему руки его же чалмой, сорви с него его шапку. Спроси у него, из каких таких средств он дарил деньги Аш'асу <...> из своего кармана или из трофеев, захваченных во время похода? Если он признается, что взял их из военной добычи, он виновен в растрате. Если он признается, что давал их из собственного кармана, он виновен в расточительности. В любом случае, отстрани его и прими на себя его обязанности».³⁰¹ Это было весьма необычное послание. Хотя метод суда над виновным, описанный 'Умаром, был обычным среди арабов, в этом случае виновный не был обычным человеком. Указания халифа должны были быть выполнены одним из сподвижников высокого ранга, и для этой цели 'Умар избрал муэдзина Билала. Он вручил Билалу письмо, вкратце сообщил ему о его задаче в связи с делом Халида и приказал ему как можно скорее добраться до Эмессы.

Билал прибыл в Эмессу и вручил послание Абу 'Убайде, который прочитал его и опешил. Он не мог поверить, что можно так поступить с Мечом Аллаха, однако приказы халифа следовало выполнять, и Абу 'Убайда послал за Халидом.

Халид покинул Кинасарин, не подозревая о том, что его ожидало. Он думал, что его вызывают на очередной военный совет, что, возможно, предстоит очередной поход в «Рим» или даже полномасштабное вторжение в Византийскую империю. Он жаждал новых сражений и новой славы. Прибыв в Эмессу, он направился в дом Абу 'Убайды и там впервые узнал, для чего он был вызван Абу 'Убайдой. Главнокомандующий коротко объяснил Халиду, в чем его обвиняет 'Умар, и спросил, признает ли он свою вину. Халид был как громом поражен заявлением Абу 'Убайды и понял, что дело не ограничится допросом или обвинением, но представляет попытку старого недоброжелателя 'Умара ибн ал-Хаттаба отстранить его от должности. Он попросил Абу 'Убайду, чтобы тот дал ему немного времени, чтобы посоветоваться с сестрой, и Абу 'Убайда согласился подождать.

Халид пошел в дом своей сестры, Фатимы, которая в то время находилась в Эмессе, объяснил ей, в каком положении он оказался, и попросил у нее совета. Фатима подтвердила его подозрения. «Именем Аллаха, — сказала она, — 'Умар всегда будет недоволен тобой. Он только и хочет, чтобы ты признался в совершении какой-нибудь ошибки, чтобы можно было отстранить тебя».³⁰²

³⁰¹ Там же: т. 3, с. 167.

³⁰² Ат-Табари: т. 3, с. 167.

«Ты права», — сказал Халид. Он поцеловал сестру в голову и, вернувшись к Абу 'Убайде, сообщил, что не признает своей вины. После этого два полководца молча прошли туда, где собралось множество мусульман, большинство которых бросились вперед, чтобы пожать Халиду руку. На одном краю находилось возвышение, и Абу 'Убайда и Халид сели на нем лицом к общине. Рядом с Абу 'Убайдой сидел и чернокожий Билал.

На несколько минут воцарилась мертвая тишина. Мусульмане, как и Халид, понятия не имели, по какому поводу их собрали. Он не связывал обвинения, выдвинутые против него 'Умаром, с этим собранием, ибо ему никогда не приходило в голову, что его подвергнут публичному суду. Билал вопросительно смотрел на Абу 'Убайду, но Абу 'Убайда отвернулся от него. Он повиновался указаниям халифа в той мере, в какой считал это необходимым. Если такого человека, как Халид, оказавшего новому мусульманскому государству такие услуги, какие не оказал ни один другой полководец, нужно было подвергнуть публичному суду, он, Абу 'Убайда, не желал иметь никакого отношения к этому. Билал мог поступать так, как ему угодно.

Билал понял нежелание Абу 'Убайды. Он поднялся со своего места, повернулся к Халиду и громким голосом, который могли слышать все собравшиеся, объявил: «О Халид! Давал ли ты Аш'асу 10 000 дирхамов из своего собственного кармана или из военной добычи?»

Халид потрясенно уставился на Ибн Хишам. Он не верил своим ушам!

Билал повторил вопрос, однако Халид, впервые в жизни, потерял дар речи. Когда прошла еще минута, а Халид так и не ответил ему, Билал подошел к нему и со словами «Так повелевает Повелитель Правоверных» снял с Халида тюрбан и шапку и тюрбаном связал ему руки за спиной. И вновь посланник халифа заговорил: «Что ты ответишь? Из своего кармана или из военной добычи?»

Только теперь Халид обрел дар речи. «Нет! — заявил он. — Из своего кармана».

Услышав ответ, Билал развязал Халиду руки, надел на него его шапку и собственными руками повязал ему тюрбан. Он сказал: «Мы слушаемся и повинуемся нашим правителям. Мы почтаем их и служим им». После этого он вернулся на свое место и сел.

На несколько минут наступила гробовая тишина. Абу 'Убайда сидел, вперившись взором в пол. Затем Халид поднялся, все еще потрясенный тем, что произошло. Он не знал результата суда, не знал, был он отстранен от командования или все еще являлся командиром своего корпуса. Не желая ставить в неловкое положение мягкого Абу

'Убайду, Халид покинул собрание, оседлал коня и поехал в Кинасарайн.³⁰³

* * *

Билал вернулся в Медину и рассказал 'Умару обо всем, что произошло. Теперь халиф с нетерпением ожидал письма от Абу 'Убайды с подтверждением того, что он отстранил Халида от командования в Кинасарайне, однако когда прошла еще одна неделя, а письмо так и не пришло, 'Умар догадался, что Абу 'Убайде не хочется сообщать Халиду о том, что его отстраняют от должности. Халиф решил лично заняться этим делом и написал Халиду, отзывая его обратно в Медину.

Получив письмо 'Умара, Халид прибыл в Эмессу и спросил Абу 'Убайду о том, что он думает по этому поводу. Главнокомандующий сказал ему, что приказом халифа Халид отстранен от должности. «Аллах да смилиостивится над тобой, — сказал Халид. — Почему ты так поступил со мной? Ты скрыл от меня то, что мне следовало бы знать раньше».

В глазах Абу 'Убайды стояла печаль, но взор его был также исполнен любви и сочувствия, когда он ответил: «Именем Аллаха, я знал, что это причинит тебе боль. Я никогда бы не стал причинять тебе боль, если бы это зависело от меня».³⁰⁴

Халид вернулся в Кинасарайн, собрал свою Мобильную Гвардию и обратился с речью к воинам, которых он провел от одной победы к другой, — воинам, которые следовали за ним с беззаветной преданностью и верой в него. Халид сообщил им о том, что его освободили от командования и что теперь он отправляется в Медину, повинуясь приказаниям халифа. Затем он попрощался с Мобильной Гвардией — отрядом воинов, которые при Халиде не знали, что такое поражение.

Из Кинасарайна Халид вновь отправился в Эмессу, попрощался со всеми, а затем продолжил свой путь в Медину. Он ехал в Медину не как герой, возвращающийся домой с войны, чтобы принять почести своего благодарного правительства, а как человек, попавший в опалу.

Халид прибыл в Медину и направился к дому халифа. Однако он встретил 'Умара на улице. Когда эти великие люди, величайший правитель современности и величайший воин современности, приблизились друг к другу, в их глазах не было страха. Первым заговорил 'Умар. Он

³⁰³ Согласно одной версии, которая представляется ошибочной, 'Умар приказал Абу 'Убайде конфисковать половину имущества Халида, и Абу 'Убайда выполнил указания халифа с такой дотошной точностью, что забрал по одной туфле из каждой пары туфель Халида! (Ат-Табари: т. 2, с. 625; Йа'куби: Та'рих, т. 2, с. 140.)

³⁰⁴ Ат-Табари: т. 3, с. 167.

вспомнил стихотворение, воспевавшее достижения Халида, и процитировал его:

*Ты совершил
То, чего не совершал никто другой.
Однако дела вершат не люди;
Аллах вершил дела.*³⁰⁵

В ответ Халид сказал: «Я опротестую твой поступок перед лицом мусульман. Именем Аллаха, ты несправедливо обошелся со мной, о 'Умар!»

«Откуда все это богатство?» — возразил 'Умар.

«Это то, что осталось от моей доли трофеев. Все, что превышает 60 000 дирхамов, принадлежит тебе».³⁰⁶

'Умар составил опись всего имущества Халида, которое состояло в основном из доспехов и оружия, а также рабов, и нашел, что его стоимость равна 80 000 дирхамов. Он конфисковал излишек стоимостью 20 000 дирхамов. Когда это было сделано, 'Умар сказал Халиду: «О Халид! Именем Аллаха, ты пользуешься моим уважением, и я дорожу тобой. С этого дня у тебя не будет повода жаловаться на меня».³⁰⁷ Впрочем, это были пустые слова, ибо что еще он мог сделать Халиду?

Через несколько дней Халид покинул Медину, отправившись в Кинасарин, чтобы никогда больше не возвращаться на Аравийский полуостров. Как только он уехал, жители Медины явились к 'Умару и попросили, чтобы он вернул Халиду его имущество. На это 'Умар ответил: «Я не торгую тем, что принадлежит Аллаху и мусульманам».³⁰⁸ Однако после этого, согласно Табари, сердце 'Умара «избавилось от болезни» Халидом.

Очень скоро 'Умару стало ясно, что мусульмане глубоко осуждают то, как он обошелся с Халидом. Открыто говорили, что Халид пострадал из-за того, что 'Умар испытывает личную неприязнь к нему. Это всеобщее осуждение поступка 'Умара распространилось настолько широко, что халиф был вынужден написать всем своим полководцам и наместникам:

«Я смешил Халида не из-за того, что сердился на него, и не из-за того, что он совершил какой-либо недостойный поступок, а из-за того, что люди прославляли его и становились на дурной путь. Я боялся, что

³⁰⁵ Ат-Табари: т. 3, с. 168.

³⁰⁶ Там же: т. 3, с. 167.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же.

люди начнут полагаться на него.³⁰⁹ Я хочу, чтобы они знали, что все в руках Аллаха и что в стране не должно быть беды».³¹⁰

В своем письме 'Умар невольно сделал Халиду комплимент, который желал бы услышать любой полководец: его воины относились к нему почти как к богу! Однако Халид вернулся в Кинасарийн исполненным горечи. Уничтожитель отступничества, Освободитель Ирака и Сирии вернулся домой никем — отстраненным от должности и униженным. Когда жена приветствовала его на пороге, он сказал: «'Умар ставил меня над Сирией, пока она не превратилась в пшеницу и мед, а затем смешил меня!»³¹¹

Дни военных походов остались для Халида позади. Меч Аллаха — меч, который Господь направил против неверных, который Абу Bakr отказался вкладывать в ножны, — был в конце концов убран в ножны по воле халифа 'Умара.

* * *

Осталось рассказать совсем немного. После отстранения от должности Халид прожил менее 4 лет, и это были не слишком счастливые годы. Хотя он не стал бедным, ему пришлось соблюдать строгую экономию. В 15 г. хиджры 'Умар ввел институт денежных пособий всем мусульманам, причем размер пособия зависел от их статуса в Исламе и участия в войнах. Все, кто принял веру в период между Худайбийским мирным договором и отступничеством, получали ежегодное пособие 3000 дирхамов,³¹² и Халид относился именно к этой категории. Этой суммы было достаточно для того, чтобы человек и его семья могли вести скромный образ жизни, однако в случае Халида, прирожденного аристократа и человека, привыкшего просто так раздавать тысячи дирхамов, этого хватало ненадолго. Он перевез семью в Эмессу, где приобрел дом и стал доживать свои дни.

Отставка стала для Халида жестоким ударом. Но, словно и ее было недостаточно, Халид перенес еще более тяжкие утраты в период эпидемии чумы, разразившейся вскоре по его возвращении из Медины и унесшей жизни самых близких и дорогих ему людей.

Эпидемия началась в палестинском 'Амавасе в месяц мухаррам или месяц сафар 18 г. хиджры (в январе или феврале 639 г.) и стремительно распространилась по всей Сирии и Палестине, поражая как христиан,

³⁰⁹ То есть не на Бога, чтобы победить.

³¹⁰ Ат-Табари: т. 3, с. 167.

³¹¹ Ат-Табари: т. 3, с. 99.

³¹² Там же: т. 3, с. 109. Балазури: с. 437.

так и мусульман. Халиф был глубоко огорчен страданиями мусульман в Сирии, особо тревожась об Абу 'Убайде и намереваясь спасти Того, на Кого Может Положиться Народ, вызвав его в Медину. Однако Абу 'Убайда прочел намерение халифа между строк его письма и понял, что халиф задержит его в Медине до тех пор, пока эпидемия не минует. Человек, который не покидал своих солдат в гуще сражений, не собирался покидать их и во время чумы. Он отказался от поездки в Медину и поплатился жизнью за преданность своим воинам.

Во время амавасской чумы погибли тысячи мусульман, в том числе благороднейшие и наилучшие из них: Абу 'Убайда, Шурахбиль, Йазид, Диарар — ближайшие друзья Халида. И это еще был не предел его страданиям, ибо во время эпидемии он лишился 40 сыновей! Таким образом, страшная болезнь лишила Халида всех тех, кто скрашивал ему годы жизни в отставке. Мы знаем только о трех сыновьях Халида, переживших отца: Сулаймане, который погиб в бою в период заключительной фазы Египетской кампании; Мухаджире, который сражался под командованием 'Али и погиб при Сиффийне, а также об 'Абд ар-Рахмане, который дожил до почтенного возраста и, по-видимому, унаследовал полководческие таланты отца. Однако и он умер не своей смертью в 46 г., убитый пленником в период халифата Му'авийи. Хроники гласят, что убийство было спланировано Му'авийей, завидовавшим и боявшимся авторитета, которым пользовался сын Меча Аллаха. Позднее убийца пал от руки сына 'Абд ар-Рахмана, отомстившего за смерть отца. Мы не знаем, сколько у Халида было дочерей, но считается, что последним его потомком мужского пола был внук, Халид ибн 'Абд ар-Рахман ибн Халид.

После смерти трех из командующих первых военных корпусов главнокомандующим стал 'Амр ибн ал-'Ас, который немедленно рассредоточил армию в горах Сирии и Палестины. Тем самым ему удалось спасти большую часть армии, но до этого жертвами чумы стали 25 000 мусульман. Эпидемия еще не закончилась, когда 'Умар назначил 'Ийада ибн Ганама военным правителем Северной Сирии, а Му'авиййу — военным правителем Дамаска и Иордании, тогда как 'Амр остался главнокомандующим в Палестине.

Когда Абу Бакр планировал поход против отступников, он обсуждал вопросы о назначении командиров корпусов с 'Амром ибн ал-Асом. Халиф сказал: «О 'Амр, ты лучше всех арабов разбираешься в людях. Что ты думаешь о Халиде?» 'Амр ответил: «Он — повелитель войны и друг смерти. Он стремителен как лев и терпелив как кошка!»³¹³

³¹³ Иа'куби: Та'рих, т. 2, с. 129.

Однако в описываемое время человеку с таким темпераментом, как у Халида, кошачьего терпения было мало. Кошке хватает терпения потому, что она хочет поужинать своей жертвой. Если жертвы не видно, даже кошка не сможет оставаться терпеливой; а у Халида теперь не было никаких надежд, ничего такого, ради чего стоило бы терпеть. Он больше не мог участвовать в сражениях, не мог убивать врагов. В вынужденной безвестности Халид оплакивал потерю товарищей и сыновей.

Мусульманские победы продолжались. После эпидемии, в 18 г. хиджры, 'Ийад вновь вошел в Джазайру; к концу следующего года, дав несколько сражений, он захватил ее до самых северных Самсата, Амьда (ныне — Дийар Бакыр) и Битлиса. Он даже совершил успешный рейд до Малатие. (См. карту 29.) С восточного фронта приходили поистине замечательные новости. Ко времени смещения Халида Са'д ибн Абй Ваккас завоевал большую часть территории современного Ирака и части современной Юго-Западной Персии — Ахваз, Тустар, Сус. На этом фронте были достигнуты еще большие успехи, хотя последние сражения со все еще сильными персами состоялись уже после смерти Халида. В 640 г. (19 г. хиджры) Кайсария капитулировала перед мусульманами, а 'Амр ибн ал-'Ас вошел в Египет.

Подобно всем мусульманам, Халид ликовал по поводу побед Ислама, однако каждая победа также напоминала ему и о том, что он не принимал участия в этом сражении. Новости, которые он получал в Эмессе, были для него одновременно и сладостными, и горькими. Он был подобен пылкому влюбленному, который видит перед собой возлюбленную, но не может приблизиться к ней. Так прошли последние годы жизни человека, которого Гибbon в «Истории упадка и разрушения Римской империи» охарактеризовал как «...самого яростного и наиболее удачливого из арабских воителей».³¹⁴

* * *

К счастью, в отношениях между Халидом и 'Умаром произошли заметные перемены к лучшему 'Умар больше не был таким резким, порывистым, крутым человеком, как прежде. Неся на своих плечах бремя халифата, он смягчился и стал более терпеливым. 'Умар по-прежнему оставался суровым и аскетичным, но он не требовал от других того, чего не требовал от самого себя. Он был строг с сильными, добр со

³¹⁴ Хотя в некоторых источниках указывается, что Халид воевал в Джазайре под началом 'Ийада, большинство древнейших историков ссылались на другие источники, чтобы показать, что после смерти Абу 'Убайды Халид не служил под началом кого-то другого. Я считаю правильной последнюю версию.

слабыми, великодушен и щедр с вдовами и сиротами. 'Умар сидел с бедняками и по ночам часто спал на ступенях мечети. Ночью он имел обыкновение бродить по улицам Медины с кнутом в руке, и кнута 'Умара страшились больше, чем меча какого-то другого человека. Он питался подсоленным ячменными лепешками, сухими финиками и оливковым маслом и заставлял домочадцев довольствоваться тем же. Его одежда была спита из самой дешевой ткани и залатана во многих местах. Непоколебимый в своей решимости творить справедливость, он подверг бичеванию собственного сына 'Убайд Аллаха за то, что тот выпил спиртного.

Халид, у которого теперь оказалось больше времени для размышлений, видел великие добродетели и завидные качества своего старого соперника. Халид простил его. Однажды он сказал своему гостю: «Хвала Аллаху, который забрал Абу Бакра. Он был мне дороже, чем 'Умар. Хвала Аллаху, который даровал власть 'Умару. Я ненавидел его, но теперь он мне нравится». Перемены в отношении к нему были столь велики, что, умирая, Халид назначил 'Умара наследником всего своего имущества. Милосердное время залечило раны.

* * *

Халид проводил много времени в воспоминаниях о своих сражениях, как это бывает со старыми воинами. Он восстанавливал в памяти битвы и поединки, в которых его противниками были величайшие воины мира, которых он заставлял есть землю. Естественно, он гордился своими победами, но в мыслях Халида не было места ни тщеславию, ни самомнению. Он приписывал свои победы помощи Аллаха и своей красной шапке, в которую были впряжены волосы Святого Пророка. Когда Халид не вспоминал о сражениях, он думал о друзьях-полководцах — Абу 'Убайде, Шурахбилье, Йазиде, 'Амре ибн ал-'Асе, а также о таких великих воинах, как 'Абд ар-Рахман ибн Абй Бакр, Рафи' ибн 'Умайра, неподражаемый Дирап ибн ал-Азвар, чьи величайшие подвиги, как и его собственные, навсегда останутся славными страницами истории. Впрочем, в отличие от нас, он не знал, какое место принадлежало в истории ему самому.

Халид был наиболее многогранным воином в истории, настоящим военным гением. Он обладал стратегическим видением Чингисхана и Наполеона, тактическим гением Тимура и Фридриха Великого, личной силой и доблестью полулегендарного Рустама Могучего (Персия). Ни в одном другом случае история не являет нам такого количества военных достоинств, объединенных в одном лице. Халид — один из

всего двух полководцев в истории человечества, которые не знали поражений. Вторым был Чингисхан, но Чингисхан не был таким великолепным бойцом, как Халид, пусть даже его завоевания и охватили большую область земного шара. В Халиде стратегический и тактический гений сочетались с неистовостью методов. Для него сражение было не просто маневром, ведущим к военной победе, но актом беспощадного усилия, завершившегося полным подавлением противника. Маневр был лишь инструментом, позволявшим разгромить врага.

Халид был единственным человеком, одержавшим тактическую победу над Святым Пророком — в битве при Ухуде. Он был первым мусульманским полководцем, вышедшим за пределы Аравийского полуострова и победившим чужие армии; первым мусульманином, укротившим одну за другой две великие империи. Практически каждое из данных им сражений может служить примером военного руководства, особенно это относится к Ухуду, Казиме, Валадже, Мусайяхе, Аджнадайну и Йармуку. Лучшей его баталией была битва при Валадже, а величайшей, вне всякого сомнения, — битва при Йармуке.

Халид был воином до мозга костей. Он также управлял завоеванными им территориями, но это было для него неизбежной обязанностью полководца высокого ранга, которому нужно было не только завоевать территорию, но и управлять ею в качестве военного наместника. Планы и маневры Халида свидетельствуют о его высочайшем интеллекте; однако он не стремился ни к образованию, ни к культуре. Халид был цельным, настоящим, совершенным, неразвращенным солдатом чистой воды. Ему было на роду написано участвовать в великих битвах и уничтожать могущественных врагов... нападать, убивать, завоевывать, побеждать. Эта предопределенность проявилась лишь тогда, когда пришел Ислам. И она оказалась реализованной только тогда, когда он принял новую веру и последовал за Пророком. Куда бы ни шел Халид, на его пути вставали враги, словно злая судьба обрекала их на смерть от его меча. Где бы Халид ни проходил, за ним тянулся шлейф славы. За более чем 15-летний период, разделяющий битву при Ухуде и смешение Халида, полководец дал 41 сражение (не считая мелких боев), из которых 35 пришлось на последние 7 лет. И он не потерпел ни одного поражения! Таков был неукротимый, всепобеждающий Халид.

Интересно подумать о том, что было бы, если бы Халид остался командовать мусульманской армией в Сирии и был послан на завоевание Византийской империи. Поскольку Халид не проиграл ни одного

сражения, не приходится сомневаться в том, что он завоевал бы всю Малую Азию и вышел к Черному морю и Босфору. Однако этому не суждено было произойти. К концу 17 г. хиджры путь Халида завершился. После этого на сцену истории вышли другие актеры.

* * *

В 641 г. умер 'Ийад ибн Ганам. Также в этом году не стало муэдзина Билала и римского императора Ираклия, побежденного врага Халида. На следующий год настал черед Халида.

В 642 г. (21 г. хиджры) 58-летний Халид заболел. Мы не знаем, какова была природа этой болезни, но она была длительной и подорвала его силы. Как это бывает с энергичными, деятельными людьми, внезапно обреченными на бездействие, здоровье и силы Халида стремительно убывали. Эта последняя болезнь оказалась слишком сильным испытанием для него, и постель больного стала смертным одром. Халид лежал в постели, сердясь и негодуя на судьбу, которая лишила его возможности принять славную, героическую смерть на поле брани. Зная, что жить ему осталось недолго, он страдал оттого, что ему приходится ждать прихода смерти в постели.

За несколько дней до кончины Халида его навестил старый друг, который сел у его постели. Халид сбросил одеяло со своей правой ноги и сказал гостю: «Можешь найти на ней участок хотя бы размером с ладонь, на котором не было бы шрамов от ранений мечом, стрелой или копьем?»

Друг осмотрел ногу Халида и признался, что не может. Халид сбросил одеяло с левой ноги и повторил свой вопрос. И вновь друг согласился, что на ней нет даже маленького, размером с ладонь, участка, не покрытого шрамами.

Халид показал ему правую, а потом и левую руку, и аналогичный осмотр дал те же результаты. Затем он обнажил свою прежде могучую грудь, ныне такую ослабевшую, и перед его другом предстало такое зрелище, что он поразился тому, что человек, получивший такое число ранений, остался жив. Друг вновь признал, что он не может найти ни единого участка, не покрытого шрамами.

Халид был удовлетворен.

— Видишь? — настойчиво продолжал он. — Я искал мученической смерти в сотнях сражений. Почему я не погиб в бою?

— Ты не мог погибнуть в бою, — ответил его друг.

— Почему?

— Пойми же, о Халид, — объяснил ему друг, — что, назвав тебя Мечом Аллаха, Посланник Аллаха, да пребудет на нем благословение Аллаха и мир, предопределил, что тебе не суждено умереть в бою. Если бы тебя убил кто-то из неверных, это означало бы, что Меч Аллаха оказался сломанным врагом Аллаха, а этого не могло произойти.

Халид не ответил, и через несколько минут друг ушел. Умом Халид понимал логику слов своего гостя, но его сердце по-прежнему жаждало славной смерти в бою. Почему, о почему он не мог принять мученическую смерть на пути Аллаха!

На день кончины Халида его имущество состояло лишь из его доспехов и оружия, коня и одного раба — верного Хамама. В последний день своей жизни он одиноко лежал в своей постели, а погруженный в тихую печаль Хамам сидел рядом со своим прославленным хозяином. Когда сгостились сумерки, Халид произнес свои последние слова, вложив в них всю свою душевную боль:

«Я умираю, как умирает верблюд. Я умираю в постели, постыдной смертью. Глаза трусов не закрываются во сне».³¹⁵

Так умер Халид, сын ал-Валида, Меч Аллаха.

Да будет Аллах им доволен!

* * *

Новость о смерти Халида взбудоражила всю Медину. Женщины выбежали на улицы и, предводительствуемые женщинами из бану махзум, рыдали и колотили себя в грудь. 'Умар уже выслушал печальную весть, а теперь он слышал звуки рыданий. Он был страшно рассержен. Став халифом, он в первый же день своего правления запретил оплакивать умерших мусульман. И позиция 'Умара не была лишена логики. С какой стати оплакивать тех, кто отправился в рай?.., в благодатную обитель, обещанную правоверным Господом! 'Умар следил за выполнением этого приказа, порой прибегая к плетке.³¹⁶

А теперь 'Умар слышал звуки плача. Он поднялся с пола, на котором сидел у себя в комнате, схватил плетку и направился к двери. Он не допустит ослушания, нужно немедленно прекратить этот вой! 'Умар подошел к двери, но остановился. Несколько минут он в безмолвииостоял у порога, пытаясь разобраться в собственных мыслях. В конце концов, речь идет о смерти необыкновенного человека: люди

³¹⁵ Ибн Кугайба: с. 267.

³¹⁶ Ат-Табари: т. 3, с. 614.

оплакивают Халида ибн ал-Валида. Затем до него донеслись горестные стенания из соседнего дома — там смерть воина оплакивала его собственная дочь Хафиза, вдова Святого Пророка.³¹⁷

'Умар отошел от двери. Он повесил плетку на место и вновь сел. В этом случае он решил сделать исключение. «Пусть женщины бану махзум говорят об Абу Сулаймане все, что хотят, ибо они не лгут, — сказал халиф. — Те, кто плачет, оплакивают такого человека, как Абу Сулайман».³¹⁸

В Эмессе, справа от дороги на Хамах, раскинулся обширный, хорошо ухоженный сад, в котором на пересеченных дорожками лужайках растут декоративные деревья и разбиты цветочные клумбы. В верхнем конце сада находится Мечеть Халида ибн ал-Валида. Это величественная мечеть с двумя высокими минаретами, поднимающимися над ее северозападным и северо-восточным углами. Внутри мечеть просторна, площадь помещения составляет примерно 50 квадратных ярдов, пол устлан коврами, а потолок поддерживают четыре мощные колонны. Каждый из четырех углов потолка имеет вид купола, однако самый высокий купол находится в центре, он расположен довольно высоко, и с него на длинных металлических цепях свисает несколько светильников. В северозападном углу мечети стоит гробница Халида — место последнего успокоения Абу Сулаймана.

Посетитель проходит по саду, пересекает двор мечети, снимает обувь и входит под ее порталы. При входе справа от себя он видит гробницу Халида. Сама могила накрыта красивым куполообразным сооружением из мрамора, кажущимся маленькой мечетью внутри большой. При желании посетитель может произнести молитву, а затем погрузиться в думы о единственном человеке, который носил титул Меч Аллаха.

А если посетитель знает кое-что о Халиде и его военных достижениях, то он представляет себе картины атак, в которые вел своих воинов Халид. Перед его мысленным взором из-за дальнего холма возникает длинная темная линия всадников, которые во весь опор несутся в атаку на отряд римлян. Ветер развеивает плащи этих всадников, а лошадиные копыта безжалостно топчут землю. Некоторые всадники вооружены пиками, другие потрясают мечами, а римляне, оказавшиеся у них на пути, трепещут от ужаса, ибо на них несется Мобильная Гвардия, которой никто не может противостоять и которая не оставляет в живых никого, кто мог бы рассказать о

³¹⁷ Йа'куби: Та'рих: т. 2, с. 157.

³¹⁸ Исфахани: т. 19, с. 89.

случившемся. Всадники несутся в атаку неровным строем, потому что при такой бешеной скачке невозможно держать строй. Каждый всадник старается опередить товарищей и первым обрушиться на неверных, старается опередить всех кроме Предводителя, потому что никому не дозволено, да и не дано опередить Предводителя.

Предводитель несется во главе мусульман. Крупный, широкоплечий, могучего телосложения, он летит на великолепном арабском жеребце и скачет так, словно слился с ним в единое целое. Свободный конец чалмы и плащ развеиваются на ветру, ветер же прижимает к его груди большую, густую бороду. Его свирепый взор возбужденно сияет — он предвкушает бой, кровь и славу — славу, которую дает победа или мученическая смерть. Его кольчуга и железный наконечник копья поблескивают в лучах яркого солнца, а земля дрожит под ударами копыт удалого коня. Возможно, где-то рядом с ним несется молодой, стройный, обнаженный до пояса воин.

Посетитель созерцает картину мысленным взором. И внутренним слухом услышит, как перед тем как на римлян обрушится град ударов и мечи зазвенят, круша металл и плоть, из глоток правоверных вырвется сотрясающий воздух крик: «Аллаху Акбар». И еще он услышит, как, перекрывая весь этот шум, зазвучит пронзительный клич Предводителя: *Я — благородный воин, Я — Меч Аллаха, Халид ибн ал-Валид!*

Приложение А

БИБЛИОГРАФИЯ

- Иbn Хишам: Ас-Сйра ан-набавийя. Каир, 1955.
- Вакидй: Магази расул аллах,. Каир, 1948;
- Футух аш-шам. Каир, 1954.
- Иbn Са'д: ат-Табакат ал-кубра. Каир, 1939.
- Иbn Кутайба: ал-Ма'ариф. Каир, 1960.
- Йа'кубй: Та'ріх ал-Йа'куبی. Бейрут, 1960;
- Ал-Булдан. Лейден, 1892.
- Балазурй: Футух ал-булдан. Каир, 1959.
- Дйнаварй: Ахбар ат-тивал. Каир, 1960.
- Ат-Табарий: Та'ріх ал-умам ва-л-мулук. Каир, 1939.
- Мас'удй: Мурудж аз-захаб. Каир, 1958;
- Ат-Танбих ва-л-ашраф. Каир, 1938.
- Иbn Руста: А'lак ан-нафйса'. Лейден, 1892.
- Исфаханий: ал-Агани. Каир, 1905.
- Йакут: Му'джам ал-булдан, Тегеран, 1965.
- Абу Йусуф: Китаб ал-харадж. Каир, 1962.
- Edward Gibbon: Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1954.
- Alois Muzil: The Middle Euphrates. New York, 1927.

Приложение Б

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1. Благословенная Десятка (с. 37)

Этих десятерых называли *ал-'ашара ал-мубашира*, буквально: «десять, которые получили благую весть». Я образно перевел это выражение как Благословенная Десятка. Они задолго до своей смерти узнали от Пророка о том, что попадут в рай.

Для тех, кто интересуется — в десятку входили следующие мусульмане:

'Али
Абу Бакр
'Усман
Зубайр ибн 'Аввам
'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф
Са'д ибн Абу Ваккас
Талха ибн 'Убайд Аллах
Абу 'Убайда ибн ал-Джаррах Са'ид
ибн Зайд
'Умар.

Список отражает порядок обращения в Ислам. Были люди, которые приняли Ислам раньше некоторых из этих десяти (например, Зайд ибн Хариса, ставший вторым мужчиной, принявшим Ислам), однако они не вошли в число Благословенной Десятки.

Примечание 2. Халид и Йемен (с. 131)

Древние историки ссылаются на некие источники, гласящие, что Халида также посыпали в Йемен для обращения в Ислам жителей этой провинции; что он не выполнил этой задачи; что Пророк послал 'Али, поставив его командиром над Халидом и что 'Али отправился и обратил йеменцев, однако я не верю, что Халид был отправлен в Йемен ранее 'Али. Обращение Йемена было слишком большой задачей для такого новообращенного, как Халид, для этого требовался сподвижник более высокого ранга. Более того, если, как указывается, Халид не достиг успеха в Йемене, он просто был бы вынужден пролить кровь, а мы знаем, что в Йемене не было кровопролитий, совершенных Халидом. Халид вернулся из Наджрана в январе 632 г. (Иbn Хишам: т. 2, с. 594), тогда как 'Али отправился в Йемен в декабре 631 г. (Иbn Са'д:

с. 687). Таким образом, информация о том, что Халид ездил в Йемен, не может быть верной.

Возможно, близость Наджрана к Йемену стала причиной, по которой некоторые летописцы перепутали истинную миссию Халида в Наджране с якобы порученной ему задачей в Йемене.

Примечание 3. Датировка кампании против отступников (с. 216)

Мы более-менее точно знаем даты событий вплоть до создания Абу Бакром 11 корпусов в Зу Киссе включительно. После этого древние историки воздерживаются от датировки событий.

Впрочем, нам известно, что вся кампания завершилась к концу 11 г. хиджры. Мы знаем, что битва при Йамаме имела место в первой половине зимы («Наступили холода» — ат-Табари: т. 2, с. 518). Мы также знаем хронологическую последовательность описанных сражений и других событий. И у нас есть некоторые подсказки, например, что по завершении битвы А было послано подкрепление для участия в битве Б и т. д.

На основе полученной информации я вычислил приблизительные даты различных событий, описанных в этой книге, полагаясь на собственный военный опыт и здравый смысл: например, для перехода войска из пункта А в пункт Б потребовалось бы столько-то времени; подготовка к сражению заняла бы столько-то времени; для решения административных вопросов после сражения до того, как можно было бы приступить к осуществлению следующей операции, понадобилось бы столько-то времени и т. д.

Поскольку подобные оценки не могут быть абсолютно точными, я привожу датировку событий, последовавших после образования 11 корпусов, с точностью до недель, а не до дней. При этом я допускаю возможность неточностей, однако отклонения по времени, вероятно, не должны превышать примерно одной недели.

Примечание 4. План вторжения в Ирак (с. 227)

Древние историки цитируют некие источники, в которых излагается иная версия плана халифа, касающегося вторжения в Ирак. Эта версия такова:

А. Указание Абу Бакра вторгнуться в Ирак получили два полководца: Халид должен был идти с юга, через Убаллу, а 'Ияд ибн Ганам — с севера, через Мусайях. 'Ияд в это время находился где-то на севере Аравийского полуострова, между Нибаджем и Хиджазом.

Б. Хира была общей целью для обоих полководцев. Тот из них, кто дошел бы до Хиры первым, стал бы главнокомандующим, а другой — его подчиненным.

В. Затем главнокомандующему следовало оставить значительный гарнизон в Хире, превратив ее в свою базу, а с остальной армией пойти на персов в Ктесифоне, столице империи.

Я отвергаю эту версию по следующим причинам:

А. Абу Бакр, который во многом полагался на проведение Халидом основных сражений периода борьбы с отступничеством, не стал бы задумывать новую кампанию так, чтобы Халид оказался под началом неиспытанного полководца вроде Ийада ибн Ганама, который в любом случае не мог сравняться с Халидом.

Б. Абу Бакр был приверженцем принципа концентрации сил, что отчетливо видно по тому, как он вел кампанию против отступников. Маловероятно, что он изменил бы этому принципу теперь, разделив имеющиеся у него силы пополам и направив их в удаленные одна от другой области так, чтобы они не могли оказывать поддержку одна другой. Вторжение по двум направлениям, иногда желательное и разумное, в данном случае было бы грубой ошибкой, так как враг был намного сильнее и действовал по внутренним линиям. Расколопавшись на две армии, мусульмане непременно были бы разгромлены.

В. Если бы эта версия была истинной и Ктесифон действительно являлся конечной целью вторжения, Халид непременно атаковал бы его. На самом же деле благодаря Табари мы знаем, что под занавес кампании Халид хотел напасть на Ктесифон, но не сделал этого, боясь вызвать неодобрение халифа. И нигде не говорится о том, что Абу Бакр когда-либо отменял предположительно от данный им приказ о нападении на Ктесифон или же напоминал о нем Халиду.

Г. Получилось так, что Ийад завяз в Даумат ал-Джандале, откуда его позднее вызволил Халид. Если бы его целью был «Ирак с севера», у него не было бы никакой надобности ввязываться в серьезные боевые действия в этом регионе, расположенном далеко от его цели, особенно тогда, когда он мог идти к своей цели другими, более удобными, путями.

Ийад ибн Ганам действительно командовал войсковым подразделением, но численность его была невелика. Вероятно, его задачей был лишь Даумат ал-Джандал. Разумеется, у Абу Бакра могло быть намерение впоследствии отправить его в Ирак на подкрепление Халиду, ибо после Даумат ал-Джандала он действительно направился в Ирак с Халидом и служил под его началом.

Примечание 5. Битва у Реки (с. 244)

Описание данной битвы заимствовано исключительно у Табари, однако Табари указывает, что это сражение произошло у Мазара, и называет его и битвой при Мазаре и битвой у Реки (Санй). Балазури (с. 243) также упоминает о битве при Мазаре, а в хрониках Ибн Исхака и Вакиды вовсе не упоминается о событиях, происходивших в регионе Казими-Убаллы-Мазара.

Мазар, согласно Йакуту (т. 4, с. 468), находился в четырех днях пути от Басры на дороге в Васйт (основанный в 83 г. хиджры), и еще он стоял на Одноглазом Тигре. В настоящее время считается, что Мазар располагался на месте современного Азайра, находящегося на правом берегу Тигра. Азайр действительно находится в 80 милях от Басры, и это позволяет считать, что он стоит как раз на месте Мазара.

Однако необходимо отметить, что Мазар располагался примерно в 70 милях за Рекой и в 25 милях за Евфратом. Таким образом, до него невозможно было добраться, не позаботившись о лодках для переправы через реки, однако нет никаких упоминаний о том, что по дороге в Мазар Халиду пришлось переправляться через какую бы то ни было реку. Операция по подготовке лодок для переправы целой мусульманской армии с неизбежностью должна была привлечь к себе внимание историков, как это было в случае с использованием Халидом лодок после Уллайса, а такое событие, как переправа через Евфрат, не могло пройти незамеченным для авторов хроник.

Я считаю, что Халид никогда не пресекал эту реку. Ни один арабский полководец (разумеется, тех времен) не стал бы переправляться через крупную реку и идти далеко за нее, оставляя позади себя крупное препятствие, отделяющее его от пустыни, тогда как мощные силы врага могли свободно атаковать его с тыла. Особенно в том случае, если врагом были могущественные имперские персы.

Пустынная стратегия Халида и других арабских полководцев после него основывалась на принципе нахождения неподалеку от окраин пустыни. Более того, поскольку целью Халида была Хира, его переправы через Реку и Евфрат, необходимые для того, чтобы углубиться в центральную часть Ирака, были бы бессмысленными, так как вынудили бы его отклониться от цели. Поэтому, с моей точки зрения, это сражение было лишь битвой у Реки, но не битвой при Мазаре.

Примечание 6. Местоположение Ханафиса и т. д. (с. 292)

Нельзя с уверенностью сказать, где именно располагались Ханафис, Хусайд, Мусайях, Санй и Зумайл, и я допускаю ошибки в проведенной мной реконструкции географии этой операции. Ниже приводятся содержащиеся в исторических документах указания на положение этих географических объектов.

Ханафис. Согласно Иакуту (т. 2, с. 473), этот населенный пункт находился рядом с Анбаром и в окрестностях Бардана. В одной части своей книги (с. 309) Музиль высказывает предположение, что он находился западнее Евфрата, однако в других местах сообщает, что он стоял на месте современного Казимайна, в 5 милях выше Багдада, указывая, что Бардан представлял собой район в 4 лигах от Багдада.

Я помещаю Ханафис однозначно западнее Евфрата (хотя о его точном местонахождении приходится гадать), основываясь на следующих указаниях Табари и географических привязках:

А. Табари утверждает (т. 2, с. 580), что Халид вышел из Хиры по дороге на Ханафис и догнал Ка'ка' и Абу Лайлу в 'Айн ат-Тамре. Если бы Ханафис находился восточнее Евфрата, 'Айн ат-Тамр никак бы не мог находиться на пути к нему.

Б. В 13 г. хиджры Мусанна хотел напасть на Багдад и Ханафис из Уллайса (Ат-Табари: т. 2, с. 655-656), и проводники сказали ему, что между этими городами 2 дня пути и что Халид доберется туда быстрее. Мусанна направился к Ханафису «по сушем», а затем двинулся на Анбар. Таким образом, если бы Ханафис находился в окрестностях или неподалеку от Казимайна, он не мог бы находиться в 2 днях пути от Багдада и до него нельзя было бы добраться «по сушем».

Я отождествляю Бардан с Вади ал-Гадаф, который также именуется Вади-уль-Бурдан и находится в 25 милях севернее 'Айн ат-Тамра. Если когда-то и существовал населенный пункт под названием Бардан или Бурдан, его больше нет, но по *вади* можно предположить, где именно он мог находиться. Это подтверждается утверждением Табари (т. 2, с. 581) о том, что во время марша из 'Айн ат-Тамра на Мусайях Халид прошел мимо Бардана. Я поместил Ханафис немного севернее *вади*.

Хусайд. Йакут (т. 2, с. 281) упоминает ее как небольшую долину между Куфой и Сирией. Поэтому очевидно, что она находилась западнее Евфрата, но, должно быть, восточнее Ханафиса, учитывая направление отступления Махбузана. Если бы Ханафис располагался восточнее, Махбузан должен был бы отступать на Ктесифон, а не на Мусайях. Музиль также (с. 309) указывает, что Хусайд находилась западнее Евфрата, но ее точное местоположение не определено.

Мусайах. Йакут (т. 4, с. 560) называет это место холмом в Наджде, находящимся на берегу Вади ал-Джарийб в районе Раби'a, одного из иракских племен таглибской группы. (Наджд означает высокое плоскогорье, и это был не тот Наджд, который находился на Аравийском полуострове.) Табари (т. 2, с. 580) указывает, что она находилась между Хауроном и Кфлтом. Музиль (с. 303) указывает, что она располагалась в 'Айн ал-Арнабе, в 270 километрах от Хйры и 115 километрах к северо-западу от Анбара и 75 километрах к югу — юго-востоку от Аклат Хаурон. 'Айн ал-Арнаб в настоящее время находится в 25 милях к западу от современного Хита. Ввиду отсутствия каких-либо иных указаний я считаю его Мусайах.

Санй и Зумайл. И Йакут, и Табари (и Музиль, который следует в этом отношении за Йакутом) заметно ошибаются в своих указаниях. Йакут (т. 1, с. 937) помещает Санй восточнее Рисафы, а Зумайл — в окрестности Башара, восточнее Рисафы и восточнее Евфрата. Табари (т. 2, с. 582) также указывает, что они находились восточнее Рисафы. Рисафа находится в Сирии, к северу — северо-востоку от Пальмиры и в 15 милях к югу от Евфрата. Музиль (с. 312) указывает, что оба поля сражения находились у подножия гор гряды Бисри, проходящей северо-восточнее Пальмиры, и считает Башар другим названием Бисри.

Я категорически отрицаю подобную географическую привязку. Невозможно представить, чтобы Халид заставил свое войско пройти 250 миль от Мусайаха (удалившись примерно на 400 миль от базы в Хйре и затратив на это недель шесть) только для того, чтобы разделаться с двумя сосредоточениями арабов, которые никак его не беспокоили. Более того, гряда Бисри и Рисафа находились в глубине Сирии, и нельзя всерьез рассуждать о том, что Халид мог позволить себе так вольно отнести к указаниям халифа, которые предписывали ему действовать на территории Ирака.

Я обнаружил Зумайл. На некоторых картах он обозначен как город-руина в 35 милях к северо-западу от 'Айн ат-Тамра, расположенный на берегу Вади Зумайл. На карте с миллионным масштабом (Геодезическое управление военного и военно-воздушного министерства, Лондон, 1962) он обозначен как Сумайл, и это гораздо более основательная географическая привязка. Санй, должно быть, находился между этим населенным пунктом и Мусайахом, и я указал ее на карте 14 в 25 милях к северо-западу от Зумайла. (Возможно, я ошибся на несколько миль, но не более того.)

Разумеется, возможно, что где-то в Западном Ираке существовала и другая Рисафа. В этом случае информация, приводимая Йакутом и Табари, могла бы оказаться правильной.

Примечание 7. Датировка Иракской кампании (с. 295)

Даты некоторых сражений приводятся в их древних описаниях, однако датировка других баталий в них отсутствует. Мы знаем, что марш Халида из Йамамы и битва при Казиме произошли в месяц мухаррам; битвы у Реки, при Валадже и Уллайсе — в месяц сафар; что Хира была завоевана в месяц рабй' ал-аввал. Мы также знаем приблизительную дату прибытия Халида в Фираз и точную дату битвы за Фираз.

Даты остальных сражений, от Анбара до Зумайлы, не приводятся. Я получил эти даты, полагаясь на соображения военного характера, как и в случае изучения кампании против отступников. А поскольку эти даты приблизительные, я указываю не дни, а недели.

Примечание 8. Верблюд и вода (с. 304)

Древние авторы рассказывают, что перед началом данного перехода множеству верблюдов дали вволю напиться воды, которую они запасли в своих внутренностях. Затем, во время марша, этих животных убивали по несколько голов в день и поили коней водой из их внутренностей. Это старинная легенда, которой, как ни странно, верят и в наши дни. На самом деле у верблюда нет никакого резервуара для переноски воды. Дело в том, что мышечная ткань верблюда удерживает больше воды, чем у других животных, позволяя верблюду обходиться без воды дольше других животных и не страдать от обезвоживания. Легенда о запасе воды внутри верблюда, которым может воспользоваться всадник в случае крайней нужды, — это всего лишь легенда!

Примечание 9. Маршрут Опасного Броска (с. 306)

Некоторые современные авторы трактуют маршрут Халида как южный, то есть проходящий через Даумат ал-Джандал. Согласно этой версии, Халид прошел из Хиры на Даумат ал-Джандал, а затем — на Куракир (такой населенный пункт есть, и находится он примерно в 70 милях к северо-западу от Даумат ал-Джандала). Оттуда он совершил опасный марш по непроторенной дороге через пустыню и вышел в Восточную Сирию.

Действительно, некоторые древние авторы упоминают Даумат ал-Джандал. Балазури упоминает Даумат ал-Джандал как стадию после Арака, но до Тадмура, что явно не соответствует действительности. Табари цитирует некий источник, согласно которому из Хиры Халид

направился в Куракир через Даумат ал-Джандал, хотя в своем главном описании перехода он вообще не упоминает Даумат ал-Джандал. Вакиди и Йакуби в своих описаниях этого маршрута полностью умалчивают и о Даумат ал-Джандале, и о Куракире.

На самом деле некоторые из древних повествователей путают данный переход с операциями Халида против Даумат ал-Джандала, описанными в части III настоящего издания. Они даже утверждают, что именно во время этого перехода Халид захватил Даумат ал-Джандал, но это не так.

Оперативным условием, изложенным Абу Бакром в письме Халиду, был стремительный переход. Халид не мог бы выполнить это условие, если бы пошел через Даумат ал-Джандал, так как дорога заняла бы слишком много времени. А если бы он все же пошел через Даумат ал-Джандал, то почему тогда не воспользовался прямой караванной дорогой в Сирию и не соединился с мусульманскими войсками, дислоцированными в районе Буеры и Джабийи? На этом пути не было врагов, которых, как мы отмечали, он опасался. С какой стати ему было рисковать гибелью целой армии при переходе через неожженую безводную пустыню, если он проходил всего в 20-30 милях восточнее главного караванного пути? И зачем ему было проходить мимо мусульманских войск, с которыми ему было поручено соединиться и которые он должен был взять под свое начало, идти вглубь вражеской территории в Восточной Сирии, а затем с боями вновь пробиваться назад на соединение с мусульманами? В этом нет логики.

Кроме того, согласно как Табари (т. 2, с. 601), так и Балазури (с. 118), Халид выступил из Хйры на Куракир, двигаясь через Сандуду и Мусайях. Оба эти места находятся северо-западнее Хйры, а расстояние до Мусайаха составляет около 200 миль. С какой стати Халиду совершать этот дополнительный переход в северо-западном направлении, чтобы затем вновь повернуть на юг и направиться в Даумат ал-Джандал? В этом логики еще меньше!

Правильное описание маршрута в общих чертах приводят Вакиди и Йа'куб, а также Табари, если не считать его мимолетного упоминания о неком источнике, согласно которому путь Халида пролегал через Даумат ал-Джандал. Маршрут, описанный мной, то есть ведущий прямо из Ирака в Сирию, представлял собой кратчайший путь, и последующие за его вторжением в Сирию операции Халида в Восточной Сирии служат подтверждением правильности установления этого маршрута. Итак, четкие указания, свидетельствующие в пользу этого маршрута, следующие:

А. Страх Халида быть задержанным римскими гарнизонами (ат-Табари: т. 2, с. 603).

Б. Упоминание Вакиди о том, что Халид прошел по «стране Самаве», находящейся в Бадийат аш-Шам (Сирийской пустыне), занимающей Западный Ирак и Юго-Восточную Сирию (Вакиди: с. 14).

В. Заявление Табари о том, что под конец марша Халид пересек границы Рима и оставил позади римские гарнизоны, служившие защитой от угрозы со стороны Ирака.

Г. То, что Мусанна ехал вместе с Халидом до Куракира, чего он не стал бы делать, если бы тот находился на границах Северо-Западной Аравии.

Хотя общую схему маршрута можно установить на основе исторических повествований, никто не может с полной уверенностью сказать, по какому именно пути шел Халид. Путь, предложенный мной в этой книге, правilen лишь в общих чертах и может отклоняться от истинного маршрута на несколько миль. Ниже приводятся некоторые подсказки, которыми я воспользовался.

Арак существует в Сирии и в наши дни, находясь примерно в 20 милях к северу — северо-востоку от Пальмиры. Сува находилась в одном дне пути от Арака, а источник — в одном дне пути от Сувы. Таким образом, источник находился примерно в 50 милях от Арака, то есть в окрестностях современного Би'р Варйда. Куракир находился в 5 днях пути от источника, то есть в 100-150 милях от него. Это позволяет нам определить область, в которой находился Куракир. Разумеется, этого Куракира не существует в наши дни, и никто не может сказать, где именно он находился, но, согласно Иакуту (т. 4, с. 49), это была долина и водопой бану калб в Самаве, а земля Самава, как было указано выше, является частью Сирийской пустыни. Таким образом, этот Куракир, вне всяких сомнений, располагался в Западном Ираке, а не в Северо-Западной Аравии.

В Западном Ираке находятся развалины нескольких древних городов и крепостей, четко показанных на археологической карте Ирака, подготовленной Иракским главным управлением по делам древностей. Западнее Мусайах находятся Каср ал-Хуббаз, Каср 'Амидж и Каср Мухайвир, причем последний расположен в 120 милях от Мусайаха, и хотя эти развалины относятся к Парфянскому периоду, считается, что они существовали как водопои для караванов вплоть до мусульманского периода включительно. Должно быть, Халид двигался по этому маршруту до начала Опасного Броска, я помешаю Куракир рядом или поблизости от Каср Мухайвира, на Вади Хаурен. Это место находится

в 120 милях от источника, что в те времена равнялось примерно пяти дневным переходам.

Примечание 10. Битва на Мардж ас-Суффар (с. 346)

В своем повествовании Вакиди ни слова не говорит о битве на Мардж ас-Суффар. Йа'куби (т. 2, с. 139) и Балазури (с. 125) упоминают об этой битве как об имевшей место до завоевания Дамаска.

Как ни странно, Вакиди описывает две осады Дамаска, первая из которых была быстро снята, тогда как другие историки упоминают только одну осаду, завершившуюся успехом. Согласно Вакиди (с. 18), Халид вышел к Дамаску с северо-востока, после битвы за Буеру, дал бой Ададиру и Кулусу, вышедшим из Дамаска, чтобы сразиться с ним на открытой местности, а затем осадил Дамаск (с. 21). Однако вскоре после этого он снял осаду и пошел на Аджнадайн, чтобы сразиться с Варданом.

Гиббон поддерживает эту версию Вакиди, однако она не представляется удовлетворительной. В контексте миссии, возложенной халифом на Халида, согласно которой он должен был быстро принять командование над мусульманскими войсками в Сирии и сражаться с римлянами (наиболее угрожающая концентрация которых была достигнута в Аджнадайне), такое действие не представляется разумным. Невозможно представить, чтобы Халид сначала подошел к Дамаску с северо-востока и совершил рейд на Мардж Рахит; затем прошел, минуя Дамаск, на Буеру и взял ее; затем вновь вышел к Дамаску с северо-востока, сразился с Азазиром и Кулусом и осадил город; затем снял осаду и пошел к Аджнадайну.

Однако описанные Вакиди события, относящиеся к сражению с Азазиром и Кулусом, имели место в действительности и излагаются правильно. Поэтому я решил, что они происходили до одной-единственной осады и представляют собой битву на Мардж ас-Суффар.

Примечание 11. Дата завоевания Дамаска (с. 371)

Древнейшие и практически все последующие историки датируют падение Дамаска месяцем раджаб 14 г. хиджры (сентябрь 635 г.). Вакиди — единственный из древних авторов, кто датирует это событие годом ранее, то есть месяцем раджаб 13 г. хиджры, и я считаю эту датировку правильной. На это указывают многие приводимые в древних хрониках факты, большинство из которых связаны с кончиной Абу Бакра, последовавшей 22 дня месяца джумада-л-ахира 13 г. хиджры, то есть за месяц до взятия Дамаска и отстранения Халида от командования армией 'Умаром.

Письмо, посланное 'Умаром Абу 'Убайде с информацией о назначении последнего главнокомандующим, Абу 'Убайда получил в разгар великого сражения и утаивал его содержание от Халида до тех пор, пока сражение не завершилось победой мусульман. Речь не может идти о битве при Аджнадайне, которая произошла — и в этом все единодушны — в месяц джумада-л-ула 13 г. хиджры. Некоторые авторы цитируют источники, гласящие, что событие произошло под Йакусой. Однако это не может быть правдой, потому что битва под Йакусой продолжалась всего один день. Те, кто считает, что битва при Йармуке состоялась в 13 г. хиджры, утверждают, что Абу 'Убайда получил это письмо во время этого сражения. Это также является ошибкой, так как битва при Йармуке состоялась в 15 г. хиджры.

Все древние историки цитируют некие источники, утверждающие, что письмо попало к Абу 'Убайде, когда мусульмане осаждали Дамаск, и он утаивал его содержание от Халида до тех пор, пока город не капитулировал. С моей точки зрения, это правильно, а если так, то Дамаск не мог пасть в месяц раджаб 14 г. хиджры, потому что едва ли возможно представить, что известие о замене главнокомандующего могло утаиваться от мусульман в течение целого года. Его можно было утаить на несколько недель, разумеется, не дольше чем на месяц, — и я счел, что дело обстояло именно таким образом.

Договор с жителями Дамаска был подписан Халидом в качестве мусульманского полководца и засвидетельствован Абу 'Убайдой. Столетие спустя этот договор видел сам Вакиди. Невозможно, чтобы Халид подписал данный договор через год после его отстранения от командования, тогда как настоящий главнокомандующий, Абу 'Убайда, лишь засвидетельствовал его.

Согласно Вакиди (с. 62), мусульмане приняли у жителей Дамаска присягу на верность 'Умару 3 дня месяца ша'бан 13 г. хиджры, когда осада Дамаска была завершена. И это случилось после возвращения Халида из рейда на Мардж ад-Дибадж, который имел место после падения Дамаска.

Еще один момент: битва при Фахле, по единодушному мнению историков, состоялась в месяц зу-л-ка'да 13 г. хиджры, и все историки цитируют некие источники, гласящие, что это сражение произошло после завоевания Дамаска.

Что касается продолжительности осады Дамаска, данные историков расходятся. Приводятся такие сроки, как год, 6 месяцев, 4 месяца и 70 дней. Я считаю, что осада продолжалась около месяца. Она не могла быть слишком долгой, так как в противном случае Ираклий предпринял бы дополнительные попытки помочь осажденному

гарнизону. Если Ираклий сумел собрать новую армию для битвы при Фахле (она состоялась в месяц зу-л-ка'да 13 г. хиджры), то он, вне всяких сомнений, направил бы такую же армию на помощь Дамаску, если бы его осада продолжалась и в то время. В любом случае, гарнизон и столь многочисленное население не смогло бы долго протянуть на продовольствии, запасенном за 3 недели между битвой при Аджнадайне и началом осады. И в этом случае версия Вакиди представляется наиболее последовательной.

Учитывая все вышесказанное, мы должны прийти к выводу, что Дамаск пал через месяц после начала осады и что это произошло примерно 20 дня месяца раджаб 13 г. хиджры.

Примечание 12. Йармук — численность сторон (с. 438)

Высказываются различные суждения по поводу численности обеих армий, участвовавших в сражении при Йармuke. Как часто бывает в подобных случаях, возникла тенденция преуменьшать собственные силы и преувеличивать численность врага.

Давайте сначала разберемся с численностью римлян. Мусульманские историки приводят следующие данные о ней:

а) Табари в одном месте (т. 2, с. 598), приводя основное описание хода сражения, оценивает численность римского войска в 200 000 человек. В другом месте (т. 3, с. 74) он приводит сведения о том, что Ибн Исхак определял ее в 100 000 человек, из которых 12 000 составляли армяне и 12 000 — арабы-христиане.

б) Балазури (с. 140) оценивает численность римлян в 200 000 человек.

в) Вакиди (с. 107) увеличивает численность римских воинов до фантастической цифры, но приведенная им численность римлян, скованных цепями (30 000, с. 139), представляется вполне убедительной.

Что касается западных авторов, то Гибbon (т. 5, с. 325), заимствуя данные из ранних византийских источников, оценивает численность римлян в 140 000 человек, из которых 60 000 составляли арабы-христиане.

Обе стороны допускают явные преувеличения, но западные авторы все же скромнее, поскольку византийцы были лучше осведомлены о численности собственного войска, чем их противники. Мы отбросим цифру 200 000 как неправильную. Такую огромную армию просто невозможно было бы использовать на поле боя, а проблемы, связанные с концентрацией, передислокацией, снабжением оружием и продовольствием такого войска, учитывая относительно примитивные

средства связи того времени, были бы такими масштабными, что любой кадровый офицер, если бы ему дали подобное поручение, немедленно бы вышел в отставку! Это соображение более очевидно для человека, привыкшего мыслить по-военному, чем для гражданского читателя.

С западной стороны также прослеживается стремление преумножить численность римского войска, особенно его европейской составляющей, — возможно, отчасти по причинам расовой гордыни. Абсурдно утверждать, что арабская часть войска составляла чуть ли не 60 000 человек. Едва ли одни сирийские арабы могли бы собрать такое многочисленное войско, тогда как все мусульманское государство, в состав которого входили Аравия, Йемен, Ирак и государства Персидского залива, смогло выставить лишь 40 000 человек. Потому, вероятно, перед нами лишь попытка переложить ответственность на арабов. Следует отметить, что если Гибbon оценивает долю арабов-христиан в армии в 40 процентов, Ибн Исхак (один из надежных источников) оценивает ее всего в 12 процентов.

Допуская преувеличения с обеих сторон, я полагаю, что римская армия состояла из 150 000 человек. Невозможно определить, какова была численность каждого из ее контингентов, но, в условиях отсутствия каких бы то ни было данных, я предположил, что каждая из 5 армий римского войска при Йармуке (в том числе армия арабов-христиан Джаблы) составляла примерно одну пятую численности всего римского войска. Разумеется, такое допущение не исключает возможности некоторой ошибки.

Что касается численности мусульман, то Табари в одном месте (т. 2, с. 592) дает цифру 40 000 плюс резерв из 6000 человек. В другом месте (т. 3, с. 74) он цитирует Ибн Исхака, утверждающего, что мусульман было 24 000 — против 100 000 римлян. Балазури (с. 141) соглашается с Ибн Исхаком, а Вакиди (с. 144) оценивает численность мусульман в 41 000.

Сомневаюсь, что численность мусульманских воинов могла превышать цифру, приведенную Вакиди, и, корректируя данные Балазури и Ибн Исхака, оцениваю численность мусульман в 40 000 человек, то есть так же, как Табари, но без резерва. При этом получается, что на одного мусульманина приходилось четыре врага.

Примечание 13. Поле битвы при Йармуке (с. 438)

Древние историки не дают точных указаний о том, где состоялась битва при Йармуке, в результате среди более поздних авторов возник

спор по этому поводу. Некоторые определяют фронт боевых действий по самой реке Йармук, другие указывают, что он проходил немного южнее Йармука, а третья считают, что он проходил восточнее Йармука. Рассмотрим все три теории по порядку.

Ни одно сражение не могло вестись так, чтобы фронт проходил по реке Йармук. Я описал ущелье, и одного взгляда на него достаточно, чтобы согласиться с этим. Кавалерия просто не может пересечь эту теснину, а пехота может передвигаться по нему только вереницей, тщательно выбирая места спуска и подъема и огибая обрывы. Это исключено!

Сражение к югу от реки — при таких его масштабах — также исключено. Земля там каменистая, по сторонам от нее находятся отвесные берега *vadi*, впадающих в Йармук, и на такой местности возможны лишь мелкие боестолкновения и стычки. Это место не подходит под данное Халидом описание — «равнина, пригодная для кавалерийской атаки». Кроме того, если бы сражение проходило южнее Йармука, римляне были бы сброшены в Йармук, а не в Вади ар-Раккад, но этого не случилось.

Что касается сражения восточнее Йармука, то там местность позволяет дать крупное сражение, так как представляет собой открытую равнину севернее Дар'a. Но в древних источниках нет ни единого указания на то, что здесь разыгралось сражение. На самом деле есть данные, свидетельствующие против этого, ибо, как указывается ниже, они свидетельствуют в пользу описанного мной поля битвы. Кроме того, Вади ар-Раккад находится слишком далеко от равнины восточнее Йармука (в более чем 20 милях от того места, где должен был находиться левый фланг римлян), чтобы Халид мог обойти римлян слева, разгромить их на их позициях, отогнать их к ар-Раккад, а затем уничтожить их, и все это — за одно контрнаступление.

Теперь обратимся к реконструированному мной полю битвы. В пользу данной версии говорят следующие бесспорные факты:

а) Халид посоветовал Абу 'Убайде — и его совет был принят — поставить войско так, чтобы за ним находилась Адра. Это означает, что войско стояло лицом примерно на запад.

б) Заняв позиции, Абу 'Убайда написал 'Умару, что их армия стоит «на Йармuke, рядом с Джаяланом» (Вакиди: с. 118).

в) Римский лагерь находился у Джаялана, который расположен между ар-Раккадом, Тивериадским озером и территорией севернее него. И это было в нескольких милях от мусульманского лагеря, расположенного немного восточнее проведенной мною линии фронта.

г) Гора Саман, что в 3 милях к юго-западу от современной Навы, в настоящее время называется гора Джуму' (собрания), потому что, согласно местной легенде, на ней собралась часть армии Халида. Это — четкое указание на линию фронта, поскольку в большинстве арабских стран такие легенды с древнейших времен бережно передаются из поколения в поколение.

д) Завершившийся у Вади ар-Раккад маневр мог быть осуществлен во времени и пространстве в ходе однодневного контрнаступления только из центра или западно-центральной части равнины Йармук.

е) Фронт не мог проходить еще восточнее, потому что в этом случае мусульмане находились бы на Йармуке, который начинается у Джаллина, за которым я разместил левое крыло мусульман. Кроме того, обходной фланговый маневр Диара в ночь на последний день битвы был бы невозможен, если бы мусульманская армия находилась за 20 миль от этого места.

Поэтому линия фронта должна была проходить именно так, как она была описана в главе, посвященной Йармуку. Погрешность не может превышать одной мили, за исключением горы Джуму', которая точно находилась в руках мусульман.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Предисловие к русскому изданию
Предисловие к первому изданию
Предисловие ко второму изданию
Примечание по поводу арабских имен
Часть I. ВО ВРЕМЕНА ПРОРОКА
Глава 1. Детство
Глава 2. Новая религия
Глава 3. Битва при Ухуде
Глава 4. Битва у Рва
Глава 5. Обращение Халида
Глава 6. Му'та и меч Аллахд
Глава 7. Открытие Мекки
Глава 8. Битва при Хунайне
Глава 9. Осада Та'ифа
Глава 10. Приключение в Даумат ал-Джандале
Часть II. ВОЙНЫ С ОТСТУПНИКАМИ
Глава 11. Тучи сгущаются
Глава 12. Абу Бакр наносит удар
Глава 13. Самозванец Тулайха
Глава 14. Ложные боги и богини
Глава 15. Конец Малика ибн Нувайры
Глава 16. Битва при Йамаме
Глава 17. Разгром отступничества
Часть III. ОТКРЫТИЕ ИРАКА
Глава 18. Столкновение с Персией
Глава 19. Битва цепей
Глава 20. Битва у реки
Глава 21. Ад у ал-Валаджи
Глава 22. Кровавая река
Глава 23. Открытие Хиры
Глава 24. Анбар и 'Айн ат-Тамр
Глава 25. Снова Даумат ал-Джандал
Глава 26. Последнее сопротивление
Часть IV. ОТКРЫТИЕ СИРИИ
Глава 27. Опасныйбросок
Глава 28. Дальше в Сирию
Глава 29. Битва при Аджнадайне
Глава 30. Открытие Дамаска
Глава 31. Жестокий удар

Глава 32. Битва при Фахле
Глава 33. Завоевание Эмессы
Глава 34. Канун Йармука
Глава 35. Йармук
Глава 36. Окончательная победа
Глава 37. Прощай, оружие
Приложение А. Библиография
Приложение Б. Примечания
Приложение В. Указатель

اللهم إني أسألك فتوحات عزت بها سروراً

Этой книгой может воспользоваться и верующий, и неверующий, и человек военный, и преподаватель истории, и студент, и школьник — каждый, кто изучает историю, военное искусство, хочет узнать о причинах побед и поражений в прошлых войнах. Несомненно, эта книга дает ответы и на многие другие вопросы из области военной истории. ОНА КАК БЫ ЯВЛЯЕТСЯ ЕЕ СВОЕБРАЗНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ. Это, можно сказать, популярное и масштабное исследование военной истории раннего Ислама. Мусульманская история полна великих военных достижений и славных воинских подвигов. В истории военного искусства есть мало сражений, которые своим блеском и победоносностью могли бы сравниться с битвами за Ислам; мало военачальников, которые бы превосходили мужеством и умением одаренных мусульманских полководцев.

Спрашивается, что могут сделать три тысячи воинов против ста пятидесяти тысяч?

Халид ибн ал-Валид был одним из самых блестящих военачальников. Взяв знамя, он целый день упорно сражался. А на следующий день изменил боевой порядок войска, сделав арьергард авангардом, правый фланг — левым, а левый — правым. Неприятель решил, что к мусульманам подошло подкрепление. Его охватил страх. Затем Халид стал постепенно отводить армию назад, пока не вывел ее за Му'ту. Там он обосновался и в течение 7 дней беспокоил противника постоянными вылазками. Неприятель подумал, что Халид хочет заманить его в пустыню, где ему с ним не справиться, и остановился. Битва закончилась. На языке военной тактики это означало победу мусульман, поскольку их войско было спасено от гибели.

С этой войны армия вернулась домой, понеся минимальные возможные потери. Когда воины вошли в город, некоторые мусульмане стали дразнить их, называя «бежавшими». Но Пророк ﷺ поправил их. «Отошедшие», — сказал он. Затем Посланик Аллаха сказал:

«Халид ибн ал-Валид — меч из божественных мечей».

ISBN 978-5-88503-833-1

9 785885 038331

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДИЛЯ
www.islam.dilya.ru